

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ФЛАГМАНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Н.В. СКРИЦКИЙ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Н.В. СКРИЦКИЙ

**ФЛАГМАНЫ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО**

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО **ЕРМАК**
Москва
2004

УДК 355/359(47)(092)
ББК 68.54(2)-8
С45

Серия основана в 1998 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 04.12.03. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 29,40. Тираж 5 000 экз. Заказ № 2119.

Скрицкий Н.В.

С45 Флагманы Петра Великого / Н.В. Скрицкий. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 557, [3] с.: 32 л. ил. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5-17-018812-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9577-0198-X (ЗАО НПП «Ермак»)

В данной книге представлены биографические очерки о первых российских адмиралах, сподвижниках Петра I, с именами которых связано создание и становление отечественного флота. Объединяет все очерки личность Петра Великого — монарха, флотоводца, кораблестроителя.

Книга дает достаточно полное представление о морской истории России Петровского времени.

Предназначается для широкого круга читателей, интересующихся историей отечественного флота.

УДК 355/359(47)(092)
ББК 68.54(2)-8

© Н.В. Скрицкий, 2004
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

История флота — это прежде всего история тех, кто проектировал и строил корабли, водил их в море, сооружал порты и каналы, разрабатывал тактические приемы, изобретал новые инструменты и двигатели, дарил человечеству открытые земли и моря.

Нередко на флоте от одного-единственного человека зависела судьба корабля или целой эскадры. В первую очередь это относится к флагманам, адмиралам — наиболее опытным морякам, благодаря своим способностям или счастливому случаю получившим право решать вопрос жизни и смерти тысяч человек, оказавшихся под их командованием. Как правило, флагманами не становились сразу. Адмиралы в большинстве своем проходили всю иерархию чинов, и их биографии — это, в сущности, картина жизни флота определенного времени.

Начиная со времен Петра I, когда в России появился регулярный флот, в нем были приняты те же чины флагманов, что и во флотах Западной Европы: адмирал, вице-адмирал и контр-адмирал (последний чин в русском флоте первоначально именовали шаутбенахтом, или арир-адмиралом). Кроме того, в ходе Северной войны появился чин генерал-адмирала, равный фельдмаршальскому. Первым российским генерал-адмиралом в 1708 г. стал Ф.М. Апраксин. В Табели о рангах чин генерал-адмирала относился к первому классу; чин адмирала, как и полного генерала, — ко второму; вице-адмирала, как генерал-поручика или генерал-лейтенанта, — к третьему; контр-адмирала, как генерал-майора, — к четвертому. Все эти чины без изменений сохранились до 1917 г.

Невозможно написать биографии всех корабелов и моряков, создававших флот и управлявших судами. Это и не нужно. Чтобы понять ход развития флота этап за этапом, год за годом, достаточно иметь дело с биографиями как выдающихся, так и типичных представителей адмиралитета. Среди адмиралов встречаются и передовые, вошедшие в историю новациями в науке, технике, тактике, отмеченные славой побед, и другие, тянувшие свою лямку, выполняя обычные обязанности, без которых, однако, не могли существовать морские силы. Сочетание достоверных жизнеописаний тех, кто руководил флотом на различных этапах его истории и в различных должностях, может дать объяснение многому из того, что происходило с морским флотом России.

Известные полководцы (А.В. Суворов, Наполеон Бонапарт) в молодости читали жизнеописания прославленных воителей прошлых веков и на их примерах учились науке побеждать. Нередко прочитанное определяло судьбу молодого человека, избирающего дело на всю жизнь. Очевидно, что жизнеописания адмиралов, различные детали их службы и судьбы очень важны для тех, кто предпочел для себя морскую стезю. Но насколько велики возможности современного молодого читателя ознакомиться с их биографиями? Если обратиться к библиографии, можно установить, что морякам не очень-то повезло по сравнению с другими профессиями.

Еще в XVIII столетии в России начали собирать списки кораблей и моряков, в первую очередь флагманов, чтобы потомки не забыли, с чего начинался российский флот. Но занимались этим урывками. В частности, после смерти генерал-адмирала Ф.М. Апраксина его обширный архив был свален в амбар. Только в 1745 г. С.И. Мордвинову поручили его разобрать [44. Ч. 1. С. 256]. С изучения этого богатейшего архива и началось серьезное исследование истории русского флота и его создателей.

В 1762 г. появилось «Собрание списков, содержащее имена всех служивших в российском флоте с начала оногo флагманов, обер-сарваеров и корабельных мастеров...», составленное капитаном 2-го ранга И.Л. Голенищевым-Куту-

товым [63. Вып. 1. С. 201]. Более полувска потребовалось после этой первой публикации, чтобы кто-либо серьезно занялся биографиями людей, в этих списках указанных.

В первой половине XIX в. В.Н. Берх издал четырехтомник «Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота» (СПб., 1831) [4] и другие биографические работы, основанные на документах. Несмотря на недостатки, труды Берха заложили базу для изучения биографий ряда флагманов, начинавших службу еще при Петре I. Они остаются в числе важнейших источников по отечественной морской истории. Их дополняют, хотя и с разночтениями, подготовленные Д.Н. Бантыш-Каменским жизнеописания выдающихся российских деятелей, среди которых были и флотоводцы [2, 3].

Через столетие после Голенищева-Кутузова И.Н. Божерянов опубликовал уточненный список адмиралов под названием «Список генерал-адмиралам, генерал-фельд-маршалу и адмиралам русского флота с его основания до настоящего времени» (СПб., 1872). Божерянов распределил адмиралов по высшим рангам, которых те достигли (генерал-адмиралы, адмиралы, вице-адмиралы и контр-адмиралы), причем внутри каждого списка фамилии распределены в хронологическом порядке получения чинов. Недостатком списка является то, что не указаны даты получения предшествующих адмиральских чинов. Список начинается с 1696 г. Потешные адмиралы в него не включены.

Во второй половине XIX столетия, с началом реформ после неудач Крымской войны, значительное внимание было уделено истории флота. Группа морских историков (Ф.Ф. Веселаго, А.В. Висковатов, А.П. Соколов, С.И. Елагин и др.) изучала как действия флота, так и жизнеописания его деятелей. Из печати выходили «Материалы для истории русского флота» (1865—1904, 17 томов) [39], другие сборники документов и труды по истории отечественного флота.

Чтобы воздать честь всем офицерам российского флота и подготовить базу для последующей работы биографов, с 1885 г. начали издавать «Общий морской список», в котором на основе сохранившихся архивных документов, главным образом послужных списков, в хронологическом порядке из-

ложены наиболее интересные факты биографии российских морских офицеров и администраторов [44]. Биографии распределены по томам в соответствии с тем, при каком императоре моряки поступали на службу в российский флот. Например, в томе I — все, начавшие службу при Петре I; во II — при его преемниках. Морякам екатерининского флота посвящены тома III — V, времен Павла I и Александра I — тома VI — VIII, Николая I — IX—XII. Следующую серию томов, посвященную морякам флота Александра II, окончить не успели, издали только один XIII том. Таким образом, в основном составлен справочник русских офицеров периода парусного и гребного флота. Этим же офицерам пришлось создавать флот паровой и руководить им до 80-х годов XIX в., когда Россия приступила к созданию броненосного флота.

«Общий морской список» — ценное пособие для историков, но широкому кругу читателей он недоступен и неудобен, ибо крайне велик и показывает эпизоды жизни лиц, мало интересных большинству изучающих прошлое флота. Кроме того, перечни биографических фактов даже для известных адмиралов далеко не полны. Например, очень мало (меньше, чем о некоторых ничем не примечательных офицерах) написано о создателе Азовской флотилии адмирале А.Н. Сенявине или о первом адмирале Ф.А. Головине. Для большинства героев флота не приведены даты и места рождения и смерти, почти нет указаний о событиях личной жизни, а так как «Список» служил основой многих биографических очерков для последующих энциклопедий, то и они грешат этими недостатками.

Биографии русских адмиралов той или иной степени подробности, с различными неточностями и пропусками, появлялись в различного рода энциклопедиях, лучшими из которых можно считать Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона [9] и Военную энциклопедию издания И.Д. Сытина, в которых сотрудничали известные историки. Но и для них в значительной мере основой служил «Общий морской список».

Наиболее полным сводом биографий российских адмиралов обещал стать «Русский биографический словарь», несмотря на то что разные авторы готовили статьи различного качества, в том числе и представлявшие собой просто переложение фактов «Общего морского списка». Однако, как и

Военная энциклопедия, «Словарь» не был завершен. Биографии многих выдающихся моряков так и не вышли из печати. Кроме того, создатели словаря и не ставили себе задачу написать о всех российских флагманах минувших лет. О некоторых адмиралах XIX столетия можно судить только по некрологам в газетах и журналах, особенно в «Морском сборнике», ибо к их жизнеописаниям историки в дальнейшем не обращались.

В советское время биографиями деятелей российского флота, за редким исключением, занимались мало. Даже в период возрождения военно-патриотической литературы 40—50-х годов круг рассматриваемых личностей оставался весьма ограниченным. Тем не менее вышли из печати документы и биографии Ф.Ф. Ушакова, М.П. Лазарева, С.О. Макарова и некоторых других. И позднее морской тематикой занималось немного писателей. Достаточно сказать, что в серии «Жизнь замечательных людей» к 1985 г. из 747 опубликованных биографических книг и статей морякам были посвящены только 20—25, включая переиздания. Еще меньше биографий российских адмиралов книжного объема, опубликованных издательством «Наука» и другими. Несколько дополняют их статьи в газетах и журналах, но этого явно недостаточно.

На фамилии многих дореволюционных и репрессированных моряков цензурный запрет был снят только в конце 80-х годов. Однако бурные изменения в стране и недостаток средств не позволили Министерству обороны продолжить работу над начатыми до революции справочниками, и все ограничивалось статьями в журналах, газетах и сборниках.

Освещение биографий весьма неравномерно. Ф.Ф. Ушакову, С.О. Макарову, П.С. Нахимову и некоторым другим флотоводцам посвящено по несколько солидных книг. С другой стороны, не менее замечательные морские деятели вроде адмирала В.Я. Чичагова никогда не были удостоены биографии книжного объема, многие известны только по «Общему морскому списку», который доступен лишь читателям центральных библиотек страны. Изучающим биографии моряков в лучшем случае приходится довольствоваться крайне сжатыми очерками из различного рода современных энциклопедий и энциклопедических словарей.

Все сказанное свидетельствует о том, что к настоящему времени накоплены значительные материалы для создания «Морского биографического словаря», но еще нет всех предпосылок для его составления. Такой труд требует усилий группы историков флота, привлечения архивных материалов, особенно к биографиям, не попавшим в «Общий морской список». Следует отметить, правда, «Морской биографический словарь», подготовленный В.Д. Доценко (СПб., 1995). Он охватывает имена деятелей отечественного флота вплоть до наших дней. В 2000 г. на его базе был издан «Словарь биографический морской», включающий более 2000 справок о морских деятелях, в основном с портретами [62]. Однако попытка вместить в небольшом объеме массу кратких очерков, многие из которых традиционно базируются на «Общем морском списке», без уточнения и развития, ограничивает возможность в полном объеме представить биографии тех, кто создавал славу отечественного флота.

Автор труда, который уважаемый читатель сейчас держит перед собой, в книге «Самые знаменитые флотоводцы России» [59] поместил пятьдесят две биографии известных отечественных адмиралов. Характер издания позволил осветить в биографических очерках деятельность лишь немногих флотоводцев Петровского времени. Неполными являются сведения о петровских адмиралах и в следующих книгах автора: «100 великих адмиралов» и «Самые знаменитые кораблестроители России» [60, 61].

Чтобы устранить эти недостатки, автор предлагает всем интересующимся историей российского флота справочник, посвященный адмиралам флота Петра Великого. Если первый опыт будет признан читателями удачным, автор намерен продолжить издание биографических очерков, посвященных последующим периодам русской морской истории.

Основная задача издания — показать на фактическом материале (биографиях российских адмиралов) связь исторических событий на флоте с судьбами его творцов. Справочник предназначен тем, кто хотел бы без особых сложностей в сравнительно небольшом объеме найти све-

дения о жизни и деятельности российских адмиралов, получивших первый флагманский чин с 1692 по 1725 г. В какой-то мере это будет материал «Общего морского списка», обогащенный дополнительными сведениями, которые в «Списке» отсутствуют. Кроме биографий, расположенных в хронологическом порядке, справочник для удобства читателей снабжен кратким очерком истории российского флота рассматриваемого периода. Такая форма представляется автору предпочтительнее, чем хронологический указатель, она поможет разобраться, какова роль каждого адмирала в событиях военной и политической жизни страны Петровской эпохи. Кроме того, есть ряд событий, связанных со многими фамилиями (к примеру, Гангутское сражение). Читатель, в первую очередь преподаватель, получит краткий очерк морской истории России, недостаточно отраженной в учебниках. Флотоводцы Петра Великого будут указаны также в таблицах-приложениях, алфавитной и хронологической.

Разумеется, не все жизнеописания равноценны по объему и подробности изложения. Больше внимание автор уделяет тем адмиралам, которые внесли наиболее значительный вклад в отечественную морскую историю. Для конца XVII — первой четверти XVIII в. это будет, во-первых, сам Петр Великий — флотоводец, корабел, военный и политический деятель. Его жизнеописание является первым и основным, ибо он связан в той или иной степени со всеми адмиралами. Значительное внимание уделено первому генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину и первому русскому адмиралу Ф.А. Головину — близким соратникам царя в организации флота. О некоторых адмиралах нет смысла писать большой очерк, ибо их деятельность не предоставляет достаточно материалов и не так интересна читателю. Об отдельных деталях деятельности одних адмиралов может рассказываться в жизнеописаниях других, поскольку их судьбы пересекаются.

Так как во времена Петра I моряки временами воевали на суше, а генералы — на море, в список флагманов попал и фельдмаршал М.М. Голицын, знаменитый успешными действиями на водах и морской победой при Гренгаме.

Не ограничиваясь рамками правления Петра I, автор посчитал возможным подробно рассказать о деятельности его флагманов и после смерти монарха-преобразователя.

Если уважаемый читатель из предложенного ему издания получит представление об истории отечественного флота за первые десятилетия его существования и о роли в его развитии первых российских флагманов, если любой, взявший книгу в руки, сможет быстро выяснить то, что его интересует в биографии того или иного адмирала, указанного в справочнике, автор будет считать свою задачу выполненной.

ВВЕДЕНИЕ

1. Предыстория

У отечественного судоходства длительная история. На Дону и Днепре, на Крайнем Севере и в Приладожье, во многих других местах найдены сохранившиеся челны, весла, косяные крючки, гарпуны и другие предметы, свидетельствующие об использовании водных путей и ресурсов в эпоху неолита и даже мезолита. К эпохе первобытности относятся наскальные изображения судов в Карелии и Сибири. В некоторых районах нашей страны сохранились древние методы изготовления судов-долбленок. Передавали их из поколения в поколение тысячелетиями, как и навыки рыболовства. Несмотря на то что большинство народов, населявших территорию России, не были знакомы с морем, они достаточно освоились с водной стихией на реках и озерах. Посему, когда возникала необходимость, дружины отправлялись в морской поход так же решительно, как и в сухопутный. У правителей русских княжеств не было проблем с набором добровольцев, как позднее хватало охотников идти в поход за зипунами с новгородскими ушкуйниками или завоевывать Сибирь в казачьих ватагах. Не было дефицита плотников-корабелов, а поморские суда-кочи лучше европейских годились для плавания во льдах.

Знамениты походы князя Святослава на Каспийское море и в Булгарию. Известно немало походов киевских князей в Константинополь на судах; русские воины заставляли гордых византийцев соглашаться на их условия торговли, хотя Византия имела более крупные корабли. Понятно, почему в

те времена Черное море называли Русским. На Севере новгородцы с карелами разорили шведский город Сигтуну недалеко от нынешнего Стокгольма, по рекам достигли берегов Белого моря и колонизовали его, подчинив местные племена и основав поморские поселки. Россияне торговали по морям с соседними странами. Русские князья правили землями, населенными эстами и латами в Прибалтике. Такое положение сохранялось, пока распад Руси на враждующие между собою княжества не открыл пути вторжению хана Батыея. Разорение страны и татарские кочевья от Волги до Дуная оставили русичей без выхода к южным морям, и только немногие рискованные люди — купцы и путешественники, вроде Афанасия Никитина — рисковали воспользоваться этим путем. Тем не менее благодаря предприимчивости русских мужиков, спасавшихся как от набегов кочевников, так и от гнета своих землевладельцев, появились русские поселения на Дону и других реках Юга, ставшие со временем основой возникающего казачьего войска. Русские продвигались все далее на север и восток, пользуясь также водными путями.

У России были и выходы к Балтийскому морю через земли Великого Новгорода и местных народов, плативших дань славянским князьям. Однако в XIII—XIV вв. немецкие рыцари овладели Прибалтикой, а шведы Финляндией. И те и другие покушались на земли Великого Новгорода, который еще сохранял возможность морской торговли с Западной Европой.

Тем временем вокруг Москвы образовалось новое централизованное государство. Одной из причин, по которой незаметный ранее городок стал столицей огромной державы, явилось его расположение вблизи основных речных магистралей, с давних пор служивших для торговых связей между странами Балтийского, Каспийского и Черного морей, а также с морем Белым. Реки и волоки между ними являлись удобнейшими коммуникациями в годы, когда не было хороших дорог на суше. Реки же служили основными магистралями для передвижения войск, которыми князья московские утверждали свою власть над соседними княжествами и иными землями. Пешую рать и тяжести везли на стругах и других судах, а конница шла берегом. Со временем такие походы

стали все более серьезными, и завоевание Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств осуществили полки, передвигавшиеся по Волге на сотнях судов.

Все более ясной становилась необходимость выхода к морям для крепнувшего государства. Иван III и его потомки пытались пробиться к удобным портам Балтийского моря. Ивану IV Грозному удалось утвердиться на Каспии, но Прибалтика, которую защищали поляки и шведы, оказалась для него непреодолимой преградой. Со временем Швеция, воспользовавшаяся ослаблением России в период Смутного времени начала XVII века, по Столбовскому миру 1617 г. закрепила за собой почти все русские земли у Финского залива, оставив страну без удобного выхода в Балтийское море. Отсутствие этого выхода не могли компенсировать ни основанный при Иване Грозном Архангельск, ибо это «окно в Европу» замерзало на долгие месяцы, ни Астрахань, так как товары Прикаспия были менее нужны Москве, ни даже Сибирь, дававшая традиционные продукты. Попытки России во второй половине XVII столетия пробиться к Финскому заливу и в Крым окончились неудачами. Но страна за сравнительно спокойные годы экономически окрепла. Все шире распространялись представления о научных, культурных и технических достижениях Западной Европы, были даже попытки кораблестроения на манер европейского. Со временем люди, понимавшие необходимость перемен, помогли Петру I преобразовать Россию. Одним из важнейших дел молодого царя стало создание регулярного флота.

2. Создатели регулярного флота

Общеизвестно, что флот являлся для Петра Великого увлечением и важнейшим делом всей жизни. В 1688 г., обнаружив хранившийся в сарае ботик, способный под парусом ходить против ветра, юный царь при помощи иностранцев научился управлять им, затем освоил и корабельную науку. Через тридцать шесть лет этот ботик знаменитые адмиралы провели перед строем сильнейшего на Балтике флота. Но прежде чем состоялось это торжество, потребовался огромный труд Петра и его соратников.

Первые опыты судоходства юный царь получал на реке Яузе и в Просянном пруду, в 1689 г. основал верфь на Плеще-

евом озере, а уже летом 1692 г. потешная флотилия проводила на этом озере маневры в присутствии первого названного в России адмиралом Ф.Ю. Ромодановского. Скоро рамки озера стали тесны. В 1693 г. Петр побывал в Архангельске, впервые увидел море и окончательно влюбился в морское дело. Поставленный воеводой в Архангельске стольник Ф.М. Апраксин наблюдал за постройкой первых кораблей европейского типа на основанной в Соломбале государственной верфи. Во время плавания этих первых судов летом следующего года Петр попал в шторм и оморочился. Его сопровождали адмирал Ромодановский и назначенные соответственно вице-адмиралом и шаутбенахтом (контр-адмиралом) будущие известные генералы И.И. Бутурлин и П.И. Гордон. Это еще была игра, и флагманы, названные по европейскому образцу, должны были показать, что у России рождается флот.

Вскоре морская сила потребовалась для дел государственных. Петру I необходимы были успехи, чтобы утвердить свою власть и не оглядываться на Боярскую думу. Вернуть земли у Балтийского моря не представлялось возможным, ибо на пути стояла Швеция с лучшими на Балтике армией и флотом. В то же время существовали обязательства перед союзниками по антитурецкой лиге. Неудача походов в Крым при царевне Софье в 1687 и 1689 гг. потребовала избрать более доступную цель. В 1695 г. русские полки по суше и Дону двинулись к Азову — турецкой крепости, запиравшей выход в Азовское море. Царь рассчитывал строить корабли для Азовского флота, выйти в Черное море и к проливам. Отсутствие опыта и единства командования привели к неудаче осады. Турки, пользуясь тем, что у противника не было морских сил, снабжали крепость всем необходимым. Но Петр не пал духом. Возвратившись в Москву «от невзятия Азова», он организовал под столицей изготовление деталей галер, а весной развернул кораблестроение на реке Воронеж. Летом 1696 г. под Азовом появились и войска, вновь прибывшие по берегу и Дону, и флотилия, блокировавшая крепость с моря. Командовали флотилией новоиспеченные флагманы: адмирал Ф.Я. Лефорт, вице-адмирал Ю.С. Лима и шаутбенахт Б.Е. де Лозьер. Двоих последних произвели из полковников. Они не были моряками и после Азовских походов

искоре перестали фигурировать в морских списках. При содействии флотилии Азов был взят.

Победа придала Петру такой авторитет, что осенью того же 1696 г. Боярская дума беспрекословно приговорила: «Морским судам быть». Это означало, что землевладельцы, светские и духовные, должны были объединиться в «кумпанства», каждому из которых предстояло построить один корабль на новоучреждаемых верфях в Воронеже. Подобная разверстка была распространена и на людей посадских. Без расходов для государства страна должна была получить многочисленный флот, способный бороться с турецким. Однако постройка шла плохо из-за отсутствия необходимых специалистов. Вскоре этот недостаток удалось исправить.

Великое посольство 1697—1698 гг., направленное в страны Европы для переговоров о совместных действиях против Турции, имело целью также приобрести все необходимое для перевооружения армии, постройки флота и набрать специалистов. Во главе посольства стоял адмирал Ф.Я. Лефорт, однако фактически набором людей для флота ведал будущий его преемник Ф.А. Головин. Он убедил царя, что русскому флоту необходим капитан Корнелиус Крюйс, служивший экипажмейстером Амстердамского порта и знакомый как с мореходством, так и с другими видами деятельности флота. Принятый вице-адмиралом, Крюйс помог привлечь на русскую службу шаутбенахта Яна фан Реза и ряд капитанов; некоторые из них впоследствии стали российскими флагманами. Со специалистами, нанятыми в Голландии и Англии, Петр и развернул постройку Азовского флота. Сам он получил за границей такую практическую и теоретическую подготовку, что на родине вскоре смог проектировать и строить корабли, превосходящие западные образцы.

Когда в 1698 г. Крюйс и Рез прибыли в Воронеж, где кумпанства строили суда разных типов, вице-адмиралу пришлось начать с разработки документов, регламентирующих деятельность адмиралтейства.

Вскоре сменилось высшее руководство морским управлением. Весной 1699 г., после смерти Ф.Я. Лефорта, пост адмирала занял Ф.А. Головин, возглавивший номинально и флот, и кораблестроение. Еще до того на посту адмиралтейца виновного в злоупотреблениях А.П. Протасьева царь за-

менил Ф.М. Апраксиным, в ведение которого перешли постройка кораблей, портов и верфей на Юге. В этом сказались политика Петра: ключевые позиции в государстве заняли приближенные, которым царь доверял и которым должны были помогать иностранные специалисты. Результаты не заставили себя ждать: усердие Апраксина при знаниях Крюйса позволило уже в 1699 г. предпринять первую акцию нового флота.

Великое посольство не добилось поддержки европейских держав в борьбе против Турции, они готовились к войне за испанское наследство и вступили с турками в переговоры. Вскоре Петру стало очевидно, что антитурецкая коалиция распадается. Знакомство с Августом II, курфюрстом Саксонии и королем Польши, подсказало идею антишведского союза, к которому вскоре примкнула Дания. Но для борьбы с таким сильным противником, как Швеция, требовалось иметь прочный тыл.

Турки отказывались признать русские приобретения в результате Азовских походов. Летом 1699 г. Азовская флотилия во главе с Ф.А. Головиным, К. Крюйсом и Я. фан Резом выступила из Таганрога. Фактически флотилией руководил сам царь, под именем Петра Михайлова командовавший одним из девяти кораблей. Эскадра сопровождала корабль «Крепость», на котором в столицу Турции направлялся посол Е.И. Украинцев. Несколько дней суда простояли у Керчи, где шли переговоры с местными властями, а затем вернулись к Таганрогу, по пути исследуя Азовское море. «Крепость» успешно достигла Константинополя. Демонстрация силы оказала воздействие, и вскоре был подписан договор с Турцией, позволивший России вступить в борьбу за возвращение земель у Финского залива, потерянных в предшествующем веке. Петр рассчитывал приобрести удобные порты на Балтике, чтобы воспользоваться кратчайшими коммуникациями с культурными центрами Европы.

Война против Швеции должна была начаться согласованными действиями Дании, Саксонии и России. Августу II предстояло взять Ригу, датчанам — воевать в Голштинии. Русские, вступив в войну после заключения мира с Турцией, должны были вернуть Ингрию и Карелию. Фактически же главной целью Петра и Ф.А. Головина, его первого ми-

нистра, стала Нарва. Считали, что войск достаточно, чтобы завоевать земли от Нарвы до Выборга.

Союзники поторопились: датчане в 1700 г. предприняли наступление ранее России, войска Августа II долго и безуспешно осаждали Ригу. Это позволило молодому шведскому королю Карлу XII при помощи англо-голландского флота перебросить войска в Данию и заставить ее выйти из войны. Под угрозой появления шведских войск саксонцы оставили осаду Риги, и полки Карла XII спешно направились к Нарве, которую осаждали русские войска. Оказавшаяся в одиночестве молодая российская армия потерпела под Нарвой поражение. Карл XII решил, что Россия побеждена, и все усилия направил, чтобы догнать уходившие от него войска Августа II. Однако Петр I не считал себя побежденным. Противник вскоре ощутил его контрдействия.

Сразу же после Нарвы царь принял решительные меры для обороны границы. Когда же стало ясно, что шведский король увяз в Польше, русские войска перешли в наступление. Так как берега Балтики обороняли шведские войска и флот, был избран путь наступления с тыла, от Белого моря. Весной — летом 1702 г. в Архангельске собрались Петр и его приближенные. Сначала укрепляли город, чтобы исключить опасность нападения неприятеля, — вроде набега шведской эскадры, приходившей предшествующим летом в устье Северной Двины, а затем флотилия с войсками направилась к деревне Нюхче, откуда начиналась просека. По этой «государевой дороге» солдаты и работные люди волоком доставили две яхты и несколько судов поменьше в Онежское озеро, откуда они прошли в Ладожское озеро, к устью Невы, и участвовали во взятии Нотебурга (Шлиссельбурга). Следующей весной пала крепость Ниеншанц, прикрывавшая выход из реки в Финский залив, и все течение Невы вернулось к России. Той же весной Петр и А.Д. Меншиков заслужили ордена Св. Андрея Первозванного за лихую атаку отряда лодок с гвардейцами, которые взяли после решительной схватки два вооруженных пушками шведских судна вблизи устья Невы.

Выход к Финскому заливу позволил приступить к строительству Балтийского флота. Первоначально верфи для безопасности устроили на берегах и в устьях рек, впадающих в

Ладожское озеро. Для этого на Олонецкую и другие верфи перевели шаутбенахта фан Реза и часть корабельных мастеров из Воронежа. Одновременно началось сооружение новой столицы. В 1703 г. на Заячьем острове Невы заложили Петропавловскую крепость, вокруг которой со временем возник Санкт-Петербург. Сооружение будущей столицы и наблюдение за кораблестроением на верфях царь поручил А.Д. Меншикову.

Для нового флота требовались специалисты разного рода. В 1701 г. основали московскую Навигацкую школу для обучения будущих моряков и поручили ее вниманию адмирала Ф.А. Головина. Представителей древних дворянских родов и менее знатных людей отправляли для учебы за границу. Позднее некоторые из них стали флагманами и администраторами флота (М.М. Голицын, К.Н. Зотов и др.). Но пока отечественных моряков не подготовили, требовалось пополнить кадры иноземцами. Эту задачу успешно выполнил К.И. Крюйс. В 1702—1704 гг. он побывал за границей и нанял для флота опытных специалистов. В те годы на русскую службу поступили ставшие позднее флагманами офицеры Я. фан Гофт, Т. Тран, В. Шельтинг, П. Бредаль, П. Сиверс, А.И. Остерман. Моряков на русскую службу принимали и российские дипломаты за границей. В частности, посол в Константинополе П.А. Толстой среди прочих славянских моряков нанял в 1702 г. графа И.Ф. Боциса, грека из Далмации, который стал шаутбенахтом, а в 1710 г. — будущего адмирала, капитана М.Х. Змаевича.

Шведы, обеспокоенные появлением русского форпоста в Ингрии, постарались уничтожить Санкт-Петербург. Но с моря подступы к городу прикрыли крепость Кроншлот, орудия которой простреливали фарватер вдоль южного берега острова Котлина, и рождающийся Балтийский флот. Флотом после возвращения из-за границы в 1704 г. командовал К.И. Крюйс. Вместе с береговыми орудиями и сухопутными войсками корабли вице-адмирала обороняли новую столицу от наступления неприятеля с суши и моря в 1704 и 1705 гг. В 1706 г. русские войска совершили ответный поход на Выборг, но без поддержки с моря не смогли взять крепость. Потребовалось время, чтобы появились корабельный и гребной флоты, способные конкурировать со шведскими.

Во главе морского ведомства оставался Ф.А. Головин, ближайший советник царя, одновременно выполнявший многочисленные обязанности по другим ведомствам. После его смерти президентом адмиралтейств с 1707 г. стал Ф.М. Апраксин. Ему довелось встретить последний натиск шведов на Санкт-Петербург.

В кампанию 1708 г. Карл XII, начиная наступление в Россию из Польши, предписал напасть на город у Финского залива, чтобы отвлечь внимание Петра. Корпус Либекера наступал с севера, от Выборга, тогда как второй корпус Штромберга двигался с запада, из Эстляндии. Обороной столицы командовали Апраксин и Крюйс. Вице-адмирал, выставив на Неве все, что можно было принять за боевые суда, заставил Либекера далеко обойти столицу, двигаясь по болотистым, лишенным продовольствия местам. Тем временем войска Апраксина разгромили Штромберга и успели подойти, чтобы разбить арьергард Либекера, обманутого посланным Крюйсом ложным посланием о движении подкреплений и срочно эвакуировавшегося морем. Шведский флот так и не решился в эту кампанию напасть на Кроншлот. Поражение Карла XII под Полтавой в следующем году создало предпосылки для решительного наступления в пределы шведских владений в Финляндии.

Весной 1710 г., до таяния льда, войска Ф.М. Апраксина по замерзшему Финскому заливу прошли с запада к Выборгу и блокировали крепость. Осада продолжалась при поддержке гребной флотилии Бодиса и корабельного флота под флагом Петра Михайлова, самого царя, который доставил по начавшему оттаивать заливу осадную артиллерию. Взятие Выборга обеспечило безопасность новой столицы со стороны Карельского перешейка.

Год 1711-й прошел под знаком Прутского похода. Войска Петра I направлялись к Дунаю, чтобы нанести поражение туркам, освободить от их власти Молдавию и заставить отказаться от набегов подвластных султану татар из Крыма. И Апраксин, и Крюйс большую часть времени проводили на Юге, готовя Азовский флот и крепости. Царь хотел владеть Керчью как морской базой. В случае успеха Азовский флот мог выйти в Черное море. Но неудача русской армии, окруженной у Прута, заставила Петра I подписать унизи-

тельный договор. Россия обязалась вернуть Азов Турции, скрыть Таганрог. Азовский флот частью продали туркам, частью истребили. Крюйс вернулся на Балтику, а Ф.М. Апраксину пришлось разрушать то, что было создано под его руководством.

Прутский мир был горек, но он позволил продолжить борьбу со Швецией, ибо Карл XII отказался завершить войну на приемлемых условиях, предложенных Россией. Теперь предстояло умиротворить противника вторжением на его землю.

В 1711 г. датско-саксонские войска вступили в Померанию, но успеха не добились. На 1712 г. союзники планировали овладеть Померанией и высадить датско-саксонский десант в Швеции, тогда как русским войскам предстояло провести диверсию со стороны Финляндии. Русскими войсками в Померании командовал А.Д. Меншиков. Из-за несогласованности действий намеченные для Померании планы не были выполнены. Ф.М. Апраксин, руководивший диверсией, привел свои полки к пограничной реке Кюмсни, встретил хорошо укрепленную позицию на другом берегу, в Финляндии, и отказался от кровопролитной атаки, ибо не имел достаточно гребных судов, чтобы обойти позицию с моря и снабжать всем необходимымдвигающиеся вдоль берега войска.

В 1713 г. успех союзных войск (в числе командующих были Петр I и Меншиков) в Голштинии и Померании дополнила победа Ф.М. Апраксина и его соратников в Финляндии. Особую роль играл галерный флот шаутбенахта Боциса, который перевозил войска и высаживал их на побережье, участвовал во взятии Гельсингфорса (Хельсинки), захватил несколько торговых судов и снабжал продовольствием сухопутные войска. Под командованием Боциса состояли несколько офицеров-славян, один из которых (М.Х. Змаевич) стал вскоре его преемником. Обойдя позицию на Кюмени, русские войска высадились с галер в Финляндии, овладели Гельсингфорсом, а затем последовали к Борго, куда отступили главные силы Либекера. Галерный флот встал на мелководье у острова Форсё в заливе Борго, чтобы избежать нападения неприятельского флота. Шведская эскадра вице-адмирала Лиллие прибыла к Гельсингфорсу на следующий день, но не смогла помешать даже отряду галер Боциса, за-

хватившему ночью пять стоявших недалеко транспортных судов. 12 июля русские войска с суши и галерный флот под командованием Апраксина вновь прибыли к Гельсингфорсу и через три дня овладели им. Лиллие удалось увести эскадру, ибо русский корабельный флот не подошел с моря. 11 июля эскадра вице-адмирала Крюйса преследовала три дозорных корабля Лиллие, и передовые корабли налетели на камни. Один из них удалось спасти, второй пришлось сжечь, после чего Крюйс направился к Ревелю для присоединения стоявших там судов. Позднее военный суд обвинил вице-адмирала и его капитанов в преждевременном прекращении погони, приговорил Крюйса к смерти, но царь заменил наказание ссылкой.

После взятия Гельсингфорса русские войска М.М. Голицына по суше продвинулись на запад и взяли Або. Для дальнейшего наступления к Аландским островам и портам Ботнического залива требовалось содействие с моря. Но Боцис, направленный с частью галерного флота к Або, встретил на проходе у мыса Гангут эскадру Лиллие. Не было возможности доставить в Або достаточно продовольствия. Поэтому в городе оставили небольшой гарнизон и дальнейшее наступление к западу отложили до следующей кампании. Осенью 1713 г. войска Апраксина оттеснили шведов к реке Пелкина (Пялкяня) и нанесли им поражение; при том отличился М.М. Голицын, который с частью войск переправился через озеро в тыл неприятельской позиции и обеспечил победу наступавших с фронта войск. Он же и остался командовать войсками в Финляндии, когда Апраксин вернулся в столицу.

В 1714 г. Петр и его соратники планировали провести галерный флот к Або, овладеть Аландскими островами и развернуть боевые действия в Ботническом заливе, угрожая берегам Швеции. Для этого спешно строили и закупали за границей гребные суда и парусные корабли. На суше в феврале М.М. Голицын нанес поражение у Лапполы шведским войскам, которые отступили на север. Почти вся Финляндия была занята. Однако шведы воспользовались тем, что их порты освобождались от ледового плена ранее русских. Весной 1714 г. эскадры адмирала Ватранга и вице-адмирала Лиллие вновь встали на пути гребных судов у Гангута.

Галерный флот Ф.М. Апраксина (99 судов с войсками на них) выступил 9 мая и только в конце июня смог достигнуть окрестностей Гангута. Морскими командами после смерти Боциса командовал Змаевич. Первоначально генерал-адмирал рассчитывал на помощь корабельного флота, чтобы тот отвлек Ватранга и позволил галерам прорваться в штиль морем. Но Петр, который попробовал вывести из Ревеля втрое увеличившуюся армаду кораблей, убедился в ее неподготовленности и решил ограничиться действиями гребных судов, на которых располагались солдаты и офицеры обстрелянных полков. Он прибыл к Гангуту и первоначально намеревался перетащить галеры через перешеек полуострова. Однако Ватранг, узнав о начатых работах, послал к другому концу строящейся переволоки эскадру шхерных судов шаутбенахта Н. Эреншельда, а Лиллие с частью флота — для атаки русского галерного флота у Тверминне. Тем самым он укоротил линию, преграждавшую проход Гангутским плесом. Воспользовавшись предложением Ф.М. Апраксина, Петр приказал в штиль 26 июля обогнуть шведские корабли со стороны моря. Отряды скампавей прошли без потерь мимо замершего в безветрие шведского флота и заблокировали Эреншельда. Когда же соединившаяся к вечеру шведская эскадра встала мористее, там, где прорывались русские гребные суда, Петр осуществил свой замысел. Утром 27 июля, под прикрытием тумана, главные силы галерного флота прорвались у берега, потеряв только одну севшую на мель галеру, и, решительно атаковав, овладели всеми судами шведского отряда и захватили в плен самого Эреншельда. Петр с гордостью писал Меншикову, что пленение флагмана — новинка и для Европы.

После Гангутского боя шведы отступили на запад, прикрывая подступы к Стокгольму с моря. Русские галеры свободно прошли к Або. Вскоре были заняты Аландские острова и порты Финляндии в Ботническом заливе. Отряд галер в сентябре совершил первый набег на шведское побережье, высадил десант под Умео и благополучно вернулся.

Галерный флот уже отличился. Корабельному еще предстояло научиться побеждать. Начинали с малого. Когда Карл XII опубликовал Каперский акт, разрешавший захватывать суда всех стран, идущие в порты России, Балтийский флот пред-

принял ответные действия. В море регулярно патрулировали корабли, а затем и эскадры с целью захвата неприятельских судов и охраны собственного судоходства. В 1715 г. капитан П. Бредаль захватил в течение одного похода три шведских каперских судна. Со временем все больше моряков участвовало в плаваниях по Балтике, что способствовало появлению когорты опытных мореходов. В походах росли будущие флагманы Т. Гордон, П. Сиверс, Я. фан Гофт и другие.

Пополнение рядов флагманов шло двумя путями. В 1714 г. на русскую службу пришел шаутбенахт С. Трезаль. Появились и свои балтийские адмиралы. Чин шаутбенахта (арир-адмирала) Петр I получил в 1709 г. после Полтавской победы, вице-адмиралом стал после Гаюгута. В 1716 г. шаутбенахтом царь сделал А.Д. Меншикова, принимавшего большое участие в организации судостроения на Балтийском море и позднее водившего эскадры. В 1717 г. шаутбенахтами стали В. Шельтинг и Г. Паддон, в 1719 г. — Т. Гордон, М.Х. Змаевич, П.И. Сиверс, в 1721 г. — Д. Вильстер, Т. Сандерс, Я. фан Гофт и Н.А. Синявин. Но эти чины доставались немалым трудом.

В кампанию 1716 г. было намечено высадить в Сконе (Южная Швеция) русско-датский десант при поддержке союзного флота, тогда как Апраксину следовало действовать против Швеции от Аландских островов. Однако, хотя союзные адмиралы и доверили Петру I командовать англо-русско-голландско-датской эскадрой, крейсировавшей на Балтике у шведских портов, более решительных действий союзники не предпринимали. Апраксин также ограничился разведкой, ибо флот, обещанный датчанами, так и не подошел.

В следующем году Англия, Ганновер и Дания отказались вести совместные действия против Швеции: слишком сильной становилась Россия. Петр I заключил договор с Пруссией и Францией. Карл XII, лишившись последнего союзника — французского короля, решил разрушить антишведскую коалицию и повел переговоры с Россией, добиваясь ее помощи в захвате Норвегии, в то время являвшейся провинцией Дании. На Аландском конгрессе 1718 г. русские и шведские представители стали приходить к соглашению об условиях договора. Но пылкий король, не дожидаясь исхода конгресса,

вторгся в Норвегию и пал при осаде одной из крепостей. Переговоры продолжались без особого успеха. Потребовалось нанести шведам еще несколько поражений на море, чтобы они стали сговорчивее.

24 мая 1719 г. парусный флот добился первой победы над неприятельским регулярным флотом: шесть русских кораблей и шнява капитана Н.А. Синявина после решительного боя у острова Эзель овладели всеми тремя судами шведской эскадры. Летом парусный флот выдвинулся к Аландским островам, проводя разведку и прикрывая действия галерного флота. Шведский флот ограничивался обороной подступов к столице. Пользуясь его пассивностью, командовавший гребным флотом Ф.М. Апраксин послал отряд галер генерал-майора П.П. Ласси для диверсий против поселений на шведском берегу севернее Стокгольма, а сам с главными силами направился в район шведской столицы. Десанты, высаженные с гребных судов, разоряли неприятельские предприятия, в первую очередь военные и металлургические заводы. Были взяты значительные трофеи, в том числе торговые суда. Флот Апраксина провел рекогносцировку подступов к Стокгольму, чтобы в следующем году предпринять поход к неприятельской столице, и вернулся к Аландским островам. Пришедшая на Балтику английская эскадра адмирала Д. Норриса не смогла оградить шведов от нападения и осенью удалилась. Шведы, рассчитывая на поддержку Англии, уступили ей Бремен и Верден в обмен на обещание помощи флотом. Но расчеты стокгольмского двора не оправдались. Несмотря на то что английские эскадры приходили и в 1720-м, и в 1721 г., они не смогли помешать русским морякам перекрывать пути доставки в Швецию продовольствия или нападать на ее берега.

Корабельный флот начал разведку с весны 1720 г. Были приняты меры для укрепления Ревеля, готовили галерный флот.

Уже в апреле отряд галер бригадира Ю.А. фон Менгдена ходил к берегам Швеции, разорил район Умео на 30 км от берега и благополучно вернулся до того, как на Балтику вступила британская эскадра. Английский флот, соединившись со шведским, в конце мая появился у Ревеля, готового к обороне. На запрос Ф.М. Апраксина о причинах приближения флота к русским берегам адмирал Д. Норрис отвечал,

что его цель — посредничество на переговорах Швеции и России. Англичане готовились высадить десант, но сообщение о набеге фон Менгдена заставило их уйти к Стокгольму.

В дальнейшем Балтийский флот крейсировал у входа в Финский залив, а галерный флот М.М. Голицына с войсками вышел к Аландским островам. 27 июля галеры и лодки Голицына в бою у острова Гренгам атаковали и взяли в абордажном бою четыре шведских фрегата, втянувшихся в пролив; лишь флагманский корабль сумел уйти. Эта победа показала, что русские моряки способны побеждать в самых сложных ситуациях.

Поражение шведов в присутствии английского флота заставило шведского короля просить о мире. Тем не менее он рассчитывал на обещанный британский флот, который весной 1721 г. прибыл к острову Борнхольм. Однако вновь, несмотря на присутствие британской морской мощи, Балтийский флот продолжал крейсерство, а отряд гребных судов П.П. Ласси в мае — июне совершил очередной набег на шведский берег у Евле и благополучно вернулся.

Операции русского флота заставили шведского короля положиться на дипломатию. Он дал указания своим представителям на мирном конгрессе, собравшемся в конце апреля в Ништадте (Финляндия), и те добивались от русских представителей, А.И. Остермана и Я.В. Брюса, прекращения военных действий и заключения предварительного договора. Шведы все еще рассчитывали на союзников-англичан. Однако Петр I не согласился с заключением предварительного мира. 30 июля М.М. Голицын получил приказ с галерным флотом и десантными войсками идти к Аландским островам; к концу августа его силы были у цели. Демонстрация сыграла свою роль: 30 августа 1721 г. был подписан Ништадтский договор, закрепивший за Россией Эстляндию, Лифляндию, Ингрию и Карелию, ранее принадлежавшие шведской короне. Финляндию вернули Швеции, которая в силу договора оказалась под контролем русского двора, гарантировавшего неприкосновенность существовавшей в Стокгольме формы правления (конституционной монархии). Этот договор по заслугам признан выдающимся достижением дипломата, будущего генерал-адмирала А.И. Остермана.

В честь победы награды получили многие моряки. Петр, которого провозгласили императором и Великим, стал также адмиралом, как и Крюйс. Новые чины получили: вице-адмирала — П.И. Сиверс, Т. Гордон, М.Х. Змаевич, А.Д. Меншиков, шаутбенахта — Я. фан Гофт, Т. Сандерс, Н.А. Синявин. Генерал-адмиралу Апраксину пожаловали кайзер-флаг высшего должностного лица флота; все прочие награды он получил ранее.

Празднование длилось недолго. Уже весной 1722 г. Петр предпринял поход на Каспийское море, чтобы не допустить перехода прикаспийских владений Персии в руки Турции. Каспийская флотилия под командованием Апраксина не раз ходила у берегов Каспия, овладевая портами. Среди моряков, участвовавших в кампаниях 1722—1723 гг., оказались и будущие флагманы.

После Персидского похода Петр сразу же начал готовиться к возможной войне с Турцией. Он послал группу специалистов под командованием Змаевича для возобновления строительства кораблей и галер у Воронежа. Однако планы императора изменились; через год он отозвал Змаевича в Адмиралтейств-коллегию, а построенные суда надолго законсервировали.

Одновременно с боевыми действиями, постройкой кораблей и обучением моряков проходила реорганизация управления флотом. В 1717 г. морское ведомство, как и другие, перешло к коллегиальному управлению. Адмиралтейств-коллегия была учреждена как одна из коллегий, призванных заменить прежние приказы. Первым президентом стал Ф.М. Апраксин, вице-президентом — К.И. Крюйс. Первыми членами коллегии были генерал-майор Г.П. Чернышов, И.М. Головин, полковник Норов. В 1722 г. к ним присоединились вице-адмиралы П.И. Сиверс, М.Х. Змаевич, Т. Гордон, в 1723-м — Дуффус, в 1724 г. — капитан-командор П. Бредаль.

Долговременные старания принесли немалые плоды. В 1723 г. проходил смотр флота, ставшего сильнейшим на Балтике. Его многочисленные корабли громом салюта приветствовали ботик — «дедушку русского флота», с которого начиналось морское увлечение Петра. Знаменуя особое значение суденышка, управляли им адмиралы флота российского во главе с самим Петром и Ф.М. Апраксиным.

К началу 1725 г., когда прервалась жизнь Петра Великого, Россия располагала корабельным флотом, по численности уступавшим лишь ведущим морским державам, и не знавшим себе на Балтике равных флотом галерным с обученными и обстрелянными экипажами в большинстве национально-го состава, ибо после Северной войны все иноземные матросы и часть офицеров были уволены. Адмиралы, приглашенные из-за границы, оставались, но среди них все больше появлялось русских, прошедших суровую школу обучения в море и бою. На 1725 г. из одиннадцати флагманов было трое русских, включая генерал-адмирала. В последующие годы они поддерживали мощь российского флота. А на смену им росли молодые птенцы гнезда Петрова, выпускники московской Навигацкой школы и санкт-петербургской Морской академии, первые гардемарины, проходившие практику на иностранных судах и крещенные боевым огнем.

Петровское время, как и всякое время коренного перелома государственного устройства, первоначально характеризовали импровизации. Из-за отсутствия профессиональных кадров царь ставил на важный пост морской иерархии надежного человека, не стесняясь того, что этот человек совершенно не был знаком с морским делом. Профессионалам-иноземцам предоставляли важные, но вторые роли. Только так можно было добиваться успеха, ибо в России привыкли подчиняться силе знатности, и неродовитые мореходы-учителя оказывались под покровительством таких влиятельных приближенных царя, как Ф.А. Головин и Ф.М. Апраксин. Именно им приходилось создавать первоначальную морскую мощь России методом проб и ошибок, выступать в разных ипостасях. Тем, кто шел за ними, было проще, ибо они спокойнее учились не на своих ошибках, имели возможность знакомиться с теорией ранее, чем переходили к практике. На базе знаний, полученных в Петровское время, они стали теми российскими моряками переходного периода, которым наследовали моряки екатерининского флота, ибо адмиралитет почти полностью обновился уже в первые годы правления Екатерины II.

ОСНОВАТЕЛЬ ФЛОТА АДМИРАЛ ПЕТР ВЕЛИКИЙ

В конце XVII — первой четверти XVIII в. Россия, бывшая более азиатской страной, стала приобретать черты европейской державы. Петр I, применяя жесткие, а нередко и жестокие меры, старался сменить привычки и традиции высших классов, заставить их служить его замыслам. Любимейшей из идей, которую он неустанно проводил в жизнь, была идея превращения России в великую морскую державу. Приходилось начинать почти с нуля, нанимать как адмиралов, так и простых моряков за границей. Но прошло четверть века, и российский флот получил своих флагманов и офицеров, верфи и порты, освободился от необходимости вербовать матросов за рубежом, то есть становился флотом истинно национальным. Это потребовало многих лет упорного труда Петра и его ближайших соратников. Среди тех, кто внес наибольший вклад в создание российского регулярного флота, наиболее примечательна фигура самого Петра Алексеевича.

1. Зарождение интереса к флоту

Петр Великий был сыном царя Алексея Михайловича, который после смерти первой супруги, Марии Ильиничны Милославской, женился на Наталье Кирилловне Нарышкиной, дочери стольника и полковника рейтарского полка Кирилла Полуэктовича Нарышкина. Наталья Кирилловна была красива, умна и получила образование лучшее, чем другие девушки. Ее отец был близок к боярину Артамону Сер-

исвичу Матвееву, царскому другу и советнику. Боярин воспитывал девушку в своей семье. Царь, познакомившийся с Натальей у Матвеева, потом официально избрал ее из шестидесяти знатных девиц. Свадьба состоялась 22 января 1671 г. и длилась до 7 февраля. Еще до свадьбы в царские покои подкинули письмо, в котором обвиняли Артамона Матвеева в том, что он волшебством заставил царя избрать воспитанницу в жены. Алексей Михайлович запретил проводить следствие и сохранил доверие к боярину [73. С. 1—11].

Родился Петр Алексеевич Романов 30 мая 1672 г. В отличие от старших царевичей (Федора и Ивана), болезненных и слабых, сын Натальи Кирилловны отличался завидным здоровьем и интересом к окружающему миру. Вскоре после рождения сына царь произвел отца супруги и А.С. Матвеева в окольниковые. Дядьками младенцу назначили боярина Родиона Матвеевича Стрешнева и думного боярина Тихона Никитича Стрешнева. Крестили мальчика в Чудовом монастыре 29 июня, в день Св. Петра и Павла [73. С. 12—16].

Петр первые годы проводил с матерью. Известно, что она, не имея права появляться на людях, наблюдала и слушала прием австрийского посланника из-за приоткрытой двери. Вероятно, это был не единственный случай, когда Наталья Кирилловна интересовалась делами государственными. Скорее всего эти ее качества сказались и при воспитании будущего реформатора.

Когда мальчику исполнилось три года, к нему с поздравлениями и подарками пришли бояре и избранные от сословий. Больше всего Петру понравились сабля и ружье. Он подолгу не выпускал оружие из рук. С ранних лет Петр любил военные забавы и не плакал, даже если ушибался. Летом двор переезжал в Преображенское, там царевич играл со своими сверстниками. Алексей Михайлович приказал вооружить детишек маленькими ружьями, саблями. Так начались те потешные войска, которые со временем стали гвардией.

Алексей Михайлович правил страной с 1745 г. «Тишайший» царь не раз воевал за возвращение русских земель, захваченных в период Смутного времени начала столетия

поляками и шведами, подавлял восстания. При нем развивались торговля и промышленность, появились первые мануфактуры и первый театр. Алексей Михайлович пытался наладить постройку кораблей европейского типа для Каспийского моря и намеревался приобрести порт на Балтике. Но время еще не пришло, и его замыслы перешли по наследству младшему сыну.

Царь, вероятно, надеялся, что живой и любознательный Петр станет его преемником. Однако недолго он мог следить за воспитанием сына, ибо внезапно заболел и скончался 29 января 1776 г. Сменил его на престоле болезненный и слабохарактерный Федор Алексеевич. Под влиянием придворных А.С. Матвеева удалили, назначив летом 1676 г. воеводой в Верхотурье, в Сибирь, а затем по наветам его за чернокнижие арестовали, и путь свой боярин продолжал пленником. Петр лишился советов умного окольничего, который своему сыну, будущему дипломату, дал хорошее образование и воспитание [73. С. 21—24]. Единственным воспитателем при нем оставалась мать.

К концу пятого года жизни Петра начали учить. Специально для него написали букварь и часослов. Преподавателем к мальчику приставили думного дьяка Никиту Моисеевича Зотова, которого считали человеком знающим, смиренным, кротким и исполненным добродетелей. Петру понравилось заниматься. Он быстро научился читать, на восьмом году овладел письмом. Никита Зотов, кроме грамоты, интересовал питомца рассказами об истории России, картинками кораблей и крепостей, развешанными по стенам и помещенными в книгах. По рассказам и картинкам мальчик постигал историю и географию.

Зотов далеко не всегда мог ответить на вопросы Петра об иностранных городах, оружии и т.п. Однако он изучил воинский устав, составленный при Алексее Михайловиче, и помогал мальчику в его военных забавах со сверстниками. Будущий царь учился сам по книге военному строю и учил других. Он был решителен в действиях, и когда любимец царя Федора И.М. Языков, противник Нарышкиных, потребовал от Натальи Кирилловны пересхать в другое помещение, Петр пошел к старшему брату и потребовал защиты. Федор удалил на время Языкова и запретил притеснять На-

Наталью Кирилловну и ее сына. Противники растущего Петра, обеспокоенные его быстрым развитием, на время лишили его преподавателя: Никиту Зотова отправили с посольством в Крым, для заключения договора с ханом, и он вернулся только в 1681 г. В результате Петр так и не получил систематического образования и воспитания.

В 1682 г. произошли события, оказавшие большое влияние на Петра. Умер царь Федор, не оставив наследника. Достигший совершеннолетия его младший брат Иван был человеком болезненным, и царем патриарх и государственные чины провозгласили Петра, известного своим здоровьем и способностями. Так как новому царю было всего десять лет, Наталья Кирилловна приняла на себя титул правительницы, но без официального утверждения. В помощь себе она вызвала из заточения Артамона Матвеева [73. С. 30—31]. Боярин вернулся в Москву. Но тем временем в столице зрел заговор.

Энергичная царица Софья, опиравшаяся на поддержку родственников Милославских, решила взять власть: устранить брата Петра и оставаться правительницей при неспособном управлять Иване. Она воспользовалась недовольством стрельцов, среди которых распускали слухи о том, что Петр незаконный царь и что по возвращении Матвеева их накажут за предшествовавший бунт. 15 мая стрельцы, возбужденные известием о том, что царевича Ивана задушили, ворвались в Кремль. Бунтовщиков, казалось, удалось успокоить, когда на крыльцо вывели Петра и Ивана в сопровождении патриарха и бояр. Но подстрекательские возгласы заговорщиков об измене Нарышкиных и Матвеева сделали свое дело. Стрельцы потребовали выдать бояр, которых они ненавидели. Артамон Матвеев пытался успокоить стрельцов уважительными речами. Но князь Михаил Долгоруков начал кричать на стрельцов и тем решил свою участь. Его убили, как и многих бояр, которых в народе не любили. Под давлением восставших и придворных Наталья Кирилловна была вынуждена согласиться оставить на троне двух царей. По требованию стрельцов правительницей при малолетних царях избрали Софью. На Красной площади поставили столб с грамотой, в которой перечисляли вины убитых бояр, а в полки передали оправдательные грамоты.

Затем под псковительством князей Хованских выступили раскольники, добивавшиеся от правительства изменения церковной службы по старому образцу. С этим удалось справиться, ибо возмутилась и Софья. Весь двор пересехал в Коломенское, куда был вызван Стремянный полк. 2 сентября подметное письмо в Коломенском сообщило о замысле Хованских перебить царей и правительниц, а младшему, Андрею Хованскому, занять престол в качестве супруга одной из царевен. Софья созвала дворянское ополчение. Хованских арестовали, судили и казнили. Стрельцы, лишившиеся главы, пытались организовать оборону Кремля, однако по уговору патриарха были вынуждены повиниться перед Софьей и обещать служить ей верно. Правительница, почувствовав власть, не считалась с царицей. Наталья Кирилловна расположилась с сыном вдали от двора, в Преображенском [73. С. 50—60].

В ходе стрелецкого восстания 1682 г. Петру пришлось перенести немалое потрясение, сделавшее его взрослее своих лет. Ссылка в Преображенском с матерью, удалив Петра от жизни двора, позволила ему заняться своими любимыми делами. Взрослеющий царь организовал из комнатных стольников кружок участников игр в войну. Он жил с ними одной жизнью: ходил в караул, чистил оружие, спал на земле, строил крепости. Его занятия не нравились матери, патриарху и другим придворным, которые считали забавы Петра неприличными для царя. Но тот сказал патриарху: «Неразумное усердие ослепляет бояр; они не знают, как европейские государи воспитывают своих детей; те с самого раннего детства учатся, не имеют ни отдыха, ни покоя; их держат строго, ни в чем не дают им воли. Мои же все занятия доставляют мне удовольствие и не только не ослабляют, а еще укрепляют меня. К тому же много времени проходит у меня, владыко, в пустых забавах, от которых никто меня, однакож, не отвлекал» [73. С. 61—62].

Петр был чрезвычайно любознателен. Узнав о существовании астролябии, он добился, чтобы ее купили за границей, а затем выяснил, что показать, как ею владеть, может голландец Франц Тиммерман. Последний знал немало, и царь учился у него математике, фортификации и артиллерии. Он увеличил число потешных, призвав всех желающих. К 1687 г.

были сформированы два батальона, Преображенский и Семеновский, а на берегу Яузы под руководством Тиммермана построили потешную крепость Пресбург [73. С. 63—66].

Игры со временем становились все более серьезными, ибо у Петра появились советники. Лишенный влияния бояр, большинство которых группировалось вокруг правительницы Софьи, юноша нашел друзей в Немецкой слободе. На берегу Яузы давно уже селились иностранцы, создавшие здесь уголок Европы. Многие для Петра были новым, необычным, и он жадно учился, слушая рассказы своих друзей, самым близким из которых со временем стал офицер-швейцарец Франц Лефорт. Из книг и рассказов становилось ясно, что необходимо переустройство и государства, и вооруженных сил. Не имея возможности участвовать в управлении, Петр занялся военным делом и создал при помощи иноземцев потешные части, которые со временем превратились в Преображенский и Семеновский полки. Сам он начал службу в Семеновском полку барабанщиком.

Жители Немецкой слободы, купцы и мастера, охотно помогали Петру, ибо рассчитывали, что с его воцарением получат преимущества, которые не собирались предоставить им сторонники старины и изоляции России. Так же случилось, когда Петр заинтересовался морским делом.

Четырнадцати-пятнадцатилетний мальчик таскал из Оружейной палаты собранные Алексеем Михайловичем модели кораблей [14. С. 13]. По ним он получал представление об устройстве судов и кораблестроении, а вскоре смог применить полученные знания на практике.

В 1688 г. в Измайлове, в вещах, принадлежавших деду Шиките Ивановичу Романову, юноша нашел старый английский бот, который мог под парусами ходить против ветра; об этом ему рассказал Франц Тиммерман, который учил юношу обращаться с астрольбией. Но Тиммерман не мог объяснить, как пользоваться парусным оснащением бота, и на помощь вызвали голландского корабеля Карстена Бранта, участвовавшего ранее в постройке кораблей для Каспийского моря. Корабел оснастил бот. Петр, пройдя у Бранта науку обращения с парусами, сам плавал по Яузе и Просяному пруду [44. Ч. 1. С. 1]. Эти первые опыты пробудили в юноше значительный интерес, книги и рассказы дали пред-

ставление о современных флотах. Ему стало тесно в Москве. А вскоре он обрел и возможности осуществлять свои желания.

Царевна Софья чувствовала себя главой государства. Она издавала указы сама, без участия царей, и вместе с ними являлась народу. Правительница опасалась Петра, совершеннолетие которого приближалось. Тревогу вызывали его потешные войска и решительные действия. В частности, царь запретил сестре участвовать в крестном ходе, а когда она отказалась подчиниться, уехал. Правительница решила с помощью Ф.Л. Шакловитого, начальника Стрелецкого приказа, погубить Петра. Однако стрельцов было уже трудно поднять на бунт. Год 1689-й стал переломным в судьбе Петра. Сторонники Нарышкиных обрели значительную силу. Правительница теряла авторитет, ибо два предпринятых похода на Крым, которыми руководил любимец царевны князь В.В. Голицын, окончились неудачей. При попытке Софьи установить свое единовластие царевна потерпела поражение, а самодержцем российским стал Петр, ибо сидевший с ним рядом на троне брат Иван отличался весьма слабым здоровьем. Фактически государством правили бояре — сторонники Нарышкиных, а Петр мог с большей свободой заняться любимыми потехами.

Молодой царь под видом богомолья побывал на Плещеевом озере и с разрешения матери избрал его для морского дела, на берегу основал верфь и принимал деятельное участие в постройке судов. Верфь построили в устье реки Трубеж, вблизи Переславля-Залесского. Зимой 1689 г. под руководством Бранта и голландского корабельного мастера Корта начали строительство сразу трех судов. На постройке работали как Петр, так и его товарищи-потешные, ставшие бомбардирами Преображенского полка. Вплоть до 1693 г. царь не раз по несколько недель работал на верфи с преображенцами как плотник [14, 13].

В 1690 г. Петр на флотилии из мелких гребных судов и английского ботика, названного позднее «дедушкой русского флота», совершил плавание по реке Москве до Угрешского монастыря. Впереди на весельных лодках шли стрельцы, за ними под парусами бот с царем, а далее — опять гребные суда с боярами, царедворцами и иностранцами. Пройдя за

лень более двадцати верст, караван ночевал у монастыря, следующим днем продолжил плавание и через пять дней вернулся. В плавании царь обучал стрельцов умению высаживаться с лодок [73. С. 91—92]. Так закладывались основы десантно-высадочных операций, которыми прославился русский галерный флот в Северной войне и позднее.

По возвращении в Преображенское царь занимался обмундированием и обучением стрелецких и рейтарских полков по-европейски. В ходе учебной атаки Семеновского полка он пострадал, обожженный горшком с огненным составом. Но, вылечившись, неуемный Петр продолжил военные занятия. Зимой он своими руками построил и оснастил яхту, вмещавшую 30 человек, весной спустил ее на воду и катался по Москве-реке [73. С. 92]. В 1691 г. на этой яхте царь плыл по реке до Угрешского монастыря и как опытный мастер получил от князя-кесаря Ф.Ю. Ромодановского «государев указ» построить в Переславле военный корабль к весне 1692 г. [44. Ч. 1. С. 1—2].

Осенью 1691 г. Петр участвовал в маневрах двух армий под командованием Ф.Ю. Ромодановского и И.И. Бутурлина, отличился в «бою» и захватил вражеского главнокомандующего. В это же время он переписывался с Карстеном Брантом, который строил суда на Плещеевом озере. Для царя соорудили одноэтажный дворец с окнами из слюды, около которого возвышались деревянная церковь и батарея на мысу. Напротив дворца, в двухстах сажнях от берега, у пристани на сваях летом стояли корабли; зимой их укрывали ото льда в устье реки Трубеж. Зимой 1691 г. Петр не раз ездил в Переславль. Взяв с собой 16 учеников, которых сам учил корабельному делу, он строил первый корабль. Чтобы торжественно отпраздновать его спуск, царь приказал перевести на Плещеево озеро все гребные суда, которые можно было найти в Москве. 1 мая 1692 г. в присутствии приближенных корабль, построенный по проекту царя, был спущен на воду. 1 августа на флотилии было организовано торжественное подоосвящение, а через неделю прибыли войска и начались маневры под командованием генералиссимуса Ромодановского, произведенного еще и в адмиралы [73. С. 92—97]. Конечно, чин этот был не менее потешным, чем звание князя-

кесаря. Тем не менее Ф.Ю. Ромодановский номинально стал первым русским адмиралом.

Выздоровев весной 1693 г. после серьезной болезни, Петр вновь выехал на Плещеево озеро и три недели катался там на судах [73. С. 100]. Это была последняя поездка. На верфи построили несколько судов, но их мореходность оставляла желать лучшего, а остойчивость оказалась так мала, что одна из яхт перевернулась из-за отсутствия знаний и опыта у строителей [14. С. 13]. Первые походы и маневры все более пробуждали интерес к морскому делу. На озере становилось тесно. Требовался простор. Позднее царь вспоминал в предисловии к Морскому уставу: «И тако вышереченный Карстен Брант сделал два малые фрегата, да три яхты, на которых его величество несколько лет охоту свою исполнял. Но потом и то показалось мало: и изволил ездить на Кубинское озеро. Там пространство большее, но ради мелкости не удобное. Того ради уже положил свое намерение видеть воду охоте своей равную, то есть прямое море» [29. С. 8].

К концу XVII столетия Россия располагала выходами только к Тихому океану, Каспийскому и Белому морям. Тихий океан был слишком далеко. Берега Каспийского моря, за исключением устья Волги, принадлежали другим государствам. Путь к Азовскому и Черному морям преграждали турки, берега Балтийского моря удерживали шведы. Единственным пунктом, через который Россия имела связь с Европой, оставался Архангельск. Там и предстояло Петру встретиться с настоящим морем, чтобы оно стало его страстью на всю жизнь.

Переславская флотилия надолго перестала интересоваться Петра. Сначала суда разрушались в воде, затем их вытащили на берег, где они ветшали под прикрытием из старых досок. Через четверть века, в 1723 г., увидев состояние судов, Петр отдал указ местным воеводам: «...беречь остатки кораблей, яхты и галеры, ежели же не сбережете, то за это взыщется с вас и с потомков ваших». Несмотря на указ, суда благополучно сгнили, кроме одного бота, который сберегли крестьяне села Веськова; с 1803 г. это судно сохраняли в специально построенном здании [73. С. 100]. И в наши дни этот ботик является экспонатом музея, стоящего на берегу Плещеева озера.

2. Архангельск и Азов

Архангельск появился на карте России после того, как при Иване IV Грозном к берегам Белого моря прибыло английское судно. Англичане, нуждавшиеся в новых торговых путях, решили использовать северный маршрут, ибо на юге им препятствовали Испания и Португалия. Они организовали в 1548 г. «Общество купцов-предпринимателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неизвестных и даже доселе морским путем не посещаемых»; в 1553 г. снаряженная обществом экспедиция Х. Уиллоби на трех судах отправилась вдоль берегов Норвегии и достигла Новой Земли, но на обратном пути экипажи двух судов погибли при зимовке у Мурманского берега (Кольского полуострова), а третье, под командованием Ричарда Ченслора, летом 1553 г. достигло устья Северной Двины, что положило начало регулярным русско-английским торгово-дипломатическим отношениям.

Так как торговля с Англией, а затем и с другими странами постепенно развивалась, в устье Северной Двины, вблизи Холмогор, в 1584 г. возник город, со временем названный Архангельском. В 1587 г. назначили первого Двинского воеводу В.А. Звенигородского. Это был важный пост, ибо Архангельск надолго стал единственным портом России для торговли с Западной Европой. Здесь собирали для казны значительную часть таможенных пошлин. В 1613 г. город получил самостоятельность, при нем была организована первая в России лоцманская служба. Здесь существовала и своя Немецкая слобода [35. С. 6—14]. Через порт вывозили хлеб, кораблестроительные материалы, кожи, сало, поташ и другие товары России, ввозили сукна, оружие, металлические изделия и многое другое, преимущественно для казны. Летом в Архангельск приходили десятки иноземных судов. В середине XVII в. товарооборот Архангельского порта составлял не менее 75 процентов внешней торговли России. Здесь можно было увидеть мореходные суда и настоящих моряков.

Чтобы отправиться в Архангельск, Петру потребовалось долго уговаривать мать: Наталья Кирилловна боялась отпустить сына в опасный путь и разрешила поездку с условием, что юноша лишь посмотрит на море, но плавать по нему не

будет. Разумеется, давая обещание, Петр был уверен, что непременно его нарушит.

4 июля 1693 г. царский караван выступил на Белое море по суше до Вологды, а оттуда водой на флотилии карбасов. 28 июля караван достиг Холмогор, откуда царь направился в Архангельск, где его ожидала специально построенная двенадцатипушечная яхта [14. С. 15]. 30 июля Петр I прибыл в Архангельск и впервые увидел море. Из Архангельска Петр ходил на яхте «Св. Петр» по морю до устья Паноя, сопровождая караван иностранных купеческих судов [68. С. 11—12]. Он внимательно осмотрел город, в котором заметно было иностранное влияние, говорил с местными жителями, вел беседы с архиепископом Афанасием о желательности вести торговлю не только на иноземных судах, но и строить свои. Разговаривал царь и с жившими в Архангельске иностранными купцами. Он придумал флаг для русского флота, взяв за основу голландский, только с обратным расположением цветов [73. С. 102—104]. Этот флаг является Государственным флагом России и в наши дни.

В первый же приезд, увидев настоящие океанские суда, молодой царь был восхищен. Он заложил в Соломбале верфь, чтобы иметь свои торговые суда европейского типа и возить российские товары за море, и начал строить первое судно. Базой для развития судостроения являлись большие запасы леса и других кораблестроительных материалов (кроме металла), а также привычные к морю и судостроению местные жители, занимавшиеся рыболовством, охотой на морского зверя и торговлей [14. С. 15]. Воеводой в Архангельске царь оставил ближнего стольника Ф.М. Апраксина, поручив ему наблюдение за судостроением. Так начиналась морская деятельность будущего генерал-адмирала.

В это же время в Архангельск прибыло для заключения торгового договора голландское посольство во главе с владельцем судоверфи в Роттердаме Николаем Витсенем. Амстердамский бургомистр Витсен был известен созданием первой карты Северной Азии, которую он в 1687 г. посвятил русским царям. Именно ему царь заказал сорокачетырехпушечный фрегат [73. С. 104—105; 14. С. 15—16].

Возвращаясь, царь заехал в Холмогоры, а затем на Вавчугу, где осмотрел лесопильные заводы братьев Бажениных.

Оценив их предприимчивость, Петр предложил основать поблизости верфь для сооружения мореходных торговых судов, чтобы на них самим вывозить лес за границу. Он предоставил братьям привилегии по использованию государственных лесов и обещал льготы, когда начнется экспорт леса [14. С. 15—16]. На основе его предложений возникла существовавшая до середины XIX в. верфь, известная высоким качеством постройки судов.

На обратном пути царь остановился в Олонце, где сам отливал пушки и точил блоки для заложенного в Архангельске судна [14. С. 16]. После возвращения в Москву он начал готовиться ко второй поездке на Белое море и приказал именовать себя шкипером. Для будущей эскадры готовили пушки, якоря.

Царь лично подбирал в экипажи судов наиболее расторопных солдат гвардейских полков. Он вел переписку с Апраксиным о том, чем нагружать корабль, для себя же просил лишь лимонов, рейнвейна и математические инструменты.

24 января 1694 г. умерла мать Петра Наталья Кирилловна, тревожившаяся за сына и запрещавшая ему выходить в море. Три дня после похорон Петр был в отчаянии, но на четвертый уже приступил к работе. Апраксину он писал о своей горе: «Федор Матвеевич, беду свою и последнюю печаль глухо объявляю; подробнее о ней писать рука моя отказывается, а еще более сердце. Я вспоминаю к тому же слова апостола Павла: «не скорбеть об умерших» и слова Ездры: «минувшего возвратить нельзя». Роптать не смею, покоряюсь тайне непостижимой и предаю все воле Божией.

Но теперь, как Ной, я от беды немного отдохнул, перестал сокрушаться о невозвратном и начинаю думать о живых!» [73. С. 107—108].

Петр позаботился выслать на Север тысячу ружей, порох, пушки, блоки для новых судов. Сам он отправился 1 мая, первым прибыл в Вологду, осмотрел суда, а 8 мая двадцать два струга под командованием Ф.Ю. Ромодановского выступили в путь; фактическим командиром являлся царь, который приказал именовать себя шкипером и управлял движением каравана с помощью пушечных выстрелов [73. С. 108]. В Архангельске он спустил строившийся на Соломбале корабль «Апостол Павел», на яхте «Св. Петр» ходил к Соловецкому

монастырю и оморячился в сильный шторм; Петр поставил собственноручно сделанный крест у Пертоминского монастыря в память об избавлении яхты от опасности в бурю. По возвращении в Архангельск он занялся вооружением и снаряжением «Апостола Павла» [44. Ч. 1, 2].

До прибытия купленного в Голландии фрегата «Св. Пророчество» Петр на голландском судне решил изучить морское дело, начиная с азов, и обратился к капитану Виллемсону. Голландец, приняв его слова за шутку, предложил царю начать с должности каютного юнги, а потом убрать парус. Молодой монарх беспрекословно подал капитану стакан воды, а затем полез на мачту. Усиленно упражняясь и изучая морское дело, он за короткий срок от юнги дошел до чина офицерского. Кроме того, как корабельный мастер Петр устранял полученные в дальнем переходе повреждения фрегата «Св. Пророчество» [73. С. 111—113].

В Архангельске царь настойчиво расспрашивал англичан и голландцев о морском деле и сам принимал участие в корабельных работах. После прибытия фрегата «Св. Пророчество» царь принял его под команду и совершил плавание в Белом море до Св. Носа в эскадре под флагом адмирала Ф.Ю. Ромодановского [44. Ч. 1. С. 2]. В плавании с 14 по 21 августа на трех судах (одном купленном и двух построенных в Архангельске) он сопровождал караван иностранных торговых судов до горла Белого моря [68. С. 13—14]. Витсену царь заказал также 32-весельную галеру [14. С. 16].

Петру, очевидно, по молодости лет хотелось быстрее иметь хотя бы потешный, мизерный, но флот. Он знал, что во флоте полагаются младшие флагманы. Посему вице-адмиралом он определил И.И. Бутурлина, а контр-адмиралом — П.И. Гордона [44. Ч. 1. С. IX — X]. Бутурлин командовал кораблем «Апостол Павел», Ромодановский — фрегатом «Св. Пророчество», Гордон — яхтой «Св. Петр». Ни один из «флагманов» не знал морского дела. В частности, Гордон по ошибке чуть не посадил яхту на мель и считал, что только божественное провидение спасло его [68. С. 14]. Разумеется, при Бутурлине состоял опытный морской капитан. С Ромодановским же шел сам царь. Он ходил до Святого Носа, отку-

да импровизированная эскадра вернулась в Архангельск [73. С. 113—114].

Оба генерала, как и Ромодановский, не прославились на море, но позднее стали известными военачальниками, оставшись в числе хотя и потешных, но первых российских флагманов.

Общаясь с русскими и иностранными предпринимателями, Петр увидел, что обладавшие торговыми флотами иностранные негоданты могут диктовать цены и покупать за дешево традиционные русские товары, ибо российские купцы не имели своих судов. Чтобы продемонстрировать, как можно извлекать высокие прибыли, перевозя товары на своих судах, Петр приказал загрузить, пенькой и лесом имевшиеся у него два судна и направить их для торговли в порты Голландии [14. С. 16]. Первая попытка торговли на своих судах оказалась неудачной. В Европе шла война. Отправленный с товарами фрегат был захвачен французскими каперами, и возвратить его не удалось. Стало очевидно, что без сильного военного флота защитить торговлю невозможно. Но даже если бы судоходству ничего не препятствовало, Архангельск, недоступный для судоходства зимой и слишком далеко расположенный от центров производства, не мог обеспечить растущие потребности страны.

Царь хотел начать строительство флота у берегов Каспийского моря по примеру своего отца. Об этом писал Франц Лефорт 4 июля 1694 г. из Архангельска в Женеву: «Через два года поговаривают о путешествии в Казань и Астрахань; но, быть может, в два года времени это пройдет. Впрочем, я буду всегда готов исполнять приказания. Есть намерение выстроить несколько галиотов и идти к Балтийскому морю... Меня возводят в адмиралы всех судов его величества; этого непременно желает сам наш великий царь Петр Алексеевич». 13 сентября Лефорт писал: «Будущим летом выстроят пять больших кораблей и две галеры, которые, ежели даст Бог, через два года отправятся в Астрахань для заключения важных договоров с Персиею» [66. Кн. VII. С. 507—508].

Видимо, Лефорт в роли советчика предложил избрать иной путь, по которому страна имела бы связь с развитыми европейскими державами, а не с дряхлыми монархиями Востока.

Требовалось обзавестись портами либо на Балтийском, либо на Черном море. На Балтике наиболее мощными армией и флотом обладала Швеция, с которой Россия не раз воевала, но так и не добилась удобного выхода к побережью. Кроме того, со шведами существовал мир.

Не так было на Юге. Турция поддерживала крымских татар, которые постоянно нападали на русские земли и увозили тысячи пленников в рабство. Веками с татарами и турками вели борьбу донские и запорожские казаки, а во второй половине XVII в. в борьбу вступила и Россия. Она вошла в союз, организованный европейскими христианскими державами (Австрией, Венецией, Польшей) против Турции. Борьба длилась не один год. Именно в рамках деятельности союза проходили знаменитые неудачные Крымские походы В.В. Голицына 1687 и 1689 гг. Петру требовался успех, чтобы приобрести необходимый авторитет в стране и оправдаться перед союзниками. Но для этого следовало серьезно готовиться.

После возвращения из Архангельска царь организовал последние потешные маневры. Для них была избрана равнина на правом берегу Москвы-реки, в двух верстах от Симонова монастыря, за деревней Кожуховой. По ее названию и маневры наименовали Кожуховскими. К этому времени полки пополняли солдатами; из 20 городов вызвали для обучения ратных людей. На поле был построен пятиугольный городок, который занял «польский король» — генералиссимус И.И. Бутурлин с армией из стрельцов. За три дня он приготовился к обороне. Затем в поход из Москвы выступила армия Ф.Ю. Ромодановского, составленная из полков нового строя, включая гвардейские. Петр участвовал в походе в качестве сержанта Преображенского полка. Войска заняли Кожухово, устроили переправу и лагерь на правом берегу Москвы-реки по всем правилам инженерного искусства. Также по всем правилам европейского военного искусства царь намечал и вести осаду. Однако после празднования именин Лефорта, которые отмечал весь лагерь, военачальники решили устроить штурм крепости. Ров завалили фашинами. Вал взорвать не удалось, стрельцы отбивали атаку гранатами, горшками с горючей смесью и другими средствами. Несмотря на упорную защиту осажденных, напор Преображенского, Семеновского и Бутырского полков оказался настолько

счел, что стрельцов выбили из городка. Петр, однако, оказался недоволен столь быстрой победой. Вновь полки Бутурлина заняли городок, и началась осада с подкопами и минами, которая дала представление царю о трудностях осадных работ. В конце концов успешный штурм завершился победой полков нового строя над стрельцами [73. С. 115—117].

Царь считал, что он располагает войсками для первого серьезного предприятия. Советники сообщали ему, что в народе зреет недовольство бесполезными расходами на потешные дела и призывом на службу иноземцев. Необходима была военная победа. Польша требовала от России помощи против турок. Опять же и татары продолжали набеги в русские пределы; гетман Иван Степанович Мазепа просил прислать против них войска. Так как опыт двух походов Голицына на Крым продемонстрировал, что это направление опасно и неперспективно из-за длительного пути, лишенного пищи и фуража, целью был избран Азов — турецкая крепость, закрывавшая выход из Дона в Азовское море.

Известно было из летописей и книг, что славяне не раз ходили по Черному морю, называвшемуся в Средние века Русским, к берегам Анатолии и угрожали гордой столице Византии. Пылкий начинающий полководец рассчитывал на лавры покорителя Азова. Царь полагал, что он получит пункт, из которого сможет организовать как торговлю, так и дальнейшее продвижение к Черному морю при помощи флота. Этим предприятием он решал две задачи: выполнял обязательства, принятые Россией перед союзниками, и прокладывал кратчайший путь по рекам и южным морям к Европе.

С импровизированными генералами и адмиралами Петр начал первый Азовский поход в надежде выйти через Азовское море к Черному. Собраны были немалые силы: около 11 000 войск со 114 мортирами, 12 гаубицами и 44 пищальями должны были наступать на Азов под командованием генералов П.И. Гордона, А.М. Головина и Ф.Я. Лефорта, тогда как дворянской коннице Б.П. Шереметева и украинским казакам следовало отвлекать внимание противника в низовьях Днепра. Авангард выступил из Москвы в начале марта и прибыл к Азову 27 июня, присоединив в пути донских казаков. Главные силы вышли 28 апреля, на судах по Москве, Оке и Волге достигли Царицына, перешли по суше к Дону и

на заранее подготовленных судах продолжили путь. 5 июля все войска собрались к Азову [25. С. 16—17]. 8 июля начали осаду. Пушки с устроенных под Азовом батарей обстреливали крепость.

Петр, участвовавший в походе бомбардиром, принимал участие в обстреле и потом считал, что начал службу с первого Азовского похода.

Так как турки перекрыли Дон, построив на обоих берегах каланчи и связав их цепью, преграждающей путь по реке, снабжать русские полки водой не было возможности. Добровольцы из числа донских казаков, которым обещали по десять рублей на брата, взяли каланчи [73. С. 126]. Это позволило снабжать войска по суше и реке. Но два штурма, 5 августа и 25 сентября, завершились неудачами. Сказались измена перебежавшего к туркам и многое им рассказавшего наемного матроса Яна Янсена, малый опыт осаждавших и отсутствие флота, способного блокировать крепость с моря. Несколько командующих войсками действовали несогласованно. Турки, пользуясь отсутствием морских сил у противника, свободно снабжали Азов всем необходимым по воде. Пришлось снять осаду. Со значительными потерями русские войска отошли в свои пределы [25. С. 17]. Правда, Шереметев и Мазепа овладели городками Кази-Кермень и Таган в низовьях Днепра, еще два городка турки оставили. 22 ноября Петр как победитель торжественно вступил в Москву. Взятые каланчи назвали Новосергиевским городом [66. Кн. VII. С. 513]. Однако основная цель осталась недостигнутой.

Неудача не заставила Петра опустить руки. Возвращаясь с «невзятия Азова», как царь горько шутил в письме к Ф.М. Апраксину, он уже продумывал меры, чтобы в следующем году овладеть крепостью. Царь объединил командование на суше в руках боярина А.С. Шеина, а командовать будущим флотом назначил генерала и адмирала Франца Лейфорта. Сам он получил чин капитана, но продолжал держать в руках бразды правления, тем более что 29 января 1696 г. скончался брат Иван, и Петр остался единственным правителем России [73. С. 128].

По образцу закупленной за границей галеры (присланной Витсенем вместе с мастером по сборке) начали строить

свои. В 1695 г. на верфи, основанной в селе Преображенском, Петр и солдаты гвардейских полков (шхипманы) готовили «члены» (детали) 22 галер и 4 брандеров; завершили изготовление деталей в конце февраля 1696 г. и отправили на 10 000 крестьянских подвод на Юг; суда собрали и спустили в Воронеже, где основали новые верфи. Для верфей царь избрал правый, пологий берег реки Воронеж от города до слободы Чижово, а также удобные места у Ступинской пристани выше по реке. Поблизости, на берегах притоков Воронежа, были немалые леса. Отсюда можно было провести суда в Дон и далее к Азовскому морю [44. Ч. 1. С. 2; 14. С. 17].

Царь вызвал в Россию иноземных офицеров, инженеров и мастеров, необходимых при постройке судов, даже снял плотников с иностранных военных судов в Архангельске. Несмотря на больную ногу, которая мучила Петра, он сам выехал на Юг, чтобы руководить военными приготовлениями [73. С. 128]. В 1696 г., по прибытии в Воронеж, царь принял деятельное участие в постройке двух галеасов. Эти два крупных судна «Апостол Петр» и «Апостол Павел» должны были стать ядром «морского каравана» из галер. Кроме того, в Козлове, Брянске и некоторых других пунктах строили 1300 стругов, 300 морских лодок и 100 плотов для перевозки войск. Из окрестных городов и деревень по указу Петра собрали плотников, знакомых с судостроением, выписали корабельных мастеров из Венеции, Голландии и Англии. Всего было собрано свыше 26 000 человек, 1000 лошадей. Царь торопился построить суда, не обращая внимания на расходы и тяготы для людей. К маю постройка завершилась. Недостроенные суда спустили, намереваясь оснащать в пути. В частности, 36-пушечный галеас «Апостол Павел» сопровождали 5 стругов с материалами для достройки судна [14. С. 18].

Численность войск была доведена до 75 000. В конце марта армия собралась в Воронеже. Спуск судов начали в первых числах апреля [66. Кн. VII. С. 515]. 23 апреля выступили суда авангарда с тремя полками под командованием П. Гордона, затем еще пять полков с А. Головиным и А.С. Шейн со штабом. Остальные войска двигались походным порядком. 3 мая выступил галерный флот, двигавшийся четырьмя отрядами; во главе первого на «Принципиуме»

шли сам царь и адмирал Лефорт. Плавание проходило под новым государевым стягом. Потешные генералиссимусы Ромодановский и Бутурлин оставались в Москве. Первый из них продолжал играть роль государя и даже временами позволял себе делать выговор Петру за недостаточное уважение в письмах [25. С. 17; 73. С. 129—130].

За три недели, которые морской караван и войска двигались к Азову, Петр составил первый морской устав. 8 мая 1696 г. на борту галеры «Принципиум» он подписал «Указ по галерам» из 15 статей [24. Т. 1. С. 440]. По требованию этого устава капитаны должны были следить за сигналами адмирала, выполнять его приказы и не отрываться от флагманской галеры, ибо «того требует общая польза: военные суда, плотно идущие, могут объехать всю вселенную, не опасаясь шторма, если же разлучатся, и ста сажен проплыть не могут». При виде красного флага, поднятого адмиралом, все капитаны должны были готовиться к сражению под опасением смертной казни. Смерть грозила тому, кто выдаст товарища в бою или в сражении пойдет не своим путем, или не окажет помощи бедствующему кораблю. За меньшие прегрешения капитанам грозили денежные штрафы [73. С. 130—131].

27 мая русский флот подошел к Азову, помешал туркам высадить подкрепления и к началу июня блокировал крепость с моря, тогда как сухопутные войска осаждали ее с суши [25. С. 17].

Первую победу под Азовом одержали еще 22 мая казаки атамана Ф. Миняева. Они напали на 13 крупных и 24 мелких турецких судна, стоявших в устье Дона; 2 крупных судна и 9 тумбасов были уничтожены, один тумбас захвачен. Остальные турецкие суда отошли в море. Русская галерная эскадра получила выход в Азовское море. Азов к 12 июня был блокирован со всех сторон [24. Т. 1. С. 64].

Не решившись на штурм, русские войска продолжали обстрел Азова, однако не могли разрушить стены и валы. Тогда военный совет, обсудив положение и выслушав предложения солдат и стрельцов, пришел к решению применить средневековый метод осады — построить перед неприятельской стеной вал той же высоты и завалить ров. 23 июня приступили к грандиозной работе. Когда прибыл артиллерийский полковник Граге, в дело пошли более современные

методы осады — минные подкопы. Не дожидаясь завершения работ, два полка казаков сговорились, неожиданно сбили турок с вала и пытались ворваться в каменную крепость, но без поддержки главных сил отошли к валу. Только когда Гордон прибыл с гренадерами и помог казакам, они отбросили турок и удержали бастион. Четыре захваченные пушки подарили Петру. Тот приказал готовиться к штурму, но 18 июля вышедший из крепости старый турок предложил приступить к переговорам. Турецкое командование приняло условия, выдвинутые русскими двумя неделями ранее. Защитники покидали крепость с женами и детьми, неся на себе пожитки и вооружение; орудия и снаряды оставались в Азове. Русские обязались перевезти турок на судах по Дону до устья Кагальника. Всех пленников и невольников освободили без выкупа. 19 июля русские войска заняли крепость. После вступления в Азов запорожцы начали грабеж, однако в разрушенном артиллерией городе добычи находилось мало. Турки из военной добычи оставили 90 пушек и мортир, порох, немного ядер и поломанное легкое оружие [73. С. 131—134].

Первая победа над турками была с радостью воспринята и приверженцами старины, и сторонниками перемен. Думный дьяк А.А. Виниус писал: «Всем известно, что единым промыслом вашим и одержанием помощи моря столь знаменитый в свете град к ногам вашим преклонился».

Петра не смущало недовольство некоторых слишком легкими условиями капитуляции. Царь приобрел первый населенный пункт на берегу моря и мог строить флот. На следующий же день после вступления в город он приказал подготовить план восстановления укреплений по правилам фортификации. Уже через несколько дней начались строительные работы. Однако изыскания показали, что устье Дона и Азов мелководны для базирования крупных кораблей. 26 июля Петр с генералами и инженерами на галерах отправился искать более удобное место. Объехав берега Азовского моря, он выбрал место для основания нового порта и верфи на мысу Таган-Рог [73. С. 134—136]. Со временем на этом месте был построен Таганрог.

За взятие Азова Петр наградил малороссийских и запорожских казаков и других участников. Успех второго Азовского похода был торжественно отмечен вступлением побе-

дителей в Москву. В конце сентября столица увидела необычайное зрелище. Процессия войск от Коломенского шла по всей Москве несколько часов. Построенные вдоль улиц стрелецкие полки сдерживали толпы любопытных. В колонне победителей царь занимал скромное место: он шел впереди капитанов морского полка. Самое заметное место было отведено боярину Шеину и адмиралу Лефорту. Последнего царь указал приветствовать как руководителя флота, сыгравшего решающую роль во взятии Азова. Перед триумфальной аркой процессия остановилась, и дьяк Виниус приветствовал победителей стихами [46. С. 56].

Взятие крепости явилось лишь началом. Без флота, способного померяться силами с кораблями султана, попытки выйти в Азовское и Черное моря были обречены на неудачу. Посему энергичный монарх, воспользовавшись победой, добился поддержки Боярской думой проекта создания регулярного флота. В октябре 1696 г. он писал Думе о преимуществах флота перед сухопутными войсками: «...ничто же лутче мню быть, еже воевать морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ паче, нежели сухим путем, о чем пространно писати оставляю многих ради чесных искуснейших лиц, иже сами свидетели есть оному. К сему же потребен флот или караван морской, в 40 или вяще судов состоящий, о чем надобно положить не испустя времени: сколько каких судов, и со много ли дворов и торгов, и где делать» [68. С. 20].

Петр собрал Боярскую думу в Преображенском и поставил перед ней вопросы, как населить и защитить Азов. Было решено переселить 3000 семей из низовых городов и 400 калмыков. Чтобы удержать за собой город и сделать его центром торговли, следовало создать флот [73. С. 139]. Так как казна опустела, требовалось найти средства для его сооружения. Из письма Петра видно, что к этому времени уже родилась основная идея: возложить тяготы на землевладельцев и купцов. 20 октября Дума приняла «Статьи удобные, которые принадлежат к взятой крепости или фортецыи от турок Азова». Документ этот, посвященный положению Азова, включал и пункт о флоте, гласивший: «Морским судам быть, а скольким, о том справитца о числе крестьянских дворов, что за духовными и за всяких чинов людьми, о том

выписать и доложить, не замотчав» [68. С. 21]». Этот день признан днем рождения русского флота. На заседании Думы 4 ноября было решено к апрелю 1697 г. построить на Азовском море регулярный военный флот, и Петр издал указ: «Ноября в 4-й день Великий Государь Царь... указал свой Великого Государя Указ сказать всем: с патриарших и с архмерейских и с монастырских с осьми тысяч дворов сделать корабль, с помещиков с десяти тысяч — корабль, с большего числа до ста дворов, а впредь делать суда, буде понадобится, с двадцати тысяч дворов со всеми припасы, и делать те суда на Воронеже, и леса готовить с нынешнего 205 году, а каковы те суды мерою и что к ним каких припасов будет надобно, и тому даны будут росписи, а делать те суды со всем и на воду спустить в 206 году в апреле месяце в первых числах, а мастера, кому у того дела быть для указывания и уставу, его Великого Государя, а за кем меньше ста дворов с тех с двора по полтине, а платить те деньги в нынешнем в 205 году на Воронеже кому у того денежного сбора будет приказано, и о том послать во все города свои Великого Государя грамоты, а кому на Воронеже к тому корабельному делу леса отводить, о том в разряд послать память» [24. Т. 1. С. 67].

Создавать флот предстояло всей России. Торговым людям, слободам и городам следовало построить 12 кораблей. Духовные лица составили 17, светские — 18 кумпанств. Каждое кумпанство, располагавшее примерно одинаковыми средствами, за свой счет должно было построить и оснастить судно. Они должны были составить к 1698 г. Азовский флот из 52 кораблей разных классов; позднее число их выросло до 77 [24. Т. 1. С. 69].

17 декабря 1696 г. руководство морскими делами царь поручил стольнику А.П. Протасьеву и передал в Володимерский судный приказ. Протасьеву, названному «адмиралтейцем», были вручены инструкции, определявшие его обязанности и порядок управления кумпанствами. Он должен был произвести раскладку статей сбора. Надзор за работами и заготовка материалов были поручены Францу Тиммерману. Приказ рассылал списки предметов и материалов, необходимых для постройки, и чертежи кораблей и их деталей. Были выделены по Волге и в верховьях Дона места заготовки леса. Для руководства воинскими чинами флота Петр создал Во-

инский морской приказ во главе с Ф.А. Головиным [24. Т. 1. С. 71—72].

Петр, занятый государственными делами, находил время, чтобы приезжать на новые верфи и участвовать в кораблестроении. Со временем ему стало очевидно, что члены кумпанств не представляли себе, как строить корабль. Знающих людей можно было пересчитать по пальцам. Для создания флота требовались специалисты — кораблестроители и моряки. В России было немало людей, способных строить суда отечественной конструкции и водить их по реками и даже северным морям. Однако Петр намеревался создать регулярный флот европейского образца. Мастеров такого рода следовало нанимать за границей. Так и сделали для первых кораблей, которые строили кумпанства. Но уже с самого начала Петру было ясно, что безоговорочно рассчитывать на мастерство и преданность иноземцев не стоит. Царь смотрел далее. Он намеревался готовить отечественных специалистов.

В первую очередь за границу были отправлены 50 комнатных стольников и спальников, многие из которых относились к знатнейшим фамилиям России. 28 человек должны были изучать кораблестроение в Италии, 22 — в Англии и Голландии. Царь и сам собирался учиться кораблестроению и морскому делу, чтобы иметь возможность проверять других и спрашивать с нерадивых. Потому он воспользовался первой возможностью, чтобы выехать в Европу вместе с Великим посольством.

3. Великое посольство

Официально посольство должно было подтвердить союзные отношения с европейскими державами в борьбе против Турции. Правда, русский посланник Кузьма Нефимов уже добился продления союзного оборонительного и наступательного союза с цесарем (австрийским императором) и Венецией. Продлить союз с Польшей представлялось невозможным, ибо вместо умершего короля Яна Собесского польский сейм еще не избрал нового. Англия и Голландия готовились воевать за испанское наследство. Они, как и Франция, не были заинтересованы в войне против Турции, которая нарушила бы их торговые интересы. Тем не менее

посольство было организовано как политическое мероприятие, чтобы замаскировать основное его назначение — дать Петру I и его приближенным представление как о политике, так и о развитии техники в Европе. Царь прекрасно понимал, что без этих знаний он не сможет руководить преобразованиями России [41. С. 68—69]. О целях Петра говорила надпись на печати, которой он запечатывал письма из-за границы: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую» [66. Кн. VII. С. 523].

Полномочными послами были назначены адмирал, наместник Новгородский Ф.Я. Лефорт, генерал-кригс-комиссар и наместник Сибирский Ф.А. Головин и думный дьяк, наместник Белевский П.Б. Возницын. К посольству прикомандировали 20 дворян. Особенностью посольства явилась группа из 35 волонтеров. Большую часть, три десятка, составили бомбардиры Преображенского полка, которые вместе с царем учились военному делу и судостроению. Десятником второго десятка состоял Петр Михайлов, как царь приказал себя называть. Не связанный необходимостью придерживаться регламента и условностей, которые окружали дипломатическую деятельность того времени, Петр мог свободно передвигаться и изучать то, что представляло для него интерес. В то же время он оставлял за собой власть и право принимать решения. Кроме обычного наставления, Петр подготовил для посольства особую записку, в которой, сверх решения политических вопросов, предписал нанимать за границей искусных специалистов, закупать оружие и разные принадлежности для флота [73. С. 142—143].

Царь оставил в Москве для управления государством совет из бояр Л.К. Нарышкина, П.И. Прозоровского, Б.А. Голицына, Т.Н. Стрешнева и Ф.Ю. Ромодановского; последнего он объявил председателем совета и наместником в Москве, присвоив титул князя-кесаря [49. С. 131]. Для обороны южных рубежей Петр выдвинул к Азову армию боярина А.С. Шеина, которому предстояло также строить укрепления Азова и Таганрога. Значительные силы были направлены к границе Польши, чтобы при необходимости повлиять на выборы короля в интересах России. Перед отъездом царю пришлось ликвидировать заговор думного дворянина Ивана

Цыклера, намеревавшегося с группой сообщников убить его [73. С. 143—144].

Посольство двигалось через Тверь, Псков и Ригу. В Риге губернатор Дальберг встретил посольство с уважением, однако не позволил царю ознакомиться с крепостью, чем вызвал его гнев. Не дожидаясь, пока окончится ледоход, Петр на рыбацкой лодке переправился через реку. В столице Курляндии Митаве он много разговаривал с герцогом о польских и турецких делах, затем впервые познакомился с Балтийским морем в Либаве. Отсюда, отпустив посольство сушей, Петр отправился на купеческом судне в Пруссию, разговаривал в Кенигсберге с курфюрстом Бранденбурга Фридрихом III, учился артиллерии и получил соответствующий аттестат. Из Пруссии Петр дал указание своему послу в Польше противодействовать избранию королем находящегося в дружбе с Турцией французского принца Конти. Его поддержка позволила утвердиться на польском троне саксонскому курфюрсту Августу II [66. Кн. VII. С. 531—532].

В пути Петр I встречался с курфюрстинами ганноверской и бранденбургской. Обе образованные женщины отметили, что царь — «...человек очень хороший и вместе очень дурной» [73. С. 150—151]. Так проявлялось в Петре сочетание необыкновенных способностей и недостатков, вызванных отсутствием воспитания и трудным детством.

Часть пути царь ехал с посольством, затем на лодке спустился к Рейну, рекой добрался до голландского городка Саардама (Заандама), где поселился в доме кузнеца Киста, работавшего ранее в России, и устроился на верфи плотником. В свободное время он ходил по фабрикам и заводам, катался на лодке, купил буер и сам его оснастил. Царь присутствовал при торжественной встрече посольства в Амстердаме. Особенно его заинтересовало устроенное специально для него примерное морское сражение под руководством адмирала Схея. Сначала Петр вместе с почетными гостями наблюдал за перестроениями эскадр с борта яхты, а затем перешел на боевой корабль, чтобы быть ближе к сражению [73. С. 152—158].

Лишь восемь дней работал Петр в Саардаме на частной верфи Линста Рогге. Инкогнито монарха было раскрыто, любопытство местных жителей мешало ему. Потому он об-

ратился к бургомистру Н. Витсену с просьбой получить возможность учиться кораблестроению в Амстердаме и был определен на верфь Ост-Индской компании. Так как руководство верфи знало, кто такой плотник Питер, ему была предоставлена возможность с группой соотечественников построить от начала до конца 33-трехметровый фрегат «Апостолы Петр и Павел». Руководил работами голландский корабельный мастер Герит Клас Поль [14. С. 20]. Первые три недели корабел готовил материалы. 9 сентября Петр заложил фрегат и писал об этом митрополиту: «Мы теперь живем в Нидерландах, в городе Амстердаме; живы и здоровы вашими молитвами; исполняя слово Божие, сказанное Адаму, трудимся в поте лица своего; делаем это не из нужды, а для того чтобы изучить морское дело, чтобы по возвращении оставаться победителями над врагами имени Господня и освободить христиан из-под ига нечестивого, чего я до последнего дыхания своего не перестану желать» [73. С. 159].

16 ноября фрегат торжественно спустили на воду [73. С. 163]. Петр участвовал в постройке корабля от закладки до окончания и получил от мастера Класа Поля аттестат о знании корабельной архитектуры: «Я, нижеподписавшийся, Герит Клас Поль, корабельный мастер при Амстердамской камере привилегированной Ост-Индской компании, свидетельствую и удостоверяю по истине, что Петр Михайлов (находящийся в свите Великого московского посольства, в числе тех, которые здесь в Амстердаме на Ост-Индской корабельной верфи, с 30 августа 1697 года и по нижесказанное число, жили и под нашим руководством плотничали), во все время благородного здесь пребывания своего был прилежным и разумным плотником, также в связывании, заколачивании, сплачивании, поднимании, прилаживании, натягивании, плетении, конопачении, стругании, буравливании, распиловании, мощении и смолении поступал как доброму и искусному плотнику надлежит и помогал нам в строении фрегата «Петр и Павел», от первой закладки его, длиною во 100 футов (от форштевня до ахтерштевня), почти до его окончания и не только что под моим надзором корабельную архитектуру и черчение планов его благородие изучил основательно, но и уразумел эти предметы в такой степени, сколько мы

сами их разумеем. Для подлинного удостоверения я подписал сие моею собственной рукою.

Дано в Амстердаме, в нашем постоянном местопребывании на Ост-Индской верфи, 15 января в лето Господне 1698 г. Герит Клас Поль, корабельный мастер привилегированной Ост-Индской компании в Амстердаме» [14. С. 20].

Уже из этого патента видно, что голландцы учили Петра не столько проектированию, сколько постройке корабля. Молодой корабел был разочарован, ибо даже один из лучших корабельных мастеров не мог обучить его теории кораблестроения и объяснить, почему требуется то или иное устройство делать именно так, а не иначе.

Царь не ограничивался кораблестроением. Он встречался в Утрехте с штатгальтером Голландии и английским королем Вильгельмом Оранским, знакомился с учеными, посещал заводы, фабрики, верфи, осваивал разные специальности. Петр знал из писем, что кумпанства строили корабли, что в Швеции закупили 300 пушек и заказаны еще. Однако многого не хватало, и в первую очередь опытных моряков и других специалистов. Не было и средств. Петр решил обратиться к Голландии и выехал с посольством в Гаагу. Там посольство просило предоставить опытных капитанов и матросов, оружие и боеприпасы, кораблестроительные материалы для борьбы с Турцией, обещая заплатить позднее. Голландцы не хотели ссориться с Турцией, помощи не предоставили, но разрешили посольству нанимать людей и покупать все необходимое у голландских купцов [73. С. 160—163].

Узнав, что англичане превосходят голландцев в теории кораблестроения, монарх в начале 1698 г. с группой волонтеров, также изучавших корабельное дело, прибыл в Лондон. В Англии царя встретили хорошо. Там он познакомился с опытным моряком адмиралом лордом Кармартеном. Отлично знавший кораблестроение моделист-любитель часто беседовал с Петром и значительно расширил его кругозор. Царь, поселившийся в Дептфорде под Лондоном, вблизи королевской верфи, изучал теорию кораблестроения, бывал на стапелях, знакомился с корабельными мастерами и чертежами строящихся кораблей, сам занимался черчением и даже переносил линии чертежа в натуральную величину

на плаз. За три с половиной месяца пребывания в Англии он освоил основы теории кораблестроения, практику судостроения на местной верфи, научился выполнять кораблестроительные чертежи в соответствии с нормами, принятыми в английском флоте [14. С. 21].

Не забывал Петр и морского дела: катался на яхте, подаренной английским королем, по Темзе, осматривал корабли в Портсмуте. Царь плавал на кораблях английской эскадры до острова Уайт и присутствовал на устроенных в его честь морских маневрах, посещал арсенал в Вуличе (где учился стрелять из пушек), парламент и другие достопримечательности, стараясь изучить все новое и интересное, полезное для России. То же самое царь делал и в других странах, через которые проезжал. Он пригласил на русскую службу около 60 специалистов. В частности, майор фан дер Стам помог приобрести кораблестроительные чертежи, искусный шлюзовый мастер Джон Перри должен был строить канал Волга — Дон, а профессор Фарварсон — организовать первое в России морское училище, Навигацкую школу. Морских офицеров подбирал в Голландии и Ф.А. Головин. Набранные Петром и Головиным люди (свыше 200) составили ядро будущих иностранных специалистов — учителей специалистов русских [73. С. 167—168].

В Англии же Петр решил проблему оплаты расходов посольства. Маркиз Кармартен предложил взять на откуп торговлю табаком. Церковь в России издревле боролась с курением и сурово наказывала нарушителей. Однако к концу XVII века курильщиков становилось все больше; страна превращалась в большой рынок сбыта табака. Кармартен обещал выплатить сумму в 20 000 фунтов стерлингов за год вперед. Обращенный царь, сам куривший, разрешил ввезти в Россию 3000 бочек табаку и отменил запреты на курение [73. С. 170].

В апреле царь вернулся в Голландию на своей яхте «Транспорт-Рояль». Оттуда посольство направилось в Вену. Петр узнал, что австрийцы при посредничестве Англии и Голландии ведут переговоры с Турцией о мире. Европейские державы хотели бы, чтобы Россия продолжала одна воевать с турками; это развязало бы им руки в надвигавшейся войне за испанское наследство. Правда, император обязался не складывать оружия, пока не заключит выгодный и прочный

мир для себя и союзников на основе сохранения уже захваченного. Петр добивался усмирения татар и передачи Керчи России. Он хотел иметь выход в Черное море. Но царю было предложено до окончания переговоров захватить Керчь самому. Оставив на Карловицком конгрессе для переговоров о мире дьяка Возницына, Петр собрался ехать в Венецию, чтобы изучать постройку и использование галер и других гребных судов. Однако пришлось возвращаться: из Москвы пришли сведения о стрелецком бунте.

Перед отъездом с посольством царь указал стрелецкие полки распределить по крепостям вдоль южных и западных границ. Потому смененные в Азове полки вместо возвращения в Москву были направлены в Великие Луки без захода в столицу, к семьям. Стрельцы, возбужденные сторонниками царевны Софьи, двинулись к Москве. Бояре направили навстречу боярина А.С. Шеина, который вместе с генералом П. Гордоном и князем И.М. Кольцовым-Мосальским укрепился под Воскресенским монастырем. Несколькими залпами артиллерии стрельцов рассеяли, затем переловили, провели срочное следствие, казнили зачинщиков, а остальных разослали по крепостям.

Розыск по стрелецкому бунту занял много времени и сил. Параллельно царь силой добивался внедрения европейского образа жизни в России, начав с брандобрития. Самым впечатляющим актом явилась массовая казнь стрельцов, которых Петр с детства считал своими врагами, сторонниками старины. Затем царь вновь обратился к любимому морскому делу.

4. Создание Азовского флота

Еще из Вены царь дал указание прекратить постройку судов голландцами, ибо не верил в их способность строить хорошие корабли. На смену прибывали английские и венецианские кораблестроители, которым и пришлось достраивать заложенные кумпанствами суда. По возвращении из заграничного путешествия Петр Михайлов, как царь себя называл, принял звание «адмиралтейской верфи баса» (корабельного мастера) и стал получать жалованье по триста шестьдесят шесть рублей в год [14. С. 22].

После стрелецких казней, 23 октября 1698 г., царь прибыл на Воронеж и писал Винуису: «Мы, слава Богу, зело в

изрядном состоянии нашли флот и магазины обрели. Только еще облак сомнения закрывает мысль нашу, да не укуснет сей плод, яко фиников, которого насаждаючи не получают видеть. Обаче надемся на Бога с блаженным Павлом: подобает делателю от плода вкусить» [66. Кн. VII. С. 558].

Но на отвлеченные мысли времени не было. Имея представление о современном кораблестроении, царь сразу увидел, что компанейские суда, построенные мастерами разных стран, разнотипны. Добиваясь одновременно мореходности и уменьшения осадки для перевода судов по рекам, мастера нарушали традиционные соотношения размеров. Петр писал Апраксину, что компанейские корабли имеют «...зело странную пропорцию ради своей долготы и против оной узкости, которую... ни в Англии, ни в Голландии мы не видели... И в прочих государствах тоже нет. Но уже к тому поправление учинить невозможно, того ради надлежит только о крепости радеть в кницах и бархоутах, которых мы видели во многих кораблях немалое число худых». Построенные из сырого леса, первые суда Азовского флота не представляли серьезной боевой силы и требовали постоянного ремонта. Исправить положение возможно было, только объединив кораблестроение в руках государства. Петр указал, что кумпанства должны лишь платить деньги, а все работы на верфях осуществляли корабельные мастера, нанятые правительством. Так как иностранные мастера задержались, Петр решил сам строить корабль европейского типа. 19 ноября 1698 г. он заложил в Воронеже 58-пушечный корабль. С учетом мелководности Азовского моря и рек пришлось при проектировании уменьшить осадку и соответственно изменить другие пропорции корабля. Петр применил при постройке особый фальшкиль, который предохранял конструкцию корабля при ударах о дно на мелководье. Если легко закрепленный фальшкиль отрывался, не нарушалась герметичность дна. Почти на полтора столетия в этой идее монарх-корабел обогнал иностранных кораблестроителей [14. С. 22—23].

Первый линейный корабль «Предестинация» («Предопределение Господне») Петр решил строить силами одних отечественных мастеров, чтобы показать свою независимость от иноземцев. Он еще не имел опыта постройки больших

кораблей и вызвал из Венеции в помощь Федосея Склеява и Лукьяна Верещагина. Приказав заготовить для «Предестинации» наиболее сухой выдержанный лес, царь уехал в Москву, оставив руководить работами Склеява. Тому следовало держать царя в курсе дел, а за советами обращаться только к англичанам [14. С. 24].

На основе голландской и английской царь разработал отечественную морскую и кораблестроительную терминологию. Многие из терминов (ахтерштевень, шпангоут, киль, галюн и другие) сохранились до наших дней [14. С. 21].

Капитан Петерсон писал царю о разное с размерами кораблей даже одного класса и предлагал их унифицировать. Его предложения были приняты [24. Т. 1. С. 71]. В дальнейшем совместно с Федосеем Склеявым Петр выработал основы стандартизации кораблей. Таблица стандартов основных «размерений» судов различных типов для Азовского флота, от которой строжайше было запрещено отступать, позволяла избежать того разноразмерия и пропорций, которыми отличались корабли, построенные кумпанствами [14. С. 22].

Для осуществления планов Петра I были необходимы крупные средства. Получить их можно было, лишь организовав прибыльную торговлю. В январе 1699 г. по царскому указу учредили в Москве Бурмистерскую палату, чтобы разбирать дела торговых и промышленных людей; членов палаты избирали из купцов и промышленников. Бурмистерская палата подчинялась лично царю; в ней собирали оклады и подать с торговых людей всей России. Петр установил двойные платежи податей, но и это оказалось лучше тех поборов, которые взимали прежде дьяки. По предложению прибыльщика А. Курбатова царь ввел употребление для прошений и документов гербовой бумаги. Собранные средства шли на реформы, в значительной мере на флот [73. С. 189—190].

Переговоры о мире с Турцией продолжались, Россия могла оказаться один на один с султаном. В этих обстоятельствах Петр решил тяжесть военных операций перенести на море, а это требовало форсировать кораблестроение.

В конце февраля 1700 г., вернувшись в Воронеж, Петр увидел «Предестинацию», возвышающуюся на стапеле. До апреля он достраивал корпус, спустил его и руководил уста-

повкой мачт и вооружения. Корабль с хорошей устойчивостью и мореходностью оказался самым быстроходным в Азовском флоте. Современники высоко оценивали работу отечественных кораблестроителей. Голландский дипломат Ван дер Гульст писал в Гаагу: «Будучи в Воронеже... мы видели спуск очень красивого корабля, построенного самим царем с помощью русских рабочих. Ни один иностранный мастер не приложил руки к этому делу». Ф.А. Головин писал Ф.М. Апраксину, что корабль удивил опытных голландских и английских мастеров качеством проекта и постройки. «Предестинация» оказалась и очень долговечной. Благодаря тому что первый русский линейный корабль строили из сухого леса, он состоял во флоте до 1712 г. и был выгодно продан туркам. Следует учесть, что из 25 кумпанских кораблей, осмотренных Петром в 1701 г., только 9 подлежали достройке, а остальные из-за сырого леса оказались совсем непригодны либо их пришлось переделать в транспортные суда [14. С. 24—25].

Во время Великого посольства царю стало ясно, что европейская политика не дает оснований рассчитывать на поддержку в борьбе против Турции за выход к южным морям. Тем не менее он продолжал сооружение Азовского флота. Цели уже были иные. Монарх обратил основное внимание на Балтийское море. Встреча и дружеские переговоры с курфюрстом Саксонии Августом II позволили надеяться на совместные действия. Через Балтику пролегали наиболее короткие пути к развитым европейским державам. Но с начала XVII в. пути эти контролировали шведы, располагавшие сильнейшим на театре флотом. Чтобы их победить и вернуть потерянные по Столбовскому миру 1617 г. земли у Финского залива, требовалось иметь современную армию, флот и союзников.

Союз удалось заключить с Данией и курфюрстом Саксонии Августом II, который одновременно был и королем Польши. Датский флот и хорошо вымуштрованная саксонская армия должны были стать противовесом шведским вооруженным силам. Но Россия не полагалась только на союзников. С 1699 г., распустив ненадежное стрелецкое войско, царь приказал формировать солдатские и драгунские полки. К 1700 г. они были сформированы. Но Россия не

могла начать войну на Севере ранее окончания войны с Турцией. В ходе Карловицкого конгресса Австрия, Венеция и Речь Посполитая поодиночке подписали мир с турками. Правительство султана не соглашалось с условиями, предложенными русскими дипломатами. Требовалась демонстрация силы. И такую демонстрацию провел Азовский флот.

К весне 1699 г. спешно заканчивали постройку кораблей в Воронеже. Несмотря на недоделки, с 27 апреля эскадра частями медленно по Дону пришла к Азову. Царь, шедший с флотом в качестве капитана корабля «Апостол Петр», осмотрел Азов, Таганрог и был доволен гаванью и укреплениями. Потребовалось дождаться подъема воды, чтобы вывести корабли в Азовское море. Сам Петр, подобно лоцману, проводил суда через отмели [73. С. 193—194].

Монарх торопился вывести флот, чтобы оказать давление на Турцию и добиться мирного договора, без чего нельзя было начинать войну на Севере. 6 апреля 1699 г. думный дьяк Посольского приказа Е.И. Украинцев получил повеление ехать послом в Константинополь — морем. В Таганроге посольству предоставили корабль «Крепость». До Керчи, преграждавшей путь из Азовского моря в Черное, посольский корабль должна была сопровождать вся эскадра. Для солидности командовать эскадрой («морским воинским караваном») из десяти кораблей, двух галер, нескольких меньших судов и казачьих лодок назначили боярина Ф.А. Головина, срочно произведенного в адмиралы. Фактически флотом управляли голландцы вице-адмирал Корнелиус Крюйс и шаутбенахт Ян ван Рез. Командиры были иностранцы, экипажи кораблей также укомплектовали наемниками. Но на борту находилось немало русских солдат, учившихся морскому делу. Сам Петр I с приближенными также отправился в плавание. Для него это была и морская практика, и разведка. Царь рассчитывал в дальнейшем через проливы выйти на торговые пути Средиземноморья, чтобы Россия и на Севере, и на Юге стала великой морской державой. Владение Керчью, ближайшим удобным портом, являлось условием создания действительно мореходного флота. Поэтому инструкция для похода предусматривала осмотр крепости и промеры глубин.

Первый раз «караван» выступил 4 августа, но прошел 20 верст, остановился, пережидая неблагоприятную погоду,

и 7 августа возвратился в Таганрог. Вторично эскадра отправилась через неделю. Попутный ветер позволял достигнуть цели за ночь, но корабли несли только по одному парусу. Видимо, царь не торопился, хотел растянуть любезное его сердцу плавание. Со следующего утра менявший направление ветер заставлял то лавировать, то пережидать на якоре. Лишь на четвертый день эскадра вступила в Керченский пролив и встала в двух верстах от крепости. В проливе уже ожидали четыре турецких корабля, а ближе к городу — девять галер.

Появление русских кораблей вызвало переполох. В первый же день адмирал Головин обменялся через посланцев приветствиями с керченским Муртазы-пашой и сераскиром Гасан-пашой, командовавшим турецкой эскадрой. Узнав о намерении посла идти в Константинополь морем, турки пытались уговорить его ехать по суше, но безуспешно. Украинцев заявил, что, если его не пропустят, он будет вынужден вернуться и доложить монарху. Угроза возымела действие. Капычи-баши, присланный для встречи посла, попросил лишь три дня для подготовки судов, которым предстояло сопровождать посольский корабль. 20 августа «Крепость» встала ближе к турецкой эскадре.

На следующий день адмирал Головин посетил галеры Гасан-паши и был любезно принят. Но минули три оговоренных дня, а турки не собирались выходить. Рано утром 24 августа с флагманского корабля послали стольника Ф.М. Апраксина на «Крепость» с указанием царя, чтобы Украинцев просился ехать без сопровождения или взять Капычи-баши на борт. Такое требование заставило турок поторопиться.

25 августа, не дожидаясь выхода посольского корабля, русская эскадра отправилась в обратный путь. Из-за сильного ветра пришлось пять суток простоять на якоре. Лишь 31 августа корабли вернулись в Таганрог. За время плавания моряки собрали сведения о Керченском проливе и сделали промеры глубин Азовского моря.

Несмотря на препоны, которые чинили турки, 28 августа корабль «Крепость» отправился к цели. Сопровождавшие его турецкие суда не поспевали за российским, и их приходилось поджидать. 2 сентября посольский корабль достиг Босфора и вошел в пролив без лоцмана.

Выход российской эскадры в море и появление русского корабля перед дворцом султана вызвали удивление. Южно-славянский коммерсант Савва Владиславич-Рагузинский писал 2 октября 1699 г. Е.И. Украинцеву: «Вся турецкая земля удивилась, что москвичи свели на низ на Черное море корабли и суда, и зело удивляются, понеже никогда не видели в тех странах таких суден не делали, однако же утешаются говоря что-де не могут быть совершенны, ниже возмогут противиться их кораблям, хотя бы еще было столько же...»

Действительно, конструкция первых российских кораблей оставляла желать лучшего. Украинцев в письме царю сообщал: «...и сей твой В.Г. корабль, на котором я плыл на Черном море в ветр и несамый сильный гораздо скрипел и на бок накланивался и воды в нем явилось немало». Одной из причин недостаточной прочности являлась вынужденная замена железных гвоздей деревянными. Промышленность страны только развивалась. Требовалось время, чтобы создать предпосылки для сооружения мощного флота. Со временем такой флот появился на Балтике.

Появление русской эскадры у Керчи и гром салюта «Крепости» у дворца султана сыграли свою роль: турки подписали перемирие на тридцать лет, по которому уступали Азов, Таганрог и Миус с окрестностями; Россия обязалась разрушить и не возобновлять крепости в низовьях Днепра. По Днепру от Запорожской Сечи до Очакова и берег Азовского моря от русских укреплений до Перекопа должны были оставаться незаселенными. Турция уступила и земли в сторону Кубани на десять часов езды [73. С. 200—201]. Правда, русским дипломатам пришлось поступиться правом свободного плавания: Турция не разрешала русским судам выходить в Черное море.

Как только в Москве стало известно о заключении договора, войска направились к Нарве. Начиналась Северная война 1700—1721 гг., выдвинувшая Россию в ряд великих держав.

Петр не отказался от усиления флота на Юге — это должно было сдерживать турок от желания добиться реванша. Недовольный деятельностью А.П. Протасьева, он отстранил его от должности и адмиралтейцем назначил Ф.М. Апракси-

на, который возглавил новообразованный Адмиралтейский приказ (Приказ адмиралтейских дел), расположенный в Москве, как и Военский морской приказ Ф.А. Головина [24. Т. 1. С. 72].

Царь и сам продолжал строить корабли на Юге. Весной 1701 г. он заложил 80-пушечный корабль «Старый орел», а осенью — 70-пушечный «Старый дуб», через два года 50-пушечный корабль «Ластка», поручив их строительство Федосею Скляеву. Построенные по царским чертежам корабли отличались полными обводами корпуса и малым отношением длины к ширине; такими мерами Петр добивался приличной остойчивости при малой осадке. Английские мастера Най, Козенц и Терплий также построили несколько кораблей [14. С. 25].

Работа шла на нескольких верфях. Петр I старался не провоцировать турок и добивался свободы судоходства мирными средствами. В 1702 г. он разрешил турецким торговым судам заходить в Азов и сам отправил корабль «Благое начало» с товарами в Константинополь. Но турки не пропустили судно дальше Керчи. В том же году два корабля и галера из Азова крейсировали у берегов, исследуя пути в Азовском море. Позднее одно-два судна в год ходили за солью к Бердянской косе. Большой активности Азовский флот проявить не мог, ибо даже такие прибрежные плавания побудили турок соорудить в Керченском проливе три крепости и заграждать фарватер. Когда же Прутский договор 1711 г. лишил Россию выхода к Азовскому морю, плавания российских моряков в Черное море прервались более чем на полвека.

5. Начало Северной войны

Итак, первой победой России при Петре I стало взятие Азова. Однако борьба с Крымским ханством и Турцией даже при выходе к Черному морю не позволяла России установить надежные связи с Европой, ибо проливы Босфор и Дарданеллы находились под контролем султана. Своих сил России не хватало, а помощи от европейских стран в борьбе с Турцией не следовало ожидать. Посол Украинцев в ходе переговоров о персмирии с турками в 1699 г. отмечал, что английский и голландский послы на турецкой стороне: «Торговля английская и голландская корабельная в Турском го-

сударстве исстари премногая и пребогатая, и что у тебя государя завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архангельского города, и тому они завидуют и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки» [66. Кн. VII. 589]. Петр I избрал иной путь для связи с Западом — через Балтийское море. Он поставил задачу вернуть издревле русские владения (Ингрию, Карелию) и приобрести порты на берегах Балтики.

На пути осуществления этих планов стояла Швеция, которой принадлежало почти все побережье восточной части Балтийского моря. Владея устьями судоходных рек Европы, важнейшими островами и выходами к Балтийскому и Северному морям, шведы могли контролировать торговлю Прибалтийских государств, что они и делали. Такое привилегированное положение вызывало недовольство Польши, Дании, Бранденбурга, которые желали вернуть земли, ранее отнятые у них шведами. Однако сильная армия, большой флот и дружба Швеции с великими державами удерживали другие государства от враждебных выступлений против нее. Страна богатела, пользуясь выгодами морской торговли.

Успехи Швеции в XVII в. способствовали укреплению авторитета короля, которому в 1682 г. сословия передали законодательную власть [26. С. 233—234]. Редукция (возвращение в казну ранее розданных земель) подорвала силы аристократии, что также способствовало усилению королевской власти, сохранившей опору на мелкое дворянство и крестьян. Средства, полученные от конфискованных земель и заморских владений, позволяли монарху меньше считаться с риксдагом (парламентом). Военная реформа, заменившая рекрутчину поселенной милиционно-территориальной системой комплектования армии, позволяла королю при скромных расходах содержать крупные вооруженные силы. Королевскую политику сдерживания России в рамках границ, установленных Столбовским миром, поддерживало дворянство, заинтересованное в успешных войнах; поддерживало купечество, нуждавшееся в защите морской торговли — главного источника доходов; поддерживало и крестьянство, которому королевская власть казалась защитой от произвола помещиков. Карл XII (1697—1718), вступив на престол, самостоятельно принимал решения в вопросах объявления и

ведения войны. Опираясь на поддержку сословий, он мог рассчитывать на содействие Англии и Голландии, с которыми 13 января 1700 г. заключил союзный договор в Гааге. Однако великие морские державы были заинтересованы и в закупках материалов для кораблестроения в России, тем более что шведская протекционистская политика ухудшала условия приобретения подобных материалов в Швеции [45. С. 459—460]. Эти державы стремились удержать Швецию на своей стороне, но в то же время не допускали ее чрезмерного усиления.

Выход к Балтийскому морю, необходимый для России, грозил Швеции потерей монополии торговли с русскими землями и свободы судоходства, а также нарушением политического равновесия, которое шведы поддерживали на Балтике. Противоречия двух стран вылились в Северную войну 1700—1721 гг.

Так как экономика России только развивалась, подготовку к войне Петр I начал переговорами со странами, имевшими претензии к шведской короне. Осенью 1699 г. он заключил тайный Северный союз с Данией и Августом II, который стал королем Польши. В договоре с Августом II Петр обещал курфюрсту с его саксонцами помощь русскими войсками; на участие польских войск он мало надеялся. Начало совместных боевых действий было намечено на апрель 1700 г. Русские обязались выступить сразу же после заключения мира с Турцией, даже если это будет убыточно для страны. В случае же неудачи действий Августа II до заключения русско-турецкого мира Россия обязалась всеми силами способствовать заключению мира между Польшей и Швецией. Договор предусматривал операции саксонцев в Лифляндии и Эстляндии, а России — в Ингрии и Карелии. Прибалтика должна была стать сферой интересов Августа и Дании. Однако у Петра были иные намерения. В первую очередь он собирался приобрести пункт, в котором можно было создавать морскую силу, и избрал для этого крепость Нарву, столетиями являвшуюся объектом воцелений русских царей. Так как Петр начал боевые действия против Нарвы, союзникам (Августу II и представителю прибалтийского дворянства И. Паткулю) пришлось лишь надеяться, что в конце концов город не достанется России [25. С. 20—21].

Договор о союзе с Данией был подписан после договора России с Августом II. Союзники обязались приходить друг другу на помощь в случае нападения на одну из сторон, обмениваться информацией, не заключать договоров, нарушающих данный, пригласить к союзу польского короля. Две сепаратные статьи отмечали, что царь из-за отсутствия флота будет воевать у своих границ, но после заключения мира с Турцией [25. С. 21—23].

Союзники не хотели чрезмерного усиления России на Балтике. В частности, Август II обещал польским магнатам, что Лифляндия вплоть до Нарвы отойдет к Речи Посполитой. Разные цели породили и разноречивость в их осуществлении.

К началу войны русская полевая армия насчитывала до 40 000, датская — до 20 000, саксонская — до 25 000 тысяч человек. Против них шведы могли развернуть армию свыше 100 000. Шведский военный флот состоял из 42 линейных кораблей с 13 000 моряков; в торговом флоте было 300 судов [70. С. 28]. Из трех союзников флот имела лишь Дания.

Прежде чем начинать войну, следовало реорганизовать войско, ибо шведы располагали одной из лучших по подготовке и комплектованию армий. Стрелецкая пехота и дворянская конница не отвечали требованиям времени, ибо в мирное время не получали достаточной боевой подготовки. После мятежа 1698 г. большинство стрелецких полков расформировали, лучшие из них включили в состав регулярной армии. Основу ее теперь составляли солдатские полки.

В 1699 г. на основе подготовленных Петром I и его помощниками уставов началась подготовка пехоты: первоначально обучали дворян, которым предстояло стать офицерами, а с ноября по царскому указу был начат набор солдат. Подбором солдат занималась комиссия во главе с Ф.А. Головиным и А.А. Вейде на Генеральном дворе в Преображенском. Даточных людей брали и в других городах. К 1 мая было набрано около 32 000 человек, из которых через несколько месяцев сформировали три дивизии по три полка; дивизиями командовали А.М. Головин, А.А. Вейде и А.И. Репнин. Две трети среднего и младшего командного состава составляли русские. Шла реорганизация артиллерии и кавалерии, но к началу войны было сформировано всего два драгунских полка. В итоге основу конницы составляло по-преж-

нему слабо вооруженное, малообученное и плохо организованное дворянское ополчение [25. С. 32—36].

Союзники выступили значительно раньше, чем могла вступить в войну Россия. В феврале 7-тысячное войско Августа II, овладев Динамюнде, приступило к безуспешной из-за недостатка артиллерии осаде Риги. В марте датчане вступили в Голштинию (Шлезвиг-Гольштейн); герцог бежал в Швецию и обратился за помощью к королю. Решительный Карл XII разбил противников по частям. С флотом из 42 кораблей и 20 000 войск он от Карлскроны направился к Зеландии и при помощи англо-голландской эскадры адмирала Д. Рука в июне высадил войска у Копенгагена. Так как главные силы датчан действовали в Голштинии, воспрепятствовать высадке не удалось. Король, приблизившись к столице Дании, обещал разрушить ее, если датчане не согласятся на его условия мира. Травендальский договор 7 (18) августа заставил Данию выйти из войны. Датчане отказывались от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признавали независимость Голштинии и оплачивали Швеции военные издержки [25. С. 45; 73. С. 207—209].

Только 3 июля 1700 г. в Константинополе произошел обмен грамотами о русско-турецком перемирии на тридцать лет. Известие достигло Москвы 8 августа [69. Т. X. С. 404].

Уже на другой день после получения известия о перемирии с Турцией Петр I объявил войну Швеции [73. С. 208]. Еще в марте он послал военного инженера В.Д. Корчмина осмотреть по возможности Нарву и Нотебург (Орешек) — два основных пункта, которыми Петр намеревался овладеть, чтобы потом приобрести местность между ними, лишенную укреплений [66. Кн. VII. С. 597].

Русские войска выступили 22 августа и 9 сентября начали действия под Нарвой [42. С. 193]. По пути Петр, шедший с Преображенским полком, узнал из письма Августа II о намеченной высадке армии Карла XII в Пернове (Пярну) и понял, что Дания разгромлена. Тем не менее после небольших сомнений он продолжил наступление и 23 сентября с войсками И.И. Бутурлина был под Нарвой. Русские войска охватили крепость полукольцом, концы которого упирались в реку; осажден был и Иван-город на правом берегу. 20 октября начали обстрел Нарвы. Из-за осенней погоды, несо-

вершенства артиллерии и недостатка боеприпасов осада проходила медленно. Ожидавший поддержки короля комендант крепости генерал-майор Г.Р. Горн отказался от предложения капитулировать, хотя и располагал 2000 войск против 34 000 русских [25. С. 46; 73. С. 209].

Появления русских войск под Нарвой шведы не ожидали. Тем не менее шведский король действовал решительно. Отказавшись от посредничества западных держав в заключении мира, Карл XII, оставив часть войск в Дании, перебросил войска морем и 6 октября высадился в Пернове. Так как этого оказалось достаточно, чтобы Август II отступил от Риги, король через Ревель направился к осажденной Нарве [45. С. 465]. Шведы совершили быстрый марш-маневр и 16 ноября были замечены русской конницей Б.П. Шереметева, начавшей отступление. Неминуемо было генеральное сражение. В этих условиях Петр I 17 ноября передал командование герцогу де Кроа и направился с прежним главнокомандующим Ф.А. Головиным в Новгород для организации обороны города и отправки подкреплений [25. С. 46—47]. Он считал, что с управлением войсками лучше справятся нанятые военные специалисты. Однако царь ошибался.

По предложению герцога де Кроа военный совет принял решение обороняться, предоставив инициативу Карлу XII. Тот имел всего 5000 пехоты, 3000 конницы и 37 орудий, но 18 ноября решительно атаковал русский центр и прорвал его. Шведы потеснили русский правый фланг. Неопытные солдаты смешались, деморализации способствовали крики об измене иноземных офицеров. Большие потери понесла поместная конница при паническом бегстве через реку. Положение исправили Преображенский и Семеновский полки, прикрывшие подступы к мосту. На левом фланге позиции сохранила дивизия А.А. Вейде. Шведы не добились полной победы. Однако русское командование, не зная обстановки, пошло на переговоры с королем. Карл XII 19 ноября согласился пропустить русские войска за реку с оружием и знаменами, но без артиллерии. Однако, когда реку перешли наиболее боеспособные полки, шведы разоружили остальных. Карл XII удержал в плену многих старших офицеров, которые сдались ему под угрозами солдат, угрожавших смертью немцам-изменникам. В результате русские потери со-

ставили 6000 человек и 145 пушек, шведские — 2000 человек. Результат можно объяснить тем, что только три русских полка имели какой-то боевой опыт [25. С. 47—49; 73. С. 210—211].

Петр трезво оценил результаты сражения следующими словами: «Итак, над нашим войском шведы викторию получили, что есть бссспорно. Но надлежит разуметь, над каким войском оную получили. Ибо один только старый Лефортовский полк был, да два полка гвардии были только у Азова, а полевых боев, паче же с регулярными войсками, никогда не видели: прочие же полки, кроме некоторых полковников, как офицеры, так и рядовые, сами были рекруты. К тому же за поздним временем и за великими грязями провианта доставить не могли, и единым словом сказать, казалось все то дело яко младенческое игранье было, а искусства — ниже вида» [69. Т. X. С. 410—411].

Карл XII, вступая в Нарву, привел с собой 79 пленных офицеров, в том числе 10 генералов, всю русскую артиллерию и много других трофеев [73. С. 212]. Разгром под Нарвой казался столь полным, что шведский король сбросил Россию со счетов. Отказавшись от примирения с Августом II, он намеревался отделить от Польши Курляндию и создать в Европе зависимое от Швеции государство. Однако тем самым Карл подтолкнул польского короля к подтверждению союза с Россией. С 1701 г. Швеция оказалась вовлеченной в длительную борьбу против саксонских войск, тогда как война за испанское наследство надолго отвлекла внимание великих держав от Балтики [45. С. 466—467].

Поражение под Нарвой было воспринято как окончательный разгром России не только Карлом XII, но и европейскими государствами. Они не боялись России и не собирались помогать Швеции. Петр I воспользовался этой благоприятной ситуацией, чтобы проводить свою политику и бороться со Швецией один на один. После Нарвы он не впал в отчаяние, а лишь удвоил усилия. Были приняты меры по обороне границ, Августу II предоставили субсидию, чтобы тот отвлекал шведского короля, пока Россия готовила новые полки и развивала промышленность.

В порядок приводили укрепления Пскова, Печерского монастыря и Новгорода. Оставшиеся после Нарвы 23 000

войск были собраны. Петр дал указ сформировать десять драгунских полков, и они были готовы к весне. Металла в стране недоставало. Чтобы восстановить артиллерию, царь приказал с колоколен церквей и монастырей снимать медные колокола; вскоре сотни новых пушек сменили устаревшие. Были организованы первые училища, готовившие специалистов: Навигацкая школа, школа для подготовки артиллеристов и пушечных мастеров. Пострадавшим при Нарве полкам дали новых офицеров, преимущественно отечественных, пополнили рядовым составом. Во главе войск, собранных в Новгороде, Петр I поставил Б.П. Шереметева с задачей делать набеги на Ливонию. Сам он встретился в местечке Биржи у Динабурга в феврале 1701 г. с Августом II и польскими сенаторами. Оказалось, что поляки по-прежнему не хотят участвовать в войне, но Август подтвердил старый и подписал новый договор, по которому русский царь предоставлял 15 000—20 000 пехоты, деньги, порох, а король Польши обязался отвлекать шведские войска от Ингрии и Карелии [73. С. 214—216].

В 1701 г. для подтверждения договора с Турцией в Константинополь был отправлен князь Д.М. Голицын, который безуспешно добивался свободы мореплавания по Черному морю. Турецкие официальные лица заявляли, что море является владением султана и он запрещает не только торговать, но и ходить с посольствами по воде. Турки были готовы начать войну, если бы русские настаивали, и намеревались полностью перекрыть проход из Азовского моря в Черное, засыпав пролив и установив батареи. В ноябре 1701 г. первым постоянным послом в Турцию был назначен П.А. Толстой. Он также писал о том, что Порту тревожил русский флот. В Турции даже ходил слух, что 70 построенных в Архангельске кораблей могут войти в Средиземное море и угрожать Константинополю. В 1703 г. турки настаивали на том, чтобы была скрыта крепость Каменный Затон, корабли не базировались в Азове и Таганроге и были учреждены комиссары для установления границ. Толстому удалось решить вопросы дипломатически [66. Кн. VIII. С. 58—64].

Пока турки не хотели воевать, основные проблемы оставались на Западе. Летом 1701 г. Карл XII двинулся на Ригу, переправился через Западную Двину и 9 июля нанес пора-

жение войскам Августа II. Русские войска в боях не участвовали, ибо генерал Штейнау использовал их для постройки укреплений на Двине. Шведские войска к концу года овладели всеми крепостями Ливонии. Король Швеции продолжил погоню за войсками Августа в Литве, оставив без внимания опасный для него рост русских вооруженных сил [25. С. 57; 73. С. 214—217]. 1 декабря он разгромил польскую армию Огинского, занял Ковно (Каунас), затем Вильно (Вильнюс). В 1702 г. Карл XII ставил задачу, опираясь на своих сторонников, заменить на польском троне Августа II противником союза с Россией. Государственный совет Швеции считал, что для страны непосильна война на два фронта и необходимо примириться с Августом, чтобы успешно воевать против России. Но Карл XII продолжал войну со всеми противниками. Для борьбы с Россией он оставил в Ингрии корпус А. Крониорта, а в Эстляндии — В.А. Шлиппенбаха, общей численностью 15 000 человек. Кроме того, сильный гарнизон генерал-майора Стюарта стоял в Риге [69. Т. X. С. 420—423].

Подготовившись, Петр I сам перешел в наступление. Первоначально русские совершали набеги на Лифляндию. 4 сентября 1701 г. впервые Б.П. Шереметев разбил шведов при Ряпиной мызе. В сражении при Эрстфере 29 декабря 1701 г. Шереметев нанес поражение 6-тысячному отряду Шлиппенбаха. Шведы потеряли более 3000 убитыми, 350 пленными, 6 орудий и 8 знамен. За сражение, доказавшее, что шведов можно побеждать, Петр I произвел Шереметева в генерал-фельдмаршалы, наградил орденом Св. Андрея Первозванного и подарил свой портрет, украшенный бриллиантами; награды получили солдаты и офицеры, участвовавшие в бою. Русские войска сильно разорили край, и Шереметев хнастался, что нет возможности кормить всех пленных [25. С. 58—59; 73. С. 218—220].

Петр I усиленно готовил вооруженные силы к продолжению войны. 4 марта 1702 г. он дал указ Никите Демидову развивать производство металлов и изделий из них на Урале, чтобы отказаться от импорта оружия. По поручению царя А.А. Виниус решительно взялся за создание новой артиллерии. Уже в 1701—1702 гг. были отлиты сотни пушек. За 1700—

1708 г. русская армия получила только медных 1006 орудий [69. Т. X. С. 415—416].

В 1702 и 1703 г. через посла А.А. Матвеева не раз Петр предлагал послать в Голландию своих солдат и матросов (в частности, 4000 матросов из Архангельска); он рассчитывал, что они получат необходимую практику. Однако голландцы уклонялись под разными предлогами [66. Кн. VIII. С. 45—46].

Промышленность в стране только начинала развиваться, а для армии и флота было необходимо многое, что производили только за рубежом. Привозить все это можно было преимущественно через Архангельск. Привлеченные возможностью получить значительную прибыль, купцы разных стран доставляли в Россию оружие, металлические изделия, сукна для мундиров и многое другое, а вывозили товары, которые имели высокий спрос на рынках Европы: лес и другие кораблестроительные материалы, пушнину. Шведского короля беспокоила активная торговля европейских купцов с Россией. Они помогали стране восполнить вооружение, потерянное под Нарвой, и ускорить оснащение русских полков.

20 марта 1701 г. Карл XII подписал инструкцию, адресованную командованию эскадрой, которую он посылал на Север для борьбы с иностранным судоходством. Инструкция поручала назначенному командором капитану Леве и подчиненным ему офицерам «...пресечь всякую доставку контрабандных товаров его врагам, особенно в Архангельск, а также нанести русским ущерб в упомянутой местности и гавани любым возможным способом» [6. С. 127—128].

Эскадре Леве из трех фрегатов, флейта, двух галиотов и шнявы следовало собраться быстро и выйти к Нордкапу ранее, чем к Архангельску направятся купеческие суда [6. С. 41—42]. Из-за различных задержек она выступила лишь в конце мая. Так как в Архангельске стало известно о шведской экспедиции, были приняты срочные меры к обороне. На подступах к Архангельску затопленные суда преградили проход по Мезенскому и Пудожемскому устьям, а остававшееся Березовское устье с узким извилистым фарватером должна была прикрыть Новодвинская крепость и четыре батареи на островах. Эти и другие меры позволили встретить нападение 25 июня во всеоружии. Шведы, попавшие под огонь новых батарей и крепости, потеряли два судна, посчитали рискован-

ным повторить атаку и ограничились разорением прибрежных русских поселений и осмотром иностранных купеческих судов. Успешная оборона Архангельска способствовала развитию товарооборота порта.

Несмотря на трудное положение страны, царь не отказывался от своего главного увлечения — кораблестроения. В 1701 г. он провел три месяца в Воронеже, в занятиях по приведению в исправность судов Азовского флота и по устройству Воронежского адмиралтейства [44. Ч. 1. С. 4]. Теперь ему стало проще организовывать морскую службу. Названные на русскую службу моряки и другие специалисты, в том числе вице-адмирал Корнелиус Крюйс и шаутбенахт (контр-адмирал) Ян ван Рез, взялись за приведение в порядок администрации флота. Кораблестроением занимался адмиралтеец Ф.М. Апраксин. Высшее руководство морским ведомством оставалось за Ф.А. Головиным, одним из ближайших советников монарха.

6. От поражений к победам

Обеспечив тыл, Петр мог перейти к наступательным действиям. 2 июля 1702 г. русские войска выступили из Пскова и до осени били шведов. 18 июля Б.П. Шереметев разгромил Шлиппенбаха при мызе Гуммельсгоф, истребив большую часть пехоты неприятеля. 28 августа он взял упорно оборонявшийся Мариенбург, стоявший на острове. Для биографии Петра I важно, что при захвате крепости в плен попала семнадцатилетняя Марта, будущая императрица Екатерина I. Царь посчитал, что еще рано занимать Лифляндию, и Шереметев отошел в пределы России. 13 августа войска П.М. Апраксина разгромили войска А. Крониорта на реке Ижоре, затем поражение понесли шведские флотилии на Чудском и Ладожском озерах. На Чудском озере солдаты с небольших гребных судов взяли три яхты, на Ладожском — в боях 15 июня и 27 августа нанесли поражение шведской флотилии (3 бригантины, 3 галиота, 2 лодки), заставив ее удалиться в Выборг [69. Т. X. С. 429; 25. С. 59; 42. С. 193].

Главное направление наступления избрали на севере. Летом 1702 г. царь и его приближенные прибыли в Архангельск с официальной целью укрепить его на случай второго нападения. Однако задумано было необычное действие. Петр

участвовал в спуске двух небольших судов (яхт, или фрегатов, как их называли) — «Св. Духа» и «Курьера», построенных на верфи Бажениных на Вавчуге, и заложил фрегат «Св. Илия». С эскадрой судов Архангельской флотилии на яхте «Транспорт-Рояль» он ходил из Архангельска в Соловецкий монастырь, затем в Онежский залив к селу Нюхча. Отсюда до Повенецкого погоста устроили дорогу, по которой перетаскивали сухим путем до Онежского озера две яхты и несколько гребных судов и на них прошли по Онежскому озеру и реке Свири в Ладожское озеро [44. Ч. 1. С. 4]. Целью был Нотебург (Орешек), прикрывавший вход в Неву.

Войска подтянули из Новгорода, Ладоги и Пскова, под крепостью установили батареи, с которых начали обстрел. Моста не было, но по приказу Петра 50 лодок с Ладожского озера по трехверстному волоку перетаскивали в Неву. Царь работал на переволоке за плотника. Затем он с гвардейцами переправился через Неву и овладел береговым укреплением. Так как комендант крепости отказался капитулировать, после семидневного обстрела был предпринят штурм, для чего собрали охотников (добровольцев). В ночь на 11 октября при свете пожаров головной отряд пересек на лодках реку. Через 13 часов боя шведы пошли на переговоры, а еще через три дня гарнизон с оружием и знаменами оставил Нотебург, занятый русскими войсками. Крепость переименовали в Шлиссельбург (Ключ-город) [73. С. 224—226]. Петр, обрадованный победой, писал А.А. Виниусу: «Правда, что зело жесток сей орех был, аднака, слава Богу, счастливо разгрызен. Альтиллерия наша зело чюдесно дело свое исправила» [25. С. 60].

Весной 1703 г. Петр вызвал Шереметева с 20-тысячным войском, которое осадило 25 апреля Ниеншанц, прикрывавший устье Невы со стороны моря. Шведы отказались сдаться, и 30 апреля осаждающие начали обстрел. Петр сам осматривал крепость и прошел на лодках к устью Невы, где основал укрепление. После обстрела и штурма 1 мая крепость сдалась. Ее переименовали в Шлотбург. Через два дня после капитуляции к устью Невы подошла шведская эскадра из девяти кораблей. На два выстрела с кораблей крепость ответила также двумя. Посланный с эскадры бот был захвачен русскими; пленные сообщили, что прибыла эскадра вице-адмирала Г. Нуммерса. 5 мая к устью приблизились швед-

скии шнява и бот и встали в сумерках на якорь. Шведы не знали, что крепость пала. 7 мая царь совершил воинский подвиг. Под утро, начальствуя отрядом из 30 лодок с десантом гвардии, Петр взял на abordаж стоявшие при устье Невы шведские суда «Гедан» и «Астрильд». После жестокой рукопашной схватки оба судна были захвачены. За первую морскую победу на Балтике Петр и А.Д. Меншиков были награждены орденами Св. Андрея Первозванного, офицеры и солдаты — медалями [25. С. 60; 73. С. 227—228]. Петр писал, что хотя шведов на двух судах было с восемьдесят, «...по понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, никогда бываемой виториею вашу милость поздравляю» [66. Кн. VII. С. 620].

Все течение Невы вновь стало русским. Расположение Пиеншанца посчитали неудобным, укрепление снесли, а для сооружения новой Петропавловской крепости избрали Заячий остров. Крепость, бастионы которой строили приближенные царя, заложили 16 мая 1703 г. и завершили за четыре месяца [73. С. 233—235]. Она стала центром города Санкт-Петербурга.

Эскадра Г. фон Нуммерса еще оставалась в устье Невы, тогда как войска А. Крониорта располагались на реке Сестре, угрожая рождающемуся городу. Чтобы устранить угрозу с суши, царь 7 июля с войском направился к реке Сестре и нанес поражение Крониорту, который отошел на линию Выборг — Кексгольм. Как только Петр узнал, что шведская эскадра ушла из устья Невы на зимовку, он лично произвел промеры фарватера, ведущего к Санкт-Петербургу, и избрал место напротив острова Котлина для сооружения на отмели укрепления, названного Кроншлот. Зимой 1703 г. Петр отправился в Воронеж, но послал Меншикову модель крепости, которую следовало построить на море. За зиму был собран из бревен и погружен под лед деревянный сруб, ставший основой крепости. К весне 1704 г. 14 пушек Кроншлота и батареи на берегу Котлина были готовы встретить неприятеля, если бы тот решил идти фарватером [73. С. 239—241].

Кроншлот прикрыл новую столицу со стороны моря. Но для защиты приморского города одних укреплений было недостаточно. На Ладожском озере, в устьях рек по указу царя начали судостроение. В 1702 г. была организована верфь на реке Сясь под руководством Ивана Татищева; на ней сразу же заложили первые фрегаты. Участвовал в работах и Петр. Уже в 1703 г. с верфи сошли три шнявы и до 300 малых судов. В 1703 г. царь побывал на новой Олонецкой верфи в Лодсйном поле, при устье Свири. Он сам заложил шняву и приказал закончить ее за 13 недель. 1 августа шнява «Вилкоммен», названная в честь приезда Меншикова, сошла на воду. Через неделю спущенный первый фрегат Балтийского флота «Штандарт» сам Петр оснащал и повел к Санкт-Петербургу по Неве [73. С. 239].

Олонецкая верфь стала основной на Ладоге. Здесь царь с корабельным мастером Иваном Немцовым заложил быстроходную шняву «Мункер», а позднее строил по своему проекту фрегат «Олифант». Только в 1703 г. на верфи были заложены по его указаниям 50 судов, в том числе 7 фрегатов и 5 шняв. Позднее на верфи даже начали строить 50-пушечные корабли. Появление этих кораблей в Финском заливе символизировало рождение Балтийского флота [14. С. 26—27].

Уже летом 1702 г. Петр I оценил изменившуюся обстановку. Началась общеевропейская война за испанское наследство, которая отвлекала большинство великих держав от русско-шведских отношений. Карл XII все более увязал в войне на польской территории. Теперь можно было приступать к возвращению потерянных предками земель.

В кампанию 1703 г. войска выступили 27 апреля, за май овладели Ямбургом и Копорьем; 19 июня Шереметев разбил шведов под Ямбургом [69. Т. X. С. 424—425]. Фактически Ингрия перешла в руки русских. Фельдмаршал восстанавливал крепости и готовился встать на зимние квартиры. Однако Петр приказал ему продолжить разорять Эстляндию и Лифляндию. В конце июля русские войска возобновили наступление, взяли и разрушили Везенберг, другие города и с добычей вернулись на зимовку в Печерский монастырь [73. С. 249; 66. Кн. VIII. С. 8].

Весной 1704 г. Петр I продолжил наступление на западе. Царь спешил действовать, пока Карл XII оставался в Польше, и торопил Б.П. Шереметева. Фельдмаршал сообщил царю о том, что генерал фон Верден взял на реке Эмбах 13 шведских судов, направлявшихся в Чудское озеро. В начале июня Шереметев начал осаждать Дерпт. Так как гарнизон упорно сопротивлялся и осада затянулась, сам Петр прибыл под крепость и нашел, что батареи установлены неверно и «туне людей мучили». По его приказу осаду повели со стороны болот, где укрепления были слабее. В ночь на 13 июля после решительного штурма город пал. Затем армия направилась к Нарве. 30 мая русские войска переправились через реку Нарову и начали осаду. Командование Петр формально передал фельдмаршалу Огильви. Фактически главное руководство он оставил за собой. 30 июня после прибытия осадной артиллерии началось десятидневное бомбардирование. Так как комендант Нарвы Г. Горн отказался сдать крепость, 9 августа крепость взяли штурмом. 16 августа капитулировал Иван-город [25. С. 63; 42. С. 194; 73. С. 249—259].

Летом 1704 г. на озере Пейпус (Чудском) была уничтожена шведская озерная флотилия с ее командующим Леттерном фон Герцфельдом [69. Т. X. С. 436].

Шведы также пытались наступать. Летом 1704 г. шведский флот появился перед Нарвой, и встревоженный Петр направился туда с подкреплением. Однако шведы наносили удар по Санкт-Петербургу. 12 июня 8-тысячный отряд Майдслея появился на Выборгской стороне, но был отбит огнем артиллерии коменданта Петропавловской крепости Р.В. Брюса и отступил. На море адмирал де Пру (де Пруа) с эскадрой 12 июля приблизился к Кроншлоту, но его попытки вести обстрел и высадить десант на Котлин окончились безрезультатно [25. С. 62; 73. С. 243].

Очевидно было, что неприятель не оставит в покое рождающийся город. Царь продолжал быстрыми темпами развивать судостроение. 24 сентября 1704 г. он спустил на Олоонецкой верфи построенную им шняву «Мункер» и с отрядом вновь построенных судов совершил трудный осенний поход по Ладожскому озеру [44. Ч. I. С. 4].

Было крайне сложно переводить построенные на Ладожском озере корабли по мелководной Неве на Балтику. Ко-

рабли с Олонецкой верфи из-за малой осадки оказывались маломореходными. Требовалось избрать новое, более подходящее место для кораблестроения. Петр решил строить корабли в рождающемся городе Санкт-Петербурге и сам спроектировал «адмиралтейский дом». Уже за полтора месяца до закладки Адмиралтейства на левом берегу Невы началась постройка двадцати бригантин нового вида, которые по замыслу царя спроектировал Федосей Скляев. 5 ноября 1704 г. в Санкт-Петербурге Петр I заложил Адмиралтейство и спустил на воду десять бригантин, построенных по составленному им чертежу и названных русскими бригантинами в отличие от итальянских. Вскоре после открытия Адмиралтейства Петр заложил быстроходную шняву «Лизет»; построенная им вместе со Скляевым шнява вызывала восхищение иностранных корабелов. 4 июня 1705 г. был спущен на Олонецкой верфи 32-пушечный фрегат «Олифант». На шнявах, затем на фрегатах Скляев по царскому указанию искал «добрые пропорции», которые позволяли обеспечить хорошие мореходные качества кораблей. Только найдя такие соотношения, российские кораблестроители приступили к массовой постройке линейных кораблей [14. С. 27; 44. Ч. I. С. 5].

Зиму 1704/05 г. царь прожил в Москве, где торжественно было отпраздновано возвращение древнерусской Ингрии. Победители проходили через семь триумфальных ворот. А уже в феврале Петр отправился в Воронеж [66. Кн. VIII. С. 10]. С 22 февраля по 15 апреля царь находился в Воронежском крае при обозрении работ по судостроению и устройству адмиралтейства [44. Ч. I. С. 5]. Он спустил 80-пушечный корабль «Старый дуб», наблюдал за спуском еще нескольких судов и приказал Апраксину к весне оснастить и вооружить 24 судна. Так как прежняя верфь на Воронеже из-за мелководья оказывалась неудобной даже при наличии шлюзов, Петр избрал место почти у устья реки Воронеж. Здесь, в трех верстах от Дона, были основаны Тавровская верфь и крепость [73. С. 260].

Петр нанимал моряков за границей. В частности, в Голландию в 1702 г. выехал К. Крюйс, который набирал там специалистов преимущественно для флота. Там же учились и русские юноши, будущие моряки. Посол в Голлан-

дии А.А. Матвеев в конце 1703 г. увидел, что их обучение в Амстердаме под наблюдением Крюйса проходит успешно [66. Кн. VIII. С. 48].

В конце 1703 г. царь добивался посредничества Голландии в заключении мира с Карлом XII. Однако Матвеев не рекомендовал торопиться, ибо шведский король упорно отказывался от посредничества и предлагал заключить с Англией и Голландией союз. Ему с Крюйсом удалось добиться разрешения Генеральных штатов принять тысячу русских матросов. Голландцы соглашались на посредничество, опасаясь, что их опередит Франция [66. Кн. VIII. С. 49—50].

Французский чрезвычайный посланник де Балюз действительно приезжал в Россию и 15 марта 1703 г. вел с Ф.А. Головиным разговор о союзе. Однако он не сообщил, на каких условиях союз следует заключить, и в марте 1704 г. выехал из России. Французские каперы захватили два русских судна, и осенью 1705 г. Матвеев ездил в Париж, но вернуть суда не удалось. Не были заключены ни союз, ни торговый договор, и в октябре 1706 г. Матвеев оставил столицу Франции [66. Кн. VIII. С. 54—57].

Тем временем борьба Карла XII с Августом II, которого поддерживали русские войска и субсидии, затянулась. 8 июля 1702 г. шведы разбили саксонцев при Клишове, взяли Краков, 20 апреля 1703 г. нанесли поражение саксонской коннице при Пултуске, 3 октября заняли Торунь. В январе 1704 г. созданная противниками Августа II Варшавская конфедерация лишила его престола. Летом 1704 г. Карл XII выступил к Варшаве. 2 июля под его давлением Варшавский сейм низложил Августа II и возвел на престол Станислава Лещинского, сторонника шведского короля [42. С. 194—195]. Но большинство поляков сохранило антишведскую ориентацию, что привело к междоусобицам в стране. Сторонники Августа II создали Сандомирскую конфедерацию, которая решила вступить в войну на стороне России. Чтобы единственный союзник не вышел из войны, Петр I направил на помощь 17-тысячное вспомогательное войско М.М. Голицына. В августе 1704 г. русско-польско-саксонские войска взяли Варшаву [25. С. 64]. 19 (30) августа 1704 г. в Нарве Петр I заключил союзный договор с Августом II как польским королем [45. С. 481]. В свою очередь, 6 сентября Карл XII

после штурма овладел Львовом, откуда двинулся на Варшаву. Не вступая с ним в бой, Август II отступил через Краков на Дрезден [25. С. 64].

Царь в апреле — мае 1705 г. болел в Москве, однако, оправившись, выехал в Полоцк, где собиралось 60-тысячное войско, которым командовали фельдмаршалы Б.П. Шереметев и Г.Б. Огильви. Царь не давал ни тому, ни другому разрешения на генеральное сражение. 1 июля с главными силами он направился в Вильно, послав Б.П. Шереметева с частью войск в Курляндию. Однако теперь фельдмаршал имел приказ не разорять страну, а действовать лишь против шведов. Фельдмаршал 15 июля потерпел поражение при Мурмызе (Гемауэртгофе) от шведских войск Левенгаупта. Узнав о поражении, Петр I ободрил Шереметева. Сам он 1 августа направился в Курляндию, чтобы общими силами совместно с Шереметевым отрезать Левенгаупта от Риги. Однако Левенгаупт смог переправиться через Двину. Оставив против него Шереметева, Петр направился к Митаве и после 17-дневной осады занял столицу Курляндии, затем взял Бауск. Отрезав шведов от Лифляндии, русские войска могли безопасно направляться в Польшу [66. Кн. VIII. С. 123—125].

В 1705 г. русские полки вступили в Польшу и заняли Гродно, освободили Литву, Курляндию, часть Малой Польши и Украины [45. С. 481]. В крепостях были взяты огромные трофеи, в том числе сотни пушек, нужных русской армии.

Так как Петру пришлось срочно направить Шереметева для подавления восстания в Астрахани, в Курляндии остался фельдмаршал Г.Б. Огильви, которому в помощь был придан А.Д. Меншиков. С этого момента начался полководческий взлет царского любимца. К осени войска сосредоточились в Гродно, и командование ими принял Август II [69. Т. X. С. 444, 446—447; 73. С. 262—264]. Однако командовал он недолго. Когда Карл XII, летом стоявший у Варшавы, где короновали Станислава Лещинского, в декабре с войсками двинулся от Варшавы к Гродно, польский король ушел с четырьмя полками драгун к Варшаве. Оставленный в Гродно Огильви склонялся к тому, чтобы последовать за королем. Больной Петр I, в январе 1706 г. выехавший из Москвы, требовал как можно быстрее вывести войска из Гродно и спасти от нападения шведов, ибо к Карлу XII могли

присоединиться войска Реншильда из Польши и Левенгаупта из Лифляндии. Царь предписывал сжечь запасы и разрешал даже утопить в реке тяжелые пушки [66. Кн. VIII. С. 134—135].

До весны 1706 г. по решению Огильви армия оставалась в Гродно. Русские не приняли вызова, поэтому королю пришлось постепенно удалиться на 70 верст в поисках пропитания войск и ограничиваться блокадой города. Царь вызвал из города Меншикова, в феврале приказал гетману И. Мазепе с казаками идти на подкрепление. Он дал указ создать сплошную полосу засек и валов по линии Псков — Смоленск. Так как в начале февраля 20-тысячное саксонское войско генерала Шуленбурга было разбито шведами Реншильда, надежды на приход саксонских подкреплений не оставалось, и Петр вновь несколько раз давал указание идти из Гродно к своим рубежам, избегая столкновения с противником. Только 24 марта, воспользовавшись вскрытием Немана, полки оставили Гродно и отступили, 27 марта встретили по пути отряд Меншикова, оставленный в подкрепление, и направились к Бресту, а затем и к Киеву. Под Киевом Меншиков предложил укрепить Печерский монастырь; Петр I утвердил его решение. Однако Карл XII, отказавшись от преследования русских, вновь направился в Саксонию, чтобы добить Августа [66. Кн. VIII. С. 135—141; 73. С. 268—269].

Фельдмаршал Огильви постоянно враждовал с Меншиковым, поэтому командование войсками было вновь передано Б.П. Шереметеву; наемного фельдмаршала Петр сначала назначил командиром отдельного корпуса, а в сентябре 1706 г. с почетом уволил [73. С. 271—272].

Шведы проявляли активность и на Севере. В 1705 г. шведские войска пытались по льду наступать на Котлин, но были отражены; летом того же года потребовалось отбить попытку шведов овладеть островом атакой с моря и суши.

Весной 1705 г. эскадра К. Крюйса вышла к Кроншлоту. Кроме орудий форта, противника могла встретить Ивановская батарея на берегу Котлина. Подступы к стоянке кораблей преграждали боны. На западной косе острова располагались полки Толбухина и Островского с тремя пушками. Главным комендантом Петербурга и Кроншлота оставался, как и в прошлом году, генерал Р.В. Брюс. 4 июня шведская

эскадра адмирала К. Анкерштерна из 22 боевых кораблей приблизилась на милю к Котлину. Несколько судов попытались подойти к Кроншлоту, но были отогнаны огнем Ивановской батареи и фрегатов. На следующий день уже всеми силами Анкерштерн пытался бомбардировать эскадру Балтийского флота, но безуспешно. Шведы повторили обстрел через неделю, однако вновь успеха не добились. Наконец, в ночь на 16 июля флот ушел в море, причем так спешно, что два корабля, не поднимая якорей, обрубили канаты. Было отбито и нападение на Петербург с суши 10-тысячного корпуса Майделя [25. С. 62; 42. С. 203—204; 73. С. 244—246].

Даже находясь вдали от моря, с войсками, Петр не забывал дел флота. В письме Корнелиусу Крюйсу 11 октября 1705 г. он возмущался тем, что флот не обучается достаточным образом и не оправдывает затраченные средства: «...Когда спросил об экзеркиции, на что он ответил, что она не единожды не была (которое зело мне неприятно и не знаю для чего то главное дело ради молодых матросов забвению предано) и отговаривался будто для того, что все корабли и шнявы, кроме двух, негодны к ходу; но сие есть дело великой важности; ибо я буду оное свидетельствовать, и аще не так найдется, то не легко плачено будет (ибо не добро есть брать серебро, а дела делать свинцовые) [5. Ч. I. С. 8]».

Флот был необходим и для поддержания авторитета России в мире. К примеру, два посланных Петром из Архангельска в Лондон русских торговых судна были захвачены французскими каперами, и дипломатам не удалось их вернуть, что испортило русско-французские отношения. Для их улучшения французский посол де Балюз предложил прислать Петру рисунки самых сильных кораблей, построенных во Франции. Царь добивался, чтобы французы не препятствовали торговле, и 25 ноября 1705 г. французский министр (посол) сообщил, что Людовик XIV запретил своим каперам нападать на русские суда и хочет развития взаимного мореплавания [68. С. 43—44]. Скорее всего до французского двора дошли сведения о том, как русские силы отразили нападение на Санкт-Петербург с суши и моря.

Шведский отряд в 1706 г. вновь совершил набег на северную русскую столицу. Осенью Петр I организовал ответное наступление. Прибыв из-под Киева, в октябре 1706 г. он

пытался осадить Выборг, но убедился в невозможности взять крепость без помощи флота. Осадная артиллерия завязла на плохих дорогах. Пять мортир, которые смогли установить и из которых четверо суток обстреливали город бомбами, не принудили шведов сдаться, и русским пришлось отступить [73. С. 272].

Если оборона Санкт-Петербурга была обеспечена, то не столь надежным оказался как союзник Август II. Петр послал А.Д. Меншикова с кавалерией на соединение с ним, чтобы нанести совместными силами поражение шведским войскам А.А. Мардефельта в Польше. Однако еще зимой 20-тысячное саксонское войско было разбито К.Г. Реншильдом при Фрауштадте. Шведский король собирал деньги в Саксонии, и Август II был вынужден занимать деньги у Меншикова. Посему, когда курфюрст получил статьи мирного договора со Швецией, он согласился с ними вопреки союзному договору с Россией. Альтранштадтский договор, унижительный для Саксонии, был подписан 13 (24) сентября 1706 г. В соответствии с договором Август II отказался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, обязался выдать остаток русского вспомогательного корпуса, всех пленных и И. Паткуля, обязался заплатить много денег и кормить всю зиму шведскую армию. Пока шла тайная переписка Августа с Карлом XII, Меншиков нанес поражение шведско-польскому авангарду, а затем разгромил противника при Калише 18 (29) октября 1706 г. Сам Мардефельт попал в плен. Однако эти победы теряли смысл после того, как Август II вышел из войны. Курфюрст обещал, что возобновит борьбу, когда шведы оставят Саксонию [73. С. 270, 272—275; 25. С. 66]. Но рассчитывать на него не приходилось, как и на поляков — сторонников России, которые не рисковали воевать против Карла XII. Россия оказалась против Швеции в одиночестве. После того как в Россию прибыл английский посол Ч. Витворт, царь направил послом в Лондон А.А. Матвеева с предложением вступить в Великий союз. Он обещал послать войска для подавления венгерского восстания, отвлекавшего силы Австрии от войны против Франции, предлагал послать на Балтику флот и объяснял преимущества для Англии торговать с Россией не на Севере, а через балтийские порты. Царь был готов к тому, что англичане потребуют уступок шведам, и минимальным условием считал гавань в Балтий-

ском море. Он писал: «По самой нужде и Нарву уступить, а о Питербурхе всеми мерами искать удержать за что-нибудь, а о отдаче онога ниже в мыслях иметь» [66. Кн. VIII. С. 152—156]. Однако ни Англия, ни Голландия, ни Австрия, опасавшиеся сильной армии царя, не хотели ни посредничать, ни использовать русские войска как союзные. Не удавалось Петру найти и кандидата на польскую корону и привлечь к войне против Швеции Пруссию и Данию. Пришлось принимать решительные меры. Так как Петр ожидал, что освоболившиеся в Саксонии войска король Швеции пошлет против России, следовало торопиться. Царь приказал собрать и перечеканить в деньги большую часть царских и монастырских сокровищ, чтобы получить средства для ведения войны. По секретному указу приграничному населению следовало уходить в леса, не оставляя шведам продовольствия. Были приняты меры для обороны Москвы и Киева, подтвержден мир с Турцией. Петр готов был уступить Лифляндию и Эстляндию, к тому времени уже завоеванные. Однако Карл XII собирался одержать решительную победу и отказывался от переговоров [73. С. 276].

Итак, воспользовавшись отвлечением главных сил Карла XII в Польше, Россия приобрела выходы к Балтийскому морю и успешно отразила попытки шведов восстановить прежнее положение. Однако пока король располагал сильной армией, нельзя было считать судьбу войны решенной. В этих условиях Карл XII предпринял вторжение в Россию.

7. Разгром шведского нашествия

Король Швеции наконец уяснил, что Петр I является его главным противником и что он недооценивал возможности России. В 1707 г. шведские полки из Саксонии двинулись на восток. Карл XII намеревался взять Москву и заменить Петра I принцем Яном Собесским. В Лифляндии он оставил Левенгаупта с 16 000 и в Финляндии — Либекера с 14 000 человек. Царь, в свою очередь, понимал, что рано или поздно шведы начнут вторжение в пределы России. В декабре 1706 г. в местечке Жолкиеве он созвал военный совет, чтобы решить, где сражаться с неприятелем. Участники совета единодушно решили не давать сражения в Польше, а отходить в пределы России, вывозя и уничтожая запасы про-

довольствия и фуража, ничего не оставляя шведам, ибо армию Карл XII снабжал за счет тех земель, по которым проходил. Кроме того, Петр призывал к партизанской войне на своей территории [25. С. 69—70].

К этому времени царь доподлинно знал об Альтранштадтском мире, хотя Август II продолжал просить денег. Ожидая нападения шведов, Петр был готов отдать датскому королю за вступление в войну Дерпт и Нарву. Однако датчане не решались на это [69. Т. X. С. 465—474].

В России в 1707 г. восстали башкиры и другие мусульманские народы, получившие поддержку султана. В следующем году восстание удалось усмирить, однако развернулось на Дону восстание Кондратия Булавина. Царь опасался за судьбу Азова и Таганрога, к которым по реке двигалась казачья вольница, овладевшая Черкасском. Попытка взять Азов окончилась поражением восставших; казаки обвинили в неудаче атамана Булавина, который застрелился. Однако долгое время пришлось подавлять выступления на Волге и Верхнем Дону.

Пока в России Петр занимался внутренними неурядицами, шведский король действовал. С осени 1706 по осень 1707 г. Карл XII за счет Саксонии обмундировал и вооружил новобранцев, которыми пополнил полки. Саксонские средства явились базой для начала похода шведов против России [69. Т. X. С. 473]. Весной 1707 г. шведские войска из Саксонии направились в Польшу. Узнав об этом, 5—6 мая Петр отдал указы готовиться к обороне, вплоть до укрепления Москвы. Эти указы усиленно выполняли [69. Т. X. С. 486, 488].

Карл XII задержался на четыре месяца у берегов Вислы. В декабре, несмотря на советы приближенных, он продолжил наступление в Польше, уже основательно разоренной войной [73. С. 278]. Шведы перешли Вислу и направились в Литву; солдаты гибли от морозов и действий партизан. К концу 1707 г. Карл XII собрал в Литве более 40 000 человек. Он ожидал, что летом 1708 г. Левснгаупт приведет из Курляндии пополненный до 15 000—20 000 человек корпус. В Померании, Прибалтике и Польше оставались для целей обороны около 30 000 человек. 28 января 1708 г. Карл XII вошел в Гродно, откуда направился на Сморгонь, начав вторжение в пределы России [69. Т. X. С. 492].

Через Неман король переправился благодаря измене бригадира Мюленфельса, не уничтожившего мост и позднее перешедшего на сторону шведов. В марте к королю прибыли эмиссары И. Мазепы, обещавшего поднять казачье войско. Станислав Лещинский заверял, что соберет большую польскую армию. Все они, видимо, и внушили королю мнение, что наступление на Москву возможно. Правда, прибывший из Риги А.Л. Левенгаупт сообщил, что задержится, ибо вынужден прикрыть Ригу от корпуса Р.Х. Боура. Но король уже решился и выступил с главными силами на Минск, оставив шесть полков для поддержки Лещинского [69. Т. X. С. 505, 507]. Запасы продовольствия были недостаточны. В Белоруссии местное население закапывало хлеб, однако шведы научились его находить. Потому армии Карла XII в ожидании Левенгаупта приходилось задерживаться то в одном, то в другом пункте, пока там хватало провизии. В начале июня она стояла в Минске [69. Т. X. С. 492—494].

Русские войска были расположены так, чтобы прикрыть направления на Москву и Санкт-Петербург в случае наступления как с запада, так и с севера. Зная, что у шведов недостаточно войск для защиты коммуникаций, царь предписал гетману Мазепе с его казаками нападать на тылы и обозы неприятеля [69. Т. X. С. 495—497]. Русские отходили, забирая с собой или уничтожая все, что возможно. К весне 1708 г. они, уйдя из-под удара шведов, развернулись на широком фронте вдоль границы России, защищенной укреплениями и завалами на дорогах. Армия Б.П. Шереметева (57 000 человек) располагалась в районе Витебска, 16-тысячный корпус Р.Х. Боура наблюдал за Ригой, а Украину защищали казаки Мазепы. В Ингрии оставался 24-тысячный корпус Ф.М. Апраксина. Главные 35-тысячные силы шведов стояли в районе Сморгонь — Ошмяны, а затем до лета король переместил их южнее. В Финляндии у Выборга и Кексгольма располагался 14-тысячный корпус Либекера, а под Ригой — 16-тысячный корпус А.Л. Левенгаупта. Карл XII намеревался наступать на Москву через Смоленск. Левенгаупту следовало идти на соединение с главными силами. Корпусу Либекера предстояло овладеть Петербургом; в поддержку ему весной 1708 г. в Финский залив вошла шведская эскадра [25. С. 70—72].

7 (18) июня 1708 г. шведская армия перешла в наступление из Минска, располагая запасами на три месяца. Так как население Белоруссии отказывалось снабжать оккупантов, а в полосе движения все уничтожали русские войска, вскоре шведы столкнулись с недостатком провианта, и король поторопил Левенгаупта с его подвижным центром снабжения [25. С. 72; 69. Т. X. С. 507—508].

18 июня шведы переправились через Березину. В ночь на 4 июля они нанесли поражение под Головчином корпусу А.И. Репнина, который отступил после боя и соединился с главными силами Шереметева. Русские войска расположились в районе Горки — Шклов. Карл XII занял Могилев и переправился через Днспр. Петр I ожидал, направятся шведы через Смоленск на Москву или на Украину, и приказал строить оборонительные рубежи. Но с 13 июля по начало августа король оставался в Могилеве. Он не решался наступать по разоренной дороге, пока не прибыл Левенгаупт. В армии свирепствовали голод и болезни. Пушек было очень мало. Петр знал об этом от пленных. Солдаты рассчитывали на отдых и провизию в Смоленске. Но сам король весьма сомневался, что противник позволит овладеть какими-либо запасами [69. Т. X. С. 510—514].

Не дождавшись подкрепления, Карл XII направился к юго-востоку по реке Соже. В ночь на 30 августа шведские войска у села Доброе вступили в сражение с главными русскими силами и потерпели поражение. Шведы потеряли около 3000 человек. Царь в письме отмечал, что еще не видел такого «порядочного действия» от своих солдат. Когда же Карл XII двинул всю армию, русские ушли в свой лагерь у Горок. Это была первая попытка шведов продолжить наступление в сторону Смоленска. Понеся значительные потери, король все же продолжил движение по болотистой местности [69. Т. X. С. 518—522]. Петр с главными силами шел параллельно неприятельской армии. В сентябре шведы имели несколько столкновений с русскими войсками, но не добились успеха. Сам Карл XII едва не погиб в бою 10 сентября [69. Т. X. С. 526—528].

На военном совете 13 сентября из двух вариантов: дожидаться Левенгаупта у Днепра или идти к югу, на Украину, король при поддержке большинства выбрал второй. Голод и

болезни основательно уменьшали шведскую армию, а русские войска продолжали в соответствии с жолкиевским планом методично истреблять все припасы на пути шведов к Смоленску. Карл XII рассчитывал на гетмана И. Мазепу, который подготовил значительные запасы провизии, вооружения и обещал помощь казаков. 14 сентября королевская армия направилась на юг, к Стародубу [69. Т. X. С. 531—535]. Задержавшемуся Левенгаупту Карл XII послал указание идти туда же [73. С. 281]. Он рассчитывал подкормить армию, пополнить запасы за счет Мазепы и обоза Левенгаупта, а затем продолжить наступление на Москву.

Петр I, узнав о направлении шведов на Украину и приближении к ним подкреплений, отправил главные силы Шереметева за королем, а сам возглавил особый отряд, который должен был перехватить Левенгаупта, силы которого оценивали в 8000 человек. Из-за дезинформации шведского лазутчика не удалось перехватить шведов у Днепра. Левенгаупт переправился у Шклова через реку и направился к Пропойску. Он не знал, где располагается король, и торопился выйти из лесов. Однако именно в лесах он был разгромлен [69. Т. X. С. 545—557]. Войска под командованием Петра I настигли его 27 сентября при деревне Лесной и 28 сентября нанесли сокрушительное поражение. Левенгаупт спас часть войск, но обоз с припасами и артиллерия достались русским [73. С. 281—283].

Войска Карла XII прошли Северскую землю и вступили на Украину. Но и здесь интервентов изматывали нападениями небольших отрядов, лишали продовольствия. Шереметев двигался левее шведов; высланные им войска успели занять Стародуб раньше, чем шведы. Король лишился важной базы снабжения. Кроме того, именно через Стародуб русские полки могли пройти на Украину. Это произошло в конце сентября. А 1 октября король получил известие о разгроме Левенгаупта. Он приказал идти ему навстречу. 12 октября Левенгаупт с остатками войск (6700 человек), без обоза присоединился к главным силам [69. Т. X. С. 536—545].

Неудачей окончилось наступление шведов с двух сторон на Санкт-Петербург. Два полка Штромберга, шедшие из Эстляндии, потерпели поражение от войск Ф.М. Апраксина. Войска Либекера (13 000 человек) наступали из Финлян-

лин. 8 августа Либекер переправился через Сестру и подошел к Неве. 29 августа он форсировал реку при поддержке артиллерии и более двух недель искал запасы продовольствия, собранные русскими в Ингрии. Однако запасы эти были либо увезены, либо уничтожены. Шведы страдали от голода. Не решившись атаковать Санкт-Петербург, Либекер вышел к берегу моря, где встретил флот Анкерштерна, также оказавшийся неспособным овладеть Котлином. Благодаря умелым и решительным действиям Ф.М. Апраксина и К.И. Крюйса, обманувших шведов, корпус Либекера был вынужден эвакуироваться на судах. Когда погрузка завершилась, войска Апраксина атаковали и разгромили оставшихся шведов, потерявших до 4000—5000 человек и тысячи лошадей [69. Т. X. С. 501—504].

В январе и ноябре 1708 г. шведы разоряли жилища жителей Кольского края. Летом 1708 г. английские торговые моряки, шедшие в Архангельск, заметили гнавшиеся за ними военные корабли. Укрепления города привели в боевую готовность, но нападения не последовало. Возможно, это также были отвлекающие действия шведов. Однако серьезной роли они не сыграли [69. Т. X. С. 498—500].

Итак, к октябрю 1708 г. шведская армия оказалась в сложном положении. Замыслы осуществить не удалось. И на Украине шведские войска встретили сопротивление русской армии и партизанскую борьбу местного населения. Король рассчитывал на помощь казаков, обманутых изменником гетманом Мазепой. С отрядом в несколько тысяч гетман прибыл в шведский лагерь и представился Карлу XII 28 октября [69. Т. X. С. 575]. Он решился на этот шаг, чтобы избежать соединения казацкой армии с главными русскими силами под Стародубом, что требовал Петр [69. Т. X. С. 581—583]. Гетман решил, что сила на стороне короля. Однако часть казаков, ехавших воевать со шведами, вскоре покинула Мазепу. Не смог гетман выставить обещанное войско в 16 000—20 000 сабель. Правда, он подготовил в Батурине большие запасы продовольствия и вооружения, так необходимые шведам [69. Т. X. С. 577—578].

Мазепа, не желая, чтобы шведы разорили Украину, предложил взять Новгород-Северский и продолжить движение на Москву. Однако город, куда царь прибыл 27 октября, был

укреплен; Карл XII не решился напасть на него и направился к Батурину. С боем шведы форсировали Десну 4 ноября. Задержка оказалась роковой: А.Д. Меншиков 2 ноября захватил и уничтожил город с его запасами, вывезя все возможное [69. Т. X. С. 593—596]. В России и на Украине было провозглашено проклятие Мазепе.

Шведы от развалин Батурина направились к Ромнам, куда прибыли в середине ноября, а 18 декабря — в Гадяч. В конце декабря король решил направиться к главным силам Петра I в Лебедине. Однако отчаянное сопротивление защитников крепости Веприк 6 января заставило короля повернуть на Зенков — Опошню. Из Опошни он предпринимал в январе — феврале 1709 г. безуспешные походы на окрестные населенные пункты. Сильные морозы конца 1708 г. основательно подорвали силы шведов. Весной шведские войска продолжили движение к югу, пока в конце апреля Карл XII не приступил к осаде Полтавы [69. Т. X. С. 494—495; 73. С. 294].

Весной 1709 г. Петр I предложил завершить войну при условии возвращения Швеции всех завоеваний, кроме Санкт-Петербурга и Шлиссельбурга. Карл XII отказался. Он все еще рассчитывал заключить мир в Москве [27. С. 37]. Однако король просчитался. Рассыпались в пыль его надежды на вступление в войну крымского хана и Турции. В 1707—1708 гг. русская дипломатия добилась немалых успехов. Угрозой наступления на Азовском море удалось повлиять на Турцию, которая не выступила в поддержку Швеции. В Польшу были направлены русские войска. Антишведская партия добилась побед и лишила Карла XII поддержки Станислава Лещинского. Шли переговоры России с Данией и Августом II о вступлении их в войну [45. С. 487—489].

Шведские войска, распределенные между главными силами и отдельными корпусами в Выборге, Польше и германских владениях Швеции, не представляли единой мощи, тогда как русские силы были собраны в кулак. Не пришла помощь запорожцев, обещанная Мазепой. Гетман Украины, играя на недовольстве украинского населения русскими действиями, пробовал поднять страну на борьбу с Россией, но безуспешно. На Украине избрали нового гетмана И.И. Скоропадского. Лишь немногие украинцы пошли за Мазепой. Большинство их составили запорожцы, которые сохранили

верность Мазепе, несмотря на известие о его измене. Однако 14 мая по приказу Петра русские войска разорили Запорожскую Сечь, лишив Карла XII и этой надежды [69. Т. X. С. 680—682; 73. С. 284—294, 298].

Опасаясь вступления в войну Дании и Саксонии, шведское правительство отказалось от отправки подкреплений Карлу XII после Лесной [45. С. 487—489]. Король пытался через Мазепу призвать на помощь Станислава Лещинского. Однако перехваченное письмо гетмана-изменника было широко опубликовано по указанию Петра и вызвало возмущение на Украине предложением Мазепы вернуть украинские земли Польше [69. Т. X. С. 602—605]. Петр зимой писал Ф.М. Апраксину с Украины: «Малороссийский народ так твердо, с помощью Божией, стоит, как больше нельзя от них и требовать». «Король посылает прелестные к сему народу письма, но он неизменно пребывает в верности и письма королевские приносит, гнушаясь даже и именем Мазепы» [69. Т. X. С. 620].

В то время как Карл XII решал, в каком направлении ему повернуть, Петр I, рассчитывая на своих полководцев, занимался делами морскими. Царь имел сведения, что Карл XII может направиться и для уничтожения верфей в Воронеже. Он писал Ф.М. Апраксину, чтобы тот торопился спускать корабли и готовился к возможному нападению. С 14 февраля по 27 мая 1709 г. царь находился при судостроении в Воронеже, обозревал азовские порты и плавал на бригантине в Азовском море; 7 апреля он спустил в Воронеже два построенных им корабля: 50-пушечный «Ластка» и 80-пушечный «Старый орел» [44. Ч. I. С. 5]. Первым делом царь принял решение разбирать корабли, которые не имело смысла достраивать. 17 февраля он писал Меншикову: «Слава Богу, все здесь добро поводится, и зело нужен мой приезд был сюды, ибо кумпанские корабли, которые уже трижды переделывали без меня, оные ни десятой доли того не стоят. А ныне положили их разбить, а надобные, слава Богу, в добром порядке обретаются» [66. Кн. VIII. С. 251].

Все усилия были предприняты, чтобы подготовить эскадру на случай выступления Турции. Когда к адмиралу Апраксину прибыл посланец визиря с запросом о причине военно-морских приготовлений, ему продемонстрировали

готовый флот. Этого оказалось достаточно, чтобы турки предпочли не воевать [69. Т. X. С. 701]. В Константинополе еще помнили салют «Крепости» у стен дворца султана. Но главные дела царя в то время были все же на суше.

2 апреля король получил предложение Г.И. Головкина об обмене пленными. Канцлер также изложил условия мира: Петр I требовал, чтобы Карл XII признал за Россией владение всеми завоеванными областями и городами, исстари принадлежавшими русским, и предлагал, чтобы обе стороны не вмешивались в польские дела. Но король отказался принять эти предложения [69. Т. X. С. 687—688].

Царь был уверен, что Полтава не сдастся шведам, и отказался прав. Комендант полковник А.С. Келин отказался капитулировать и сделал все, чтобы выдержать длительную осаду. Вид Полтавы, окруженной земляным валом с палисадом, внушал надежду на успех королю, у которого было мало пушек и пороха. Он рассчитывал, что Полтавщина позволит содержать армию, пока не подойдут подкрепления и можно будет возобновить движение на Москву. Однако русские войска упорно держались, отбивая штурмы. У шведов же с начала июня нехватка продовольствия стала острой. Шведские войска таяли и теряли бодрость духа и дисциплину, росло дезертирство. Армия Карла XII оказалась фактически в окружении, и король должен был либо взять Полтаву, либо погибнуть. Продолжая рисковать, он ночью подъехал к русскому лагерю, застрелил казака и был ранен пулей в ногу [69. Т. X. С. 704—705]. Однако король не потерял оптимизма и продолжал верить в победу.

В конце мая на Ворсклу подходила и соединялась с войсками Меншикова армия Б.П. Шереметева. 4 июня прибыл Петр I. На военных советах обсуждали, как помочь осажденным. Пробовали решить проблемы, проложив земляные укрепления до стен, но шведы своими окопами преградили путь. Было принято решение вступить в генеральное сражение. Желая обеспечить победу, 24 июня царь приказал построить перед ретраншементом (укреплением), прикрывающим русский лагерь, шесть редутов в ряд, на следующий день — еще четыре редута перпендикулярно первым, чтобы разделить шведскую армию надвое. Два из этих редутов до начала сражения не были завершены. Редуты должны были затруд-

нить неприятелю проход к намеченному месту боя между Будищенским и Яковецким лесами. 25 июня царь отдал приказ о задачах артиллерии, подчинив ее генерал-лейтенату Брюсу. Конницу он приказал поставить на флангах, назначив общим ее начальником А.Д. Меншикова и дав в помощь Боура и Ренне. 26-го числа он поручил командование всей пехотой Б.П. Шереметеву. Был выработан план распределения артиллерии и пехоты по дивизиям. Узнав о том, что к шведам перебежал унтер-офицер Семеновского полка, царь внес изменения в планы. В частности, удалось установить: беглец собирается сообщить королю, что в русской линии будет полк из новобранцев и следует прорвать линию именно в этом слабом звене. Немедленно Петр приказал переодеть в мундиры новобранцев солдат одного из лучших полков — Новгородского. Днем он обращался к частям с зажигательными выступлениями [69. Т. X. С. 715—717].

В ночь на 27 июня Петр отдал по армии знаменитый приказ, призывавший сражаться за отечество и заверченный словами: «...А о Петре ведали бы извесно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние» [69. Т. X. С. 711].

Несмотря на явное превосходство противника и на острую нехватку пороха, позволившую из 32 орудий использовать в бою только четыре, король решил в ночь на 27 сентября атаковать. Он рассчитывал на свои войска и согласился с предложением русского перебежчика прорвать линию Петра I там, где стоял полк новобранцев, и бить фланги по частям. Командование Карл XII передал фельдмаршалу К.Г. Реншильду [69. Т. X. С. 718—724].

Наступление началось под утро. Русская кавалерия заметила выход шведов из лагеря и приготовилась к бою. Когда Реншильд приказал своей кавалерии атаковать редуты, именно коннице Меншикова пришлось принять первый удар. Положение ее было сложным, ибо шведскую конницу поддерживала пехота. Петр же готовил пехоту к генеральному сражению в лагере. Считая, что редуты сыграли свою роль, он с четвертого часа дважды требовал от Меншикова, чтобы его конница отошла и заняла позицию на правом фланге боевой линии. Однако князь дважды не выполнял приказ и просил пехоту в поддержку. Он оправдывался тем, что без

его поддержки шведы возьмут редуты, два из которых (недостроенные) уже пали. Взаимодействие конницы с артиллерией и стрелками затруднило наступление шведов. Прорываясь через линию редутов, атакующие попадали под фланговые выстрелы пушек из ретраншемента (укрепления). Только в шестом часу шведская кавалерия стала отступать, и Петр поручил Меншикову и генерал-лейтенанту Ренцелю особую задачу: разгромить часть шведских войск, отрезанных от главных сил в Яковецком лесу при отходе шведов. После решительной атаки войска генералов Шлиппенбаха и Рооса (6 батальонов и несколько эскадронов) понесли большие потери. Шлиппенбах сдался. Генерал-майор Роос с несколькими эскадронами прорвался к шведским редутам под Полтавой, но преследовавшие войска Ренцеля (Меншиков вернулся к главным силам) заставили капитулировать и его, ибо гарнизон Полтавы сделал вылазку и овладел шведским лагерем. Реншильд послал на помощь Роосу отряд А. Спарре, но тот не смог спасти окруженную конницу [69. Т. X. С. 724—731; 70. С. 125].

Конницу Боура, которая охраняла редуты и по приказу Петра отошла на правый фланг ретраншемента, попробовала преследовать шведская кавалерия, но попала под обстрел пушек из этого укрепления и отступила за пределы дальности русской артиллерии [69. Т. X. С. 729].

Шведская пехота не смогла взять редуты и пробовала пробиться между ними и Будищенским лесом, но была отражена конницей. Когда конница отошла, шведы прорвались между редутами, преследуя русскую кавалерию. Правый фланг Левенгаупта попал под обстрел из ретраншемента; под картечным огнем артиллерии шведы отошли в Будищенский лес, где приводили себя в порядок [70. С. 124].

Петра I больше всего беспокоило, как бы шведы не ушли за Днепр. Чтобы не пугать противника, часть пехоты он оставил в лагере. Центр составили 42 батальона пехоты, на правом фланге которых стояли 18 драгунских полков Боура, на левом — 6 драгунских полков Меншикова. 6 драгунских полков Волконского царь отвел за правый фланг для связи с казачьей конницей Скоропадского. Пехота была выстроена в две линии, причем в затылок один другому стояли два батальона полка. В первой линии русские войска имели не

более 10 000 человек. Царь, имевший чин полковника, принял командование дивизией. Шведские войска построились в одну линию пехоты с кавалерией на флангах в две линии и перешли в наступление около 8.00. В передовом строю шведы имели примерно такие же силы, что и русские, однако располагали большим боевым опытом [70. С. 125—127].

В ответ на движение шведов вся русская линия выдвинулась и обрушилась на наступающих ружейно-артиллерийский огонь. Королевские войска решительно атаковали. Наиболее сильный натиск выдержал первый батальон Новгородского полка, почти уничтоженный в бою. Однако сам Петр, приняв командование вторым батальоном, привел его на помощь, и брешь в боевой линии была закрыта. Во время боя одна пуля пробила шляпу Петра, другая расплющилась о крест на груди, третья засела в седле. Выдержав удар противника, по сигналу русская армия перешла в общее наступление. Конница на флангах начала охватывать шведов, которые отступили к Будищенскому лесу. Паники добавило известие, что король погиб, хотя ядро разбило только его носилки, а Карла XII подняли на помост из пик. После двухчасового сражения шведская армия, деморализованная лишениями и угрозой окружения, потеряла управление и перешла в отступление, а затем и в бегство, преследуемая русской конницей. На поле боя шведы оставили 9234 солдата и офицера; русские потери составили 1345 убитых и 3290 раненых [70. С. 128—130].

Первоначально шведов преследовали не очень энергично: Петр I традиционно решил отпраздновать победу и дать отдых войскам. Но вечером в погоню были отправлены генерал-поручик князь М.М. Голицын с гвардией и генерал-поручик Р.Х. Боур с драгунами; следующим утром в погоню отправился и А.Д. Меншиков. Шведы отступали, даже не пытаясь оказать сопротивления, и к вечеру 29 июня достигли Переволочны — переправы через Днепр. Так как перевозочные суда русские заранее увели, то перебраться на другой берег смог лишь двухтысячный отряд, сопровождавший короля и Мазепу. Оставленные на берегу 14 000 человек были деморализованы, и командовавший ими Левенгаупт по требованию Меншикова, угрожавшего перебить всех сопротивлявшихся, приказал сложить оружие, не принимая боя [70.

С. 130—131]. 8 июля конница Г.С. Волконского догнала и разбила остаток войск шведов у переправы через Буг. С королем и гетманом спаслись немногие [42. С. 196].

Итак, шведская армия была полностью разбита. Лишь Карлу XII с Мазепой и группой казаков удалось бежать в Турцию. Петр, сообщая о полной победе Ф.Ю. Ромодановскому, писал: «И тако вся неприятельская армия нам, чрез помощь Божию, в руки досталась, которою в свете неслышанною викториею вашему величеству поздравляем, и ныне уже без сомнения желание вашего величества, еже резиденцию вам иметь в Петербурхе, совершилось чрез сей упадок конечной неприятеля» [66. Кн. VIII. С. 266].

Петр I и его соратники продемонстрировали, что Россия уже имеет боеспособные войска, которые могут побеждать равные по силам шведские. Победа была выкована правильной, последовательной стратегией, позволившей изматывать противника булавочными уколами нападений, созданием зоны выжженной земли и партизанской борьбой. Царь, усиленно занимавшийся подготовкой полков, созданием новой артиллерии и кавалерии, пожинал плоды своих трудов при Полтаве. Большую роль в победе сыграли русские артиллерия и конница. Система редутов, построенных по приказу Петра на пути наступления неприятеля, стала тем инженерным средством, которое ослабило натиск опытных шведских полков перед решающим этапом сражения.

3 июля 1709 г. за Полтавскую баталию Петр был пожалован чином арир-адмирала, или шаутбенахта; его флаг подняли на флагштоке подле ставки [44. Ч. I. С. 5]. Одновременно он получил и сухопутный чин генерал-лейтенанта [66. Кн. VIII. С. 266]. Теперь это уже не была игра. Параллельно с действиями на суше царь следил за кораблестроением. Существовал Балтийский флот. Пока он еще уступал шведскому по численности и подготовке. Но уже в следующем году новоиспеченному шаутбенахту Петру Михайлову предстояло командовать этим флотом в боевой операции.

После Полтавы, но до Переволочны король предложил мир России на условиях сохранения за ней Ингрии с Санкт-Петербургом и Нарвы за «эквивалент», но на требование Петра I уступить часть Карелии с Выборгом и Ревель Карл XII

не согласился [45. С. 511]. Войну предстояло продолжать. Теперь боевые действия перемещались за пределы Русской земли.

Важнейшими задачами после Полтавы Петр I считал изгнание шведов из Прибалтики, помощь Августу II и выход в Финляндии на линию Выборг — Кексгольм. Он от Полтавы направил войска Шереметева к Риге, а Меншикова — в Польшу. Позднее царь сам прибыл под Ригу и выпустил три первые бомбы из осадных орудий. Однако на зиму осаду прервали. Оставив корпус для осады города, русские войска отошли в Курляндию [73. С. 307, 309].

Благодаря Полтавской победе Россия в 1709 г. вновь заключила в Торне (Торуни) союзные договоры с Данией и Августом II и оборонительный договор с Пруссией, в 1710 г. союзную конвенцию с курфюрстом Ганновера, будущим королем Англии Георгом I. Турция отказалась от союза с Карлом XII. Франция предложила посредничество между Россией и Швецией и готова была предложить договор о торговле Франции и Испании с русскими балтийскими портами. Англия и Голландия, не желая успехов Швеции и ее выступления на стороне Франции, поддерживали в ней стремление продолжать войну с Россией. Они намеревались привлечь Россию в Великий союз. Петр I не возражал против этого и предлагал свое посредничество при заключении мира между Англией и Францией, однако отказался от посредничества Англии в переговорах со Швецией. Англия, лишенная возможности влиять на события в Балтийском море, стремилась быстрее развязать руки и завершить войну за испанское наследство [45. С. 512—517].

Появление в Померании русских войск, последовавших туда за отступавшими шведами, не устраивало Англию, Голландию и Австрию, которые опасались отвлечения датских, прусских, саксонских и голландских войск из Нидерландов, где они воевали против французов. В 1710 г. Англия, Голландия и Австрийская империя заключили конвенцию о сохранении в империи нейтралитета, чтобы не допустить в ее пределы русские и союзные им войска. Россия, Дания и Август II признали конвенцию, но отказ Карла XII признать ее отнял у Англии возможность помочь Швеции [45. С. 520—521].

Попытки англичан расколоть Северный союз в 1709—1711 гг. не увенчались успехом, ибо союз этот отвечал интересам Дании, Саксонии и Польши в борьбе со Швецией.

Победа под Полтавой позволила русским войскам при поддержке флота перейти в наступление и в Прибалтике. В 1710 г. Шереметев вновь осадил Ригу и 4 июля взял город. 8 августа сдался Динамюнде, 14 августа — Пернов (Пярну) и Аренсбург [42. С. 197]. Были взяты остров Эзель и Ревель, то есть под власть царя перешла вся Ливония. Жителям городов была предоставлена возможность нормальной жизни в рамках Российского государства. А. Курбатов и другие советовали присоединить Лифляндию и Эстляндию к России навсегда. Курляндия стала ближе к России, ибо герцог Курляндский женился на Анне Иоанновне, племяннице царя [73. С. 326—327].

Поражения не заставили шведского короля склониться к миру даже на скромных условиях, которые предлагал Петр I. Следовало нанести удары по владениям Швеции, прилежащим к ее метрополии. В 1710 г. началось наступление на Финляндию. В феврале Петр дал указание генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину открыть боевые действия против Выборга. Так как флот еще не был достаточно силен, чтобы сразиться с неприятельским, полки Апраксина двинул пешим порядком по льду Финского залива. Несмотря на тяжелые походные условия, войска прошли к Выборгу и 21 марта осадили его. Однако войска шли налегке, с минимумом обоза, тогда как сильную крепость можно было взять лишь при помощи осадной артиллерии. Артиллерию и все необходимое для осаждающих можно было доставить только морем [68. С. 60].

При подготовке к кампании царь по своей просьбе получил разрешение генерал-адмирала Ф.М. Апраксина: «По получении сего господин вице-адмирал имеет предоставить командование малыми бригантинами и (малыми) судами арьер-адмиралу дворянину Михайлову» [68. С. 62].

В апреле 1710 г. шаутбенахт Петр Михайлов начальствовал отрядом судов корабельного флота. Имея флаг на шняве «Мункер», он сопровождал галеры и транспортные суда с провиантом и артиллерией к войскам, осаждавшим Выборг. Конвоируемые суда находились в большой опасности из-за

тустого, почти сплошного льда, но все же благополучно достигли цели. 9 мая флот прибыл под Выборг, успев ранее, чем подошли шведские корабли. Благодаря энергичным и решительным действиям царя своевременно доставленные транспортом грузы способствовали скорой сдаче крепости [44. Ч. I. С. 5—6]. Шведская эскадра запоздала, сухопутные войска оставались на реке Кюмень. Без их помощи крепость капитулировала 13 (24) июня; 8 сентября пал Кексгольм. Появилась новая граница в Финляндии между Россией и Швецией, позволившая обезопасить Санкт-Петербург [68. С. 60; 70. С. 144—145].

Союзники имели меньшие успехи. Август II, вытеснив шведов из Польши, вернул престол. Но Дания в кампаниях 1709—1710 гг. потерпела поражение на суше при высадке в Сконе (Южная Швеция) и на море [42. С. 197; 70. С. 146]. Гаагский договор австрийского императора, Англии и Голландии 31 марта (11 апреля) 1710 г., гарантировавший защиту шведских владений в Германии, приостановил наступление. Но Петр I, воспользовавшись усилением шведских войск в Померании, приступил к ее захвату, что послужило сигналом к разделу владений Швеции на материке союзниками России [27. С. 43—46].

Несмотря на все проблемы на суше, царь никогда не отрывался от морского дела. В 1706 г. он был произведен в капитан-командоры. 30 ноября 1707 г. Петр заложил в Санкт-Петербурге 16-пушечную шняву «Лизет», спущенную им в 1708 г. 29 октября 1708 г. по указу адмирала графа Ф.М. Апраксина Петр стал получать жалованье капитан-командорское — 600, корабельного мастера — 1200 рублей. 5 декабря 1709 г. он заложил первый в Санкт-Петербургском адмиралтействе 54-пушечный корабль «Полтава». В августе — сентябре 1710 г., имея флаг на новых кораблях «Выборг» и «Ревель», Петр плывал до Красной Горки в эскадре адмирала Апраксина [44. Ч. I. С. 5—6].

Датский посланник Юст Юль высоко оценивал деятельность царя и отмечал: «Таким образом, с самого основания Петербурга, царь, при помощи [своего] небольшого флота и небольшого Кроншлотского замка [с успехом] оборонял от шведов доступ [к городу] с моря, а в то же время их самих вынуждал содержать в Финском заливе большую эскадру,

обходившуюся им весьма дорого. И пока шведы плавали в море, русские преспокойно стояли в гавани, весело [проводя время] за ежедневными пирами и попойками и защищаясь от неприятеля без особого труда и расходов» [68. С. 61].

Силу России начали учитывать западные державы. Людовик XIV хотел в 1710 г. привлечь Петра I к войне за испанское наследство против Австрии и добиться мира между Швецией и Россией. В инструкции послу де Балюзу он писал: «Царь совершил завоевания, которые делают его хозяином Балтийского моря. Оборона завоеванных земель вследствие их местоположения настолько легка для Московского государства, что все соседние державы не могли бы принудить возвратить эти земли Швеции. Этот государь обнаруживает свои стремления заботами о подготовке к военному делу и о дисциплине своих войск, об обучении и просвещении своего народа, о привлечении иностранных офицеров и всякого рода способных людей. Этот образ действий и увеличение могущества, которое является самым большим в Европе, делают его грозным для его соседей и возбуждают очень основательную зависть в императоре и в морских державах. Его земли в изобилии доставляют все, что необходимо для мореплавания, его гавани могут вмещать бесконечное количество судов». Он предлагал Петру торговый договор с Францией и Испанией, отмечая, что Англия и Голландия стремятся монополизировать торговлю и будут препятствовать самостоятельному русскому судоходству [68. С. 49—51].

Так как союз с Францией грозил войной против Великого союза, Россия предложила в 1711 г. Англии и Голландии стать посредниками между Россией и Швецией с Турцией. Петр I был готов выставить войска против Франции. Условием мира со Швецией царь предлагал сохранение за Россией Ингрии, Карелии, Нарвы, Эстляндии с Ревелем, Выборга и Финляндии до Гельсингфорса; Лифляндия с Ригой была предназначена Августу II, а Дании — «что потребует». Карл XII, надеясь на помощь Турции, вновь отказался от мира [45. С. 525—526]. Но его надежды не оправдались.

8. Прутский поход

3 (14) января 1710 г. было подтверждено тридцатилетнее перемирие России и Турции; турки объявили, что отпускают Карла XII с небольшой охраной. Эти известия вызвали празднества в Москве и Кракове. Турки хотели, чтобы Карл XII

продолжал войну с Россией, а они оставались бы в стороне. Однако король Швеции не прекратил усилий по вовлечению султана в войну против России. Он направил приказ генералу Крассау с 18-тысячным корпусом двигаться из Бремена и Померании в Польшу и Саксонию, чтобы совместно с турецкими войсками из района Очаков — Бендеры разгромить полки Августа II и вспомогательные русские войска, вновь поставить на польский престол Станислава Лещинского, а затем наступать на Россию. Его агитация нашла сторонников в Константинополе. Новый визирь, сменивший сторонника мирных отношений с Россией, заявил русскому послу, что готов направить в сопровождение возвращающегося домой Карлу XII 40-тысячное войско, и предложил вывести русские вспомогательные войска из Польши [25. С. 102—103]. Это уже был явный вызов.

Одной из причин враждебности турок явился захваченный шведами на русском судне документ, свидетельствующий об имеющихся планах Петра воевать с Турцией [20. С. 317—318]. Турцию тревожил рост влияния России на Азовском море и в Польше. Она была недовольна тем, что русские войска, преследовавшие Карла XII и Мазепу, вторглись на территорию Турции. Турки требовали отвести русские полки от границ и в то же время готовились к войне; правящие круги страны ожидали, что после решения вопросов с Польшей и Швецией придет очередь султана, и хотели опередить события. Особую роль играл расположившийся вблизи Бендер шведский король. Он предлагал султану союз со Швецией против России, чтобы нанести совместными усилиями поражение войскам Петра I. Однако Порты не решилась верить судьбу страны командованию побежденного. 20 ноября 1710 г. она объявила войну России и арестовала русского посланника П.А. Толстого. Толстой, до того как попал в Семибашенный замок, предупредил из Константинополя об опасности войны следующей весной и принимал меры, чтобы оттянуть ее [73. С. 327—328].

Для Петра I война на Юге оказывалась совершенно излишней, пока Швеция располагала достаточными силами для борьбы. На союзников трудно было положиться. Волнения в Польше и на Украине не позволяли считать их спо-

койным тылом. Дания начала медленные и осторожные действия против шведов, однако отказывалась выставить флот для совместных операций. Англия и Голландия опасались роста влияния и могущества России в отсутствие шведского противовеса. Польский сенат требовал вывести русские войска из Польши и передать ей Ригу, Ревель и другие завосванные города Прибалтики, а также Заднепровские крепости. Русская дипломатия отговаривалась тем, что во время войны все эти крепости и войска необходимы и будут переданы после завершения военных действий [73. С. 328—330].

Царь пытался дипломатическими путями урегулировать отношения с Турцией, дважды лично обращался с посланиями к султану Ахмету III, однако его мирные предложения были восприняты как свидетельство слабости России.

20 (31) декабря Петр получил донесение П.А. Толстого о начале войны. Посол из Семибашенного замка сообщал, что турки намерены с большим войском сопровождать Карла XII через Польшу. Войну с Россией следовало начать татарам, а весной должны были выступить главные силы, о сборе которых приказы разослали по областям Турции. Мирные шаги были уже бесполезны. Потому, на время отказавшись от активных действий против шведов, Петр основные силы направил на Турцию. Он приказал Б.П. Шереметеву перебросить в район Минска и Слуцка 22 полка; туда же должны были прибыть пополнения рекрутов и вся полевая артиллерия. Командовавший русскими вспомогательными войсками в Польше М.М. Голицын получил указание с 10 драгунскими полками идти на молдавскую границу, к Каменец-Подольскому, и разбить турок и татар, если те станут провожать шведского короля. У границ сосредоточивали запасы продовольствия. Для защиты от корпуса Крассау в Польше создали группировку войск. Значительные силы были сосредоточены и в Лифляндии под командованием А.Д. Меншикова. Они должны были защищать приобретения России в Прибалтике и Польшу. Украину и Приазовье следовало оборонять губернатору Киева Д.М. Голицыну и гетману И.И. Скоропадскому, а юго-восточные границы — генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину [25. С. 104—105].

6 (17) января 1711 г. Петр I послал турецкому султану третье послание в надежде на его благоразумие, но не получил ответа. К февралю турецкая армия насчитывала почти 120 000 человек, а с татарскими отрядами — до 200 000. Турки намеревались главными силами (с которыми шел Карл XII) через Бендеры — Яссы — Каменец-Подольский идти в Польшу на соединение с корпусом Крассау; для отвлечения внимания татары должны были нанести удары по Украине. Русские планы, утвержденные военным советом 1 (12) января, также были наступательными и предусматривали, прикрывшись корпусом со стороны Крыма, идти на Дунай, помешать неприятелю занять Молдавию и продолжить наступление на Польшу [25. С. 105—106].

В январе 1711 г. крымский хан Девлет-Гирей начал вторжение на Украину и разорил несколько городов. Он намеревался уничтожить верфи Воронежа и флот, однако угроза русских войск заставила его вернуться в Крым. Этот набег вызвал к жизни манифест о войне с Турцией, обнародованный 22 февраля (5 марта) 1711 г. в Москве [25. С. 106—107].

Царь был уверен, что только он сам способен организовать поход против Турции и заставить ее прекратить враждебные действия. Перед отъездом в армию, 22 февраля 1711 г. Петр I учредил Правительствующий сенат, которому во время отсутствия государя следовало управлять страной. Одной из важнейших задач, поставленных перед этим органом, являлся сбор как можно больших средств на продолжающуюся войну [73. С. 325—326]. Отправляясь в опасный поход, чтобы укрепить права Екатерины и дочерей Елизаветы и Анны, Петр 6 марта объявил Екатерину своей супругой, а дочерей царевнами. Царица должна была сопровождать супруга [73. С. 331—332].

6 марта царь выехал из Москвы. Несмотря на сильную лихорадку и мрачные мысли о будущем, казалось, все складывалось для него удачно. Нападение крымских татар на Украину было отбито, местное население успокоилось. Шереметев сообщал, что 15 мая войска выйдут к Пруту. В Яворове царь получил обещание Августа II выставить в помощь 10 000 человек в обмен на 100-тысячную субсидию. В Турции союзником русских явился господарь Молдавии Кантемир, которому царь обещал в случае успеха независимость

Молдавии под властью Кантемира, а при неудаче — убежище его семейству. Когда войска Шереметева перешли Прут, Кантемир объявил себя сторонником русских. Христианские подданные Валахии, Сербии и Черногории также обещали поддержку против турок [73. С. 333—336].

В случае победы на суше можно было рассчитывать на то, что эскадра овладеет Керчью и выйдет в Черное море. Для подготовки Азовского флота в помощь Ф.М. Апраксину Петр послал К.И. Крюйса. В начале 1711 г. Крюйс предполагал вооружить к кампании 19 кораблей и несколько меньших судов. Но, прибыв в Азов к исходу апреля, вице-адмирал увидел силы значительно меньшие, чем ожидал [20. С. 231].

Трудности со снаряжением флота создала природа. Петр получил сведения, что могут выступить только 2 корабля с ненастланнми верхними палубами, 2 шнявы и 6 скампавей, отправленные с Крюйсом 7 апреля; остальные не удалось спустить из-за низкой воды. Ф.М. Апраксин писал, оправдываясь, что на все воля Божья. Генерал-адмиралу было из-за чего беспокоиться, ибо именно он выбрал место для верфей. Царь признал Апраксина виновным. Он одобрил предложение Крюйса строить для Азовского флота плоскодонные корабли и в мае разрешил Апраксину разобрать четыре 80-пушечных корабля в Таврове для постройки новых [20. С. 233—234].

Генерал-адмиралу царь приказал, сдав войска брату, астраханскому воеводе П.М. Апраксину, отправляться в Азов, защиту которого поручил герою обороны Полтавы генерал-майору Келину. 23 июня Апраксин прибыл в Таганрог и принял начальствование морскими и сухопутными силами. Он приказал эскадре выходить из гавани и отправил партию казачьих лодок к Керчи для разведки, а бригантины капитанов Бредаля и Волчанова — для крейсерства в северо-восточной части Азовского моря до Бердянской косы; при появлении противника крейсера должны были дать условный сигнал [20. С. 236].

Турки попытались напасть. Они 2 июля гнались за крейсерами. Эскадра из 18 кораблей, 14 галер и мелких судов приближалась к Таганрогу, а затем ушла в море. Русская эскадра три недели ожидала нападения в гавани, тогда как

казачьи лодки овладели турецким судном. 19 июля турецкий адмирал выслал 7 галер к Таганрогу, но стоило кораблю «Соединение» и 3 шнявам выйти, как турки вернулись к своему флоту [20. С. 236—237].

22 июля турки начали высаживать десант в четырех милях от Таганрогской гавани, но отряд казаков (1500 человек) и два батальона пехоты с 4 орудиями отразили эту попытку и заставили неприятельский десант вернуться на суда, которые отошли от берега. На следующий день Апраксин выслал 5 крейсеров для погони за малыми судами, но после того как турецкий флот пришел в движение, вернул их в гавань. 24 июля, не добившись успеха, турки скрылись [20. С. 237].

При усиленной работе русский флот к весне 1712 г. должен был стать силой, способной конкурировать с турецким. Но история не знает сослагательного наклонения. Через неделю после исчезновения неприятеля турецкий адмирал сообщил, что прибыло письмо с известием о мире. Апраксин не поверил, но 1 августа получил указ Петра I от 12 июля: «Понеже, не допуская мы дальнейшего кровопролития между войсками нашими и турецкими, согласились чрез сиятельного везиря Магмет пашу, с его султанским величеством вечный мир учинить; для довольства в этом миру город Азов с их землями, которые в вышереченной области взяты в прошлой войне, отдать, новопостроенные разорить, что повелеваем вам учинить по силе учиненного трактата, которого о сей материи ведение и вам посылается» [20. С. 238].

Указ свидетельствовал о поражении. Петр I надеялся на победу при помощи православных народов, находившихся под гнетом султана. Но эти планы осуществить не удалось. Плохо подготовленное наступление окончилось неудачей.

У крепости Каменный Затон сосредоточивались войска гетмана И.И. Скоропадского и генерал-майора И.И. Бутурлина. Главные силы армии Б.П. Шереметева двигались из Прибалтики на юг. По решению военного совета в Луцке 12—13 апреля ему следовало сосредоточить армии в районе Брацлава. Петр в письме торопил фельдмаршала, отмечая: «ибо ежели умедлим, то все потеряем». Однако войска вышли к цели на десять дней позже срока, 30 мая. Дмитрий Кантемир перешел на сторону русских, молдаване встреча-

ли их как освободителей. Русская армия благополучно переправилась через Прут [25. С. 107].

Шереметев должен был по приказу Петра идти к Дунаю, разрушить мосты и не позволить неприятелю переправиться. Однако турки опередили и были уже за Дунаем. Фельдмаршал жаловался, что продовольствия всего на месяц [73. С. 336]. В Молдавии саранча опустошила поля, а к русским войскам присоединилось всего 5000—6000 вооруженных молдаван. Так как в начале июня турки на Дунае имели до 40 000 человек, а Шереметев располагал всего 15 000, на военном совете 8 июня было решено к Дунаю не наступать без большого числа пехоты [25. С. 108].

24 июня Петр привел гвардию к Пруту, оставил все войско Шереметеву и направился в Яссы, где имел встречу с Кантемиром и Кантакузиным, сторонником России в Валахии. Турецкий султан пытался через иерусалимского патриарха предложить заключить мир. Однако теперь уже Петр, убежденный в победе, отказался и отправился к войскам. Отпраздновав годовщину Полтавской победы, 28 июня на военном совете приняли решение идти за Прут и двигаться вдоль правого берега реки к Галацу, где предстояло встретиться с конным отрядом генерала К.-Э. Ренне. Отряд, которому следовало совершить рейд на Браилов и овладеть собранными там турецкими запасами провизии, выступил 30 июня. Одной из задач было побудить валашского господаря К. Брышковяну перейти на сторону России. Наступление продолжали, несмотря на то что было известно — крымский хан также перешел Прут и идет вслед за русскими войсками [25. С. 108; 73. С. 336—338].

7 июля стало известно от авангарда генерала Януса фон Эберштедта, что турецкие войска готовятся к переправе у устья Прута. Эберштедт не помешал туркам переправляться и отступил; он донес, что турки уже форсировали реку, хотя их главные силы подошли к Пруту лишь к вечеру и получили приказ переправляться 8 июля. Турки, преследуя русский авангард, отрезали главные силы русской армии, расположенные в районе местечка Станилешти, от отряда Ренне. Собранный Петром I ночью военный совет решил из-за нехватки провизии и фуража отступить перед превосходящими силами неприятеля вверх по течению Прута и дать сра-

жение в удобном месте. 9 июля русские войска остановились у урочища Новые Станнлешти; утомленные движением и жарой русские полки сразу начали строить укрепленный лагерь. На левом берегу войска были построены углом, обращенным к противнику и упиравшимся концами в реку; внутри располагались конница, артиллерия и вагенбург. Правый фланг позиции прикрывали болото и рогатки, левый защищали сплошные окопы [25. С. 108—110].

9 июля передовые силы турок окружили лагерь, а за три часа до заката, не дожидаясь сбора всех сил, 20 000 янычар были брошены в решительную атаку. Залповый огонь пехоты и артиллерии, маневр силами позволили отбить несколько атак, продолжавшихся до темноты. Янычары потеряли 7000—8000 человек. Однако Петр не стал испытывать судьбу и переходить в контратаку; он опасался, что не участвовавшая в бою турецкая конница захватит слабо укрепленный лагерь с небольшими запасами продовольствия.

Турки ограничились тем, что окружили русский лагерь окопами и обстреливали его из пушек. Русские имели 38 000 человек и 122 орудия, турки — 130 000—135 000 человек и 407 орудий. Россияне были отрезаны от своей конницы. Их положение казалось безвыходным. 10 июля на военном совете было высказано мнение ночью сбить неприятеля с позиций, а при успехе утром атаковать и всю его армию; но Петр отклонил это рискованное предложение [25. С. 111].

Великий визирь также оказался в сложном положении. Янычары отказывались продолжать атаки, ссылаясь на то, что султан приказал заключить мир. Зная о том, что визирь склоняется к миру, Петр решил начать переговоры. Турки ответили только на второе письмо Шереметева, в котором фельдмаршал угрожал перейти в наступление. Стоило русским войскам начать движение в атаку, как визирь предложил прислать уполномоченных. Послан был вице-канцлер И.П. Шафиров с группой помощников [73. С. 338—339].

Царь, видимо, понимал, что совершил ту же ошибку, что и Карл XII: вступил в незнакомую страну с недостаточными силами и без обеспечения снабжением. Он был готов принять почти любые условия турок, разрешил обещать турецким начальным лицам большие суммы денег и дал следующую инструкцию Шафирову: «В трактовании с турками дана

полная мочь г. Шафирову, ради некоторой главной причины, которое дело его не только с моей воли, но и всех, и суть истина: 1) туркам все города завоеванные отдать, а построенные на их землях разорить, а буде заупрямятся, позволить отдать. 2) Буде же о шведах станут говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отданием лифляндов, а буде на одном на том не могут довольствоваться, то и прочие по малу уступать, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и иные провинции, а буде возможно, то лучше б не именовать, но на волю султанскую положить. 3) О Лещинском буде станет говорить, позволить на то. 4) Впрочем, что возможно, салтана всячески удовольствовать, чтоб для того за шведа не зело старался» [66. Кн. VIII. С. 370—371].

Воснный совет решил: если противник не согласится на мир и потребует сдачи русских войск, пробиваться вдоль реки на север [73. С. 340].

Турки, понесшие значительные потери от огня русской артиллерии, намеревались добиться своих целей дипломатически, удалив царские полки. Против выступали представитель Карла XII Станислав Понятовский и крымский хан. Но визирь хотел избежать дальнейшего сражения [25. С. 112].

Шафиров привез текст условий мира. Турки требовали вернуть Азов в том виде, каким он был до сдачи, и ликвидировать новые крепости Таганрог, Каменный Затон и Новобогородицк в устье реки Самары; выдать Дмитрия Кантемира и Савву Рагузинского; отдать всю артиллерию и снаряжение; возместить дань с Молдавии; не вмешиваться в польские дела и управление казаков; сохранить свободную русско-турецкую торговлю, но русскому послу в Константинополе не жить; шведскому королю предоставить свободный проезд через Россию и заключить с ним мир, если тот захочет; подданным обоих государств не должно быть убытков и стеснений; прежние неприязненные дела предаются забвению, и царские войска могут беспрепятственно возвратиться в отечество. В ходе переговоров турки отказались от требований выдачи артиллерии, Кантемира с Рагузинским и компенсации дани с Молдавии. Но заложниками в Турции оставались Шафиров и сын фельдмаршала Шереметева полковник М.Б. Шереметев. Петр согласился с этими требованиями-

ми, и 12 июля договор, основанный на них, был подписан и утверждён. Русские войска получили возможность уйти в свои пределы [25. С. 112—113; 73. С. 340—341].

Тем временем генерал Ренне с конницей успешно продвинулся на юг и 14 (25) июля взял Браилов. Однако уже 16 июля он получил приказ вернуть город туркам и идти на соединение с главными силами [25. С. 113].

Итак, турки добились своих целей и отрезали Россию от выхода к морю. Воевать за интересы Карла XII они не собирались. Ахмет III ратифицировал Прутский договор уже в конце июля. Визирь прислал в русский лагерь продовольствие, чтобы опасные соседи быстрее уходили. Понятовский попытался поднять бунт янычар против великого визиря, но те, взяв деньги, выступить отказались. Таким образом, планы шведского короля не могли осуществиться, и ему пришлось вернуться в Бендеры. Корпус Краассау оставался в Померании [25. С. 114—115].

Петр не торопился разрушать Азов и другие крепости, пока Карл XII оставался в Турции и мог возбуждать умы против России. Когда турки пригрозили объявлением войны и казнью заложников, Шафиров добился двухмесячного срока для разрушения крепостей. Петр I приказал сносить их только до фундамента, укрывая материалы поблизости. Он рассчитывал после разгрома шведов повернуть оружие на юг и вернуть потерянное [73. С. 341].

Турки требовали также вывода русских полков из Польши, тогда как Август II настаивал на увеличении численности вспомогательных войск. Новый визирь, противник России, объявил, что султан сам весной 1712 г. объявит войну и поведет войска, если не будут выполнены следующие условия: русские войска должны выйти из Польши и царю не иметь союза с польским королем; шведского короля пропустить на родину и заключить с ним перемирие на три года; отказаться от Украины навсегда; Азов отдать, а Таганрог разорить немедленно. Пришлось условия относительно Азова и Таганрога выполнять, тогда как Карл XII оставался в Турции [73. С. 341—342].

Султан, узнав о том, что войска остались в Польше, объявил войну России. Однако, узнав, что русские серьезно готовятся воевать, турки потребовали от шведского коро-

ля, чтобы тот выехал из Турции. Карл XII вступил в бой с турками, которые пробовали его выпроводить, перебил многих, но в конце концов был пленен раненым и посажен в тюрьму Бендер, а его свита истреблена. После этого русские и турецкие дипломаты урегулировали взаимные отношения [73. С. 344—345].

Прутский договор 12 июля 1711 г. позволил ценой потери флота на Азовском море добиться нейтралитета Турции, что создало условия для наступления в Померании.

9. Наступление в Померании

Начиная наступление в Померанию, царь знал, что рассчитывать на другие страны не придется. 20 (31) марта 1710 г. в Гааге был подписан акт о северном нейтралитете, по которому страны Северного союза (Россия, Дания, Саксония) обязались не выступать против войск Крассау, а державы Великого союза (Англия, Австрия, Голландия) — не позволять Крассау наращивать силы и действовать против Северного союза. 22 июля (2 августа) 1710 г. в Гааге была подписана конвенция о создании англо-австро-голландского корпуса для контроля за соблюдением нейтралитета [25. С. 115]. Когда Петр начинал Прутский поход и Крассау грозил вторгнуться в Польшу, русской дипломатии не удалось добиться похода английских и голландских войск в Померанию, чтобы нейтрализовать шведский корпус [68. С. 55]. Так как Карл XII отказался признать северный нейтралитет, в мае 1711 г. русское правительство направило английской королеве мемориал, в котором было заявлено, что если Великий союз не выступит совместно с Северным для нейтрализации шведов в Померании, то Россия с союзниками сами примут меры. 3 (14) августа 1711 г. морские державы обязались не препятствовать вступлению русских, датских и саксонских войск в Померанию [25. С. 115—116].

Датская армия в августе вторглась в Померанию, осадила Висмар и Штральзунд; в сентябре под Штральзунд прибыли войска Августа II и 6000 русских вспомогательных войск. Артиллерию морем доставить не удалось из-за шторма, продовольствия не хватало. Из-за этих причин и разногласий между союзниками осада оказалась безуспешной, и

на зиму войска были отведены; отряд остался лишь под Висмаром [25. С. 116].

Датчане хотели овладеть Висмаром, Август II предпочитал сначала взять остров Рюген, использовать запасы продовольствия и потом брать Штральзунд. Петр I, который в 1711 г. заключил союз с Августом II для похода в Померанию, на свидании с саксонским генералом Флемингом 22 октября 1711 г. дал свою установку: немедленно овладеть Штральзундом или хотя бы Рюгеном; договориться о Бремене и Вердене с ганноверским курфюрстом, чтобы тот помогал при английском дворе; военные действия 1712 г. начать рано, в апреле — мае. После долгих споров решили, что на зиму в Померании остаются 6000 датских, все саксонские и русские войска [66. Кн. IX. С. 8—9].

Петр I согласился очистить Польшу от войск, но собирался использовать ее для прохода полков и сбора продовольствия. Царь приказал сосредоточить в Польше магазины с провизией на шесть месяцев для 30 000 человек и подготовить суда и плоты для доставки провизии по весне к Штеттину [73. С. 345]. В кампанию 1712 г. союзные войска главные действия должны были вести в Померании; следовало с помощью датского флота высадить десант в Швеции, тогда как русские войска в Финляндии должны были отвлечь внимание шведов. Большая русская армия, пока не были урегулированы отношения с Турцией, оставалась на Украине. В Померании против 22 000 шведов союзники имели около 85 000 человек, из них 10 000 саксонцев и 27 000 датчан. Русскими полками командовал А.Д. Меншиков [25. С. 116—117].

Договор 1712 г. с Мекленбургом дал русским войскам базу снабжения. 1 марта А.Д. Меншиков выступил в Померанию.

Однако на переговорах выяснились разногласия между членами Северного союза. Только 31 марта (11 апреля) союзники согласовали план действий: высадить десант на Рюген и осадить Штральзунд. Но Петр I продолжал настаивать на первоначальном взятии Штеттина, через который можно было обеспечивать перевозки для армии; следовало также блокировать Висмар датским флотом, а затем переходить к требующим больше усилий Рюгену и Штральзунду [25. С. 117—118].

В июне полки А.Д. Меншикова осадили Штеттин, русско-польско-саксонские — Штральзунд, датчане — Висмар и Штаде. Датчане в ходе кампании взяли Штаде, Бремен и Верден. 17 (28) августа в Вольгасте союзники пришли к решению брать Штеттин и одновременно высадить десант на Рюген. Однако так как союзники не предоставили осадную артиллерию, Меншиков осенью был вынужден, оставив под Штеттином 4000 человек, с остальными идти под Штральзунд. Не состоялся и десант на Рюген, ибо датская эскадра пропустила к острову шведский флот, который 13 (24) сентября высадил 10 000 пехоты и 1800 кавалерии под командованием М. Стенбока. Это настолько усилило оборону Штральзунда, что союзникам пришлось ограничиться блокадой крепости, рассчитывая на недостаток запасов у осажденных [25. С. 118—119].

Как ни старался царь активизировать действия союзников, все было бесполезно. Он вновь уехал лечиться в Карлсбад, оставив командование Августу II [73. С. 350].

Тем временем Стенбок, обеспечив оборону Штральзунда, с 18-тысячным войском в конце октября направился к Мекленбургу, оттеснив союзные войска из охраняемого ими прохода. 3 (14) ноября шведы взяли Росток. Датчане были вынуждены снять осаду Висмара. К концу ноября союзные войска были рассредоточены. Саксонский главнокомандующий без согласия Петра заключил перемирие со Стенбоком на 15 дней. За время перемирия союзники пытались согласовать действия. Петру с трудом удалось убедить датского короля, что продолжение войны в его интересах. Стенбок 4 (15) декабря перешел в наступление с 19 батальонами и 48 эскадронами. При известии об этом русские и саксонские войска направились на сближение. Саксонцы успели соединиться с датчанами, и их силы достигли 29 батальонов и 79 эскадронов. Петр I с войсками шел на соединение и рекомендовал союзникам избегать боя до прихода подкреплений. Союзники, уповая на превосходство, приняли бой 9 (20) декабря 1712 г., не дождавшись русских. Они занимали позицию на высотах, прикрытых с флангов болотом и лесом. Однако в решительном сражении Стенбок одержал победу, захватил всю датскую артиллерию и 4000 пленных. Союзники лишились около 2000 убитыми и 2000 ра-

неными, тогда как шведские потери не превышали 500 человек. Разбитые союзные войска отступили к Любеку. Русским войскам также пришлось отойти. Петру осталось утешаться тем, что потери союзников не очень велики, а конница мало пострадала, ибо бежала в начале сражения [25. С. 119—120].

Стенбок остановился между Висмаром и Любеком, затем направился к Гамбургу. Союзники в конце декабря решили всеми силами преследовать его [25. С. 120].

Неудача при попытке захватить остров Рюген, усиление гарнизона Штральзунда за счет подвоза по морю и поражение датчан разочаровали Петра I, который решил в будущем рассчитывать только на свои силы. В начале 1713 г. он с войсками вновь перешел в наступление на Стенбока, который отступил в Голштинию и укрепился в Фридрихштадте. Союзники отказались атаковать Фридрихштадт с гарнизоном 4000 человек, ибо по залитой водой местности к крепости вели лишь две дамбы. Но русские войска под командованием Петра и А.Д. Меншикова овладели Фридрихштадтом 31 января (11 февраля). Не пробившись назад в Мекленбург, войска Стенбока отступили в Тоннинген; ворота крепости отворил им курфюрст (герцог-администратор) Голштинии. Союзные войска осадили Тоннинген. Основная тяжесть осады легла на русские войска, которыми после отъезда царя командовал А.Д. Меншиков. Через три месяца осады Стенбок капитулировал. После этого датчане остались в Голштинии, а русские и саксонцы направились в Померанию, захватили 4 (15) июня Рюген. В июле русские войска А.Д. Меншикова осадили и после упорной обороны 18 (29) сентября взяли Штеттин. Крепость была передана в секвестр Пруссии, что и привело последнюю на сторону Северного союза. Боевые действия в Померании завершились [25. С. 122—123; 73. С. 350—355].

После капитуляции Стенбока войска Меншикова направились к Гамбургу и Любеку, с которых должны были получить крупные суммы денег (20 000 талеров и 100 000 марок соответственно) за то, что те не прекращали торговлю со Швецией. Узнав об этом, Петр указал в письме Меншикову: «Благодарствуем за деньги, что взято с Гамбурга доброю манерою и не продолжа времени, и чтоб из оных доброю

часть послать к Куракину: зело нужно для покупки кораблей, ибо когда из них добрую часть (и буде возможно, и половину) пошлете к Куракину, то на весну мы можем около 30 кораблей и фрегат поставить, в чем я надежен, что вы сего главного дела не запомните» [66. Кн. IX. С. 17].

Речь шла о приобретении за границей, главным образом в Англии, боевых кораблей. Царь хотел, пока свои верфи еще наращивали силы, пополнить Балтийский флот иноземными кораблями, чтобы быстрее сократить разрыв в численности с флотом шведским. Куракин и другие послы искали, где бы купить боевые корабли. Они звали на русскую службу и моряков, чтобы эти корабли вести, и корабельных мастеров, чтобы строить свои корабли.

Англия, обеспокоенная действиями России, пошла на сепаратный договор с Францией; под угрозой выхода англичан из войны на мирные переговоры в Утрехте 1712 г. согласились их союзники. Англичане предложили свое посредничество шведам. Шведское правительство в июне 1711 г. заявило английскому посланнику, что согласно на посредничество, если Англия и Голландия обещают Швеции выгодный мир. Однако Карл XII не собирался допускать торговлю подданных морских держав с портами, завоеванными русскими войсками. Чрезмерные требования Карла XII не могли быть выполнены, и Англия отказалась от посредничества [45. С. 542—543].

Англичане считали, что усиление России, начинавшей торговать со многими странами Европы по морю, невыгодно морским державам. Ее мощь заставляла опасаться. Когда России достигли сведения, что англичане намерены послать эскадру на Балтику в поддержку шведам, 13 (24) февраля 1713 г. Петр I в письме королеве Англии заявил, что в случае выступления британского флота против России или ее союзников он готов использовать все способы борьбы, какие предоставит случай. Английское правительство не решилось нарушить русско-английскую торговлю, эскадра на Балтику не пошла [25. С. 122].

Все более серьезную роль играл растущий Балтийский флот. На его постройку шли значительные средства и силы. По указу от 6 июня 1712 г. к судостроительным работам были приписаны 24 000 крестьянских дворов, преимущественно

из Олонецкой, Каргопольской и других северных областей; однако генерал-адмирал Апраксин считал, что требуется 30 000 дворов [68. С. 57]. Мощности отечественного судостроения пока были не велики, и дипломаты старались покупать корабли за рубежом.

Значительное внимание царь уделял обучению флота, которое моряки совмещали с военными действиями. Сам он также проходил практику; в апреле 1712 г. шаутбенахт, имея флаг на корабле «Самсон», ходил в крейсерство до Красной Горки и Березовых островов [44. Ч. I. С. 6]. Флот готовился к боям.

Так как Петр I не мог рассчитывать на активную поддержку союзников, чтобы соединенными усилиями флотов высадить десант на землю Швеции и добиться мира, он был вынужден предпринять наступление через земли Финляндии. Основной силой наступления становилась получившая боевой опыт армия, посаженная на гребные суда.

10. Покорение Финляндии

Занятие Финляндии позволяло выйти к Аландским островам и Ботническому заливу, за которыми лежали берега Швеции. Через Аландские острова можно было переправиться в окрестности Стокгольма, через залив — высаживать десанты на шведские берега. Кроме того, Финляндия служила одним из источников снабжения Швеции. Петр I писал Ф.М. Апраксину 30 октября 1712 г. о действиях против Финляндии: «Сие главное дело, чтобы, конечно, в будущую кампанию как возможно сильные действия с помощью Божиею показат и иттить не для разорения, но чтобы овладеть, хотя она нам не нужна вовсе удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, былоб что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить починают; другое, что сия провинция есть титькою Швеции, как сам ведаешь: не только что мяса и прочее, но и дрова оттол, и ежели Бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуца станет» [25. С. 123—124].

Первая попытка вторжения состоялась в 1712 г. Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин с полками выступил от Выборга и начал наступление к границе Финляндии. Его войска оттеснили 15-тысячный корпус Либекера к реке Кюмень, но не атаковали укрепленную позицию на реке и отошли. Ос-

новной причиной отхода стал острый недостаток продовольствия. Снабжать войска за счет местных ресурсов было так же невозможно, как и доставлять провизию по плохим дорогам. Было решено обойти шведские укрепления на Кюмени по морю. Для этого следовало создать большую флотилию гребных судов, посадить на них солдат и высаживать в удобных пунктах побережья, заставляя противника отходить. Коннице предстояло идти вдоль берега, очищенного от неприятеля. Так и поступили в кампанию 1713 г.

Подписав в Утрехте мир с Францией, Англия в 1713 г. пыталась объединить силы Голландии, Турции, Австрии и других стран против России. Но Австрия еще вела войну с Францией, только в 1714 г. завершившуюся Раштаттским миром. Голландия была заинтересована в торговле с Россией. Пруссия, получив от России Штеттин, по договору 1714 г. гарантировала ее приобретения, в том числе будущие. В 1713 г. Англия предложила созвать конгресс для примирения Швеции и России при участии европейских держав, но требования Карла XII вернуть все потерянные земли сорвали и эту попытку, и попытки австрийского императора организовать в 1713—1720 гг. конгресс при своем посредничестве [45. С. 553—555]. Россия же развивала наступление в Финляндии.

В течение 1712 г. и в начале 1713 г. полным ходом шло строительство гребных судов. Продолжалось и пополнение корабельного флота. Линейные корабли строили в Архангельске и Санкт-Петербурге, покупали за границей. Правда, иностранные корабли качеством уступали тем, что были построены на отечественных верфях. В июне 1713 г. Петр I производил пробу покупных кораблей, отличавшихся от российской постройки, «как отцу приемыш от родного сына» [44. Ч. I. С. 6].

К концу апреля 1713 г. был готов галерный флот из 93 галер, 60 карбусов и 50 больших лодок с 16-тысячным войском [73. С. 357]. Благодаря постройке и покупке судов за границей Балтийский флот имел уже 13 кораблей и фрегатов.

По плану в кампанию 1713 г. 5-тысячный отряд должен был наступать вдоль берега по суше на Гельсингфорс, тогда как по морю вдоль побережья Финляндии двигался галер-

ный флот с десантными войсками. Корабельному флоту следовало прикрывать действия галерного с моря. Первой целью наступления являлся Гельсингфорс, за ним предстояло взять Або [25. С. 124].

Галерный флот из 203 судов с десантом в 16 000 человек под командованием Ф.М. Апраксина выступил 26 апреля, прибыл к концу месяца в Кроншлот и 2 (13) мая двинулся далее в сопровождении корабельного флота (4 корабля, 2 фрегата, бомбардирский корабль и 2 шнявы), к которому присоединились 3 корабля и 2 фрегата из Ревеля. Царь принял командование авангардом галерного флота, а арьергард возглавили генерал-лейтенант князь М.М. Голицын и шаутбенахт Боцис. У Березовых островов корабельный флот остался крейсировать в ожидании возвращения галерного флота. Перед ним также стояла задача уходить от сильнейшего противника, а равного или слабейшего атаковать. Галерный же флот направился шхерами вдоль берегов Финляндии и 8 (19) мая подошел к Гельсингфорсу, расположенному на полуострове и защищенному земляными укреплениями, батареями и гарнизоном в 2300 человек под командованием генерала Армфельда [25. С. 124—126; 68. С. 70; 73. С. 357].

Армфельд, упорно защищавший Гельсингфорс с помощью батарей, после высадки русских, не дожидаясь приступа, зажег город и отступил к Борго на соединение с Либекером; 10 мая город был занят. Так как шведская армия оказалась в тылу галерного флота, русские полки на галерах 11 (22) мая направились к Борго и овладели городом. Апраксин остался в Борго. Петр под командованием адмирала Апраксина принимал деятельное участие во взятии Гельсингфорса [44. Ч. I. С. 6]. После он поехал в Выборг поторопить кавалерию, а затем в Петербург, где К. Крюйс готовил эскадру, с которой царь вышел в море для прикрытия галерного флота от нападения шведов с моря. Затем он сдал командование вице-адмиралу Крюйсу, организовал сбор и погрузку провианта и с транспортом военных и съестных припасов отправился к галерному флоту [73. С. 357].

Тем временем Апраксин от Борго перешел к Гельсингфорсу, вытеснил шведов и укрепил гавань. 6 августа царь прибыл в Гельсингфорс. Здесь он по просьбе командования армии принял звание полного генерала и продолжил наступ-

ление. 17 августа М.М. Голицын по суше, а Апраксин морем направились к Або. Главный город страны был взят с суши 28 августа без боя, так как командовавший войсками в Финляндии Либекер отступал [73. С. 357—358; 68. С. 70]. Шведы отходили на север, отрываясь от флота, который укрылся в бухте Тверминне. Русские войска, продолжая наступать, в августе овладели Тавастгусом [70. С. 148—149]. В октябре шведов разбили в бою на реке Пялкяне. К зиме почти вся Финляндия была занята, а войска Армфельда отошли на север. Однако шведский флот преградил у полуострова Гангут путь галерному флоту, направлявшемуся с подкреплениями и грузами к Або. Русский корабельный флот еще не был готов к боям со шведским. Без поддержки с моря наступление пришлось задержать.

Петр I намеревался перенести тяжесть войны на море, ибо теперь перед ним была сама территория Швеции, отделенная от России водами Балтики и ее заливов. Кроме того, если шведы лишились лучшей части армии, то флот они сохранили. Посему царь приказал укреплять гавани Риги, Пернова, Ревеля, чтобы противостоять нападению с моря, и сам осматривал работы. Всю зиму шла напряженная постройка на верфях: Петр усиленно пополнял численность и корабельного, и галерного флотов. Более того, чтобы быстрее создать флот, численно превосходящий шведский, он продолжал закупать корабли за границей. В Голландии, Англии и Франции нанимали матросов, шкиперов, офицеров. 1 ноября 1713 г. Петр писал послу Б.И. Куракину: «Нужду имеем мы в офицерах морских, которых потщитесь к весне на первых кораблях прислать... Только смотрите, чтобы были дельные люди и не стары летами. Также, сверх сего числа, наймите из старых капитанов, которые бывали в боях на флагманских кораблях, двух или трех человек, которым мы дадим чин капитан-командера. Только в сем гораздо смотрите, чтоб были совершенно добрые и искусные, ибо на каждом положена будет эскадра, чтоб не потерять людей и кораблей» [68. С. 99].

Царь вел переговоры с датчанами, которые старались добиться завоеваний в Голштинии. Средств на ведение войны с союзниками у них не было, и только в начале 1714 г. они обещали выслать флот под командование царя в обмен на 200 000 ефимков субсидии [66. Кн. IX. С. 28—29].

В апреле 1714 г. князю Куракину стало известно, что курфюрст Ганновера выступает за то, чтобы Северному союзу и Ганноверу склонить австрийского императора к решению разделить материковые владения Швеции между германскими властителями. В России предложения понравились, ибо привлекали к борьбе со Швецией Ганновер, Пруссия и Данию. После того как курфюрст Ганновера Георг стал королем Англии, эти планы обрели бóльшую реальность [66. Кн. IX. С. 33—35]. Так как датский король и саксонский курфюрст упрекали друг друга в поступках, не соответствующих интересам союза, но оба опасались усиления России и ее укрепления в немецких землях (в частности, в Померании), они не вели активных действий против Швеции в 1714 г. Царю не приходилось рассчитывать на их помощь [73. С. 358—359]. Но и выступать против России ни тот, ни другой не собирались, ибо Швеция для них была более опасным врагом.

Зимой 1714 г. войска под командованием М.М. Голицына продолжили наступление в Финляндии. 19 февраля 10-тысячное войско Армфельда потерпело поражение у деревни Лаппола, под Вазой, от войск М.М. Голицына и отошло на север Финляндии, а русские заняли Вазу [27. С. 50].

В кампании 1714 г. Петр I командовал корабельным флотом в плавании до Ревеля, имея флаг на корабле «Св. Екатерина» [44. Ч. I. С. 6]. Перед выходом он обратился в Морскую коллегию с просьбой произвести его в вице-адмиралы, однако получил отказ в следующих выражениях: «Коллегия не может без причины обходить достойнейшего чином; перед Петром Михайловым право на это звание имеет другой, его товарищ по службе; если же контр-адмирал Петр Михайлов чем-нибудь особенным отличится, то ему и будет дан чин вице-адмирала». Царь был доволен решением и отправился во главе флота под флагом шаутбенахта [73. С. 360].

Тем временем галерный флот под командованием Ф.М. Апраксина вновь направился вдоль берегов Финляндии к Або, чтобы поддержать наступление войск по суше, обеспечить их снабжение и развить действия против собственно Швеции. Предполагали овладеть Аландским архипелагом и, пользуясь его островами, продвигаться в направлении Стокгольма. Корабельный флот должен был прикрыть переход

галерного, а затем при Ревеле защищать Финский залив и оказать помощь против шведского корабельного флота. Однако, как и в прошлом году, шведы опередили. Весной 1714 г. шведский флот вышел в море ранее, чем русский, задержанный льдами. Эскадра адмирала Г. Ватранга, которая насчитывала 17 только линейных кораблей, заняла позицию у полуострова Гангут, препятствуя движению русских судов вдоль побережья. 99 нолугалер и скампавей с 15 000 войск Ф.М. Апраксина вышли с Котлина 20 мая и 29 июня достигли бухты Тверминне, но дальше продвинуться не могли [68. С. 72—73].

Петр с корабельным флотом оставил галерный флот у Березовых островов и направился в Ревель, куда прибыл 11 июня. После присоединения стоявших в порту кораблей русская эскадра насчитывала 16 линейных кораблей, 8 фрегатов и шняв с экипажами 7000 человек и 1060 пушками [68. С. 73]. Однако корабли не были сплаваны, и вести их в море против более опытного шведского флота царь не решился. Узнав о трудном положении галерного флота у Гангута, он прибыл туда сам.

Первоначально Петр был сторонником прорыва у берега под прикрытием береговых батарей, но отказался от этого рискованного плана. Затем было принято решение перетащить гребные суда по суше в самом узком месте полуострова Гангут. Для этого начали строить переволоку. Однако шведы узнали об этом от местных жителей. 25 июля Ватранг послал отряд шаутбенахта Н. Эреншельда с 9 боевыми шхерными судами к тому месту, где должна была окончиться переволока, чтобы помешать спустить гребные суда на воду. В тот же день Ватранг направил 8 кораблей, фрегат и 2 бомбардирских судна вице-адмирала Лиллие к Тверминне, чтобы истребить русский галерный флот. Разделение флота противника и штиль позволили произвести дерзкий маневр [68. С. 73—74].

Еще до приезда Петра Ф.М. Апраксин высказал мысль, что в безветрие можно обойти флот неприятеля со стороны моря. Теперь с оставшимися силами Ватранг не мог перекрыть весь плес, и царь принял решение осуществить предложение генерал-адмирала. По его приказу отряд из 20 скампавей, которыми командовал капитан-командор Змаевич, направился мористее шведской эскадры и обогнул ее без

потерь. Ватранг пытался буксировать корабли шлюпками и открыл огонь, но ядра не достигали цели. Вслед за Змаевичем царь послал 15 скампавей бригадира И. Лефорта, которые также успешно произвели маневр обхода неприятельского флота. Прорвавшиеся гребные суда заблокировали эскадру Эреншельда [68. С. 74—75].

Когда Лиллие вернулся к главным силам, Ватранг расположил свою эскадру мористее, именно там, где прорывались русские суда. Однако у него не было достаточно сил, чтобы перекрыть весь проход, и скампавеи могли пройти под берегом. Этот рискованный маневр осуществили под утро 27 июля. Вновь шведы пытались в штиль буксировать корабли и стрелять издали, но причинили мало вреда. Была потеряна лишь одна скампавея, вставшая на мель и взятая неприятелем. Остальные прорвались к Рилакс-фьорду и атаковали эскадру Эреншельда. В жестоком трехчасовом бою, завершившемся абордажной схваткой, все шведские суда были взяты. Петр командовал авангардом галерного флота. Шведы потеряли 9 офицеров и 352 нижних чина против 8 офицеров и 116 нижних чинов с русской стороны. Адмирал Ватранг был вынужден отвести свою эскадру ближе к берегам Швеции, чтобы прикрыть подступы к Стокгольму, и галерный флот Апраксина смог пройти к Або [68. С. 75—76].

Раненый Эреншельд пытался скрыться на шлюпке, но был захвачен в плен. Петр встретил его ласково, хвалил за храбрость и просил не беспокоиться за свою участь [73. С. 361—362]. 29 июля царь радостно и гордо писал Б.И. Куракину: «Объявляем вам, коим образом всемогущий Господь Бог Россию прославить изволил, ибо по многим дарованным победам на земле, ныне и на море венчати благословил: ибо сего месяца в 27 день шведского шаутбейнахта Нилсона Эреншелта с одним фрегатом и шестью галерами и двумя шхерботами, по многом и зело жестоком огне у Ангуга, близ урочища Рилакс Фиель, взяли. Правда, как у нас в сию войну, так и у алиртов с Франциею, много не только генералов, но фельдмаршалов брано, а флагмана ни единого. И тако сею, мню, николи у нас бывшею викториею вас поздравляем» [68. С. 79].

После Гангутского сражения Петр I с галерным флотом достиг Аландских островов, перешел на корабль и напра-

вился с эскадрой в столицу. В пути эскадра ночью попала в сильный шторм и пострадала. Моряки не знали, куда их занесло ветром, и готовились рубить мачты, чтобы спастись от гибели. Зная, что поблизости Березовые острова, Петр приказал мачты не рубить, а сам в шлюпке по бурному морю достиг берега; его матросы разожгли костер, послуживший маяком. Корабли встали в безопасном море на якоря и пережидали бурю до 4 сентября. Затем еще несколько дней пришлось провести в виду Кроншлота из-за противного ветра [73. С. 362].

9 сентября флагман-монарх торжественно привел в Санкт-Петербург взятые у Гангута суда, представил в присутствии Сената князю-кесарю донесение о победе и тут же за отличную службу был пожалован чином вице-адмирала синего флага. С 1 января 1715 г. царь стал получать по новому чину 2240 рублей в год [44. Ч. I. С. 6—7].

Гангутское сражение показало способность русских воинов, посаженных на гребные суда, противостоять флоту морской державы. Шведский флот после поражения при Гангуте утратил инициативу, а русские моряки получили свободу действий на Балтике. В августе был захвачен Аландский архипелаг, что позволило русскому галерному флоту вступить в Ботнический залив и прервать морские сообщения Швеции. Русский десант высадился со скампавей вблизи Умео. Шведские войска в Финляндии, лишённые связи со Швецией, отошли к Торнео [27. С. 52; 42. С. 199]. В том же году русские войска под командованием коменданта Выборга И. Шувалова овладели Нейшлотом, последней крепостью в Карелии, остававшейся в руках шведов [73. С. 362].

В 1714 г. царь состоял членом военно-судной комиссии под председательством Ф.М. Апраксина по делу о потере корабля «Выборг» и о неудачной погоне флота за неприятельскими крейсерами. Поданное им мнение послужило основанием приговора, по которому вице-адмирала Крюйса и капитана Рейса присудили к смертной казни, капитана Шельтинга — к разжалованию, а Дегрейтера — к изгнанию из России [44. Ч. I. С. 6]. Фактически полное наказание получил лишь Дегрейтер.

В течение года Балтийский флот пополнили несколько судов с отечественных верфей. Петр следил за их построй-

кой. Он был уверен в своей победе благодаря растущей мощи флота. Английский посол Джордж Мэкензи 26 ноября (7 декабря) 1714 г. писал лорду Ч. Таунсенду о разговоре с Петром: «Что касается того, что может случиться, если шведский король возобновит войну в этой стороне, то слова царя всегда сводились к тому, что он сам стоит за мир, но если ему нельзя будет заключить хороший мир, то он постоянно будет пускать в ход все усилия, чтобы сделать войну утомительной для его противника. Царь разговаривал при этом с видимым равнодушием и не преминул высказать (высокое) мнение, которое он имеет о своем флоте, и что этот флот может ему помочь получить хорошие условия мира» [68. С. 81—82].

Тот же посол писал об оригинальных способах совершенствовать флот за чужой счет. Царь временами дарил одному из провинциальных подданных корабль. В частности, осенью 1714 г. такой подарок получил А.Д. Меншиков. Поняв намек, тот обещал сделать только что спущенный «Шлиссельбург» лучшим 54-пушечным кораблем [68. С. 80].

24 ноября царь в память своей супруги, отдавшей все драгоценности для подкупа турок в период окружения на Пруте, учредил орден Св. Екатерины, или Освобождения. Царица стала первым кавалером ордена [73. С. 363—364].

До победы было еще далеко. Осенью 1714 г. Карл XII прибыл в Штральзунд — последнее укрепление шведов в Померании. Он не хотел, несмотря на рекомендации советников и посредничество Франции, вступать в переговоры с Северным союзом и собирался наказать завосвателей [73. С. 364]. Война продолжалась.

11. Угроза берегам Швеции

Весной 1715 г. лорд Ч. Таунсенд собирался послать эскадру в Балтийское море, чтобы защитить берега Швеции от русских десантов, побудить царя заключить мир с Карлом XII и поддержать просьбу британских купцов об открытии по-прежнему торговли в Архангельске, ибо Петр добивался того, чтобы центром торговли стал Санкт-Петербург. Однако, узнав о намерении отправить английскую эскадру на Балтику, Петр приказал готовить галеры к отправке в Або. Посол Мэкензи, доказывая Таунсенду бессмысленность попытки

оказать давление на Россию, писал в апреле 1715 г.: «Если галеры царя уже окажутся в Ботническом заливе, то мы можем потребовать перемирия, но царь уверен, что мы не можем заставить его согласиться на перемирие, так как он знает, что он в состоянии производить по всему побережью [Швеции. — *Н.С.*] вторжения, в то время как мы ни в малейшей степени не будем в состоянии спасти Швецию нашими крупными кораблями» [68. С. 83—84].

Сам Карл XII помог российской дипломатии. В 1714 г. курфюрст Ганновера стал английским королем Георгом I. Желая присоединить к Ганноверу шведские Бремен и Верден, король воспользовался тем, что шведские каперы, несмотря на требования Англии и Голландии, нападали на торговые суда, идущие в порты России и ее союзников. Указ Петра I продавать основные товары, в которых были заинтересованы морские державы, только через Санкт-Петербург, имел следствием англо-шведские трения из-за захватов шведами английских судов. В 1715 г., как бы отвечая на требования о возмещении убытков английских купцов, Карл XII издал «Каперский акт», по которому захвату подлежали все суда, идущие в порты России и ее союзников. 50 каперов, высланных в море, уже к маю захватили свыше 30 английских и голландских судов. В 1715 г. в качестве ответной меры на «Каперский акт» на Балтику для конвоирования мирных судов и захвата каперов вошла англо-голландская эскадра, блокировавшая шведские суда в гаванях. Георг I, которому Петр I помог приобрести Бремен и Верден, объявил войну Швеции и направил ганноверские войска в Померанию [45. С. 568—571]. Так как Швеция не признавала себя побежденной, весной 1715 г. возникла новая антишведская коалиция в составе России, Пруссии, Ганновера, Польши, Саксонии, Дании. Ганноверские, датские и прусские войска должны были осадить Висмар, а датский и прусский короли — Штральзунд. В октябре Россия заключила союзный договор и с Англией [42. С. 199]. Все это способствовало боевым действиям на море.

В феврале Петр I с Апраксиным и новым шаутбенахтом Трезалем подготовил боевое расписание флота, включавшее 29 кораблей с вооружением по 40—70 пушек. Часть их еще должна была прибыть из Архангельска и Голландии [39. Ч. I.

С. 595]. 6 марта Ф.М. Апраксин направил капитана И.А. Синявина срочно принять новые корабли в Архангельске и вести их на Балтику [39. Ч. 1. С. 590]. Шла переписка о подготовке и закупке кораблей за границей [39. Ч. 1. С. 585—586]. Из-за недостатка денег капитаны брали с собой в трюмы рожь и другие отечественные товары, чтобы после их продажи рассчитываться с иноземными моряками и поставщиками.

В апреле 1715 г. были готовы и галеры, и корабли в Ревеле [39. Ч. 1. С. 608—609]. В то же время вскрылась Нева, что позволяло ускорить ремонт и постройку кораблей. Сказывался опыт, полученный в предыдущих кампаниях. Не было уже острого недостатка в флагманах. Когда 2 марта неожиданно скончался Трезаль, флот могли вести и сам Петр, и Шельтинг, и Крюйс, которого вернули из ссылки.

Весной Россия выслала в море для борьбы с каперами отряд П. Бредаля, который в марте 1715 г. у побережья Курляндии захватил 3 шведских каперских судна и 157 человек команды [25. С. 142].

Шведы также проявляли активность. В мае их корабли появлялись у Гангута. Однако вести плотную блокаду они не могли, ибо прикрывали кораблями подступы к столице. 28 мая шведская эскадра прошла между островами Наргеном и Карлосом и обстреляла гавань Ревеля; русские батареи и пушки с гавани ответили, и шведы ушли к Наргену; на следующий день фан Гент писал царю о нападении 12 неприятельских кораблей, в том числе адмиральского и 2 контр-адмиральских [39. Ч. 1. С. 629—630]. В начале июня неприятельский флот вновь появился у Гангута [39. Ч. 1. С. 633—635].

К концу мая в списке Балтийского флота состояли 27 кораблей и фрегатов [39. Ч. 1. С. 632—633]. Со временем флот усиливался. 14 июня И.А. Синявин сообщал из Архангельска о спуске 3 кораблей и подготовке четвертого [39. Ч. 1. С. 637]. 19 июня фан Гент из Ревеля писал о прибытии с английским конвоем 3 новых кораблей; 21 июня из Амстердама сообщали, что 2 новых корабля вышли в Англию, чтобы следовать далее на Балтику [39. Ч. 1. С. 639].

В Финляндии М.М. Голицын провел галеры к Або и успешно организовал снабжение войск провиантом по морю. Он ждал указа о походе к шведским берегам [39. Ч. 1. С. 642—643].

Только 6 июля Апраксин с эскадрой вышел в Ревель для соединения с англо-голландским флотом. Британский адмирал Д. Норрис привел 20 боевых кораблей и датскую эскадру шаутбенахта де Фета из 12 кораблей, конвоировавших многочисленные торговые суда [39. Ч. 1. С. 647]. Шведский флот ушел к Гетеборгу. 9 июля русский флот благополучно прибыл в Ревель. Отсюда Апраксин выслал отряд кораблей П. Бредаля; тот ходил к острову Готланд, высадил десант и после разведки стокгольмских шхер благополучно вернулся [42. С. 199].

20 июля Петр рекомендовал генерал-адмиралу крейсировать между Дагерордом и финляндским берегом. Сам он с галерным флотом шел в Гапсаль, собирался осмотреть Моонзундские острова, а затем перейти на корабли [39. Ч. 1. С. 650—651].

24 июля эскадра Апраксина вернулась в Ревель, куда накануне прибыла эскадра Норриса; генерал-адмирал писал Голицыну, что он веселился с флагманами на корабле [39. Ч. 1. С. 655]. В этом плавании 1715 г. до Ревеля Петр командовал авангардом флота, имея флаг на корабле «Ингерманланд» [44. Ч. 1. С. 7]. 5 августа де Би доносил, что голландский контр-адмирал приветствовал царя тремя выстрелами, а контр-адмирал Норрис не салютовал; каждый из флагманов послал офицеров к генерал-адмиралу с запросом, примет ли их царь, и на следующий же день Петр принял контр-адмирала Фета [39. Ч. 1. С. 659—660].

В начале августа П. Голицын принял командование гребной флотилией Змаевича в Гапсале, которая направлялась вдоль берегов к Риге [39. Ч. 1. С. 656—657]. Секретная экспедиция на 40 галерах с 5000 человек была предназначена для высадки в Швецин. Преодолевая непогоду, галеры прибыли 13 августа в Ригу, 1 сентября достигли Либавы и П. Голицын сообщал, что для их прикрытия сооружают батареи [39. Ч. 1. С. 660, 662—663, 678—679].

С другого берега Финского залива 3 августа М.М. Голицын сообщал, что 5 августа отправляется с главными силами на Аландские острова и, если не будет опасности, вышет 15 скампавсей генерал-майора Балка на шведский берег до Умо, а 9 галер фон Менгдена до Вазы, где видели шведские галеры и патрули на трех островах [39. Ч. 1. С. 658—

659]. 17 августа Голицын послал скампавеи Балка в поиск на Умо (Умео), чтобы исследовать фарватер и найти лоцманов и «языков». Сам князь вернулся в Або. Но уже на следующий день Балк узнал от местных жителей, что шведский флот преграждает путь, и просил указаний; М. Голицын предписал ему возвращаться [39. Ч. 1. С. 665—667]. 4 октября Голицын поставил галеры в гавань; он намеревался построить у гавани редуты и в середине месяца распустить полки по квартирам [39. Ч. 1. С. 685]. Но Петра I не удовлетворили донесения о неудачной разведке. 5 ноября по его воле Ф.М. Апраксин запрашивал Балка, почему тот не сразу пошел в шхеры, а поставил себя в опасное положение [39. Ч. 1. С. 692].

Шведский король не собирался сдаваться, а в 1715 г. Швеция обрела поддержку. По шведско-французскому договору, заключенному на три года, Франция обязалась выплачивать субсидии до конца войны и содействовать возвращению прежних шведских провинций [45, с. 549—550]. Карл XII спешно увеличивал численность войск и лично возглавил усиленный гарнизон Штральзунда. Опасаясь его, короли Дании и Пруссии потребовали от России по 15 батальонов пехоты и 1000 всадников, обещая содержать их. Петр приказал фельдмаршалу Б.П. Шереметеву выделить эти силы, дав указание подчиняться приказам союзников. Однако 19 (30) октября 60-тысячные прусские, саксонские и датские войска осадили и, не дожидаясь подхода русских полков, в декабре заняли остров Рюген, а 11 (22) декабря — Штральзунд. Карл XII на лодке перебрался в Швецию. Шереметев же, не получивший от союзников приказа идти к Штральзунду, остался в Польше [25. С. 142; 42. С. 199; 73. С. 366—367].

Вновь Петр через посла попытался добиться посредничества англичан в переговорах со шведами о мире. Он добивался безоговорочной передачи России древних русских владений (Ингрии и Карелии), присоединения Эстляндии как компенсации за города, потерянные в войне с Турцией из-за отсутствия поддержки Польши. О передаче Лифляндии и Риги полякам говорили неопределенно. Однако Карл XII все еще не собирался вести переговоры о мире [73. С. 367—368].

На 1716 г. союзники намечали с датского острова Зеландия высадить русско-датские войска в Сконе (Южная Шве-

ция). Начиная подготовку к вторжению, согласованную с союзниками, Петр I, как известно, направил к западу отряд галер, на которых располагались десантные войска под командованием генерал-лейтенанта И.И. Бутурлина. В августе 1715 г. по пути в Копенгаген эти галеры зазимовали в Либаве. Одновременно русскому гребному флоту следовало высадить десант под Стокгольмом. Операцию должны были поддерживать союзные флоты [42. С. 199].

Летом 1716 г. англичане вновь выступили союзниками России против Швеции. Карл XII вызвал вражду английского короля сближением с претендентом на английский престол из рода Стюартов и неограниченной борьбой с судоходством на Балтийском море. Георг I согласился поддержать Петра I и его союзников в осуществлении планов высадиться на землю Швеции. Он торопился закрепить приобретенные Бремен и Верден и намеревался в 1716 г. перенести войну в пределы Швеции. Союзники намечали после взятия Висмара высадить русско-датские силы в Южной Швеции, заблокировав неприятельский флот с помощью англо-голландской эскадры. Для высадки были предназначены войска Б.П. Шереметева, сосредоточенные весной в Мекленбург-Шверине. Для поддержки высадки Ф.М. Апраксину с галерным флотом под прикрытием флота датского следовало осуществить вторжение в Швецию со стороны Аландских островов [25. С. 142—143; 4. С. 199; 70. С. 160—161].

Царь еще в январе дал инструкцию Ф.М. Апраксину — эскадру с запасом оружия и хлеба направить в указанное место, а самому ехать в Финляндию и далее в Або [39. Ч. II. С. 6]. Капитан-командору П.И. Сиверсу царь приказал вести эскадру в Киеге-бухту, вблизи Копенгагена, избегая встречи со шведским флотом, но брать встреченные по пути суда; при появлении шведской эскадры следовало отойти к Копенгагену и действовать совместно с датским флотом [39. Ч. II. С. 7].

18 февраля 1716 г. Петр прибыл в Данциг, где намеревался сыграть свадьбу племянницы Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским Карлом-Леопольдом. Мекленбург с главным портом Росток стал базой снабжения для русских войск при вторжении в Швецию. Царь 8 апреля, в день бракосочетания, подписал с герцогом союзный договор [66. Кн. IX.

С. 44—47]. Он обещал способствовать покорению Висмара и Варнемюнде, в случае же неудачи взятия Висмара — выслать в качестве приданого 200 000 рублей [73. С. 368—370]. Между делом в феврале царь оштрафовал жителей Данцига за то, что в гавани стояли 4 шведских корабля, и повелел строить 4 каперских судна для борьбы с неприятельским судоходством [66. Кн. IX. С. 44—45]. Он усиленно готовился к походу и резко реагировал на задержку с исполнением планов. Узнав о том, что срывается снаряжение флота, 7 февраля царь выговаривал из Риги вице-адмиралу Крюйсу: «С великим неудовольствием слышу, что ревальская эскадра так у вас неисправна, и осеннее удобное время пропущено: ежели впредь так поступать станете, можете живот свой потерять» [68. С. 94].

Датский король в начале 1716 г. опасался выводить флот вместе с русским и до взятия Висмара отказывался участвовать во вторжении в Сконе. Узнав об этом, царь 21 марта писал послу Долгорукому в Копенгаген: «Из письма вашего усмотрели мы с великим удивлением, коим образом у его величества короля датского никакие предуготовления не чинятся к десанту в Шканию, но что со стороны его королевского величества токмо об осаде и добывании Висмара мыслят; но понеже недовольно будет хотя и город Висмар взмется, ибо тем война наша еще окончена не будет, но потребно суть, чтобы в самую Швецию вступить и там силою оружия неприятеля к миру принудить. Мы такожде в том намерении такое знатное число лучших наших войск сюда привели, дабы купно с королем датским десант в Шканию учинить и неприятеля в середине своего государства атаковать, еже когда учинится и в том с надлежащей ревностию поступлено будет, то король шведский и забудет транспорт в Висмар учинить, но, оставя то намерение, принужден будет все свои мысли к собственной своей обороне обратить. И тогда Висмар, не имея больше надежды к сикурсу, сам принужден будет сдаться; или можно и такие меры взять, чтоб и то и другое учинить: и Висмар добывать, и десант в Шканию в одно время делать...» Царь предлагал послу добиваться участия датчан в десанте, в противном случае, если бы начатая операция не была осуществлена, отказывался помогать королю в следующем году [66. Кн. VIII. С. 48].

Чтобы выполнить обещание, данное герцогу Мекленбургскому Леопольду, царь приказал А.И. Репнину идти к Висмару и помочь взять его. Русские войска прибыли 1 апреля к крепости. Однако о сдаче Висмара договорились до прихода Репнина. 4 апреля город капитулировал перед союзниками; русских в город даже не пустили. Петр был оскорблен, однако подавил чувство досады и ограничился представлением королю Дании, чтобы не нарушать замысла высадки. В мае царь встретился с королями прусским и датским и добился их согласия уступить Висмар герцогу Мекленбургскому. Союзники договорились о десанте в Швецию. 23 мая было принято общее решение высадить русские войска в Шонии (Сконе) и на восточный берег Швеции под прикрытием английской эскадры [66. Кн. VIII. С. 49—50].

Русские корабли задержались. Эскадра Сиверса (9 кораблей, 4 фрегата) вышла из Ревеля в Копенгаген 19 апреля [39. Ч. II. С. 53]. Однако 26 апреля военный совет на флагмане «Св. Екатерина» постановил вернуться в Ревель, ибо, по рассказу шкипера, на пути у Драке стояли 23 шведских судна, в том числе 13 кораблей, а подходящих портов для укрытия у союзников царя не было [39. Ч. II. С. 54—55]. 12 мая эскадра вернулась в Ревель [39. Ч. II. С. 66]. Узнав о возвращении Сиверса, Апраксин предписал ему выслать крейсера для патрулирования между Рогервиком и Гангутом, принять меры к ремонту кораблей и быть в боевой готовности [39. Ч. II. С. 67—68]. 8 июня Сиверс рапортовал, что организовал постоянное крейсерство и что шведы не пропускают торговые суда в российские порты [39. Ч. II. С. 80].

21 июня царь приказал Сиверсу идти в Копенгаген, пока шведы в Карлскроне [39. Ч. II. С. 84—85]. Объяснялось это появлением в Зунде английского флота, командование которого ждало ответ на требования правительства к Швеции; так как датский флот был в Норвегии, которой угрожал Карл XII, намеченная царем высадка в Швеции откладывалась, и он писал из Шверина Апраксину, чтобы тот по возможности от Аландских островов пересек Аладгаф, а также составил карту Аландских островов и фарватеров [39. Ч. II. С. 85]. Очевидно, что Апраксину предназначалась роль отвлекающей демонстрации, Сиверсу предстояло действовать у Зунда, гребная флотилия Бутурлина предназначалась для высадки в

Южной Швеции и шла из Либавы в Росток. Кроме того, из Англии с эскадрой Д. Норриса прибыли купленные за границей и новопостроенные в Архангельске корабли, которые составили эскадру для взаимодействия с датчанами. Для командования этой эскадрой Петр вызвал капитан-командора В. Шельтинга [39. Ч. II. С. 88]. 28 июня царь предписал В. Долгорукому договориться с Норрисом о сопровождении эскадры, идущей в Копенгаген; 30 июня эскадра Сиверса выступила в путь [39. Ч. II. С. 89—90].

Договорившись о плане кампании с союзниками, Петр выехал на лечение водами в Пирмонт; в середине июня он направился в Росток, откуда хотел сам перевезти русскую пехоту к Копенгагену, тогда как 5000 конницы двигались из Мекленбурга по суше. 6 июля Петр с галерной эскадрой был у Копенгагена и торопил союзников [66. Кн. VIII. С. 51; 73. С. 372—373].

В Копенгаген прибыли эскадры из Ревеля и Архангельска, а также корабли, купленные в Англии. Под флагом Петра состояли 22 вымпела, в том числе 14 линейных кораблей. В столицу Дании 14 (25) июля пришли также эскадры английская и голландская. Задачей последних двух являлась защита английских и голландских торговых судов от нападений шведских каперов и королевских фрегатов [68. С. 87—88]. Всего собралось 83 боевых судна Англии, Голландии, Дании и России; по решению союзных флагманов командование соединенным флотом принял Петр, поднявший на «Ингерманланде» свой штандарт. Но это было единственным утешением, ибо союзники не спешили начинать активные действия. Сначала датчане отговаривались тем, что не пришла из Норвегии датская эскадра вице-адмирала Габеля (которая прибыла 27 июля), затем незавершенностью уборки хлеба [66. Кн. VIII. С. 51]. В письме Ф.М. Апраксину царь жаловался: «Бог ведает, что за мучение с ними, самое надобное время упускают и как будто чужое дело делают» [25. С. 143].

Союзники действительно считали, что делают дело не свое, а России. Не удавалось достигнуть поддержки английского флота при высадке десанта, ибо Георга I беспокоили русские войска в Мекленбурге, вблизи Ганновера. Дания опасалась за Норвегию, в которую Карл XII вторгся с 20-тысяч-

ной армией, и ей было не до высадки. До середины августа не было движения со стороны союзников [73. С. 372—373]. Политические интриги приводили к тому, что английский адмирал Д. Норрис первоначально не хотел идти на Балтику даже прикрывать перевозки. Когда же англичане прибыли, союзные флоты бездействовали. Норрис предложил крейсировать у Карлскроны, блокируя шведский флот, но датчане сослались на то, что не имеют указа [66. Кн. IX. С. 51—52].

После соединения с союзными флотами (английским, датским и голландским) Петр командовал соединенной эскадрой, заменив вице-адмиральский флаг на «Ингерманланде» штандартом, под которым флот 9 дней крейсировал по Балтийскому морю [44. Ч. 1. С. 7]. 5 августа соединенный флот, насчитывавший свыше 70 линейных кораблей и фрегатов и сотни транспортов, вышел из Копенгагена к Борнхольму и 8 августа прибыл к цели. Там стало известно, что шведский флот стоит в Карлскроне, и союзный конвой в русские порты отправили под охраной всего 11 английских и голландских кораблей. А Петр I вскоре спустил штандарт и 14 августа отправился вновь в Копенгаген для подготовки высадки в Швеции [68. С. 89—90]. Русские корабли во время похода к Борнхольму удивляли английских моряков стройностью своих маневров. Россиян же поражало, что датчане неохотно исполняли приказы Петра [73. С. 372]. По случаю командования царя союзным флотом была выбита медаль с надписью «Владычествует четыремя. При Борнхольме» [44. Ч. 1. С. 7].

В середине августа Петр побывал в Штральзунде, чтобы поторопить отправку транспортных судов. По возвращении в Копенгаген он сам разведал берега Швеции и попал под обстрел неприятельских орудий; его шнявы «Принцесса» и «Лизет» получили серьезные повреждения. Рекогносцировка установила, что Карл XII, пользуясь предоставленным ему временем, принял решительные меры. Он собрал 20 000 войска и укрепил берега Южной Швеции.

Воспользоваться союзным флотом для нападения на шведский флот в главной базе царь не смог. Союзники отказывались по-серьезному воевать со шведами. В частности, датчане не оказали обещанной помощи в подготовке десанта, не обеспечили его продовольствием. Вторжение стано-

вилось очень опасным, тем более что приближалась осень. 1 и 5 сентября царь собирал военный совет, который пришел к выводу, что высадку необходимо перенести на следующую весну. В лагере союзников из-за политических интриг вспыхнула тревога. Король Дании опасался присутствия больших русских войск и флота в Копенгагене и торопился их удалить. Петра обвиняли в том, что неудачная высадка в Швецию была придумана им, чтобы ввести войска в Германию. Жители Копенгагена опасались, как бы русские не захватили город. Пытались даже приказать Норрису захватить русские корабли и царя и не отпускать их, пока русские не очистят Данию и Германию, однако в Англии это предложение не поддержали, чтобы не лишиться источника кораблестроительных материалов. С октября началась перевозка русских войск обратно в Мекленбург, а конницу на зимние квартиры послали к границе Польши [66. Кн. IX. С. 53; 25. С. 143; 68. С. 90; 73. С. 372].

Русские войска и суда располагались в Мекленбурге, в Курляндии, в Риге и Ревеле. Фактически под контролем России оказалось все южное побережье Балтийского моря. Англичане опасались, что их европейская торговля перейдет к русским. Особую тревогу вызывал тот факт, что Петр I приглашал к себе искусных мастеров в разных отраслях знаний, готовил своих специалистов и развивал торговые отношения как на Востоке, так и на Западе. Статс-секретарь по иностранным делам виконт Чарльз Таунсенд считал, что пришла пора самыми решительными мерами остановить утверждение России на Балтийском море. Тем не менее угрозы Карла XII высадить шведские войска и организовать переворот в пользу Стюартов в Англии, а также намерения захватить Норвегию у датчан и высадиться в Дании не позволяли Англии выйти из антишведского союза [68. С. 91—94].

Нарушить договор с королем Пруссии противникам России не удалось, ибо царь убедил его в своей правоте. Однако рассчитывать на поддержку союзников в войне не приходилось. Оскорбления, которым подвергалась супруга царя Екатерина при проезде через Ганновер зимой 1716/17 г., внушали тревогу. Несмотря на то что выяснилось участие швед-

ского посланника в заговоре против короля Георга, Лондон не хотел выступать в союзе с Россией и требовал вывода русских войск из Мекленбурга [73. С. 374—376].

13 октября 1716 г. Петр писал из Копенгагена Сенату: «Господа Сенат! Понеже господа датчане так опоздали в своих операциях, что в сентябре сюда наших перевели, и так за поздним временем действия остановились, а к будущей кампании факции разные не допускают: того для нет инова способу, только что от Аланта неприятеля утеснять, к чему всякое приготовление чините... только не усните так, как в нынешней кампании, что адмирал принужден был повернуться» [39. Ч. II. С. 137; 66. Кн. VIII. С. 53].

Генерал-адмирал с галерным флотом в июле вышел к острову Аланду и ожидал прихода датского флота, но не дождался и возвратился в Або. Посланные им к берегам Швеции отряды галер вернулись, встретившись с неприятельскими кораблями. В походном журнале Петра I было записано: «Многократно о походе флота говорено... но к скорому походу склонить не могли; також представлено, чтоб учинить десант от флота всех соединенных к Аланту для проходу наших галер; но датчане своей части дать не хотели» [25. С. 143].

После неудачной кампании 1716 г. Петр обратился к Б.П. Шереметеву с письмом, в котором, отмечая неудачу десанта в Швецию из-за Англии и Дании, предлагал фельд-маршалу собрать предложения генералов, как войну приводить к концу [66. Кн. VIII. С. 64—65].

В 1717 г. Дания, Англия и Ганновер отказались от совместных действий с Петром [25. С. 143]. Слишком сильной становилась Россия, а они получили все, что хотели. Петр разочаровался в союзниках и рассчитывал преимущественно на свои силы. Однако следовало прорвать политическую изоляцию. Царь, ездивший в 1717 г. по Европе, решил установить связи с Францией и выехал в Париж. Он намеревался при встрече с герцогом Орлеанским, регентом при малолетнем Людовике XV, договориться о союзе и посредничестве в переговорах со Швецией. 26 апреля 1717 г. Петр I прибыл в столицу Франции. Кроме официальных встреч, монарх осматривал все, что ему было интересно в городе: галерею планов и чертежей, парламент, зоологический сад,

Сорбоннскую академию, монетный двор (где при нем была выбита медаль в его честь) и многое другое. Петру не удалось отвлечь Францию от союза с Англией. Правда, 15 (26) августа в Амстердаме был заключен торговый договор, к которому присоединился король Пруссии. Три монарха обязались приложить все усилия, чтобы окончить Северную войну [73. С. 377—384].

События в Англии, казалось бы, внушали надежды на изменение ее позиции. В конце января 1717 г. был арестован шведский посол Гилленборг, который оказался причастен к заговору партии претендента на трон Якова III Стюарта. Предполагалась высадка шведских войск в Шотландии в помощь претенденту. Был отдан приказ Адмиралтейству готовить 23 корабля. Узнав об этом, Петр предписал послу Б.И. Куракину выяснить обстоятельства и попытаться настроить англичан против Швеции. Он начал выводить войска из Мекленбурга. В 1717 г. чрезвычайный посланник короля Георга адмирал Норрис пробовал договориться о русско-английском торговом договоре. Однако англичане отказывались предоставить в распоряжение Петра эскадру кораблей, а без нее было невозможно принудить к миру Карла XII. Прекращение переговоров вызвало дальнейшее охлаждение между Англией и Россией [73. С. 384—385]. В этот период Англия и Ганновер оставались в стороне, как и Дания. Франция не была уже враждебна, но следовала курсу Англии. Пруссия беспокоилась за свои приобретения. С Австрией отношения были натянутыми. Все они опасались России.

Русский флот усиленно готовился уже зимой. 12 февраля Петр I предписал Апраксину тайно отправить в Копенгаген фрегаты «Арондель» и «Лансдоу», где их ждал корабль «Ягудиил» [39. Ч. II. С. 186—187]. 18 февраля Апраксин докладывал о подготовке флота к кампании; он предложил тяжелые корабли перевести из Ревеля к Кроншлоту, чтобы при нападении не было тесноты в гавани; он сообщал царю также о походе генерал-майора Чскина до Луло (Лулео) [39. Ч. II. С. 187—188]. Шла подготовка галерного флота в Финляндии, о чем регулярно сообщал М. Голицын; готовили и галерную флотилию в Ростоке [39. Ч. II. С. 182—183, 185, 188, 193—194].

19 марта 1717 г. царь писал Апраксину из Гааги, что англичане и датчане не приняли решения, шведский флот остается свободным и следует опасаться за Ревель и Финляндию [39. Ч. II. С. 191]. 29 марта Петр I сообщал генерал-адмиралу о политическом положении, грозившем войной Европы со Швецией, предложил вывести весь флот к Дагерорду и держать его там на случай соединения с союзными силами или крейсировать между Рогервиком и Финляндией, оставив у Дагерорда крейсера; при появлении сильного противника следовало уходить к Кроншлоту, отправив несколько фрегатов в Ревель [39. Ч. II. С. 196].

Сведения с галерных флотов поступали разные. Змаевич из Ростка 27 апреля доносил, что галеры готовы; из Финляндии М. Голицын сообщал о болезни Брюса и повреждении части галер ледоходом [39. Ч. II. С. 203]. 1 мая он писал, по рассказу бежавших из плена русских, что шведский флот был готов еще 9 марта [39. Ч. II. С. 205—206]. Однако Змаевич сообщал, что при появлении в Зунде английского флота из 28 кораблей, соединившегося с датским, шведы ушли от Киеге-бухты в свои базы [39. Ч. II. С. 205]. 9 марта Апраксин докладывал царю со слов датского шкипера, что английская эскадра адмирала Бинга и датская вице-адмирала Габеля стоят у Копенгагена и других кораблей на Балтике не было видно [39. Ч. II. С. 208].

Казалось бы, препятствий планам союзников не существовало. Но десант в Сконе вновь не состоялся. Союзники требовали вывести русские войска из Мекленбурга, предлагали также высадить в Сконе только часть этих войск (20 полков), что грозило поражением. Наконец, в июне царь приказал русским войскам оставить Мекленбург. К своим берегам возвратился и галерный флот.

18 июня 1717 г. царь писал Апраксину, что в это лето генеральным действиям не быть, и предписал проводить учения на галсрах [39. Ч. II. С. 225]. Русский флот в кампанию 1717 г. продолжал крейсировать на Балтийском море, обеспечивая свободу судоходства. Крейсерские отряды действовали в Данцигской бухте, у Гангута, в районе островов Эзель и Готланд. В 1717 г. войска высаживались с кораблей флота Ф.М. Апраксина на остров Готланд и готовились к высадке в Швеции. 2 августа царь поздравил Апраксина с успешным

набегом на Готланд, слух о котором достиг Европы [39. Ч. II. С. 236].

В ноябре 1717 г. в Копенгагене Долгорукому объявили о намерении датского короля напасть на Швецию со стороны Норвегии, царю же предлагали атаковать шведов со стороны Финляндии [66. Кн. VIII. С. 76]. Однако Петр, оставленный союзниками, уже намечал помириться со слабеющим неприятелем.

Шведский флот бездействовал в базах. Швеция из-за действий каперов ощущала недостаток продовольствия [25. С. 200]. В соответствии с Амстердамским договором в августе 1717 г. Франция обязалась прекратить с 1718 г. субсидии Швеции после истечения срока договора. Король лишился главного союзника [45. С. 577—579]. Под влиянием обстоятельств и своего нового советника барона Г.Г. Герца Карл XII также склонялся к переговорам с Россией. В Голландии Б.И. Куракин и Герц договорились о начале мирного конгресса на Аландских островах. Карл согласился прислать своих уполномоченных, как только прибудут русские [73. С. 413].

При всех трудах царь не забывал о любимом деле — о флоте. В начале 1717 г. благодаря улучшению отношений с Францией на французскую морскую службу были посланы 20 гардемарин и 27 человек в Венецию [66. Кн. VIII. С. 447].

22 января 1718 г. князь В. Долгорукий извещал Петра о том, что направляет к его величеству переводчика Шидловского с переведенными им книгами по морскому искусству. В Казани шло строительство тылок для Каспийского моря, и когда 18 апреля кораблестроитель Травин умер, потребовалось найти ему замену. Корабельному мастеру Скляеву царь давал указания о деталях устройства корабля, который тот строил [68. С. 96—97].

Катастрофически не хватало денег и людей на нужды кораблестроения. В 1717 г. казанский вице-губернатор Казанцев жаловался, что работники на заготовку леса добром не идут и их приходится брать силой. Наблюдавший за постройкой кораблей Андрей Ушаков писал кабинет-секретарю Петра I А.В. Макарову: «При Адмиралтействе в строении кораблей и прочем большая остановка, потому что не имеем на жалованье мастеровым и рабочим людям денег, и от этого плотники бегут. Я послал за ними погоню, устроил в Бр»

ницах заставу, и уже несколько человек переловлено. Я предлагал в Сенате, чтоб вместо беглых из тех же мест, откуда они взяты, взять других, пока беглые будут сысканы; но этого доношения моего сенаторы не приняли, а велели подать в Камер-коллегию, а чтобы по водяному пути у Шлюссельбурга устроить заставу, это сенаторы отреклись сделать. Я, видя крайнее оскудение в деньгах на жалованье мастеровым людям, отпустил от себя в Адмиралтейство займы 10 000 рублей» [66. Кн. VIII. С. 446].

Иностранцы с тревогой наблюдали рост и усиление русского флота, игравшего все более серьезную роль в боевых действиях на Балтике. На российских верфях создавали боевые корабли, не уступавшие иноземным, но лучше приспособленные к нуждам боевых операций и условиям театра военных действий. Первоначально корабли строили мастера, приглашенные из Англии, Голландии и других стран. Среди них выделялись английские корабельщики — представители самой современной школы кораблестроения. В их числе были О. Най, Р. Броун и Р. Козенц. К примеру, за 20 лет работы в Санкт-Петербургском адмиралтействе Козенц построил 17 кораблей, фрегатов и других судов. 90-пушечный корабль «Гангут» являлся на то время самым мощным кораблем в мире [14. С. 91].

Французский представитель де Лави при Петре I сообщал сведения, которые не могли успокоить правящие круги Франции. 22 августа 1717 г. он писал: «Английский командир сказал нам, что он посетил 12 военных кораблей, которые здесь на верфях, он нас уверял, что в Англии нет лучших судов. Вот уж несколько лет, как царь нанял различных английских строителей, очень искусных, за большие деньги...» [68. С. 102]. 29 ноября 1717 г. де Лави сообщил о содержании разговора царя с тремя английскими корабельными мастерами. Он писал: «Должно заметить, что так как господствующей страстью этого монарха является удовлетворение своего могущества на море, то он благоволит к этим господам, для него удовольствие проводить с ними целые часы у них в доме и доверительно с ними говорить о всякого рода делах, когда он может урвать минуту от своих дел». Лави сообщал, что Петр, не высказав своим собеседникам мнение о флоте Англии, отметил слабость Голландии, кото-

рая не могла снарядить 4 кораблей для конвоирования судов до Архангельска, и Дании, которая не имеет возможности строить новые корабли. Не менее критически царь отнесся к флоту Франции, отметив, что многочисленные суда гниют в портах и король не в состоянии снарядить в море эскадру из 12 кораблей [68. С. 102—103]. Весной 1717 г. во Франции Петр говорил маршалу графу де Тессе: «Положение Европы изменилось, Франция потеряла своих союзников в Германии, Швеция почти уничтожена и не может оказать вам никакой помощи. Я предлагаю Франции не только мой союз, но и мое могущество» [68. С. 105—106].

Союз с Петром мог стать заманчивым, если бы не рост его внимания к южным морям, которые Франция считала своими. В донесении от 19 июля 1717 г. де Лави сообщал в Париж: «Царь намеревался послать в Средиземное море несколько судов, нагруженных русскими продуктами, чтобы испытать, какие выгоды могла бы принести эта торговля его подданным. Один английский офицер, участник экспедиции, передавал мне, что государь посылает туда два военных судна, каждое в 50 пушек, и что после того, как они выгрузят свои товары, они должны поступить на службу в помощь республике (Венецианской. — Н.С.) против Оттоманской Порты. Мне нетрудно поверить этой новости, так как я убежден, что царь, который всегда внимательно относился к расширению торговли среди своих подданных, будет очень рад воспользоваться этим случаем, чтобы они могли ознакомиться с портами Средиземного моря и с боевыми приемами венецианцев» [68. С. 104].

В том же донесении представитель французского короля со слов вице-адмирала Корнелиуса Крюйса сообщал, что царь готов овладеть Азовом и Крымом силой. Он писал: «Государь пришел к этому намерению уже давно в целях сделаться на Черном море таким же могущественным, каким он уже является на Балтийском море. Он постарается заставить турок дать ему свободный проход через Босфор и Дарданелльский пролив, чтобы вести свою торговлю в Средиземном море. Если бы он мог успеть в этом намерении, то наш народ мог бы, через порты Тулона, Марселя и другие, производить в России через Азов выгоднейшую торговлю». Де Лави считал, что Франции выгоднее вывозить русские товары че-

рез южные порты, чем через Архангельск [68. С. 106—107]. Однако вступать в союз с Россией, потенциальным конкурентом на Средиземном море, французы не собирались.

Переговоры Петра с французами беспокоили англичан, а также его требования помощи английским флотом в борьбе против Швеции. Британская дипломатия старалась избежать вмешательства в войну со Швецией, однако ей было трудно отмалчиваться перед лицом растущей мощи России.

Роста русского флота опасалась и Голландия, которая уже могла не бояться Швеции и Франции. Голландские Штаты стремились к заключению мира [68. С. 109—110].

Русской дипломатии не удалось заключить союз с Францией, которой пришлось выбирать между Россией, сильной на Балтике, и Англией, флот которой мог угрожать французским берегам. Амстердамский договор не обязывал Францию помогать России. Петр I всегда должен был опасаться того, что Англия из числа союзников станет опасным противником, и торопился заключить мир со Швецией [68. С. 110—111].

В 1718 г. царю пришлось решать судьбу сына Алексея, который был противником его реформ. Он не раз пытался говорить с сыном, убеждал его стать помощником в преобразованиях, однако Алексей оставался сторонником старины. Петр требовал от сына либо работать с ним, либо постричься в монахи. Осенью 1716 г. царевич под влиянием А.В. Кикина бежал в Австрию. Ему предоставили укрытие в замке Эренсберг, где Алексей жил уединенно. Когда Петр в 1717 г. узнал о месте пребывания царевича, Алексей по предложению венского двора ускал в Неаполь и был помещен в замке Св. Эльма. Посланный в Неаполь дипломат П.А. Толстой не добился от австрийцев выдачи Алексея; однако ему удалось убедить царевича вернуться в Россию. 31 января 1718 г. Алексей прибыл в Россию. Царь простил сына, но тому пришлось назвать сообщников и отречься от прав на престол. Однако в ходе следствия выяснилось, что за границей царевич вынашивал мысль захватить власть и уничтожить реформы Петра I. Созванный царем суд из высших чинов государства и духовенства после допросов с пытками вынес решение, что Алексей за его преступления подлежит смерти. Вскоре после зачтения смертного приговора, 26 июня,

Алексей умер [73. С. 387—412]. Несмотря на такой моральный удар, Петр I продолжал борьбу со Швецией, добиваясь всеми силами скорейшего выгодного мира.

В январе 1718 г. Петр отправил в Финляндию Я.В. Брюса с задачей готовить поход следующего года и одновременно выслушать шведские предложения [66. Кн. IX. С. 186]. Он назначил Брюса и советника царской канцелярии А.И. Остермана уполномоченными на переговорах. Со шведской стороны представителями стали барон Герц и граф Гилленбург. Русская сторона торопила переговоры, стараясь избежать проволочек с церемониями. Но Аландская конференция началась лишь в мае 1718 г. Петр дал своим представителям следующие предложения: Ингрия, Ливония, Эстляндия с Ревелем, Карелия со всеми городами должны перейти в вечную собственность России; Финляндию царь уступал Швеции, но шхеры должны были оставаться свободны для переезда подданных двух стран. Свободной следовало сохранять и торговлю между двумя странами. Карлу XII предстояло признать Августа II королем Польши и уступить прусскому королю Штеттин с округом. Предполагалась возможность присоединения к договору Дании и Англии. Дополнительно Петр указал своим представителям, что по заключении мира готов вступить с Карлом XII в союз и, если тот добровольно уступит часть владений, то поможет ему компенсировать потери другими приобретениями [73. С. 413—415]. Петр I действительно был готов договориться о мире со шведами за счет Дании и Ганновера, которые показали себя плохими союзниками [25. С. 146].

Переговоры шли трудно и долго. Шведские представители добивались сохранения в составе Швеции Выборга и Ревеля. Однако Петр и в 1718 г. ограничивал действия флота крейсерствами, чтобы не мешать переговорному процессу. Мирное время он использовал для пополнения и обучения флота.

К весне 1718 г. число русских галер и бригантин достигало 153 [39. Ч. II. С. 266]. Флот корабельный также был немал. Однако катастрофически не хватало матросов, а многие нанятые за границей были слабо подготовлены. Поэтому по указу царя Апраксин 4 апреля предписал капитану Беземакеру в Риге экзаменовать вновь принятых матросов и

неспособных возвращать в их страны [39. Ч. II. С. 267]. Весной несколько русских отрядов (Я. фан Гофта, Н.П. Вильбоа) действовали против неприятельского судоходства. Русские каперы выходили из Данцига. Им следовало брать шведские и иностранные суда (кроме французских и голландских), идущие в Швецию [39. Ч. II. С. 269—270].

М.М. Голицын в апреле сообщал из Або о готовности галерного флота. В середине июля он проводил учения [39. Ч. II. С. 270, 292—293].

В 1718 г., имея флаг на корабле «Ингерманланд», Петр командовал авангардом флота Апраксина в плавании по Финскому заливу [44. Ч. I. С. 7]. 16 июля в море выступили 25 линейных кораблей, 3 фрегата и 2 бомбардирских судна с экипажами свыше 10 000 человек и 1436 орудиями. Кроме того, царь располагал массой меньших и вспомогательных судов, а также сильнейшим галерным флотом [68. С. 115]. 15 июля 1718 г. был спущен в Санкт-Петербурге построенный им 90-пушечный корабль «Лесное» [44. Ч. I. С. 7].

В январе 1718 г. царь указом начал ограничивать торговлю через Архангельск, чтобы перевести ее к Санкт-Петербургу (что не нравилось голландцам). Постепенно развивалась торговля с Францией и Испанией. В сентябре Петр дал указ о постройке Ладожского (обводного) канала [66. Кн. VIII. С. 450]. Моряки получали хорошую практику в плавании по Балтике, свободной от неприятельских кораблей, что позволило Петру почувствовать за собой силу.

В 1718—1719 гг. Петр усердно трудился над составлением Морского устава, просиживая иногда за работой 14 часов в сутки [44. Ч. I. С. 7]. Устав этот должен был регламентировать взаимоотношения между морскими чинами, обязанности и права офицеров, установить ответственность и функции каждого служащего на флоте.

К июлю 1718 г. стало ясно, что Карл XII готов уступить России Эстляндию и Лифляндию, но требует компенсации за счет Дании и русской помощи против датчан. Петр I категорически был против войны с Данией, но предлагал помочь в возвращении Бремена и Вердена. Шведский же король желал еще вернуть и Померанию со Штеттином. В августе шведы потребовали также Кексгольм и вновь настаивали на вооруженной помощи против Дании, но получили

отрицательный ответ. Так как переговоры продвигались с трудом, русский флот заблокировал входы в шведские гавани. Эта мера произвела свое действие.

К концу августа были согласованы условия, по которым к России переходили Ингрия, Лифляндия, Эстляндия, часть Карелии с Выборгом, тогда как Финляндия и большая часть Карелии оставались шведам. Россия обещала помочь в возвращении Бремена и Вердена. Карл XII в это время, напрягая силы страны, собрал 20-тысячную армию, с которой начал войну против Дании за Норвегию. В сентябре он направил войска на границу с Норвегией, сняв даже половину гарнизона Стокгольма. В ноябре русским уполномоченным вновь пришлось отказываться от участия в войне против Дании. Петр I не возражал, чтобы шведы компенсировали свои потери за счет датчан, а помощь в возвращении Бремена и Вердена перенес на три года после окончания войны. Он стремился заключить мир, и новая война в Европе его нисколько не привлекала. Не были ему нужны и новые приобретения в Германии, хотя Россия и располагала большими, уже подготовленными к боям армией и флотом. Объясняя, почему он в период переговоров не открывал военные действия, царь писал: «Но не учинили для того, чтобы склонности не помешать короля шведского, которую он имел к миру» [25. С. 147—150].

Карл XII стал поддаваться давлению русской дипломатии и соглашался уступить России уже потерянные земли на южном берегу Финского залива в обмен на обещание поддержать Швецию в получении компенсации за счет других стран. Экономика Швеции серьезно пострадала от войны, Россия же обладала превосходством в силах на суше и на море, располагала значительной промышленностью, все больше и больше отечественных специалистов занимали ответственные посты в армии и на флоте. Шведы не могли ничего противопоставить галерному флоту из 130 галер и 100 островских лодок, а корабельный флот из 21 линейного корабля мало уступал 27 шведским, из которых более половины обветшали [25. С. 148—149].

Английское правительство встревожила возможность соглашения России и Швеции с Испанией относительно выступления против Англии. Георг I предлагал шведам кораб-

ли, деньги и восстановление прежних союзов, добиваясь, чтобы Швеция отказалась от Бремена и Вердена в пользу Ганновера. Однако Карл XII не собирался идти на уступки; он сам требовал прекращения английской торговли с Россией и помощи Англии в возвращении шведских потерь [25. С. 144—146].

Ганновер, Саксония и Австрия выступили против движения русских войск в Германию. В Вене разрабатывали проект мирного договора, ограничивавшего приращения России Санкт-Петербургом, Кронштадтом и Нарвой. В случае отказа России следовало заставить ее вернуть Швеции все захваченное, а Польше передать Смоленск и Киев. Но план не поддержали другие страны. Дания хотела довести войну до конца, Пруссия была заинтересована в союзе с Россией. Франция была враждебна Австрии и не собиралась портить отношения с Россией и Пруссией. Кроме того, Петр I, допустив свободную торговлю всеми товарами, кроме объявленных военной контрабандой, парировал враждебные действия Англии. Швеция же на предложенный ей шаг не пошла [45. С. 581—585].

Ситуацию изменил случай. Не дождавшись заключения договора с Россией, Карл XII вторгся в Норвегию и был убит при осаде Фридрихсгалле 30 ноября 1718 г. На престол избрали сестру короля Ульрику Элеонору, отказавшуюся от передачи России потерянных земель. Пришедшее к власти правительство прекратило Аландский конгресс. Сторонника мирного договора Герца отозвали в столицу и казнили.

Весной 1719 г. переговоры на Аландских островах продолжались, однако шведы не торопились соглашаться с русскими требованиями. Остерман и Брюс полагали, что только решительные действия могли оказать на противника влияние. Это могли быть лишь действия на море.

12. Война без союзников

К 1719 г. основными политическими противниками Петра стали король Георг I и его правительство, не желавшие усиления конкурента. В Англии осенью 1718 г. приняли решение оказать давление на Петра I и послать в качестве официального представителя командующего английским фло-

том Джона Норриса. Адмиралу следовало добиваться вывода русских войск из герцогства Мекленбург и Данцига; после передачи требований он должен был возвратиться к флоту, который становился аргументом силы в приложение к требованиям. Адмирала должен был сменить в качестве посла Джеймс Джеффрис. Норрис в Россию не поехал, и 1 января 1719 г. в Петербург прибыл один Джеффрис. В России его ожидало требование присоединить английскую эскадру к российской для совместного нападения на Швецию. Посол уходил от согласия, ссылаясь на то, что уже идут переговоры на Аландских островах. Однако русская дипломатия настаивала на своем, отмечая бесплодность переговоров. Обе стороны почему-то избегали упоминаний о гибели Карла XII, сделавшей переговоры бесполезными. Стало очевидно, что Петр I готов добиваться мира силой, а Англия не только не поможет ему, но будет поддерживать Швецию [68. С. 117—119].

12 (23) января 1719 г. Джеффрис, видя твердость намерений царя и военные приготовления, писал лорду Д. Стенгопу: «Я считаю необходимым предупредить ваше превосходительство, что от здешнего двора не на что надеяться. Русские министры только и говорят, что о силе и могуществе их государя, и они в самом деле думают, что его царское величество уже ни в ком не нуждается и может никого не бояться» [68. С. 120].

Опасаясь, что под давлением мощи русского флота сменившая Карла XII Ульрика Элеонора и ее окружение согласятся на любые условия мира, английский посол предложил нечто необычное: послать один-два фрегата под русскими флагами, захватить шведских, а то и русских участников переговоров на Аландах, чтобы дать возможность Англии заключить мир со Швецией и переубедить ее правящие круги. Английское правительство не решилось на разбойничий шаг [68. С. 120—123].

Чтобы у Англии не было оснований для военной помощи Швеции против России, Петр I 17 (28) апреля 1719 г. разрешил всем странам торговать со Швецией любыми товарами, кроме контрабандных. В то же время, не полагаясь только на мирные шаги, он приказал подготовить к концу апреля флот [25. С. 151]. Царь был готов поддержать права России вооруженной силой.

В Швеции противники мира с Россией надеялись за счет потери владений в Германии заключить мир с союзниками Петра и добиться от того отказа от Эстляндии и Лифляндии. Чтобы протянуть время, переговоры на Аландских островах в 1719 г. были продолжены. Однако, если А.И. Остерман с прусским представителем Мардефельдом прибыл 4 апреля, шведского представителя Лилиенштета ждали еще два месяца. Поэтому Петр решил оказать давление на Швецию, предприняв боевые действия против ее берегов [73. С. 418—419].

Так как шведский манифест о запрете торговли с Россией от апреля 1719 г. действовал, ревельская эскадра капитан-командора Я. фан Гофта в мае произвела поиск на острове Эланд и в его окрестностях и захватила 13 судов. От шкипера одного из трофейных судов стало известно о шведском отряде, направлявшемся из Пиллау в Стокгольм. Высланный с отрядом из 6 линейных кораблей и шнявы капитан 2-го ранга Наум Синявин 24 мая обнаружил, атаковал и взял шведские корабль, фрегат и бригантину. Эта победа вызвала еще большее беспокойство в Швеции [42. С. 200; 68. С. 124—125].

Подготовленный Петром I план на кампанию 1719 г. предусматривал согласованные операции парусного и гребного флотов. Под прикрытием парусников галерам следовало высадить десанты под Стокгольмом у Евле и Норчепинга и наступать к столице Швеции с севера и юга. Войскам предстояло разрушать военные и промышленные объекты, а также распространять прокламации, утверждающие, что Россия стремится к миру и вынуждена вторгаться на территорию Швеции только для того, чтобы добиться «желаемого замирения». Прокламация возлагала всю вину на шведское правительство и призывала население страны воздействовать на него, чтобы скорее был подписан мир [25. С. 152; 42. С. 224].

Основное направление военных операций пролегало через Аландские острова к берегам Швеции. 17 апреля Ф.М. Апраксин сообщал М.М. Голицыну под секретом об указании царя искать лоцманов, знающих ход к Стокгольму и Гевелю (Евле), расположение гаваней, заводов и крепостей на шведских берегах, и предложил князю скрытно это выяснить [39. Ч. II. С. 352]. 22 мая генерал-адмирал писал князю: «Ц.В.

указал дабы вы дав голос будто для экзерзиции с галерным флотом, взяв провианту на 2 1/2 месяца, вышли конечно нынешним месяцем и стать у того места, где стояли прошлого лета, и когда выведете флот со 2-го или 3-го числа июня, взяв с собою галеры две или три, извольте выехать навстречу Ц.В. к Гангуту. Здесь известие получено что прибыло в Финляндию число немалое финских обывателей из Швеции и надеюсь что сие чинено по данным от вас указам, однакож отныне впредь переезд из Финляндии через Синус Ботникус и Аландсгафт извольте запретить накрепко, чтоб не могли шведы о состоянии нашем иметь никакого известия, разве что изволите послать несколько известных персон, взяв жен и детей под крепкий караул, под видом купечества, обещающая награждение, и сколько можно наведаться о тамошнем состоянии. Также для Бога извольте трудиться об известных лоцманах, которые знают ход корабельный безопасный и протоки мелкие в шхерах» [39. Ч. II. С. 364].

Голицын 31 мая прибыл на указанное место, а 3 июня с 5 галерами — к Гангуту. Но царь задержался из-за дурной погоды; он писал Апраксину о необходимости взять лоцманов на острове Аланд [39. Ч. II. С. 373—374]. 9 июня 1719 г. вице-адмирал Петр Алексеевич Михайлов, как именовал себя царь, выступил с эскадрой от Котлина в Ревель. 17 июня он прибыл к цели, после того как простоял с флотом четыре дня у Готланда, где по случаю победы при Эзеле было ликование и награждение участников [39. Ч. II. С. 376]. К 19 июня в Ревеле под вице-адмиральским флагом оказались 21 линейный корабль и несколько меньших; численно русский корабельный флот уже превосходил шведский [68. С. 125—126].

К концу мая в Або и Санкт-Петербурге стояли 132 галеры и более 100 островских лодок с 20-тысячным десантом. В июне генерал-адмирал Апраксин с галерным флотом из Петербурга направился к Гангуту. Более 100 000 войск располагались в Эстляндии, Лифляндии и Финляндии. Шведы стянули к Стокгольму 24 000 лучших войск, а их флот в Стокгольме и Карлскроне насчитывал лишь 11 кораблей и 8 фрегатов, из которых 5 кораблей и фрегат крейсировали в проливе Каттегат. Это свидетельствовало о недооценке русского флота [25. С. 151—152].

26 июня эскадра Петра I наконец вышла к Гангуту, где уже стояла галерная флотилия М.М. Голицына и пребывал Ф.М. Апраксин. Здесь состоялся военный совет, каждый член которого высказал письменно предложения о плане кампании [39. Ч. II. С. 380]. На генеральном совете 26—28 июня был выработан план действий. Прежде всего следовало провести разведку шхер. Парусный флот должен был у Аландских островов прикрывать действия галерного флота. Одной партии следовало высадить десант у Евле, чтобы отвлечь силы противника от Стокгольма; затем вторая партия должна была действовать по обе стороны от столицы Швеции. Двум высланным отрядам корабельного флота предстояло крейсировать и наблюдать за шведскими эскадрами в Карлскроне и Стокгольме [25. С. 154].

Царь предлагал соединить флоты корабельный и галерный у Ламеланда (Лемланда), где начинается прямой ход к Стокгольму, осмотреть шхеры и прикрыть галеры, которым следовало идти к шведской столице или действуя корпусами по суше, или оставить главные силы, выслав отряды для разорения заводов; он знал, что 4 шведских флагмана привели 19 кораблей, но имел сведения, что многие корабли из-за болезней команд всего лишь плавающие крепости, и предложил проверить это демонстрацией до начала операции [39. Ч. II. С. 380—381]. Это был осторожный, взвешенный замысел, ибо предстояло действовать у неприятельских берегов.

Опасность могла грозить со стороны английского флота, который ожидали на Балтике. Но эту опасность Петр I ослабил, опубликовав 28 июня (9 июля) декларацию с разрешением торговли со всеми странами на Балтике, не исключая Швеции, всеми товарами, кроме небольшого списка военной контрабанды («порох, свинец, селитра, пенька и все, что ко флоту надлежит; хлеб всякий и соль»). Захваченные суда в России не конфисковывали, а лишь задерживали в портах, что не давало Англии оснований для выступлений [25. С. 155].

Эскадра Д. Норриса из 10 кораблей и 4 меньших судов прибыла в Зунд в конце июня 1719 г. 7 (18) июля ей навстречу был выслан поручик Н.Ф. Головин на фрегате «Самсон» в сопровождении корабля и пинка. Норрису была пе-

редана декларация о свободе торговли на Балтике. Петр предупредил адмирала, что если тот письменно не объяснит причины появления его эскадры, то он будет вынужден принять военные меры. Норрис в письме 11 (22) июля сообщил, что прибыл для защиты английской торговли и установления связи с союзниками Англии [25. С. 156—157]. В сентябре русские уполномоченные на Аландских островах получили письмо от английского посланника в Стокгольме о том, что Англия выступила посредником между Швецией и Россией, а флот Норриса должен обеспечить как торговлю, так и это посредничество. Подобное письмо послал и Норрис. Уполномоченные отказались передавать царю такое полуофициальное заявление и предложили, чтобы король сам обратился к царю с грамотой [66. Кн. IX. С. 261—262].

Появление англичан не помешало русским операциям против Швеции. Как известно, 26 июня корабельный и галерный флоты соединились у Гангута. Они направились к Або, затем — к Аландским островам. 6 июля к Лемланду прибыли 232 судна галерного флота с десантом в 26 000 человек; 8 июля к нему присоединился флот корабельный. 9 (20) июля военный совет на острове Лемланд принял решение идти к берегам Швеции. 11 июля русские галеры появились у Капельшера, в 80 км от Стокгольма [25. С. 155; 68. С. 127].

Разведка установила, что 19 шведских линейных кораблей соединились и встали у крепости Ваксхольм вблизи Стокгольма. Был сделан вывод, что шведы заняли оборонительное положение, поэтому корабельному флоту следовало лавировать у шхерного прохода, блокируя неприятеля, либо принять с ним бой, если шведы выйдут. На Лемланде была оборудована временная база флота, к западу и югу от Аландских островов вышли дозорные корабли Н.А. Синявина [25. С. 154—155]. Это делало действия галерного флота более безопасными.

12 июля Ф.М. Апраксин послал отряд генерал-майора П. Ласси (3500 человек на 21 галере и 12 островских лодках) для демонстрации севернее шведской столицы, а сам с главными силами направился к Стокгольму и 15 июля занял остров на полпути к цели. 24 июля галерный флот подошел к Ничепингу, 30 июля — к Нордчепингу. Русские высаживали

дессанты. 12 шведских эскадронов под Нордчепингом отступили без боя; город был оставлен шведами и сожжен жителями. Жители других поселков и городов бежали в панике, предавая все огню, хотя Петр и приказал Апраксину «людей не токмо не брать, но не грабить с них и ничем не досаждать, но внушать, что мы воюем для того, что сенат их не склонен к миру». Под Нордчепингом русские взяли много запасов меди и более 300 новых пушек. Успехом окончился и набег Ласси [68. С. 127—129].

Корабельный флот 10 июля выступил, но из-за штиля вернулся к Лемланду; 11 июля была выслана эскадра Н.А. Синявина из 7 кораблей для наблюдения за неприятельским флотом; и позднее действия галерного флота прикрывал дозор из 4—5 кораблей [25. С. 156].

В результате высадок на берега Швеции были разорены 6 городов, много деревень и металлургических заводов. Шведская армия оказалась не в силах воевать одновременно против Дании и России. Русские войска умело использовали возможности галерного флота; при угрозе встречи с превосходящими силами они садились на гребные суда и перемещались в другое место, где их не ждали [68. С. 141—142].

Так как военный совет признал рискованным план идти прямо на Стокгольм по суше, было решено ограничиться разведкой подступов к столице Швеции, чтобы продолжить вторжение в следующем году. Замысел был успешно выполнен. 19 августа галерный флот прибыл к Лемланду, где его встретил флот под флагом Петра; Ласси вернулся 16 августа [25. С. 158—159].

Перед началом нападения царь предупредил Ульрику Элеонору и заявил, что вторжение прекратится, как только шведы пришлют согласие на русские условия [68. С. 141]. В июле королева приняла А.И. Остермана, который в ответ на ее возмущение разорением берегов отвечал, что это лишь разведка, пока шведы не торопятся с заключением мира [25. С. 160]. Угроза, нависшая над Стокгольмом, заставила Ульрику Элеонору обратиться к Петру с просьбой продолжить переговоры. Царь согласился и отвел свои силы от берегов Швеции, рассчитывая нанести при необходимости основной удар в следующем году [68. С. 129, 143]. Он приказал отвести силы в Гельсингфорс и Ревель, чтобы не подвергать

их опасности осенью в ожидании решения конгресса и как можно ранее использовать весной, если не удастся заключить мир [39. Ч. II. С. 414—415].

В 1719 г. переговоры на Аландских островах возобновились [27. С. 54]. Шведы видели, что крейсерство английского флота не спасло их от набегов на берега и поселения, и колебались, не следует ли согласиться с условиями царя. Однако тут вмешалась Англия. Англичане продемонстрировали желание помочь Швеции. 6 (17) августа английский посол в Стокгольме Картрет, получив инструкции из Лондона, дал указание Норрису соединиться со шведским флотом для уничтожения русского. 16 (27) августа флоты соединились у острова Борнхольм. Это послужило причиной того, что шведские представители ужесточили свои требования на Аландском конгрессе. В надежде на помощь англичан они соглашались уступить России лишь Ингрию, Нарву и, возможно, часть Карелии [73. С. 419]. В ответ Петр 4 (15) сентября отозвал с конгресса своих представителей. Были приняты срочные меры для укрепления Котлина и Ревеля. Корабельный и галерный флоты были готовы к боевым действиям [25. С. 161]. Однако Норрис, зная настроения в Англии, не предпринимал активных действий, ограничиваясь обороной Стокгольма. Осенью эскадра ушла в Англию.

9 ноября 1719 г. Швеция заключила мир с курфюрстом Ганновера, который был и королем Англии Георгом I; шведы уступили Ганноверу Бремен и Верден, получив в вознаграждение 1 000 000 талеров. Через два с половиной месяца Георг I уже как король Англии подписал договор о мире и союзе со Швецией [68. С. 130—131; 73. С. 319]. Этот шаг послужил примером для других союзников России. Прусский король заключил мир, получив Штеттин и Верхнюю Померанию в обмен на обещание заплатить 2 000 000 рейхс-талеров. Август II заключил мир при условии признания его шведами королем Польши; правда, он вынужден был предоставить своему противнику Станиславу Лещинскому королевский титул и 1 000 000 талеров. Дания возвратила Висмар и Штральзунд с Нижней Померанией и островом Рюген в обмен на Шлезвиг и право собирать пошлину со шведских судов, проходящих Зундом [73. С. 419—421].

Россия вновь осталась без союзников, а Англия даже стала ее противником. Однако теперь страна и сама имела достаточно сил, чтобы вести войну со Швецией. Царь не препятствовал «союзникам» пользоваться плодами русских побед. Он не возразил против присоединения части Шведской Померании к Пруссии и части Шлезвига — к Дании, не противодействовал присоединению Бремена и Вердена к Ганноверу. Но Петр и не собирался уступать ничего из своих приобретений. Он мог не бояться возможных неприятелей (Австрию, Пруссию, Польшу), ибо они не располагали на Балтике флотом. Датчанам невыгодно было помогать Швеции, претендовавшей на Норвегию. Наиболее серьезным противником являлся английский флот с остатками шведского. Однако русский флот постоянно пополняли все новые корабли. В апреле 1719 г. посол Д. Джеффрис писал в Лондон лорду Стенгопу: «Я позволю себе, ваше сиятельство, обратить ваше внимание на другой ряд лиц, пользующихся большой милостью у царя. Завистники даже дают им особенное насмешливое прозвище. Говорю о корабельных мастерах. Они, насколько могу судить, если долго останутся на службе царской, поставят царя хозяином Балтийского моря. Один из них недавно уверял меня, что, проживи царь еще года три, у него будет флот в сорок линейных кораблей, от семидесяти до девяноста пушек каждый, да двадцать фрегатов, от тридцати до сорока пушек каждый, построенных здесь и как нельзя лучше. Этих людей царь ласкает особенно милостиво: жалованье они получают большое, выплачивается оно аккуратно, они видятся с ним частным образом, их царь сажает за свой стол при самых многолюдных собраниях.

...Представляю вам, однако, судить — входит ли в интересы Великобритании быть зрительницей возрастающего могущества России, особенно на море — к тому же могущества, создаваемого руками английских подданных? Если позволите мне высказать свое мнение по этому поводу, скажу, что давно пора отозвать наших мастеров из царской службы. Здесь пять мастеров, кроме простых рабочих; все они британские подданные. Трое из моряков признаются такими плотниками, что лучших в Англии не найдется, а так как я не сомневаюсь, что все они верные подданные короля и расположены к его правительству, не сомневаюсь, что они воз-

вратятся домой, если им на родине предоставлено будет положение, сколько-нибудь вознаграждающее за то, что они потеряют здесь. Если в то же время издать строгий указ против всех английских подданных, которые не возвратятся, мастерам будет хороший повод оправдать свое поведение. Без такого указа им, ввиду всех милостей, которыми они осыпаны, трудно найти повод к отъезду, как бы они его ни искали. Надеюсь, вы извините мне смелость моих предположений; решаюсь на них единственно в уверенности, что они клонятся к выгоде Великобритании, и потому, что не знаю, какие бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утверждению царя на Балтийском море» [68. С. 133—135].

В мае 1719 г. английский посол в Санкт-Петербурге вновь встревоженно писал первому лорду Адмиралтейства:

«Позволю себе еще раз обратить внимание ваше на сделанные мною предложения касательно английских корабельных мастеров, состоящих на царской службе. Со времени моего приезда они спустили один линейный корабль в девяносто пушек, другой — в шестьдесят пушек будет готов на днях; затем, десять кораблей стоят на верфях, все они линейные, и большинство их должно быть готово в течение года. Кроме царя (у которого своя верфь, как и у прочих мастеров), и пяти англичан, работает здесь один мастер-француз, голландцев же ни одного, так как царь не любит их систему постройки; следовательно, если мы своих мастеров отзовем домой и будем наблюдать за тем, чтобы другие не являлись им на смену, постройка кораблей будет приостановлена; если же не принять этой или другой соответствующей меры против развития царского флота, нам придется раскаяться, хотя, быть может, уже и поздно. Еще недавно царь открыто в обществе высказал, что его флот и флот Великобритании — два лучших флота в мире. Если он теперь уже ставит свой флот выше флотов Франции и Голландии, отчего не предположить, что лет через десять он не признает свой флот равным нашему или даже лучшим, чем наш? Короче — корабли строятся здесь не хуже, чем где бы то ни было в Европе, и царь принимает все возможные меры, чтобы приучить своих подданных к морю, чтобы создать из них моряков» [68. С. 135—136].

По настоянию посла последовало решение парламента об отозвании английских мастеров, однако оно не возымело действия: Козенц и другие английские корабли остались в России. Джеффрису пришлось объяснять неудачу: «Я смиренно прошу их превосходительства принять в соображение трудности, которые я встречаю со стороны корабельных строителей. Эти люди привезли сюда с собой все, что имели, и им нечего терять в Великобритании, так как там у них нет ни земли, ни другой недвижимой собственности. Они явились в эту страну со своими семьями искать благосостояния и в некоторых отношениях нашли его, так как их заработная плата значительна: двое из них получают ежегодно по 2000 рублей, а трое других по 800 рублей каждый, кроме случайных подарков и других выгод. Они пользуются таким почетом, на который нельзя было рассчитывать ни в какой другой стране, хотя бы они были знатными людьми, так как они окружены самым ласковым вниманием царя и, следовательно, всех высокопоставленных лиц государства. Они участвуют во всех царских развлечениях, а на празднествах сидят за его столом, в то время как знатнейшие люди принуждены ждать стоя. Коротко говоря, царь ничем не пренебрегает, лишь бы привечь их к себе и чтобы побудить их остаться на его службе на всю жизнь» [68. С. 136—137].

К этому времени на верфях работали несколько отечественных судостроителей, становившихся хорошими корабельными мастерами; однако при том развороте кораблестроения, который организовал Петр I, их было мало. Потому царь и держался за уже имевших опыт иноземцев. С лета 1719 по весну 1720 г. работа кипела на всех верфях. Царь готовил флот для решительной атаки на Швецию, а П.П. Шафиров высказал его неудовольствие Джеффрису тем, что англичане пытаются мешать судостроению, отзывая мастеров. Правда, вице-канцлер заметил также, что русские и сами научились строить корабли [68. С. 138—139].

Чувствуя силу, Петр приказал не принимать от англичан вызывающе написанных бумаг. В 1719 г., видя упорство шведов на переговорах, он, как говорят, заявлял: «Я пошлю сорок тысяч вооруженных уполномоченных, которые подкрепят то, что говорится на Аланде» [68. С. 141]. Весной 1720 г. царь сказал: «Неполезного мира не учи-

ним!», намереваясь утвердить за Россией владения в Прибалтике [68. С. 132].

В сентябре 1719 г. посланный в Данциг с отрядом каперов Н.П. Вильбоа заблокировал свыше ста английских и голландских судов с хлебом для Швеции. Так как шведы, в свою очередь, блокировали вход в Данцигскую бухту, Вильбоа с разрешения Петра I остался зимовать в порту и только весной 1720 г., после прибытия новой блокирующей эскадры, оставил Данциг, выговорив себе 48 часов без погони. Условие шведского флагмана свидетельствовало, что он не был убежден в действенности английской помощи [25. С. 163—164].

21 января (1 февраля) 1720 г. Англия подписала договор со Швецией, в котором обязалась послать сильную эскадру для отражения нападения «московитов». Однако, избегая прерывать торговлю с Россией, англичане не собирались вступать с ней в войну. Под давлением Англии в тот же день Пруссия подписала договор со Швецией, обязавшись не оказывать поддержки России. Но и прусский король не собирался выступить против Петра I. 3 (14) июня после долгих переговоров английская дипломатия добилась заключения перемирия между Данией и Швецией; договор этот в Дании не считали выгодным. Попытки англичан привлечь к коалиции Австрию, Пруссию, Польшу и Голландию не увенчались успехом из-за противоречий между странами Европы. Эти противоречия способствовали успеху действий России [25. С. 162—163]. Дания оказалась недовольна потерей завоеванных земель, которые по настоянию Франции возвращала Швеции. Австрия не желала ни иметь шведов соседями на континенте, ни ссориться с Россией перед войной против Турции. Соответственно и Турция в 1720 г. заключила «вечный мир» с Россией. Этому поспособствовала Франция, ибо в 1719—1720 гг. обострились англо-французские отношения по вопросу о передаче Гибралтара Испании. Голландцам война с Россией могла принести одни убытки. Польша и Пруссия также не желали воевать [45. С. 589—590].

Англичане в 1720 г. готовили для уничтожения русского флота 30 кораблей [25. С. 163; 45. С. 591]. 6 апреля Стенгоп сказал русскому послу в Лондоне Ф. Веселовскому: «Чтобы никакой причины к жалобам против нас не имели, мы сообщим вам список с договора нашего со Швецией и с инст-

рукции, которую мы даем адмиралу Норрису. Он отправляется, по силе этого договора, только на помощь Швеции, и в вашей воле заключить мир или нет и нас признать за приятелей или неприятелей, и, как вы поступите в отношении к нам, так и мы поступим в отношении к вам» [66. Кн. IX. С. 263].

Англия по-прежнему была заинтересована в торговле с Россией, тем более что 8 (19) апреля 1720 г. Петр I вновь разрешил торговлю ее граждан в русских землях [45. С. 590—591]. Поэтому английский флот на Балтике не столько действовал, сколько изображал действия.

Петр намеревался еще зимой послать казаков через Ботнический залив из Васы на Умео, но слабый лед не позволил осуществить этот замысел. Весной, с таянием льдов, царь приказал Ф.М. Апраксину готовить флот, а генералу М.М. Голицыну провести смотр войскам в Финляндии. В марте Апраксин дал инструкцию фан Гофту, которому следовало с отрядом из 7 кораблей и фрегата искать места стоянок для русских кораблей у берегов Швеции, осматривать торговые суда (особенно шведские) и наблюдать за прибытием английского флота. 4 (15) марта был выработан план действий. Следовало послать треть галер в набег на Умео для отвлечения внимания, а главные силы направить в район Евле, чтобы нанести урон шведам и показать бессмысленность надежд на английскую помощь. Эскадре фан Гофта предстояло прикрыть действия галер. Генерал-адмирал Апраксин оставался руководить действиями в Ревеле, который дополнительно усиливали батареями и войсками, как и гавань на Котлине [25. С. 165].

По сведениям послов, шведы в феврале — марте готовили транспорты для высадки десанта в 24 000 человек и 17 линейных кораблей. Они ожидали войска из Ганновера и эскадру из Англии. Следовало их опередить. 11 (22) апреля Петр I дал указ Апраксину готовить высадку десантов. Он писал: «Приход Норрисов не так частся быть скор, как разглашали, и для того писали мы к господину кн. Голицыну, сжели возможно до его прибытия делать, чтобы не опуская времени делали смотр по тамошним случаям» [25. С. 165—166].

В конце апреля галерный флот из 105 галер, 110 островских лодок, 8 бригантин с десантом вышел из Або к западным островам Аландского архипелага [25. С. 165]. Он должен был действовать против берегов Швеции под прикрытием отряда Я. фан Гофта. Отряд вышел из Ревеля 14 апреля, чтобы захватить 4 шведских корабля у Готланда и прикрыть галерный флот, но в начале мая на Балтике появился английский флот, который соединился со шведским и крейсировал на Балтике; фан Гофт, избегая встречи с превосходящим противником, вернулся в Ревель [42. С. 226]. Голицын не дождался фан Гофта и вернулся в Гельсингфорс, но отправил в Васу отряд бригадира фон Менгдена [42. С. 228]. Отряд выступил 24 апреля (5 мая) из Або на 35 галерах. Пройдя шхерами до Васы, он пересек Ботнический залив, высадил казаков под Умео, разорил местность на глубину 30 км и 8 (19) мая благополучно вернулся в Васу. Поход этот явился пощечиной англичанам, флот которых только что прибыл на Балтику [25. С. 165—166]. Царь писал Ягужинскому: «Партия наша под командою бригадира фон Менгдена впала и паки счастливо чрез море перешла к своим берегам. Правда, хотя не гораздо великий неприятелю убыток учинен, только слава Богу, что сделано пред глазами помощников их и чему препятствовать ничего не могли». Под помощниками Петр подразумевал англичан. После этого Англия не возобновляла попыток посредничества, ибо оппозиция высмеяла поход Норриса на защиту Швеции, страну не защитивший [66. Кн. IX. С. 265].

Английский флот из 21 корабля и 10 фрегатов выступил 16 (27) апреля, 12 (23) мая достиг Швеции и, соединившись со шведским флотом, направился к берегам России, не зная о набеге фон Менгдена. 30 мая союзный флот появился перед Ревелем и встал на якорь в трех милях от берега. Кроме меньших судов, английский флот насчитывал 18 и шведский — 7 кораблей [24. Т. 1. С. 166]. Однако Норрис с флотом стоял перед Ревелем, не предпринимая попытки высадить десант. Адмирал направил главнокомандующему в городе письмо с сообщением, что он послан королем, чтобы предложить свое посредничество для заключения умеренного и справедливого мира между Россией и Швецией. В ответ по инструкции Петра генерал-адмирал Апраксин заметил, что по общепри-

нятым правилам следовало бы послать полномочного министра в Санкт-Петербург, а не придвигать флот к берегам России [73. С. 424; 66. Кн. IX. С. 264—265].

Пока шла переписка, союзники промеряли глубины между островами Вульф и Нарген и высадились на последнем, причем сожгли избу и баню. Высадку они так и не предприняли. 2 (13) июня Норрис получил известие о набеге на берега Швеции и спешно направился к Стокгольму, не дожидаясь ответа на письмо, направленное Апраксину [25. С. 167].

Петр продолжал подготовку флота. На воду сходили новые корабли. Несколько дней вблизи Кроншлота 5 кораблей проводили учения. 12 июня в море вышла эскадра фан Гофта для крейсерства между Гангутом и Рогервиком. Галерный флот вернулся к берегам Финляндии, чтобы в безопасности оставаться готовым к отражению действий противника [25. С. 167—168].

Уничтожить русский флот, пользовавшийся прикрытием шхер и береговых батарей, не удалось. Более того, русские наносили решительные удары. Галерный флот 27 июля разгромил шведскую эскадру при мысе Гренгам и овладел 4 фрегатами [25. С. 168—171; 70. С. 163—164]. Английские линейные корабли оказались бессильны против галер и других гребных судов, действовавших в шхерах. Посему Норрис, пробыв на Балтике несколько месяцев, осенью удалился.

В Швеции народ роптал против бездействия властей. Чтобы улучшить положение, королева передала корону своему мужу Фридриху, принцу Гессен-Кассельскому [73. С. 422]. Шведы, видя бесполезность борьбы, летом 1720 г. обратились к Англии за помощью сухопутными войсками. Не получив поддержки, шведский король предложил начать переговоры с Россией [45. С. 592].

После военных демонстраций царь послал 9 (20) августа 1720 г. в Стокгольм генерал-адъютанта А.И. Румянцева поздравить Фридриха I с вступлением на престол; царь наделил Румянцева правом заключить перемирие. Шведы в качестве жеста доброй воли освободили всех русских пленных в столице (около 200) [25. С. 172—173]. Так как переговоры с Румянцевым ничего не решили, Фридрих I, который понимал опасность положения страны, сам послал генерал-

адъютанта в Петербург с предложением приступить к переговорам. В Балтийском море присутствовал английский флот. Однако эта демонстрация не испугала Петра. Он показал генерал-адъютанту укрепления Петербурга, флот и укрепления на Котлине и сказал ему: «Хотя и не обычай между воюющими показывать крепости неприятельскому офицеру, но зато теперь Швеции не надобно терять денег на шпионов, понеже посланник все видел» [25. С. 173].

23 ноября (4 декабря) 1720 г. русский посол М. Бестужев по требованию английского правительства покинул Лондон. Этот шаг последовал после того, как посол передал ноту, осуждавшую действия Англии против России. Однако вступать в войну англичане не собирались. Шведы надеялись и на посредничество Франции. Но французский посланник Г. де Лави сообщал в депеше от 27 декабря 1720 г. о прочном положении России, через сеть агентов за границей знающей обо всем происходящем: «Достоверно одно, что его царское величество отнюдь не намерен провести себя лживыми переговорами и весьма предусмотрительно старается обезопасить себя от всяких нечаянностей» [25. С. 173].

Посланный Парижем в Санкт-Петербург для посредничества Кампредон, высоко оценив военную мощь России, направился в Стокгольм с предложением королю заключить мир.

Петр I деятельно готовился к продолжению войны. В кампанию 1721 г. снаряжали 29 линейных кораблей и 6 фрегатов; галерный флот насчитывал 171 галеру и около 23 000 человек десанта [39. Ч. II. С. 548—549; 544—545]. Шведы смогли оснастить лишь 11 кораблей и 3 фрегата; в армии начались выступления из-за неуплаты жалованья [39. Ч. IV. С. 215, 224]. Шведы рассчитывали ограничиться обороной до прибытия английского флота. Король Георг I, кроме флота, обещал деньги на содержание 15 000 войск за свой счет и предлагал заключить с Россией перемирие до мая 1721 г., чтобы было время создать коалицию против России. Такую тактику шведские представители и пробовали применить во время переговоров в Ништадте [25. С. 175].

Петр I от посла в Голландии Б.И. Куракина знал, что английский флот на Балтику снаряжают, однако адмирал Норрис получил инструкцию ограничиваться обороной. 13 (24) апреля

флот из 25 кораблей и 4 фрегатов выступил, в конце апреля миновал Копенгаген и встал у Борнхольма [25. С. 176]. Особой активности англичане не проявляли.

Русские были более активны. 4 марта царь предписал отправить по готовности 3 эскадры от Котлина [39. Ч. II. С. 543]. Он назначил А.Д. Меншикова командовать корабельным флотом [39. Ч. II. С. 546—547]. 22 марта царь предписал генерал-адмиралу отправлять готовые корабли из Кроншлота в Ревель и исследовать ледовую обстановку [39. Ч. II. С. 547—548]. 30 апреля Адмиралтейств-коллегия определила фан Гофту вывести ревельскую эскадру к Наргену и выслать 3 крейсера: за Дагерорд, от Оденсхольма и от Рогервика — до финских шхер; при появлении противника следовало отходить, предупреждая свои суда пушечными выстрелами [39. Ч. II. С. 550—551].

Наступательные планы оказались под угрозой появления английского флота. 2 апреля Петр I писал из Риги Апраксину: «Чаю вам уже известно от всюду подтверждают, что флот английский будет в Ост-Зее, и ежели так то такой кампании быть нельзя как было наметили; того для не сделать ли так чтоб г. Голицын отправил от себя генерал-лейтенанта Ласси с частию галер и конных подовольнее, и как возможно скоро под прикрытием ревельской эскадры перейти и берег от Гевеля до Умы разорить, дабы сие прежде английского флота сделать, а ежели английский флот замешкается, то время еще будет и большим действиям; о чем прошу вашего совета, дабы мог о том писать в Ревель и Абов чем прошу немедленной отповеди» [39. Ч. II. С. 552].

9 апреля Апраксин из Санкт-Петербурга в ответ предлагал послать не более 5000 человек с 25—27 галерами и лодками, а для большей безопасности от шведского флота действовать от Умео до Гевеля, чтобы иметь возможность отхода вплоть до Торнова (Торнео) [39. Ч. II. С. 555—556]. В соответствии с этим царь сформулировал задачи и 13 апреля писал о них Апраксину и М. Голицыну [39. Ч. II. С. 557—558].

Царь не просил мира и ожидал, когда шведы сами предложат переговоры. Король обратился с таким предложением перед отъездом Румянцева из Стокгольма в ноябре 1720 г. Местом переговоров избрали Ништадт [25. С. 173].

Переговоры начались 28 апреля 1721 г. Шведы настаивали на возвращении Лифляндии и Выборга, но безуспешно [73. С. 425].

Чтобы поторопить переговоры, было решено отправить к берегам Швеции отряд П.П. Ласси. Отряд из 5000 пехоты и около 400 казаков, размещенных на 30 галерах, 9 лодках, 33 шлюпках и боте, прошел мимо мыса Гангут и Аландских островов, перешел Ботнический залив и 17 (28) мая высадил десант у Евле. 8 (19) июня высаженные войска без особого сопротивления противника дошли до Умео, заставив отступить 2 шведских полка. Переместившись к Умео с судами, Ласси вновь высадил десант. Он сжег 3 городка, 19 приходов, 79 мыз, 506 деревень [66. Кн. IX. С. 287—288]. Дальнейшие операции прервал приказ прекратить боевые действия, после чего Ласси 17 (28) вернулся в Васу и сообщил М.М. Голицыну, что вызвал панику и бегство неприятеля к Стокгольму [25. С. 176].

Приказ возвращаться Ласси получил вследствие того, что 30 мая (10 июня) шведы просили прекратить боевые действия. Брюс и Остерман согласились, но отвергли шведское предложение от 7 (18) июня заключить предварительный договор. Царь видел в этом предложении попытку затянуть переговоры. Он отдал приказ перейти к решительным действиям [25. С. 177]. 2 июля Апраксин сообщал М.М. Голицыну: «Сего числа Ц.В. указал мне и вам писать, что вы дали голос во всю Финляндию яко бы мы к вам будем в скорости, и для того изволите все галеры вооружить и изготовить провиантом и сделать из Гельсингфорса не великим числом движение до Пои кирки, или куда за благо рассудите, чтоб тот голос дошел до конгресса; также ежели генерал-лейтенант Ласси к вам еще не прибыл извольте немедленно к нему послать указ, чтоб или не доходя Абова или прошедши в пристойном месте остановился и також там пустил бы голос, что мы будем все туда и ему нас велено дожидаться, и что у него есть взятого оное взять в Гельсингфорс, и как сие учините извольте немедленно к нам дать знать» [39. Ч. II. С. 604].

Очевидно, Петр намеревался воздействовать на шведов не столько нападениями, сколько демонстрациями силы.

Флот в середине июля ходил под парусами, но царь обнаружил столько погрешностей в маневрировании, что предложил продолжить учения [39. Ч. II. С. 610]. Видимо, этот факт неготовности флота еще более требовал демонстраций в Финляндии. 30 июля Апраксин вновь писал Голицыну: «Ц.В. указал мне и вам, чтобы вы (оставя полков по своему рассмотрению чем возможно управить тамошние положенные работы), взяв несколько галер, маршировать к Абову и Корпо кирке и до Аландских островов тихим следованием и дали голос о своем пути на конгресс что велено вам производить действия с их совета и продолжать свой поход до указа, однакож и ныне чтоб более августа месяца тамо вашей милости быть, а на ту сторону не переходить, разве Бог благословит вас таким счастьем как в прошлом лете на сей стороне, а которого числа изволите в оный путь отправиться о том извольте к нам отписать» [39. Ч. II. С. 612—613].

Чтобы оказать давление на ход переговоров, русское правительство приняло летом 1720 г. герцога Голштинского. Опасаясь выступления голштинской партии в стране и новых нападений на берега, шведский король пошел на мир.

Война была так тяжела, что Петр I был даже готов отдать Выборг и предоставил соответствующую инструкцию направленную на конгресс третьему уполномоченному, Ягужинскому. Однако комендант Выборга И. Шувалов, узнав об этом, предупредил Остермана, и тот потребовал от шведов окончить мирные переговоры за 24 часа. Под угрозой продолжения войны шведы подписали договор 30 августа (10 сентября) [73. С. 425—427].

По условиям Ништадтского договора Россия получила Эстляндию, Лифляндию, Ингрию, Карелию, часть Финляндии и возвращала остальную Финляндию Швеции. Договор определил новую границу между двумя странами, регламентировал отношения между ними [27. С. 78—80].

В итоге войны Швеция лишилась большинства земель на южном побережье Финского залива и Балтийского моря, потеряла монополию на торговлю с Россией и прибыли, которые получала от владения Прибалтикой и устьями германских рек.

В ходе переговоров в Ништадте при посредничестве Франции шведы добились двух уступок: выплаты компенса-

ции за утраченные владения (2 000 000 ефимков) и отказа от поддержки Россией герцога Голштинского как претендента на шведский престол [45. С. 592].

Петр I, уже выехавший к Выборгу, чтобы определить новую границу, был обрадован текстом договора. Отправив благодарственное письмо Брюсу и Остерману, он на бригантине отплыл в Санкт-Петербург и пушечными выстрелами оповестил о победе. Заключение Ништадтского мира праздновали в России трижды (дважды в Санкт-Петербурге и третий раз в Москве); 30 августа стало днем ежегодного праздника. В честь заключения мира царь объявил в Сенате о помиловании преступников и прощении долгов государственным должникам. А 22 октября, в день торжеств, Сенат провозгласил Петра Отцом Отечества, Великим и императором [73. С. 430—435].

Благодаря успеху в Прибалтике страна приобрела ряд портов, обеспечивших торговлю с Европой. Граница со Швецией отодвинулась от столицы к северу. Россия, несмотря на военные расходы, окрепла экономически, возрос ее авторитет в мире. Страна стала играть серьезную роль в европейской политике, опираясь на мощные вооруженные силы. Сильный флот и цепь укрепленных баз являлись надежной гарантией свободы русского судоходства на Балтике.

После войны Россия не нуждалась в массе иностранцев на флоте. 31 января 1721 г. Петр I издал указ об увольнении иностранных моряков в отставку; разрешив им жить в Петербурге и на Котлине, он требовал, чтобы они оставались его подданными и не занимались шпионажем [39. Ч. III. С. 203; 68. Т. X. С. 381].

В 1721 г., имея флаг на корабле «Ингерманланд», Петр как моряк плавал с флотом в Финском заливе, производил эскерзиции и испытывал корабли; 7 сентября по случаю заключения мира со Швецией в знак признания понесенных им трудов в ходе войны он принял предложенный ему чин адмирала от красного флага, «ибо в сию войну довольно много вице-адмиралом служил» [44. Ч. I. С. 7—8].

Окончание Северной войны позволило Петру I предпринять Персидский поход 1722—1723 гг. и присоединить к России земли у Каспийского моря.

13. Персидский поход

Как уже известно читателю, еще в 1694 г. Петр, по примеру отца, подумывал о том, чтобы построить корабли на Каспийском море. На время он отказался от этой идеи и избрал более важное направление — Азов. Затем внимание отвлекла Северная война, приходилось помнить о Турции. Однако и о Каспии среди всех забот царь не забывал. Продолжалась война, а уже приступили к постройке канала, которому предстояло соединить Волгу с Доном и стать связующим звеном между Европой и Востоком, принося значительные выгоды России. Еще в 1711 г. Петр I заключил с армянской Джульфинской компанией договор о поставках всего шелка в Россию, но сырец продолжал поступать в Европу через Турцию. Завершив боевые действия на Балтике, царь лично занялся Каспием.

Предварительная разведка началась задолго до того. В 1714 г. Петр отправил на восточный берег Каспийского моря отряд поручика князя А. Бековича-Черкасского; в 1715 г. князь с эскадрой из 46 судов описал берег моря до Астрабадского залива, в 1716 г. продолжил исследования. Но летом 1717 г. весь отряд был уничтожен войсками хивинского хана, заманившего князя в ловушку [42. С. 231—232].

Направленный посланником в Персию в 1715 г. А.П. Волинский получил указание царя по пути к столице шаха персидского изучать водные и сухопутные пути, крепости, вооруженные силы, выяснить политику Персии и возможность организовать торговлю [67. С. 697—698]. В 1717 г. Волинский выехал из Исфагана (Испагани), заключив договор о свободе торговли русских купцов шелком-сырцом по всей Персии [67. С. 700]. Одной из причин такой сговорчивости, очевидно, было опасение русского вторжения. Вернувшись в начале 1719 г. Волинский вскоре стал астраханским губернатором. Под его руководством продолжались освоение моря, изучение берегов и морских путей. В 1719—1720 гг. западное и южное побережье Каспия обследовали экспедиции Вердена, Соймонова и Урусова; по результатам их была составлена карта [42. С. 232]. 22 марта 1720 г. Петр I дал Волинскому инструкцию вести дипломатическую и военную подготовку к походу; один из пунктов инструкции гласил: «...5) Суды наскоро делать прямые морские и прочее все что

надлежит к тому помалу под рукою готовить, дабы в случае ни за чем остановки не было, однако ж все в великом секрете держать» [67. С. 701—702].

Губернатор в 1721 г. сообщал о плохом состоянии вооруженных сил на Каспии, но считал необходимым решить вопрос военной силой. Когда распад Персидского государства в 1721 г. привел к междоусобицам и нападениям на русские лавки в торговых городах, что причинило купцам ущерб в 500 000 рублей, Волынский предложил для ограждения торговли послать войска, чтобы избежать обращения персов к Турции [67. С. 702—706]. Переход прикаспийских владений к туркам передавал бы им и торговлю шелком; кроме того, следовало помочь единоверным правителям Армении и Грузии. В декабре 1721 г. царь обещал прислать в Астрахань войска [67. С. 705—706].

После восстания афганцев, воспользовавшихся слабостью шаха Гуссейна и силой добившихся независимости, за освобождение из-под ига Персии выступили кавказские народы, которые захватили и разграбили Шемаху; при этом были перебиты до 300 русских купцов, а убытки составили миллионы рублей. Обращение астраханского губернатора к персидскому шаху с требованием возместить убытки не могло быть реализовано из-за слабости власти в Персии. Шах сам просил русской помощи. В начале 1722 г. стало известно, что афганцы захватили столицу Испагань. Так как турки могли воспользоваться моментом и овладеть берегами Каспия, Петр действовал решительно [73. С. 439—440]. Царь поручил генерал-майору М.А. Матюшкину сообщить, готовы ли суда, строившиеся на Верхней Волге; к 20 мая судам следовало уже быть в Нижнем Новгороде. Отправив часть гвардии по Москве-реке, царь поехал в Коломенское, где его ожидали Екатерина и придворные, в том числе генерал-адмирал Ф.М. Апраксин. По Оке все 26 мая доплыли до Нижнего Новгорода, где 30 мая царь отпраздновал день рождения. Сразу после празднества Петр I со свитой продолжил путь к Астрахани [67. С. 708—709].

В Астрахани, поджидая сподвижников, царь готовил план кампании. План этот намечал захват Дербента, Шемахи, Баку и предотвращение перехода дагестанских князей на сторону мятежников [42. С. 233]. В конце июня Петр устроил смотр

стоявшей на Волге флотилии, объехал ее строй на яхте, построенной Казанским адмиралтейством [40. С. 33—34]. Так начиналась Каспийская флотилия.

Персидскому правительству Петр I заявил: «Когда турки вступят в Персию, тогда нам крайняя нужда будет береги по Каспийскому морю обладать, понеже... турок туда допускать нам невозможно» [40. С. 33].

18 июля флотилия из 274 судов и 170 лодок, главным образом транспортных, направилась из Астрахани к Аграханскому заливу с 22 000 пехоты; конница шла туда же из Царицына [42. С. 233; 66. Кн. IX. С. 367]. Флотилией командовал Ф.М. Апраксин, а ее авангардом — Петр Михайлов, сам царь [44. Ч. 1. С. 17].

27 июля флотилия была в Астрабадском заливе. Петр определил место для постройки крепости. В свободное время, поджидая шедшую берегом конницу, царь организовал крещение всех, кто ранее не был на Каспии, и первый крестился: был опущен трижды в море на доске, привязанной к канату [73. С. 440]. 28 июля высадившаяся на берег пехота заложила Аграханский ретраншемент; соединившиеся войска под командованием Петра и Апраксина направились вдоль берега на Тарки. По пути царь разослал манифесты с предложением подчиниться без борьбы. 12 августа правитель города Тарки первым выразил желание подчиниться императору и с почетом принял его. 16 августа войска после стоянки продолжили движение на Дербент. К султану утемишскому Махмуду послали трех казаков с предупреждением. Султан, убив посланных, с 10-тысячным войском напал на русские войска, но был разбит, а его владения разорены [73. С. 441—442]. 23 августа войска вступили в Дербент [42. С. 233—234]. В городе приняли русских гостеприимно. Следующей целью стал Баку, жители которого выразили покорность. Царь намеревался послать туда гарнизон, однако произошло несчастье: 13 судов с хлебом, стоявших у Дербента, разбила буря; погибли еще 30 судов с продовольствием, которые выбросило на берег при Астраханском мысе. Так как провизии оставалось только на месяц и в разоренных персидских областях пополнить запасы не представлялось возможным, было решено отложить движение к Баку на весну. Оставив гарнизон в Дербенте, царь

с полками вернулся к Астрахани. В месте, где река Аграхань отделяется от реки Сулак, Петр заложил крепость Св. Креста [73. С. 442—443].

4 ноября царь отправил отряд полковника Шипова с задачей обосноваться в Гиляне, затем построить укрепление у Ряща (Решта); ему следовало оборонять город, показывать свое дружеское расположение местным жителям и узнавать о соседних провинциях Мазандеран и Астрабад. 7 ноября Петр выехал из Астрахани и 13 декабря торжественно прибыл в Москву [67. С. 712]. Весной 1723 г. царь с Апраксиным вернулся в Санкт-Петербург [44. Ч. 1. С. 17].

В декабре 1722 г. 1000 человек Шипова на 14 судах капитан-лейтенанта Соймонова заняли Решт в заливе Энзели. 17 марта 1723 г. Соймонов, завершив описание окрестностей устья Куры, отправился в море, оставив 3 судна. Персы пытались изгнать Шипова из Решта, но тот поселился в Караван-Сарае и решительно отразил нападение превосходящих сил; так же успешно отбили нападение 5000 персов и 3 русских судна [66. Кн. IX. С. 372—373; 73. С. 443].

Генерал-майору М.А. Матюшкину Петр указал идти к Баку с судами Соймонова, постараться овладеть городом и принимать в подданство всех желающих, а далее исследовать Куру и основать при устье крепость. В июле Матюшкин с 4 полками на 20 судах прибыл к Баку, высадил десант и готовился к приступу, но город сдался. Оставив гарнизон, Матюшкин вернулся в Астрахань. Обрадованный Петр произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. 17 сентября он поздравил его с тем, что турецкий посол уступил захваченные русскими провинции [42. С. 234; 66. Кн. IX. С. 373—374].

12 сентября 1723 г. в Санкт-Петербурге был заключен русско-персидский договор. Дербент, Баку с прилегающими районами, провинции Гилян, Мазандеран, Астрабад нерешли к России; в обмен Россия гарантировала помощь против мятежников, которых поддерживала Турция, захватившая в 1724—1725 гг. многие земли Грузии, Армении и Азербайджана. Захваты пришлось признать в обмен на признание турками русских приобретений по Санкт-Петербургскому договору [42. С. 235]. Таким образом, Россия благодаря действиям армии и флота обосновалась на Каспийском море.

В мае 1724 г. Петр послал указ Матюшкину занять еще свободные области и строить укрепления, изучать страны и посылать в Россию предметы местного производства [66. Кн. IX. С. 374—375].

Русские действия встревожили турецкое правительство, которое послало протест и готовилось объявить войну. Однако посредничество французского посланника и 80-тысячный корпус на турецкой границе заставили Диван понять, что с Россией лучше жить в мире. 12 июня 1724 г. был заключен русско-турецкий договор, установивший разграничение на Каспийском побережье. Петр разрешил также в присоединенные области переселиться армянам, уходящим из-под власти персидских мусульман [73. С. 444].

14. Последние годы

После возвращения из Персидского похода Петр I, казалось бы, мог почивать на лаврах. Успешно развивалась морская торговля. Летом 1722 г. к Санкт-Петербургу пришло 116 судов, к Рижскому порту прибыло 231 и ушло 235 судов. В 1724 г. к столице прибыло уже 240, к Нарве — 115, к Риге — 303, к Ревелю — 62, к Выборгу — 28 судов. Первые русские торговые суда появлялись в иностранных портах. Была организована перевозка товаров в важнейшие порты по рекам. Под руководством Миниха соорудили Ладожский канал [66. Кн. IX. С. 461—462].

Флот сохранял боеспособность. В 1723 г., имея флаг на корабле «Екатерина», Петр командовал авангардом флота Апраксина, в Рогервике (Палдиски) произвел торжественную закладку гавани. 29 июня 1723 г. в Санкт-Петербурге император заложил по составленному им чертежу первый 100-пушечный корабль, называвшийся до окончания постройки «собственным Его Величества кораблем». 7 октября на острове Котлине Петр основал крепость, назвав ее Кронштадтом [44. Ч. 1. С. 8].

Уже давно царь решил особо почтить ботик, с которого начинался регулярный флот в России. Весной 1723 г. его перевезли из Москвы в Петербург, летом на галиоте в сопровождении 200 галер доставили в Кронштадт. Торжественная церемония происходила 11 августа. Флагманы флота спустили и оснастили ботик при громе полутора тысяч пу-

шек со всех судов. Когда ботик проходил перед строем, Апраксин и Крюйс сидели на почетном месте, сам император (адмирал Петр Михайлов) стоял на руле, Меншиков играл роль лоцмана, а другие флагманы гребли веслами. При прохождении ботика каждый корабль салютовал из пушек и приспускал флаг. Когда ботик пошел к военной гавани, его приветствовали орудия батарей с Котлина. На пиру, который продолжался до утра, Петр сказал: «Да здравствует маленький дед таких больших и славных внуков». С той поры ботик, который перевезли для хранения в Петропавловскую крепость, называли «дедушкой русского флота». Ныне он хранится в Центральном Военно-морском музее. Также стараниями Петра был сохранен его первый домик в Санкт-Петербурге, а корабль «Ингерманланд» хранили, пока он не истлел [73. С. 449—450].

К середине 20-х годов XVIII в. значение России в Европе весьма возросло. Австрия искала с ней союза, хотя и не признавала императорский титул Петра. Франция не раз выступала посредницей между Россией и ее врагами. С Пруссией Петр поддерживал дружеские связи. Несмотря на неприязненное отношение Англии, он не отказывался от мира, но и не добивался его. Император был осторожен и не торопился объявить герцога Голштинского зятем и выступать за его права на шведский престол и Шлезвиг. Когда же он решился на этот шаг, против него сплотились Англия, Дания и Ганновер. Франция тоже хотела помешать браку Анны Петровны с герцогом Голштинским, предлагая Людовику XV в жены то ее, то Елизавету Петровну. Император предлагал выдать за французского короля младшую дочь, Елизавету. После смерти Петра разговоры о женитьбе Людовика XV на царевне прекратились: Англия и Испания противодействовали тесному сближению России и Франции. Со временем Австрия и Испания объединились в союз, к которому хотели подключить Россию, тогда как противную сторону составил союз Англии и Франции [73. С. 450—453].

В Швеции русской дипломатии удалось поддержать сторонников конституции, пообещав президенту иностранной коллегии графу А. Горну сохранение существующего образа правления. 22 февраля 1724 г. был подписан оборонительный союз между Россией и Швецией на 12 лет. Кроме пунк-

тов о взаимной обороне, договор содержал два секретных пункта: добиваться возвращения Шлезвига герцогу Шлезвиг-Гольштейнскому и заботиться о сохранении польской республики, успокоить внутренние беспорядки в Польше. В июне 1724 г. было объявлено о помолвке цесаревны Анны Петровны с герцогом Голштинским. Сторонники короля ожидали, что Россия может вмешаться в наследство герцога на шведский престол [73. С. 447—448]. 24 ноября 1724 г. Анна Петровна была торжественно обручена с женихом. При обручении оба подписали отречение от прав на российский престол за себя и своих потомков [73. С. 501].

Проблемы возникали и внутри страны. Наследником престола являлся Петр Петрович, но он умер пятилетним. Следующим считали малолетнего внука императора, Петра Алексеевича, сына мятежного царевича Алексея, который мог, как и отец, стать противником Петровских реформ под влиянием сторонников Алексея. Поэтому император в 1721 г. издал указ о своем праве назвать престолонаследника. 15 ноября 1723 г. Петр издал указ о коронации Екатерины. Коронация происходила в Москве весной 1724 г. [73. С. 488—497]. Очевидно, император намеревался назначить ее преемницей. Однако дело Монса, в котором, как император подозревал, была замешана Екатерина, помешало ему объявить такое решение. Так он и не принял решения о престолонаследии до самой смерти.

Высокий титул и успехи не заставили императора возгордиться. 16 августа 1724 г. Петр I, желая при праздновании годовщины завершения Северной войны показать трудности, которые переживала Россия, составил программу в следующих словах: «Надлежит в первом стихе помянуть о победах, а потом силу писать во всем празднике следующую: 1) неискусство наше во всех делах. 2) А наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных силы и своего состояния, начали, как слепые. 3) Бывшие неприятели всегда не только в словах, но и в гисториях писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тем нас. 4) Какие имели внутренние замешания, также и дела сына моего, також и турков подвигли на нас. 5) Все прочие народы политику имеют, дабы баланс в силах содержать меж соседов,

а особенно чтобы нас не допускать до света разума во всех делах, а наипаче в воинских; но то в дело не произвели, но яко бы закрыто было сие пред их очесами. Сие поистине чудо Божие; тут возможно видеть, что все умы человеческие ничто есть против воли Божией. Се пространно развести надлежит, а сенсу довольно» [66. Кн. IX. С. 536].

30 августа 1724 г. император в день годовщины Ништадтского мира организовал торжественное перенесение мощей Св. Александра Невского. Построенный на берегу Невы Александро-Невский монастырь должен был принять останки победителя шведов в 1240 г. Император в сопровождении высших сановников встретил за семь верст от Петербурга галеру, на которой мощи доставили из Владимира. Ларец перенесли на другое гребное судно; за весла сели адмиралы и генералы, а Петр стал к рулю. Доставленную святыню Петр с приближенными перенес в монастырь, где она была переложена в серебряную раку, которую поставили в храме [73. С. 497—498].

Несмотря на крепкое здоровье и высокую трудоспособность, император все чаще болел. Осенью 1724 г. его положение было критическим; помогла только операция. Оправившись, Петр I продолжал усиленно работать, ездил в Шлиссельбург, на Ладожский канал, ковал железо на Олонецких заводах, посетил Старую Ладугу, Новгород, осмотрел солеварни Старой Руссы и собирался осматривать Сестрорецкий завод. Однако болезнь одержала верх. На празднике по случаю обручения дочери и на Новый год он выходил ненадолго, но 16 января слег. Медики не могли помочь, император умирал в мучениях [73. С. 498—503].

Болезнь не помешала Петру I в 1725 г. составить проект экспедиции для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, утвердить все распоряжения по исполнению этого предприятия и назначить капитана В. Беринга начальником экспедиции [44. Ч. 1. С. 8].

Петр Великий еще был жив, а поблизости от его смертного одра уже начали решать вопрос, кому править Россией. Часть приближенных выступила за Петра Алексеевича (Д.М. Голицын, В.Л. Долгорукий, А.И. Репнин, П.М. Апраксин), другая — за императрицу Екатерину (Ф.М. Апраксин, А.Д. Меншиков и П.А. Толстой). Императрица обещала, что будет

сохранять престол для Петра Алексеевича. Под давлением гвардии многочасовой спор кончился в пользу Екатерины I. Генерал-адмирал Апраксин объявил, что Сенат провозглашает Екатерину императрицей и самодержицей. Соответствующий документ был составлен и подписан собравшимися [73. С. 505—506].

Скончался первый император России в ночь на 28 января 1725 г. в Санкт-Петербурге [44. Ч. 1. С. 8]. Похоронен он в Петропавловском соборе Петропавловской крепости 8 марта [73. С. 509—512].

15. Петр I — организатор, кораблестроитель, флотоводец

Петр Великий был необычным и человеком, и монархом. Сохраняя все права самодержца, он тем не менее показывал всем пример, как чинов и наград добиваться заслугами.

15.1. Петр — ученик и учитель

Первый император России вошел в историю как преобразователь многих сторон жизни и деятельности всей страны. Как правило, его нововведения давали плоды, и лишь немногое не прививалось. Успешное внедрение новшеств следует объяснить не только упорством монарха, но и тем, что замыслы его были продуманы и профессионально подготовлены. А добиться успехов помогали умение и желание Петра учиться.

Уже отец, царь Алексей Михайлович, приставил к мальчику группу стольников его возраста и постарше, с которыми юный Петр играл в войну. Со временем из этой игры выросли потешные войска, ставшие ядром новой регулярной армии. Рождалась она не на пустом месте, ибо начало преобразованиям в военном деле и государстве положил тот же Алексей Михайлович. В годы его правления появились полки иноземного строя, первый отечественный воинский устав, были построены первые корабли европейского типа, началась борьба за выход к Балтийскому морю. Отец Петра Алексеевича занимался садоводством, содержал зверинец и даже театр. Его пример впоследствии помогал Петру. Одна-

ко он остался в раннем детстве без отца, и пришлось ему осваивать науки в основном самостоятельно.

Мальчик любил подвижные игры, но когда пятилетнему Петру царь Федор Михайлович, старший брат, предложил учиться, он с охотой согласился. Царевич под руководством Никиты Моисеевича Зотова занимался усердно и вскоре освоил чтение и письмо, имел представление о географии и истории. Он не получил систематических знаний, но приобрел на всю жизнь желание и умение учиться всему, что можно, и у всех, у кого можно.

Зотов изучил военный устав, рассказывал своему питомцу о военном строе и оружии. Когда летом царица с сыном выезжала в Преображенское, Петр на практике осуществлял то, что узнал о военном деле из рассказов и книг, командуя своей потешной «армией». Отсюда пошел принцип обучения, которого придерживался и в дальнейшем царь: прежде чем обрести какой-то командный уровень, Петр сам досконально изучал дело с низших чинов до высших. Как и прочие, он маршировал, рыл окопы, строил валы, не гнушаясь трудной и грязной работы. Пылкому юноше было трудно смиряться с требованиями военной дисциплины, которая была установлена в потешной войске. Зато его труды являлись примером для прочих.

Уже в детстве будущий реформатор учился самостоятельно. Одной из форм этой самостоятельности был поиск учителей. Увидев астролябию, Петр выпрашивал, кто бы ему объяснил, как ею пользоваться, пока ему не посоветовали пригласить голландца Франца Тиммермана. Тиммерман преподавал царю математику, артиллерию и фортификацию. Когда юноша нашел в сарае старый английский бот и приближенные не смогли объяснить, как им управлять, Петр добился, чтобы ему представили Карстена Бранта, который это знал. С рассказов корабельного мастера и началось изучение морского дела. Если знаний мастера не хватало, приходилось находить новых учителей. Бывая в Немецкой слободе, царь встречался с иноземными специалистами, которые стали для него наставниками в разных областях знаний.

Когда Петр, сместив Софью, утвердился на троне, у него появились несколько учителей-воспитателей, коих он

избрал себе сам. Вернувшийся из посольства к богдыхану Ф.А. Головин несколько дней рассказывал юному Петру о дальних странах, о столкновениях и переговорах с маньчжурами. Успехи Головина в военном деле и дипломатии выгодно выделялись на фоне двух неудачных походов в Крым при Софье. Не случайно рассудительный и решительный Головин стал советником царя в серьезных вопросах внешней политики и военного дела.

О морском и военном деле, о жизни за границей рассказывал ближайший друг швейцарец Франц Лефорт, который за свои годы немало поколесил по Европе, участвовал в боях и осадах, наяву видел и южные, и северные моря. Он повествовал об европейских обычаях, о кораблях военных и транспортных. Живые впечатления и мысли Лефорта о виденном очень интересовали Петра, они зародили в нем мысли о будущем преобразовании России.

Были и другие русские и иностранные наставники молодого Петра. Но вскоре оказалось недостаточно учиться у иностранцев, приехавших в Россию. По совету Лефорта царь, одержав победу над турками во втором Азовском походе, сам отправился за границу. Во главе Великого посольства 1697—1698 гг. Петр поставил наиболее для него авторитетных людей — Головина и Лефорта. Сам царь ехал неофициально, что позволяло свободно заниматься основным делом — узнавать новое. Он осматривал города и замки, заводы и полигоны, учился держать себя по правилам европейского этикета, участвовать в празднествах и разговорах, вести дипломатические переговоры. Царь получил диплом артиллериста, которым очень гордился, и в дальнейшем часто называл себя капитан-бомбардиром.

Одной из целей посольства было изучение морского дела и кораблестроения в Голландии, тогда одной из передовых морских держав. Петр и группа прибывших с ним волонтеров учились на верфи строить суда. Когда же Петр узнал, что теорию кораблестроения лучше знают англичане, он выехал в Англию и за несколько месяцев освоил проектирование кораблей. Попутно молодой монарх изучал все, что мог осмотреть. Когда удавалось, он наблюдал, как работал мастер, и сам повторял его приемы. Петр научился ремонтировать часы и делать бумагу, стрелять из пушек и работать

топором. Подобный подход к делу он сохранил на всю жизнь. Для него не было разницы, учиться основам внешней политики или ремеслу. В каждом деле он разбирался досконально, чтобы потом можно было объяснить другим.

После Великого посольства Петр нуждался уже не столько в воспитателях и учителях, сколько в советниках. Пройдя русскую (во время стрелецких восстаний) и европейскую (во время посольства) школу жизни, он стал взрослым человеком и правителем. Однако смерть Головина и Лефорта, как и других людей, у которых он учился, царь переносил тяжело.

Петр не только учился сам, он широко делился знаниями с окружающими. Понимая, что один в поле не воин, царь старался как можно больше русских людей обучить европейским наукам. Для этого он призывал иноземцев в Россию, отправлял за границу для обучения людей разного звания, не стесняясь прибегать к принуждению. Затем пришла очередь создания светских учебных заведений, первым из которых стала Навигацкая школа в Москве.

Сначала иностранные, а затем и русские преподаватели готовили в школе и появившихся за ней учебных заведениях отечественных специалистов в разных областях знаний.

Школой служили и первые потешные полки, ставшие гвардией. Петр, пройдя школу жизни в полку, старался «пропустить» через военную службу побольше дворян. Они вместе с царем участвовали в учениях и маневрах, строили потешную флотилию, и со временем стали тем источником, из которого царь «черпал» людей для выполнения ответственных поручений.

Петр всю жизнь придерживался следующего принципа. Во главе государственных преобразований он ставил своих русских сподвижников, которым предстояло осуществлять важные дела. Их заместителями царь назначал иностранных специалистов. К примеру, опытный вице-адмирал Корнелиус Крюйс всегда был на вторых ролях после русских адмиралов Ф.А. Головина и Ф.М. Апраксина, которые учились у него всему тому, что голландский моряк хорошо знал. В этом был особый расчет: подготовить свои кадры, чтобы не зависеть от других стран. Так и получилось. В результате такого подхода на флоте к концу Северной войны почти не требовались иноземные матросы и младшие офицеры, а в

списках оставались лишь те иностранцы, которые еще были нужны для продолжения обучения русских специалистов.

Так как дворянские сынки были слишком избалованы, Петру приходилось прибегать к обучению разночинцев. Например, 15 декабря 1716 г. царь писал в Санкт-Петербург Меншикову: «Шнява «Лизет» разбилась штормом близ Копенгагена, того ради изволь прислать шняву «Св: Александра», и на ней человек 40 ребят, кои б грамоте умели, для отдачи в ученье разным мастерствам. И чтоб были из простых, дабы работу лучше снести могли: ибо сам ведаешь, что о сем еще в прошлом году приказано было Чернышеву, который только в Англию послал, и то не всех, а в Голландию никого. Также чтоб человека три или четыре из них были умнее и которые б часть Математики знали, дабы их отдать в Англии учиться Математических инструментов делать. Бudeже вышенаписанная шнява не пришла к Ревелю, то на каком ином на большом судне, дабы в Ростокский гаван могло войти» [5. Ч. 3. С. 80—81].

До самой смерти Петр сохранил умение и желание учиться всему новому и у всех, кто это новое мог показать или рассказать. Именно благодаря этому преобразования и оказались столь эффективными и долго живущими.

Обладая всеми прерогативами власти, царь строго придерживался (по крайней мере формально) требований законов и уставов не только в отношении других, но и в отношении себя. Датский посланник Юст Юль записал 28 марта в дневнике: «Задавшись мыслью пройти все ступени военной и морской службы и [дослужившись] до [звания] шаутбенахта во флотском ариергарде, царь в нынешнем году ходатайствовал о предоставлении ему командования над бригаantinaми и малыми судами. [Но] так как царь, во всем подчиняясь старшим офицерам, являлся даже ежедневно за приказаниями и за паролем к вице-адмиралу Корнелиусу Крейцу (Крюйсу. — *Н.С.*), ведавшему всеми распоряжениями по флоту в предстоящем походе под Выборг, [главным] начальником какового [похода] был генерал-адмирал, то [просьба царя] не могла быть удовлетворена до получения вице-адмиралом соизволения на нее от генерал-адмирала» [68. С. 61—62].

Такое строгое соблюдение дисциплины монархом позволяло ему требовать того же и от своих подданных, какие бы посты они ни занимали.

Не раз приходилось монарху грозить карами тем из своих приближенных, которые грешили против законов либо не успевали исполнять приказы. Угрозы казнить кого-либо царь исполнял редко, под топор шли только его явные противники и изменники. Однако на виновных ложилась царская опала: на кого короткая (Крюйс), а кому доставалась и на всю жизнь.

Прижимистый в расходах царь присматривал за тем, как несут службу нанятые за границей офицеры и специалисты, чтобы те не получали зря жалованье. В письмах он беспокоился о том, что командующий большим кораблем капитан Эдвардс много пьет, и подумывал о его замене, требовал силой доставить капитана Дугласа, который не торопился прибыть в Финляндию, находил работу для нового корабельного мастера, «чтобы он без дела не был» [68. С. 95].

Петр проводил резкую грань между деньгами государственными и личными. Он не раз говорил, что сам зарабатывает себе на жизнь. И действительно, монарх в личной жизни был скромен, его жалованья корабельного мастера и адмирала хватало на текущие расходы. Что же касается пиров, то он чаще перекладывал эти обязанности на приближенных.

Разумеется, идеализировать Петра I нельзя — он был выдающимся человеком своего времени, а не ангелом. Как самодержец он не раз проявлял жестокость. Но можно ли порицать его, например, за казни стрельцов? Их выступление угрожало не только его жизни, но и начатым преобразованиям, которые должны были превратить Россию в великую державу. Царя укоряют в истреблении жителей и защитников Батурина, разорении Запорожской Сечи и изгнании массы казаков. Но в условиях, когда казаки выступили на стороне злейшего врага России Карла XII и помогали ему в те дни, когда король Швеции готовил поход на Москву, можно ли было обходиться полумерами? Это понимали и приближенные Петра. К примеру, А.Д. Меншиков взял и разорил Батурин ранее, чем получил приказ царя.

Понятно, что без труда многих и многих специалистов создать флот, способный побеждать исконных мореходов — шведов, было бы нереально. Но столь же очевидно, что без энтузиазма молодого Петра Великого, влюбившегося в морское дело, а затем понявшего его важность для государства и заставившего приближенных стать энтузиастами, свершить это великое дело в столь краткие для истории сроки было бы невозможно. Царь Петр стал редчайшим примером человека, обладавшего полнотой власти, но действовавшего не столько принуждением, сколько личным примером.

15.2. Книга устав морской

Правила, которым должны были следовать тысячи людей, Петр I собирал в законах (указах) и уставах. 1720 г. был ознаменован выходом из печати первого Морского устава русского флота. Уже упоминалось, что над ним царь работал много и подолгу в 1718—1719 гг. 13 января 1720 г. труд был завершен. В указе от этого числа Петр I писал: «Чиня устав воинской сухопутной ныне с помощью Божиею приступаем к морскому, которое также прежде сего начинаемо было: а имянно, при блаженной и вечнодостойной памяти Его Величества Государя Отца Нашего, для мореплавания на Каспийском Море; но тогда чего ради тому не исполнится, и на НАС сие бремя воля вышняго Правителя возложить изволила, оное оставляем непостижимым судьбам его. И понеже сие дело необходимо нужное есть Государству (по оной пословице: что всякой Потентат, которой едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а которой и флот имеет, обе руки имеет) того ради сей воинской морской устав учинили, дабы всякой знал свою должность и неведением никто б не отговаривался, которое выбрано из пяти морских регламентов и к тому довольную часть прибавили, что потребно, еже все чрез собственный Наш труд учинено и совершено в Санктпетербурге, 1720 году, Генваря в 13 день» [29. С. 1].

Особое внимание флоту царь уделял потому, что во второй половине Северной войны, после того как шведы были разгромлены на материке, их можно было достать только силами морскими. Лишь флот мог полностью отрезать Шве-

цию от снабжения продовольствием и всем необходимым, окончательно разгромить или связать остатки ее флота и осуществить высадку войск на собственно шведскую землю. Как известно, корабельный и гребной флоты России успешно осуществляли эти замыслы. Однако чтобы добиваться преимущества над сильным шведским флотом, флот русский должен был быть хорошо организован и подготовлен. Именно с этой целью Петр Великий и работал усиленно над уставом.

Итак, устав был составлен на основе пяти иноземных с прибавлением того опыта, который получил русский флот и сам монарх-флотоводец за первые годы существования отечественной морской силы. Он был назван «Книга устав морской» и имел подзаголовок «О всем, что касается доброму управлению в бытность на море». Однако книга охватывала гораздо более широкий круг вопросов, чем действия флота в море.

В предисловии автор (сам царь) изложил историю России и использования морской силы на Руси со времен Средневековья. Он сообщал либо напоминал читателю о сохранившихся в летописях свидетельствах о морских походах Рюрика, Игоря и других русских князей, отмечал, что в те времена Россия была «довольно мужественна и храбра, но недовольно вооружена, ниже правильно распорядена», почему и не имела флота, кроме скопления лодок. Напоминая о раздробленности страны, которая из-за розни между князьями оказалась под монголо-татарским игом, о старании Ивана Грозного объединить и сделать Россию великой, о периоде Смутного времени, Петр писал о том, что царь Михаил Федорович Романов привел государство «к доброму состоянию», благодаря чему его сын Алексей Михайлович смог предпринять шаги к постройке первых кораблей европейского типа для Каспийского моря. Построенный голландскими мастерами «Орел» и яхта погибли в Астрахани. Задача постройки флота перешла по наследству к Петру Алексеевичу, и первым учителем его стал один из строителей «Орла», корабельный плотник и констапель Карштен (Карстен) Брант [29. С. 2—6].

Далее автор рассказывал читателю, как нашел ботик и научился им управлять с помощью Бранта, как шаг за шагом он

изучал морское дело и создавал регулярный флот — «вторую руку» государства [29. С. 6—11].

Устав начинался присягой самодержцу Петру Великому и его наследникам, которую должен был принять каждый, вступающий на русскую военную службу. Он обязывался служить «...по крайней силе своей, не щадя живота и имени». Присяга гласила: «...И долженствую исполнять все уставы и указы сочиненные, или впредь сочиняемые от Его Величества, или командиров над нами учиненных в деле Его Величества и его Государства. И должен везде и во всяких случаях Интерес Его Величества и государства престоерегать и охранять и извещать, что противное услышу, и все вредное отвращать. А неприятелем Его Величества и его Государства, везде всякой удобьвозможной вред причинять, о злодеях объявлять и их сыскивать. И все прочес, что к пользе Его Величества, и его Государства чинить по доброй Христианской совести, без обману и лукавства, как доброму, честному и верному человеку надлежит: как он должен ответ дать в день судный. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий» [29. С. 12].

Далее следовали разделы о флоте и о чинах, которые им командуют. По уставу флот делился на три эскадры — кордебаталию, авангард и арьергард, которыми командовали соответственно генерал-адмирал, адмиралы от синего и от красного флага; каждая эскадра состояла из трех дивизий во главе с адмиралом, вице-адмиралом и контр-адмиралом. При недостатке адмиралов их можно было замещать капитан-командорами. Была составлена таблица численности всех чинов для каждого ранга кораблей [29. С. 13—15].

Наибольшее внимание устав уделил особе генерал-адмирала, или аншеф-командующего, от которого во многом зависел исход как боевых действий, так и всей войны. Ему были посвящены тридцать три пункта первой главы первой книги устава [29. С. 1—13]. Устав предписывал подчинение младших по чину, находящихся на кораблях, старшим. Исходя из того, что генерал-адмирал или другой командующий представляет особу царя, автор писал: «Его храбрость сочиняет всех храбрых. Его справедливость страшит всем поползновение, умножает послушание. Его ревность сочиняет всех

ревнительных. Единым словом вышний командир как душа в теле человека, без которой никакой суд двинутися не может. Ему надлежит к подчиненным быть яко отцу, пещися о их довольстве, жалобы их слушать и в оных правой суд иметь. Также дела их накрепко смотреть, добрые похвалять и награждать, а за злые наказывать. Он должен репортовать о всем своего Государя и Адмиралтейскую Коллегию и за все ответ дать» [29. С. 2].

Командующий должен был во всех случаях давать письменные указы, главные дела рассматривать на военных советах (консилиях), контролировать правильность деятельности судов, избегать сребролюбия и похлебничества, ведущего к ослаблению дисциплины. Устав предписывал, что должен делать командующий в тех или иных случаях, и указывал наказания за невыполнение требований устава [29. С. 2—13].

Глава вторая была посвящена генерал-кригс-комиссару, который на флоте должен следить за состоянием личного состава, глава третья — интенданту, ведающему снабжением флота, глава четвертая — генерал-цейхмейстеру, занимающемуся корабельной артиллерией, глава пятая — доктору при флоте, глава шестая — главному лекарю во флоте. Седьмая глава была посвящена майору, которому следовало обучать солдат, расписанных по кораблям, глава восьмая — фискалам, которые «должны смотреть во всех должностях за всеми офицерами и доносить аншеф-командующему», глава девятая — капитану или офицеру, заведующему оружием [29. С. 14—22].

Книга вторая была посвящена чинам, взаимоотношениям между ними, а также флагам, фонарям, вымпелам и салямтам [29. С. 23—32].

Книга третья включала обязанности корабельных чинов. Больше всего внимания им уделяла глава первая, в девяносто пяти пунктах отмечавшая обязанности и права капитана [29. С. 32—62]. Глава вторая кратко дополняла обязанности капитана брандера (судна, нагруженного горючими и взрывчатыми веществами). Следующие главы были посвящены обязанностям капитан-лейтенанта, лейтенанта, корабельного секретаря и других офицеров и служителей, выполняющих определенные обязанности на корабле [29. С. 62—90].

Первая глава книги четвертой «О благом поведении на кораблях» представляла собой дисциплинарный устав [29. С. 91—103]. Вторая глава посвящалась офицерским слугам, третья — нормам и порядку раздачи провианта на кораблях [29. С. 103—107]. Четвертая глава «О награждении» имела пояснение: «Дабы каждый служащий во флоте ведал и был благонадежен, чем за какую службу награжден будет». Глава пятая рассказывала о порядке распределения захваченной во время боевых действий добычи, глава шестая — о разделении добычи из невоинских призов [29. С. 107—112].

Первые две главы книги пятой «О штрафах» были полностью посвящены наказаниям за различного рода преступления и упущения, от злоумышления на монарха до крика ночью на корабле [29. С. 113—126]. Глава третья «О всякой работе рядовых» предусматривала использование труда только для нужд государственных и запрещала офицерам использовать подчиненных для личных нужд [29. С. 126—128]. Глава четвертая «О кораблях, магазинах, о воинских корабельных припасах, ружье, мундире, амуниции, о потрате и небрежении онаго» предусматривала наказание в случае гибели корабля, утери корабельного имущества; глава пятая «О смотре» предусматривала наказания тем, кто уклоняется от службы, глава шестая «О корму и жалованьс» — тем, кто возмущается задержками жалованья и питания. Глава седьмая запрещала иностранным офицерам во время войны оставлять службу и отпускать подчиненных в отпуск, глава восьмая предусматривала наказания для дезертиров и беглецов, глава девятая — для тех, кто в бою сражаться не будет или решит сдать [29. С. 128—135].

За бездействие в бою или сдачу полагалась смертная казнь. Глава десятая особо говорила о том, что смерти достойны как те, кто силой заставит командира сдать корабль или вывести его из боя, так и те, которые ему не помешают. В разъяснении было написано, что подчиненные имеют право арестовать командира, пытающегося сдать судно, и избрать достойного [29. С. 136]. Очевидно, этот пункт был следствием того, что многие командиры являлись иноземцами.

Последующие главы регламентировали обращение с пленными и взятой добычей, сохранение тайны, меры поддержа-

ния дисциплины во время возмущения, бунта, драки, при использовании бранных слов и поношений в письмах, в случаях убийства, телесного блуда, поджога, грабежа и воровства, ложной присяги и подобных преступлений, при сопротивлении аресту и укрывательстве виновных [29. С. 137—157]. Очевидно, устав отражал виды воинских и уголовных преступлений, которые в то время существовали.

Была выработана система флажных сигналов для управления корабельным и галерным флотами, разработаны образцы табелей для получения и расхода необходимых корабельных припасов.

Первый морской устав России служил почти без изменений не менее полувека; но и позднее его основы оставались в новых морских уставах отечественного флота.

15.3. Первый корабельный инженер России

Особое место в жизни и деятельности Петра I занимало кораблестроение. С юношеских лет оно было одним из любимых занятий монарха, который не только хотел, но и умел проектировать и строить корабли.

Сначала Петр как кораблестроитель создал терминологию на основе английских и голландских морских выражений; многие из этих терминов сохранились до наших дней. Затем он велел заменить голландцев на строительстве Азовского флота английскими и венецианскими мастерами, которые и завершали корабли кумпанств. В Воронеже Петр увидел, что построенные мастерами разных стран корабли разнокалиберны, конструктивно несовершенны и плохо изготовлены. Поэтому он передал всю постройку в казну, оставив за кумпанствами только уплату денег.

Так как нанятые царем на службу лучшие английские мастера задержались, Петр решил построить корабль по проекту, привезенному из Англии и доработанному им самим в соответствии с местными условиями. Пришлось уменьшить осадку для провода корабля речным руслом и применить новинку — фальшкиль, защищавший корпус корабля при ударах о грунт. 19 ноября 1698 г. Петр I заложил в Воронеже 50-пушечную «Предестинацию». С ее постройки начался путь выдающегося отечественного корабеля Федосея Склеява. Корабль, построенный без помощи иноземцев, прослужил в

строю до 1712 г. Высоким качеством отличались и другие спроектированные Петром корабли, не уступавшие построенным английскими мастерами.

Еще во время поездки в Архангельск царь стал инициатором создания Вавчугской верфи Бажениных; именно на ней в 1702 г. были достроены две яхты (малых фрегата), которые по «государевой дороге» протащили в Онежское, а далее в Ладожское озеро, с чего началось освобождение Ингрии. Выход к побережью Финского залива позволил начать сооружение Санкт-Петербурга и создание Балтийского флота.

Россия не располагала верфями на Балтике. В условиях, когда Швеция господствовала на море, Петр I решил организовать судостроение в устьях рек, которые впадали в Ладожское озеро. В 1702 г. была основана верфь на реке Сясь, в 1703 г. — Олонецкая на Свири. На Олонецкой верфи только за 1703 г. были заложены 50 судов; сам царь по своему проекту заложил шняву «Мункер», а затем — 32-пушечный фрегат «Олифант». В сентябре 1703 г. Петр I привел с Олонецкой верфи в Санкт-Петербург корабль «Штандарт», в октябре сделал промер фарватера около острова Котлина и указал место для постройки крепости Кроншлот. 24 сентября 1704 г. царь спустил на воду построенную им шняву «Мункер» и с отрядом новых судов совершил трудный осенний поход по Ладожскому озеру.

В дальнейшем на Ладожском озере пробовали строить и 50-пушечные линейные корабли, однако трудности их проводки по озеру и Неве заставили перенести верфи ближе к морю. Как только был основан Санкт-Петербург, прикрытый с моря от нападения Кроншлотом, царь заложил Адмиралтейство и спустил на воду 10 бригантин, построенных по составленному им чертежу и названных русскими именами. 30 ноября 1707 г. царь заложил в Санкт-Петербурге 16-пушечную шняву «Лизет», спущенную им в 1708 г. 5 декабря 1709 г. Петр, получивший за Полтавскую победу чин контр-адмирала, заложил первый в Санкт-Петербургском адмиралтействе 54-пушечный корабль «Полтава». Проект он разработал вместе со Скляевым, который стал опытным корабельным мастером. В этом проекте авторы учли новейшие дос-

тижения кораблестроения и требования Балтийского театра (наличие частых высоких волн). Корабль Склеяев спустил на воду в 1712 г. в отсутствие Петра. Корабль с заостренными носовыми обводами своей маневренностью превосходил ранее построенные на Ладоге и продемонстрировал преимущество даже перед построенным англичанином Броуном кораблем «Св. Екатерина». Корпус корабля был прочно и надежно построен, так что корабль пробыл в строю рекордный срок — 20 лет.

В ходе Северной войны Петр I не раз командовал эскадрами парусного флота и гребными флотилиями, за победу при Гангуте получил чин вице-адмирала. Его любимым кораблем стал «Ингерманланд». Царь спроектировал этот 64-пушечный корабль в 1712 г., и осенью того же года корабельный мастер Р. Козенц заложил его в Санкт-Петербургском адмиралтействе. Вступивший в строй 1 мая 1715 г., «Ингерманланд» отличался сильным вооружением, прекрасной мореходностью и прочностью. Считали, что это наиболее разработанный и качественный проект Петра. Долгие годы штат парусного вооружения «Ингерманланда» служил образцом для кораблей этого ранга.

Вслед за «Ингерманландом» в 1713 г. Петр разработал первый в истории России трехдечный корабль «Лесное», вооружение которого составило 90 орудий. Корабль, заложенный Петром в 1714 г., был спущен 15 июля 1718 г., вступил в строй в 1718 г. и пробыл в строю 18 лет.

Петр I после победоносного завершения Северной войны 1700—1721 гг. был провозглашен императором и адмиралом. Стремясь создавать все более мощные корабли, он в 1723 г. разработал проект первого 100-пушечного корабля, который позднее называли «Петр I и II», сам заложил корабль на верфи в Санкт-Петербургском адмиралтействе в 1723 г. и начал строить при помощи корабельных мастеров Пальчикова и Карлсбома. Как и другие корабли его проектов, этот имел относительно большую ширину для большей остойчивости и размещения максимума артиллерии, но отличался тихоходностью и неповоротливостью. Сам конструктор не дождал до завершения строительства корабля, который был готов в 1727 г.

К чертежу каждого корабля Петр обязательно прилагал подробную «роспись» с рассмотрением деталей конструкций и перечнем предметов снабжения, которые стали прототипом корабельных спецификаций. Добиваясь оптимальных пропорций кораблей, он вместе с лучшими кораблестроителями составил специальную таблицу «Определение пропорций кораблей», основанную на опыте, полученном в ходе постройки многочисленных судов для флота. Позднее по его указу были стандартизованы основные размерения кораблей и судов разных классов, а обер-сарваерской конторе следовало к каждому тину составить список необходимых материалов. Все это заложило основы стандартизации в судостроении. Для строителей нестандартных судов были предусмотрены наказания.

По чертежу Петра I были изготовлены абордажные мостики, примененные в Гангутском сражении. Оригинальным явился предложенный им спуск кораблей зимой в бассейн, наполненный ледовой крошкой, которая тормозила движение корабля. Царь поддерживал предложения своих соратников и способных специалистов. Под его покровительством Ефим Никонов строил первую подводную лодку, Василий Корчмин вооружал фрегаты ракетами. Предложенные Боцисом скампавен составили основу галерного флота России.

По указанию Петра до начала постройки следовало изготовить модель, а после завершения постройки сдать ее вместе с чертежами в модель-камеру Главного адмиралтейства. Цикл постройки судна четко делился на три этапа: подготовительный (изготовление деталей на месте лесозаготовки), стапельный (период монтажа) и достроечный (достройка на плаву). Последний этап проводили в гавани Кронштадта. Когда же в строй начала вступать система каналов на Котлине, их использовали для постройки и ремонта кораблей, подобно сухим докам.

Особое внимание царь уделял сохранению и разведению корабельных лесов, а также подготовке их к использованию на верфях (сушке, хранению, доставке). Он лично знакомился с иностранными и новыми российскими кораблями, проверял их знания, старался дать возможность будущим корабельным мастерам поучиться мастерству на лучших вер-

фях за рубежом. Корабли мастеров являлись образцами для их помощников — подмастерьев. Созданные в портах адмиралтейские школы готовили грамотных специалистов для верфей. Ставшие под руководством Петра известными кораблестроителями Федосей Скляев, Федор Салтыков, Филипп Пальчиков, Гаврила Меншиков, Гаврила Окунев и другие составили плеяду отечественных специалистов первой половины XVIII в.

15.4. Создатель Кронштадта

Читателю уже известно, что в 1702—1703 гг., овладев всем течением Невы, Петр I получил возможность основать новый город Санкт-Петербург на побережье Финского залива. Петропавловскую крепость построили на острове, окруженном рукавами реки и болотами. Но с ростом города ему требовалась все большая защита от нападения, в том числе и с моря. Именно с этой целью на отмели у острова Котлин было основано первое укрепление, прикрывшее фарватер, ведущий к будущей столице, — форт Кроншлот. А позднее на острове была создана главная военно-морская база Балтийского флота.

4 октября 1703 г. А.Д. Меншиков в письме сообщал, что шведская эскадра ушла в море, и приглашал царя в Петербург. Петр I принял это приглашение и на яхте спешно прибыл с Ладожского озера, чтобы произвести разведку окрестностей и определить, как оборонять город. Он сам на яхте проводил промеры глубин, которые позволили определить, где проходит пригодный для кораблей фарватер у Котлина. Промеры установили, что проход севернее острова невозможен. Южнее же острова можно было установить батарею для того, чтобы простреливать фарватер, не допуская неприятельские боевые корабли. Место для батареи было избрано в конце отмели напротив Котлина. По указу Петра Меншиков организовал строительство. Орудия должны были стоять там, где плескались волны. Поэтому солдаты полков Ф.С. Толбухина и П.И. Островского изготовили из толстых бревен ящик, по льду надвинули его на место и опустили на дно. Этот ящик послужил основанием трехэтажной деревянной башни, способной вместить 14 орудий и необходимый гар-

низон. Амбразуры в стенах десятигранника позволяли стрелять в разные стороны. Для защиты от ледохода основание башни защитили «быками» (деревянными срубамн-ряжамн, наполненными камнем). 7 мая 1704 г. сам Петр I участвовал в освящении укрепления, названного Кроншлот (коронный замок) [54. С. 20—23]. На берегу Котлина была также оборудована батарея. Комендант Кроншлота получил инструкцию следующего содержания: «1. Содержать сию ситадель с Божию помощью аще случится хотя до последнего человека и когда неприятель захочет пробиться мимо оной, тогда стрелять, когда подойдет ближе, и не спешить стрельбою, но так стрелять, чтобы по выстрелянии последней пушки первая паки была готова и чтоб ядер даром не тратить...»

Далее следовали указания о досмотре и пропуске нейтральных судов, о взаимных приветствиях (салютах) и необходимости беречься от огня [54. С. 24].

Летом 1704 г. эскадра шведского вице-адмирала де Пру (де Пруа) двое суток бомбардировала Кроншлот, но так и не добилась попаданий в небольшой форт; неудачей окончилась и высадка десанта. Летом 1705 г. Карл XII направил к Кроншлоту эскадру адмирала Анкерштерна с приказом разрушить Петербург. Однако вновь Кроншлот во взаимодействии с эскадрой К. Крюйса и батареями на Котлине отразил нападение с моря и попытки высадить десант [54. С. 25—26]. В 1706 г. по приказу Петра I на берегу острова солдаты и моряки соорудили «Александршанец» — первое на Котлине замкнутое укрепление с бастионами [54. С. 29]. К весне 1707 г. была усилена Ивановская батарея [54. С. 32].

В 1709 г. на Котлине была построена первая пристань, перестроенная в 1711 г. для причаливания крупных кораблей и оборудованная батареей. На берегу строили склады, приводили в порядок батареи. А в январе 1712 г., приняв решение строить новый город на Котлине, Петр I направил указ в губернии, сколько им выделить людей для жизни и работы на острове. К планировке города он привлек архитектора Доменико Трезини (А.П. Трезина) — автора проекта Кроншлота, который в дальнейшем много

труда вложил в создание будущей главной базы Балтийского флота [54. С. 34—35].

В 1712—1713 гг. царь поручил сооружение первой гавани на Котлине инженеру, специалисту по постройке каналов англичанину Эдуарду Лейну, который сначала строил гавань у Кроншлота, с 1716 по 1719 г. — Военную гавань и канал на острове, а позднее возводил укрепления [54. С. 29—30].

В 1712 г. для прикрытия гавани с севера строили новое укрепление. Всего в этом году на вооружении Кроншлота и береговых батарей состояли 234 орудия [54. С. 36].

Петр I лично рассматривал проекты крепости на Котлине. Только в навигацию 1715 г. он четырнадцать раз побывал на острове и Кроншлоте. В частности, 19 июля царь занимался измерениями гавани. Все больше судов приходило в Санкт-Петербург. В 1703 г. прибыло первое судно, а 22 июня 1715 г. Петр встречал караван уже из 45 английских и голландских купеческих судов [54. С. 42].

В 1714 г. была достроена гавань, ставшая укрытием для кораблей в зимнее время, а летом ее использовали для стоянки торговых судов. Так как она была тесна, Петр выработал в 1715 г. план постройки котлинских гаваней [54. С. 37]. В 1716 г. царь предписал губернаторам лично прибыть и возглавить работу над указанными им частями гаваней. Однако из-за плохого качества леса, недостатка людей и казнокрадства работы задерживались, построить Новую гавань по проекту Лейна за зиму 1716/1717 г. было невозможно, и требовалось часть сил направить на расширение Старой гавани, чтобы она вместила 35—40 кораблей [54. С. 42]. Строительство продолжалось несколько лет. В 1720 г. Военная и Купеческая гавани были почти готовы, а возведенная между ними стенка образовала Среднюю гавань. Уже в 1719 г. вооружение крепости выросло до 450 орудий. 25 апреля 1720 г. Петр I осмотрел вооружение крепости и поручил шаутбенахту П.И. Сиверсу установить на стенке Купеческой гавани 100, на стенке Военной гавани — 80 орудий. 18 мая Петр подписал три указа, в которых было предложено сузить фарватер у Кроншлота, затопить три старых корабля и принять другие меры на случай появления английского флота. В одном указе содержались слова, ставшие девизом кронштадцев на долгие

годы: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело». Указания царя были выполнены. Постоянно совершенствовали систему укреплений, и к концу войны крепость на Котлине представляла большую силу [54. С. 46—47].

В 1715 г. следовало начать и постройку нового Кроншлота, но работы фактически начались в январе 1716 г. под руководством Лейна. Подготовленные на берегу срубы надвигали по льду и опускали в проруби [54. С. 39—40]. Однако трудности с людьми и материалами затянули постройку. В результате новый форт был достроен лишь к 1724 г. [54. С. 45].

Царь позаботился, чтобы в Петербурге имелся Литейный двор; в 1713 г., он выпустил первые пушки. Был построен и пороховой завод [54. С. 40—41].

После Ссверной войны работы на Котлине по указаниям царя были продолжены. Он приказал напротив Ивановской батареи возвести на отмели Цитадель (позднее названную фортом «Император Петр I»), достроенную в 1724 г. [54. С. 48].

Петр I задумал построить на Котлине систему из четырех каналов, пересекающих остров. Они должны были, по замыслу царя, служить как для внутренних перевозок, так и для маневра боевыми кораблями на случай обороны. Кроме того, следовало вырыть большой котлован с тремя эллингами для ремонта и постройки кораблей [54. С. 49]. 8 мая 1719 г. Петр именным указом предписал сенатору М.М. Самарину начать постройку канала от берега моря до доков. Были выделены люди (солдаты и мужики, распределенные по солдатским батальонам). 18 марта 1720 г. комиссар П.Н. Крекшин предложил свои услуги, чтобы завершить работы и прорыть канал в том же году. Царь согласился. Работы начались успешно [54. С. 51—52].

Из всего задуманного удалось построить, да и то после смерти императора, только один канал Петра I. После достройки он оказался удобен для докования и ремонта кораблей.

По указанию Петра на Котлине сначала зажигали фонари для проходящих судов. Затем был построен маяк [54. С. 50—51].

В 1721 г. Петр I утвердил первый генеральный план строительства в восточной части острова города, окруженного крепостной стеной с бастионами. Южную часть крепостной ограды составляли стенки гаваней, пушки которых взаимодействовали с артиллерией фортов Цитадель и Кроншлот. Еще три крепости следовало возвести на западном, южном и северном берегах острова. Укрепления были применены к местности. 7 октября 1723 г. Петр I организовал торжественную закладку Кронштадтской крепости; первоначально он сам подготовил чертеж «фортеции» и разметил ее на местности. Началось строительство. В 1723—1724 гг. на вооружении крепости состояли 388 орудий, в том числе 257 были направлены на фарватер. Петр I в разговоре с А.Д. Меншиковым говорил: «...теперь Кронштадт приведен в такое состояние, что неприятель в море близко появиться не смсет. Инако корабли расшибем в щепы. В Петербурге спать будем спокойно». В формуляре крепостей 1724 г. император указывал, что крепость — «фортеция зело великая, в которой с 2000 пушек надобно, и починку фортеции определить должно» [54. С. 53—56].

И укрепления Котлина Петру не удалось осуществить в полной мере. Сказывались трудности с рабочей силой, с материалами. Тем не менее они составили непреодолимый барьер для нападающих. В 1854—1855 гг. огромный англо-французский флот не решился атаковать укрепления, основа которых была заложена Петром.

По настоянию царя укрепляли и другие порты России. Среди них был Архангельск, чья еще недостроенная Новодвинская крепость отразила нападение шведов, и Ревель, укрепления которого противники так и не решились атаковать в годы Северной войны. Флот обрел базы, в которых мог отстаиваться зимой либо при появлении в море превосходящих сил противника.

На созданных верфях строили боевые корабли, и если к началу войны приходилось сооружать маломореходные суда и покупать корабли за границей, то в 1725 г. Балтийский флот составляли суда отечественной постройки, по качеству как минимум не уступавшие зарубежным.

И базы, и верфи, и заводы, созданные при Петре Великом, веками служили России. Лишь после распада СССР многие из них оказались в иных государствах, созданных на обломках великой страны.

15.5. Организатор

Очевидно, что преобразовать страну, создать регулярные армию и флот, способные побеждать серьезных противников, можно было лишь при четкой организации управления. Начав с реформирования системы приказов, оставшихся от отца, Петр шаг за шагом переходил к системе управления, приближавшейся к европейской. В 1711 г. он учредил Правительствующий сенат из людей авторитетных для управления страной в случае отсутствия монарха. Так как приказы устарели, то Петр, изучив систему управления на Западе, пришел к решению учредить коллегиальное управление. В 1716 г. он отправил за границу 50 молодых людей для изучения коллегиального устройства. Они должны были стать первыми чиновниками новых учреждений. А в конце 1717 г. появились 9 коллегий, — по числу основных направлений деятельности государства:

Коллегия иностранных дел;

Камер-коллегия (коллегия казенных сборов);

Юстиц-коллегия (для решения гражданских дел);

Ревизион-коллегия (для подсчета государственных доходов и расходов);

Военная коллегия;

Адмиралтейств-коллегия;

Коммерц-коллегия, занимавшаяся торговлей;

Штатс-контора, ведавшая государственными расходами;

Берг- и мануфактур-коллегия, ведавшая промышленностью.

В каждую коллегию назначили президента и вице-президента; те подбирали ассессоров и секретарей, которые должны были вести текущие дела. Президент и вице-президент коллегии, как и часть чиновников, обязательно должны были быть русскими. К 1720 г. были подготовлены Регламент, устав для коллегий, и коллегии уже действовали. Президенты их первоначально вошли в число сенаторов, но в 1722 г. Петр отменил эту двойную нагрузку. Лишь президенты Коллегии иностранных дел и двух военных остались членами

Сената, но должны были присутствовать на заседаниях только в необходимых случаях. В 1722 г. император учредил при Сенате для контроля за его деятельностью должность генерал-прокурора. В 1721 г. при Сенате же появилась должность герольдмейстера, который должен был вести учет дворянских родов, чтобы люди не уклонялись от службы [73. С. 456—459].

За 1710—1722 гг. благодаря деятельности Сената государственные доходы выросли более чем вдвое. Однако войны требовали все больших расходов. В 1723 г. Петр указал жалованье выдавать казенным сибирским товаром, затем — производить вычеты из жалованья [73. С. 464—465].

В 1722 г. по указанию Петра сенаторы Г.И. Головкин и Я.В. Брюс, генерал-майоры Матюшкин и Мамонов сочинили Табель о рангах. В соответствии с Табелью все военные и гражданские чины были распределены на 14 классов; для получения следующего класса следовало беспорочно прослужить определенный срок [73. С. 460].

В частности, на флоте высший 1-й класс — это генерал-адмирал, равный по чину генерал-фельдмаршалу. Следующие три класса у моряков занимали адмирал, вице-адмирал и контр-адмирал, которые в парусном флоте командовали соответственно центром, авангардом и арьергардом линейного строя. В сухопутных чинах им соответствовали генерал-аншеф, генерал-поручик и генерал-майор. К флагманским также относился чин капитан-командора. К штаб-офицерскому составу относились капитаны 1—4-го рангов и капитан-лейтенант, к обер-офицерскому — лейтенанты, корабельные секретари, унтер-лейтенанты. С некоторыми изменениями Табель о рангах, в том числе для моряков, сохранилась до 1917 г., а большинство чинов — и до наших дней.

Отказавшись от прежней системы постоя солдат по крестьянским дворам, что было обременительно для крестьян, по рекомендации Сената было решено построить слободки для солдат [73. С. 466]. Так возродилась идея, использованная еще Лефортом в создании Лефортовой слободы.

Петр старался развивать торговлю. В прибалтийские порты прибывали иностранные суда с европейскими товарами; первые русские суда появлялись в зарубежных портах. По

приказу императора, чтобы ограничить произвол торговцев, в 1723 г. начали издавать преysкуранты с ценами на товары в основных европейских торговых городах [73. С. 466]. В 1724 г. была написана инструкция для магистратов, которые должны были стать выборными системами управления и защиты от произвола купечества и ремесленников. Всех городских граждан разделили на три гильдии в зависимости от доходов [73. С. 471—472].

Немало Петр сделал для того, чтобы немногочисленные мануфактуры, доставшиеся России от времен его отца, сменила промышленность, способная обеспечить нужды армии и флота. В Москве была усовершенствована полотняная фабрика Тамеса, которая выпускала разные виды полотна, в том числе и парусное. Развивалась горная и металлургическая промышленность на Урале. Промышленников царь поддерживал, предоставляя им льготы. Если ранее часть пушек приходилось покупать в Швеции, к концу правления Петра и пушки, и ружья, и холодное оружие делали на Урале преимущественно отечественные мастера.

Петр заботился о развитии путей сообщения. В 1712 г. первый русский торговый караван прошел по только что построенному Вышневолоцкому каналу из Волги в Неву. Для безопасности судоходства по Ладожскому озеру 22 марта 1719 г. царь лично начал постройку обводного канала от Новой Ладогои до Шлиссельбурга. Канал достроили через семь лет после смерти императора [73. С. 474—475].

Особую роль играл так называемый Невский флот — парусные и гребные суда жителей Санкт-Петербурга, служившие для переправы и плавания по Неве. Большую часть судов петербуржцы получали бесплатно. Царь даже назначил специального «невского адмирала» И.С. Потемкина, заведовавшего этим флотом, и временами собирал весь этот флот к Петропавловской крепости. Многочасовые катания по реке, на расцвеченных флагами судах и с музыкантами на них были любимым развлечением царя, как и ассамблеи. Желая приучить население к воде и к европейским развлечениям, он брал штрафы с тех, кто не являлся на эти сборы [73. С. 481].

Петр продолжал посылать молодежь на учебу за границу. И в России возникали училища для подготовки

специалистов. В 1724 г. император основал Академию наук и художеств как научно-исследовательское и учебное учреждение. Царь постоянно интересовался переводом книг на русский язык и приказал снять копии с летописных сводов, хранившихся в монастырях, чтобы подготовить базу для создания истории России. Для наблюдения за нравственностью и воспитанием Петр организовал Святейший Правительствующий синод, заменивший патриарха [73. С. 476—477].

Из Парижа, где Петр вел сложные переговоры с регентом Филиппом Орлеанским, он весной 1717 г. писал поручику А.П. Апраксину и интересовался такими деталями, которыми, казалось, могли бы заняться люди рангом ниже: «Роспись о мастеровых я получил на которую отвечаю: мастер который пилы делает умеет ли прочие вещи делать? А особливо буравы, о том отпиши. Шлюпочный мастер ежели гораздо доброй и на воинские корабли делает, то тщись склонить за 200 фунтов в год... К тому ж чтоб он выучил наших двух человек. Кузнеца ежели нельзя дешевле, принимай за ту же цену, но чтоб не стар был, дабы хоть мало мог навикнуть языка нашего... И понеже сих мастеров много, того ради поищи дешевле, а именно: чтоб по меньше ста фунтов на год» [68. С. 97—98].

Это письмо объясняет, почему царю приходилось самому заниматься многими вопросами. В России еще не было достаточно своих, русских, специалистов, и Петр беспокоился о том, чтобы таковых готовили нанятые за большие деньги иностранцы. Последние же, если и знали дело, с трудом могли общаться с русскими, не зная языка. Именно потому и беспокоил Петра возраст мастеров: некоторые из них не могли выполнять свои обязанности без переводчика, а своих людей, знающих иностранные языки, не доставало.

17 апреля 1717 г. из Кале во Франции Петр писал князю Меншикову, уточняя, что надо делать паруса, которые не гробуют «зело искусных матрозов» [68. С. 98]. На флоте еще было мало умелых матросов, не то что офицеров. Всех приходилось готовить в спешке, в условиях военных.

И так во всем. Занимаясь делами государственной важности, царь вникал и в детали, разбираясь в них доскональ-

но и во многих областях демонстрируя свои знания и профессионализм. Получалось, что детали приобретали характер дел государственных.

15.6. От юнги до адмирала

Мы уже знаем, что Петр начинал морское образование, сначала управляя ботиком на Яузе и Москве-реке, затем учился на голландском судне в Архангельске, пройдя путь от юнги до первого офицерского чина, оморачился в первых плаваниях по Белому морю. Во втором Азовском походе он уже командовал галерой «Принципиум», которую сам же и строил. Но и позднее, среди прочих забот, царь не забывал о мореходстве, шаг за шагом поднимаясь по ступеням мастерства. В частности, еще по пути в Голландию он нередко отрывался от Великого посольства, шел по рекам на своей яхте и сам ею управлял. В Голландии и Англии молодой монарх интересовался не только судостроением, но и использованием построенных кораблей в бою.

С созданием Азовского флота царь получил возможность изучать управление как крупным боевым кораблем, так и эскадрой. Наиболее наглядным уроком явился Керченский поход 1699 г. Петр сначала мог видеть, как корабли идут по Дону, а затем наблюдал плавание и маневры эскадры на Азовском море. Образцом для него служили нанятые за границей моряки и опытный вице-адмирал К.И. Крюйс.

Если плавание до Керчи и обратно было относительно спокойным, то уже в первые годы Северной войны Петру как моряку пришлось участвовать в боевых действиях. В бою при устье Невы, когда гвардейцы с лодок взяли два вооруженных пушками парусника, он действовал умело, хотя и рисковал жизнью. Позднее царь, понимая важность управления боем, уже не всегда был в гуще сражения. Исключением, пожалуй, можно считать его участие в Полтавском сражении, когда царь находился на волосок от гибели; зато его действия спасли положение. Не зря царь был горд, что именно за это сражение получил морской чин шаутбенахта (арир-адмирала). Перед этим царственный моряк не раз командовал судами на Ладожском озере. Поэтому можно считать, что первый флагманский чин он получил по заслугам.

Уже следующей весной Петр I показал, что носит звание шаутбенахта не в качестве украшения. Когда потребовалось доставить подкрепления и осадную артиллерию под осажденный Выборг, флагман так избрал маршрут движения по начавшемуся вскрываться от льда Финскому заливу, что вовремя привел помощь осаждающим и избежал встречи со шведским флотом.

И в дальнейшем царь нередко возглавлял эскадру как в учебных, так и в военных плаваниях, а в 1716 г. даже командовал соединенным флотом из кораблей четырех стран. Он то руководил частью корабельного флота, то вел флот гребной. Известно его участие в сражении при Гангуте, в походах к берегам Швеции. Чины вице-адмирала и адмирала Петр I получил за заслуги. И позднее император продолжал ходить в море. Он участвовал в Персидском походе, а затем плавал по Балтике. Из всех морей, которые входили в герб России, он не успел побывать только на Тихом океане, да еще Черное море не удалось ему подвести под свою руку.

Разумеется, в рамках одной книги невозможно отразить все, что Петр Великий сделал как организатор, кораблестроитель, моряк и флотоводец. Но в его биографии и биографиях его соратников большое место занимают дела и события, неразрывно связанные с развитием морской мощи страны. Что же касается внешнеполитических, внутривнутриполитических, экономических и прочих аспектов, то о них лучше читать в других книгах, посвященных именно этим направлениям деятельности царя-реформатора.

РОМОДАНОВСКИЙ ФЕДОР ЮРЬЕВИЧ

Ближайший соратник Петра Великого, знаменитый руководитель Преображенского приказа, нередко остававшийся при отлучках царя во главе государства, боярин Ромодановский в знак уважения к его преданности и заслугам был провозглашен, хотя и потешным, но первым адмиралом рождающегося флота.

Родился Ф.Ю. Ромодановский около 1640 г. [62. С. 333]. Семья его относилась к старинному роду князей Стародубских, один из потомков которого в XV в. начал называться Ромодановским. В XVI и XVII вв. Ромодановские отошли на второй план, боярство получали лишь немногие из них. Однако при Алексее Михайловиче дед Ф.Ю. Ромодановского Иван Иванович был стольником и боярином, а отец Юрий Иванович стал любимцем и другом «тишайшего» царя. Скорее всего Федор Ромодановский с детства жил при дворе и на праздновании дня рождения Петра Алексеевича был первым из десяти дворян, приглашенных за стол в Грановитой палате [49. С. 130—131]. Женатый на Прасковье Федоровне Салтыковой, он приходился Петру I ближайшим свойственником [9. Т. 53. С. 85].

В списках 1675 и 1678 гг. Федор Ромодановский числился стольником. После смещения в 1689 г. Софьи Петр I поручил ему наблюдение за царевной, заточенной в монастырь. Поставленный во главе Преображенского полка, Ромодановский участвовал в потешных походах молодого царя. В 1691 г. на военных маневрах Петр назначил Ромодановского под именем «генералиссимуса Фридриха» командовать отборны-

ми войсками нового строя и гвардией против стрелецкой армии «генералиссимуса» И.И. Бутурлина, который защищал построенную Ф. Тиммерманом крепость Пресбург. В 1693 и 1694 гг. князь участвовал в посздках монарха на Белое море. Царь, готовясь ехать к Архангельску, назначил Ромодановского адмиралом. Весной 1694 г. Петр I прислал Двинскому воеводе Ф.М. Апраксину письмо от имени Ромодановского, «генералиссимуса» на суше и «адмирала» на море, что тот «...человек зело смелый к войне, а паче к водяному пути, о чем и сам ведасшь; и для того здесь далее апреля последних чисел медлить отнюдь не хочет [46. С. 33—34; 49. С. 131]. Разумеется, медлить не хотел сам царь. Во время плавания 1694 г. Петра I в Архангельск адмирал формально командовал «морским караваном» на рсках и эскадрой в походе к горлу Белого моря.

Нелегким оказался и ратный труд в ходе Кожуховских маневров 1694 г., в которых Ромодановский комплектовал войска и вновь командовал полками нового строя против стрелецкой армии И.И. Бутурлина. Последней, как и в прежних маневрах, была оставлена роль побежденной. Однако царь оказался недоволен тем, что армия Ромодановского быстро, без осады взяла построенную у Кожухова потешную крепость. Пришлось атаковавшим отойти, продолжить осаду, а затем повторить штурм. Эти учения со стрельбой и взрывами мин явились подготовкой к Азовским походам [46. С. 34].

Ромодановский состоял в «компании» соратников, собравшихся вокруг Петра I. Среди членов компании существовали дружеские отношения, и самого царя было запрещено титуловать. Его называли «милостивым государем» или «господином бомбардиром». Роль правящего царя в компании играл Федор Юрьевич, которого Петр и другие называли «князем-кесарем». Государь обращался к нему не иначе как к королю и выдерживал шуточные замечания [46. С. 37].

В отсутствие Петра князь управлял государством. В частности, он оставался в Москве, когда Петр с большинством войск и приближенных весной 1695 г. выступил в первый Азовский поход, и вел с царем обширную переписку, из которой видно, что монарх всецело доверял князю. Продолжая игру, и в первом, и во втором Азовском

походе царь писал письма Ромодановскому как монарху, отчитываясь перед ним в качестве подданного [46. С. 48—51, 53—55; 49. С. 131—132].

Отъехав с Великим посольством за границу весной 1697 г., царь оставил в Москве совет из бояр Л.К. Нарышкина, П.И. Прозоровского, Б.А. Голицына, Т.Н. Стрешнева и Ф.Ю. Ромодановского; последнего он объявил председателем совета и наместником в Москве, формально присвоив титул князя-кесаря. Он продолжал поддерживать переписку и из Митавы послал Ромодановскому своеобразный подарок — мамуру (устройство для рубки голов) для отмщения врагам. Князь-кесарь в ответном письме сообщил, что мамура проверена в деле: ею отрубили головы двум преступникам [46. С. 66; 49. С. 131—132].

Как руководитель Преображенского приказа Ромодановский занимался политическим сыском самостоятельно, и на его приговоры было бесполезно жаловаться. Царь доверял верному слуге, который отличался не только жестокостью, но и удивительным бескорыстием. Известный дипломат князь Б.И. Куракин характеризовал «князя-кесаря» следующими словами: «Сей князь был характеру партикулярного: собою видом как монстра; нравом злой тиран; превеликий нежелатель добра никому; пьян по все дни; но его величеству верный так был, как никто другой [46. С. 37]».

Благодаря честности Ромодановский получил от царя право производить в чины по армии и флоту. В частности, он подписывал указы о производстве в следующие чины самого Петра.

Временами жестокость Ромодановского коробила Петра, и он писал князю-кесарю, требуя менее зверствовать и пьянствовать («знаться с Ывашкою Хмельницким»). Тот писал, оправдываясь: «В твоём же письме, написанном ко мне, будто бы я знаюся с Ывашкой Хмельницким, и то, господине, неправда: некто к вам приехал прямой московской пьяной да сказал в беспаметстве своем. Неколи мне с Ывашкою знаться, всегда в кровех омываемся...» [46. С. 73].

Вскоре эти слова оправдались в полной мере. Под влиянием группы сторонников смены правления в России четыре полка московских стрельцов, которых после службы в Азове направили не к семьям в Москву на отдых, а в погра-

ничные крепости, отказались подчиняться. Их представителей из Москвы Ромодановскому удалось вытеснить уговорами и силой. Однако когда стало ясно, что полки задержатся на западной границе, стрельцы взбунтовались, сместили командиров и пошли к столице. Руководители их рассчитывали, пока Петра нет в России, поддержать вступление на трон Софьи. Наиболее активные стрельцы намеревались перебить бояр, солдат и разрушить Немецкую слободу. Боярская дума после длительного обсуждения решила направить против восставших воеводу А.С. Шеина и с ним генерал-поручика П.И. Гордона и князя И.М. Кольцова-Мосальского. 17 июня 1698 г. собранный ими отряд из 3700 человек, включая Семеновский и Преображенский полки, с 25 пушками развернулся на реке Истре у Нового Иерусалима. После того как стрельцы отказались вернуться в указанные места и выдать зачинщиков, 18 июня правительственные войска сделали четыре залпа из пушек, и бунтовщики сдались. С 22 по 28 июня Шеин быстро провел следствие, приказал казнить 122 стрельца, а остальных разослать по тюрьмам и монастырям [46. С. 83—88].

15 июля Петр получил письмо от 17 июня о выступлении стрельцов, 16 июля написал Ромодановскому письмо о необходимости твердо расправиться с бунтовщиками и выехал в Россию. Он продолжил путь, даже после того как узнал, что восстание подавлено [46. С. 81]. Вернувшись, царь был возмущен тем, что следствие не нашло истинных организаторов бунта. Он приказал свезти уцелевших стрельцов в Москву и возобновил следствие, привлекая к розыску приближенных. Наиболее деятельным в организации пыток и допросов был по должности глава Преображенского приказа Ромодановский. После следствия большинство стрельцов казнили [46. С. 89—91].

Однажды князь-кесарь был поражен, узнав, что Ф.А. Головин в Вене был одет по-европейски. По свидетельству Корба, он заявил: «Не верю такой глупости и безумству Головина, чтобы он мог пренебречь одеждой родного народа». Однако после возвращения царь обрезал бороды боярам, и вторым стал именно Федор Юрьевич. А вскоре Ромодановскому пришлось и переодеться в иноземные одежды [47. С. 178].

Уезжая в 1699 г. на Воронеж заниматься кораблестроением, Петр I постоянно писал Ромодановскому, приказывая ему организовать доставку на верфи корабельных припасов и мастеров [46. С. 100]. И позднее, хотя и возглавлял Ромодановский гражданское учреждение, не раз ему приходилось сообщать в Кабинет Петра I информацию, связанную с войной: о сборе денег на военные расходы, запасах обмундирования, продовольствия и т.п. [47. С. 373—374]. Князь заведовал снабжением армии артиллерией, литьем пушек и снарядов. К примеру, в 1706 г. шла переписка об изготовлении пушек и огнеприпасов под руководством Ромодановского. Сверх того, с 1701 г. Ромодановский занимался обустройством столицы после пожара [49. С. 135—136].

Оставленный Петром в 1699 г. во главе правительства в столице, Ф.Ю. Ромодановский взял на себя политический и общеполицейский сыск. Со временем он сосредоточил внимание преимущественно на первом. Временами Ромодановский исполнял роль и московского полицмейстера, наблюдая за порядком. В частности, он приказал арестовать корабельных мастеров Федосея Склеяева и Лукьяна Верещагина, которых царь вызвал из-за границы в Воронеж. Когда Петр удивился задержке, Ромодановский отвечал: «А что ты изволил ко мне писать о Лукьяне Верещагине и Склеяеве, будто я их задержал, — и я их не задержал: только у меня сутки ночевали. Вина их такова: ехали Покровскою слободою пьяны и задрались с солдатами Преображенского полку, изрубили двух человек солдат и по розыску явились на обе стороны неправы; и я, разыскав, высек Склеяева за его дурость, также и челобитчиков, с кем ссора учинилась, и того часу отослал к Федору Алексеевичу. В том на меня не прогневались: не обык в дуростях спускать, хотя б и не такова чину были» [46. С. 97].

Князь-кесарь имел и вполне реальную власть. Несмотря на то что Федор Юрьевич имел лишь чин стольника, он являлся первоприсутствующим в Боярской думе. Правда, этот факт свидетельствовал, как и уменьшение числа бояр, о падении значения Думы. Тем не менее Ромодановский фактически был председателем высшего органа власти России, предшественника Сената [46. С. 107—108]. Именно к нему в 1707 г. Петр обращался, требуя, чтобы бояре регулярно за-

седали в Сенате и все дела завершали подписями, чтобы было известно, кому за что отвечать. Лишь со временем Ромодановский остался только руководителем Преображенского приказа [49. С. 137].

Даже такое исключительное положение не защищало князя-кесаря и его близких от царского гнева. Когда в 1709 г., вопреки воле Петра, брат фельдмаршала Б.П. Шереметева Василий Петрович не отправил сына за границу, а женил его на дочери Ромодановского, царь повелел новобрачного послать за границу учиться, его же отца отправил бить свай, а мать — на прядильный двор [47. С. 228—229]. Только со временем виновные были прощены благодаря заступничеству А.Д. Меншикова [46. С. 496; 47. С. 66].

Прибыв с войсками под Нарву осенью 1700 г., Петр продолжал писать князю-кесарю как главе государства [46. С. 141]. Сохранилось воспоминание А.К. Нартова о том, что Ромодановский в период восстановления армии после поражения под Нарвой открыл царю тайну сокровищ, оставленных Алексеем Михайловичем в подвалах Кремля на случай крайней военной нужды [46. С. 148—149].

И позднее Ромодановский оставался доверенным лицом. Ему царь поручил разобраться, почему А.А. Виннус задержал поставки артиллерийских припасов и медикаментов в Шлиссельбург. Ему же Петр поручил организовать в Москве празднование взятия Ниеншанца, сообщил самое подробное описание взятия Дерпта (Тарту), писал о взятии Нарвы и Митавы [46. С. 165—167, 175].

Как глава Преображенского приказа, центра политического сыска, по повелению царя Ромодановский вел дело об Астраханском восстании 1705—1706 гг. К Ромодановскому царь писал с требованием поторопить Б.П. Шереметева, направленного для подавления восстания [47. С. 208]. С ним же Петр переписывался по поводу отправки представителей носоставших [47. С. 211]. Ромодановский вел следствие по делу «заводчиков» Астраханского восстания [47. С. 213]. Он вел также дела о восстании на Дону и измене И. Мазепы. В 1703 г. князь заведовал также Аптекарским и Сибирским приказами [49. С. 134—135].

После победы под Полтавой Петр писал Ромодановскому: «...ныне уже без сумнение желание вашего величества,

еже резиденцию вам иметь в Петербурге, совершилось чрез сей упадок конечной неприятеля» [46. С. 321]. Царь щедро наградил участников. Он считал справедливым, если бы наградили его самого повышением чина, и обратился к фельд-маршалу Шереметеву с предложением просить «государей» Ф.Ю. Ромодановского и судью Земского приказа И.И. Бутурлина присвоить ему чин арир-адмирала, или шаутбенахта (контр-адмирала). Он полагал, что примером должно служить присвоение самому царю звания за военные успехи, а не за знатность. В ответ Ромодановский писал: «...за ваши храбрые кавалерские подвиги и в делах воинских мужественного искусства, иным таким же подвизателям во образ, вашу милость из прежнего полковничья чина повышением чинов у морского флота царского величества флота арир-адмиралом, а на сухом пути у лейб-регимента Преображенского ранг иметь старшего генерал-лейтенанта удостоили и учинили» [46. С. 322].

Желая отметить торжествами разгром шведов, Петр сосредоточил в Коломенском войска и пленников, взятых при Полтаве и Лесной, и сообщил об этом Ромодановскому. В ходе триумфального въезда царя в Москву 21 декабря 1709 г. Петр I, А.Д. Меншиков и Б.П. Шереметев рапортовали «князю-кесарю» о победах [46. С. 326—327].

7 марта 1712 г. князь утвердил производство Петра I в чин полного генерала, однако царь задержал опубликование указа, пока успехи боевых действий в Померании и Финляндии не оправдали это повышение. Он писал в 1713 г. Ромодановскому: «Понеже ваш указ, вписанный о перемене чина моего к генерал-фельдмаршалу Шереметеву, я тогда не объявил ради несчастья против турок, а сей виктории могу и я причастником быть, ибо по разбитии датских войск никто оною иной в Тоннинг загнал, как российские войски, где я командиром был (о чем вашему величеству давно известно)». Указ был подписан 6 августа 1713 г., о чем Петр сообщал Екатерине: «При сем объявляю, что в 6-й день сего месяца господин адмирал объявил мне милость государя нашего — чин генерала полного, чем вас, яко госпожу генеральшу, поздравляю» [46. С. 370—371].

Следующим летом царь участвовал в Гангутском сражении, а затем в торжественном входе трофейных судов в Петер-

бург. На заседании Сената князь-кесарь принял рапорт Петра и поздравил его с чином вице-адмирала [46. С. 372—373].

Жил князь на Моховой улице, около Каменного моста, как истинный боярин. Даже царь предпочитал в его двор не въезжать, а входить пешком. Все стояли перед грозным князем-кесарем. На дверях красовался герб Ромодановских: черный крылатый дракон в золотом поле. Во дворе жили ручные медведи, которые были приучены угощать гостей крепкой перцовкой и драть тех, кто отказывался выпить [49. С. 138].

Ромодановский мог входить к Петру без доклада — привилегия, которой пользовались немногие [46. С. 412]. Князь обращался в письмах к царю «Господин капитан Петр Алексеевич», а подписывался «князь Федор Ромодановский» [46. С. 184]. Не всегда он поддерживал царя; в частности, не сочувствовал его женитьбе на Екатерине [49. С. 138].

Скончался Ф.Ю. Ромодановский в 1717 г. [62. С. 333]. В 1718 г. князь-кесаря первым по указанию Петра похоронили в Александро-Невском монастыре [46. С. 535].

После смерти отца должность руководителя Преображенского приказа и титул «князя-кесаря» унаследовал его сын Иван (умер в 1730 г.). Екатерина I в 1725 г. произвела его из ближних стольников в действительные тайные советники, а Петр II в 1727 г. назначил генерал-губернатором Москвы [9. Т. 55. С. 85]. Однако, хотя Петр и обращался к нему как к государю, Иван Федорович оказался личностью бесцветной. При нем и Преображенский приказ перестал быть центром политического сыска [46. С. 510—511].

БУТУРЛИН ИВАН ИВАНОВИЧ

И.И. Бутурлин волею судеб и Петра I был назначен первым, хотя и потешным вице-адмиралом русского флота. Так получилось, что моряком он не стал. Однако, командуя сухопутными войсками, Бутурлин участвовал в морском походе вдоль берегов Балтийского моря и двух известных победах гребного флота.

Дворянский род Бутурлины ведут от Гаврилы Олексича, правнука выехавшего в начале XIII в. из-за границы, из немцев «мужа честна» Ратши. Гаврила Олексич отличился в Невской битве 1240 г. и состоял боярином при великом князе Александре Невском. Его сын, Акинфий Гаврилович, известный полководец и боярин, перешел на службу к тверскому великому князю и был убит в битве под Переяславлем [10. Т. 2. С. 711; 9. Т. 9. С. 92]. В конце XIV в. родоначальником стал праправнук Гаврилы Олексича и внук Акинфия Гавриловича Иван Андреевич по прозвищу Бутурля, имевший сыновей Ивана и Юрия. Их потомки составили несколько ветвей рода.

Иван Иванович Бутурлин был сыном ближнего стольника Ивана Андреевича и внуком Андрея Васильевича Кривого, окольного при царе Алексее Михайловиче [9. Т. 9. С. 91; 53. С. 545]. Родился он 24 июня 1661 г., получил домашнее воспитание и начал службу при дворе спальником, а затем стольником Петра I. Очевидно, молодой придворный начал заниматься военным делом вместе с юным царем, ибо с учреждением в 1687 г. потешных полков его назначили премьер-майором Преображенского полка. В 1689 г.

Бутурлин явился одним из наиболее деятельных сторонников молодого монарха в борьбе за власть с царевной Софьей [13. Т. 1. С. 320—321].

После утверждения на троне Петр I получил возможность заняться военными и морскими потехами. Уже осенью 1690 г. он организовал учебное сражение стрелецкого полка против потешных войск. В следующем году состоялись крупные маневры, в которых против армии из потешных, солдатских полков, рейтар и драгун под командованием «генералиссимуса» Ф.Ю. Ромодановского выступали стрелецкие полки «генералиссимуса» И.И. Бутурлина [46. С. 33].

Зимой 1692 г. царь занимался кораблестроением в Переяславле на Плещеевом озере, и в августе флотилия уже вышла в плавание. Видимо, Бутурлин вместе с другими приближенными царя участвовал и в строительстве потешного флота на озере. В свите царя он был в первой поездке в Архангельск 1693 г., ездил с Петром на Белое море и в 1694 г. Именно в ходе этой поездки и использовал первый и последний раз будущий полководец чин вице-адмирала. Очевидно, продолжалась игра. Молодой монарх хотел иметь набор флагманов, как и в больших флотах (адмирал, вице-адмирал, контр-адмирал).

После возвращения из Архангельска царь организовал знаменитые Кожуховские маневры 23 сентября — 18 октября 1694 г., ставшие последним потешным действием. Под Кожуховом была построена крепость, которую обороняли стрелецкие полки Бутурлина, а браться ей предстояло полкам нового строя Ф.Ю. Ромодановского. Несмотря на условности проводимой по заранее написанному сценарию осады, полки получили первый опыт современной войны [46. С. 34].

Но вскоре игрушки кончились. Первый Азовский поход 1695 г. окончился неудачей из-за отсутствия единого командования и поддержки флота. Доморощенные флагманы уже не годились, и в 1695 г. Петр поручил командование флотом Ф.Я. Лефорту, который хотя бы имел представление о морском деле. Были подобраны иные вице-адмирал и контр-адмирал.

И.И. Бутурлин ходил под Азов в составе гвардии [13. Т. 1. С. 321; 46. С. 49]. Во втором Азовском походе он командо-

вал Преображенским полком в отряде П.И. Гордона, участвовал во взятии каланчей и Азова [53. С. 546].

В 1700 г. Бутурлина произвели в генерал-майоры. В начале Северной войны он командовал гвардией и привел к Нарве Преображенский, Семеновский полки и четыре других; при этом отряде был и сам царь. Во время осады Нарвы генерал-майор командовал Семеновским и Преображенским полками [53. С. 546]. Именно гвардейские полки выказали наивысшую стойкость в сражении под Нарвой. По договоренности русских генералов с Карлом XII гвардия с оружием и знаменами перешла реку. Бутурлин оставался с другими генералами заложником. Однако король не сдержал обещания. После отхода наиболее боеспособных частей шведы напали и разоружили остальные полки. Среди пленных оказался и И.И. Бутурлин. 19 ноября он и другие генералы были задержаны в шведском лагере и отправлены в Стокгольм. В 1703 г. генерал-майор пытался бежать с генералом Вейде и князем Трубецким; пойманного Бутурлина посадили в тюрьму. Более девяти лет Бутурлин провел в плену, и лишь в 1710 г. его обменяли на генерал-майора Мардесфельта [9. Т. 9. С. 91; 53. С. 546].

В 1711 г. Бутурлин командовал особым корпусом на Днепре. С восемью полками он был направлен к бывшей крепости Каменный Затон, чтобы прикрывать Украину от набегов татар и изменников-запорожцев. В 1712 г. у речки Каменки он разгромил мятежников, затем командовал войсками в Курляндии у Митавы. Командиром дивизии Бутурлина назначили в состав войск, которым предстояло под руководством Апраксина вступить в Финляндию. 13 мая 1713 г. его произвели в генерал-поручики. Бутурлин воевал в Финляндии; после занятия Гельсингфорса его с 3000 человек оставили защищать город. Затем он участвовал в наступлении главных сил в глубь страны и 6 (17) октября принял участие в разгроме шведов на реке Пелкина, а 19 февраля 1714 г. — при разгроме шведов у Лапполы (вблизи Вазы) [9. Т. 9. С. 91; 13. С. 321]. После последней победы царь поздравил генерал-поручика с тем, что тот смог отомстить за проведенные в плену годы: «Monsieur! Поздравляем вашей милости с полученною викториєю и что вам

велел Бог реванш самому учинить сим клятвенным неприятелем за их добрый к вам трактament» [12. С. 550].

Бутурлин, командуя гвардейскими полками, участвовал в Гангутском морском сражении 29 июля 1714 г. В январе 1715 г. он представлял костюмированного барабанщика в шуточной свадьбе Н.М. Зотова. По возвращении в армию генерал-поручик получил в командование два гвардейских и Астраханский полки. С ними он участвовал в экспедиции 1716 г. Русские войска должны были при поддержке союзных флотов высадиться в Южной Швеции с гребных судов.

Подготовку начали еще зимой. 14 января 1716 г. Петр I писал генерал-лейтенанту Бутурлину в Либаву, где зимовала галерная эскадра: «1-е. Чтобы люди и галеры были готовы к походу. И кой час Куриш-Гаф вскроется иттить через оной, а оттоль чсрез каналы (а которые буде в шлюзы не пройдут, то большим морем) и Фриш-Гаф к Гданску.

2-е. Ежели там Нас не застанут, ийти прямо до Штральзунда к Ростоку.

3-е. Провианту сколько можно взять с собою, а что убудет до Гданска, и то там в гданских вердерах паки наполнить, и сколько можно более взять, дабы пруской берег пройти.

4-е. Когда проходить станешь Мемель и Кенигсберг, послать в город для салютации, дабы равным числом ответствовали, сколько он выстрелит. И когда согласятся, тогда в обеих местах стрелять по пяти пушек. Будежс не захотят стрелять, или же захотят меньше ответствовать, то не стрелять. Равнож чинить и против Штральзунда.

Когда Данциг проходить станут, то послать перво из города ему салютовать, а ему двумя пушки меньше отвечать.

Обозы и лошадей ныне отправить к Гданску; а с ними отпустить одного Квартирмистра для заимки им квартир.

Хлеб весь описать, дабы было довольное число, и свалить к пристаням. Или иным каким образом учинить и вручить сие дело при отъезде своем Бестужеву» [5. Ч. 3. С. 8—9].

11 февраля 1716 г. Бутурлина назначили командиром галерной эскадры, на которой он со своими полками 6 мая должен был отправиться к Ростоку для участия в союзном десанте на берег Южной Швеции [9. Т. 9. С. 91].

16 февраля из Данцига царь вновь писал Бутурлину: «Письмо твое от 16 дня до Нас дошло, на которое ответству-

ем: ежели до проходу вашего новья три галеры не отделяются, то велите их доделывать без себя, и для того оставьте полковых плотников и прочих мастеровых людей с принадлежащим числом офицеров и солдат, которым на них итти.

При том же объявляем вам, что здесь уже гораздо стало быть тепло (о чем Мы прежде из Мемеля писали к вам), и для того чтоб вы послали туда офицера и надеемся, что скоро Гафы пройдут, и для того к походу будте во готовности, и кой час начнется у Мемеля лед ломать, то подите не мешкая, дабы вам скорее дойти до Мемеля, пока Куриш-Гаф очистится. А хотя за тем и замешкаетесь, то можете провианту взять в добавку из Курляндии сухим путем. Також пришлите сюда немедленно двух человек, которые умеют весла делать; сим посланным велим здесь наделать на галеры буковых весел» [5. Ч. 3. С. 24—25].

30¹ марта уже раздраженный медлительностью отряда Бутурлина Петр писал: «Я зело удивляюсь, что вы в 7 недель только дважды рапортовали; також указ имеете, что когда почнет лед ломать на Гафе, итти к Мемелю, не дожидаясь очищения онаго, но дожидаться у Мемеля, что чаю давно уже столько от большого моря Гафа взломало, где вам войтить и дождаться мочно; дабы вам Шведы на большом море прешкоды не учинили, для того поспешать было надобно. А вчера здесь явились 7 кораблей в море и быв у Бая (залива) здешняго, и не входя в него, пошли на Зюйд-Ост; хотя не знаем какия, только по обращению и величине чаем Шведские, также и курс их кажется к Кенигсбергу, или Мемелю. И буде вы умедлите и они вас удержат, в том ответ вы принуждены дать будсте, понеже указы довольные имеете» [5. Ч. 3. С. 30—31].

7 мая Петр писал генерал-лейтенанту из Штеттина: «Понеже мы надеемся, что вы уже с прочими галерами вместе случились, того для по получении сего Указу подите со всем флотом как наискорее к назначенному вам месту. Понеже шведы уже к Копенгагену пришли и надеемся скоро вам дело будет» [5. Ч. 3. С. 35].

8 мая 1716 г. Бутурлин сообщал: «Доношу Вашему Величеству: Апреля 28 дня, от устья Вислы я пошел и тогож числа пришел в Пилаву, где нашел письмо кап. Захарова, что он с 3-мя галерами прибыл в Кенигсберг. Мая 5 пошел от

Пилавы к Данцигу и там стал где стоят наши галеры. Подполковника кн. Голицына галера повредилась в то время, как Ваше Величество посылали его Гафом, для взятия провианту. Также новыя 3 галеры, в середине тягунами не связаны, что конечно надобно сделать; а на малые галеры делают весла не упуская времени» [5. Ч. 4. С. 42].

Бутурлин писал, что выслал офицеров для наблюдния за движением неприятельских кораблей, и отмечал особый случай: «Вчерашняго числа Лейб-Гвард. Семеновскаго полку Маиор Егор Волков ездил в шлюбке в Данциг и пристав к пристани пошел в город, тогож полку солдаты кои у него в гребцах были остались у шлюбки, и как мимо оной шли близко судно с солью, то они крюками оное оттолкнули; из сего произошла драка, и один солдат быв ударен рычагом по шее и умер ночью. Я послал сказать об этом Резиденту и оной велел убийцу взять под караул, я к нему сам поеду, чтоб оный убийца был казнен при мне» [5. Ч. 4. С. 43—44].

5 мая царь из Штеттина по пути в Мекленбург приказал Бутурлину спешить с галерной эскадрой к Востоку. Тот 11 мая 1716 г. писал Петру: «Доношу Вашему Величеству, вчерашний Ваш указ от куриера Федора Носикова получил, по которому, как возможно наискорее исправясь пойду. Есть такие галеры, что от большой волны могут пропасть, естли их не исправить, то как идти с грузом. Корабельный Порутч. Мясной сказал мне, от Данцига до Дивена, где есть вход в Гаф, что подле брега, море глубиною 6 сажен, а менее 4-х и нет. О кораблях шведских есть ведомость, что будто против Столпе и Ругенвальда видели, то правда или нет, не знаю» [5. Ч. 4. С. 44].

22 мая 1716 г. Бутурлин сообщал царю: «Доношу Вашему Величеству: намерен был идти 15-го числа, но противной ветер меня удержал; а посему вышед 17-го пришел 21-го в Колберг. А путь мой продолжался потому, что два дня был противной ветер, которым несколько галер повредило и провианту подмочило немало. Починя галеры и просуша провиант пойду немедленно; а ныне еще стоит мне противный ветер» [5. Ч. 4. С. 45].

Дальнейший путь также оказался непростым. 21 июня Бутурлин писал Петру I: «Доношу Вашему Величеству Маия 25 дня от Колберга вышел и за жестокими противными по-

годами дошел толко до Ругена 11 июня, 16 пошел отсюда греблею и завозами и прибыл тогож дня к Штральзунду. — Вчерашнего дня пошел греблею и сего дня прибыл к деревне Верминден, за 1 1/2 мили от Ростока.

Вчера увидел два судна: Краер и Галион, шли из Шведского города Кольмара в Любек; а на тех судах смола мелкая, медь и тесаной камень. И те суда взял и привел с собою» [5. Ч. 4. С. 50].

Из этих писем видно, как долг и труден был поход гребных судов даже вблизи побережья. Однако труды оказались напрасны. Десант в Южную Швецию не состоялся. 12 октября 1716 г. царь писал Бутурлину из Копенгагена: «Понеже Мы заблагорассудили для всякаго случая отпустить к Ростоку зимовать 3 шнявы: «Лизет», «Диану» и «Наталию», того для тех шняв офицеров и матрозов и солдат ведайте вы, и чтоб оные рапортовали вас. И Гукор, на котором Поручик Вильбоа, к вам же зимовать отпустили» [5. Ч. 3. С. 70].

14 октября Бутурлин писал: «Доношу Вашему Величеству, сего месяца 12 числа, к деревне Варнеминде прибыл, а погода была нам фордевинд и из моря в реку шторм был быстрой, против той деревни стояло несколько транспортных судов, на которых прибыла дивизия г. Генерала Реллина, в то же время пришли и другия дивизии его транспортные суды, и как сошлись они в устье с галерами, то несколько галер и тех судов поломалось. Вчера прибыл я сюда к Ростоку; а Генерал-Квартермистр Дешак сюда не бывал, для занятия квартир под полки. А как был я у Копенгагена, то дней 6 пред отъездом слышал, что он к Ростоку приехал. При отпуске сего он прибыл» [5. Ч. 4. С. 72—73].

Эскадра зазимовала в Ростоке, и генерал-поручик занимался постройкой новых галер [9. Т. 9. С. 91]. 3 ноября Петр указывал Бутурлину: «Понеже Мекленбургской министр Гиберстап предлагал Нам, что вы поставили в Ростоке значное число офицеров и при них служителей и солдат на квартиры; и просят, чтобы их из города вывести во определенные им квартиры. Також и надлежащий к галерам караул поставить в предместье. Того для по получении сего указу: из Ростока офицеров и солдат выведите в их определенные квартиры по деревням; а для караулу у галер, оставьте на каждую галеру по 12-ти человек солдат с надлежащими обер

и унтер-офицерами, без которых пробыть не мочно и оных поставить в предместье. А ежели не возможно миновать и квартир им в форштадте столько не будет, то оных поставить в городе с добрым порядком.

Также просят чтобы Ростокские суда, которые употреблены были на транспорт наших войск, на зиму были освобождены; да бы люди которые ими владеют, могли себе чтонибудь получить к прибытку. Того для помянутые Ростокские суда велите отпускать, взяв реверс у Ростокских жителей с подкреплением: чтобы у них те суды были готовы в то время как нам понадобятся, а имянно, чтобы они могли их поставить апреля в первых числах» [5. Ч. 3. С. 72—73].

В октябре Иван Иванович командовал двумя гвардейскими полками, которые сопровождали Петра I в Мекленбург. Оттуда генерал-лейтенант ездил с царем в Голландию и Францию и в октябре 1717 г. возвратился с ним в Кронштадт. В марте 1718 г. царь пожаловал его селом Спасским Копорского уезда с деревнями [12. С. 550].

В 1718 г. генерал Бутурлин участвовал в допросах и суде над царевичем Алексеем Петровичем и в числе прочих 21 июня подписал ему смертный приговор [13. С. 321; 46. С. 406; 47. С. 337]. Генерал состоял ассессором кригсрехта (военного суда) 1718 г. и по делам А.Д. Меншикова, Ф.М. Апраксина и Я.Ф. Долгорукова [10. Т. 2. С. 710; 9. Т. 9. С. 91]. 9 декабря его произвели в подполковники Преображенского полка. 11 января 1719 г. Бутурлин получил 382 крестьянских двора в Суздальском, Шацком и Рузском уездах, которые были конфискованы у В. Долгорукого и царевича Сибирского Василия [12. С. 550]. Он выполнял ответственные поручения. В частности, 12 февраля 1719 г. царь писал генерал-лейтенанту: «Подтвердите Вице-Адмиралу, також и на Котлин съездите и там тож сказать, дабы флот с апреля конечно был готов. И ежели от Адмиралтейства что будет потребовано из Сената, то объявите в Сенате, чтобы скорее исправлялись» [5. Ч. 3. С. 176].

В кампанию 1719 г. Бутурлин с войсками отправился в поход на галерном флоте под командованием Ф.М. Апраксина. Летом флот вышел к Аландским островам. 18 июня 1719 г., когда был собран военный совет, чтобы решить, как

действовать с моря против Швеции и ее столицы, генерал-лейтенант Бутурлин изложил следующее мнение:

«1. Приближась к берегам, взять языки и уведомиться в какой силе, также и о местах где выступить на берег. И буде в выходах есть прамы, надобно нашими прамами и бомбондирскими галиотами оныя отбить. И хотя бы у них тысячи 2, или 3, больше нашего, а стоят в двух, или трех местах, не в коротком разстоянии; надобно идти в одно место и вступить в бой.

2. Есть ли же они сильнее нас не малым числом и стоят в одном месте, в генеральную баталию вступать не надобно. И к столичному их городу, мое мнение не идти; для того, что будет нужда другие места оставить и вссх людей привести к тому городу, как регулярных, так и мужиков.

3. Посылать не малые партии в разные места, чтоб их людей разделить и искать поиску над неприятелем, также разорять дома как дворянские так и деревни жечь без остатка. От чего надеюсь придут они не в малой страх; а деревенские мужики и возбранить могут своим управителям продолжать войну для своего разорения; того ради они имеют вольной голос. От галер далеко отлучаться не надобно, чтоб пришед неприятель не сожгли. Есть ли же для охранения их, оставить людей полное число и тем оскудятся партии.

4. Нашим кораблям ж всем и при них бомбондирским, надлежит нас закрыть от неприятельских кораблей сколько они имеют; дабы нам путь в шхеры был способен. Нынеж мнится мне верить не всему можно: где сказывают их много, тут может быть меньше, а где мало тут больше. Лучше покажет нам время, как будем к ним ближе и о состоянии их уведомимся подлинно. В то время можно взять другие меры» [5. Ч. 4. С. 199—201].

В эту кампанию галерный флот ограничился разведкой подступов к Стокгольму и разорением отдельных прибрежных пунктов. Осенью он вернулся к берегам Финляндии.

12 ноября 1719 г. Бутурлина назначили членом новообразованной Военной коллегии. 9 февраля 1720 г. вместе с другими членами он подписал Положение об армии [12. С. 550]. Генерал-лейтенант также командовал Преображенским, Семеновским, Астраханским и Ингерманландским полками, составившими дивизию. В 1720 г. во главе дивизии из

тех же полков генерал-лейтенант ходил в Финляндию и участвовал в Гренгамском морском сражении. 22 октября 1721 г. в честь окончания войны его произвели в генерал-аншефы. В 1722 г., вероятно, под влиянием президента А.И. Репнина, он был уволен от присутствия в коллегии, но остался командиром дивизии в столице из четырех вышеуказанных полков [9. Т. 9. С. 92; 12. С. 550; 13. С. 321; 53. С. 546].

В 1723 г. И.И. Бутурлин участвовал в комиссии суда над Скорняковым-Писаревым, в суде над П.П. Шафировым [46. С. 508; 12. С. 550].

После смерти Петра I Бутурлин сначала отказался поддержать Екатерину I, но затем привлек на ее сторону гвардию [13. С. 321; 12. С. 550]. Пока представители древних фамилий спорили, кому вручить власть, А.Д. Меншиков и И.И. Бутурлин прибыли во главе двух гвардейских полков. Когда президент Воснной коллегии А.И. Репнин потребовал ответа, кто посмел без его ведома привести войска, Бутурлин заявил, что сделал это по воле императрицы [47. С. 112]. При поддержке воснной силы сторонники Екатерины I провозгласили ее самодержицей на тех же правах, что имел ее супруг.

На похоронах императора 10 марта 1725 г. Бутурлин нес корону Российской империи [12. С. 550].

Императрица Екатерина I уважала соратника супруга. 21 мая 1725 г. при бракосочетании Анны Петровны с герцогом Голштинским она пожаловала Бутурлина орденом Св. Андрея Первозванного, 30 августа — новым орденом Св. Александра Невского [53. С. 546; 12. С. 550].

Первоначально по убеждению Бутурлин был сторонником Меншикова. Однако светлейший князь, ставший первым лицом при Екатерине I, старался подмять под себя всех прежних сторонников, особенно потенциальных соперников. Чтобы стать недосыгаемым для прочих, он получил подпись больной императрицы на документе, по которому назначенному наследником Петру II было указано жениться на дочери светлейшего. Это вызывало тревогу окружавших придворных, ибо воцарение Петра Алексеевича грозило карами всем тем, кто подписал смертный приговор его отцу, а Меншиков при нем становился полновластным правителем [47. С. 349, 513]. Бутурлин стал участником заговора против светлейшего князя.

Генерал-полицмейстер А.М. Девиер в разговорах с И.И. Бутурлиным высказывал мысль, что на трон лучше возвести Анну Петровну; присоединившийся к разговорам П.А. Толстой считал, что Петра II следовало отправить для обучения за границу, а короновать можно любую из дочерей Петра I. Бутурлин в разговорах высказал свое недовольство Меншиковым. Вспоминая свои заслуги перед Петром I в борьбе с Софьей, генерал обижался, что Меншиков не ценит его. По показаниям Девиера, он говорил: «Что-де хорошева, если светлейший князь что хочет, то и делает. И меня-де, мужика старова, обидел — команду отдал мимо ево младшему. К тому же и адъютанта отнял у меня. Чего ради он так делает? Знатно, для своего интересу. А надеюсь, что государыня о сем неизвестна. Буду ее величеству жаловатца и ему стану говорить: «Откуда он такую власть взял?» Разве за то, что я много ему добра делал, о чем он, светлейший князь, довольно ведает, а теперь забыто. Так-то он знает, кто ему добро делает» [47. С. 349—352].

Заговорщики ограничились разговорами. Они полагались на то, что смелому Бутурлину удастся переговорить с императрицей. Но сам генерал ожидал, когда Екатерине I станет легче и он сможет донести ей о происходящем [47. С. 369]. Благодаря бдительности Меншикова заговорщикам не удалось встретиться с императрицей, не выходявшей из спальни. Светлейший, желавший сокрушить своих противников, успел перед смертью Екатерины 6 мая получить ее подпись на приговоре о деле заговорщиков. Первоначально Бутурлину было указано: лишив чинов и орденов, сослать в дальние деревни [47. С. 355]. П.А. Толстого отправили в Соловецкий монастырь, где он через полтора года умер, Девиера и оберсекретаря Сената Г.Г. Скорнякова-Писарева сослали в Сибирь [47. С. 513].

После падения Меншикова занявшие его место при Петре II князья Долгорукие отняли у Бутурлина пожалованные Петром I деревни. Сохранилось лишь родовое поместье Крутцы во Владимирской губернии Александровского уезда, где Бутурлин и скончался в ссылке 31 декабря 1738 г. Похоронили первого русского вице-адмирала в городе Александрове, в Успенском девичьем монастыре [12. С. 551; 13. С. 321; 53. С. 546].

ГОРДОН ПЕТР ИВАНОВИЧ

Патрик Гордон скорее всего никогда не предполагал, что окажется в числе флотоводцев российского флота. Однако, как верный соратник молодого Петра I и член его компании, он привык к неожиданным назначениям и морской чин шаутбенахта (контр-адмирала) принял как должное.

Родился Патрик Леопольд 31 марта 1635 г. в епископате Крохден графства Абердин, Шотландия. Происходил он из семьи дворян-католиков, сторонников Стюартов. После падения и казни короля Карла I семья лишилась имущества и оставила Шотландию. В семнадцать лет юноша отправился искать счастья в Германию. Около двух лет он учился в Браунсбергской иезуитской коллегии (Данциг), но бежал из нее с мешком книг и в 1653 г. в Гамбурге поступил рядовым кавалеристом на службу шведскому королю. Вскоре благодаря способностям он получил офицерский чин. Однако в декабре 1655 г. Гордон попал в плен к полякам, с которыми воевала Швеция. Около года молодой воин служил уже в польской коннице, затем попал в шведский плен, в 1659 г. — вновь в иольский, и каждый раз поступал на службу к тем, кто его пленил. В отличие от обычных ландскнехтов он получил у иезуитов первоначальное образование, собрал библиотеку и далее сам учился тому, что составило основу его последующего взлета [19. Т. 2. С. 457; 55. Т. 1. С. 591; 74. С. 8—10].

В 1661 г., выдержав экзамен, с чином майора Патрик поступил на русскую службу, в полк своего соотечественника Д. Кроуфорда, и устроился жить в Немецкой слободе. В

1662 г. он участвовал в подавлении Медного бунта, затем обучал солдат в драгунском полку, вел обширную переписку с шотландцами в разных странах, занимался коммерцией, женился на дочери полковника Будкевена. За участие в боевых действиях он получил чин подполковника, а в 1664 г. с чином полковника был назначен командиром полка. Видимо, его связи и способности позволили привлечь офицера, просившего отпуск на родину, к дипломатической службе. Гордону было поручено убедить английского короля, что в России к нему относятся доброжелательно [74. С. 12—15]. В 1666—1667 гг. полковник состоял неофициальным посланником в Англии [55. Т. 1. С. 591].

После возвращения Гордон был подвергнут опале: в Москве считали, что миссию он выполнил неудачно. Но вскоре полковник оправдался успехами в службе более привычной: он участвовал в подавлении восстания запорожцев, в 1670—1677 гг. служил на Украине, командуя драгунским полком, обучал полки нового строя, был участником боевых действий 1670—1680 гг. [19. Т. 2. С. 457; 74. С. 15].

Карьера Гордона пошла вверх с началом Русско-турецкой войны 1677—1678 гг. Его Севский драгунский полк участвовал в Чигиринских походах 1677—1678 гг. Турецкая армия в 1677 г. осадила крепость Чигирин, однако преодолеть сопротивление гарнизона из стрельцов и казаков не смогла и отступила. В начале 1678 г. Патрик Гордон как военный инженер руководил сооружением укреплений в крепости перед вторым нашествием турок и командовал сводным отрядом, состоял помощником воеводы И.И. Ржевского, а после смерти последнего был избран офицерами руководить обороной крепости. Несмотря на то что верховный визирь привел к стенам превосходящие силы с многочисленной артиллерией, Чигирин держался. Гордон успешно боролся как с атаками, так и с попытками противника подорвать стены минами. Он предложил начальнику стоявшего неподалеку войска воеводе Г.Г. Ромодановскому напасть на турецкий осадный лагерь, но тот без царского разрешения не решился вступить в генеральное сражение. 11 августа туркам удалось овладеть Чигирином, но Гордон отвел остатки войск в порядке, вывезя казну, легкие пушки и знамена. Позднее его полки участвовали в отражении преследования неприятеля.

Турки не были упорны. Отбитые огнем, они ушли к Южному Бугу, разорив Чигирин [74. С. 15—27].

Стойкость и умение Гордона при обороне Чигирина оценили высоко. 20 августа 1678 г. его произвели в генерал-майоры, в сентябре направили служить в Киев. Недовольный жизнью в заштатном городе генерал-майор хотел выйти в отставку. Однако он хорошо себя зарекомендовал и в период сокращения числа наемников оказался единственным иноземцем генералом. Генерал-майор состоял комендантом Киева и строил его укрепления. Именно в этот период Гордон познакомился и сдружился со служившим в его гарнизоне Францем Лефортом, а также попал в фавор к В.В. Голицыну — любимцу царевны Софьи. Он готовил записку со своими соображениями о характере войны с Турцией. Однако упорное желание генерала вернуться на родину вызвало раздражение Голицына. Генерал-майора разжаловали в поручики. Обращения короля Якова заставили восстановить Гордона в прежнем чине, однако генерал-майор возненавидел Софью и ее фаворита [74. С. 27—30].

В 1683 г. Гордона произвели в генерал-лейтенанты [62. С. 108; 55. Т. 1. С. 591]. Он оставался в Малороссии, участвовал в военном управлении краем, воевал с турками, с В.В. Голицыным участвовал в Крымских походах. В первом Крымском походе 1687 г. Гордон формально командовал несколькими солдатскими полками, но фактически руководил материальным обеспечением войск. Это было особенно сложно при движении тысяч людей по степи, в которой не хватало корма для лошадей и воды. Дойти до Крыма так и не удалось — по приказу крымского хана степь подожгли, и армии В.В. Голицына пришлось вернуться. Тем не менее Софья наградила любимца, а Патрика Гордона произвела в полные генералы с правом отчества. Во всех официальных документах его именовали Петром Ивановичем. За поход генерал получил также золотую медаль в пять червонцев. Его вернули из Киева в Москву. Гордон с семейством поселился в Немецкой слободе. В 1688 г. царь Петр Алексеевич впервые посетил дом генерала и затем стал частым гостем. Он пользовался библиотекой и обширными познаниями Гордона, которые требовались для создания регулярной армии. Петр Иванович стал на несколько лет наставником царя-

реформатора в военном деле. Гордон в Москве командовал Бутырским выборным солдатским полком и наблюдал за обучением 1-го Московского выборного полка, составлявших основу гарнизона столицы. Обученные им полки выделялись подготовкой и дисциплиной [74. С. 31—33].

Так как патриарх Иоаким был против того, чтобы еретик командовал полками, Гордона не привлекли к организации второго похода на Крым. Генерал по своей инициативе подготовил «Размышления о предстоящем походе», где изложил свои взгляды на усиление армии артиллерией и строительство укреплений. В частности, он предложил через каждые четыре перехода войск оставлять укрепления для охраны коммуникаций, все необходимое для штурма Перекопа (лестницы, осадные орудия) везти с собой. Однако В.В. Голицын, который вновь руководил походом, не внял этим предложениям. И второй Крымский поход окончился неудачей, а Гордону пришлось с арьергардом прикрывать отход русских войск по выжженной степи [74. С. 33—35].

Командуя Бутырским полком, в 1689 г. Гордон поддержал царя Петра в борьбе с царевной Софьей и способствовал его победе. Летом 1689 г., когда царь Петр бежал в Троице-Сергиев монастырь и вызвал к себе командиров стрельческих и солдатских полков, Гордон первоначально подчинился запрету В.В. Голицына. Однако уже через две недели, 4 сентября, когда выяснилось, что Софья теряет поддержку народа, генерал во главе служилых иностранцев с Бутырским полком вышел из Москвы и был милостиво принят Петром. Вскоре он стал его постоянным военным наставником и вошел в ближайшее окружение, обучал Семеновский и Преображенский полки, предлагал проекты реорганизации армии на основе иностранного опыта. Генерал организовывал первые военные учения 1690 г., в которых получил ранения [74. С. 35—39].

Гордон был человеком авторитетным и в Немецкой слободе, куда с 1691 г. зачастил молодой царь. Там он узнавал много нового о жизни иных стран. В благодарность Петр выделил генералу земли у Яузы, не раз награждал деньгами. К этому времени Гордон был одним из самых богатых иностранцев в Москве и умело вкладывал деньги в коммерческие предприятия [74. С. 40—41]. В 1692 г. первым из прибли-

женных Петра I он отправил своего сына Федора учиться за границу [46. С. 109].

Через Гордона английские двор и купечество посылали царю подарки, обеспечивая благоприятствование в торговле [74. С. 41—42].

Не раз генерал посещал Переславль, где на Плещеевом озере строили небольшую флотилию. При первом его посещении царь, сам работавший на верфи, был рад показать Гордону корабли. Петр Иванович даже купил и обставил дом в Переславле [74. С. 41]. 1 мая 1692 г. П. Гордон присутствовал при спуске флотилии на Плещеевом озере и зафиксировал в дневнике удовольствие царя от плаваний [24. Т. 1. С. 51]. Этим не ограничилось участие генерала в водных потехах. По приказу Петра он осваивал военно-морское искусство. За деятельное участие в водных сражениях на Москве-реке и Яузе царь присвоил Гордону в декабре 1693 г. контр-адмиральское звание [74. С. 42]. Звание это пригодилось уже в будущем году.

В 1694 г. Петр ездил на Белое море. От Вологды царь (который называл себя великим шкипером) с сопровождающими добирался до Архангельска на карбасах по рекам. Гордон на контр-адмиральском карбасе замыкал колонну. В Архангельске Петр на яхте «Св. Петр» совершил плавание до Соловецких островов, после чего передал яхту Гордону в качестве контр-адмиральского судна. Генерал присутствовал при спуске корабля. А вскоре ему единственный раз пришлось исполнять роль флагмана. В начале августа царь, желая показать, что флот рождается, решил с первыми кораблями сопровождать иностранные торговые суда, покидавшие Россию. Был избран следующий порядок движения: впереди корабль «Апостол Павел» под флагом вице-адмирала И.И. Бутурлина, за ним четыре голландских судна, далее корабль «Св. Пророчество» с адмиралом Ф.Ю. Ромодановским и царем, далее четыре английских судна. Замыкала колонну яхта «Св. Петр» контр-адмирала Гордона. Безветрие задержало выход на несколько дней. Когда же суда оказались в Белом море, Гордону и другим пришлось ощутить персменчивость морской стихии. В дневнике генерал записал: «Имея в виду с правой стороны высокий берег, эскадра подошла вечером к мысу, который назвался Голубым, или

Серым, углом. Как только мы его достигли, мы изменили курс и направились на северо-восток. Этот Голубой, или Серый, угол находился в 12 милях от устья Двины. Вечером от захода солнца до полуночи наступил штиль, так что корабли продвинулись только незначительно вперед; с полуночи, однако, явилась возможность продолжать путь при свежем ветре. 15 августа, часов около 9 утра, поднялся туман; стали раздаваться пушечные выстрелы, барабанный бой и звуки труб — сигналы держаться всем вместе. Из-за тумана яхта «Святой Петр» чуть было не налетела на скалу у острова Сосновца возле Терского берега. В 2 часа пополудни, думая, что мы удалены от берега, мы очутились прямо перед ним. Штурман ошибся местностью и восклицал, что компасы неверны. Мы повернули на восток и едва проплыли несколько минут, как из-за густого тумана увидели берег от нас на расстоянии брошенного камня» [74. С. 42—44].

Пришлось срочно встать на якорь, спустить шлюпку и отбуксировать яхту подальше от скалы. Когда же туман рассеялся, Гордон приказал поднять все паруса, чтобы судно смогло присоединиться к остальным, которые открылись на горизонте [74. С. 44].

Позднее генерал признавался, что чуть не потопил свою яхту [68. С. 14]. Он писал в дневнике: «Так избавило нас Божественное провидение от этой опасности. По милости Божией нас спасло то обстоятельство, что ветер был не очень силен, и то, что мы вовремя бросили якорь» [74. С. 44]. Другие потешные «флагманы» еще менее были знакомы с морской службой. Это был первый и последний случай, когда Гордону пришлось командовать на море.

Пользуясь влиянием на царя, генерал добился разрешения на постоянное пребывание в России католического священника и основал в Москве в 1694 г. католическую церковь [55. Т. 1. С. 591].

Осенью Гордон как командир Бутырского полка участвовал в Кожуховском походе (октябрь 1694 г.). Полк вместе с Семеновским, Преображенским и Лефортовым составил армию «генералиссимуса» князя Ф.Ю. Ромодановского, которой противодействовало укрепившееся в «Безымянном городке» войско «генералиссимуса» И.И. Бутурлина из стрелецких полков. В ходе продолжавшихся несколько дней

маневров войска учились маневрировать, стрелять, сооружать полевые укрепления, вести боевые действия в поле [74. С. 45—46].

После маневров Петр I уверовал, что его полки готовы к войне. Так как печальный опыт показал, что на Крым наступать слишком сложно, была избрана более близкая цель — крепость Азов. Ее взятие позволяло выйти сначала в Азовское, а затем и в Черное море.

Генерал участвовал в Азовских походах. В первом походе был одним из трех руководителей осады Азова. Под крепостью был использован и опыт его как военного инженера.

Подготовка первого Азовского похода началась еще зимой 1695 г. 3 февраля был объявлен сбор поместной конницы в Белгороде под командованием Б.П. Шереметева [46. С. 49]. На военном совете 6 февраля приняли план похода. Возможно, его автором был Гордон. По плану конница Шереметева направлялась к турецким крепостям в низовьях Днепра, осуществляя отвлекающий удар. Основные силы шли на Азов [74. С. 48].

Семь стрелецких и Бутырский полки П.И. Гордона пешим порядком выступили из Москвы 4 марта, присоединили в Тамбове четыре солдатских полка и 24 июня прибыли под Азов [46. С. 49]. В донской казачьей станице Раздоры, где ожидали суда с припасами, Гордон встретился с атаманом донского казачества Фролом Миняевым. От казачьих лазутчиков генерал узнал, что турки доставили в Азов по морю большие подкрепления, а вблизи крепости раскинут лагерь крымских татар. На военном совете по предложению Миняева было решено в удобном месте ожидать прибытия главных сил. По пути к крепости Гордон избрал при устье реки Койсуг пристань для выгрузки артиллерии и припасов. 27 июня отряд Гордона расположился в виду крепости и начал строить полевой лагерь по правилам инженерного искусства [74. С. 48—49].

Главные силы А.М. Головина и Ф.Я. Лефорта по Москве-реке, Оке и Волге достигли Камышина, по суше перешли к Дону и далее на судах направлялись к Азову. Шедший с ними Петр от имени генерала Лефорта написал Гордону приказ найти удобную пристань, к которой и прибыл 29 июня караван главных сил [46. С. 49—51].

Каменная крепость Азов была окружена земляным валом и рвом, в котором располагался палисад. Кроме того, в трех верстах выше по берегам Дона возвышались две башни-каланчи, между которыми была протянута цепь, а на северном рукаве Дона стоял форт Лютик. Эти укрепления должны были препятствовать казакам выходить в море.

2 июля корпус Гордона выступил из укрепления на берегу Койсуга и, отбивая нападения татар, приблизился к крепости на сто сажен. В тот же день генерал приступил к осадным работам; через три дня к нему присоединились корпуса Головина и Лефорта [46. С. 49]. Сразу же началось строительство укреплений. Во главе осаждающих стояла «консилия» из А.М. Головина, Ф.Я. Лефорта и П.И. Гордона. Решения консилии утверждал сам царь, который формально именовал себя «бомбардиром Преображенского полка». Каждый из командиров корпусов руководил осадой на своем участке. Лучше всего дело шло на участке Гордона. Артиллеристы его батарей разрушили сторожевую башню. Однако турки не собирались сдаваться. Они беспрепятственно на 20 галерах доставили подкрепления и припасы. Осажденные не только оборонялись, но и делали вылазки. Не раз Гордону приходилось помогать соседним полкам Лефорта отбивать эти набеги [74. С. 51—52].

Первоначально русские войска 14—15 июля взяли две башни-каланчи, преграждавшие вход в устье Дона. Одну из них захватили донские казаки, а вторую гарнизон покинул сам. Но 15 июля, воспользовавшись рассказом бежавшего к противнику матроса Якова Янсена о том, что русские отдыхают после обеда, турки напали на спящих стрельцов Гордона и Лефорта, многих перебили и вызвали панику. Только Преображенский и Семеновский полки помогли восстановить положение. 27 июля вновь началась общая бомбардировка. После нескольких дней обстрела царь был убежден, что пришло время штурма. Несмотря на аргументы, которые приводил Гордон, ему не удалось убедить Петра, что штурм не подготовлен (нет проломов в стенах, войска не снабжены штурмовыми лестницами) [74. С. 52—54].

5 августа по 1500 добровольцев от трех колонн пошли в атаку. Бутырскому и Тамбовскому полкам отряда Гордона, несмотря на отсутствие лестниц и брешей в стенах, удалось

ворваться на вал. Однако отряд Головина остановился в садах под огнем противника, что позволило туркам подтянуть силы и отбросить бутырцев и тамбовцев. Отряд Лефорта задержался, пока охотников Гордона не вытеснили. Последующая атака сопровождалась большими потерями [46. С. 50—51]. Безуспешной оказалась и попытка 400 донских казаков с 20 лодок под командованием самого Петра I высадиться с речной стороны Азова; их решительная атака была отбита огнем неприятеля [74. С. 54—55].

Неподготовленный штурм обошелся потерями в полторы тысячи человек. На военном совете, собранном по предложению Гордона 6 августа, Петр I настоял на продолжении осадных работ. Однако попытки разрушить стену минами оказались неудачными, как и попытка штурма 25 сентября. Гордону удалось взорвать одну из мин, образовавшую 20-метровую брешь в стене. Бутырцы и стрельцы ворвались в пролом, но были отброшены контратакующими турками. После третьего приступа штурм пришлось прекратить. На военном совете 26 сентября вопреки мнению царя Гордон настаивал, что необходимо из-за начала холодов срочно уводить полки. На следующий день такое решение было принято, а 29 сентября стали снимать пушки с батарей. Отступление привело к большим потерям от болезней, холода, дождей и снега. По возвращении в Москву царь удостоил Гордона похвалы за службу в Азовском походе [74. С. 55—59; 46. С. 49—51].

Петр учел печальный опыт. Он объединил командование: поставил во главе армии генералиссимуса А.С. Шеина, а командовать еще не существовавшим флотом назначил Ф.Я. Лефорта. Сам он организовал под Москвой и на Воронеже постройку галер и других судов [46. С. 51—55]. Гордону царь назначил первым помощником Шеина и одновременно генерал-инженером. Фактически тот руководил осадными работами. При разделе войск на четыре больших полка (корпуса) генерала поставили начальником одного из них, включившего Бутырский, четыре тамбовских, два низовых (волжских) и два рязанских солдатских полка общей численностью свыше 14 000 человек. Зимой Гордон усиленно готовил свой полк [74. С. 61].

23 апреля 1696 г., вслед за полками А.С. Шеина, в поход на 123 стругах выступили войска Гордона [24. Т. 1. С. 64].

Гордон взял на суда Бутырский и два стрелецких полка. Остальные должны были подойти позднее. За три недели генерал добрался до Черкаска, затем прибыл под Азов, где был встречен огнем с каланчей. На сей раз туркам не удалось снабжать крепость по морю: казаки Фрола Миняева на лодках атаковали турецкую эскадру при устье Дона, часть судов истребили, взяли трофеи; остальные турецкие суда ушли в море. Чтобы закрыть вход турецкому флоту в Дон, Петр приказал Гордону построить при устье форт. Новое сооружение не позволяло турецким морякам проходить к Азову [74. С. 62—63].

Во втором Азовском походе Гордон руководил осадными работами [19. Т. 2. С. 457]. 28 мая он и Шеин объехали крепость и наметили распределение полков и батарей. Корпус Гордона занял крайний правый фланг осаждающих войск. 8 июня начались осадные работы. Турки пробовали помешать, но набег крымской конницы 10 июня был отражен, а флот султана, приблизившийся к крепости, не решился вступить в бой с Азовским флотом и удалился. Уже 16 июня, после отказа неприятеля капитулировать, началась усиленная бомбардировка крепости. Одновременно был принят особый метод осады: русские сооружали вал высотой с турецкий и продолжали насыпать его все ближе к неприятельским стенам, чтобы не пользоваться лестницами. Пушки с вала могли простреливать весь город. 18 июля было решено начать штурм 22 июля. Однако в тот же день (18 июля) из города вышел турецкий парламентар, который доставил письмо с предложением сдачи города на почетных условиях. 19 июля турки оставили город. Гордону пришлось выделить охрану турецким офицерам, которые несли знамена для сдачи Шеину, чтобы оградить их от грабежей казаков. 20 июля турки на своих кораблях отправились в Константинополь. За крепостью капитулировал и форт Лютик [74. С. 63—67].

Петр приказал восстановить сильно разрушенный Азов. 26 июля он отправился на трофейной турецкой галере с Гордоном искать более глубоководное место, где бы можно было строить и содержать крупные корабли. На следующий день такое место было найдено; там позднее основали Таганрог. Когда полки начали возвращаться домой, Гордон оставался

руководить восстановлением крепости. Работы шли в три смены, и 13 августа генерал-инженер мог доложить царю об их завершении, после чего со своими войсками направился обратно. 30 августа в Валуйках армия была расформирована, и Гордон остался командовать Бутырским солдатским полком. 30 сентября при торжественном вступлении войск победителей в Москву он шел впереди полков своего корпуса [74. С. 68—69].

Во время осады царь и Шеин не принимали серьезных решений без совета Гордона, и Петр считал его основным виновником успеха. 26 декабря 1696 г. по царскому указу генерал был награжден золотой медалью в шесть червонцев, кубком с крышкой, парчовым кафтаном на соболях и имением в сто дворов [74. С. 71]. На заседании Боярской думы 4 ноября 1696 г., решавшем вопрос о постройке Азовского флота, иностранец Патрик Гордон (в порядке исключения) присутствовал как эксперт [24. Т. 1. С. 65]

Гордон был близок к царю. Именно у него был назначен прощальный ужин перед отъездом Петра с Великим посольством.

Однако царь не приехал, ибо получил известие о заговоре стрельцов [46. С. 61].

Весной 1697 г., после отъезда Великого посольства, генерал с А.С. Шеиным отправился к Азову, чтобы укрепить его по составленным австрийскими инженерами чертежам, построить напротив крепость Святого Петра, соорудить в Таганрогской бухте гавань и крепость Троицкую, а западнее, для защиты от набегов из Крыма, — крепость Павловскую. Как корпусной начальник, он располагал шестью полками, которые были использованы для сторожевой службы, и руководил строительством. Были в его распоряжении и четыре стрелецких полка, отличавшихся недисциплинированностью. В этот период генерал продолжал переписку с царем. В ноябре 1697 г. генерала вернули в Москву как командира Бутырского полка. Здесь ему довелось участвовать в подавлении стрелецкого бунта [74. С. 71—73].

В 1698 г., когда Петр находился за границей, четыре стрелецких полка отказались подчиниться приказу. После взятия Азова они оставались для восстановления крепости и летом 1697 г. возвращались в Москву, где оставались их дома

и семьи. Однако вместо отдыха их послали на западные границы. В марте 1668 г. к столице прибыли 175 выборных стрельцов с жалобами, но их силой вернули к своим полкам. Стрельцы взбунтовались и направились в столицу. Боярская дума постановила поручить боярину А.С. Шенну остановить и вернуть в указанные места стрельцов. Гордона назначили ему в помощь [74. С. 73—75].

Генерал действовал решительно. Назначенный 11 июня командиром передового отряда пехоты, он лично отбирал людей из полков и 13 июня перешел в наступление. 17 июня, узнав, что стрельцы торопятся овладеть Воскресенским монастырем, Гордон опередил их и преградил им путь на реке Истре. Он несколько раз пытался уговорить бунтовщиков прекратить движение к Москве, но безуспешно. Тогда 18 июня генерал окружил стрелецкий лагерь войсками и, располагая 25 пушками на хороших позициях, приказал открыть орудийный огонь. Первый залп был предупредительным, но уже после второго и третьего стрельцы рассеялись. Последовали следствие и казни [46. С. 86—87; 74. С. 75—79].

19 июля в Преображенском Гордону зачитали письмо Петра, в котором тот высоко оценил службу генерала. До возвращения царя из Великого посольства генерал занимался хозяйством в подмосковном имении Красная слобода. Он поторопился засвидетельствовать свое почтение вернувшемуся монарху. Осенью генерал часто говорил с Петром о военной реформе и создании регулярной армии, но в ноябре заболел настолько серьезно, что в январе 1699 г. на параде Бутырским полком командовал новый командир. Царь навещал больного и однажды полтора часа разговаривал с ним о необходимости для государства иметь выход на морские пути, собственный флот и гавани. Последний раз Гордон встал с постели 13 октября 1699 г., когда командовал войсками при приеме шведского посольства Петром I. Скончался он в Немецкой слободе 29 ноября (9 декабря) 1699 г. Сам царь закрыл его глаза и повелел похоронить так же пышно, как и Лефорта [74. С. 79—82].

Похороны проходили весьма торжественно. В них участвовали три солдатских полка, послы и посланники иностранных государств, 24 боярина и все генералы. Гроб попере-

менно несли 28 полковников. Царь в траурном платье шел впереди процессии с первой ротой Преображенского полка [74. С. 7—8].

Погребли генерала в склепе первого созданного им в России католического храма, который располагался в районе нынешнего Старокирочного переуллка. Еще в XIX в. храм из-за ветхости был разобран, а прах Гордона перенесли на Немецкое (Введенское) кладбище [74. С. 82—83].

После смерти Гордона остался его «Журнал, или Дневная записка бывшего в российской службе генерала Гордона, им самим писаная», вышедший в 6 томах на английском, частично переведенный на немецкий, изданный на русском в 1891—1892 гг. и ставший одним из важнейших источников по истории России второй половины XVII в. [55. С. 592]. Несмотря на то что дневник за 1667—1677 и 1678—1684 гг. утерян, сохранившаяся часть представляет немалый интерес для читателя материалом по истории военного хозяйства, войн с Турцией, личности Петра и быта того времени [9. Т. 4. С. 250].

ЛЕФОРТ ФРАНЦ ЯКОВЛЕВИЧ

Самым сухопутным российским адмиралом стал Франц Яковлевич Лефорт, уроженец горной Швейцарии. Он не прославился как флотоводец или кораблестроитель, хотя и занимал высшее положение в морской иерархии. Его основная заслуга состоит в том, что он помог Петру I понять свое предназначение и сделать первые шаги к реформированию государства и созданию флота как одного из средств превращения этого государства в великое.

1. Начало пути

Родился Франциск Иаков 23 декабря 1655 г. (2 января 1656 г.) в Женеве [19. С. 436]. Его прадед Жан-Антуан Лиффорти в середине XVI в. переселился в Женеву из Пьемонта (Италия) и занялся торговлей. Сыновья его именовали себя на французский лад Лефортами. Семья пользовалась большим почетом в Женеве и вела торговлю москательными товарами с Лионом, Франкфуртом-на-Майне, Марселем и Амстердамом [31. С. 347].

Франц был младшим из семи сыновей Якова Лефорта. До 14 лет он учился в женевском коллегииуме. Отец, крупный коммерсант, хотел, чтобы младший сын пошел по его стопам. Дав ему приличное образование, он отправил мальчика в одну из своих контор в Марсель. Знакомый купец должен был обучить мальчика торговле. Но Франциска более привлекала военная служба. Он сбежал от купца и несколько месяцев прослужил волонтером в гарнизоне Марсе-

ля, пока отец не вернул его домой, к коммерческой деятельности [31. С. 347].

Остаться бы Францу купцом, да помог случай. Зимой 1673/1674 г. в Женеву приехал младший сын герцога Курляндского Карл-Яков, стремившийся поступить на военную службу. Он познакомился с Францем Лесфортом. Высокий, сильный, сметливый, смелый и предприимчивый юноша понравился Карлу-Якову. Молодые люди сблизились благодаря сходству вкусов и характеров. Принц предложил Францу вместе поступить в армию Польши или Голландии к своему старшему брату, наследному герцогу Курляндскому, который воевал там с французами. Вся женевская община выступила против службы Франца в иностранной армии, которую запрещали законы страны. Юноше удалось получить родительское разрешение и отправиться со свитой герцога Курляндского в Нидерланды, которые вели войну с Францией. Однако отец дал ему только 60 гульденов на дорогу и отказал в рекомендательных письмах к знакомым купцам. Франц, воспитанный в строгих нравственных правилах кальвинизма, был огорчен таким расставанием с семьей, но желание обрести свободу и сменить образ жизни оказалось сильнее. В июне 1674 г. Лесфорт выехал из Женевы и 16 августа благополучно достиг Амстердама. Оттуда он отправился в Гаагу и вступил в свиту герцога Фридриха-Казимира [31. С. 347—348].

Под знаменами принца Вильгельма Оранского молодой человек участвовал в осаде и штурме крепости Граве на Маасе (1674), не раз рисковал жизнью. Вскоре он узнал от старшего брата Ами о смерти отца. Наследства Франц не получил, но заслужил офицерский чин. Однако наемникам часто не выплачивали обещанное жалованье. Так как франко-голландская война завершилась, а получить место секретаря при герцоге Курляндском не удалось, Лесфорт решил поступить на службу в богатую Московию: царю Алексею Михайловичу требовались офицеры для проведения реформы армии [74. С. 88]. Он принял предложение полковника фан Фростена служить с ним в России. Полковник, набиравший добровольцев для русской армии, обещал чин капитана. Деньги на поездку юноше дал приятель покойного отца. Через шесть недель после отплытия из Амстердама, 4 сентября 1675 г.,

Лефорт с еще 12 добровольцами и фан Фростеном прибыл в Россию. Он называл себя выходцем из Данцига. Однако в Архангельске молодого офицера не ждали. Оказалось, что полковник взял с собой спутников на свой страх и риск. Потребовалось ожидать разрешения царя Алексея Михайловича. Местный воевода выдавал на всех 14 иноземцев кормовых денег полтину в день. Пришлось Францу занять у итальянца Гуаскони деньги на жизнь, а когда поступило царское разрешение — и на поездку в Москву [31. С. 348].

Выехав из Архангельска 19 января 1676 г., 26 февраля Лефорт прибыл в столицу, явился в Посольский приказ и был внесен в список заезжих иноземцев. Однако Алексей Михайлович умер. Вступивший на трон Федор Алексеевич принял офицеров 30 марта, а 4 апреля отказался взять иноземцев на службу и приказал им выехать морем. Но все остались в России, и каждый пошел своим путем [31. С. 349].

Лефорт поселился в Немецкой слободе. Здесь ему вновь помог Гуаскони, представивший молодого человека полковникам Полю Мензесу и Патрику Гордону. Некоторое время Лефорт служил секретарем у датского резидента. Когда тот собирался покинуть Россию, то пригласил Франца ехать с собой. Молодой человек тогда хотел жениться на дочери полковника русской службы Кроуфорда, однако родные были против женитьбы и настаивали, чтобы Франц выехал из России. Познакомившись с английским посланником сэром Гебдоном, Лефорт намеревался в середине августа 1678 г. отправиться с ним в Лондон, а оттуда — в Париж и там искать службу. Он рассчитывал с помощью сэра Гебдона поступить на шведскую службу. Однако русское правительство в ожидании новой войны с Турцией и Крымом отказало иностранным офицерам в выезде за границу [31. С. 349].

Молодой человек решил поправить дела женитьбой. Его избранницей стала дочь вдовы подполковника Сугэ Елизавета, воспитанная в католичестве, но согласившаяся воспитывать детей в духе кальвинизма. Таким образом Лефорт породнился с Гордоном и Мензесом [31. С. 349].

В июле 1678 г. Франц Лефорт, все еще остававшийся без назначения, подал челобитную с просьбой принять его на службу по примеру фан Фростена и прибывших с ним офицеров. Он хотел участвовать в войне против Турции. По-

сольский приказ подготовил справку о времени прибытия в Россию и чине Франца [31. С. 350]. Женитьба на родственнице полковника Патрика Гордона ввела его в общество. Вскоре на расторопного молодого человека обратил внимание князь В.В. Голицын, имевший влияние при дворе. В ноябре 1678 г. последовал указ: «Принять на службу иноземца Франца Лефорта с чином капитана».

2. На службе царской

В конце 1678 г. Франца Лефорта назначили командиром роты в корпусе князя В.В. Голицына, который составлял гарнизон Киева. Комендантом города был П. Гордон. В начале 1679 г. Лефорт отправился в Киев. Более двух лет капитан служил на Украине, участвовал в походах и боях с турками и татарами, подвергался опасности и едва не попал в плен, страдал от лихорадки. Трижды он бывал послан в Москву, перевез в Киев жену и тещу. По заключении мира офицер вернулся с ротой в Москву и, получив отпуск, в 1781 г. съездил к семье в Женеву. Лефорт был уже опытным воином, хорошим наездником, а из лука стрелял лучше татарских всадников. В Женеве его принимали с уважением, а жившие в городе иностранцы не раз ему предлагали служить в европейских армиях. Такой же совет давали члены семьи и знакомые. Однако Лефорт отказался. Он считал себя обязанным царю и заявлял, что сердце его в России. Лефорт приглашал на русскую службу родных и знакомых. Перед отъездом он получил разрешение жить в другом государстве. В увольнительном листе, кроме подтверждения гражданства, была дана хорошая характеристика [31. С.350—351].

23 мая 1683 г. Лефорт отправился в обратный путь. С собой он вез образцы лучшего оружия, часов и ювелирных изделий для подарков в Москве. Пока он возвращался, умер царь Федор Алексеевич. Сообщения из России были настолько мрачными, что у офицера появились опасения за свою судьбу как кальвиниста. 19 сентября он прибыл в Немецкую слободу и успокоился, узнав, что может по-прежнему продолжать службу. Так как часть пути он проделал с Гиллебрандтом фон Горном, который направлялся в Москву в качестве датского чрезвычайного посланника, то после приез-

да направился к начальнику Посольского приказа В.В. Голицыну с сообщением о прибытии посланника и получил указание оставаться при посольстве. 18 октября Горн и сопровождавший его Лефорт были приняты царями Петром и Иоанном [31. С. 351]. Видимо, это была первая встреча с Петром его будущего любимца.

Благодаря покровительству ближайшего советника царицы Софьи, начальника Посольского приказа В.В. Голицына, а затем и дядьки царевича Петра Алексеевича Б.А. Голицына офицер пошел в гору. Он выполнял ответственные поручения, 29 июня 1683 г., в день именин Петра Алексеевича, получил чин майора, а 29 августа в честь именин царя Иоанна был произведен в подполковники, причем о производстве было объявлено торжественно в присутствии всех офицеров [31. С. 351].

Лефорт был батальонным командиром Елецкого солдатского полка и в этом качестве продемонстрировал свои способности в походах против крымского хана [74. С. 91]. Со временем он стал заметной фигурой в Немецкой слободе. Офицер общался с иностранными дипломатами, в первую очередь с бароном фан Келлером. Представитель голландских Генеральных штатов добивался общего мира в Европе и создания коалиции России, Австрии и Польши против мусульманских держав. Он часто бывал участником празднеств в Немецкой слободе, на которых нередко присутствовал князь Б.А. Голицын. В 1684 г. сам Лефорт организовал празднество в честь выдающегося события в истории Женевы [31. С. 351].

В 1685 г. князя Б.А. Голицына поставили начальником Казанского приказа. Он хотел назначить Лефорта командиром кавалерийского полка в 1000 человек и послать его в Казань. Однако было решено укрепить гарнизоны на Украине. Батальонным командиром Франца Лефорта отправили вновь на Украину, где он имел несколько стычек с татарами и осенью вернулся в Москву. Следующим летом началась подготовка войск для похода на Крым под командованием В.В. Голицына. Лефорт участвовал в Крымских походах в качестве батальонного командира Елецкого полка [38. С. 593]. В первом Крымском походе 1687 г. Лефорт со своим батальоном из 1900 человек состоял в первой дивизии В.А. Змеева,

но постоянно находился при главнокомандующем В.В. Голицыне. Князь остался доволен его добросовестным отношением к делу и по возвращении представил Софье и обоим царям. Несмотря на неудачу похода (войска потеряли много людей и лошадей от нехватки воды и фуража), вскоре Лефорта произвели в полковники и наградили деньгами. Он участвовал и во втором неудачном Крымском походе 1689 г., после которого царевна Софья и В.В. Голицын лишились власти [31. С. 352].

В 1687 г. с Лефортом, тогда офицером Бутырского полка, близко познакомился царь Петр. Он часто разговаривал с бывалым швейцарцем и назначил его начальником потешной роты. По царскому требованию Лефорт занялся обмундированием и обучением молодых потешных; среди них находился и сам Петр, которому приходилось подчиняться военной дисциплине [73. С. 61]. Человек светский, Лефорт не знал ни одной науки капитально, но о многом имел представление, и в разговорах с Лефортом царь получал первые сведения о жизни и обычаях Западной Европы. Петр стал часто бывать в Немецкой слободе и нередко навещал Лефорта, который вскоре стал лучшим другом молодого царя. Лихой рубака и весельчак, побывавший в разных странах, на море и в сражениях, не мог не произвести впечатления на формирующийся характер Петра. Лефорт умел сделать так, что царь не скучал, а бескорыстие и искренняя любовь к монарху делали его надежнейшим помощником [31. С. 352]. У него Петр устраивал веселые пирушки и празднества, до которых был охотником. Если же царь был в ярости, только Лефорт мог его успокоить [73. С. 88—91].

Среди первых Лефорт выступил на стороне Петра против Софьи. 18 февраля 1690 г. офицера в честь рождения у царя первенца Алексея произвели в генерал-майоры.

Дипломат Б.И. Куракин в письме характеризовал Лефорта следующими словами: «Помянутой Лефорт был человек забавный и роскошный, назвать дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе [ужины. — Н.С.] и балы». Он же писал: «Только был для одних вечеринок и широв, а в делах оной Лефорт сил не имел и не мешался и правления никакого не имел, токмо имел чин адмирала и генерала от инфантерии [46. С. 36]». Лефорт, по мнению

Н.И. Павленко, жил сегодняшним днем, не заботясь о будущем. Весельчак и балагур не был тщеславен, и потому оказался удобен Петру для организации развлечений [47. С. 106—107]. Но и пользы он приносил немало.

Дом Лефорта на берегу Яузы, отделанный во французском стиле, был гостеприимен. В письме старшему брату еще в 1686 г. Франц писал: «Вы высказали мне некоторые упреки по поводу моего хозяйственного быта. Я должен сознаться, что, в известном отношении, я не господин и того немногого, что у меня есть, ибо наши князья (бояре), старые и молодые, оказывают мне честь своими более нежели частыми посещениями. Даже когда меня не бывает дома, они не преминут покурить и попить у меня дома, как будто я и не отлучался. Дом мой очень им нравится, и я могу сказать по справедливости, что другого, лучше устроенного, здесь нет» [31. С. 352].

В 1691—1692 гг. царь нередко бывал в доме Лефорта [31. С. 352]. В доме гостю всегда было уютно, а хозяин был готов ответить на вопросы, которые интересовали молодого Петра. Франц Лефорт избегал вмешиваться в государственные дела, но показал себя незаменимым как в организации увеселений, так и в серьезных делах. Когда в 1692 г. Петр I организовал «компанию» из 250—300 человек для разнообразных увеселений и оргий, он посчитал жилище Лефорта самым подходящим для непристойных дел. Царь выделил деньги, на которые к дому женева пристроили роскошно украшенный и меблированный зал, вмещающий до 1500 человек. Дом Лефорта в Немецкой слободе, торжественно открытый летом 1692 г., стал местом пиров Петра с «компанией» и его встреч с нужными людьми. Отсюда царь отправлялся в поездки и сюда возвращался. При доме был парк с озерами, в которых водилась рыба, и дикими зверями. На дворец Лефорта русские приезжали посмотреть, как на диковинку. Нет сомнения, что он послужил образцом для тех российских аристократов, которые хотели строить хоромы по-новому [31. С. 352—353].

20 декабря 1692 г. женевские сенаторы направили Петру благодарственный адрес царям за милости, оказанные Лефорту, о котором в адресе писали похвалы. Этот эпизод позволил Петру установить связи с Женевской Республикой.

Он по просьбе Сената направил через Голландию в страдавшую от неурожая Женеву хлеб. Через Лефорта и его брата Ами царь добивался найма в Швейцарии искусных мастеров в разных областях науки и техники, но желающих долгое время не находилось [31. С. 353—354]. Лишь в 1694—1695 гг. благодаря агитации Лефорта на русскую службу прибыли первые швейцарцы [31. С. 356].

Не обладая опытом полководца, Лефорт оказался необходим для становления регулярной армии. Когда царь задумал осенью 1691 г. большие учения, чтобы проверить подготовку войск, он поручил командование первым образцовым полком, командир которого генерал Шепелев заболел, Лефорту. Полк находился на правом фланге армии князя Ф.Ю. Ромодановского; его рейтары продемонстрировали упорство и хорошую подготовку. Когда же Шепелев скончался, Петр назначил 20 марта 1692 г. командиром полка Лефорта в обход Гордона. Для повышения дисциплины Лефорт добился от царя, чтобы ему выделили участок на левом берегу Яузы, против его дома и сада. На этом участке был разбит плац для учений и в сентябре 1692 г. началась постройка 500 домов слободы для солдат. Это был прообраз казарм, ибо ранее полки размещали по квартирам и трудно было поддерживать дисциплину. Так возникла Лефортовская слобода, нынешнее Лефортово. Через несколько лет подготовленные Лефортом солдаты составили ядро личного состава армии и флота, ибо численность Первого отборного полка достигала 15 000 [31. С. 354; 38. С. 594].

К этому же времени относится и начало «морской карьеры» Лефорта. С 1688 г. на Плещеевом озере по воле и при участии царя строили суда, которые к лету 1692 г. составили флотилию. Сотня судов включала, кроме лодок, два корабля, два фрегата, галеру и пять яхт. Весной суда были спущены на воду, а в августе проводили первые маневры. И.И. Голиков писал, что именно в это время Петр назначил Лефорта генерал-адмиралом [24. Т. 1. С. 51]. Вряд ли это возможно, ибо в этот период адмиралом потешной флотилии являлся Ф.Ю. Ромодановский; поставить иностранца выше уважаемого боярина молодой царь не мог. Более достоверно, что Лефорта при недостатке

мореходов царь назначил командиром крупнейшего корабля.

Лефорт писал старшему брату в Женеву: «Я не сумел бы, любезный брат, изобразить вам радость, которую высказали мне при моем прибытии его величество и все придворные. Так как я имею честь командовать кораблем, который носит название «Марс» и на котором находится его величество, то тотчас по моем прибытии его величество направился на названный корабль и послал за мной бригантину, чтобы привезти меня к нему. Когда я вступил на корабль, его величество осыпал меня такими знаками милости, что я не могу вам описать. Палили из всех пушек корабля, и после того как его величество показал мне все богатство и всю красоту отделки моего корабля, мы вернулись опять на сушу. Царь приказал, чтобы по поводу моего прибытия стреляли пушки на всех кораблях. Затем меня повели в мой дом, который его величество соблаговолил для меня выстроить. Это очень красивое здание. На следующий день его величество оказал мне честь у меня обедать; а на третий день ему угодно было угощать меня на нашем корабле, причем целый день стреляли из пушек на всех судах» [74. С. 99].

Корабли потешной флотилии были маломореходны, но Лефорт в письме 4 июля 1694 г., видя морские суда в Архангельске, писал о том, что в Переславле тоже «очень хорошие корабли» [24. Т. 1. С. 52].

В декабре 1692 г. Петр был так болен, что его приближенные (Ф.М. Апраксин, Б.А. Голицын и другие, включая Лефорта), готовили лошадей, чтобы бежать из Москвы в случае его смерти [73. С. 97—98]. Но царь выжил. В 1693 г. Лефорт сопровождал его в первой поездке к Белому морю, затем усиленно готовил полк к маневрам, намеченным на осень 1694 г. [31. С. 354]. Зимой 1693—1694 гг. он по указанию царя вел переписку с бургомистром Амстердама Н. Витсенем о заказе большого фрегата, готовил все для второй поездки в Архангельск [38. С. 594]. Он сообщал брату в Швейцарию: «Я писал по приказанию его царского величества в Амстердам к бургомистру Витзену о корабле, который снабжен 40 пушками и всем тому принадлежащим. Отдан уже приказ о переводе 40 000 талеров для уплаты за него. Я буду иметь честь командовать на нем в качестве ка-

питана, князь Голицын будет лейтенантом, наш великий монарх — шкипером, а рулевым будет служить прежний его рулевой. Кроме того, у нас будут еще два корабля, их будут вести два генерала, из коих один — мой зять Гордон, а другой по имени Бутурлин. Все господа, которые обыкновенно следуют за двором, поедут с нами. Делаются большие приготовления, и всем распоряжаюсь я. Я надеюсь, что все, если Богу будет угодно, удастся по желанию государя» [74. С. 100].

В 1694 г. Лефорт вновь ездил с царем в Архангельск [31. С. 354]. Петр отправился 29 апреля после обеда и ужина у Лефорта, оставив последнего до 1 мая следить за отправкой всего необходимого [38. С. 594]. После приезда в Архангельск он присутствовал при спуске яхты «Св. апостол Павел», а когда 21 июля прибыл купленный в Голландии фрегат «Святое пророчество», царь именно Лефорта назначил его командиром, а сам исполнял обязанности шкипера [24. Т. 1. С. 58—59]. Фактически же кораблем командовал в звании штурмана опытный капитан Ян Флам, доставивший судно из Голландии [74. С. 101]. Правда, когда первая русская флотилия вышла, чтобы сопровождать до горла Белого моря иностранные торговые суда, именно шкипер руководил флотилией, да и фрегатом.

Лефорт обращался к монарху «милостивый государь». Подобно другим приближенным царя (А.Д. Меншикову, Ф.А. Апраксину, Ф.А. Головину, Г.И. Головкину, А.А. Виниусу, А.В. Кикину, Ф.Ю. Ромодановскому), он обладал правом входить в комнату Петра [46. С. 37]. Не только Петр, но и царь Иван, и царицы милостиво относились к Францу, и он не раз бывал в Кремле, так же как жена его и сын Андрей (Хенри). Этот сын один выжил из десятка детей, родившихся с 1680 по 1691 г. Андрей являлся единственным ребенком, которого допускали к царевичу Алексею. Перед ним открывалась прекрасная будущность. Однако Лефорт в 1693 г., когда мальчику исполнилось восемь лет, поручил его гувернеру Штраку, а затем отправил обоих в Женеву. Франц хотел воспитать сына в духе кальвинизма и опасался вредного влияния других религий, особенно католицизма, который исповедовали его жена и Патрик Гордон. Петр I выделил на поездку 600 червонцев и снабдил мальчика рекоммендательными письмами, благодаря которым его встре-

тили в Женеве с уважением. Андрей Лефорт отправился из Москвы 8 февраля 1695 г. с подарками для семьи [31. С. 354—356].

Начинающий монарх в разговорах с Лефортом и другими иностранцами получал представление о европейской науке и культуре. В свою очередь, царский любимец стал в 1691 г. генерал-лейтенантом, 29 июня 1693 г. — полным генералом [31. С. 353]. На Кожуховских маневрах осенью 1694 г. Лефорт продемонстрировал решительность и храбрость, получил ранение. Именно ему царь поручил постройку укрепления — редута [74. С. 101].

В укреплении у деревни Кожуховой на пути от Москвы к Коломенскому расположилась 20-тысячная армия И.И. Бутурлина из стрельцов, тогда как армия Ф.Ю. Ромодановского той же численности из полков нового строя должна была это укрепление взять по всем правилам военного искусства. 4 октября, в день именин Лефорта, было решено штурмовать крепость, но первые атаки были отражены, и Лефорту приказали отступить. Однако тот, собрав большую часть своих сил, повел их на приступ. Горящий горшок с четырьмя фунтами пороха, брошенный обороняющимся, попал ему в плечо и сильно обжег лицо. Тем не менее Лефорт водрузил знамя на одном из рavelинов, а вскоре были взяты и остальные. Правда, царь был недоволен, что крепость взяли слишком быстро, и приказал все повторить, применяя правильную осаду. Но Лефорт достаточно продемонстрировал решительность на поле боя и смелость [31. С. 355]. Очевидно, что он заслужил генеральское звание ничуть не меньше Автомона Головина, по отзывам современника, человека туповатого, но хорошего строевика.

3. Азовские походы

В 1695 г. 12-тысячный полк Лефорта вошел в состав армии и деятельно готовился к первому походу на Азов [38. С. 594]. Перед выступлением генерал находился при Петре и выполнял его поручения, связанные с походом, затем задержался, чтобы завершить отправку всего необходимого уже после выступления войск.

4 марта 1695 г. под Азов выступил пешим ходом большой полк (корпус) П. Гордона и 24 июня прибыл к цели. В

конце апреля полки Головина и Лефорта погрузились на струги и отправились по рекам; двигаясь по воде и суше, они 28 июня соединились с Гордоном. С дороги Петр, продолжая играть в подчинение Лефорту, писал Гордону: «...господин наш генерал приказал мне писать к вашей чести, чтобы изволили, осмотря место, паче же пристань удобнейшую, где бы лучше и безопаснее людям, паче ж артиллерии, которой о величестве сам ведаешь». К этой пристани и прибыли войска Головина и Лефорта. 2 июля Гордон начал осадные работы, а 5 июля подтянулись войска Головина и Лефорта [46. С. 49].

Командовали тремя отдельными отрядами А.М. Головин, П. Гордон и Ф. Лефорт. Войска последнего заняли левый фланг, ниже города у Дона, по которому турки снабжали крепость, а в тылу войск располагалась турецкая конница. Генералу пришлось укрепить позиции от атак неприятеля. Были построены две батареи, с которых начали обстрел Азова. Турки почти ежедневно обстреливали левый фланг, и Лефорт имел возможность продемонстрировать храбрость [31. С. 356].

Пишут, что Лефорт не проявил особого полководческого мастерства, и Гордону приходилось его опекать [74. С. 103]. При штурме Азова колонны Лефорта и Головина не поддержали успешно наступавшую колонну Гордона и атаковали лишь после ее отхода [46. С. 50]. Из-за отсутствия единого командования и свободной доставки подкреплений и грузов в Азов по воде пришлось прекратить осаду. Лефорт успешно возвратил остатки своих войск, не потеряв ни одной пушки, сохранив знамена и большинство солдат. Сам он пострадал на обратном пути, упав с лошади. Однако, несмотря на болезнь любимца, Петр шумно отметил в его доме поздравление из похода [31. С. 356—357].

Вернувшись от «невзятия Азова», Петр в первую очередь занялся сооружением флота, чтобы следующим летом заблокировать крепость с моря. Он сам изготавливал детали галер под Москвой; затем их собирали на Воронеже. Там же строили два галеаса и массу стругов для перевозки войск. Общее командование будущим флотом получил Лефорт, назначенный в феврале 1696 г. адмиралом. Это назначение стало не совсем случайным. Он участвовал в создании флота на Плещеевом озере, командовал

самым крупным кораблем «Марс», сопровождал Петра в первых плаваниях по Белому морю. В общем, он получил почти такое же «морское образование», как и следующие за ним флагманы российского флота Ф.А. Головин и Ф.М. Апраксин. Петр назначал на важнейшие государственные посты не столько знающих, сколько надежных людей. Именно надежностью при отсутствии корысти и подкупал швейцарца.

Последствия падения с коня сказывались долго. Страдавший от болезни новоиспеченный глава морского ведомства в кораблестроении прямо не участвовал, однако по указаниям царя вел переписку. В частности, он поручал Двинскому воеводе Ф.М. Апраксину доставить из Архангельска корабелов и иностранных матросов с купеческих кораблей для сооружения Азовского флота.

31 марта Лефорт смог выехать из Москвы в Воронеж, где его уже ждал царь. Оба были нужны, чтобы руководить достройкой заложенных судов и готовить их к походу на Азов. Только 16 апреля адмирал приехал в Воронеж. К крепости Лефорт прибыл 21 мая, флот собрался к концу июня. Суда доставили войска под Азов и не допустили подкрепления и грузы с моря в крепость. Решительные действия флота заставили турецкие корабли уйти в море и способствовали капитуляции Азова [31. С. 357].

Уже в августе, вскоре после взятия Азова, будучи больным, Лефорт направился к столице. 10 сентября 1696 г. он прибыл из Воронежа в Москву. Кроме участия в военных советах и общего руководства походом по Дону, Лефорт не успел отличиться. Однако Петр оказал ему особые почести, приветствуя в лице адмирала первые успехи столь любимого им детища — флота. Из-под Азова он давал указания Ф.Ю. Ромодановскому в Москве подготовить чествование моряков. Перед мостом через Москву-реку стояла триумфальная арка. При торжественном вступлении войск победителей в столицу 30 сентября Лефорт ехал впереди в царских золоченых санях, за ним шел морской полк; Петр в мундире капитана находился во главе роты [31. С. 358]. У триумфальной арки А. Виниус приветствовал адмирала стихами, начинавшимися строками:

Генерал, адмирал! Морских всех сил глава.

Пришел, зрел, победил прегордого врага... [46. С. 56].

Вместе с Лефортом царь прошел под триумфальной аркой, демонстрируя особое уважение создаваемому флоту.

Шествие продолжалось весь день и завершилось в Немецкой слободе, где царь с морскими офицерами ужинал у Лефорта. За Азовский поход адмирал получил титул наместника Новгородского и вотчины в Епифанском и Рязанском уездах со 175 крестьянскими дворами, а также золотую медаль, соболью шубу, кусок парчи и вызолоченный бокал с именем царя [31. С. 358].

Лефорт не возгордился. Построенный к его возвращению каменный дом по-прежнему использовал царь для празднеств и встреч с дипломатами. Родственники порицали Лефорта за излишнее бескорыстие и предлагали обеспечить средствами хотя бы единственного сына, но тот отвечал: «Я искал своего счастья, пусть он ищет свое. Я постараюсь научить его всему, что пригодится, а там пусть сам позаботится о себе...».

Когда в ноябре 1696 г. Боярская дума приговорила: «Морским судам быть» — и начали устраивать кумпанства для постройки кораблей большого Азовского флота, адмиралу предстояло руководить этим делом. Предполагалось, что к галерам, бывшим в Азове, добавятся еще 60 различных судов, построенных «кумпанствами», частными лицами и государством. Однако вскоре адмирал получил новое, более подходящее назначение.

4. Великое посольство

Пишут, что не без влияния Лефорта Петр задумал поездку в Европу, чтобы посмотреть новый мир и поучиться. В первую очередь царь хотел изучить кораблестроение и мореплавание. С собой он взял группу приближенных. Ехал царь под видом волонтера — участника Великого посольства (1697—1698). Посольство организовали официально для переговоров с западными державами о совместных действиях против Турции, найма специалистов и закупки оборудования, необходимого для создания регулярных армии и флота. Главой посольства стал Лефорт. Фактически большинство дипломатической и организационной работы в посольстве

выполняли второй и третий послы, Ф.А. Головин и П.Б. Возницын. Адмирал играл особую роль. Петр начинал дипломатическую деятельность. Лефорт, свободно говоривший на немецком, голландском, французском и русском языках, знакомый с европейскими правилами приличий, пользующийся доверием молодого монарха, служил ему и гидом в светском обществе, и переводчиком при особо важных переговорах. Именно он обучил царя голландскому языку.

Когда в Риге губернатор Дальберг, достойно встретивший посольство, вызвал ярость любознательного царя, не позволив осматривать укрепления, Лефорт пробовал убедить Петра в том, что шведы вправе принимать меры безопасности в пограничной крепости, но не смог его успокоить [73. С. 146].

В Митаве Лефорт получил аудиенцию для царя у своего знакомого герцога Курляндского Фридриха-Казимира, в Кенигсберге подписывал союзный договор против Турции и вступления французского принца на польский престол с курфюрстом Бранденбурга Фридрихом III. 22 сентября на торжественном приеме посольства в Гааге нидерландскими Генеральными штатами он обратился на голландском языке с речью, передал царскую грамоту и собольи меха, а Ф.А. Головин объяснил задачи посольства на русском языке [31. С. 358]. Разумеется, решения принимал царь, а Лефорт их оформлял как полномочный посол. Секретарем посольства состоял племянник посла Петр Лефорт.

Лефорт сопровождал Петра, когда тот ездил в Утрехт на встречу с Вильгельмом III, королем Англии и штатгалтером Нидерландов [73. С. 160].

Лефарту и самому довелось участвовать в переговорах в Рейсвике о заключении всеобщего мира в Европе; ему пришлось немало потрудиться, прежде чем мирный договор был подписан 30 октября с учетом интересов России. Знакомый Лефорта писал из Гааги о том, что Франц умудряется выдерживать огромную нагрузку. По воле царя адмирал вел переписку и переговоры с иностранцами, давал пышные празднества. Приезжавший к нему брат был поражен той роскошью, которая окружала Франца. Однако все это принадлежало короне, а Лефорт большими богатствами так и не обзавелся [31. С. 359].

В период пребывания Петра в Англии зимой 1697—1698 гг. Лефорт часто писал ему. Любопытно, что письма этого времени (январь — февраль), написанные по-русски, но латинскими буквами, часто содержат просьбы прислать вина. Н.И. Павленко полагает, что это свидетельствует о легкомыслии Лефорта [46. С. 76]. Однако ранее, несмотря на некоторую ксеноязычность русской речи, адмирал писал вполне здраво. В частности, 8 октября 1697 г. он сообщал царю: «Конференци, можно быть, еще одна на тум недели будет, и отпуск нашу. Будет ли добра, Бог знат; ани не хотят ничаво дать» [46. С. 72].

Возможно, что просьба прислать «лакрина кристи» — это форма дипломатического кода. В романе А.Н. Толстого «Петр Первый» приводится пример кодового выражения, за которым следовала надпись симпатическими чернилами.

Кроме забот дипломатических, Лефорт, как и Головин, занимался подбором моряков для русского флота, в основном англичан и голландцев [24. Т. 1. С. 72]. Наблюдало посольство и за учебой посланных в Европу стольников. Петр писал Виниусу: «Стольники, которые прежде нас посланы сюды, выуча кумпас, хотели к Москве ехать, не быв на море; чаяли, что все тут. Но адмирал наш намерение их переменял, велел им ехать в Стат еще ртом посрать», то есть подвергнуться морской болезни [46. С. 71]. Разумеется, и в этом случае царь действует сам, но именем Лефорта.

13 мая 1698 г. из Амстердама отправились на четырех судах в Архангельск нанятые на русскую службу голландцы, преимущественно связанные с морским делом. Еще ранее, в конце апреля Лефорт по приказу Петра выслал в Вену большинство свиты, экипажи, лошадей и известил двор императора о приезде царя. Затем посольство выехало в Австрию и 16 июня прибыло в Вену. Лефорт служил переводчиком при свидании императора Леопольда с царем 19 июня. Далее адмирал продолжил переговоры с канцлером Богемии графом Кинским. 29 июня 1698 г. в честь именин Петра Лефорт устроил в столице Австрии большой праздник для тысячи приглашенных. Лефорт хотел встретиться с сыном, однако тот приехал в Вену слишком поздно [31. С. 359—360].

18 июля 1698 г. Лефорт на официальном приеме у императора вручил грамоты посольства. Дипломаты обменялись

речами, после чего послов пригласили на обед. На следующий же день Петр срочно помчался в Москву. Его сопровождали Лефорт, Головин, четыре волонтера, в том числе А.Д. Меншиков, переводчик П. Шафиров, лекарь и трое посольских служителей [46. С. 81]. Петр заторопился после того, как стало известно о восстании стрельцов. 26 августа, достигнув Москвы и не заехав во дворец, царь вечер провел с Лефортом в его доме и затем отправился в Преображенское. Он начинал следствие над мятежными стрельцами. Прочитав в челобитных порицание его за то, что он бреет бороду, Петр 27 августа сам обрезал бороды у бояр. Через три дня Лефорт давал большой праздник в честь Нового года. Бояре присутствовали на нем уже без бород [73. С. 178—179].

На обеде у Лефорта 4 сентября присутствовали 500 человек. В этот день царь, разъяренный подозрениями, что следствие против стрельцов боярин Шеин провел поверхностно и, кроме того, торгует офицерскими должностями, грозил зарубить его. Ромодановский, Зотов и Лефорт пытались остановить Петра, но и им досталось. Только Александр Меншиков смог успокоить разъяренного монарха [46. С. 88].

5. Последние годы

После возвращения в Москву адмиралу пришлось заниматься многочисленными дипломатическими и организационными делами.

Он участвовал в суде над стрельцами, вел переписку, интересовался вопросами постройки флота в Воронеже. Когда в конце октября 1698 г. царь уехал в Воронеж, он оставил Лефорта в Москве. Тот принимал гостей царя, в первую очередь иностранных посланников, в новом, роскошно обставленном дворце. Дворец этот был построен на средства короны за время пребывания Великого посольства в Европе и подарен Лефорту. Здесь царь чувствовал себя более дома, чем в Кремле. Когда он вернулся из Воронежа 20 октября 1698 г., то решил отпраздновать именно здесь успешную поездку и разгром восстания стрельцов [31. С. 360].

С начала 1699 г. здоровье Лефорта ухудшилось. Сказались рана, полученная в Азовском походе, и утомление от непрерывного напряженного труда. Адмирал страдал от болей в боку. Несмотря на это, 12 февраля во дворце Лефорта

отпраздновали новоселье около 300 человек. 17 и 18 февраля Петр с сестрой Натальей Алексеевной и сыном Алексеем провел в гостях у Лефорта, 19 февраля уехал в Воронеж, а 23 февраля у адмирала началась горячка. При нем постоянно находились пастор и племянник Петр Лефорт. Более недели больной был в бреду и утром 2 марта скончался от тифозной горячки [31. С. 360; 46. С. 191]. 8 марта Петр спешно вернулся во дворец, чтобы проводить в последний путь умершего друга. Рассказывают, что когда он увидел тело Лефорта, то сказал: «На кого могу я теперь положиться? Он один был верен мне!» [38. С. 595].

Лефорта хоронили 11 марта 1699 г. так, как ранее не хоронили и знатнейших бояр, под гром салюта. В похоронах участвовали полки Преображенский, Семеновский и Лефорт; первую роту преображенцев вел сам царь. За полками ехал рыцарь в черном с обнаженным мечом. Гроб несли полковники, за ним следовали родственники и бояре. Гроб опустили в могилу на Немецком (Введенском) кладбище под гром троекратного залпа из 40 орудий и беглый ружейный огонь [46. С. 100].

Расходы на похороны и уплату 6000 рублей долгов Лефорта царь взял на себя. Он раздал некоторые вещи покойного царевичу Алексею, Меншикову, вдове Лефорта и Петру Лефорту; все остальное он приказал опечатать. Вдове Петр назначил ежегодную пенсию свыше тысячи рублей и оставил управление деревнями до тех пор, когда сын сможет управлять ими сам [31. С. 361].

Надпись на могиле, сделанная по-латыни, в переводе звучала следующим образом: «Прохожий, остановись! Здесь лежит Франциск Яков Лефорт, который на опасной высоте придворного щастия стоял непоколебимо, и которому различие отечества и веры не могло воспрепятствовать, чтобы он, руководствуем будучи мужеством, провождаем мудростью, не взошел на высокие степени чести и не удостоен был Его Царского Величества генерал-адмиралом, главным начальником всех сухопутных войск, наместником Великого Новгорода и президентом во всех советах; знаменитый министр и полководец, великий в мире и войне, в отечестве Зопир, в посольствах Циннас, повсюду Меценат славный, когда он щастливыми своими подвигами, яко министр, умножал сла-

ву своего государя, не подвергаясь зависти, украшен был честью, которую заслужил он беспритворною добродетелью, умноженною скромностию; друга своего Государя, при котором всегда находился, не быв никогда в тягость, или бы малейшую нанес ему скуку своим присутствием: потому что на его одного наиболее он полагался и так же любил его, как Александр Евсетиона. Все то, чему он наставил россиян собственным примером в честности, обходительности и мужестве, не помрачится никогда, и не будет в забвении, но останется в сердцах человеческих в вечности времен; и тако имя, честь и слава мужества навсегда пребудет. Скончался марта 12 дня 1699; ты же, прохожий, поберегись, не наступи на сей камень: он омочен слезами величайшего в свете монарха... Отступи» [59. С. 23].

Известие о смерти Лефорта появилось на страницах многих газет Европы.

Петр I хотел помочь родным Лефорта, однако им не везло. Назначенный командиром Лефортова полка Петр Лефорт, племянник адмирала, попал в плен под Нарвой. Вызванный из Женевы Андрей Лефорт прибыл в Москву в 1701 г., был обласкан царем, назначен капитаном бомбардирской роты, сопровождал Петра во всех его поездках, но прожил недолго и умер в Нотебурге от горячки 28 апреля 1703 г. Елизавета Лефорт жила в России, отличалась набожностью и скончалась в 1726 г. [31. С. 361].

Петр намеревался увековечить в металле Лефорта и других первых сподвижников (Б.П. Шереметева, боярина А.С. Шейна и П. Гордона). В Италию были посланы рисунки, чтобы местные скульпторы изваяли их. Петр говорил: «Люди эти своею правдивостию и заслугами — вечные памятники для России. Я хочу соединить моих героев в одном месте под сению святого великого князя Александра Невского». Существовал уже рисунок памятника. Однако император не успел осуществить этот замысел [31. С. 362]. После кончины монарха-преобразователя о могиле адмирала забыли. Остатки ее должны быть на Немецком (Введенском) кладбище. Лишь название «Лефортово» служит нетленным памятником первому моряку, похороненному в Москве.

ЛИМА ЮРИЙ СТЕПАНОВИЧ

Первым вице-адмиралом российским, которому довелось при таком звании участвовать в боевом походе, стал Юрий Степанович Лима. Родом генуэзец, он, подобно Андреа Дорриа, отправился за рубеж на поиски счастья. В царствование Федора Алексеевича Лима поступил на русскую службу и был подполковником в Киеве у генерала П. Гордона, командовавшего гарнизоном. В Чигиринских походах 1677 и 1678 гг. подполковником инженерных войск он возглавлял подкопное дело. К 1695 г. Лима имел чин полковника. Когда потребовалось назначить помощников к самому сухопутному адмиралу Ф.Я. Лефорту, Петр избрал опытного воина, который по крайней мере видел море и галеры. Кроме того, большинство экипажей галер составили солдаты и офицеры сухопутных войск. После первого Азовского похода, когда начали заготавливать лес для постройки галер, из полковников Лиму произвели в вице-адмиралы. Летом 1796 г. в этом чине он участвовал во втором Азовском походе, осаде и взятии Азова [44. Ч. 1. С. 216].

Неизвестно, как Лима участвовал в подготовке флота, но он с частью построенных судов спустился по Дону к Азову.

22—25 апреля по Дону выступили главные силы войск на судах. Галерный флот отправлялся четырьмя отрядами. 3 мая вышла первая эскадра (восемь галер) под командованием самого царя, капитана Петра Михайлова; вторую эскадру из семи галер вел вице-адмирал Лима, третью, также из семи — капитан князь И.Ю. Трубецкой. Четвертой, включавшей четыре брандера, командовал шаутбенахт де Лозьер. Азовский флот

имел 28 рот; 22 из них составляли экипажи галер, четыре — брандеров и две — галеасов «Св. апостол Петр» и «Св. апостол Павел» [24. Т. 1. С. 64].

В ходе осады Азова, командуя галерами (гресбной флотилией), Лима не позволял противнику снабжать блокированную с моря и суши крепость через устье Дона [4. Ч. 1. С. 81, 220; 72. С. 433]. При торжественном въезде в Москву войск, овладевших крепостью, вице-адмирал шел во главе морского полка [44. Ч. 1. С. 216].

В 1698 г. после приезда в Россию вице-адмирала Крюйса Лима сдал ему командование и вернулся к более привычной службе на суше в прежнем чине полковника. После смерти Лефорта он командовал полком своего имени (бывшим Лефортовым), с ним участвовал в первой осаде Нарвы. В сражении 19 ноября 1700 г. его полк до конца сохранил порядок и не дал неприятелю ни одного трофея [72. С. 433].

Любимец Петра и Лефорта, Лима отличался твердым характером, решительностью и смелостью. Летом 1702 г. он с полком состоял в отряде Б.П. Шереметева, посланного в Лифляндию. 18 июля 1702 г. его полк при мызе Гуммельсгоф сдерживал наступление В.А. Шлиппенбаха до подхода главных сил Шереметева, чем обеспечил победу русского оружия. Сам полковник пал в Гуммельсгофском сражении [72. С. 433]. Его твердость помогла россиянам добиться победы.

ДЕ ЛОЗЬЕР БАЛТАЗАР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ

Даже В.Н. Берх, работавший в архивах, не мог установить, когда де Лозьер был принят на русскую службу [4. Ч. 1. С. 220]. Он прибыл из Персии и в 1693 г. числился полковником Курского полка, в 1695 г. — полковником полка Лефорта. В этом качестве офицер участвовал в первом Азовском походе [62. С. 236].

После возвращения из похода Петр I собрал консилиум, постановивший строить флот. Подготовка и организация этого дела была возложена на Московский военный приказ — разряд во главе с боярином Т.Н. Стрешневым. К постройке привлекли семеновцев, преображенцев, русских плотников и иностранных мастеров. С началом рубки леса были назначены младшие флагманы — вице-адмирал Лима и шаутбенахт де Лозьер. Есть свидетельства, что последний был старшим над галерными капитанами, завсегодовавшими постройкой своих судов под наблюдением голландца Ф. Тиммермана. К приезду Петра I в Воронеж (29 февраля 1696 г.) де Лозьер подготовил для царя жилье [33. С. 156]. При переходе Азовского флота («морского каравана») по Воронежу и Дону он командовал четвертым отрядом, включавшим четыре брандера [24. Т. 1. С. 64]. В 1696 г. шаутбенахт принял участие во втором Азовском походе, осаде, взятии Азова и торжественном вступлении победителей в Москву. Он шел, как и вице-адмирал Лима, со сводным морским полком [4. Ч. 1. С. 220]. Скончался де Лозьер в 1697 г. [62. С. 236].

КРЮЙС КОРНЕЛИЙ ИВАНОВИЧ

Глядя на портрет спокойного, величавого сподвижника Петра Великого, трудно поверить, что над его головой не раз гремели сильнейшие грозы. Но такое было время, богатое взлетами и падениями человеческих судеб. Неугомонный царь делал государственными мужами никому не известных простолюдинов, но мог и подписать смертный приговор родовитому боярину. Под судом оказывались самые приближенные ко двору люди. Только государственные заслуги спасали от смерти. Немало зависело и от настроения самодержца. Корнелий Иванович Крюйс (1657—1727), один из создателей регулярного российского флота, также знал милость и гнев государя.

Судьба бросала Корнелия Крюйса по всему свету. Датчанин по происхождению, он родился 4 июня 1657 г. в городе Ставангере (Норвегия). Вскоре семья переселилась в Голландию. С юных лет Корнелий плавал на торговых судах, двадцать лет служил в голландском флоте, командовал кораблями, был экипажмейстером Амстердамского порта [34. Т. 3. С. 184]. Он не раз ходил в дальние плавания на Средиземное море, к берегам Индии и Америки. Моряк за время службы в лучшем для своей эпохи голландском флоте получил представление о постройке кораблей и крепостей, о картографии, морской администрации и многом другом, необходимом флагману. К 1697 г. он стал обер-экипажмейстером Амстердамского порта. Вряд ли Крюйс мог рассчитывать на большее. Но помог случай. В Голландию из России прибыло Великое посольство. Ф.А. Головин набирал в русскую служ-

бу опытных специалистов. Он и уговорил царя взять капитана Крюйса во флот вице-адмиралом, утверждая в одном из писем, что «...без такого человека у нас флот в добром состоянии не будет...» [7. Ч. II. С. 397].

Моряк оправдал доверие. Он помог завербовать в Голландии необходимых мастеров и навигаторов. Летом 1698 г. в Нарву прибыли два судна из Голландии, которые доставили более 150 капитанов, боцманов, подштурманов, матросов, блоковых, шкютных, парусных, компасных и канатных мастеров. Около 500 специалистов прибыли через Архангельск. Консультантом при их приеме послужил вице-адмирал. С ним, как и с другими флагманами и капитанами, а также корабельными мастерами, был заключен индивидуальный договор, подробно излагающий условия найма. Матросов и мастеровых набирали списками, либо по отдельному договорному письму, либо по инструкции, которую Крюйс составил и передал русскому послу Ф.А. Головину в Амстердаме 19 февраля 1698 г. В этот период (с 1696 г.) Россия принимала на службу до 1000 различных специалистов в год, и только с 1699 г. набор резко сократился [24. Т. 1. С. 72—73].

Крюйса царь отправил в Воронеж, где тот занимался устройством адмиралтейства и флота. Вице-адмирал составил первые правила морской службы по датскому и голландскому уставам, в том числе «Статьи Крюйса» — прототип будущего Морского устава. Он участвовал в строительстве адмиралтейства в Воронеже, порта в Таганроге и укреплений Азова. Крюйс стал одним из создателей Азовского флота, командовал его эскадрой. Летом 1699 г. моряк участвовал в Керченском походе, командуя кораблем «Благое начало»; во время плавания по Дону он производил обмер реки, составил ее атлас и описание плавания флота по Дону от устья реки Воронеж и от Таганрога до Керчи и обратно [34. Т. 3. С. 184; 44. Ч. 1. С. 197]. Вице-адмирал подготовил карту Азовского моря. Кроме обзора местности, Крюйс оставил и описание казацких челнов — чаек [24. Т. 1. С. 43, 439].

Керченский поход 1699 г. явился демонстрацией силы, чтобы добиться мирного договора с Турцией, без чего нельзя было начинать войну на Севере. Еще 6 апреля 1699 г. думный дьяк Посольского приказа Е.И. Украинцев получил

повеление ехать послом в Константинополь. В Таганроге посольству предоставили корабль «Крепость». До Керчи, преграждавшей путь из Азовского моря в Черное, посольский корабль должна была сопровождать вся эскадра.

24 мая 1699 г. эскадра подошла к Азову. Крюйс записал в журнале: «С захождением солнца пришли с флотом на якорь под Азов и поздравляли пятью залпами из всех их пушек; потом и гарнизон поздравлял, который в 10 000 человек состоял, столькими же залпами из мушкетов, на что потом с флота равным порядком ответствовано, чем оной день и окончился». Затем эскадра, проведя учебный бой на рейде Таганрога, направилась к Керчи, куда прибыла 18 августа. У крепости уже стояли 4 корабля и 9 галер турецкого флота. Начались переговоры о пропуске корабля «Крепость» с послом в Константинополь [24. Т. 1. С. 80—81].

Во время стоянки у Керчи вице-адмирал хотел воспользоваться свободным временем и осмотреть укрепления и корабли. С позволения царя, под предлогом закупки различных вещей, он на двух шлюпках со свитой навестил турецкого адмирала Гасан-пашу. Потом он отправился к Керчи, пристал к берегу, но в крепость его не пустили. Турки обещали прислать на корабли все, что Крюйс собирался купить. Однако все же вице-адмирал успел рассмотреть, что старые стены легко пробить даже шестифунтовыми ядрами, и смог определить ширину фарватера [73. С. 197—198].

В 1700 и 1701 гг. Крюйс занимался устройством флота в Воронеже. В 1702 г. он укреплял Архангельск и, командуя архангельской эскадрой, плавал с ней в Белом море до Соловецкого монастыря и селения Нюхчи в Онежском заливе, откуда по волоку войска доставили суда в озеро Ладожское, чтобы овладеть течением Невы. Крюйс не участвовал во взятии Нотебурга: осенью на иностранном купеческом судне он отправился в Голландию и в 1703 г. заведовал там наймом иностранцев для флота, а также распределением по кораблям, портам и школам посланных с ним для обучения морскому делу и адмиралтейскому мастерству русских. В 1704 г. вице-адмирал через Архангельск возвратился из Голландии в Санкт-Петербург [44. Ч. 1. С. 197]. Среди нанятых за границей специалистов он привез в качестве камердинера Генриха Иоганна Фридриха (Андрея Ивановича) Остермана, в

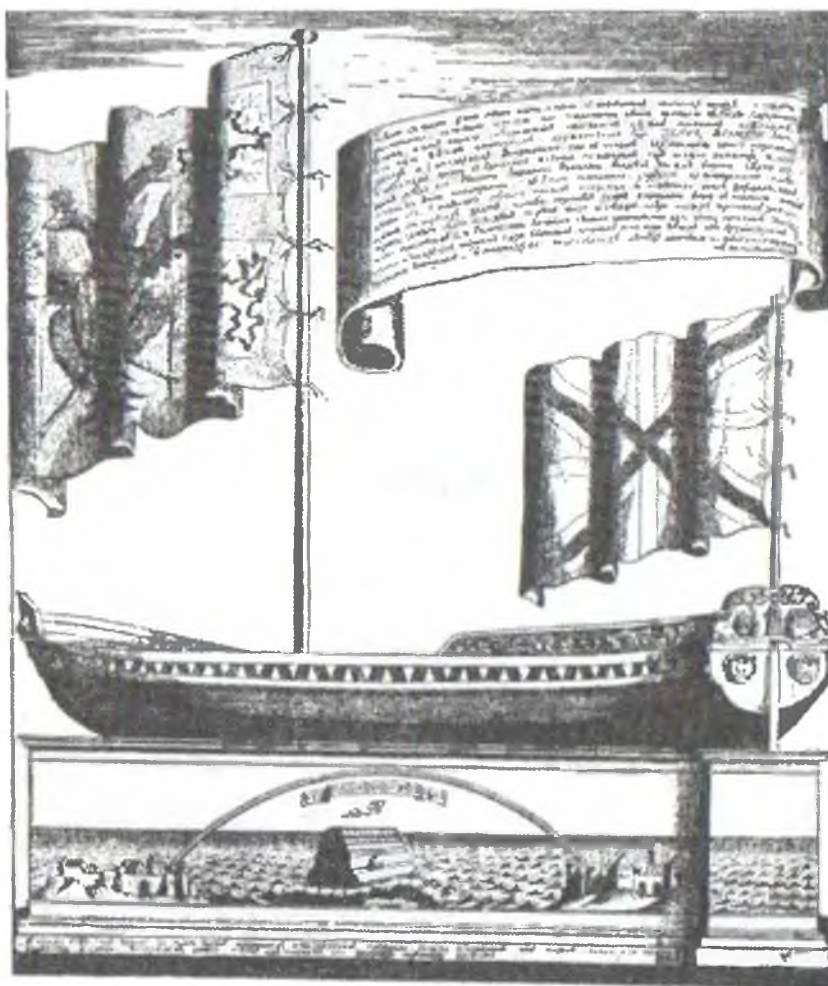

Царевич Петр Алексеевич принимает подарки

Никита Моисеевич Зотов

Ботик «Дедушка русского флота»

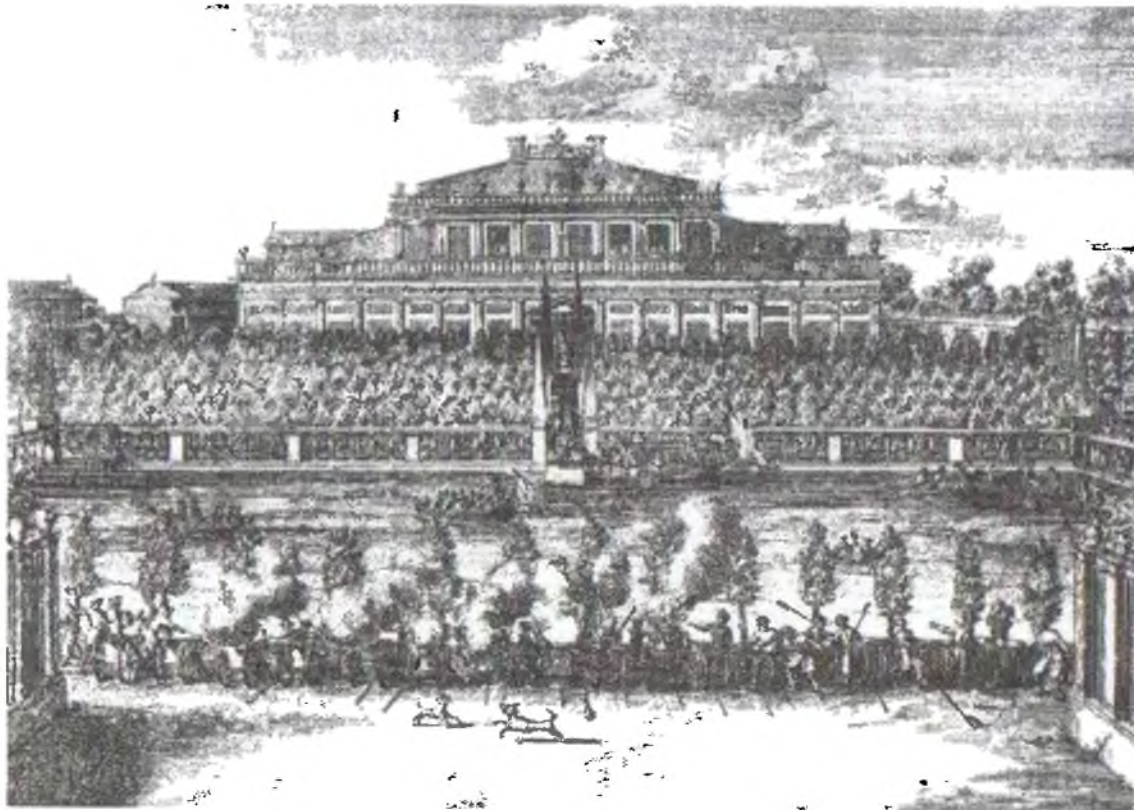

Князь Федор Юрьевич Ромодановский

Франц Лефорт

Дворец Лефорта в Немецкой слободе

Патрик Гордон

Франц Тиммерман

Постройка кораблей

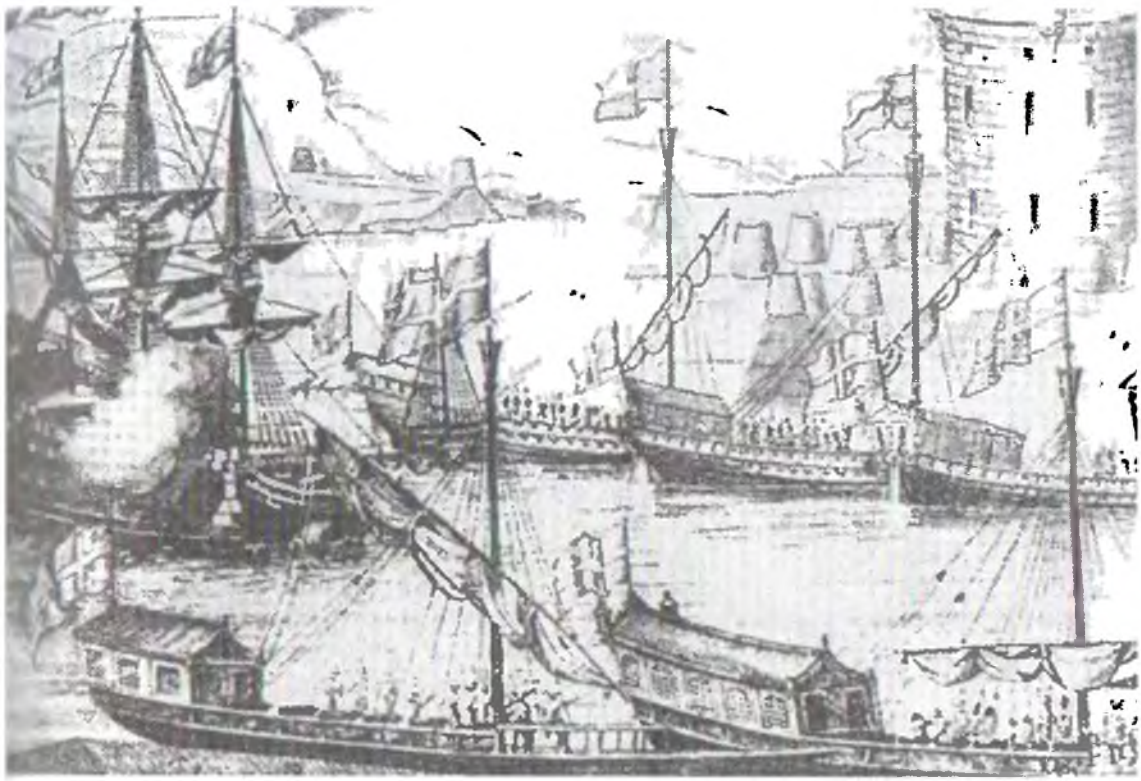

Шкиперское платье Петра Великого

План Азова и Азовское море

Взятие Азовской крепости

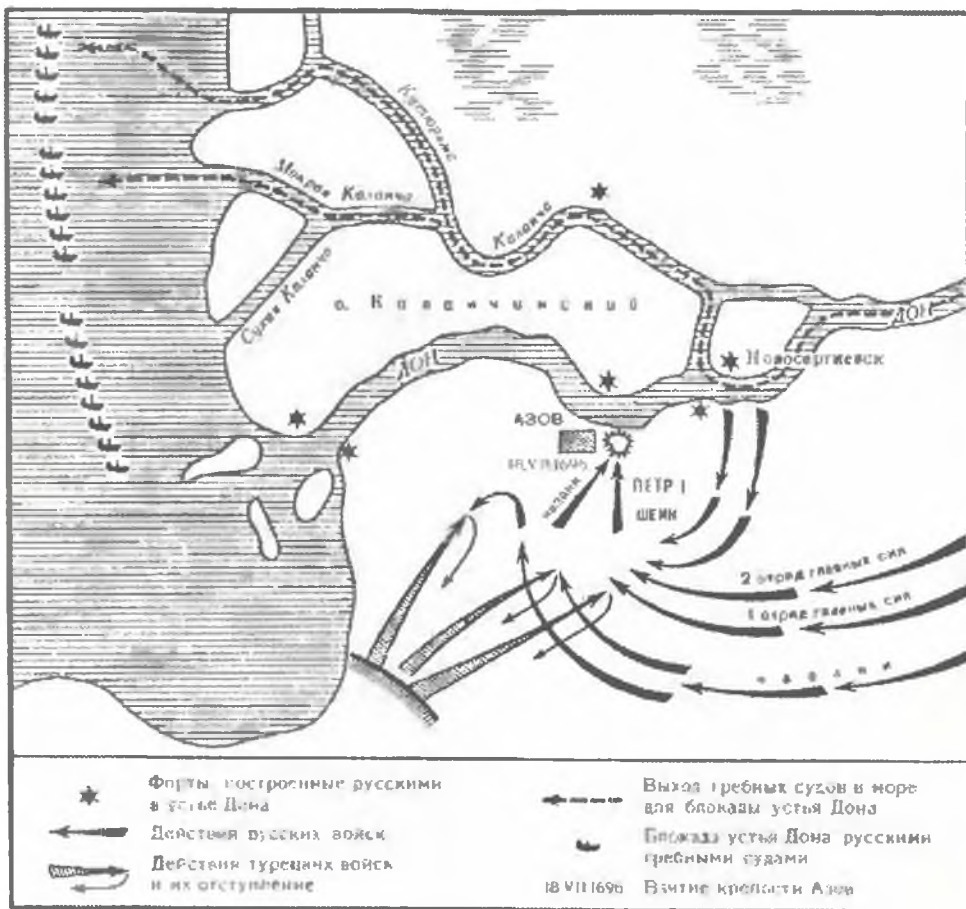
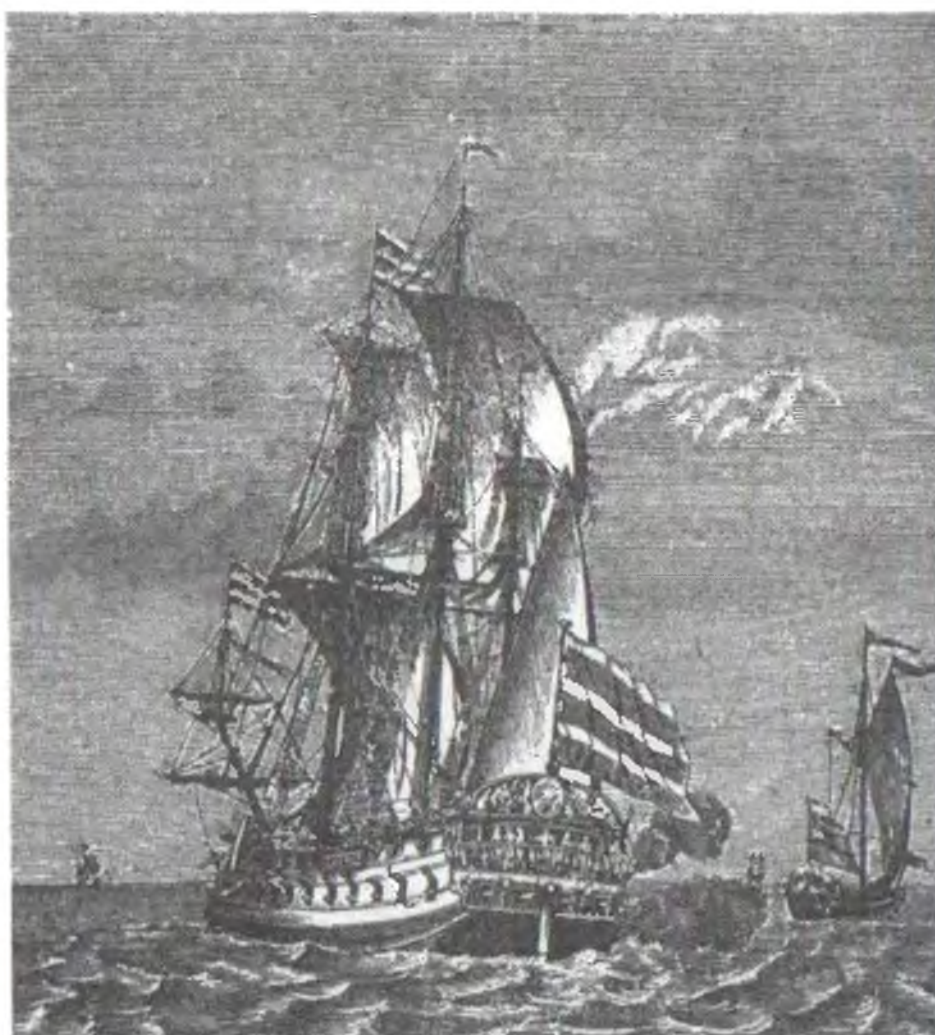

Схема осады и взятия Азова

Медаль «В память взятия Азова»

Корабль «Св. Апостол Петр», построенный Петром I на Воронеже в 1696 году

Федор Алексеевич Головин

Франц Лефорт

Петр I в одежде голландского рабочего

Петр I учится кораблестроению в Англии

Медаль «В память первого путешествия Петра I в Европу»

58-пушечный корабль «Предестинация»

54-пушечный корабль «Полтава»

Корнелий Иванович Крюйс

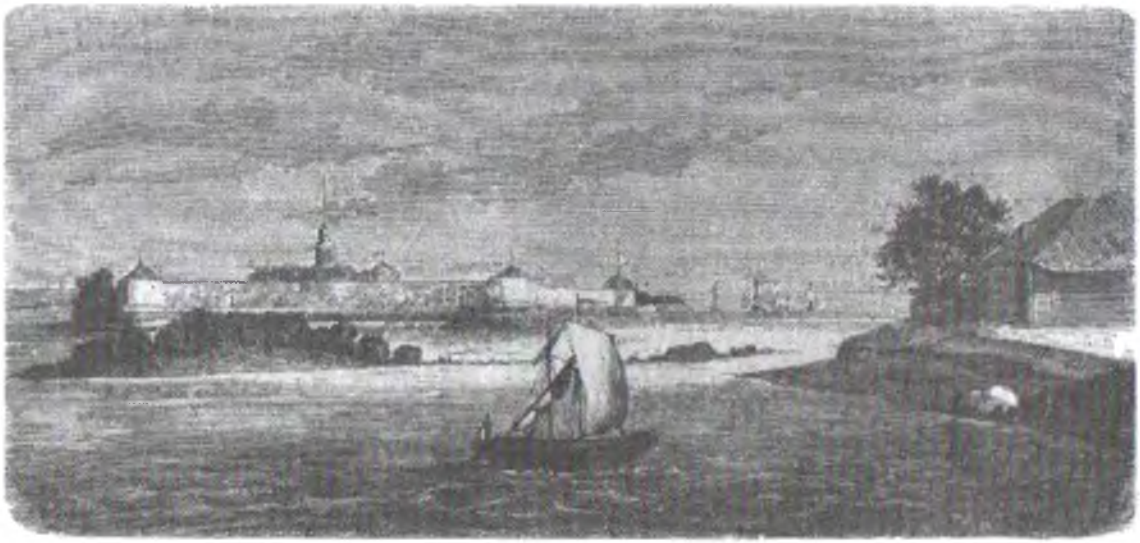
Carolus.

Король Швеции Карл XII

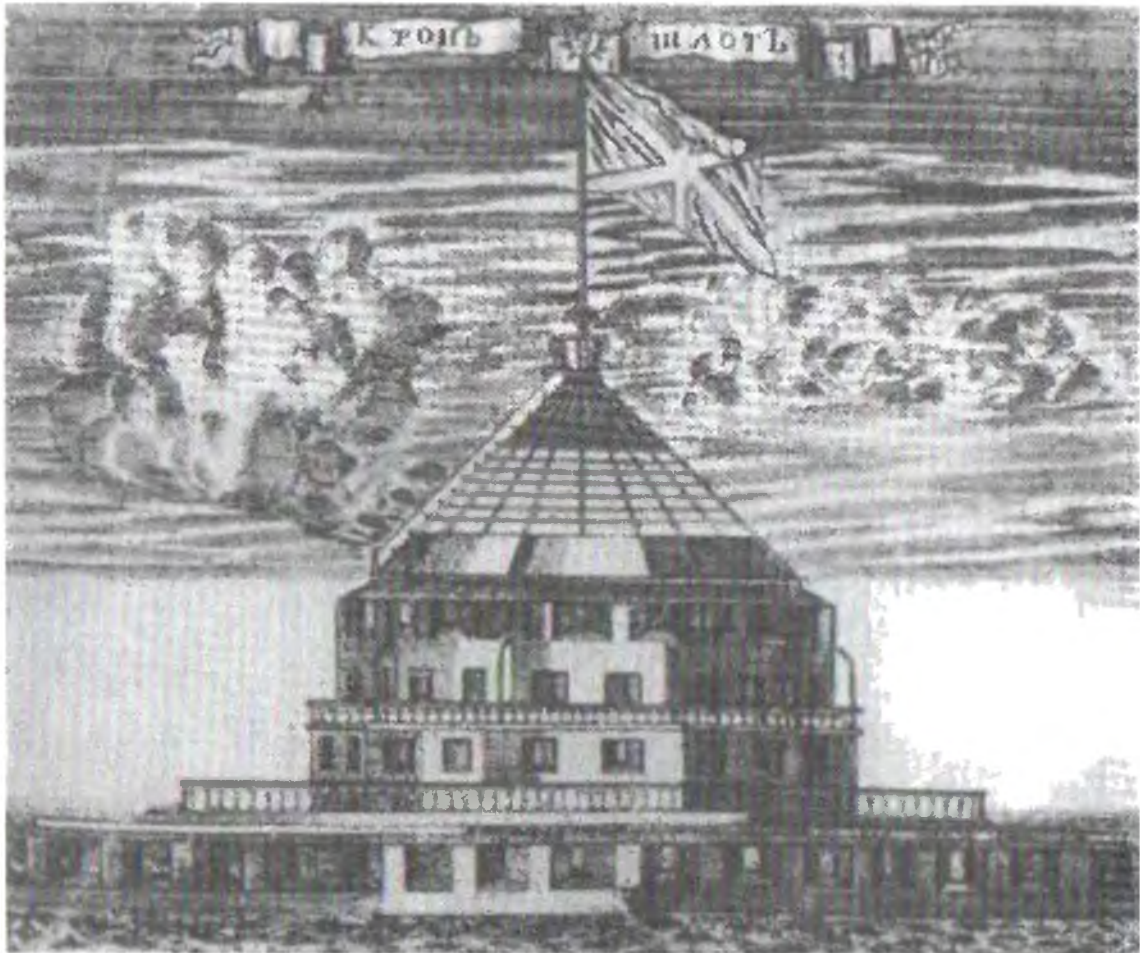

Петр Великий

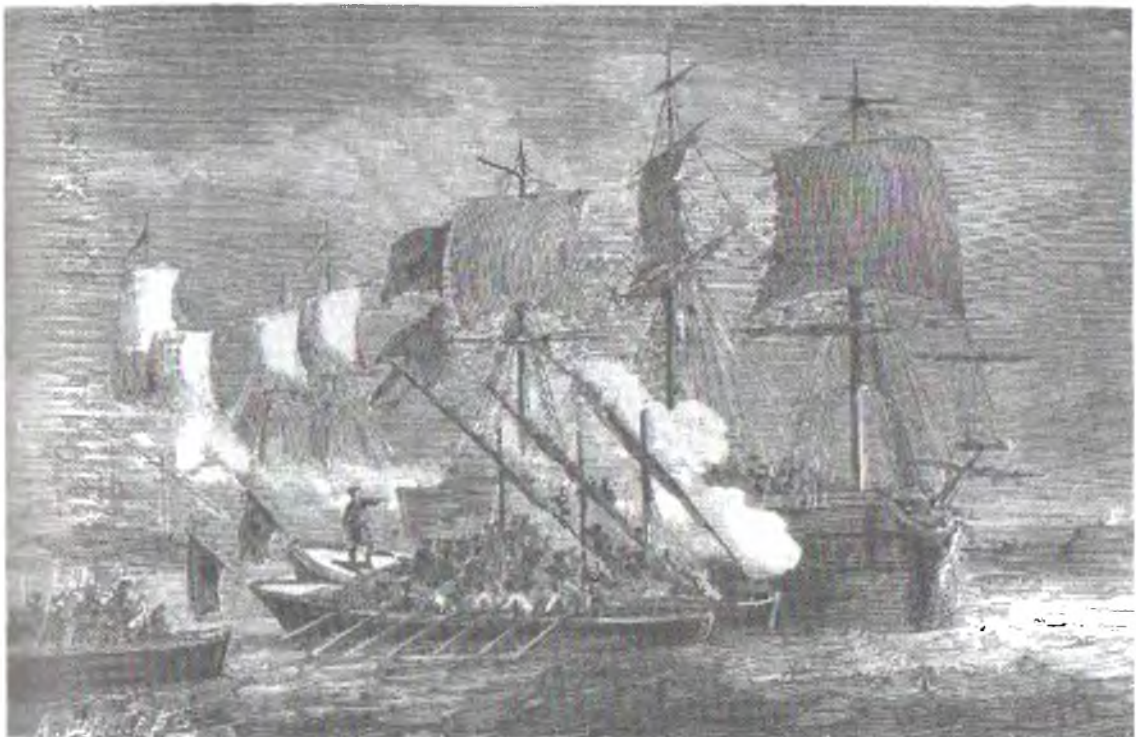
Крепость Шлиссельбург

Форт Кроншлот

Михаил Михайлович Голицын

Первая морская победа в устье Невы

Крепость Иван-город

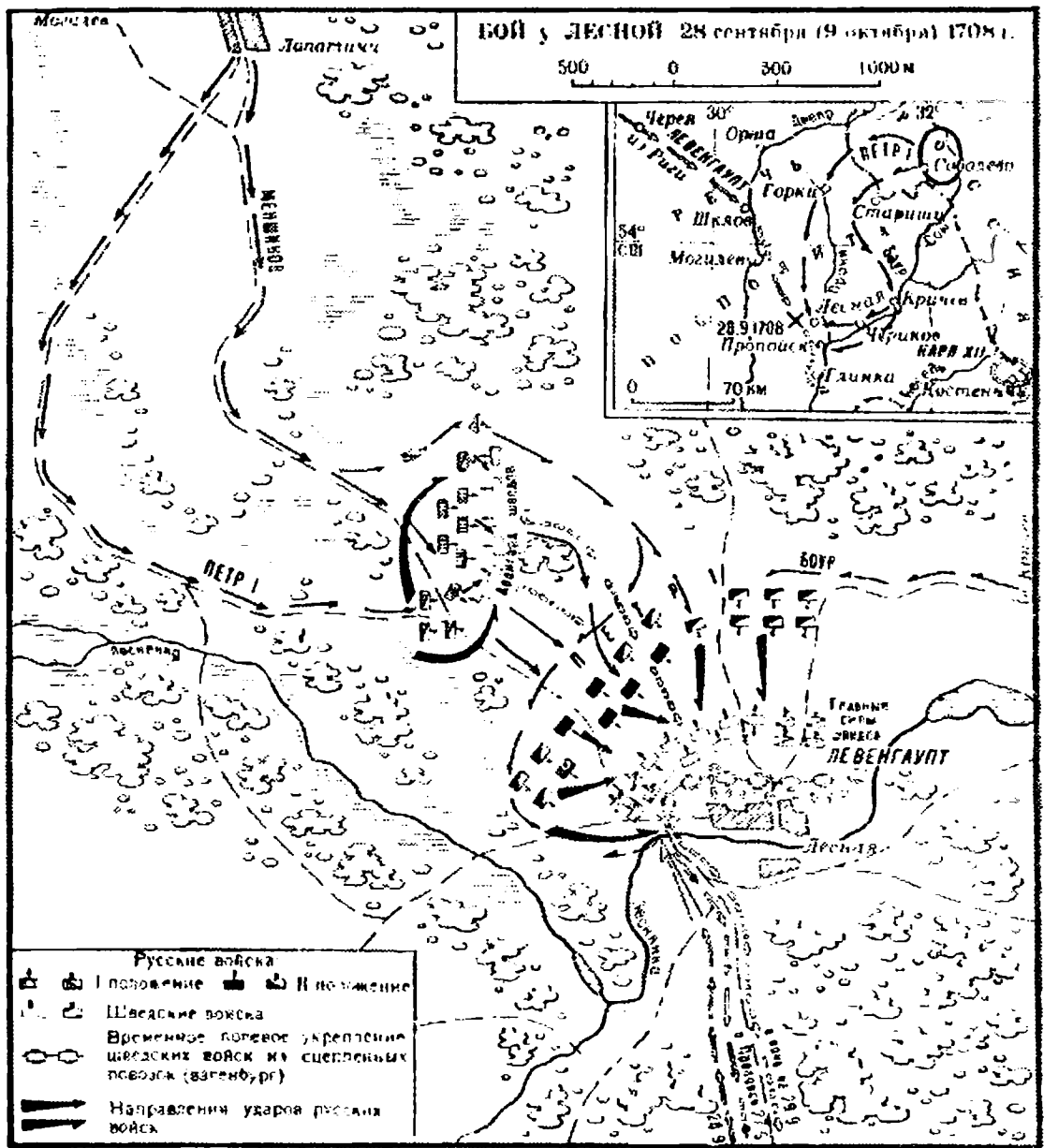
А.Д. Меншиков при взятии Иван-города

Граф Ф.М. Апраксин

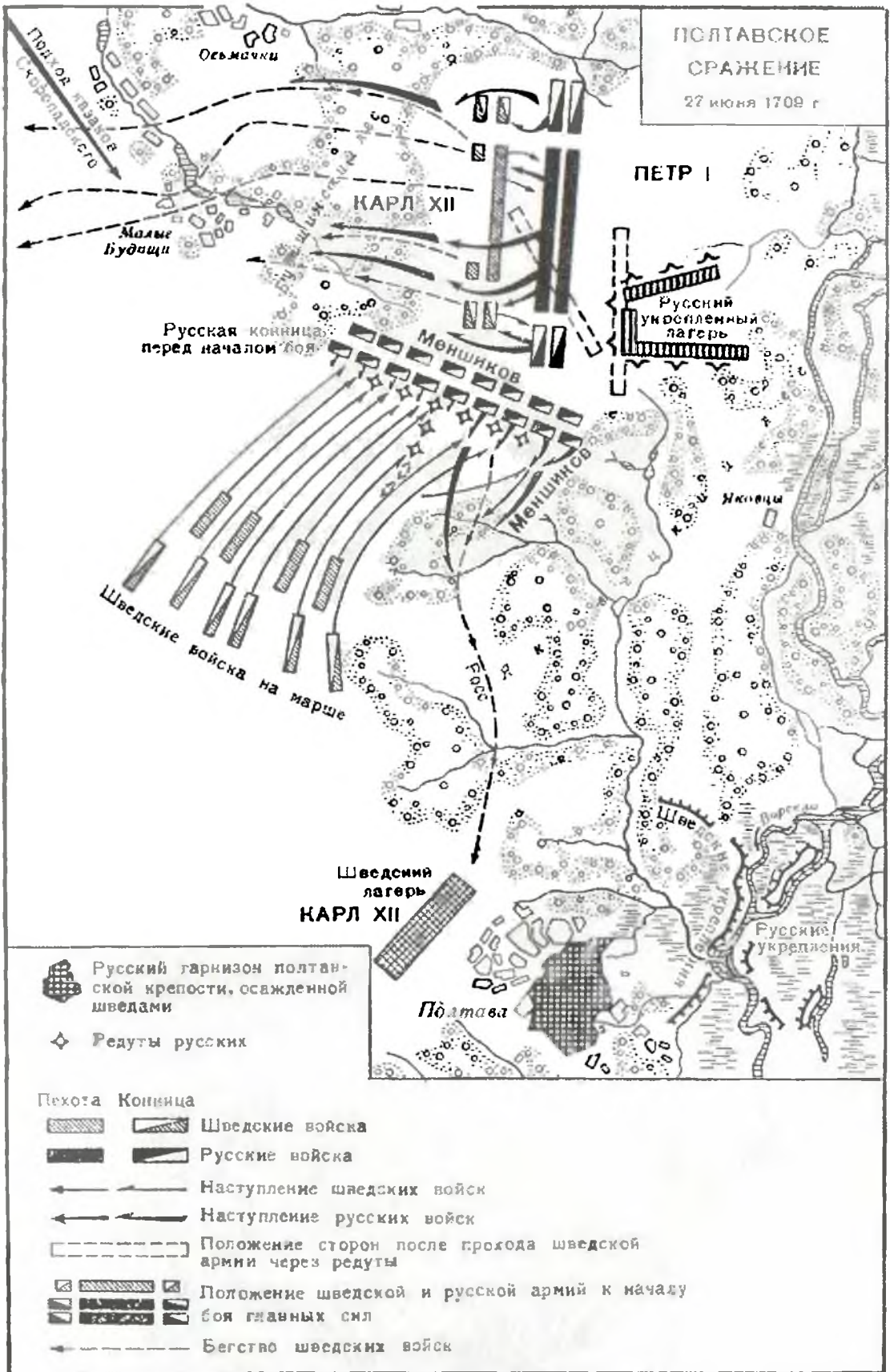

Князь А.Д. Меншиков

Бой у Лесной 28 сентября 1708 года

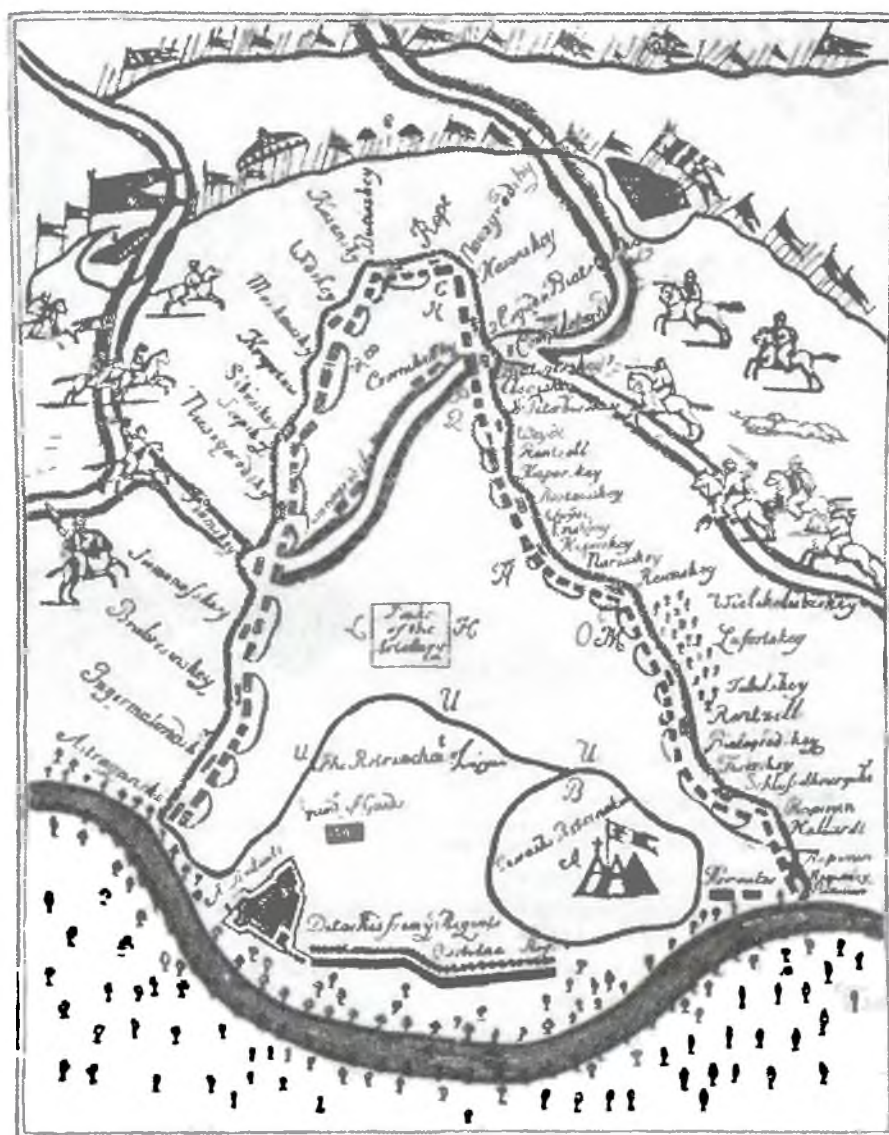

Сражение при Полтаве 27 июня 1709 года

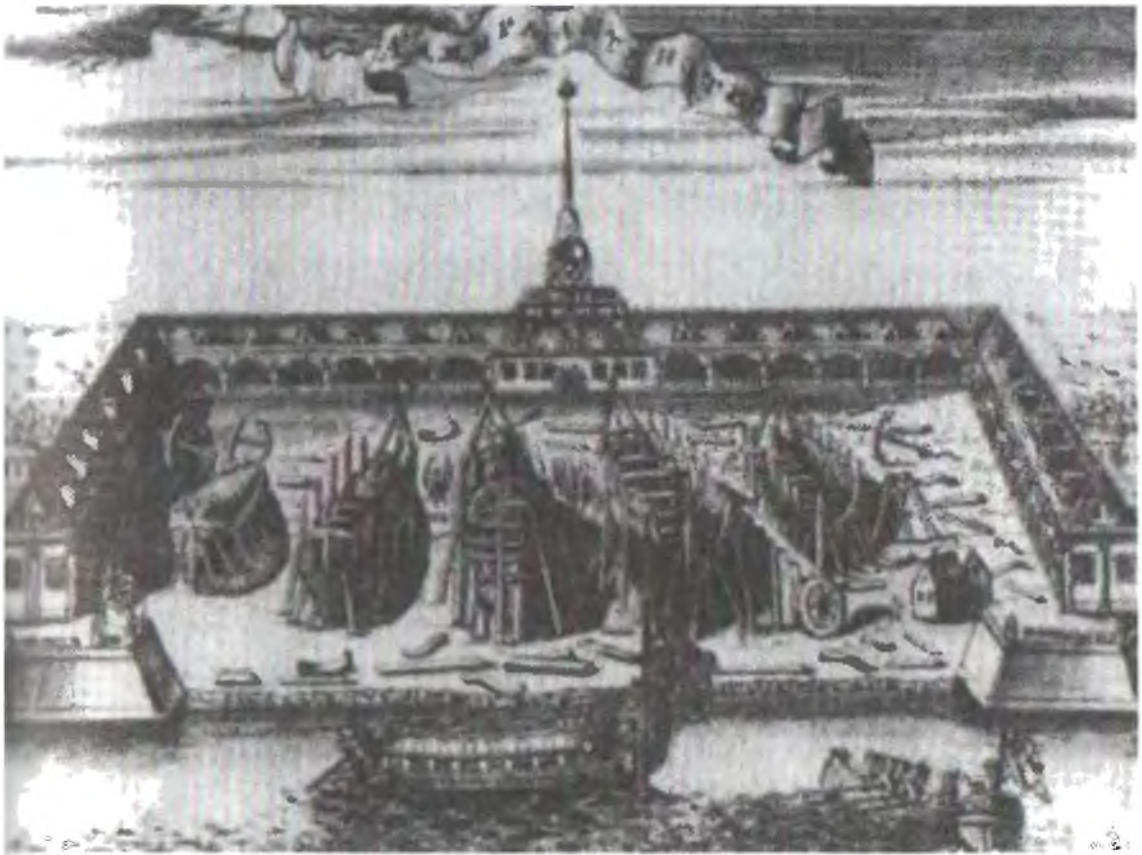

Медаль «В память победы при Полтаве»

План расположения русских войск на Пруте в 1711 году

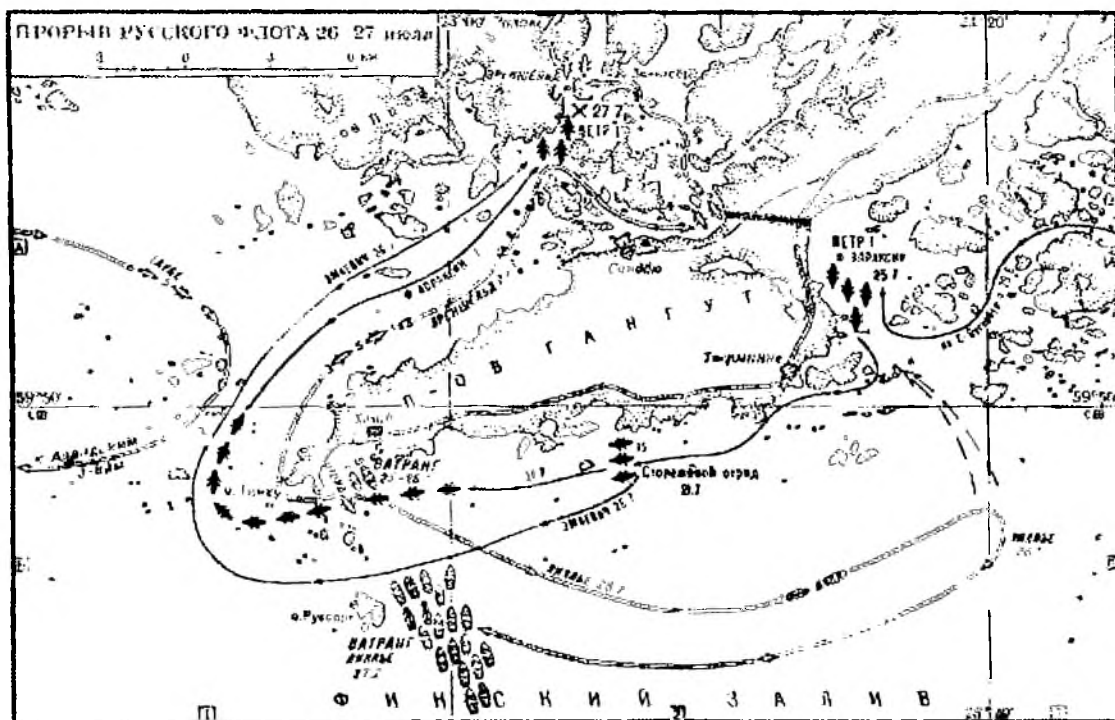
Адмиралтейство в Санкт-Петербурге

Гостиный двор в Санкт-Петербурге

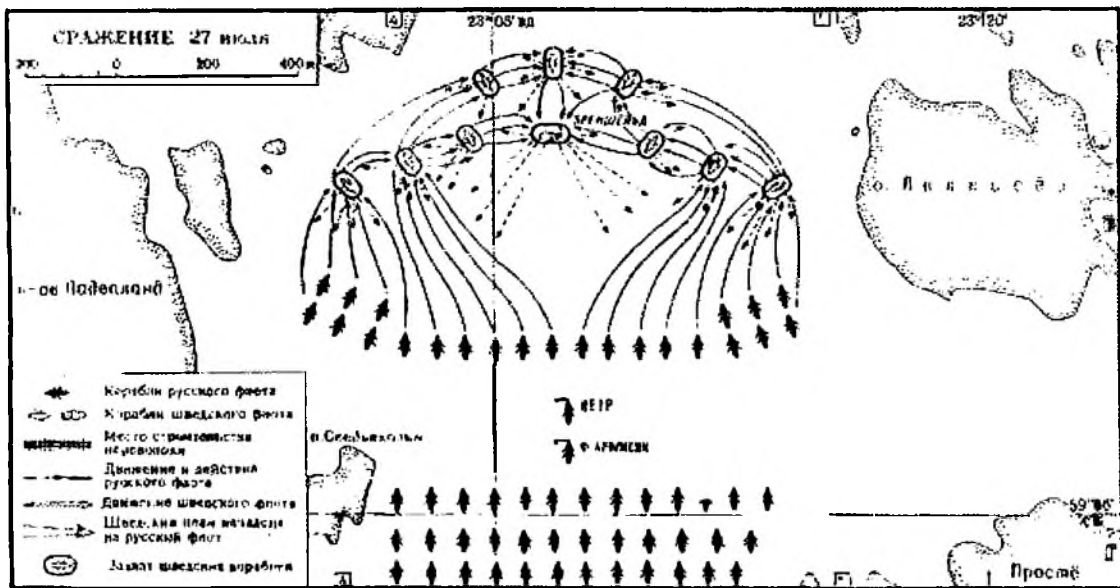

Генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин

Прорыв русского флота у Гангута 26—27 июля 1714 года

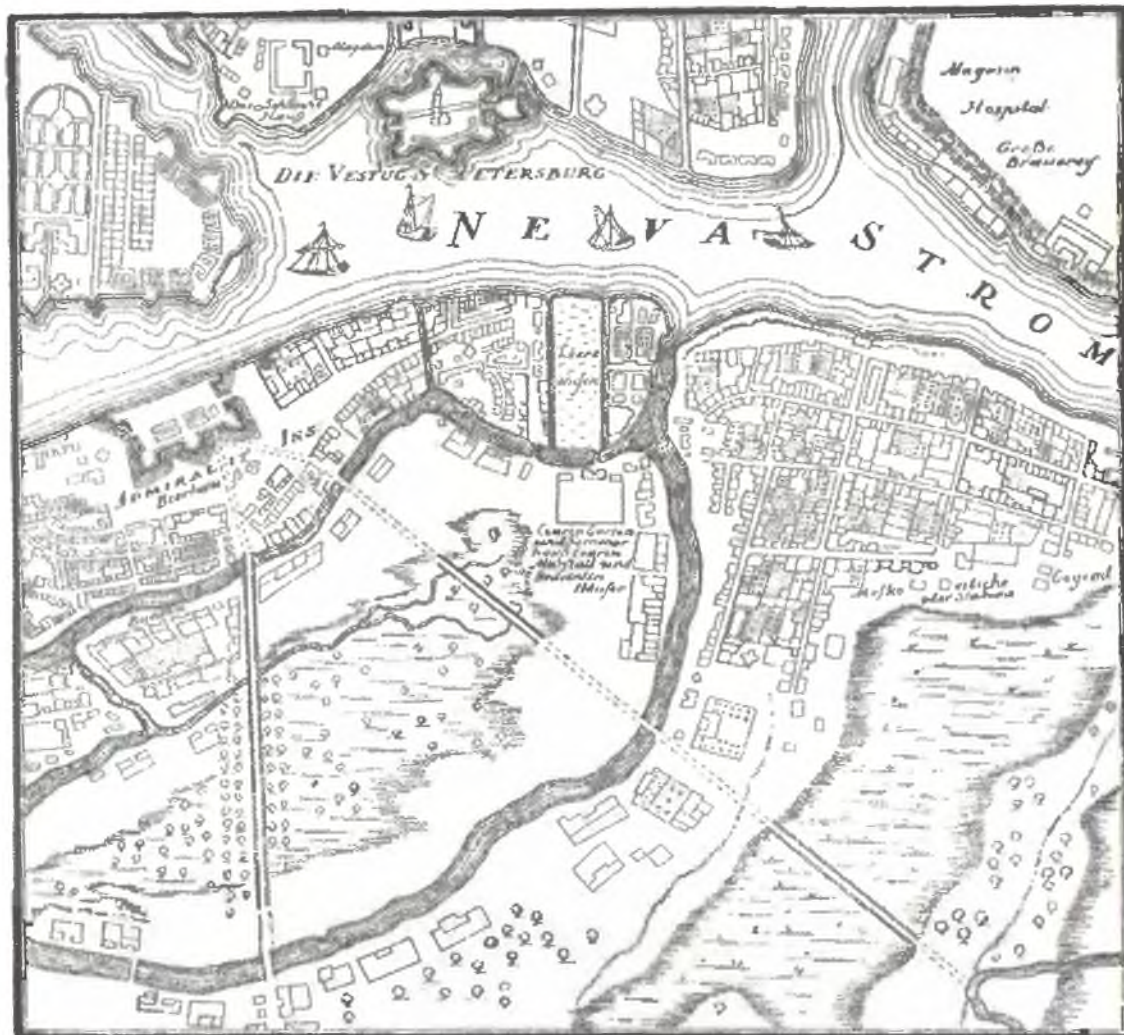

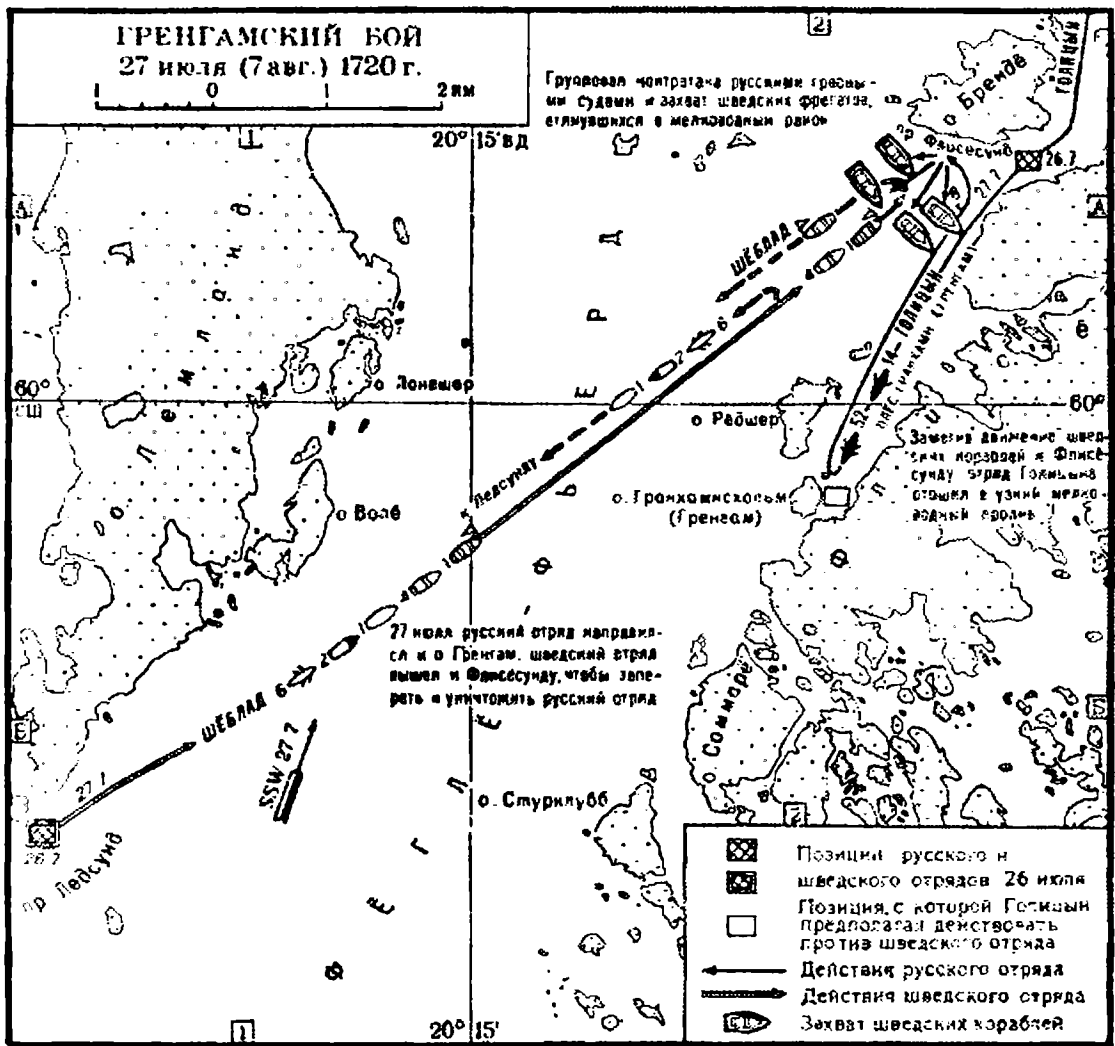
Разгром эскадры Эреншильда при Гангуте 27 июля 1714 года

Гангутское сражение 27 июля 1714 года

План Санкт-Петербурга в 1718 году

Гренгамский бой 27 июля 1720 года

Андрей Иванович Остерман

Медаль «В память Ништадтского мира»

Царь Петр I Алексеевич

Перевозка мощей св. Александра Невского

Петр Великий после вступления в брак с Евдокией Феодоровной

Император Петр Великий

Петр Великий в Саардаме

Петр Великий

Петр I

дальнейшем известного государственного деятеля, адмирала и дипломата [47. С. 685].

Хорошо разбираясь в административных вопросах, Крюйс стал правой рукой и учителем Ф.М. Апраксина, назначенного адмиралтейцем, а с 1707 г. ставшего адмиралом, главой морского ведомства.

Первоначально основные должности на кораблях и верфях, вплоть до матросов и мастеров, занимали иноземные специалисты. Но все больше умелых русских плотников и назначенных на корабли смекалистых солдат постигали на практике оснастку и вооружение кораблей, управление ими, морские порядки, наблюдая, как работают наемники. Тогда же в морской лексикон вошли сохранившиеся поныне термины из голландского, английского и других языков. Апраксин также перенимал опыт, и когда Крюйс уехал на Север, руководил строительством флота в Воронеже самостоятельно.

С 1704 г. Крюйс вступил в командование новорожденным Балтийским флотом. Он установил порядок в распределении команд на судах, в снабжении судов и Адмиралтейства морскими припасами, продовольствием и обмундированием [44. Ч. 1. С. 197].

Обладая прямым, нелегким характером, вице-адмирал нередко конфликтовал с сослуживцами, если видел ущерб государеву делу или собственной чести. В Воронеже его столкновения с галерным шаутбенахтом Яном фан Резом, также голландцем, чуть не доходили до дуэли, и только авторитет Ф.М. Апраксина помогал обойтись без крови. Командуя на Балтике, Крюйс вступил в дискуссию с шаутбенахтом Боцисом о том, подчиняется ли тот ему, пока не последовало высочайшее решение. В ходе службы не раз возникали трения с другими деятелями флота, которые жаловались царю. В свою очередь, независимый моряк считал себя подчиненным только государю и Апраксину, которого очень уважал. В частности, он писал ему: «Истинно, мой приятельный господин, еслиб да милость [ваша] здесь со мной в управление изволил быть и мы б еще в службе Государевой много к лучшему чинили, а ныне, как по пряму речить, так у меня здесь дело мое идет истинно с неправедными людьми, как которые ныне у адмиралтейских дел есть...» [39. Ч. 1. С. 81].

Ссоры с адмиралтейскими чиновниками, от которых зависело снаряжение эскадры к кампании, не раз приводили к тому, что вице-адмирал не получал заслуженной награды.

В 1705 г. шведы решили нанести по Санкт-Петербургу удар с моря и суши. Еще в январе войска Майделя пытались через замерзший залив пройти к Котлину, но долго плутали в пургу, а затем встретили ожесточенное сопротивление подготовившихся защитников [51. С. 16]. В начале мая Крюйс, снарядивший эскадру в Санкт-Петербурге, запросил Петра I, идти ли ему до Кроншлота. Вице-адмирал предлагал организовать разведку в море: «Також позволишь ли Государь, чтобы в июле и августе галеру, шняву или бригантину для ведомости выслать, чтоб про неприятеля проведать, також, как далеко оным судам за твои порубежные места ходить?» [39. Ч. 1. С. 38].

Царь дал разрешение идти к Котлину. 22 мая Крюйс вывел в море еще очень небольшой Балтийский флот и занялся укреплением острова. Он прибыл на Котлин 24 мая, встреченный салютом, и собрал военный совет из капитанов и офицеров, который решил определить наиболее удобные места на острове для установки батарей [54. С. 26]. Сыну Ивану (командиру шнявы «Де-Гас») вице-адмирал поручил построить батарею на мысе южного берега, полковнику Толбухину — на косе западного берега. Позднее эти батареи получили названия Ивановской и Толбухинской. Эскадру Крюйс расположил таким образом, чтобы во взаимодействии с батареями перекрыть фарватер. Фарватер преграждали плавучие рогатки (боны). Приготовления завершили 1 июня, за три дня до появления противника [51. С. 16—17].

10-тысячный корпус генерал-лейтенанта Майделя в июне безуспешно атаковал столицу со стороны Выборга, но был отражен русскими войсками. Одновременно началась атака с моря. 4 июня эскадра адмирала Анкерштерна (7 линейных кораблей, 6 фрегатов и 9 вспомогательных судов) появилась в виду острова и попыталась высадить десант на Котлин. Крюйс располагал только 8 фрегатами и несколькими меньшими судами, которые развернул между Кроншлотом и островом, на котором были построены четыре батареи [42. С. 207—208]. Анкерштерн был уверен в победе и назначил встречу Майделю в Петербурге уже 4 июня [54. С. 27—28].

Неприятельские фрегаты приблизились к самым бонам, но были отбиты огнем. Вице-адмирал де Пру высадил 1000 человек на копорский берег и вернулся к главным силам. Контр-адмирал Спарре под прикрытием огня линейных кораблей предпринял высадку на косу Котлина с гребных судов; но и здесь шведы были отбиты. Следующим утром артиллерия шведских кораблей три часа обстреливала русские позиции на острове, нанеся немного ущерба; когда же масса шлюпок направилась вновь к косе, первых же вышедших на берег смели орудия Толбухинской батареи и солдаты [42. С. 207]. Подавить русское сопротивление не удалось и 6 июня. Шведы на несколько дней прервали боевые действия. Позднее стало известно, что Анкерштерн не решился идти по фарватеру, приняв вежи за мачты затопленных кораблей [54. С. 27].

Крюйс воспользовался временем, чтобы усилить оборону. Сообщая обер-коменданту Санкт-Петербурга Р.В. Брюсу о нападении, он просил о помощи: «...здесь довольно есть куражу или смельства, но есть токмо недостаток в способах. Ежели б я еще шесть добрых 18-фунтовых пушек да две гаубицы на моих батареях имел, то чаял бы неприятелю принудить вскоре от бомбардирования своего престать». Уже 7 июня прибыли две мортиры и две 18-фунтовые пушки для Ивановской батареи, 9 июня — еще шесть пушек и две мортиры [54. С. 27]. В результате остров был готов к следующему нападению 10 июня.

Крюйс о нем докладывал: «Утром, в прекрасную погоду, весь флот распустил паруса и прямо пошел на наш. Мы стояли тихо, ожидая, что будет, поворотясь широкою стороною кораблей. На пушечном выстреле шведы бросили якорь; вперед выдвинули бомбардирские суда. В 11-м часу начали бросать бомбы и стрелять из пушек, но бомбы или перелетали через мой фрегат, или падали подле него в море, от чего много тысяч рыб выскакивали из воды; только одна бомба упала на галеру, в ящик с патронами и взорвала их, но другого вреда не причинила. До 2-го часа продолжалась канонада с обеих сторон, но тут вдруг все смолкло; неприятельские фрегаты начали отступать. Я приказал на своем поднять красный флаг, на Кроншлоте тоже подняли красный; адмирал Анкерштерн на своем спустил шведский флаг и

начал поднимать тоже красный, но дотянул его только до половины и опять спустил; я же своего не спускал до позднего вечера.

С 11 до 15 июня все было тихо; я увиделся с комендантом Брюсом и от него узнал, что шведы требовали сдачи Петербурга, но не посмели атаковать его и ушли ни с чем» [73. С. 245—246].

10 июня шведы начали атаку на широком фронте. Корабли де Пру (де Пруа) расположились против Кроншлота, Анкерштерна — перед островом, а Спарре — перед лесной батареей. Шведы вели обстрел русской эскадры, избрав главной целью флагманский фрегат Крюйса «Дефам», но не могли добиться попаданий (бомбы не долетали или перелетали). Обстрел Кроншлота также не принес заметных результатов. Русские артиллеристы действовали эффективнее. Крюйс писал: «Неприятель нашим бомбам честь воздал, для того от острова Ричарта отстал. ...Мне случилось своими очами видеть, как щепы от бомбических их судов вверх летели» [54. С. 27].

Очевидно, шведам потребовалось время, чтобы исправить повреждения. Только 14 июня они вновь попытались атаковать. В «Журнале» Петра I от 15 июня зафиксирована следующая запись: «...сего июля 14-го числа поутру явились шведский флот, 25 кораблей, и с тех кораблей начали по нашим батареям, которые построены были на острове, стрелять и бомбы бросать до полудня; и с полудня они, шведы в лодках 1630 человек, хотели пристать на берег, чтоб им взять батареи приступом, и недошед за милю встали. Наших полков Гамонтова да Микшина солдаты, не утерпя, начали палить залпом и их неприятелей побили 300 человек; взято живьем: 1 капитан, 1 поручик, 1 квартирмейстер, рядовых 25 человек» [54. С. 28].

Сочетание артиллерии на кораблях и берегу, сухопутных войск и заграждений на воде позволило отразить попытки шведов прорваться к столице или высадить войска на Котлине 4, 5, 6, 10, 14 июня. Когда же, получив подкрепления, Крюйс попробовал сам перейти в наступление, шведы 21 июня удалились от русских берегов [42. С. 207].

За такую победу, безусловно, полагалась немалая награда. Крюйс не получил ничего существенного. Посланный с

донесением о победе П. Сиверс сообщил царю, что вице-адмирал не проводил предписанных учений флота, чем вызвал гнев монарха.

Докладывая царю о ходе боевых действий, Крюйс предложил дополнительно укрепить Котлин, чтобы не привязывать флот к обороне устья Невы. 16 июня он писал: «...не худо б было, чтоб Кроншлоту или близ его еще какую крепость сделать...» Он считал возможным на Котлинской косе соорудить крепость с гарнизоном 1500 человек для обороны от возможных десантов. Через год на месте Толбухинской батареи по приказу царя был построен Александр-шанец (крепость Св. Александра), ставшая основой обороны Котлина [54. С. 29].

Шведы не прекратили активность на море. 18 августа вновь их корабль появился в море; высланные 19 августа 7 галер вступили в бой, но из-за плохой погоды повернули назад, а шведский корабль удалился. Только осенью Крюйс оставил свой пост, 7 октября прибыл с эскадрой на зимовку и был встречен салютом [54. С. 28—29].

В следующем, 1706 г. Крюйс продолжал работы на Котлине, который все более и более укрепляли. Вице-адмиралу приходилось начинать с организации труда. В частности, он отдал приказ офицерам — руководителям работ:

«1. За четверть часа до начала работ проверить всех наличных людей.

2. Каждый офицер должен иметь рабочую тетрадь, в которой записывается, на какие работы люди разведены бывают.

3. С вечера должен знать каждый офицер, какие предстоят ему на завтра работы, для распределения по оным людям.

4. С семи часов до половины восьмого завтрак, с одиннадцати до часу обед, а вечерняя работа до захождения солнца. Каждый срок обозначается тремя мушкетными выстрелами, а во время отдыха поднимается белый флаг.

5. Никто из обер- и унтер-офицеров не должен подчиненных ему матросов и солдат бить рукою или палкой, но следует таковых, в случае потребности, наказывать при малой вине концом веревки толщиной от 21 до 24 прядей, а за большую вину наказывать по суду согласно уложению.

6. Каждый командующий кораблем и заведующий какой-либо частью должны все исправить в гавани, чтобы впоследствии ничего не требовать.

7. Снабдить суда всеми тросами, перлинями и швартовыми.

8. В случае надобности брать что из магазинов, должны обращаться к капитану Грею с шести с половиною до девяти часов и после обеда с трех до пяти часов.

9. Сержанты и капралы должны быть первые на местах, для получения приказаний от командующих офицеров» [54. С. 31].

Заметив, что нижние чины плохо одеты, вице-адмирал приказал офицерам вычесть у них жалованье за три месяца и приобрести новую форму [54. С. 30].

Крюйс стал одним из авторов первого на флоте военного уголовного кодекса, который предусматривал суровые наказания за большинство проступков. В частности, смертная казнь полагалась за угрозу начальнику словом или делом, за отказ от службы до отставки, сопротивление распоряжениям начальника, за бегство со службы после принятия присяги, за продажу боеприпасов, за возмущение и недонесение о возмущении, за неявку на судно перед выходом, за отказ участвовать в сражении, за третью кражу, за грабеж взятых у противника судов, за сокрытие пленного. За меньшие преступления полагались «купание с райны», «проволакивание под килем» и «битье у мачты». За драку на корабле виновному отсекали руку [54. С. 30]. В дальнейшем многое вошло в Морской устав. Но самые суровые наказания применяли относительно редко. Для офицеров существовала система штрафов.

Приходилось торопиться со строительством укреплений, ибо шведы продолжали появляться вблизи Котлина. Флот оборонял подступы к Санкт-Петербургу до поздней осени. В 1706 г. Крюйс стоял у форта Кроншлот на корабле «Олифант» [44. Ч. 1. С. 197—198].

1 октября 1706 г. Крюйс сообщал царю, что 28 сентября видели в 20 верстах три фрегата и запрашивал разрешения 3 октября возвращаться на зимовку с эскадрой из 17 кораблей. Петр, прочитав донесение, написал вице-адмиралу: «...не хуже нашему флоту... при Кроншлоте стоящему еще некото-

рое время на море побыть, хотя б до половины сего месяца, или оставить из них 10 кораблей, и над ними добраго командира, для того чтоб неприятель не так смело выступал и диверсии б не учинил...» [54. С. 32; 39. Ч. 1. С. 120]. Разумеется, Крюйс задержался у Котлина, тем более что экипажи кораблей требовались для достройки рavelина на Котлине напротив Кроншлота. Только 15 октября вице-адмирал вернулся в Санкт-Петербург и доносил: «Равелин с нотнаго конца мосту кругом обставлен рогатками и совсем готов» [39. Ч. 1. С. 121].

В ожидании весеннего появления неприятеля Петр I уже в декабре 1706 г. в ответ на предложение Крюйса об увеличении мощи флота приказал ему выводить флот после таяния льда и поручил еще зимой выслать людей и материалы для усиления Ивановской (Сант-Яна) батареи и установки двух рядов бонов перед Кроншлотом. Батарея была перестроена и к 12 мая 1707 г. имела на вооружении 15 24-фунтовых и 12 18-фунтовых орудий. Однако в этом году шведы не решились атаковать. Правда, 10 мая 6 шведских кораблей показались перед укреплениями, но после выхода 8 кораблей и брандера эскадры Крюйса ушли. 30 октября приблизившееся к острову неприятельское судно сделало два выстрела с недолетом и быстро ретировалось [54. С. 32].

В 1707 г., имея флаг на корабле «Дефам», вице-адмирал находился во флоте адмирала Апраксина и выходил в первое крейсерство к Красной Горке [44. Ч. 1. С. 197—198].

Остался без наград Крюйс и после обороны Санкт-Петербурга летом 1708 г. Имея флаг на корабле «Олифант», Крюйс находился с флотом у Кроншлота в готовности отразить нападение шведского флота [44. Ч. 1. С. 198].

Начиная вторжение в Россию, Карл XII поставил задачу группам войск из Эстляндии и Финляндии с двух сторон напасть на новую столицу России и вернуть берег Балтийского моря. Однако адмирал Ф.М. Апраксин, связав партизанской войной войска шедшего от Выборга Либекера, разбил двигавшийся с запада отряд Штромберга, после чего страдавшим от недостатка продовольствия войскам Либекера не оставалось ничего иного, как эвакуироваться морем; арьергард его разгромили русские. В успехе немалую роль сыграл и К.И. Крюйс. Не располагая силами достаточными,

чтобы преградить Неву для переправы Либекера, вице-адмирал выстроил на реке для демонстрации все, что напоминало корабли, и шведскому генералу пришлось со своими войсками сделать большой крюк в обход Санкт-Петербурга. Крюйс приказал сжечь магазины с продовольствием, и шведы страдали от нехватки провизии. Кроме того, он составил подложное письмо о том, что в подкрепление движется 40-тысячный отряд. Письму этому, взятому шведами в лагере отступившего русского отряда, Либекер поверил и спешно ретировался [23. С. 13—14].

За спасение столицы царь щедро наградил Ф.М. Апраксина. Крюйс больших наград не получил. С появлением Федора Матвеевича на Балтике он реже возглавлял флот, которым командовал то генерал-адмирал, то ставший шаутбенахтом (контр-адмиралом) Петр. Вице-адмирал занимался больше административными вопросами, подготовкой флота к военным действиям. Крюйсу, кроме снаряжения флота и участия в осаде Выборга, пришлось строить крепость на Котлине — будущий Кронштадт, а также казармы, Толбухин маяк.

В 1709 г. Крюйс командовал флотом у Котлина, имея флаг последовательно на кораблях «Олифант» и «Думкарт». В 1710 г., начальствуя флотом на корабле «Олифант», вице-адмирал сопровождал до Биорко посланный к Выборгу конвой с провиантом и осадной артиллерией, а затем производил промеры фарватеров у Кроншлота [44. Ч. 1. С. 198].

По случаю войны с Турцией Крюйса отправили осенью 1710 г. в Воронеж для подготовки Азовского флота. В случае победы на суше можно было рассчитывать на то, что эскадра овладеет Керчью и выйдет в Черное море. В начале 1711 г. Крюйс предполагал вооружить к кампании 19 кораблей и несколько меньших судов. Но, прибыв в Азов к исходу апреля, вице-адмирал увидел силы значительно меньшие, чем ожидал [20. С. 231]. Оказалось, что в море можно вывести 7 кораблей старых и 3 новых по 48—70 пушек, 3 шнявы и один транспорт; фактически к марту удалось подготовить 6 кораблей и 3 шнявы [21. Ч. II. С. 107—108]. Три новых корабля еще не были спущены. Командиров присылали с Балтики. две трети матросов набирали из солдат [20. С. 231]

Крюйсу по инструкции следовало вооружить 5—6 кораблей и несколько меньших судов и отправиться к Керченскому проливу; если бы там оказались турецкие силы, ему предстояло крейсировать для наблюдения между Крымом и Кубанским побережьем и посылать отряды казачьих лодок для разведки под прикрытием малых судов; инструкция требовала предавать смерти всех, носящих оружие [20. С. 234—235].

Трудности со снаряжением флота создала природа. Петр получил сведения, что могут выступить только 2 корабля с ненасланными верхними палубами, 2 шнявы и 6 скампавей, отправленные с Крюйсом 7 апреля; остальные не удалось спустить из-за низкой воды. Ф.М. Апраксин писал, оправдываясь, что на все воля Божия. Генерал-адмиралу было из-за чего беспокоиться, ибо именно он выбрал место для верфей. Царь признал Апраксина виновным и предоставил все дальнейшие действия на его усмотрение. Чтобы в будущем таких проблем не возникало, Крюйс предложил строить для Азовского флота плоскодонные корабли. Царь утвердил постройку 6 кораблей, 2 шняв и 10 провиантских судов; в мае он разрешил Апраксину разобрать 4 80-пушечных корабля в Таврове для постройки новых [20. С. 233—234].

В 1711 г. на корабле «Меркуриус» Крюйс начальствовал эскадрой Азовского флота в Таганрогской гавани. По заключении мира с Турцией он отправился в Санкт-Петербург, деятельно улучшал Адмиралтейство в столице и на Котлине, при последнем заведовал устройством гавани и казарм [44. Ч. I. С. 198].

Вечно чего-нибудь не хватало, и нередко Крюйс жаловался Апраксину на нерадивость должностных лиц, которых заставляло шевелиться только вмешательство царя или генерал-адмирала. Весной 1712 г. он несколько раз писал Апраксину о большой смертности среди строителей. Летом 1712 г. вице-адмирал занимался постройкой нового укрепления, прикрывавшего с севера гавань [54. С. 36]. Он же отвечал и за строительство гавани, которую начали 2 ноября 1709 г. Так как он располагал всего 1200 человек, то писал Апраксину: «Ежели у меня к 25-му числу будет 2000, то буду работать, а ежели нет, то брошу и буду знать только свое адмиральство» [51. С. 20—21]. В письме от 11 июля вице-адмирал

утверждал, что: «...у прочих главнейших командиров никакой милости нет как до мужиков, так и до невольников, понеже оные господа едят и пьют сладко и смеются над государевой работой и людьми» [39. Ч. I. С. 295]. 14 июля он сообщал: «По ныне еще ни одного бревна казарм не привезено. Я добрыми словами Толбухина и Островского просил, чтоб свозили, по ничего не помогло, токмо могут свои деревни на обих сторонах строить и купечество чрез своих солдат держать» [54. С. 36; 39. Ч. III. С. 571]. Тем не менее 8 августа он докладывал генерал-адмиралу, что крепость построена [39. Ч. I. С. 305].

Вице-адмирал занимался и вопросами кораблестроения. Когда летом 1712 г. были спущены большие шнявы «Диана» и «Наталия», он рекомендовал сделать их трехмачтовыми фрегатами [24. Т. 1. С. 129; 39. Ч. I. С. 365].

Летом 1712 г. Крюйс крейсировал у Кроншлота с 3 кораблями, 2 фрегатами, 2 шнявами и бомбардирским судном. Кроме того, с ним были 6 бригантин шаутбенахта Шельтинга и 12 скампавей шаутбенахта Боциса. Вечером 29 июля у Толбухиной косы показались 2 шведских корабля и шнява. Вице-адмирал постарался сблизиться с ними. Утром, когда шведы сами приблизились, он выслал вперед 2 корабля, шняву и направился за ними сам. Шведы отвернули и пошли в море. Так как заштило, Крюйс приказал буксировать корабли скампавеями. К полудню ветер усилился; вице-адмирал оставил буксиры и направился за неприятелем под парусами. Однако догнать более быстроходного противника не удалось. Позднее Боцис доказывал, что Крюйс мог догнать шведов, если бы ранее вызвал гребные суда и не прекратил преследование. Крюйс оправдывался тем, что у Сойкиной мызы была замечена шведская эскадра, и он не решился далеко уходить, чтобы не оставить Котлин без защиты. Он назвал Боциса «невежливым, глупым... греком». В 1712 г. все обошлось без больших последствий для вице-адмирала, но сказалось в следующем году [65. С. 58—60].

В 1712 г. Крюйс на свадьбе государя занимал «отцово» место [44. Ч. I. С. 198].

Укрепив подступы к столице, можно было развивать наступательные действия в Финляндию. Летом 1712 г. Ф.М. Апраксин ограничился демонстрацией. В результате похода к

границе родилась мысль, что укрепленную линию на реке Кюмень можно обойти по морю. Весной следующего года основные силы Апраксин расположил на галерной флотилии, которая высаживала войска на берега, тогда как конница двигалась по суше. В течение кампании удалось овладеть большей частью Финляндии. Для нанесения удара по Швеции следовало провести в Ботнический залив галерную флотилию. Но в кампанию 1713 г. путь ей преградил королевский флот, стоявший у мыса Гангут. Корабельному флоту Крюйса следовало обеспечить движение галер. Однако счастье изменило вице-адмиралу.

В 1713 г. царь, как шаутбенахт корабельного флота, собирался сам участвовать в кампании. 7 июля он подал Крюйсу свои соображения по действиям корабельного флота:

«1. Чтоб идти флоту к Ревелю; иметь на переди три корабля легких, на парусах, и чтоб оные были только в виду, дабы дали знать о неприятеле заране.

2. Ежели неприятель силен, то поворотиться назад. Ежели неприятель безсилен, то оногo гнать сколько возможно, и чинить поиск, а к Ревелю послать тотчас указ, чтобы шли корабли, которые у Ревеля, к Кронштадту.

3. Ежели поиск получит или уйдут, а уведаются доподлинно, что неприятель несилен, то искать вице-адмирала шведского в Гельсингфорсе запереть» [65. С. 61].

Крюйс, заботясь о жизни монарха, составил перечень опасностей, которые грозят на море, и отсоветовал ему идти в поход. Обиженный Петр саркастически заметил, что окольный Засекин подавился свиным ухом, а Бутурлина задавили палаты. Он писал: «...Осьмнадцать лет как служу сему государству... и в коликих баталиях, акциях и белаграх был, везде от добрых и честных офицеров прошен был дабы не отлучался...» [65. С. 61—62]. Однако, не нарушая дисциплины, монарх подчинился старшему по чину. Тем самым вице-адмирал возложил всю ответственность на себя.

9 июля эскадра Крюйса из 8 кораблей, 4 фрегатов и 4 шняв вышла в море к Ревелю с целью присоединить прибывшие туда новые корабли. Далее Крюйсу следовало идти к Гельсингфорсу и заблокировать стоявшую там шведскую эскадру. Вице-адмирал выслал вперед в дозор 4 легких судна, дав их командирам инструкцию сообщить о появлении против-

ника; все прочие корабли шли в беспорядке. Когда около полудня 10 июля между островами Сомерс и Лавенсари (Мощный) были обнаружены 3 неприятельских дозорных судна, Крюйс созвал совет из командиров ближайших кораблей. Собравшиеся решили преследовать шведов до ночи, а затем идти в Ревель. Тьма и штиль прервали преследование. Но на рассвете недалеко от Гельсингфорса вновь увидели шведские суда. Вице-адмирал поднял красный флаг погони. Накануне Крюйс предлагал командирам решительно брать неприятеля на абордаж. Передовые корабли «Св. Антоний» (капитан Рейс), «Выборг» (капитан-командор Шельтинг) и «Полтава» (капитан Госслер) вели перестрелку со шведами и готовились вступить с ними в бой [65. С. 64—65]. Но произошло непредвиденное.

Хороших карт Финского залива не было. Потому, когда неприятельские корабли неожиданно изменили курс, их маневр посчитали намерением вступить в бой. В действительности шведы обходили подводный камень, на который вскоре налетел «Выборг», поднявший сигнал бедствия; вслед за ним к камню приткнулся флагманский корабль «Рига».

Дальнейшие действия русского командования продемонстрировали привычку к мирной службе. Крюйс спустил флаг погони в расчете, что командиры передовых кораблей доведут дело до абордажа, и два часа потратил на то, чтобы помочь «Риге», после чего направился спасать «Выборг» вместо того, чтобы перейти на одно из быстроходных судов, бывших поблизости, и довести преследование до успешного завершения. Рейс, уже приблизившийся к неприятелю, дожидаясь сигнала флагмана (два выстрела) для начала абордажа, не дождался, дал залп по шведам и повернул назад. Капитан Дегрейтер прекратил погоню еще раньше, чтобы спасти упавшего за борт матроса [65. С. 66—68]. В результате шведские суда, проведя разведку, ушли к своей эскадре в Гельсингфорс.

Расколовшийся надвое «Выборг» спасти не удалось, и его сожгли, после чего эскадра направилась к Ревелю. 25 июня Крюйс привел свои соединенные силы к Кроншлоту. Эти действия вице-адмирала позволили шведской эскадре избежать угрозы со стороны русских войск, взявших Гель-

сидишфорс. Разгневанный неудачей царь приказал судить виновных.

Кригсрехт (военный суд) под председательством генерал-адмирала Ф.М. Апраксина составили шаутбенахт Петр Михайлов (царь), капитан-командор Меншиков, капитаны Пальсон, Кронебург, Змаевич, Сиверс, капитан-лейтенант Беринг, лейтенанты Мишуков и Зотов [65. С. 68].

Предложения для суда подготовил сам Петр, и они легли в основу приговора. Крюйса обвинили в том, что он не дал точных указаний командирам кораблей, в решении консилиума слово «абордаж» даже не упомянуто, а написано лишь, что каждый атакует по способности. Царь отметил, что Крюйс не поторопился исправить ошибку Рейса, а о нарушениях командиров кораблей начал говорить только на суде [65. С. 71—73]. В зачет пошел и случай прошлогодний, когда эскадра Крюйса не догнала преследуемые шведские корабли; суд признал, что Крюйс, располагая превосходством в силах, не сделал всего возможного. Свою роль, несомненно, сыграло то, что Крюйс на суде держался гордо и вину возлагал на подчиненных. Что же касается того, что он не пустил монарха в море, старый моряк оправдывался: «Я, как всегдашний верный слуга, прямым чистым сердцем предлагал, дабы драгоценную персону сохранить волил, чтоб в оный путь не шел, для многих случаев, которые на море могут случиться. Токмо, ежели б мой господин шаутбенахт оное действие поволил видеть сам, и мне б лучше и легче много тем было» [65. С. 64].

Обращаясь к суду, он писал: «Вице-адмирал надеется единократно в начале на Господа Бога, також и на свою душевную совесть, что в нынешнее и прошедшее время, також и всегда, что возможно к прославлению Российского государства чинил, и надеется, что высочайший, благородный и полномочный кригсрехт мне, вице-адмиралу, учинит прямой разсуд против моих нечестивых на меня донощиков» [65. С. 68—69]. Но свидетельства очевидцев не позволили ему оправдаться. Кроме того, никто не решился пойти против воли царя. Все члены суда признали Крюйса виновным, предлагая наказание от смертной казни до денежного штрафа. В окончательном тексте, принятом 22 января 1714 г.,

Крюйса приговорили к смерти; Рейса присудили к расстрелу, Дегрейтера — к изгнанию с флота, Шельтинга перевели в младшие капитаны. Среди подписавших приговор был и председатель суда Ф.М. Апраксин, действовавший по уставу. Петру было необходимо дать острастку недисциплинированным морякам. То был суд над расхлябанностью и партизанщиной во флоте. Видимо, страх перед наказанием помог, и в следующие годы дисциплина моряков становится лучше, а выучка и боевые успехи — заметнее.

После суда, по сведениям историка В.Н. Берха, Крюйс заявил, что ни одна морская держава не вынесла бы своим морякам столь суровый приговор. Петр I, желая быть объективным, разослал приговор по соседним государствам, и все они, не исключая Голландии, нашли решение справедливым. Старому моряку оставалось только просить о помиловании [4. Ч. I. С. 181—182].

Ни генерал-адмирал, ни царь не хотели казни заслуженного моряка и опытного администратора. По просьбе Апраксина, Меншикова и других приближенных Петр ограничился ссылкой вице-адмирала в Казань. Рейса привязали к столбу, как для расстрела, и сослали. Шельтинг продолжал службу во флоте. Только относительно Дегрейтера приговор исполнили буквально. Флотом в следующей кампании командовал сам царь, но убедился, что выросшая до размеров шведского флота несплаванная армада требует обучения. Гребному флоту пришлось прорываться в Ботнический залив без поддержки корабельного. Стало очевидно, что Крюйс не так уж и виноват.

Корнелий Иванович и в Казани не успокоился. Он имел столкновения с местным губернатором. Тот дважды переводил опального из дома в дом. Когда же сие произошло в третий раз, возмущенный моряк собрал полсотни матросов и вселился в жилище губернатора. Последний стал вежливее и предоставил Крюйсу постоянное жилье [23. С. 14—15].

Ссылка длилась лишь 13 месяцев. Выросший флот становилось все труднее готовить к кампании. Царь сменил гнев на милость. В 1715 г. он вызвал Крюйса на Балтику и, вернув прежний чин, определил в помощь А.Д. Меншикову, доверив ему адмиралтейские и экипажеские дела. Источни-

ки упоминают, что в ответ на слова Петра «Я на тебя больше не сержусь» Крюйс отвечал: «И я также перестал сердиться» [65. С. 76]. Этот диалог в полной мере показывает независимость и прямоту характера моряка, которого уважал сам царь.

Вновь вице-адмирал стал правой рукой Апраксина, которому приходилось, оправдывая высокое звание генерал-адмирала, то руководить корабельным флотом, то вести галеры.

Сразу же после возвращения из Казани, 28 апреля 1715 г., Крюйс представил записку с замечаниями о недостатках организации дел на Котлине; он сообщил царю несколько предложений, в том числе по организации хамовного двора для выпуска отечественной парусины [4. Ч. 1. С. 182—185]. Видимо, поэтому Петр назначил его исполнять обязанности генерал-интенданта. Однако при этом усилились столкновения Крюйса с подчиненными. Зимой 1716 г. Крюйс жаловался генерал-адмиралу на трудности в подготовке флота и необъективные жалобы на него царю [39. Ч. II. С. 17]. Он писал 16 июля 1716 г. Апраксину: «Его Светлость кн. Меншиков снял всю главную команду, и все без ведения моего делается, кроме тех дел, в коих без меня обойтись не могут. Я же езжу ежедневно в кантору, в верфь и по всем мастерским; многим это противно: желают, чтобы я был в Голландии, чего и я весьма усердно желаю» [4. Ч. 1. С. 189—190].

Поверив жалобам, Петр I жестко выразился о медлительности вице-адмирала: «С великим неудовольствием слышу, что Ревельская эскадра так у вас неисправлена и осеннее удобное время пропущено: ежели впредь так поступать станете, то можете живот свой потерять» [4. Ч. 1. С. 189]. Вице-адмирал оправдался тем, что для перевозок не было предоставлено лошадей. Он от огорчения заболел; слегла и его супруга [39. Ч. II. С. 20]. Крюйс подумывал об отставке. Только добрые слова царя восстановили здоровье моряка.

В 1717 г. Крюйса посылали в Ревель для обороны порта и судов от ожидавшегося нападения шведов [44. Ч. 1. С. 199].

С усилением флота потребовалось и реорганизовать его управление. Была составлена из опытных флагманов Адми-

ралтейств-коллегия во главе с президентом Ф.А. Апраксиным. До того царь поручил Крюйсу подготовить регламент деятельности коллегии. Петр I не всегда был доволен стареющим моряком, но 5 декабря 1717 г. избрал его по достоинству вице-президентом коллегии. Несмотря на годы, добросовестный вице-адмирал не пропускал заседаний.

22 октября 1721 г., в честь завершения Северной войны, Петр удостоил Корнелия Крюйса адмиральского чина; на праздновании победы моряк сидел за столом вблизи Петра. В 1722 г., отправляясь на Каспийское море, Апраксин оставил Крюйса своим заместителем. Однако новое звание вместе с честью принесло и новые огорчения. С 1721 г. начались конфликты адмирала с непокорными членами Адмиралтейств-коллегии, продолжавшиеся до его смерти.

Крюйс продолжал ходить в море. Постепенно адмирал дряхлел и часто болел. В 1723 г. его освободили по личной просьбе от командования эскадрой [4. Ч. 1. С. 214]. Но он продолжал заниматься делами флота. По его рапорту Адмиралтейств-коллегии от 20 января 1725 г., в Лодейном поле строили различные малые суда и шлюпки для Балтийского флота [24. Т. 1. С. 175].

С 1725 г. моряк перестал ездить в коллегию и подписывал бумаги на дому. Это позволило его недоброжелателям после смерти Петра I завести речь об отставке заслуженного моряка. Но на защиту Крюйса выступила императрица Екатерина I. В указе от 6 мая 1727 г. она писала: «Пожаловали Мы Вице-Адмирала Светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова за его верные службы Нам и Государству нашему в Адмиралы красного флага; Петра Сиверса, Томаса Гордона, Матвея Змаевича, за их службы в Адмиралы же. А понеже имеется только одна вакансия, — ибо хотя Коллегия об адмирале Крюйсе предлагает, что он стар и в Коллегию не ездит, однако за его службу от чина и жалованья до его смерти отрешить невозможно — того для, кроме Светлейшего, другим быть в их вице-адмиральском жалованьи» [4. Ч. 1. С. 214—215].

Моряк оставался во флоте до самой смерти 3 июня 1727 г. Богатств он не нажил. Истинно русским адмирал

также не стал, не сменил ни веры, ни прежнего подданства. Он был человеком набожным и построил первую в Санкт-Петербурге немецкую церковь, был деятельным членом голландско-реформатской и евангелически-лютеранской общин [32. С. 506]. По просьбе Крюйса прах его захоронили в Голландии. Но он навечно вошел в историю как адмирал флота российского, который сделал все, чтобы флот этот стал действительно регулярным.

ФАН РЕЗ ЯН

Голландец Ян фан Рез 11 мая 1698 г. был принят в Амстердаме на русскую службу с чином шаутбенахта; он подписал контракт, в котором перечислялись условия его службы. После приезда в Россию моряк был в 1699 г. послан из Москвы на Воронеж и участвовал в Керченском походе, командуя кораблем «Цвет войны». В 1704 г., переведенный из Воронежа на Олонецкую верфь для надзора за постройкой судов, шаутбенахт командовал фрегатом «Триумф»; в 1705 г., командуя тем же фрегатом, он участвовал в обороне Кроншлота. Скончался фан Рез 11 ноября 1705 г. [24. Т. 1. С. 73; 44. Ч. 1. С. 319].

БОЦИС ИВАН ФЕДОСЕЕВИЧ

Разрушительные набеги на берега Швеции и Финляндии, победы при Гангуте и Гренгаме — славные дела российского галерного флота. Во многом из-за них шведы были вынуждены пойти на мир. Первым, кто повел галерную флотилию разорять неприятельские берега и наладил службу шхерного флота на Балтике, был шаутбенахт Иван Федосеевич Боцис.

Немало уроженцев побережья Адриатики служили в российском флоте. Как правило, в молодости они проходили практику на венецианских галерах. Среди них был Боцис. Известно, что граф происходил из Далмации. В.Н. Берх считал, что он был славянином [4. Ч. 1. С. 221]. К. Крюйс называл его греком. В начале XVIII столетия, набирая опытных моряков, Петр I дал указание дипломатическим представителям за границей нанимать на службу специалистов морского дела. Получил такое указание и посол в Константинополе П.А. Толстой. Ранее он по указанию царя побывал в славянских землях, знал лично нескольких хороших капитанов и рекомендовал в их числе Боциса [44. Ч. 1. С. 52]. Шаутбенахт подписал при поступлении на русскую службу контракт. Обычно в таких документах подробно излагали условия службы [24. Т. 1. С. 73]. То ли вина перед Венецией, то ли тяга к подвигам побудили моряка поступить в 1702 г. на русскую службу без особых условий, полагаясь на добрую волю Петра. В следующем году Боцис прибыл в Россию и получил должность галерного шаутбенахта (контр-адмирала) [44. Ч. 1. С. 52].

Искусство плавания на гребных судах по морю и рекам имело на Руси древнюю историю, но веками не существовало регулярного гребного флота, способного вести бой с таковым неприятельским флотом на Балтике. Предстояло создать галерную флотилию наподобие венецианской, однако приспособленную к специфическим особенностям финляндских шхер. Как специалиста по галерам графа Боциса в 1704 г. послали на Олонецкую верфь, где сооружали наряду с парусниками и галеры.

Строительство галер началось в 1703 г., когда Петр I предписал построить их десять. В 1704 г. на Олонецкой верфи галерный мастер М. Леонтьев построил галеры «Золотой орел» и «Надежда» по образцу тех, что строили в Константинополе. Первая из них стала флагманской галерой Боциса. Как и другие, она имела две съемные мачты с косыми парусами. Шаутбенахт особо беспокоился об отделке этой галеры. Для нее были заказаны несколько флагов, в том числе большое трехцветное знамя на корму и два флага с золотым орлом, чтобы поднимать на корме и фок-мачте в дни праздников и в бою. Корму галер украшали резанные из дерева гербы. Флагманская отличалась от прочих тем, что у нее на корме вместо герба стоял фонарь высотой восемь футов, который по заказу Боциса изготовили в виде золотого орла. Вооружение галер, отправленных с Олонецкой верфи в 1704 г., составляли 3 орудия на носу и 16 1—2-фунтовых пушек-басов по бортам [24. Ч. 1. С. 112—114].

В ноябре 1704 г. шаутбенахт составил перечень чинов для укомплектования команд галер. На каждой должно было находиться 70 моряков (офицеров, урядников, матросов и пушкарей), 150 солдат абордажных команд и 250—300 невольников-гребцов. Для «Золотого орла» было заказано 350 кандалов для гребцов-каторжников; следовательно, флагманская галера могла поднимать свыше 500 человек. Чтобы каторжники, которые гребли на восьми галерах постройки 1703—1704 гг., не бунтовали, Боцис рекомендовал поставить на корме по четыре небольших пушки, направленных в сторону гребцов. Управлял работой гребцов комит, который подчинялся капитану [24. Т. 1. С. 115—116].

Параллельно с большими галерами на Олонецкой, Лужской верфях и в Петербурге в 1703—1704 гг. построили около 140 меньших судов — скампавей и бригантин. К ноябрю 1704 г. в Петербурге насчитывалась сотня бригантин, скампавей и галиотов. 1 ноября 1704 г. Боцис подписал роспись припасов на 15 скампавей и 35 бригантин. На каждую из них следовало установить в носу 3-фунтовую медную пушку и по четыре баса; экипаж составляли около 50 человек. Эти двухмачтовые суда с косыми парусами вместе с галерами составили парусно-гребной флот, сильнейший на Балтике [24. Т. 1. С. 118—119].

Одновременно с наблюдением за кораблестроением шаутбенахт занимался организацией галерной службы, и когда следующей весной первые галеры сошли на воду, моряк привел их к Шлиссельбургу. Его суда отогнали неприятельские войска, приближавшиеся к крепости. После этого галерная флотилия присоединилась к эскадре флота у Кроншлота и участвовала в обороне морских подступов к Санкт-Петербургу в 1705—1706 гг. [44. Ч. 1. С. 52].

13 мая 1706 г. царь поручил Боцису по случаю поездки Ф.А. Головина в Санкт-Петербург встретить его, «как водится в Венеции» [5. Ч. 1. С. 15]. 24 декабря 1706 г. из Киева Петр писал галерному шаутбенахту: «Отпущены к вам отсюда нововыезжие из Венеции Галерные служители Греки: один Офицер и 15 человек матросов, которые выехали в нашу службу, и как они с сим Указом к вам явятся, тогда пересмотря, употребить их на галеры по достоинству чина их; а о даче им жалованья, к г. адмиралтейтсу писано» [5. Ч. 1. С. 20—21].

Год 1707-й вошел в историю как этап становления гребного флота России, существовавшего затем свыше полутора столетий, до Крымской войны включительно. Первый поход Боциса окончился значительным успехом. Галеры, пройдя по Финскому заливу и шхерам у берегов Финляндии, вернулись с добычей.

Следующий год ознаменовали новые успехи. 30 апреля 1708 г. Боцис с галерами прибыл к Котлину [39. Ч. 1. С. 151]. Князь Щербатов записал в своем журнале: «Мая 6-го отправлен был морем Шаутбенахт Боцис с 9-ю Скампавеями и 7-ю Брегантинами к городу Борго... то место разорили, где

с 300 дворов предали огню... по мызам и деревням не мало пожитков набрали... неприятелей побито 200 человек в то же время сожгли 15 шкут торговых»; общий ущерб шведов оценивали в четыреста тысяч ефимков [4. Ч. 1. С. 222—223]. 19 июля 1708 г. Апраксин отправил Боциса с 12 скампавсями для разорения Карельской земли. Тот вернулся 3 августа, превратив в пепел 500 деревень и взяв пленных [39. Ч. 1. С. 162, 164].

Конечно, от набегов страдали главным образом мирные жители Финляндии. Однако было необходимо угрозой житнице Швеции отвлечь ее внимание от России, где решалась судьба армии Карла XII. Шведы в ответ решили предпринять наступление на Санкт-Петербург. Возможно, это был стратегический отвлекающий маневр. Шведский корпус Штромберга двигался из Прибалтики, а войска генерала Г. Либекера — от Выборга. С последним и предстояло встретиться русским галерам. Но встреча не состоялась.

Либекер, выступив в августе из Выборга, медленно двигался по раскисшим от дождей дорогам. В середине месяца его полки появились у Невы. Вице-адмирал К.И. Крюйс, узнав об этом, предположил, что противник намеревается разрушить Адмиралтейство. 14 августа он приказал Боцису прислать как можно больше галер к флоту, чтобы продемонстрировать силу крейсировавшей в море неприятельской эскадре. Видимо, демонстрации возымели действие: шведский флот не атаковал.

Либекер также не торопился и строил батареи на берсгу до конца августа. Это позволило адмиралу Апраксину прибыть самому и подтянуть подкрепления, в том числе большинство галер Боциса [39. Ч. 1. С. 166—167]. В районе Тосно он приготовился встретить противника. Утром 29 августа шведы под прикрытием батарей начали переправу на понтонах. Навстречу им двинулись бригаантины Наума Синявина и поручика Лоренца; под огнем неприятельских орудий русские моряки были вынуждены отступить, ибо суда их получили повреждения [39. Ч. 1. С. 167—168]. Это позволило шведам переправиться. Главные силы галерной флотилии Боцис тем временем вел к Шлиссельбургу, так как получил ложное известие, что неприятель направляется вдоль реки к этой крепости. Его суда вернулись уже после того, как шве-

ды переправились [39. Ч. 1. С. 168—171]. Если бы они оставались у Тосно, то могли бы задержать противника. Тем не менее шведов удалось победить на суше, и более попытки взять новую русскую столицу они не предпринимали. Поражение Штромберга и Либскера и набеги галер Боциса явились важным вкладом в победу под Полтавой.

В 1709 г. Боцис командовал галерами у Кроншлота. Видимо, в это относительно спокойное время шаутбенахт подготовил и подал генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину записку. В.Н. Берх обнаружил ее в делах 1710 г. Боцис жаловался на недостаточную подготовку офицеров галерного флота в теории и практике и предлагал поехать в Венецию и на Мальту, чтобы привезти оттуда бывалых моряков. Он считал необходимым нанять 12 поручиков, 12 боцманов, 6 лекарей, 12 подпоручиков и сотню матросов со штурманами. Граф сетовал на то, что обученных за кампанию людей переводят с галер и присылают неподготовленных, что содержатели складов казенных материалов не радеют о их сохранении и не знают, что у них имеется в наличии. Боциса обижало, что К.И. Крюйс, выдавая жалованье его подчиненным, лишал шаутбенахта одного из средств воздействия на них. Он требовал полк в тысячу двести человек и крепкую тюрьму для невольников-гребцов. Полк он собирался составить из десяти рот: бомбардирской, солдатской, матросской и семи галерных; половина солдат последних должна была участвовать в абордаже, а другая — охранять каторжников и невольников [4. Ч. 1. С. 234—237]. Такая система существовала в венецианском и других флотах. Как известно, в России пошли иным путем: гребцами стали солдаты лучших полков, и вопрос об их охране и тюрьме отпал.

В 1712 г. галеры оснащали еще по-европейски. Датский посланник Юст Юль вместе с Боцисом посетил одну из галер и увидел, что за каждым из весел сидели пять-шесть закованных в кандалы каторжников [24. Т. 1. С. 112].

Боцис не рекомендовал часто производить в чины, ибо не всякий хороший боцман способен быть хорошим поручиком, а поручик — капитаном. Возможно, его совет был причиной того, что Петр весьма скупно производил в чины. Не получая награды или прибавки жалованья, Боцис жа-

ловался генерал-адмиралу Апраксину: «...убо твое Превосходительство изволишь ведать: что аз никогда не просил, якоже и другие многие; ни запасов, ни прибавки жалованья, такожде на всегдашние истратки, которые аз чиню всегда; якоже может Превосходительство твое уведомиться от кого изволит; такожде и иные вещи, про которые твое благоразумие изволит признать; и по желал жити и управлятися полон долгами; от которых аз есмь богат; и то дабы мне управити мою совесть в добрую службу моему Монарху, и дабы следовать сво намерение во всяких случаях, уповал в единый день во всякое щастие» [4. Ч. 1. С. 237].

Вероятно, часть его предложений была использована позднее. Во всяком случае, основу экипажей галерного флота составили лучшие полки, что и определило их боеспособность.

Боцис занимался не только галерами и их экипажами. Жизнь требовала обживать Котлин. Пришлось становиться строителем. Сам царь давал соответствующие указания. 24 января 1710 г. он писал Боцису из Москвы:

«Земляная работа.

Перво зачать линию длиною от реки до болота, а когда она совершена будет, тогда фортецию зачать делать.

Работа камнем.

Перво места корабельныя, потом магазейн (а буде возможно и оба вместе); а прочие службы на первый час деревянные, а когда вышеписанное отделается, тогда и прочие службы делать каменные ж, потом и фундаменты под фортецию делать камнем же» [5. Ч. 1. С. 52].

Одержав победу под Полтавой, Россия могла развивать наступление в шведские пределы. Первоначально следовало отодвинуть границу от Санкт-Петербурга. В 1710 г. было предпринято наступление на Выборг. Так как шведскому флоту нечего было противопоставить в море, войска Апраксина прошли к крепости по еще не вскрывшемуся Финскому заливу и осадили ее. Флот с подкреплениями выступил позднее.

При осаде Выборга Боцис помогал взять крепость, и Ф.М. Апраксин одобрял все действия шаулбснахта [4. Ч. 1. С. 222].

1 мая 1710 г. Петр I со шнявы «Лизет» от урочища Куромы писал Боцису: «У сего берегу где теперь вы стоите, оставь две Брегантины Италианския и прикажи им, чтоб они смотрели того как очистится река, в которую с мелкими судами удобно войти. И буде им будет там какая противность злая, чтоб люди из тех Брегантин вышли на берег и Брегантины тож вытащили на берег. Также ежели там увидят они Семена Манукова, от нас туда послан для проведывания, чтоб взяли его с собою и привезли; а с достальными всеми судами чтоб он шел к Красной Горке» [5. Ч. 1. С. 59—60].

Боцис с галерным флотом сопровождал от Кронштадта до Выборга транспортные суда с провиантом и артиллерией, участвовал во взятии крепости (капитулировала 13 июня).

24 июня царь писал Боцису из Санкт-Петербурга: «Понеже имеем Мы ведомости: будто Датской флот пред несколькими днями пришел к острову Дагерорту, того для дайте нам знать, ежели неприятели пред вашими очами стоят, или пошли, и буде больше их не видит, то пошлите одну шняву или Русскую Брегантину, что удобнее, с добрым Офицером и вели проведать о неприятельских кораблях, где они нынѣ обретаются, и ежели подлинно усмотрят что они отошли прочь, и опасности ни какой не будет, то прикажи тому посланному Офицеру, чтоб он пришел прямо к Кроншлоту и отголь приезжал сам сюда не мешкав» [5. Ч. 1. С. 70—71].

По делам 1710 г. видно, что Боцис зимовал в Выборге и ссорился с Г.П. Чернышовым [4. Ч. 1. С. 223]. Он строил галеры и все следующее лето командовал гребной эскадрой. Об отношении царя к Боцису говорит тот факт, что при бракосочетании Петра в январе 1711 г. граф занимал почетное «отцово место» слева от жениха [44. Ч. 1. С. 53].

После взятия Выборга в июне 1710 г. Боцис предложил Апраксину строить в новой крепости галеры и скампавеи и просил прислать материалы и суда. Согласно записи Юста Юля, царь указал строить сорокавесельные галеры с вооружением из одного 12-фунтового и двух 6-фунтовых орудий. 29 октября в Выборг прибыли мастер Ю.А. Русинов и подмастерье З.М. Колуенов. До весны 1712 г. под их руководством построили 3 полугалеры и 13 скампавей. Экипаж полугалер составил 250, скампавей — 150 человек, причем гребцами были солдаты [24. Ч. 1. С. 146—147].

Царь и в период подготовки к походу за Дунай через Меншикова интересовался ходом постройки галер. 1 марта 1711 г. Боцис отвечал Петру I: «По присланному мне письму от Его Светлости Кн. Меншикова 20 числа Февраля прошедшаго, вчерашняго числа полученаго, выразумел, что мне его Светлость приказывает писать до Царского Твоего Величества, сколько полугалер могу я изготовить к весне? Также и о пушках 12 фун., которые надобны для тех судов? О том униженно Твоему Царскому Величеству доношу:

К 1-му числу предбудущего мая месяца, надеюсь на Господа Бога, что будут готовы пять полугалер (если мастер Юрья не заскорбит; гвозди из Адмиралтейства не будут присылаться, и прочие натуральные акциденты); а последняго числа тогож месяца, думаю что еще две поспеют; и так семь всего будет.

Для пушек 12 фун.: зело изрядно, чтоб лить их малым... и длины против галернаго обыкновения. — Однакож, аще они не будут готовы во время нужное, не изволь усомнswа-тися; понеже и здесь в городе видел я 18 и 12 фун. пушки, которые на время могут служить на тех полугалерах. — О сем писал я и до Светлейшего князя, чтоб указ послать Бригадера Чернышева, ежели нужда мне будет, чтоб не одержал» [5. Ч. 2. С. 100—101].

Петр I заинтересовался новыми гребными судами и весной 1712 г. отправился к Выборгу. 25 и 26 апреля он провел в крепости, а затем на полугалере Боциса вернулся на Котлин. Очевидно, царь оценил «новые скампавей», как он их называл. А 2 июля Ф.М. Апраксин сообщил шаутбенахту: «Царское величество указал вместо русских брегантинов, которые строят на Ижоре, делать полугалеры такие, какие строены под Выборхом» [24. Т. 1. С. 147].

На вооружении 13 скампавей, построенных в Выборге, состояли одно 6-фунтовое, два 3-фунтовых орудия и четыре баса; в следующем году по росписи Петра I скампавей должны были нести три орудия в носу, две 6-фунтовые мортиры и два баса. Именно такого рода суда (полугалеры и скампавей), построенные по инициативе Боциса, составили тот галерный флот, который одержал победу при Гангуте [24. Т. 1. С. 151, 159].

В 1712 г. начались действия русских войск, пока еще демонстративные, против Финляндии. Галерный флот перевозил продовольствие с Котлина в Выборг для войск. Но этим не ограничилась его деятельность.

27 марта 1712 г. Боцис сообщал Петру: «Писал я к г. Вице-Адмиралу, в которое число все 16 полугалер в готовности будут; однакож доношу Вашему Царскому Величеству что можно и скорее сделать, опричь оснастки, ибо снасти должны ко мне прислать из Адмиралтейства. — Я буду встречать Ваше Царское Величество ежели возможно, и провожу провиантския суда до Березовых островов. — А к Гогланду полугалеру; дабы ежели увидят неприятельское судно, дали мне знать через пушку. — Людей у меня 700 человек; а ежели оснастить 10 судов, надобно 1500; а буде все 16, надобно 2700, и Начальников Иноземцов, понеже оных не имею» [5. Ч. 2. С. 128—129].

11 апреля 1712 г. Боцис сообщал из Выборга: «По приезде г. бригадира Чернышева, управился я в пушечных делах и взял от него пушки 3 фунт. — Хотя чугунная, однакож могут служить нынешнюю кампанию.

Так я готов с 13 судами, и выкрашены со всем; на всяком от них, по одной 6 фун. пушке в куршее и по две 3-х фун. пушки по бортам, и по 4 баса. — Остальных припасов ожидаю из Адмиралтейства. — Дай Господи Боже час щастливый в Воскресение благословлять будем и флаг поднят на всех судах. — Такожде и людей посадил сколько у меня есть, понеже и лед зело черен оказался. Сто человек для провиантских судов, извещал меня г. Бригадир, что отдаст завтра, и не буду потерять время и оныя проводить. Сигналы каковы я отдал Капитану, которого посылаю до Соммерса, для проведования неприятельских судов; также и те которые у шхипера, для провожания провиантских судов, посылаю до Царского Величества, для знаку, и буду ожидать отповеди от Царского Величества о тех судах, чтоб не попали в неприятельские руки» [5. Ч. 2. С. 131—132].

16 апреля Боцис писал царю: «Сего момента отпущены отсюда Провиантския суда; также и Капитан Юрий Патаниоти пошел на море, для сигналов на своей полугалере. — Я сам по утру рано с г. Бригадиром на трех или четырех полугалерах буду встречать Ваше Царское Вели-

чество против моего первого письма, у Березовых островов» [5. Ч. 2. С. 132—133].

16 апреля 1712 г. и Петр писал из Санкт-Петербурга Боцису: «Письма ваши получил, на которые отвечаю: что принадлежало, к вам все отпущено на Провиантских судах. Также зело прошу вас, когда придут первыя суда к вам и выгрузятся, а ветер будет противной, то извольте их выбуксировать своими галерами до Баркен и мимо оных, дабы могли паки в другой раз нагрузя прислать.

А мы с г. Вице-Адмиралом трудимся о выводе больших кораблей и не чаем с первою поездкою к вам быть. Паки прошу, дабы немедленно были возвращены суда транспортные скорее, зело нужно, дабы в другой раз послать» [5. Ч. 1. С. 103].

20 апреля граф из Выборга писал: «Письмо Царского Величества сего апреля 20 числа я принял и выразумел: на которое известую, г. Капитан Шельтинг со всеми судами прибыл в добром здравье без ни какой утраты. — С не малыми судами стоит у Рогеля, понеже устье закрылось льдом. — Я вышел фальшивым устьем, и не малые труды прилагал, я сам провиантския суды буксировал тем устьем проводить, как возможно лучше. — Да не изволит Царское Величество обо оном попечение иметь» [5. Ч. 2. С. 133].

5 мая Боцис сообщал: «Сей ночи прошли Провиантския суда Березовые острова и надеюсь на Господа Бога, что по сие время поспели до Ревеля. Капитан Шельтинг сказал мне, что 4 полугалеры пойдут с ними до Кроншлота. Тогда я останусь с другими без людей здесь при Выборге, и не знаю что делать, для того посылаю шлюбку до Вашего Царского Величества с сим материалом и буду ожидать указа» [5. Ч. 2. С. 134—135].

5 мая 1712 г. и царь писал шаутбенахту: «Письмо ваше купно и с пунктами до нас дошло, и на те пункты подписав резолюцию к вам при сем посылаем; а что мы капитану Шельтингу приказали для буксирования судов несколько у вас брегантинов взять, и о том тебе за скоростию времени забыли приказать; однакож ныне разсудили, что и вам со всем лучше быть к Кроншлоту, чтоб при прибытии г. Адмирала (который сюда дни в два, или три прибудет), лучше могли о всем определение учинить» [5. Ч. 1. С. 104].

Апраксин в июле 1712 г., подготавливая наступление на Финляндию, дал вице-адмиралу К.И. Крюйсу инструкцию прикрыть с моря передвижение сухопутных войск и направить отряд Боциса для диверсии в шхерах [39. Ч. 1. С. 297]. Шаутбенахт получил соответствующий указ, инструкцию и должен был действовать самостоятельно. Из-за ремонта судов Боцис задержался. Кроме того, шведские суда наблюдали за движением флота в восточной части Финского залива. Только 11 августа удалось вывести галерную флотилию незаметно, так как неприятеля отвлекли демонстрацией двух ботов у Черной речки [39. Ч. 1. С. 305]. Боцис располагал 12 бригантинами, 12 скампавеями с тысячей солдат и матросов [4. Ч. 1. С. 226]. Очевидно, предложение графа о создании морского полка было принято. Пока шведский флот стоял у Березовых островов, Боцис направился вдоль южного берега Финского залива и оставил негодную бригантину в устье Луги [42. С. 219]. С остальными он пошел 13 августа от Луги на Лавенсари, а затем — в финляндские шхеры; 17 августа он овладел неприятельским 8-пушечным ботом, разорил заставу и прибыл к Веклаксу [39. Ч. 1. С. 310—311]. 26 августа 1712 г. шаутбенахт рапортовал генерал-адмиралу от Веклакса, что 17 августа взял бот и шлюпку, 18 августа — краер с грузом продовольствия и досок, 20 августа — шняву и два бота; в плен попали 7 офицеров, 115 нижних чинов, не считая 19 человек с голландской бригантины; убито было 32 человека [39. Ч. 1. С. 313—314]. Военные суда были посланы, чтобы наблюдать за бригантинами, и русские моряки помещали им вести разведку.

26 августа Ф.М. Апраксин дал у реки Сумы инструкцию наконец прибывшему Боцису: «Имеем мы указ Е.В., ежели допустит время собрать с здешних мест провианту, для которого случая с порученными вам судами, обще с г. капитаном-командором Шельтингом извольте иметь курс свой подле здешних берегов в близости и с нами иметь, где случаи допустят, коммуникацию и частую корреспонденцию, а как мы прибудем с армиею к пасу где ныне стоит неприятель, тогда будет учинен вам от нас сигнал выстрелят из одной пушки и пустят три ракеты, и как вы наш сигнал услышите, и вам учинить сигнал — пустить три ракеты без пушечной стрельбы и как возможно днем и ночью неприятеля трево-

жить и диверсию чинить и буде же за каким препятствием от неприятеля коммуникации с нами учинить будет конечно невозможно, то с добрым порядком возвратиться и ожидать нас у Веклакса; сие извольте иметь секретно и кроме капитана-командора Шельтинга другим офицерам никому необъявляйте, в прочем поступать как надлежит честному и поверенному командиру» [39. Ч. 1. С. 311].

31 августа корпус Апраксина достиг пограничной реки Кюмень (Кюммене). Встретив на реке хорошо укрепленную шведскую позицию, адмирал отказался от атаки и отошел к Выборгу. Перед выходом из лагеря Ярви-Коски, 4 сентября, Апраксин предписал Боцису направиться к Выборгу, а в случае, если это будет невозможно — к Санкт-Петербургу [39. Ч. 1. С. 315].

Можно полагать, что не столько батареи, сколько трудности с продовольствием заставили адмирала отказаться от атаки шведской позиции. Об этом говорит приказ Боцису от 10 сентября срочно идти к Кроншлоту, взяв с собой транспортные суда, и вернуть последние с грузом муки в Выборг, придав для охранения скампавеи [39. Ч. 1. С. 316—317]. Разорение местности шведами и необходимость подготовки к зимовке настоятельно требовали не отрываться от баз, пока не налажено снабжение. Снабжение же можно было в условиях бездорожья осуществлять только морем, при массе боевых и транспортных шхерных судов.

Итак, в шхерах Боцис крейсировал с 16 августа до начала сентября и захватил шесть шведских судов, в том числе одну шняву. Было высажено несколько частных десантов на финские берега. Действия галерного флота внесли, таким образом, свой вклад в отвлечение внимания противника от намеченной Петром I и его союзниками высадки десанта в Швеции. Но сил Боциса оказалось явно недостаточно, чтобы реально угрожать Г. Либекеру высадкой в тыл. 6 октября Петр в письме генерал-адмиралу сокрушался: «Зело жаль, что мала брегантин было; мощно б отъехать шхерами устьи рек и неприятеля с тылу отоковать» [52. Т. 12. Вып. 2. С. 167].

Высадка союзных войск в Швецию летом 1712 г. не состоялась, и на 1713 г. царь наметил вторжение в Финляндию, чтобы получить козырь на переговорах со Швецией.

Опыт предшествующей кампании подсказал, что лучше не брать береговые позиции в лоб, а обойти их по морю. Для такого обходного движения решили применить гребные суда.

Уже 2 августа царь писал Апраксину, что, если русские войска дойдут до Або, шведы будут вынуждены сами искать мира, так как Финляндия была их житницей. 27 сентября царь указал: «Брегантиноф велите к будущей весне отделять, чтоб русских было 60 или 70, а скампвей 50». В декабре он предписал увеличить число островских лодок, а 3 февраля приказал с началом ледохода направить галерный и вспомогательный флоты к Гельсингфорсу (Хельсинки), овладеть им, устроить склады и направить флот для взятия Або [24. Т. 1. С. 148]. Впервые галерная флотилия, подготовленная Боцисом, от набегов переходила к стратегическим действиям, определившим успех кампании.

Дело портила рознь двух младших флагманов. Апраксин писал 5 марта царю: «Флагманы наши г. вице-адмирал и г. галерный шаутбенахт такую имеют между собою противность, что уже письменно объявили почитай один другого за изменника, и незнаю что с ними делать и хотя непрестанно их унимаю чтоб не умножали оную противность, понеже ныне приспевает время кампании к противному действию против неприятеля, а не между собою, но ничем не возмог оного прекратить, и объявили они мне что они вместе с исправлением дел В.В. быть не возмогут. Того ради рассудил за благо что г. вице-адмирала оставить на корабле при Кроншлоте, а г. шаутбенахта возьму с собою и до прибытия В.Ц.В. держать их буду и до конфузии никакой не допущу» [39. Ч. 1. С. 350].

К весне 1713 г. на верфях в Санкт-Петербурге, Олонецкой, на реках Луге, Ижоре и в Выборге подготовили свыше 200 гребных судов [42. С. 219]. 26 марта 1713 г. генерал-адмирал приказал генерал-лейтенанту М.М. Голицыну распределить между полками 3 полугалеры, 60 скампавей, 30 русских бригантин, 20 карбусов и 17 островских лодок; скампавей «выборгского» типа составили большинство судов [24. Т. 1. С. 148]. В конце апреля начались последние приготовления. 20 апреля Апраксин приказал князю М.М. Голицыну: «Писал я к г. шаутбенахту графу Боцису и к капитану Сиверсу чтоб из готовых скампавей 6 отдали на батальон

преображенский, а достальные скампавеи, также и русские бригадины отсылали к В.С. Изволь приказать принимать по полкам и как определено на оные суда посадить людей немедленно, понеже Ц.В. указал, чтоб на сей неделе четвергу быть во всякой готовности» [39. Ч. 1. С. 359].

В ордере баталии гребного флота правое крыло или авангард составляли корабли контр-адмирала, центр или кордебаталию — генерал-адмирал с тремя эскадрами, а левым крылом или арьергардом (в зависимости от избранного строя) командовал галерный контр-адмирал; флагманские корабли должны были нести красные флаги; кроме того, контр-адмиральский нес красный, генерал-адмиральский — белый вымпел [39. Ч. 1. С. 363].

В журнале князя Щербатова сказано: «...апреля 26-го весь галерный флот, состоявший из 93 галер, 60 карбусов... и 50 лодках, пошел от С.-Петербурга в Финляндию... Арьергардом командовали: Князь Голицын и Граф Боцис... потом и Шаутбенахт с Галерами и бомбандирским кораблем к Гельсингфорсу приблизился... на берегу сделал он для отогнания неприятельских кораблей батарею... с которой стрелял и бомбандировал» [4. Ч. 1. С. 238].

По другим данным, Боцис командовал авангардом галерного флота генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, участвовал в бомбардировке Гельсингфорса, а затем на его рейде сжег находившиеся под защитой шведского флота провиантские суда [44. Ч. 1. С. 53].

Апраксин вывел эскадру Крюйса из четырех кораблей, двух фрегатов, двух шняв и галерный флот, прибывший из Санкт-Петербурга (203 гребных судна с 17 000 солдат), 2 мая от Кроншлота; парусная эскадра крейсировала между Сескаром и Березовыми островами, тогда как сам генерал-адмирал с галерами направился вдоль берега Финляндии к Гельсингфорсу [4. С. 219]. 10 мая флот царя со всеми морскими судами прибыл к Гельсингфорсу, насчитывавшему тысячу дворов; войска генерал-майора К. Армфельда составляли два солдатских полка, три роты кавалерии при полевых укреплениях и трех батареях, которые до ночи стреляли по приближающимся русским войскам. Русские гребные суда вступили с береговыми батареями в бой, который продолжался всю ночь; в городе вспыхнули пожары [70. С. 148]. Петр I приказал наутро 11 мая высадить десант, но ночью

шведы зажгли город и, бросив пушки и многочисленные запасы, ушли к Борго, где стояли главные силы Либекера. Об этом Апраксин 16 мая писал Крюйсу [39. Ч. 1. С. 373].

Генерал-майор Армфельд увел двухтысячный отряд к Борго, где стояли его главные силы (10 тысяч); 11 мая русские заняли Гельсингфорс без боя. Так как ожидали прибытия шведского флота, в тот же день гребная флотилия направилась к Борго и расположилась у острова Форсё, где создали временную базу [42. С. 219—220]. Мелководье позволяло галерам быть в безопасности от шведской эскадры.

Русские вовремя оставили Гельсингфорс. Уже 13 мая в порт пришли восемь линейных кораблей, фрегат и шнява вице-адмирала Лиллие [42. С. 220]. Когда генерал-адмирал отправил Боциса с 30 скампавеями для наблюдения за шведским флотом, тот обнаружил на рейде Гельсингфорса эту эскадру с несколькими торговыми судами. 29 мая Боцис рапортовал: «Приехал я по указу Вашего Царского Величества до Гельсингфорса за 3 версты. И посланы были от меня осмотреть неприятельскую силу и расстояние: три раза чрез маяк, чрез камения и новое гирло; которое нашли, есть у них: 8 кораблей двух палубных линейных, на них Вице-Адмирал и два Командора, 1 фрегат, 1 шнява и 5 флейтов самых великих; думаю с провиантом для их Армий.

Очень усмотрел, что можно неприятелю беду учинить и сжечь те флейты; понеже за островом знатно дело, что хотят выгрузить провиант на берег для Армий их. Однакож одержан был; понеже огней артифициальных не имеем ни каких; такожде и лодок Толбухиных, которые зело нужно, и мартыры метать бомбы, для помещения неприятелю в то время, и инаго что нужно к такому делу. Подлинно можем мы неприятелю великую беду учинить. — И ежели у них провиант будем жечь, конец генералу Любекеру; надлежит ему с армиею отступить.

Для информации посылаю до Вашего Царского Величества Капитана Миющика и Капитана Родищева, которые мнят с 20 лодки оное дело учинить и будут готовы; также и Подполковника Безобразова и Маиора Хвостова, которые сами видели состояние неприятельское. Я ордеровал было человек с триста, чтоб еще сделать, однакоже артифициальные огни и проч. одержало меня.

Сего дня поднимаю якорь и пойду к одному острову отсюда верст 4 или 5, понеже там деревня и можно без опасения хлеб печи солдатам, понеже не имею больше на 4 или 5 дней и там буду ожидать от Вашего Царского Величества указа.

27 скампавей, которыя есть, кажется мне довольно здесь. Понеже неприятель судов мелких ни каких не имеет и боты свои держат на кораблях: знатное дело что имеют от наших скампавей страх.

Гельсингфорс еще горит, по тому признаваю, что неприятелей на сухом пути нет и не хотел я показаться тем устьем, дабы неприятель не поставил твердые караулы и намерения нашего не пресек.

Дожидаю от Вашего Царского Величества указа, что мне чинить: назад ли воротиться со всем, или здесь дожидать покамест хлеба будет у меня для людей» [5. Ч. 2. С. 182—185].

Очевидно, Петр дал разрешение. Пользуясь темной ночью, моряки Боциса сожгли пять флейтов, взяв 22 пленных [70. С. 148—149]. Позднее оказалось, что флейты были голландские [39. Ч. 1. С. 380—381, 384, 388—390].

Русское командование решило вторично овладеть Гельсингфорсом силами армии, галерного и корабельного флотов. 6 и 8 июня Апраксин писал Боцису о сосредоточении сил в Борго, отступлении шведов от города и предписывал шаутбенахту идти к Гельсингфорсу [39. Ч. 1. С. 386]. 10 июня Петр I писал генерал-адмиралу о замысле взять Гельсингфорс атакой с суши и моря [39. Ч. 1. С. 390—392]. В ответ Апраксин направил царю 17 июня от деревни Тарвик свой план действий [39. Ч. 1. С. 393—394]. 26 июня Петр в письме Апраксину сообщал об отправке на новые корабли, пришедшие в Ревель, морских офицеров, чтобы ускорить их присоединение к корабельной эскадре; он просил Апраксина ожидать с атакой до 9—10 июля, пока флот не соединится у Гельсингфорса, а при неготовности флота начинать без него [39. Ч. 1. С. 398—399].

5 июля капитан фан Гофт получил указ остаться в крепости с двумя прамами, пятью русскими бригантинами и провиантскими судами; по первому приказу Боциса он должен был выслать тому подкрепления [39. Ч. 1. С. 402—403]. Галерному шаутбенахту Апраксин приказал с 30 скампавей-

ми, бригантинами и бомбардирскими галиотами на следующий день выйти и 10—11 июля присоединиться у Гельсингфорса; русские бригантины должны были присоединиться после прибытия полковника Островского, а прамы оставались при крепости [39. Ч. 1. С. 403]. 7 июля русские войска после небольшой перестрелки заставили Либекера отступить к Таквастехусу (Тавастгусу); 12 июля галерный флот и армия подошли к Гельсингфорсу и 15 июля взяли его [42. С. 220]. Петр I оценил эту победу следующими словами: «Неприятельская эскадра из Финского моря выбита... и так неприятелю ныне нет ближе гавани, как Готланд и Эланд» [70. С. 149].

Овладеть шведской эскадрой не удалось, так как при погоне за неприятельскими дозорными судами два русских корабля стали на мель, а остальные прекратили преследование. Апраксин остался без прикрытия с моря. Тем не менее он активно наступал. Существовало два направления — на Або вдоль моря и в центр Финляндии, на Тавастехус. Генерал-адмирал решил добиваться успеха последовательно.

16 июля Апраксин предписал Боцису, выслав несколько скампавей для охраны, идти с остальными судами в Гельсингфорс, оставив у провианта охранение; в тот же день он предложил шаутбенахту, сколько время допустит, перевозить провиант [39. Ч. 1. С. 413]. 19 июля генерал-адмирал докладывал царю, что шведские корабли с помощью оружия выбиты из устья и что он начал укреплять город и накапливать провиант; Апраксин намеревался оставить войска и суда в Гельсингфорсе, а Боциса направлял для поиска прохода в шхерах к Або [39. Ч. 1. С. 413—414]. 22 июля он приказал Боцису, не ввязываясь в сражение, провести разведку фарватера до мыса Гангут [39. Ч. 1. С. 416]. Шаутбенахт, продвигаясь в шхерах, регулярно писал о наблюдениях Апраксину [39. Ч. 1. С. 417, 419—420, 425].

12 августа Апраксин уже знал о неудаче корабельного флота и не мог рассчитывать на его поддержку. Однако уверенность в успехе была столь сильна, что поддержка флота казалась излишней. 12 августа Апраксин писал Боцису от имени царя, чтобы тот отправил девять скампавей Змаевича в Або; из остальных 15 следовало оставить вооруженными, а с 15 пушки снять [39. Ч. 1. С. 426]. Змаевич 15 августа полу-

чил приказ идти до устья реки у Або для разведки [39. Ч. 1. С. 427]. Боцису 21 августа генерал-адмирал предписал искать проход к Або; если же противник помешает, искать гавань поблизости [39. Ч. 1. С. 428]. Но 26 августа Боцис донес царю о неприятельском флоте у Гангута: «Приехал я с 18-ю Скампавеями, до Шведскаго флота 24-го числа сего месяца. Флот стоит у одного устья; четыре корабля с Вице-Адмиралами и два с Командорами, еще 4 судна; а какія — не знаю. За островом далее от них стоят еще 3 корабля. Ездил я с 5-ю Скампавеями тихим временем поутру в такую дистанцию, что из пушек достать можно свободно и палили, и осмотрел состояние неприятельское; корабли линейные и на них многолюдно, и пройти мимо их не мочно; стоят они не подбираючи парусов. После обеда на четырех шлюбках ездил я во второй раз, с Маиором Шмаковым, Князем Долгоруким, с Капитанами Секи, Патаниоти и искали между островами инаго устья, для нашего прохода, и вошли в то устье где корабли стоят. — А от полонных слышал, что еще 3 корабля крейсер чинят на море не далеко; а другие 3 корабля стоят при косе Гангут. Устья инаго ни где не мог сыскать опричь выше писанного, тож и полонные мне сказали. — Деньщик Баклановский прибыл ко мне четвертаго дня, и объявил, что у него самыя нужные письма до Вашего Царскаго Величества и по прошению его послал я партию 100 человек солдат с добрым офицером, для провожания его к Армии и отправил до кирки Поя; однакож не желательным сердцем, против просьбы его. Дай Господи Боже, дабы прибыл до Армии в добром здоровьи. — После его отправления, я осматривал состояние неприят. кораблей; мелких судов премного; знатное дело карбус и лодки с мужиками, которые бегут с островов под их охранение, и по островам, которые за кораблями, полно людей. Галей я у них ни одной не видел; однакож сказывают полонные, будто большие 10 от Стокгольма прибыли. — Я ныне стою от кораблей неприятельских в 1½ версте и ожидаю от Вашего Царскаго Величества в пополнение указу, что чинить?» [5. Ч. 2. С. 197—199].

Путь галерам в шхерах противник преградил. Пришлось изменить план действий. Около месяца потребовалось для накопления запасов продовольствия. 17 авгу-

ста отряд М.М. Голицына выступил по береговой дороге и, преодолев слабое сопротивление противника, 28 августа занял Або; с войсками был и царь, который присоединился к галерному отряду Боциса 21 августа. Однако гребные суда с запасами не могли обогнуть мыс Гангут, у которого стоял шведский флот, и пришлось, оставив из-за трудностей снабжения в Або небольшой гарнизон, остальные силы отвести в Гельсингфорс [42. С. 220].

Виновные в неудаче корабельного флота были преданы суду. Допросу подвергли и Боциса. Позднее он писал брату: «Любезнейший мой братец Афанасий Федосеевич. Возвещаю тебе сего Генваря 22-го дня [1714 г. — Н.С.] по Указу Царскаго Величества дело мое кончилось: за вины нижепоименованных Вице-Адмирала вместо смерти велено послать в ссылку в Тобольск; а Капитан-Командор Рейс был привязан к столбу, глаза завязаны и был шестак солдат с ружьями и вместо смерти послан в ссылку в Сибирь. А Капитану-Командору Шельтингу велено быть во флоте в младших капитанах. А Капитан Дегрюйтер ошельмован и велено отпустить без паспорта. А впредь буду посылать копию: изволь после иметь покой, за сим остаюсь Граф Иван Боцис» [4. Ч. 1. С. 227—228].

Очевидно, меры Боциса по совершенствованию галерного флота принесли плоды. Скорее всего граф отличился бы и в кампании следующего года. Однако он не успел выступить в очередной поход, ибо скончался 9 мая 1714 г. [44. Ч. 1. С. 53]. Вместо него морскую часть галерного флота возглавил с генерал-адмиралом капитан-командор Змаевич.

Среди подчиненных Боциса были в основном славяне: Змаевич, Дубрович, Демьянович, Пуло, Бональдо, Лицо, Бальди Секо, Панорио, Патаниоти. Адьютантом у него служил лейтенант князь Лихудьев, умный человек, хорошо знавший латинский язык. Сам Боцис хорошо писал по-славянски [4. Ч. 1. С. 239].

После смерти шаутбенахта остались вдова Полихрония Боцис и дочь. В знак уважения к памяти и подвигам покойного царь выделил им солидную пенсию и казенный дом; шпагу графа он поручил 24 августа 1714 г. прислать ему. Вдове полагалась пенсия в 300 рублей (и 120 рублей на квартиру), а дочери до замужества — 500 рублей в год. Еще в

1738 г. Полихрония Боцис получала эту пенсию из московской адмиралтейской конторы [4. Ч. 1. С. 238—239; 44. Ч. 1. С. 53].

Боцис, по отзывам современников, отличался храбростью и благоразумными распоряжениями. Можно полагать, что он внес бы достойный вклад и в Гангутский прорыв, и в последующие действия русского галерного флота против берсгов Швеции, но судьба распорядилась решать эту задачу соратникам графа из числа других средиземноморских моряков и молодым русским ученикам Боциса.

ГОЛОВИН ФЕДОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Трудно сказать, каким был Федор Алексеевич Головин фельдмаршалом и флотоводцем: жизнь не дала ему возможности показать способности в этих областях. Однако как администратор, организатор и дипломат он немало сделал для успеха преобразований Петра I в самый трудный, начальный период. Немудрено, что Головину неоднократно приходилось быть пионером и в трудах, и в наградах. Первый договор с Китаем, участие в Великом посольстве и дипломатической подготовке Северной войны, строительство регулярного флота — основные этапы его деятельности.

1. Нерчинский договор

Согласно преданиям, происходивший из греков князь Степан Васильевич Ховра, владелец крымских городов, в 1393 г. отъехал с сыном Григорием ко двору великого князя Московского. Внук Григория, по прозванию Голова, явился родоначальником Головиных. Сын Головы стал придворным казначеем, и его потомки занимали этот пост в XV и XVI столетиях почти наследственно. Из Головиных вышло шесть бояр и восемь окольничих [18. С. 351; 9. С. 71].

Отец Федора Головина, Алексей Петрович, окольничим служил в приказах Ямском (1677—1681) и Денежных сборов (1678), в 1684 г. боярином возглавил Ямской приказ [8. С. 226—227]. Сыну, родившемуся в 1650 г., он дал хорошее образование. В 1676 г. царь Алексей Михайлович, умирая, поручил Головину вместе с Кириллом Полуэктовичем Нарышкиным, Петром Ивановичем Прозоровским и Гаврилой

Ивановичем Головкиным «хранить» младшего сына Петра «яко зеницу ока»; в 1682 г. именно Головин посоветовал юному царю укрыться от стрелецкого бунта в Троицком монастыре [37. С. 6]. В 1681 г. А.П. Головин был на воеводстве в Астрахани; находившийся при нем Федор зарекомендовал себя смелым и осмотрительным человеком, заслужив чин стольника [76. С. 129]. Как и отец, он был сторонником царя Петра.

Князь В.В. Голицын, правая рука правительницы Софьи, заметил способности молодого стольника. Ф.А. Головину доверили важное, но сложное и опасное предприятие: заключить договор с Китаем перед намеченным походом в Крым [2. С. 2; 18. С. 352—353]. 25 декабря 1685 г. его из младших стольников произвели в ближние окольные с назначением Великим и Полномочным послом и титулом наместника Брянского. Возможно, в этом назначении свою роль сыграло желание удалить двух приближенных Петра в период борьбы за власть, так как и А.П. Головина в декабре 1686 г. послали тобольским воеводой. На воеводстве он укрепил город земляным валом и провел размежевание Сибири. Но первым делом боярин оказал помощь сыну в его сложной миссии.

В 50-е годы XVII столетия русские переселенцы осваивали земли Даурии в Приамурье. Большинство местного населения состояло в подданстве России. Появились несколько укреплений-острогов; один из них, Нерчинск, стал центром воеводства. Однако утвердившаяся в Китае маньчжурская династия также претендовала на земли по Амуру. В 80-х годах, когда значительную часть Приамурья заселили русские, маньчжуры воспользовались распрями между монгольскими правителями и предъявили свои права на земли у Амура. Основным объектом нападения стал городок Албазин, основанный в 1654 г.

Сразу же после начала пограничных трений, в 1682 г., нерчинским воеводой назначили И.А. Власова, а в Албазине, русском форпосте за Амуром, — А. Толбузина. В Сибири были набраны подкрепления. Но они не успели подойти. В малонаселенной стране было всего 5000 войска, а резерв людей не превышал 15 000 человек. В 1684 г. маньчжуры осадили Албазин; через несколько месяцев Толбузин был вынужден оставить город и уйти с уцелевшими защитника-

ми в Нерчинск. Маньчжуры разорили городок и удалились к Айгуню. Они не рассчитывали, что русские возвратятся. Но по приказу Власова Толбузин вернулся к Албазину. Восстановили укрепления и посева. Император Кан-си, обеспокоенный русской активностью, направил в 1686 г. грамоту в Москву; выражая недовольство действиями казаков, он предлагал провести переговоры для установления границы. Одновременно маньчжурские войска вновь на десять месяцев блокировали Албазин [76. С. 121—123, 125].

События на границе, начиная с первых нападений, и явились причиной отправки посольства. Необходимо было установить мирные отношения с местными монгольскими тайшами и Китаем, чтобы столкновения на Востоке не мешали войне против Крымского ханства, которую намечала правительница Софья.

Ввиду особой сложности дела подбор дворян и других служилых людей доверили самому первому послу, помогать которому должны были нерчинский воевода И.А. Власов и дьяк С. Корницкий, хорошо знавшие Сибирь. Так как не было известно, пойдет ли император Китая на мир, посол получил полномочия набрать полторы тысячи лучших служилых людей в городах Сибири, а по прибытии на место принять меры к усилению укрепленных острогов, обеспечению их оружием и продовольствием. Инструкция предписывала ему самостоятельно добиться дипломатического решения вопроса, разрешала уступить даже всю реку Амур с прилежащими землями до Албазина; если бы уступки не привели к миру, следовало заключить перемирие и готовиться защищать заселенные русскими и их союзниками земли силой оружия. В случае успеха переговоров предстояло договариваться о беспрепятственной торговле, размене пленными и перебежчиками, а далее — и об обмене послами [76. С. 131—133].

В верительной грамоте от 20 января Головину «со товарищи» было указано, что он уполномочен вести переговоры с послами богдыхана и с «начальным полковым воеводой Приг-Ханом» для умножения дружбы и любви правителей двух стран. «А что они о наших государских делах договорят и постановят и письмами утвердят, и то Нас, Великих Госу-

дарей нашего Царского Величества будет задержано твердо и нерушимо» [76. С. 219—221].

Уже летом 1686 г. Власов известил албазинского воеводу Толбузина, что с посольством «...идет в Дауры ратных людей четыре тысячи, а московских стрельцов 500, а пушек-де более 40, а пороху и свинцу многое число» [76. С. 124]. Это преувеличенное сообщение воодушевило обороняющихся, и в 1687 г. маньчжуры не смогли взять Албазин.

Русское правительство, стремясь предотвратить войну (для которой не было сил и средств), послало двух опытных гонцов, чтобы те предупредили императора Кан-си о согласии решить пограничные вопросы миром [76. С. 125]. 11 декабря 1685 г. из Москвы выехал канцелярист Посольского приказа Никифор Венуков с объявлением о намерении вести переговоры, позднее отправили канцеляриста Логинова с извещением об отправке посольства [37. С. 7]. За ними 26 января 1686 г. выступило из столицы само посольство с 270 подводами, на которых везли боеприпасы, подарки для маньчжуров и все необходимое для дальнего пути. Головина сопровождали, кроме войск, пятеро молодых дворян (Алксей и Ларион Синявины, Федор Ушаков, Степан Коровин и Василий Лутовинов), трос подьячих и переводчик [76. С. 128]. Полком московских стрельцов из 506 человек командовал стольник и полковник Федор Скрипицын; шедшие с посольством два других полковника, П. Грибович и А. Смаленберг, должны были сформировать два драгунских полка из полутора тысяч лучших людей, каких удастся набрать в Сибири [37. С. 7—8]. Проезжая грамота от 20 января предписывала всем пропускать и обеспечивать подводами караван, не брать с него пошлин; А.П. Головину следовало обеспечить экспедицию стругами, кормчими и гребцами для похода к Селенгинску [76. С. 217—218].

24 марта колонна прибыла в Тобольск. За весну Головин спешно составил полк из 1400 пеших казаков, включая пашенных крестьян, уголовников и ссыльных [76. С. 136]. По другим данным, сформировали только один полк из 600 человек, а второй предстояло набрать в Енисейске и Илимске; оба полка с пушками должны были сопровождать посольство [37. С. 8].

В конце мая на 23 дощаниках, подготовленных А.П. Головинным, посольство отправилось по рекам до верховьев Кети и далее по суше достигло Енисейска. Двигались медленно, так как московские стрельцы не имели привычки к гребле [76. С. 136]. Далее вновь по рекам добрались 28 сентября до Рыбного острога, где зимовали. 15 мая продолжили путь, 8 июня достигли по Тунгуске Братского острога и на подводах добрались 1 августа до Иркутска [2. С. 3; 37. С. 8].

Головин торопился; когда не хватало гребцов, он сажал за весла московских стрельцов, чего ранее всемерно избегал. Потеря четырех судов с хлебом на Байкале поставила экспедицию под угрозу голода, и уже из Удинска, куда караван прибыл 11 сентября 1687 г., Головину пришлось послать отряд стрельцов за хлебом в Иркутск [76. С. 136].

Еще в Енисейске посол узнал о второй осаде Албазина и послал срочно на помощь Нерчинску отряд казаков подполковника Ф. Богатырева с припасами и пушками; одновременно он приказал Власову потребовать от китайцев прекратить нападения ввиду приближения посольства. Маньчжуры отошли от Албазина, но недалеко; маньчжурские власти предпринимали усилия, чтобы поднять монгольских правителей против русских, и частично им это удалось, тогда как Головину не приходилось рассчитывать на заметные подкрепления. Не дойдя 30 верст до Албазина, Головин узнал о снятии осады. Он через Удинск направился к Селенгинску и прибыл к цели 25 октября 1687 г., через 21 месяц [37. С. 8; 76. С. 137—139].

19 ноября 1687 г. окольныйничий направил китайским властям запрос: где богдыхану угодно назначить встречу дипломатов [2. С. 3—4]. До начала переговоров пришлось продемонстрировать силу. В начале 1688 г. Очирой-Сайн-хан потребовал от Головина передать ему в подданство прибайкальских ясачных людей; он осадил Селенгинск и Удинск, а его брат направился покорять у Байкала бурят — подданных России. Сопровождавший посла воинский отряд в январе и феврале 1688 г. выдержал нападения монголов на Селенгинск. Пока продолжался конфликт, Кан-си не принял посланного Головинным С. Коровина и только после победы русских назначил место переговоров в Селенгинске; послов должны были сопровождать по 500 человек охраны. Но вы-

ступившее весной посольство под предлогом войны русских с монголами было возвращено в Пекин, а маньчжурские войска вновь осадили Албазин [76. С. 141—142]. Очевидно, правительство Китая рассчитывало добиться своих целей, пользуясь тем, что русские силы скованы.

И. Власов получил приказ, если маньчжуры нападут, отражать их атаку; осенью сам Головин направился с основными силами (1160 человек) к Нерчинску. Во всей Даурии он располагал 2500—3000 человек. Но маньчжуры не стали воевать и летом ушли от Албазина, выкосив хлеб на полях; Головину пришлось отойти зимовать к Удинску, чтобы прокормить свое войско [76. С. 143—144].

В 1688 г. посол получил новые инструкции. После неудачного Крымского похода правительству Софьи, чтобы удержаться у власти, требовались хотя бы успешные переговоры с Китаем. Потому было разрешено даже разрушить Албазин, сохранив право остаться на обжитых местах за русскими переселенцами; если бы договор не заключили, то посол должен был заявить, что русские за Амур ходить не будут и китайцев на свой берег не пустят, после чего Головин мог возвращаться со стрельцами в Москву [76. С. 144—146]. Было предписано принять китайцев в Албазине, потом поступило разрешение послать дьяка Логунова для подписания договора в Пекин, чего ранее избегали.

При помощи ссыльного Демьяна Многогрешного, бывшего гетмана Малороссии, Головин нанес осенью поражение монголам и привел часть местных жителей в подданство России [2. С. 45]. Он укрепил Удинск, оставил там часть войск и отправился в Нерчинск, который Кан-си назначил новым местом переговоров. Так как существовала угроза вторжения китайско-монгольских войск в Селенгинск и Нерчинск, посол направил Логунова в Пекин [76. С. 147—148]. Но дьяку не пришлось подписывать договор, так как обстоятельства изменились. Императорские послы выступили из Пекина и с большим войском направились к месту переговоров. 20 июля 1689 г. маньчжуры прибыли к Нерчинску на судах и по суше; Головин из-за весеннего бездорожья добрался до цели позднее, 9 августа. Малочисленный гарнизон острога противостоял 15-тысячной армии [76. С. 157—158]. Китайцы, зная о своем превосходстве, проводили де-

монстрации силы, стараясь запугать русских послов. Но Головин оставался спокойным. Жербильон, один из иезуитов-переводчиков китайского посольства, отмечал в записках, что Головин «умел соблюдать свой ранг без подчеркивания, очень естественно и просто» [76. С. 163].

Первая встреча 12 августа окончилась неудачей из-за непримиримой позиции послов Кан-си, требовавших всей Даурии; с 14 по 27 августа маньчжурские войска держали Нерчинск в осаде, и Головину пришлось принять меры к обороне города. Меры эти оказались нелишними, ибо к маньчжурам присоединились 2000 бурятской конницы, которую привели шуленги (вожди племен), изменившие России. 18 августа Головин решил провсрить намерения противника. Он приказал Власову принять командование обороной, а сам со стрельцами вышел в поле; но маньчжуры не атаковали [76. С. 175—176].

Переговоры продолжались пересылками. Видя, что маньчжуры готовы напасть, посол решил пойти на разорение Албазина; подумав, китайские послы согласились на границу по рекам Аргунь, Горбица и Становому хребту. После переговоров, потребовавших от Головина немало ума и хитрости, 27 августа был подписан Нерчинский договор [76. С. 185—186].

Первый договор Китая не только с Россией, но и вообще с европейской державой, установил границу между двумя странами; Амур оставался под контролем маньчжуров. Русские купцы получали право торговыми караванами ходить в Пекин, чем и воспользовались к концу столетия. Чины русского и китайского посольств также не гнушались торговли [79. С. 205—206].

Головин укрепил Нерчинск артиллерией и сибирскими полками, после чего острог стал городом. Он привел в подчинение изменивших шуленг, приказал разорить Албазин, перенести на другой берег Аргунский острог и отправился в Москву. 10 января 1690 г. Ф.А. Головин с отцом вернулся в столицу и представился царям Ивану и Петру. Еще в пути окольник и полковник Иван Скрипицын доставил послу царскую милость и несколько золотых и серебряных меда-

лей [2. С. 12; 37. С. 19—20]. После аудиенции 2 февраля ему было объявлено царское милостивое слово:

«Окольничий Федор Головин! Великие государи и пр. велели тебе говорить: будучи ты на их службе в Даурской земле под Селенгинском, с Китайскими Послами учинил съезды; и за помощью Божиею, а их Великих Государей счастием, по многим разговорам с теми Китайскими Послами, учинил договор, и границу постановил, и договорными письмами с ним разменялся.

Да ты ж, Окольничий и Воевода! Мунгалов, которые приходили для взятия их Великих Государей ясачных Братских людей, не пропустил; и были с ними бои, и многих мунгал на тех боях побил, и в Селенгинске от тех Мунгал сидел в осаде тринадцать недель, и многие бои с ними имел же, и в Нерчинске за великими запросами от Китайских Послов сидел в осаде четыре недели.

Да ты ж с полком ходил на Табунуцких иноземцов и многих побил и в полон поймал; и под их Великих Государей, самодержавную высокую руку в подданство и в ясачный платеж привел восемь Мунгальских Тайшей со всеми их улучными людьми, да Онкоцких и Брацких иноземцов 2060 человек; и те иноземцы ясак и ныне Им Великим Государям платят; а у призыва давал тем вышеупомянутым иноземцам свои подарки.

Да ты ж, после отходу от Нерчинска Китайских Послов, посылал на изменников ясачных Онкоцких ратных людей дважды и многих их побил, а иных по-прежнему в ясачный платеж привел; да ясачных же Тунгузов изменников двух острогов по-прежнему призвал в ясачный платеж и аманатов с них взял, и построил два города новые, Нерчинск и Удинск.

Да в Нерчинске, Удинске и Селенгинске собрано при тебе в их Великих Государей казну с торговых людей десятой пошлины камками и атласами в дву годех по тамошней цене на 2509 рублей. Да ты ж, будучи в Даурских острогах, в покупке и в подряде хлебным запасом служилым людям на жалованье перед тамошнею Даурскою покупною ценою чинил Им Великим Государям многую прибыль.

Да тебе ж, в Иркутском и в Байкальском и в иных острожках, которые ты ведал, ясачных и поминочных и десятинных соболей собрано в трех городах, и к Ним Великим

Государям к Москве в Сибирский приказ прислано 193 со- рока, да 194 сорока пупков собольих; 1239 лисиц по Сибир- ским ценам, и с мягкой рухлядью на 21 568 рублей. И Вели- кие Государи жалуют службу и радение твое милостиво по- хваляют» [37. С. 21—22].

Посольство на Дальний Восток дало Ф.А. Головину опыт дипломатической работы, практику административной дея- тельности и основы военного опыта. Все это помогло ему сформироваться в незаурядного государственного деятеля.

2. Генерал-комиссар

За труды посла произвели в бояре и назначили намест- ником Сибири, хотя и поставили в вину потерю Албазина. Его порицали как за непредоставление чертежа установлен- ной границы, так и за то, что он из-за медленного движения не успел достичь Албазина и вел переговоры в Нерчинске [76. С. 203]. Однако очевидно было, что не мог посол сде- лать большего, явно уступая в силе маньчжурам.

Царь Петр I, который обрел власть после смещения Со- фьи, несколько дней слушал рассказы Головина о Сибири и путешествии. Видимо, успех боевых действий против маньч- журов в противовес неудаче Крымских походов побудил царя назначить боярина генерал-комиссаром. Головин стал чле- ном компании Петра, к которой принадлежали ближайшие к царю люди. Федор Алексеевич подружился с Ф. Лефор- том, чем еще более укрепил доверие к себе царя.

Должность генерал-комиссара была подобна должности военного министра, отвечавшего за набор и обеспечение армии. Особенно важной она была в период коренной пере- стройки вооруженных сил. Петр I к концу 80-х гг. создал ядро гвардии из двух отборных полков и получил первый опыт маневров в поле и при осаде крепостей. Вскоре труды этигодились. Обязательства перед союзниками требова- ли предпринять наступление против турок. Целью царь из- брал Азов. Взятие крепости открывало выход в Азовское, а затем и в Черное море. Но первый поход оказался неудач- ным. Войска не привыкли к регулярным действиям. Три рав- ноправных командующих (Ф. Лефорт, А. Головин и П. Гор- дон) действовали несогласованно. Но главное, отсутствие блокады с моря позволяло турецкому флоту подвозить в кре-

пость все необходимое, тогда как русские войска страдали от плохого снабжения. Подготовку к следующему походу Петр начал с кораблестроения. Зимой после возвращения от «невзятия Азова» под Москвой изготавливали детали галер. Весной 1696 г. на верфи в Воронеже началось строительство судов. Вскоре эскадра, составленная главным образом из галер и стругов для перевозки войск, выступила вниз по Дону.

В первом Азовском походе Головин не участвовал. 3 мая 1696 г., когда Петр I оставлял Воронеж, его сопровождал наряду с другими «морского флота начальными людьми» и «комиссарий-генерал» [7. Т. 1. С. 307; 21. Ч. 1. С. 57—58]. Безусловно, он по должности должен был приложить немало усилий для подготовки похода. 12 мая флотилия Петра обогнала струги с войсками А.С. Шеина; Головин встретился с воеводой Большого полка, и плавание было продолжено. Еще через неделю авангард флота был под Азовом. Генерал П. Гордон, проводивший разведку каланчей в устье Дона 19 мая, позднее вспоминал, что совещался на своем струге с Головиным и донским атаманом, как лучше выполнить волю царя и захватить два турецких судна, стоящих на рейде ниже Азова. Петр сам попробовал подойти на галерах к неприятельским судам, но оказалось, что на взморье у турок сил значительно больше, чем ожидали, и пришлось ретироваться. Однако в ночь на 21 мая казаки атамана Фрола Миняева совершили успешный набег. 13 турецких судов стояли с 13 тумбасами для перегрузки припасов; их охраняли 11 уш-колов (небольших военных судов). Казаки, пользуясь внезапностью, сожгли один из кораблей и девять тумбасов; второй корабль уничтожили сами турки. Десятый тумбас казаки захватили с богатыми трофеями [7. Т. 1. С. 311, 314—315]. Уцелевшие турецкие суда ушли в море, оставив крепость без снабжения. Об этом событии Ф.А. Головин известил немедленно Шеина, а Петр многим адресатам с гордостью описывал победу.

О дальнейшем участии Головина в осаде Азова известно немного. Очевидно, он присутствовал на военных советах, организовывал снабжение войск. Позднее Лефорт писал, что Головин был храбрым генералом и генерал-комиссаром флота под Азовом [7. Т. 1. С. 368]. Вполне понятно, почему на

гравюре Шхонебека 1699 г. он изображен среди соратников Петра I, осаждавших крепость [7. Т. 1. С. 331]. После взятия Азова Головин 30 сентября торжественно вступил с победоносными войсками в Москву: он ехал в карете впереди адмирала Лефорта и морского каравана. За участие в осаде его наградили 26 декабря золотой медалью в пять с половиной червонцев, кубком, парчовым кафтаном на соболях и 57 дворами крестьян [2. С. 13—14; 7. Т. 1. С. 347, 372].

Значение флота при осаде Азова и влияние победы были столь велики, что Боярская дума осенью 1696 г. по представлению Петра I постановила: «Морским судам быть». Этим постановлением были учреждены кумпанства, объединявшие дворян, купцов и церковь. Крупным светским землевладельцам предстояло объединяться в кумпанства по 10 000 дворов, духовным — по 8000; посадские люди соорудили 14 судов, а именитый человек Строганов взял на себя три корабля. Всю запланированную работу следовало завершить к 1698 г. В кумпанстве Т.Н. Стрешнева оказался Ф.А. Головин; тогда он имел всего 473 двора крестьян [7. Т. 1. С. 357—358, 361—363].

В 1697 г. Федор Алексеевич был назначен начальником Оружейной палаты, а затем получил важное поручение: отправиться послом Великого посольства в Европу. С этого времени он постоянно делил свое время между военно-административными и дипломатическими обязанностями.

3. Великий посол

Указ Петра о снаряжении Великого посольства появился 6 декабря 1696 г. В нем были следующие строки: «...государь указал, для своих великих государственных дел, послать в окрестные государства, к цесарю и королям Английскому и Датскому, к папе Римскому, к Голландским штатам, к курфюрсту Бранденбургскому и в Венецию в великих и полномочных послах: генерала и адмирала Франца Яковлевича Лефорта, генерала и комиссара Федора Алексеевича Головина, думного дьяка Прокофья Возницына и послать с ними к тем окрестным государям свои, великого государя, верющие и полномочные грамоты. А по чему им, в тех государствах будучи, его, великого государя, дела делать, и о том дать им из Посольского приказа наказ» [7. Т. 1. С. 367].

Царь хотел добиться от правителей христианских государств помощи войсками и оружием против турок; он намеревался прокладывать дорогу к Черному морю и рассчитывал на поддержку антитурецкого союза. Послам следовало нанять на службу опытных моряков и закупить необходимые для постройки флота и вооружения регулярной армии материалы. Кроме того, царь собирался посмотреть знакомый только по рассказам обитателей Немецкой слободы и иноземных шкиперов западный мир, серьезно учиться кораблестроению и морскому делу. Именно с этой целью он отправился в Европу в числе 35 волонтеров.

15 декабря он велел именовать Ф.А. Головина наместником Сибирским; ему был установлен оклад жалованья 3000 тысячи рублей (первый посол получал 3920, третий — 1650 рублей) [7. Т. 1. С. 369]. Вторым послом проводил основную дипломатическую подготовку. Он составлял указы для посольства, другие документы и в январе 1697 г. обращался к дьяку Е.И. Украинцеву с просьбой постепенно давать ему на просмотр дела, с которыми следовало ознакомиться до отъезда. Он же подбирал штат посольства. С собой Головин брал сына Ивана; одним из переводчиков ехал будущий известный дипломат Петр Шафиров [7. Т. 1. С. 376—379]. Кроме того, Головин распоряжался казной.

Посольство выступило 9—10 марта 1697 г. Через Ригу и Митаву оно 10 мая достигло Кенигсберга [41. С. 76]. Здесь довелось впервые вести переговоры с западными дипломатами. Головин присутствовал на свидании царя с курфюрстом Фридрихом III, затем обменялся визитами с прусским генерал-кригс-комиссаром [7. Т. 2. С. 84—85]. 22 июня 1697 г. Головин с Лефортом участвовали в заключении договора с Бранденбургом о взаимной дружбе; курфюрст подарил Головину свой портрет, усыпанный бриллиантами, и другие ценности [37. С. 23—24]. Венецианский агент в Кенигсберге отмечал раскованность и общительность Головина по сравнению с Возницыным, служакой старого склада [7. Т. 2. С. 66].

Путешествие несколько задержали события в Польше (спор о власти между претендентами на трон, в котором при русской поддержке одержал победу Август II). К середине августа посольство прибыло в Амстердам. Но переговоры в

сентябре — октябре с парламентом не принесли успеха: голландцы отказали в военной помощи, не желая портить отношения с недавним противником — Францией, заинтересованной в торговле с Турцией. Русским послам была предоставлена возможность оставаться в Амстердаме, покупать материалы и нанимать специалистов, чем преимущественно и занимался Головин. 10 декабря в письме к Ф.Ю. Ромодановскому Петр I сообщал, что генерал-комиссар сделал покупки для флота («морского каравана») и приобрел оружие для пеших и конных полков [7. Т. 2. С. 278].

Подбирал Головин и моряков. Особенно он ратовал за то, чтобы принять на русскую службу экипажмейстера голландского адмиралтейства Корнелиуса Крюйса, хорошо знавшего картографию; тот согласился на приглашение лишь после долгих уговоров амстердамских властей и Головина [7. Т. 2. С. 315]. Последний 25 января 1698 г. сообщал царю, изучавшему кораблестроение в Англии: «...О которых, государь, надлежащих делех писал я наперед сего, прикажи, государь, дать мне отповедь, а наипаче о капитане Креусе, потому, государь, что зело человек истинно добр. Жаль такова пропустить. Хотя что бы и лишнее дать, мочно инде наградить; и о том, государь, как воля твоя будет. А без такова, государь, человека трудно нам во флоте управлятца будет. По мере, которая положена коликое число принять в службу, уже, государь, мало что не все по воле твоей исправлено; токмо несколько персон камондоров и порутчиков и лекарей не принято. А обожду совершенно, государь, принимать, докамест изволишь по сему моему писму ко мне отписать, ради того, что и в то время исправить возможно будет. Токмо б получить нам вексели о денгах с Москвы в скором, государь, времени с пятьдесят тысяч ефимков надобно за покупку ружья, за литье пушек, на заплату за парусное полотно и за иные корабельные вещи, к тому ж на первую дачю начальным, и мастеровым, и матрозом. А при договорех, государь, поставил я с ними, что почать им первые кормовые денги, а не уставленное жалованье, марта с 1-го числа по новому календарю, а без того, государь, ни по какому образу итти не хотели и просили целого жалованья. Толко уже в том зело помочьствовал мне капитан Креус. И истин-

но, государь, тебе доношу, естли бы не ево в том вспомо-
жение, с превеликим бы трудом нам сие исправлять во мно-
гом времени невозможно...» [7. Т. 2. С. 314—315].

В феврале Головин сообщил царю о закупках оружия и приеме моряков; снова он напомнил о Крюйсе. Видимо, Петр I медлил с решением, так как 4 марта посол вновь писал, что Крюйс склонен к службе, но настаивает на чине вице-адмирала; Головин обещал ему жалованье 1800 рублей, чтобы тот больше не запрашивал, и моряк должен был сам обращаться к царю. Федор Алексеевич писал, что Крюйс «зело искусен и трудами нескучен человек», и просил посодействовать, чтобы голландское адмиралтейство его отпустило [7. Т. 2. С. 319, 333—334, 346—347].

«Статейный список» сохранил перечень основных задач, выполненных посольством:

«И по его, Великого государя, указу жили великие и полномочные послы в Амстердаме, за приговором и наймом в его, Великого государя, службу, начальных людей и матросов, и всяких чинов людей к черноморскому флоту и за готовностью и приговорами ружья и корабельных припасов и за отпусками тех иноземцев март и апрель месяцы мая по 15-ое число. И живучи в тех числах, в его, Великого государя, службу многим своим прилежным радением и трудами приговорили и наняли на черноморской воинской флот к генералу и адмиралу вице-адмирала, шоутбейнахта, капитанов, комендоров, порутчиков, шкиперов, штурманов, боцманов, огнестрельных мастеров, бомбардиров, подкопщиков и инженеров и к строению и деланию кораблей корабельных мастеров, плотников, рещиков, кузнецов, конопатчиков, блок-макаров, парусных мастеров, слюзных и каменных, и мостовых, и компасных мастеров, и живописцев, и моляров, и часовников, и матрозов с тысячу человек» [7. Т. 2. С. 398].

Головин распорядился финансами посольства, распределяя молодых стольников, которых привезли за границу для учебы в Англии, Голландии и Венеции. Когда царь ездил в Лондон, боярин приехал к нему и заключил с лордом Кармартеном договор о поставках в Россию табака.

Между Головиным и Петром сохранялись принужденные отношения «компаний». Посылая проект договора о табачной монополии для России, царь рекомендовал рас-

печатать его, предварительно выпив. Видимо, он понимал, что не все поймут такой документ в стране, где курильщикам грозила жестокая кара церкви. Посол в тон ему отвечал: «Письмо, государь, милости твоей которое велено распечатать, когда выпиты будут три купка немалой меры, отдано мне февраля в 27 день, и того же часа, уведав о состоянии дела оногo, выпили три купка гораздо немалы, от которых гораздо были пьяны, однако жь, выразумев, истинно радовались и Богу благодарили... А договорное письмо, учиня по обычаю, вскоре, конечно, государь, подписав и подпечатав, пришлем в первой по сей почте. Истинно, государь, особливо я сему рад душею» [7. Т. 2. С. 339].

Головин не мог не радоваться договору. Полученные от Кармартена деньги позволяли оплатить покупки и выдать жалованье нанятым специалистам, а нехватка средств на необходимые расходы и покупку диковин всегда была головной болью для казначея посольства.

Очевидно, что сам Головин пристрастился к табаку, так как в следующем письме шутливо просит оставить часть товара для него, ибо оногo «не ненавидит» [7. Т. 2. С. 345].

Но за шутками видна серьезная работа. Проект договора с Кармартеном был готов за несколько дней. Когда же Петр I пригласил послов в Англию, Головин послал ему напоминание о том, что программа посольства еще не выполнена: «...о бытии, государь, нашем, что изволил ты писать ко мне, истинно душею рад, чтоб быть; и отделатца в то время мочно, докамест яхта будет из Англии к нам, потому что уже многое, кажетца, что зделано, и изволь присылать, мой милостивой. Толко, государь, изволиш помыслить, естли быть у цесаря, то уже гораздо время ехать надобно, естли же не быть, то хотя во все лето изволь, и в том, государь, повели к нам отписать, и как быть: не посолским лицом, и сколько персон с собою взять и какое платье, о том милостивно с посланным изволишь приказать по росписце; только как не быть, не знаю, у цесаря?» [7. Т. 2. С. 340].

Очевидно, это напоминание охладило пыл молодого монарха, знакомившегося с диковинами Англии и ее кораблестроением, и заставило его поторопиться. Он ограничился вызовом одного Головина. Тот был необходим для подписа-

ния договора с лордом Кармартеном. Договор позволял в обмен на предоставление монополии на продажу в России табака получить деньги, необходимые для оплаты расходов посольства и самого царя; все средства от аванса, полученные Головиным, сразу же разошлись [7. Т. 2. С. 376]. Кроме того, посол подписал договоры с нанятыми царем английскими специалистами, в том числе с преподавателями будущей Навигацкой школы Фергюсоном (Фарварсоном), Гвыном, кораблестроителями Наем и Деном, шлюзовым мастером Перри [7. Т. 2. С. 381].

За время поездки Ф.А. Головин объехал немало городов, познакомился с новой для него культурой, несколько раз был в Лондоне, посещал парламент, монетный двор, арсенал. Приходилось ему бывать и в театре. С царем Головин присутствовал на артиллерийских стрельбах, осматривал отдел чеканки денег в Тауэре и арсенал в Вуличе [7. Т. 2. С. 370, 381]. Все это пригодилось позднее, при проведении реформ в России.

Перед отъездом из Голландии Штаты преподнесли всем послам золотые медали. Посол с царем побывал в Гааге, Вене. В столице Австрии Головин приобрел благосклонность императора [37. С. 26]. Поездка в Венецию не состоялась, так как пришло известие о стрелецком бунте, и Петр I с ближайшими людьми (Лефортом, Головиным и Меншиковым) срочно возвратился в Россию [2. С. 15—16].

И лично посол немало приобрел. Только через Архангельск он отправил 31 ящик и сундук [7. Т. 2. С. 405]. Головин пристрастился к устрицам [37. С. 92]. На обратном пути он первым из бояр сбрил бороду [41. С. 26—27]. В ходе посольства Головин в числе первых стал носить иностранную одежду [47. С. 178].

За время пребывания за границей при посредничестве Крюйса было нанято 626 человек в Голландии. Кроме того, группу моряков и специалистов наняли в Англии, другую — среди славян и греков с берегов Средиземного моря. Четвертую, немногочисленную, группу составили шведы, приему которых на русскую службу препятствовало правительство. Крюйс помог также заказать необходимые инструменты и материалы для флота [7. Т. 2. С. 398—399].

Иностранцев и припасы отправляли морем через Архангельск и по суше. Вице-адмирал К. Крюйс и шаутбенахт фан Рез, другие нанятые тогда специалисты стали инструкторами будущих российских флотоводцев. Правда, не всегда иноземные моряки вели себя прилично. Когда в феврале — марте 1703 г. Б.П. Шереметев направлялся в действующие войска, под Тверью он встретил обоз иностранных матросов, которые не хотели пропустить фельдмаршала, а один из них чуть было его не пристрелил. Ошарашенный Шереметев описал этот эпизод в письме к Головину. Видимо, от него о событии стало известно царю, который интересовался личностью матроса [47, 195—196].

Царь торопился действовать. Он намеревался продолжить наступление на Юг. 13 мая по его указанию Головин писал боярину Т.Н. Стрешневу, чтобы готовили Азовский флот к походу в 1699 г. и запасли продовольствия на 20 000 человек [7. Т. 2. С. 418—419]. Но в Вене Петру стало ясно, что Австрия не будет поддерживать войну против Турции и что необходимо изменить направление политики. Направление это пролегло теперь к берегам Балтийского моря. Уже на обратном пути Петр вел переговоры с Августом II (курфюрстом Саксонии и королем Польши), в которых участвовал Ф.А. Головин [7. Т. 2. С. 557—558]. Возникшая между государями дружба позднее стала основой их союза против шведов.

После возвращения из-за границы Головин оставался вблизи царя; тот, прежде чем поехать в Пресображенское, завез боярина и Лефорта домой [7. Т. 3. С. 5—6]. Дворец Головина стоял в центре Немецкой слободы [7. Т. 1. С. 115]. На следующий день по прибытии Петр обрезал бороды боярам, начав с Шеина и Ромодановского; любопытно, что незадолго до того Ромодановский называл глупостью и безумством мысль, что Головин мог за границей носить нерусское платье [7. Т. 3. С. 7].

По воскресеньям знатные люди, в том числе и Головин, устраивали приемы. Собиралось большое общество, много пили и танцевали под гром орудийного салюта. Кроме веселья, на таких балах решались важные вопросы. Например, перед отъездом Петра в Воронеж 23 октября 1698 г. у Лефорта собрались послы и бояре, и царь организовал импровизированное заседание Думы. Корб отмечал, что среди спо-

рящих бояр немногие выделялись умением держаться в обществе; среди них был и Ф.А. Головин, отличавшийся «зрелой обдуманностью в решениях» [7. Т. 3. С. 123].

Петр I уехал на Юг, взяв с собой недавно приехавшего вице-адмирала Крюйса и генерала Карловича, представителя Августа II [7. Т. 3. С. 124]. Он был еще, видимо, не уверен ни в намерениях турецкого правительства, ни в своих планах: одновременно развивал Азовский флот и вел переговоры о создании союза против Швеции. На сей раз он оставил Головина в Москве. Управление Оружейной палатой и другими организациями боярин сочетал с дипломатической работой.

Из трех великих послов только дьяк П.Б. Возницын, пожалованный в думные советники, оставался за границей и участвовал в Карловицком конгрессе. О событиях конгресса Возницын писал в Россию, в том числе Головину. Он высказывал в письмах боярину мысли о возможном содействии славянских народов, о союзе с Бранденбургом и Данией против Польши и Швеции, о невозможности дальнейшего союза с Австрией против турок [7. Т. 3. С. 403, 423]. Его информация позволяла выработать новую политику. Карловицкая конференция отчетливо показала, что ввиду намечающейся борьбы между группировками европейских держав нельзя рассчитывать на содействие в борьбе с Турцией и даже гарантировать приобретения России на Азовском море и Днепре.

Казалось, дипломатия стала основной обязанностью Головина. Но весной 1699 г. внезапно умер Лефорт. Это было не только личное горе для Петра. Следовало найти человека, способного реально встать во главе флота. Вновь царь обратился к Головину.

4. Во главе морского ведомства

Работа в посольстве показала организаторские способности Ф.А. Головина. Он продолжал управлять Оружейной палатой. 11 декабря 1698 г. с учреждением в Москве Приказа воинского морского флота для заведования служащими на флоте иностранцами Головин вступил в управление приказом и Монетным двором [44. Ч. 1. С. 109]. Позднее он стал также главой Ямского приказа; видимо, это случилось

после смерти 7 сентября 1697 г. прежнего главы приказа, К.Ф. Нарышкина [7. Т. 4. С. 262—263]. В январе 1699 г. он руководил медицинским ведомством (Аптекарским приказом) [7. Т. 3. С. 201]. Все это было необходимо для подготовки к будущей войне. Головин же отвечал за изготовление гербовой бумаги, порученное Оружейной палате [7. Т. 3. С. 237]. Приходилось участвовать в допросах стрельцов. Царь в знак уважения к обширным трудам Головина приказал выбить серебряную медаль, на одной стороне которой вычеканили портрет Головина, вокруг которого по-латыни было написано: «Царского величества Ближайший Боярин, Генерал-Кригс-Комиссар, Чрезвычайный Уполномоченный посол, Наместник Сибири, Феодор Алексеевич Головин»; на другой — фамильный герб Головиных: лев с обнаженной шпагой и короной на голове, с девизом «Et consilio et zobore» («И советом, и мужеством») [3. С. 32—33; 37. С. 27]. Этот девиз вполне соответствовал деятельности Головина и в то время, и в дальнейшем.

Еще в 1698 г. Б.П. Шереметев получил на Мальте осыпанный бриллиантами крест и по возвращении рассказал царю о рыцарских орденах; видимо, это стало основанием для организации ордена Св. Андрея Первозванного, считавшегося покровителем России [37. С. 28—29]. Орден Петр учредил весной 1699 г. 10 марта 1699 г. он пожаловал Ф.А. Головина за заслуги первым кавалером ордена [2. С. 16]. Но и круг обязанностей Головина все расширялся.

Неведомым для большинства россиян являлся морской флот. Страна никогда не имела постоянной морской силы; при необходимости создавались лишь флотилии легких судов для похода, а по его завершении вся армада рассеивалась. Соответственно не существовало и профессии моряка, исключая кормчих-поморов. Трудно было набрать даже немного матросов. Петру пришлось назначать высших командиров из числа своих приближенных. В 1692 г., когда потешная флотилия на Переславском озере проводила учения с войсками, царь назначил адмиралом князя Ф.Ю. Ромодановского в знак уважения к нему. В плавании 1694 г. по Белому морю вице-адмиралом числился И.И. Бутурлин, шаутбенахтом — П.И. Гордон [44. Ч. I. С. IX—X]. Затем Лефорт стал генералом и адмиралом, официальным команду-

ющим зарождающимся Азовским флотом. Перед вторым Азовским походом для солидности флагманские чины царь присвоил двум полковникам, Лиме и де Лозьеру, которые стали соответственно вице и контр-адмиралами. Их служба на флоте завершилась после празднования взятия Азова. Морским флагманом оставался один Лефорт. После его смерти безутешному Петру потребовалось найти авторитетного человека, способного ликвидировать конфликты между наемниками, подчинить несогласных и со временем перенять морское искусство от иностранных учителей. Таким человеком царь избрал Ф.А. Головина. 21 апреля 1699 г. он произвел Федора Алексеевича в адмиралы [2. С. 17]. Тому пришлось совмещать дипломатию с военной администрацией.

Головин был одним из немногих людей, знавших о планах царя воевать со Швецией и овладеть Нарвой. Но чтобы начинать войну на Севере, следовало избавиться от угрозы с Юга. Было решено использовать демонстрацию силы флота, построенного в Воронеже за последние годы.

Весной 1699 г. дьяк Посольского приказа Е.И. Украинцев получил повеление ехать послом в Константинополь; ему предоставили корабль «Крепость», а сопровождать посольское судно до Керчи должен был весь флот. Тогда он включал корабли «Скорпион», «Благословенное начало», «Цвет войны», «Отворенные врата», «Святой апостол Петр», «Сила», «Безбоянство», «Благое соединение», «Меркуриус», две галеры, яхту, галиот и четыре казацкие лодки. Экипажи состояли из иностранных моряков, солдат Семеновского и Преображенского полков и обучавшихся за границей стольников [24. Т. 1. С. 80].

Командовать эскадрой («морским воинским караваном») Петр I назначил адмирала Головина. Однако царь приказал, чтобы шел он под флагом шаутбенахта и турки не думали, что перед ними все российские корабли [7. Т. 4. С. 96]. Фактически флотом управлял, конечно, опытный вице-адмирал Корнелиус Крюйс с иноземными офицерами. Но немало русских солдат начинали осваивать новое дело. В частности, на корабле «Крепость» состояли 27 иностранцев и 111 русских [7. Т. 4. С. 86]. Одним из кораблей («Отворенные врата») командовал сам Петр; с ним отправились приближенные, чтобы ближе ознакомиться и с водной стихией, и с

морской службой. Инструкция для похода предусматривала осмотр крепости Керчь и промеры глубин Азовского моря.

С начала весны 1699 г. Головин занимался подготовкой Керченского похода. В апреле он распределял струги, подготовленные для переезда к Азову царя и его приближенных [20. С. 126]. С приходом лета начали килевать и конопатить суда, проведенные в Азовское море [20. С. 131]. Инструкцию для посла также составлял Головин при содействии Возницына [7. Т. 4. С. 64—70]. Флаг свой он поднял на корабле «Скорпион». 30 июля эскадра из десяти кораблей была готова. 5—6 августа она вышла в море, 7 августа провела примерное сражение и вернулась в Таганрог [7. Т. 3. С. 86—88].

Вторично выступили в поход через неделю, 14 августа, когда установился благоприятный ветер, и утром 18 августа увидели вход в Керченский пролив [7. Т. 4. С. 88; 21. Ч. 1. С. 429—430]. В первый же день Головин обменялся приветствиями с керченским Муртазы-пашой и сераскиром Гасан-пашой, командовавшим турецкой эскадрой, затем побывал на турецких галерах. Турки пытались отговорить посла от намерения ехать в Константинополь морем, которое давно считали своим озером. Но Украинцев был тверд, выполняя инструкцию, подготовленную Головиным с царем и дьяками. 28 августа «Крепость» вышла в Черное море. Азовский флот пустился в обратный путь раньше и благополучно достиг Таганрога, выполнив поставленные задачи. Неожиданное появление грозной эскадры у Керчи и салют посольского корабля вблизи стен дворца султана продемонстрировали, что Россия способна за короткий срок создать флот, по численности не уступавший турецкому. Демонстрация возымела действие: Турция подписала мир, по которому уступила России Азов и его окрестности.

В дальнейшем за Головиным оставалось высшее управление морским флотом, в основном административное. Со временем ему пришлось наблюдать и за созданием Балтийского флота. Но начало Северной войны потребовало от него больших усилий в военной области и еще бóльших в дипломатической.

Перегруженный массой обязанностей, Головин успевал заниматься и вопросами развития морской силы. При осно-

вании Балтийского флота адмирал получил обязанность «смотреть на него яко вышнему правителю». Фактически он не мог много заниматься флотом лично, так как руководил несколькими приказами.

7 мая 1700 г. Головину был поручен денежный двор в Кадашевой слободе для перечеканки ефимков в русскую монету; половину прибыли двора от порчи монеты следовало направлять в Военно-морской приказ на жалованье иноземным мастерам и морякам, а вторую половину — в Адмиралтейский приказ, которым руководил адмиралтесц Ф.М. Апраксин. Для начала 100 000 ефимков заимообразно выдал Адмиралтейский приказ [7. Т. 4. С. 349—350].

Управляя монетным двором, Головин за 1700—1702 гг. резко увеличил выпуск монеты; этому способствовало использование серебряной руды, найденной у Нерчинска [2. С. 26]. В 1704 г. начали чеканить рубли с погрудным изображением Петра I [37. С. 44]. Средства от Монетного двора шли на содержание и строительство флота.

С основанием в Москве школы «математических и навигацких» наук царь назначил Головина еще и ее начальником [44. Ч. 1. С. 109]. Указ от 14 января 1701 г. гласил: «...быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учению. В учителях тех наук быть английския земли урожденным: математической — Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой — Степану Гвыну да Рыцарю Грызу, и ведать те науки всяким в снабдении управлением во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи» [39. Ч. 3. С. 289].

Головин держал под контролем обучение, набор кадров, судостроение. Сохранилась переписка, из которой следует, что адмирал следил за постройкой судов на Сяси и Олонецкой верфи [39. Ч. 1. С. 8, 31, 32 и др.]. Понятно, что он имел право с гордостью писать 3 мая 1704 г.: «...Е.Ц.В. уже сего году в кратком времени флот в 20-ти кораблях и фрегатах состоящий купно с 7-ю великими галерами и 10 бригантинами (из которых на каждом по 50 человек и по 5 пушек обретается) на Балтийское море вывести может, из которого флота уже несколько кораблей у острова Рычерта [Котлина. — Н.С.] в 6 милях от Петербурга стоят и достальные в кратце

туда же последовати будут, при котором острове на самом проезде и корабельном ходе крепость со многими пушками, в самом море, зимою как мерзло было, из дерева и камня основана и построена есть, и уже и пушками вооружена, и тако ныне неприятельские корабли за столько миль не могут сюда приближаться» [39. Ч. 1. С. 32].

7 мая 1704 г. Головин писал дипломату И.Р. Паткулю, что царь в состоянии вывести в море 100 бригантин (точнее, разных парусно-гребных судов), несущих по пять орудий [24. Т. 1. С. 118]. Вскоре эти суда стали играть все большую роль в действиях у берегов Финляндии и Швеции.

Несмотря на старания Головина, Петр не всегда был доволен; 22 сентября 1704 г. он, в частности, писал: «Еще вашей милости пеняю, что не изволите остерегать своего должника, что корабль, который изготовлен был для посла польского и доныне стоял в устье волоховском забыт» [39. Ч. 1. С. 43].

На кораблях занятый административными делами Федор Алексеевич почти не бывал; только в мае 1706 г. по приезде в Санкт-Петербург генерал-адмирал посетил флот, стоявший у Кронштадта; шаутбенахт Боцис по указанию царя устроил ему торжественную встречу, «как водится в Венеции» [5. Ч. 1. С. 15]. Царь дал приказ встретить его как генерал-адмирала [37. С. 43].

И все же большую часть времени Ф.А. Головин посвящал дипломатической и административной работе.

5. Глава Посольского приказа

Сразу после возвращения из Таганрога в Москву Головин участвовал в переговорах Петра I с иностранными представителями. Возглавлявший Посольский приказ Л.К. Нарышкин не устраивал Петра своей пассивностью. Уже осенью 1698 г. царь вел переговоры с датским послом без него. Весной, как известно, инструкцию для посла Украинцева готовил Головин. Он же вел переговоры с послом Швеции и единственный из бояр участвовал в переговорах о заключении антишведского союза.

Головин торопил Украинцева, который безуспешно пытался добиться права свободного судоходства по Черному морю. В октябре 1699 г., во время переговоров со шведским

посольством, добивавшимся подтверждения Кардисского мира, Головин обосновал отказ царя от крестного целования, что было важно перед началом войны за пересмотр границ, установленных договором [7. Т. 4. С. 136—144]. 27 октября 1699 г. Головин присутствовал на переговорах Петра с датским и саксонским посланниками, которые убеждали царя вступить в войну, но тот предпочитал не торопиться, пока не заключен договор с Турцией. Головин поддержал это мнение. После совещания с ним Петр решил послать гонца в Константинополь к Украинцеву с разрешением идти на уступки ради мира. Договоры о союзе с Августом II (11 ноября) и Данией (23 ноября) 1699 г. предусматривали вступление России в войну после заключения мира с Турцией. До того царь только разрешил польскому королю нанимать добровольцев в русских землях [7. Т. 4. С. 157—158, 164].

18 февраля 1700 г. Головина официально назначили управлять Посольским приказом [7. Т. 4. С. 265]. По-прежнему за ним оставалось управление Оружейной палатой, к которой по указу 19 января 1700 г. присоединили Золотую, Серебряную палаты и Ствольный приказ [7. Т. 4. С. 268—269]. В 1701 г. в управлении Головина оказались Посольский приказ (с которым сливались приказы Малороссийский, княжества Смоленского, Новгородский, Галицкий и Устюжский), приказы Военных морских дел, Ямской и Оружейная палата [7. Т. 1. С. 275]. Следовательно, он объединял в своих руках управление внешней политикой, подбор кадров для флота и изготовление вооружения, а также транспортные перевозки. Главой Аптекарского приказа Головин устроил Возницына, который просил об этом еще в письме из Вены [7. Т. 3. С. 345—346. Т. 4. С. 263]. В свою очередь, дьяк информировал Головина, каким образом можно приобрести титул графа, и предлагал: «Аще изволишь графом быть, я потом приложу здесь радение, только даром не сделать, надобно заплатить» [7. Т. 3. С. 346]. Очевидно, эти хлопоты сыграли свою роль, когда Головин через несколько лет получил желанный титул.

18 февраля 1700 г. Петр I перед отъездом в Воронеж заверил датского посла, что непременно вступит в войну сразу после заключения мира с Турцией, и предложил обращаться к Ф.А. Головину, как к нему самому [7. Т. 4. С. 341]. 2 марта

царь указал Головину предупредить воевод о возможности войны, не открывая им объект, и предписал поставить полки к шведской границе, осмотреть Орешек (Нотебург) и Нарву [7. Т. 4. С. 353—354]. Однако к Головину приходили неутешительные сведения. Союзники уже начали войну, но командующий войсками Августа II Я. Флеминг был увлечен любовными приключениями и медлил с осадой Риги [7. Т. 4. С. 358—359]. В апреле стало известно о приготовлениях голландского флота против Дании [7. Т. 4. С. 370]. Неудачей завершилась попытка включить в союз курфюрста Бранденбурга [7. Т. 4. С. 455—456].

Пока союзники решали каждый свои проблемы, шведский король Карл XII перебросил отборные войска на англо-голландской эскадре к Копенгагену и угрожал Датскому королевству. Датский посол торопил Головина, но тот отвечал, что русские войска двинутся, как только будет подписан мир с турками; на вопрос о направлении наступления Головин честно сказал, что, вероятно, они будут наступать к Нарве и в Финляндию. Датский посол предложил направиться на Нотебург и Ниеншанц, чтобы взятием Нарвы не вызвать недовольства Польши; но Головин заявил, что у царя сил достаточно, чтобы действовать во всех трех направлениях [7. Т. 4. С. 462—464]. Очевидно, ему передалась уверенность Петра в победе: ведь он сам готовил полки к войне.

Распусив стрелецкое войско, царь формировал регулярную армию. Комиссию по набору, комплектованию и обучению в Преображенском возглавил Ф.А. Головин [25. С. 35]. К весне 1700 г. были собраны и подготовлены 27 пехотных и два драгунских полка. Вооружили их фузеями и мушкетами, которые Головин закупал за границей.

Наконец 8 августа 1700 г. прибыло сообщение о заключении мира с Турцией. На следующий день Петр I объявил войну Швеции, а вскоре пришли в движение полки, направлявшиеся к Нарве [41. С. 161—162].

19 августа Петр I пожаловал Ф.А. Головина первым русским генерал-фельдмаршалом и поставил его во главе 45-тысячной армии, выступившей к Нарве [2. С. 17—18]. Осада крепости затянулась. Но принять унижение поражения Головину не пришлось: 18 ноября, накануне сражения, царь отправился за подкреплениями, оставив командующим гер-

цога де Кроа, а Федора Алексеевича взял с собой. 12 января 1701 г. Головин подписал с датским посланником Гейнсом договор о союзе, в феврале участвовал в переговорах Петра с Августом II, в марте был членом совещания о плане совместных военных действий [2. С. 18—19]. Весной 1701 г. Головин имел разговор с фон Кенигсенем, посланником Августа II, который обещал при необходимости соединить саксонских войск с русским, чтобы устранить угрозу полкам А.И. Репнина в Лифляндии. Правда, царь не очень этому верил [68. Т. X. С. 420].

30 мая 1702 г. Головин с царской свитой приехал в Архангельск. Готовилась необычная операция. 6 августа русская эскадра во главе с адмиралом отправилась к Соловецким островам, а затем к деревне Нюхче, откуда начиналась «Государева дорога». По этой дороге войска протацили к Онежскому озеру два судна, которые использовали для взятия крепости Нотебург [35. С. 18—19]. Головин участвовал в осаде и после взятия крепости, переименованной в Шлиссельбург, строил один из ее бастионов, названный его именем. Вскоре его назначили ведать крепостными делами и подьячими Оружейной палаты [37. С. 34].

16 ноября Федор Алексеевич был вторым из русских (первым стал А.Д. Меншиков в 1702 г.) возведен в графское достоинство; грамоту он получил от римского императора Лепольда I [18. С. 353; 37. С. 34—35].

Меншикову титул графа добывал Головин. В 1702 г. Федор Алексеевич поручил послу в Вене П.А. Голицыну исходатайствовать титул «гофа» и обещал возместить расходы. Он писал: «А от него б тебе заплата будет добрая, что и сам можешь рассудить, и другим бы было во угождение». Очевидно, посол постарался для царского любимца, ибо в 1703—1704 гг. Меншиков числился графом, пока в 1706 г. не был удостоен титула князя Священной Римской империи [47. С. 39].

Разумеется, добыча титулов не была основной задачей главы Посольского приказа. Он занимался тем, что через послов и агентов за границей получал и анализировал необходимую информацию. Одним из важнейших направлений был Константинополь. Головин поддерживал переписку с П.А. Толстым. Так как русский посол состоял под наблюдением, он должен был рассчитывать на добровольных

помощников. Одним из информаторов являлся иерусалимский патриарх Досифей, и в 1705 г. Ф.А. Головин напомнил Толстому: «...изволь иметь согласие и любовь с патриархом иерусалимским» [47. С. 282]. В свою очередь, Толстой писал Головину о самоотверженной и усердной работе патриарха, его племянника и Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского, а после его отъезда — друзей торговца. Трудились они, бескорыстно собирая информацию ради освобождения своих стран от ига Турции [47. С. 283—284]. Несмотря на трудные и опасные условия существования посольства, Толстой доставлял Головину ценные сведения о турецком флоте, армии, политике и т.д., которые позволяли Посольскому приказу делать выводы, важные для принятия политических решений [47. С. 288—291].

Россия не раз оказывалась на шаг от войны с султаном, и дипломатическое ведомство должно было искать выход из трудного положения. В частности, донесение о том, что визирь вопреки указаниям султана летом 1703 г. пытался поднять Крым против России, встревожило Головина, который сообщил послу о готовности царя выделить крупные средства на подкуп турецких сановников. Умелая политика Толстого позволила отказаться от лишних расходов [47. С. 296—297]. Не раз Толстой, измотанный турецкими притеснениями, просил Головина отозвать его из Константинополя, ибо жизнь там была тяжела, но его так и не отзывали еще много лет [47. С. 294].

Головин напоминал Толстому о том, что России нужна на юге только морская торговля: «А торговле, дабы чрез Черное море учинить, всяким тщанием своим домогатца» [47. С. 312]. Толстой безуспешно старался добиться разрешения на движение русских торговых судов по Черному морю, затем — хотя бы права русским купцам возвращаться в Россию на кораблях. Однако Турция предпочла оплатить перевозку грузов по суше, но не допускать русских на Черное море. Толстому удалось отправить лишь одно судно купца С.Л. Владиславича-Рагузинского в Азов под предлогом доставки грузов посла для его брата в Азове; он объяснил Головину причину подлога: «...чтоб по малу оный морской путь к Азову отворялся» [47. С. 312—313]. Судно Рагузинского было первым торговым судном, прибывшим в Азовский порт. В пись-

ме, посланном Толстым 25 сентября 1702 г., посол сообщал Головину о купце, что он «человек добрый, ныне по обнадеживанию моему поехал с товаром в Азов, а из Азова к Москве и просит о нем написать. Яви к нему милость, он всеконечно в странах сих Московскому Государству благопотребен и ныне, государь, при отъезде своем прислал ко мне некоторые потребные ведомости» [47. С. 444]. Головин распорядился, чтобы купцу разрешили быть в Москве, сколько он захочет [47. С. 441]. Владиславич встречался с Головиным, с царем и в феврале 1704 г. вернулся в Константинополь. В следующем году он вновь прибыл в Россию с товарами, заказанными государством грузами и сведениями. Доставил он и арапчонка Ибрагима — будущего «арапа Петра Великого», деда А.С. Пушкина [47. С. 445—446]. Из трех привезенных арапчат двое были для Ф.А. Головина и третий — для двора П.А. Толстого [47. С. 475]. Обратного Владиславич-Рагузинский не вернулся. Русская дипломатическая служба продолжала получать сведения от его друзей и помощников в Турции. В 1706 г. Толстой сообщал Головину: «Приятели, государь, господина Савы вельми усердно работают в делах великого государя, и воистинно, государь через них многие получаю ведомости потребные, понеже чисточердечно трудятся без боязни и от меня никакие заплаты не требуют, ниже чего прсят, токмо говорят, что работают и работать будут по повинности своей к господину Саве» [47. С. 448]. И позднее, до 1714 г., Владиславич-Рагузинский снабжал Посольский приказ информацией из Турции, подготовил план войны с Турцией на основе восстания поработенных народов, однако из-за неудачи Прутского похода осуществить его не удалось [47. С. 449—453].

Толстой с декабря 1702 г. отклонял требования чиновников султана уничтожить крепости и сжечь корабли на Азовском море. В 1704 г. Головину пришлось организовать прием турецкого посла. Он писал Толстому: «Послу турецкому с великой честью прием и достаток во всем покажем». Так и было сделано. Несмотря на бестактное поведение посла Мустафы-аги, даже не согласившегося встретиться с Головиным и испакостившего портрет Петра I, подаренный царем, его приняли с почетом. Когда же посол, вернувшись в Константинополь, возвел клеветнические обвинения на Рос-

сию, Толстой благодаря полученным от Головина копиям документов доказал вину Мустафы-аги [47. С. 315—318].

В России Головин выступал покровителем иностранцев и предложил царю дать свободу проезда и подводы для переезда в Москву специалистов, желающих работать в России [37. С. 34].

10 мая 1703 г. Ф.А. Головин и генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев возложили на царя и А.Д. Меншикова ордена Св. Андрея Первозванного за взятие ночью 7 мая двух шведских боевых судов у устья Невы [24. Т. 1. С. 94—96].

Основной сферой деятельности Ф.А. Головина оставалась дипломатия. 28 июня 1703 г. он заключил договор с литовским послом о выступлении Литвы против Швеции. Когда французское правительство добивалось союза с Россией против Австрии, Головин доказал царю, что нет смысла нарушать дружбу с Австрией, Польшей, Англией, Данией, Пруссией и Голландией ради этого союза; 24 февраля 1704 г. он отпустил французского посла, а летом того же года под Нарвой подписал новый договор о совместных действиях с Польшей [2. С. 20—21]. Перед тем фельдмаршал, посланный Петром I, сделал распоряжения по осаде крепости, а договор подписал 9 августа, после взятия Нарвы [37. С. 36].

15 августа 1704 г. представители польского короля и саксонского курфюрста Августа II и представитель России Ф.А. Головин подписали в Нарве соглашение об оборонительном и наступательном союзе против шведского короля, чтобы «по силе того союза против короля Свейского до окончания сея войны всеми силами воевать, и друг друга не оставлять, и особливого мира с неприятелем не чинить...». Формальный договор был подписан в Нарве 19 августа; в нем не было упомянуто об обязательстве России передать Польше часть завоеванной русскими Прибалтики [69. Т. X. С. 438—439].

Вероятно, Головин был причастен к приему на русскую службу фельдмаршала Г. Огильви; он составил о нем мнение: «Господин Огильвий, кажетца, государь, человек изрядной» [47. С. 204]. Видимо, его характеристика и положительное мнение способствовали тому, что царь поручал фельдмаршалу важные дела.

В 1705 г. глава Посольского приказа не допустил вмешательства в торговые дела России Англии, добивавшейся монополии на торговлю и отказа России принимать на службу во флот англичан [37. С. 37—38]. В следующем году он пытался вести переговоры со шведским королем, пользуясь поддержкой его министров, но безуспешно [2. С. 24—25]. 3 апреля 1706 г. Петр I писал Головину, чтобы тот обещал что угодно, чтобы добиться мира со Швецией и содействия других держав в переговорах [37. С. 42—43]. Потребовалось нанести ряд поражений шведам, прежде чем Карл XII подумал о мире.

После смерти 28 января 1705 г. Т.Н. Стрешнева Головин писался Посольской канцелярии Начальным Президентом; до того в периоды его отсутствия дела приказа вели Л.К. Нарышкин и Стрешнев [37. С. 38].

С внешними делами были связаны внутренние. Б.П. Шереметев, посланный для подавления Астраханского восстания, просил Головина в декабре 1705 г., чтобы тот получил для фельдмаршала разрешение задержаться на зиму в Москве. Однако царь настойчиво отправлял Шереметева к Астрахани и даже прислал для наблюдения за действиями фельдмаршала гвардейского сержанта М.И. Щепотьева, на поведение которого Шереметев жаловался Головину. Тот был солидарен с Шереметевым, но не мог ничего сделать против царской воли. 26 января адмирал сам рекомендовал фельдмаршалу поторопиться выехать в Саратов, чтобы не раздражать царя [47. С. 209—210].

Когда началось Астраханское восстание, 1 февраля 1706 г. Петр I предписал генерал-адмиралу послать группу офицеров и матросов, вооружить пять судов с 8—12 пушками и после ледохода поставить их на якорях у Царицына, выше Ахтубского устья; царь считал, что эти суда преградят путь «ворам» лучше, чем 10 000 войск [5. Ч. 1. С. 22]. Головин писал об этом Б.П. Шереметеву, предлагая снарядить три-четыре струга и построить у Ахтубы укрепление.

Так как царь надеялся решить дело миром, Головин вел переговоры с представителями астраханцев, которые были готовы принести повинную, и отзывался о них, что они «все кажутца верны и мужики добры». Царь предписал: «...всеко-нечно их всех милостию и прощением вам обнадеживать; и,

взяв город Астрахань, отнюдь над ними и над заводчиками ничего не чинить» [47. С. 211].

Но хотя была возможность погасить мятеж мирно, чего хотели Петр и Головин, фельдмаршал взял Астрахань силой. Его действия вызвали неодобрение Головина, который писал: «Токмо того жаль, что зделанное испорчено», подразумевая свои мирные усилия [47. С. 213].хлопоты Головина были одобрены. 23 апреля царь писал: «Господин адмирал! Письмо ваше купно с фельдмаршаловым и Щепотьевым из Астрахани я принял и за такую Божью милость здесь зело радостно Бога благодарим и трижды из города и флота из пушек стреляли, чем купно и вашу милость сею радостию поздравляю, також ожидаем вас самих сюды немедленно купно с господином адмиралтейцом. Сего часа весь наш флот при благополучном осте отходит в море, дай боже милость свою» [39. Ч. 1. С. 115].

В 1706 г. Шереметев писал Головину: «Доношу вам, что больше надобет от башкирцов опасения иметь нежели от астраханцов. Вам известно, сколько их много, и каракалпаки с ними, и до самой Сибири все Орды. Унимать их будет с трудом. Не надобет их слишком зlobить, полно нам покуда шведов» [69. Т. X. С. 454]. Очевидно, Головин принял меры, потому что через несколько лет иррегулярная конница из Башкирии и соседних областей сыграла немалую роль в борьбе со шведами.

Зимой — весной 1706 г. Петр I регулярно сообщал Головину об отступлении от Гродно, о неожиданном поражении под Фрауштадтом из-за бездействия войск Августа II и об угрозе русским границам. 15 марта царь писал Федору Алексеевичу: «Изволте осторожность иметь о Киеве, куда не без намерения неприятелского будет». Он был готов оставить Курляндию и приказывал свозить трофейные пушки для вооружения Смоленска, Полоцка, Великих Лук [69. Т. X. С. 455, 458—459].

28 мая 1706 г. в ведение Головина перешли Астрахань и Терек, переданные Посольскому приказу [37. С. 41]. Но Федору Алексеевичу уже не довелось умиротворять астраханцев после действий фельдмаршала Шереметева. В конце июня Петр выехал в Киев и указал Головину прибыть к нему. Адмирал проводил переговоры с Бранденбургом (Пруссией)

[2. С. 24—25]. Сдав посольские дела Шафирову, Головин 24 июня выехал, захворал и задержался в Нежине, но чуть оправившись, продолжил путь и скончался в Глухове [37. С. 44]. В этом проявился весь Головин, до последнего часа выполнявший волю государя во славу Родины. Даже мелкие упущения он ставил себе в вину. К примеру, когда он не выполнил одного из поручений Петра в 1700 г., то писал: «Что на Вокшане и на Молодях лошадей не было, пожалуй, Государь, мне в том отдай вину: истинно недосмотрел, чтоб для твоей милости Государь поставит» [37. С. 45—46]. Вероятно, даже его крепкий организм не выдержал тяжести забот, возложенных на него Петром I. Огорченный царь 2 августа сообщал Ф.М. Апраксину: «Ежели сие письмо застало вас в Москве, то не извольте ездить на Воронеж; буде же на Воронеже, извольте ехать к Москве; ибо хотя бы никогда сего я вам не желал писать, однако воля Всемогущего на то нас понудила: сия недели Господин Адмирал и друг Наш от сего света посечен смертью в Глухове; того ради извольте, которые приказы, кроме Посольского, он ведал, присмотреть, а деньги и прочие вещи запечатать до указа. Сие возвещает печали исполненный Петр» [37. С. 44]. Позднее молодой монарх более бережно относился к соратникам и не наделял их таким кругом обязанностей.

Очевидно, летняя жара и военные хлопоты не позволили достойно и торжественно похоронить первого русского адмирала; только зимой его тело доставили в Москву. 5 февраля 1707 г. царь писал Ф.М. Апраксину, назначенному преемником: «Мингер! Писано о погребении Адмирала, и чтоб оное его тело достойному по его чину предать погребению с пушечною на каждой минуте стрельбою и впрочем не ожидая нас...» [5. Ч. 3. С. 22].

По случаю кончины адмирала на флоте состоялся «печали исполненный» церемониал. Похоронили Ф.А. Головина 22 февраля 1707 г. [20. С. 213]. Покоился он в Симоновом монастыре, где была фамильная усыпальница графов Головиных. Надпись на памятнике гласила: «Лета от сотворения мира 7214-го, а от Р.Х. 1706 года, Июля 30 дня, на память Святых Апостол Силы и Силуана, преставился Его Высокографское Превосходительство Федор Алексеевич Головин, Римского Государства Граф, Царского Величества Государь-

ственный Великий Канцлер и посольских дел верховный Президент, ближний боярин, морского флота Адмирал, наместник Сибирский и Кавалер чинов: Св. Апостола Андрея, Белаго Орла и «Генерозитеи» (Genegoesite) и пр.» [44. Ч. 1. С. 68].

Могила не сохранилась. Уже в начале XX столетия о надписи на ней остались только воспоминания. Позднее кладбище при монастыре уничтожили. Ныне на месте захоронения стоит Дворец культуры ЗИЛа.

Царь относился к Головину по-дружески, и когда в 1705 г. Федор Алексеевич горевал о смерти матери, утешал его: «Слышал, что вы зело печальны о смерти материной. Для Бога извольте рассудить, понеже она человек старый и весьма давно больной». Петр надолго запомнил своего соратника. Ганноверский резидент при царском дворе в 1714—1715 гг. видел в покоях портрет Головина и латинскую надпись под ним, гласившую: «Кто всею душою, с ревностию и искусством исполнял свою должность, тот только способен к делам великим и чрезвычайным» [37. С. 45—46].

Адмирал оставил дочь (вторая скончалась ранее его) и трех сыновей. Иван был стольником и инженером, Александр — капитан-лейтенантом флота; умерли они, не достигнув преклонных лет. Граф Николай Федорович (1695—1745) занял, подобно отцу, высший пост во флоте: он стал президентом Адмиралтейств-коллегии.

Головин не был лихим рубакой, хотя его доблесть и отмечали современники. Он обладал храбростью гражданина, принимающего решения. Несмотря на то, что деятельность многих соратников терялась на фоне активности самого царя, Головин отличался в придворном окружении и способностями, и спокойной уверенностью. Не ограничиваясь выполнением инструкций, он проявлял инициативу и при ведении переговоров под Нерчинском, и настаивая на приеме в русскую службу Крюйса, и намекая молодому монарху на то, что нельзя нарушать согласованный план деятельности посольства. Адмирал был не столько учеником, сколько учителем и оберегателем Петра. И молодой царь следовал советам Головина, хотя иногда и позволял себе попенять на недостатки в одном из подчиненных ему ведомств.

Первый русский адмирал сочетал в себе черты военного и государственного деятеля. Он владел латинским и английским языками, был сведущ в различных науках [37. С. 45].

Ф.А. Головину не довелось увидеть в блеске побед новую Россию и славу заложенного его трудами флота. После смерти его обязанности пришлось распределить между несколькими людьми: никто не мог выполнять их все в одиночку. Новые люди продолжили развитие России. Кончался период импровизации во всех сферах российской жизни, в том числе и на флоте. Все больше становилось отечественных специалистов. Их труд по развитию флота также не был легким. И нам, потомкам, следует помнить того, кому Россия обязана первыми государственными успехами конца XVII — начала XVIII века.

АПРАКСИН ФЕДОР МАТВЕЕВИЧ

Из всех генерал-адмиралов российского флота только Федор Матвеевич Апраксин в полной мере оправдал свое высшее на флоте звание. Он свыше четверти века руководил кораблестроением на Белом, Азовском морях и под Воронежем, оборонял южные рубежи страны и молодой Санкт-Петербург. Под его руководством войска и эскадры добивались побед на суше и на море. Заслуженно генерал-адмирал получил все существовавшие в первой четверти XVIII столетия награды, вплоть до права поднимать кайзер-флаг. Он первым возглавлял Адмиралтейств-коллегию. Свою жизнь Ф.М. Апраксин полностью посвятил деяниям Петра и после смерти монарха-преобразователя сохранял морской флот России в боевой готовности. Но современный читатель не в состоянии оценить роль Апраксина, деятельность которого теряется в описаниях славных дел Петра Великого, так как капитальной биографии первого генерал-адмирала нет. Существует даже мнение, что он был способен лишь исполнять волю монарха-реформатора. Автор постарается показать, что Апраксин и обладал самостоятельным взглядом на многие события и реформы, и был способен проводить свои идеи в жизнь даже вопреки мнению царя.

1. Стольник царя Петра

Согласно старинным родословным книгам, род Апраксиных ведет начало от одного из братьев, татарских мурз Салхомира и Эдугана, вышедших в 1371 г. из Большой орды

к князю Олегу Рязанскому. Салхомир крестился, под именем Ивана Мстиславича породнился с князем, женившись на его дочери, и был боярином. Его сын, Григорий Иванов (Салхомиров), также боярин, оставил трех сыновей: Михайло, Григория, Ивана-Кончая; второй сын Ивана Григорьевича, Андрей Опракса, и стал родоначальником фамилии Апраксиных [50. Кн. 2. С. 67]. Сыновья Андрея Опраксы перешли из Рязани в Москву, к Ивану III, служили стольниками и боярами, многие пали на поле боя [9. Т. 1а. С. 927]. Ближайшие предки адмирала служили дьяками. Дед Федора Матвеевича, стряпчий при дворе Михаила Федоровича, с 1640 г. московский дворянин Василий Петрович Апраксин, был послом в Дании в 1645 г. и воеводой в Корчеве; от брака с Марфой Игнатьевной Та́тищевой он имел единственного сына и умер в 1654 г. Матвей Васильевич в 1658 г. служил стряпчим, затем вторым воеводой в Астрахани; он погиб 6 ноября 1667 г. в степи, когда возвращался с воеводства. От брака его с Домной Богдановной Ловчиковой остались сыновья Петр, Федор, Андрей и дочь Марфа. Женитьба царя Федора Алексеевича на Марфе (1664—1715) в феврале 1682 г. ввела семью Апраксиных в число придворных родов, хотя болезненный Федор Алексеевич уже в апреле скончался [30. Т. 2. С. 239—240]. Марфу Матвеевну уважал Петр I, и ее братья получили возможность показать свои способности в ходе преобразований в России.

Федор Матвеевич Апраксин родился 27 ноября 1661 г. [30. Т. 2. С. 240]. Упоминание у Брокгауза и Ефрона, что родился он в 1671 г. и на службу определен десятилетним, очевидно, ошибочно. В 1681 г. Федора Апраксина поставили стольником к царю Федору Алексеевичу, а после его смерти — к царю Петру [9. Т. 1а. С. 928].

Петру было тогда десять лет. После смерти старшего брата Федора на трон посадили одновременно Ивана и Петра Алексеевичей, а регентом при них стала старшая сестра Софья, которая фактически и правила государством. Малолетних царей только в парадных случаях показывали народу. При таких условиях служба стольника казалась почетной и необременительной. Однако, в отличие от подчинившегося воле сестры болезненного Ивана, Петр оказался более деятельным. Он серьезно учился различным наукам, и в первую

очередь военному делу. Участниками ратных забав стали стольники, в том числе и Федор Апраксин, который вместе с царем осваивал военную науку. Вокруг Петра образовалась компания из людей разного возраста и происхождения — друзей и будущих сподвижников юного царя. Члены компании и кутили, и занимались серьезным делом. Именно они и обеспечили приход к власти Петра.

Софья Алексеевна пробовала упрочить свое положение, организовав походы в Крым 1687 и 1689 гг.; она рассчитывала стать единовластной царицей, избавившись от младших братьев. Но в ходе потешных игр Петр создал при помощи русских и иноземных советников ядро регулярной армии — нескольких тысяч человек в двух гвардейских полках. Поэтому, когда Софья, встревоженная усилением позиций семнадцатилетнего брата, попыталась в 1689 г. поднять стрельцов, ликвидировать соперника и поддерживающую его партию в Думе, ей помешали и новые войска, и возросший авторитет Петра. Софью заточили в монастырь, а Петр получил возможность развивать свои замыслы, в том числе и по созданию военного флота.

Еще в середине XVIII столетия была предпринята попытка построить на Волге первые корабли европейского образца для охраны предполагавшейся торговли по Каспийскому морю, но они так и сгнили без употребления. В 1688 г. Петр нашел в Измайловском старый ботик и после ремонта плавал на нем по Яузе и Просяному пруду в Москве. Так появилась тяга юного монарха к морю, поддержанная советами иностранных купцов. Часть своих приближенных царь определил к изучению морского дела. Среди них оказался и стольник Федор Апраксин.

Петр в 1688 г. уговорил мать разрешить ему постройку судов на Переславском озере при помощи голландского корабельного мастера Карстена Бранта, и через год флотилия из двух малых фрегатов и трех яхт была на воде. Петр и его приближенные участвовали в постройке и учились управлять кораблями. В 1692 г. состоялись первые маневры потешной флотилии совместно с Бутырским полком. Флот рождался вместе с армией и с ней же учился.

Вскоре перешагнувшему барьер двадцатилетия Петру стало тесно на озере, его не удовлетворяло чтение о море.

Царь решил своими глазами увидеть морскую стихию. Летом он выехал в Архангельск со свитой, в которой был и стольник Апраксин.

Архангельск к концу XVII столетия оставался единственным морским портом, связывавшим Россию с державами Европы. Корабельный лес и лен, пеньку и сало, смолу и холст для парусов поставляли русские купцы англичанам, голландцам и другим народам, содержавшим большие флоты и нуждавшимся в хороших материалах. Ежегодно десятки судов под разными флагами посещали порт. На своих карбасах и лодьях, как и в прежние века, выходили промыслять морского зверя и рыбу поморы. Однако их небольшие суда не могли перевозить товары в Европу. Страна нуждалась в собственном торговом флоте, а также во флоте военном, чтобы защищать торговлю.

30 июля 1693 г. царь со свитой прибыл в Архангельск и больше двух месяцев провел в городе. 18 сентября, незадолго до отъезда, он лично заложил первую государственную верфь на Севере — Соломбальскую [35. С. 15]. Первый выход в море, порт, суда с разноязычными командами, обветренные лица морских волков-капитанов и, главное, понимание необходимости создания морских сил сделали Петра горячим любителем моря и флота. Но начатое дело следовало энергично продолжать. Царь избрал для этого Апраксина.

Тот факт, что Федор Апраксин десять лет оставался стольником, ни о чем не говорит. Сам царь, а за ним и приближенные проходили корабельную и артиллерийскую науку поэтапно и соответственно получали чины. Петр наблюдал людей в работе и знал, кому можно доверить ответственное дело. В августе 1693 г. он назначил тридцатидвухлетнего Ф.М. Апраксина Двинским восводой.

Апраксин прошел неплохую школу обучения вместе с Петром и заразился его кипучей энергией. Он решительно взялся за дело. Под рукой были и лес, и другие материалы, которые вполне удовлетворяли иностранных корабелов, и сотни плотников, привыкших строить морские суда, и образцы зарубежных судов, и советники из своих и иностранных корабельных мастеров. Дело пошло ходко, и весной 1694 г. на стапелях стояли корабль и яхта, второй корабль купили в Голландии. Петр I 18 мая 1694 г. вторично посетил Архан-

гельск и 20 мая присутствовал при спуске первого русского торгового корабля «Св. Павел», который вскоре отправился с товарами за границу [35. С. 16—17]. Царь остался доволен расторопностью нового воеводы, а плавание по Белому морю еще более пробудило в нем страсть к морской стихии. 20 августа Петр уехал из Архангельска. Он мог быть уверен, что начатое на Севере мореходное дело в надежных руках.

В 1695 г., при формировании Преображенского и Семёновского гвардейских полков, Ф.М. Апраксин получил в последнем чин майора; чин этот был скорее наградой, так как Федор Матвеевич оставался воеводой. Тем временем Петр I задумывал новое предприятие — войну против турок для выхода в Азовское и Черное моря. Первый Азовский поход 1695 г. окончился неудачей. Турки морем беспрепятственно снабжали крепость. Поэтому к весне 1696 г. на реках были построены два галеаса, 23 галеры, четыре брандера, 1300 стругов для перевозки войск и блокады Азова. Часть моряков и корабелов наняли за границей, других Апраксин прислал из Архангельска с государевых и купеческих кораблей. Эскадрой командовал новоиспеченный адмирал Ф.Я. Лефорт. В результате решительных действий моряков и казаков крепость оказалась в блокаде и капитулировала.

Осенью 1696 г. Боярская дума приняла решение о постройке военного флота на Дону. Для организации этой работы перед выездом с Великим посольством за границу царь определил окольного А. Протасьева, назвав его адмиралтейцем. Однако в 1700 г. Петр I посетил Воронеж, обнаружил злоупотребления и сместил Протасьева. Новым адмиралтейцем он 18 февраля назначил Ф.М. Апраксина [44. Ч. 1. С. 15]. Первым делом вызванного из Архангельска стольника явилось участие в походе Азовского флота к Керченскому проливу летом 1699 г.

С этого времени началась морская карьера будущего генерал-адмирала.

2. Между Севером и Югом

В должности адмиралтейца Апраксин получил широкие возможности показать себя. За семь лет были достроены заложенные при Протасьеве суда и начаты новые, созданы или расширены верфи и адмиралтейства в Таврове, Новопавловске, Петропавловске, Воронеже, была оборудована гавань в

Таганроге, развивалась сеть крепостей по берегам Азовского моря [36. С. 10—11]. Федор Матвеевич сам выходил в плавание летом 1702 г., чтобы исследовать корабельные фарватеры. Все более Азовское море становилось российским.

Усердие и умения Апраксина обратили на себя внимание Петра. Когда в 1706 г. скончался стоявший во главе морского ведомства адмирал Ф.А. Головин, занимавший несколько государственных должностей, именно Федору Матвеевичу царь поручил временно принять его дела, а 22 февраля назначил его адмиралом и президентом Адмиралтейств [44. Ч. 1. С. 15]. Фактически Ф.М. Апраксин занял высшую должность в морской иерархии и должен был теперь заниматься не только Азовским, но и рождающимся Балтийским флотом. Кроме того, он заведовал в 1707—1711 гг. Монетным двором [30. С. 257]; полученные от двора средства шли на развитие флота.

Петр I давал Апраксину важные поручения. В 1703 г. он предписал ему организовать судостроение на реке Сясь, у впадения ее в Ладожское озеро. В 1707—1708 гг. адмиралу довелось выводить в море Балтийский флот, а затем защищать Санкт-Петербург с суши.

Русские войска год за годом отбивали попытки шведов разрушить Санкт-Петербург, а за пушками форта Кроншлот и батарей острова Котлин рождался Балтийский флот. С 1707 г. флот этот оказался в подчинении Ф.М. Апраксина. Весной адмирал отдал указ о подготовке флота к выходу в море: «1707 г. марта в 17 день по указу Великого Государя царя... адмирал и президент Адмиралтейств Федор Матвеевич Апраксин приказал к вице-адмиралу Корнелиусу Крюйсу и к шаутбенахту галерному и к капитану Валронту и к товарищу его Леонтию Могушову послать из адмиралтейской канцелярии его В.Г. указы, чтоб со всех кораблей и галер и прочих морских судов офицеры по изготовлению к первому водяному пути флота нужнейшие корабельные припасы, которые им надобны, принимали по указам на адмиралтейском дворе из магазейна, а капитан Ян Валронт и Леонтий Могушов отпускали конечно с апреля с 1 числа нынешнего 707 г. без мотчания, дабы флот до вскрытия воды изготовить к походу со всем не отложно и того ради что надлежит доносить им вице-адмиралу и шаутбенахту и прочим офицерам в адми-

ралтейской канцелярии прежде того помянутого времени» [39. Ч. 1. С. 133].

В письме Петру I от 10 апреля К. Крюйс сообщал, что благодаря помощи Апраксина флот сможет выйти в море, как пройдет лед [39. Ч. 1. С. 134]. В кампанию 1707 г. «великий адмирал», как называют Ф.М. Апраксина документы того времени, поднял флаг на фрегате «Олифант» [39. Ч. 1. С. 135].

Шведы летом 1707 г. появлялись в Финском заливе между Березовыми островами и Копорским заливом, но после предшествовавших неудач нападать не решились [42. С. 204]. Это позволило русским осенью самим перейти в наступление. 5 октября Ф.М. Апраксин писал с борта корабля «Олифант» Головину, что 13 сентября вдоль карельского берега прошел отряд галер шаутбенахта Боциса, который 27 сентября вернулся с успехом, привезя 90 пленных, в том числе лоцмана всего Карельского побережья; посланная 24 сентября за языком на морской берег партия в 300 человек из Островского полка доставила двух пленных матросов с вице-адмиральского корабля, которые рассказали, что девять кораблей, шесть фрегатов, четыре шнявы стоят у Березовых островов, а провиантские суда отпущены 16 сентября [39. Ч. 1. С. 145—146]. Шведы так и не решились нанести ответный удар.

Летом 1708 г. Апраксин командовал флотом у Кроншлота; флаг его развевался на фрегате «Думкар» [44. Ч. 1. С. 15]. Он организовал разведку, определил намерения противника и 4 июля писал царю: «Покорнейше В.В. доношу по отъезде В.В. из Петербурга приказал я отправить две партии, одну до Выборга другую до неприятельского флота подле моря для поимания языков, которые возвратились сего июля 1-го числа, и привез с собой ротмистр Тимофей Самарин капитана, взят от Выборга в 6 верстах, ехал в свою деревню, что сказал при распросе посылаю до В.В. письменное доношение. И признавал что они к нам сего лета будут и для того сего числа съезжаю в Петербург и распорядя немедленно буду в Нарву» [39. Ч. 1. С. 160].

19 июля Апраксин отправил Боциса с 12 скампавеями для разорения Карельской земли; тот вернулся 3 августа. В набеге шаутбенахт, по сообщению Крюйса от 9 августа, сжег 500 деревень и взял пленных [39. Ч. 1. С. 162, 164].

Начиная вторжение в Россию, Карл XII одновременно решил разрушить город в устье Невы. Так как попытки атак с моря оканчивались неудачами, шведский король послал войска Либекера из Карелии и отряд Штромберга из Ревеля через Нарву на Санкт-Петербург, тогда как флоту следовало обеспечивать приморский фланг и снабжение двух корпусов, численно превосходивших 24-тысячные войска Апраксина. К началу сентября Либекер перешел Неву в стороне от русских укреплений. Апраксин пытался противодействовать, развернул по берегу немногочисленные войска и ввел в Неву гребную флотилию. Неприятель под прикрытием огня батарей начал переправу. Бригадины Наума Синявина и Лоренца пытались помешать, но под огнем артиллерии были вынуждены отойти с повреждениями. Остальные гребные суда шаутбенахта Боциса, обманутого шведами, ушли к Шлиссельбургу.

Апраксин оказался в критическом положении между двумя группировками и принял единственно правильное решение: задерживая, изнуряя нападениями малых отрядов войска Либекера, разоряя перед ним страну, адмирал собрал силы на западе и 28 сентября разбил Штромберга у Ракобора. Войска Либекера, страдавшие от голода, дезинформированные известием о подходящих к русским подкреплениях, отказались от похода на Санкт-Петербург и в октябре эвакуировались на кораблях шведского флота, понеся значительные потери. Апраксину удалось разбить арьергард, прикрывавший погрузку войск на суда [42. С. 204]. Этим поражением закончилась последняя попытка шведов в годы Северной войны овладеть Санкт-Петербургом.

За победы 1708 г. царь пожаловал Ф.М. Апраксину чин действительного тайного советника, удостоил графского титула [44. Ч. 1. С. 15].

Лишь отгремели бои на Севере, как потребовалось парировать новую опасность. Вторгшиеся с запада войска Карла XII угрожали судостроению на Юге. Осенью 1708 г. царь послал Ф.М. Апраксина в Воронеж и поручил ему оборону южных рубежей как от шведов, так и от турок, которые могли под влиянием успехов шведского монарха-воителя нарушить мир. Назначая генерал-адмиральское жалованье, рав-

ное фельдмаршалскому (7000 рублей), Петр показывал, какое значение придает поручению.

Большую часть 1709 г. Ф.М. Апраксин провел в Воронеже, превращая Азовский флот из скопления разномастных корпусов в реальную силу; одновременно он был назначен генерал-губернатором Азовским [44. Ч. 1. С. 16]. Фактически адмирал отвечал за состояние дел во всем южном крае.

В результате усилий к весне 1709 г. было спущено много кораблей, в том числе семь линейных с 50—80 пушками каждый. 13 кораблей отремонтировали, а около 25 судов определили ломать [36. С. 21—22]. Петр предписал Апраксину продолжать достройку кораблей на речных верфях, а затем и в Таганроге. Был расширен район заготовки корабельного леса до Казанской губернии, которой управлял Петр Матвеевич Апраксин. О цели судостроения царь писал в «Мемории» генерал-адмиралу: «Основание же сего флота состоит в том, дабы против турецкого флота равное число иметь. И когда сие число, з Божиею помощю, зделаетца, то только оные соблюдать и в запас три или четыре иметь для всякого случая» [36. С. 27].

Почти весь 1709 г. Апраксин провел в Воронеже, занимаясь укреплением рубежей. В то же время ему пришлось вести переговоры с турками, доказывая миролюбие России. На глазах послов султана ломали старые корабли. В итоге дипломатических усилий Турция не выступила в поддержку шведского короля ни до Полтавского сражения, ни тем более позднее.

В 1710 г. — снова Апраксин на Севере. После успехов в Лифляндии и Эстляндии Петр I не мог допустить, чтобы шведы из Выборга организовали набеги в русские пределы. Он намечал возвращение Карелии в состав России и наступление дальше, в Финляндию. На себя царь взял командование флотом, а Федору Матвеевичу поручил осаду крепости.

Корпус из 13 000 человек с 24 пушками и четырьмя мортирами собирался на Котлине. 21 февраля Петр I приказал Апраксину идти на Выборг. Чтобы избежать долгого пути по болотам и непроходимым от весенней распутицы дорогам, Ф.М. Апраксин вывел корпус с Котлина 15 марта, пока не начался ледоход; войска по льду мимо Березовых островов

прошли к северному берегу Выборгского залива и далее по Гельсингфорсской дороге к Выборгу [42. С. 204]. 21 марта войска генерал-адмирала вышли к Выборгу; датский посланник Юст Юль писал в донесении, что войска шли в самый мороз и в походе совершили такое, что другим нациям не под силу. 23 марта Апраксин доносил царю, что «...за Выборг с финского берега, с кавалериею и пехотными полками пришел благополучно и посад при Выборге... овладели и пост заняли» [70. С. 144]. Русские войска перерезали дорогу на Гельсингфорс (Хельсинки) и блокировали крепость. Несмотря на морозы, уже 22 марта были начаты осадные работы. Однако при корпусе было явно недостаточно артиллерии, особенно осадной, и продовольствия. Рассчитывать приходилось только на флот.

24 апреля Петр, тогда контр-адмирал, вывел флот к Кроншлоту. Так как лед не допускал прямого движения к Выборгу, царь принял оригинальное решение: 30 апреля эскадра и транспортные суда направились вдоль южного берега Финского залива, затем повернули на север и сквозь плавающие льды прошли до Выборгского залива. Обманув шведов, русские суда прорвались в Выборг и сразу после выгрузки припасов вернулись к Кроншлоту. Для блокады крепости с моря оставался отряд гребных судов шаутбенахта И.Ф. Боциса. Затопленными судами преградили проход для кораблей неприятеля. Все успели сделать за два дня до появления шведской эскадры, которой так и не удалось пройти к Выборгу. Без поддержки с моря крепость 12 июня капитулировала.

За взятие Выборга Петр I наградил Апраксина орденом Св. Андрея Первозванного и золотой шпагой, усыпанной бриллиантами [44. Ч. 1. С. 16].

1711 г. прошел под знаком борьбы с Турцией. В ответ на нарушение условий договора турками царь весной направил 38-тысячное войско генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева к Днестру, а в июне сам прибыл к двигавшейся на юг армии. Апраксину следовало оборонять Азовский край. Он готовил флот для последующего наступления. Но усилия генерал-адмирала оказались тщетны. опередить переправу неприятеля через Дунай не удалось. Русские войска столкнулись с превосходящей армией султана на реке Прут, были окружены и избежали пленения лишь благодаря мужеству

солдат и политическим уступкам. Прутский договор предусматривал возвращение Азова с округом Турции, разрушение Таганрога, прекращение судоходства русских по Азовскому морю. Апраксину досталась печальная обязанность разрушать то, что он же ранее создавал [44. Ч. 1. С. 16]. Более года длились переговоры генерал-адмирала с турками, которые не торопились высылать из Турции Карла XII. Только в 1712 г., после заключения русско-турецкого договора, Азов вернули Турции. Часть кораблей Азовского флота продали султану, часть увели по Дону, а остальные уничтожили. Верфи на Юге замерли, а внимание Ф.М. Апраксина обратилось к Балтике.

3. От Выборга до Гангута

Победа под Полтавой позволила Петру I создать антишведскую коалицию. Но, если русские войска брали крепость за крепостью в Прибалтике, союзные датчане в 1710 г. потерпели поражение на суше и на море. Так как 1711 г. был посвящен делам турецким, на 1712 г. союзники наметили высадку с датских и английских кораблей в Швеции. Наступление русских войск в Карелии должно было отвлечь внимание неприятеля. Перед отъездом за границу царь назначил Ф.М. Апраксина главным начальником Эстляндии, Ингерманландии и Карелии [9. Т. 1а. С. 928]. Ему и предстояло возглавить наступление.

Собирая войска, генерал-адмирал смог выступить от Выборга с 15-тысячным корпусом только 16 июля. Сообщая царю о выступлении, он заверял: «Г. вице-адмирал и шаутбенахт и капитан-командор Шельтинг пойдут сего месяца после 20-го числа и сколько Бог все милостивый вразумит будем трудиться о разорении неприятеля без лени» [39. Ч. 1. С. 296].

Перед началом наступления Апраксин дал инструкцию вице-адмиралу К.И. Крюйсу вывести флот в Финский залив, отправить галерную флотилию Боциса в шхеры для разорения финляндских берегов, а самому, выслав дозоры, держаться по возможности в море и идти к Кроншлоту лишь после возвращения Боциса [39. Ч. 1. С. 297].

Первоначальной целью наступления являлось разорение Финляндии как житницы Швеции. Однако уже в августе

Петр I предписал генерал-адмиралу не разорять население, а овладеть Гельсингфорсом, укрепиться там и зазимовать; весной же следовало идти на Або.

Появление шведского флота у Березовых островов помешало действиям на море. Тем не менее Боцис смог пройти к берегу, где стояли войска Апраксина, который вывел свой корпус к реке Суме. Генерал-адмирал поручил гребным судам провести диверсию до того места, где стояли шведские суда, и Боцис успешно выполнил задачу, взяв несколько призов. Сам Федор Матвеевич прибыл 31 августа к пограничной реке Кюмень, встретил сильно укрепленную противником позицию и 4 сентября отошел к Борго. Основной проблемой стало снабжение продовольствием из-за недостатка шхерных судов, так как запасов самой Финляндии не хватало. Потому пришлось корпус на зиму отвести [39. Ч. 1. С. 317—318].

Царь понял трудности, с которыми столкнулся Апраксин. Так как союзники терпели неудачи, Петр I решил обойтись своими силами. Он рекомендовал генерал-адмиралу в следующую кампанию вновь подвести войска к Кюмени, после вскрытия вод обеспечивать снабжение по воде и высаживать в тыл шведам десанты, для чего спешно сооружать массу гребных судов [39. Ч. 1. С. 324—325]. Политические интересы требовали взять Финляндию как залог для переговоров, чтобы лишить шведов снабжения продовольствием и другими материалами. За зиму численность гребной флотилии превысила 200 судов. Подкрепление получил и парусный флот, которому предстояло прикрывать прибрежные операции с моря от шведского флота.

В конце апреля начались последние приготовления. 20 апреля Апраксин приказал князю М.М. Голицыну: «Писал я к г. шаутбенахту графу Боцису и к капитану Сиверсу чтоб из готовых скампавей 6 отдали на батальон преображенский, а достальные скампавей, также и русские бригантины отсылали к В.С. Изволь приказать принимать по полкам и как определено на оные суда посадить людей немедленно, понеже Ц.В. указал, чтоб на сей неделе четвергу быть во всякой готовности» [39. Ч. 1. С. 359].

Весной 1713 г. генерал-адмирал вывел в море парусный и гребной флоты. Первый под флагом К.И. Крюйса остался

крейсировать между Сескаром и Березовыми островами, тогда как сам Апраксин с гребными судами направился к Гельсингфорсу и после обстрела занял 11 мая город, оставленный шведами. Однако в тылу, у Борго, оставались главные силы Либекера, а с моря в любой момент могли подойти шведские корабли. Потому в тот же день гребная флотилия направилась к Борго, а шведы отступили к деревне Мянтсиля; они уничтожали запасы и угоняли местных жителей.

18 мая Апраксин объявил жителям Финляндии манифест о вступлении в страну и предлагал возвращаться к домам, гарантируя безопасность и свободу торговли. Он издал особый приказ, запрещающий казакам убивать мирных жителей [39. Ч. 1. С. 375—376].

Отказавшись использовать в качестве базы глубоководный порт Борго, в который могла зайти неприятельская эскадра, Апраксин избрал остров Форсбю в глубине залива Перно, на мелководье, где и основал склады продовольствия; 25 мая русские войска по суше и на судах пошли к этому пункту [42. С. 220; 70. С. 148].

Русские вовремя оставили Гельсингфорс: 13 мая в порт вошли восемь линейных кораблей, фрегат и Ушнява вице-адмирала Лиллие. Однако посланный Апраксиным Боцис с 30 скампавеями сжег пять судов вблизи столицы Финляндии, и шведы не смогли помешать.

Получив подкрепление, 6 июля генерал-адмирал от Борго направился вновь к Гельсингфорсу; Боцис получил приказ двигаться вдоль берега к тому же пункту. 15 июля русские войска и гребные суда вновь овладели Гельсингфорсом, оставив шведский флот без базы в Финляндии.

5 июля Апраксин выступил от крепости Форсбин на Гельсингфорс, 6 июля отправил партию драгун и казаков к Борго; шведы укрепили проход, сожгли треть моста и отбивались огнем, пока не были сбиты артиллерией. 8 июля русские переправились по новому мосту, 9 оттеснили противника от старого гельсингфорского посада и 12 июля прибыли в город, возле которого стоял флот [39. Ч. 1. С. 410—411]. Апраксин писал А.В. Кикину 13 июля: «Корабли шведские от Гельсингфорса в море надеемся выбить сего месяца и провиант перевезем; для Бога старайся ежели неотложно зимовать, чтоб провианту прислали к нам в прибавку тысяч

тридцать, а на здешний конечно надеяться невозможно, не толико нам прокормиться, но и шведская армия чаем скоро может от голоду пропасть: мужики все разбежались, жать и убирать некому, а нам солдатами и драгунами делать неможно, всегда имеем опасность от неприятеля» [39. Ч. 1. С. 411].

7 июля русские войска после небольшой перестрелки заставили Либекера отступить к Тавастехусу (Тавастгусу); 12 июля галерный флот и армия подошли к Гельсингфорсу и 15 июля взяли его [42. С. 220].

Эскадру Лиллие захватить не удалось, потому что два корабля К. Крюйса сели на мель во время погони за шведскими крейсерами. Остальные отказались от преследования, и Лиллие увел эскадру к полуострову Гангут. Петр I, видя слабую подготовку молодого корабельного флота, вернул его в Ревель, и Апраксин остался без поддержки с моря. Посему Боцис, направленный вдоль берега на Або с отрядом гребных судов, встретил эскадру Лиллие у Гангута и был вынужден остановиться. Русские сухопутные войска укрепили Гельсингфорс, заняли Або.

Шведы под давлением русских полков оставили Тавастехус и отошли к деревне Пялкенья. 11-тысячное войско Армфельда, сменившего Либекера, заняло хорошо укрепленную позицию между двумя озерами. Апраксин решил разгромить главные силы неприятеля, чтобы затем спокойно владеть Финляндией. Для этого было решено 6 из 14 000 русских войск переправить на плотях через озеро в тыл врага, а остальными атаковать с фронта. Утром 6 октября 1713 г. под прикрытием тумана плоты с войсками М.М. Голицына направились через озеро. Высаженные полки связали шведов боем. Тем временем подошедшие войска генерал-адмирала ударили неприятелю во фланг и добились победы.

Осенью Апраксин выехал в Санкт-Петербург, сдав командование князю М.М. Голицыну, продолжившему наступление в Финляндии. Почти вся страна была очищена от шведов. Однако без снабжения по шхерным фарватерам невозможно было прокормить значительные силы на берегах Ботнического залива и, следовательно, продолжать наступление в пределы Швеции. Королевский флот у Гангута стоял неодолимой преградой. Посему осенью 1713 г. был при-

нят следующий план кампании 1714 г.: при отсутствии сильного противника вести весь флот к Ревелю, а гребные суда — к Гангуту; при появлении превосходящих сил неприятеля следовало действовать у Березовых островов, разделить силы противника и атаковать парусным и галерным флотами [39. Ч. 1. С. 460].

4. Гангут

В январе 1714 г. Ф.М. Апраксин участвовал в закладке гавани Ревеля. Весной он в полную силу занялся подготовкой к кампании.

Так как переговоры Петра I с датским королем о совместных действиях потерпели неудачу, царь решил самостоятельно предпринять вторжение в Швецию через Аландские острова. По его плану Ф.М. Апраксину предстояло с галерным флотом овладеть архипелагом; если бы на островах оказались значительные силы, следовало пробиваться к Васе по берегу Ботнического залива. Корабельному флоту предстояло не допустить шведов в Финский залив, а сухопутным войскам — защищать Або и коммуникации от возможных ударов с севера.

Указание о наступлении на Аландские острова Ф.М. Апраксин передал М.М. Голицыну: «Ц.В. с прилежанием изволили подтверждать дабы вы изволили приложить свой труд чтоб конечно неприятеля с берегу чрез Синус Ботникус сбить, буде же сего сделать не можно, то загнать от Васы далее и от Христианштадта к Васе и за Васу к Торнео сколько возможно сделать пусто, чтоб неприятель впредь не мог чинить помешательства и советую не изволишь ли для сего отправить до Васы всех казаков» [39. Ч. 1. С. 462].

Князь в феврале под Лапполой разбил и отбросил на север Армфельда [70. С. 149]. 23 февраля он занял Васу и выслал партии, которые взяли контрибуцию с Нью-Карлебю и разорили непокорный Якобштадт [39. Ч. 1. С. 468—469]. С самого начала года Голицын жаловался на бескормицу. Апраксин в ответ рекомендовал послать все пригодные гребные суда к Гельсингфорсу за провизией. Сам он с марта начал подготовку флота на Котлине. Но дальнейшие действия пошли не по плану.

Шведы, пользуясь тем, что их порты быстрее освобождались из ледового плена, послали в море корабли ранее русских. Уже 25 апреля эскадры адмирала Ватранга и вице-адмирала Лиллие расположились у Гангута, высылая разведывательные суда. В мае у Аландских островов появился шхерный отряд шаутбенахта Таубе (4 фрегата, свыше 20 гребных судов); большая часть этого отряда в мае — июне также перешла к Гангуту [42. С. 221; 70. С. 151]. Вновь путь на запад для русского галерного флота был перекрыт.

Еще не зная об этом, Ф.М. Апраксин энергично готовился к наступлению. Нева вскрылась 21 апреля, а уже 9 мая галерный флот вышел к Кроншлоту, задержался из-за льда и, преодолевая трудности, 11 июня прибыл к Гельсингфорсу. Корабельный флот под флагом контр-адмирала Петра Михайлова (самого царя) прикрывал переход гребных судов и затем направился к Ревелю, куда прибывали закупленные за границей корабли. После соединения линию баталии составляли 16 кораблей, 7 фрегатов и шняв. Но Петр не решился вести несплаванную армаду против шведов.

Апраксин 24 июня прибыл к кирке Поэ, где основал базу и оставил треть галер для войск, которые вел от Або М.М. Голицын. Сам он через пять дней привел оставшиеся суда к Тверминне. Его войска заняли полуостров Гангут, продовольственные запасы перевели в Экнез [39. Ч. 1. С. 516—517]. 9 июля прибыли полки Голицына. Но разведка показала, что шведский флот из 15 линейных, 2 бомбардирских кораблей преграждает путь у Гангута; под берегом стояли шхерные суда, а еще 5 кораблей и шнява крейсировали в море. Апраксин лично на лодке подходил близко к неприятельскому флоту [39. Ч. 1. С. 522]. Он верно оценил силы неприятеля и докладывал, что без поддержки флота пройти невозможно. Генерал-адмирал запрашивал царя, где готовить место для зимовки, если прорыв не удастся. [39. Ч. 1. С. 529—530]. Петр I, встревоженный такими мыслями своего соратника и знавший неподготовленность парусного флота, решил оставить корабли в Ревеле, а сам, как только позволил ветер, направился в Финляндию. Он хотел провести гребной флот под берегом, пока позволяла погода.

Апраксин, не зная о планах царя, все еще продолжал надеяться на появление флота. Правда, у него уже появился

замысел, как неприятельскую линию обогнуть со стороны моря. В письме А.В. Кикину 7 июля генерал-адмирал писал: «В деле нашем пользы не чаем ежели не приблизится наш флот, понеже флот неприятельский положил линию самым нашим курсом, которого никоим образом миновать невозможно, разве в самую тихую погоду большим морем, отчаяв свое спасение, обходить, а ежелиб флот наш показал себя при нас, тоб конечно чрез помощь Божию могли обще неприятеля разбить, понеже флот неприятельский кораблями немного нашего сильнее и людей мало, однакож сие изволь держать в секретно. Всех неприятельских линейных кораблей 15, фрегатов 3 и 2 шнявы, 2 бомбардирских судна; людей как сказывали дизертиры не будет зело человек, в том числе новых половина» [39. Ч. 1. С. 527].

Апраксин в письме Петру I предлагал нанять датчан, чтобы их кораблями разбить вражеский флот и открыть путь галерам [39. Ч. 1. С. 529].

20 июля царь прибыл в Тверминне и к ночи выслал 15 скампавей бригадира Лефорта для наблюдения за шведским флотом. Сам он после рекогносцировки 21—22 июля решил прекратить постройку укреплений и все силы направил на сооружение переволоки в самой узкой части полуострова. По переволоке можно было перетащить галеры и продолжить путь, минуя шведские эскадры. Апраксин уже с 23 июля приступил к строительству переволоки. Но сохранить тайну не удалось. Шведы узнали о строительстве на перешейке, и 25 июля Ватранг направил отряд шаутбенахта Эреншельда (фрегат, 6 галер, 3 шхербота) к западной оконечности будущей переволоки, а Лиллие (8 линейных, 2 бомбардирских корабля) послал к Тверминне для нападения на русский галерный флот.

Лиллие отправился в глубокий обход, чтобы отрезать русским пути отступления и истребить галеры Апраксина, но был задержан маловетрием. Сначала его движение Петр I воспринял как угрозу Ревелю. Вскоре опасность прояснилась, и царь приказал готовить галеры к выходу из бухты. Однако штиль остановил Лиллие вдали от кораблей Ватранга, что позволило осуществить предложение генерал-адмирала — пройти с галерами мористее укороченной линии шведского флота. Эту идею решительно использовал Петр I. Утром 26 июля 20 скампавей Змаевича, выдвинутых ночью

на линию дозоров, прорвались благополучно вне сферы действия шведской артиллерии; за ними последовали 15 скампавей Лефорта. Шведы пытались буксировать корабли шлюпками, но безуспешно. Отряд Лиллие из-за безветрия приблизился к Ватрангу слишком поздно, чтобы помешать прорыву. Шедший на соединение с Ватрангом отряд Таубе (фрегат, 5 галер, 6 шхерботов) при виде прорывавшегося передового отряда вернулся к Аландским островам [42. С. 222—223].

Петр I, узнав о появлении в конце переволоки отряда Эреншельда, приказал его заблокировать. Апраксин направил соответствующую инструкцию Змаевичу. Так как соединившиеся эскадры Лиллие и Ватранга стали мористее, там, где прорывались передовые отряды, повторить такой маневр не было возможности. Но уход судов Эреншельда и Таубе, которые могли действовать у самого берега, открыл новый путь для прорыва, и русское командование им воспользовалось. За ночь главные силы галерного флота выдвинулись на линию сторожевых судов. Прорыв начали в 4.00 27 июля, пока не сошел туман. Гребные суда шли кильватерной колонной: за авангардом генерала А.А. Вейде следовали кордебаталия Ф.М. Апраксина и арьергард генерала М.М. Голицына. Кроме одной скампавей, севшей на мель и взятой шведами, все русские суда с войсками и грузами прошли почти без повреждений от шведских выстрелов.

98 прорвавшихся скампавей заблокировали отряд Эреншельда. Шаутбенахт развернул свои суда вогнутой линией. В центре стоял 18-пушечный фрегат «Элефант», по его сторонам — галеры; шхерботы составили вторую линию. Шведы имели 116 пушек и 1000 человек.

Апраксин располагал значительно большими силами, но узкий фьорд не позволял их развернуть полностью. Генерал-адмирал решил атаковать тремя группами. Авангард составили 23 скампавей, которыми командовал Петр I, шедший на скампавее за первой линией. Главные силы Апраксина и арьергард составили вторую и третью линии. На русских галерах было 3250 солдат, но только по одной 24-фунтовой пушке на носу и несколько мелких по бортам. Не рассчитывая на артиллерию, Апраксин перед боем предлагал «пороху

напрасно не тратить, а сойдясь борт о борт, дать залп всем лагом, закрыть нижние борты и свалиться без церемонии на абордаж» [70. С. 150].

В 15-м часу русские перешли в наступление. Две фронтальные атаки были отбиты, но третья, на фланги, позволила абординовать шведов. В результате жестокого трехчасового боя русские овладели всеми судами с экипажами. Впоследствии царь гордо писал, что и в Европе редко удается пленить флагмана.

28 июля Апраксин отправил трофейные суда в Гельсингфорс [39. Ч. 1. С. 537]. Оттуда они далее пошли в Санкт-Петербург.

За Гангутское сражение Петра I произвели в вице-адмиралы, участники получили золотые и серебряные медали. Как ни странно, лишь о награждении Ф.М. Апраксина не сообщается.

Генерал-адмирал продолжил путь. 3 августа галерный флот шхерным фарватером вышел к Або, через два дня продолжил путь к Аландским островам, которыми овладел без особого сопротивления [39. Ч. 1. С. 541—542]. 12 августа Апраксин писал А.Д. Меншикову: «О здешних обстоятельствах В.С. доношу, со всем гребным флотом прибыли к островам Аландским сего августа 9-го числа благополучно, где от неприятельских людей единого солдата не сыскали, кроме здешних жителей, и из оных многие оставя свои дома и скот до нашего прибытия выехали в Стокгольм, из которых несколько шкут поймано. Неприятельский флот, как мы уведомлены чрез местных обывателей, по отступлении из Гангута стоят на фарватере Стокгольмском при острове Лелунде отсюда милях в двух, токмо без жадного действия, и нам никакого помешательства учинить не может» [39. Ч. 1. С. 552].

14 августа Петр I дал приказ о зимовке флота; галерному флоту он предписал идти к Васе и выслать для наблюдения несколько скампавей в сторону Швеции, а при удобном случае идти в Северную Ботнию для действий против войск генерал-майора Армфельда или для разорения жилищ на берегу. Царь предлагал выбрать для зимовки подходящее место и укрепить его батареями, из Гельсингфорса госпиталь и тяжести перевести в Або, а Апраксину после выпол-

нения всего этого до заморозков приехать в Санкт-Петербург [39. Ч. 1. С. 555].

Начинался новый этап войны. Теперь уже русские корабли угрожали непосредственно берегам Швеции. Командовать их действиями вновь предстояло Апраксину.

5. У берегов Швеции

Подготовка к ударам по Швеции началась уже с августа 1714 г. Петр I принимал меры, чтобы снабдить Або продовольствием и как можно ранее будущей весной снарядить максимум кораблей. Лучшие скампавеи собирали в Гельсингфорсе и Або, продолжали строить новые. Но силами одного галерного флота двигаться к берегам Швеции было рискованно. Разведка установила, что шведский флот расположен на подступах к Стокгольму и охраняет ведущие к столице фарватеры. Требовалась помощь корабельного флота, который постепенно приобретал опыт в крейсерствах по Финскому заливу.

Ф.М. Апраксин в августе 1714 г. запасал провиант, а затем направился с галерным флотом в Ботнический залив. Несмотря на навигационные опасности, отсутствие удобных стоянок и жестокие ветры, от которых погибла галера и несколько получили повреждения, флотилия 10 сентября достигла Васы [39. Ч. 1. С. 571]. Уже на следующий день генерал-адмирал отправил отряд из 9 скампавей генерал-майора Головина с особым заданием. В инструкции он предписывал идти на шведскую сторону, исследовать пути к Стокгольму и в Северную Ботнию, стараться найти лоцманов, знающих маршруты к Гамле-Карлсбю и Торнео, провести разведку к Умео, при возможности захватывать неприятельские суда и вернуться к Васе. Апраксин запрещал жечь жилища мирных людей [39. Ч. 1. С. 565—568].

Головин успешно дошел до цели, захватил несколько призов, овладел Умео, из которого бежали шведские войска, и 15 октября соединился с главными силами [39. Ч. 1. С. 565—568].

Тем временем генерал-адмирал 17 сентября прибыл в Нью-Карлсбю, тогда как шведы отошли на Брагештедт. Оставив из-за истощения запасов провизии и фуража конницу, Апраксин направился к югу и, несмотря на штормы, привел

суда в Ништадт. Устроив гребной флот на зимовку, он выехал в Санкт-Петербург [39. Ч. 1. С. 571, 574].

Об этом плавании Апраксин писал Кикину 20 октября: «...верно вам моему благодетелю пишу никакого надеяния на спасение, разве милости Божией, не чаяли; многие смертные страхи претерпели от великих штурм, а более от подводных камней, от которых несколько скампавей с офицерами и мало не со всеми людьми при глазах наших пропали и сами того всечасно ожидали» [39. Ч. 1. С. 574].

К зиме шведские войска отошли на Торнео. Почти вся Финляндия оказалась в руках русских. Апраксин управлял страной, пока в 1719 г. она не перешла в ведение рикс-камер-коллегии. В то же время генерал-адмирал готовил боевые операции на Балтике.

В 1715 г. сложилась антишведская коалиция Пруссии, Ганновера, Польши, Дании [70. С. 160]. Появилась возможность силой принудить к миру Карла XII, который развернул широкую борьбу с судоходством. Война продолжалась. На Балтику прибывали новые корабли. Ранняя весна позволила ускорить подготовку флота. 3 мая в Санкт-Петербурге стояли 16 линейных кораблей и несколько более мелких судов; кроме того, корабли ожидали из Англии и Архангельска. Но и шведы уже в марте выслали в море каперов. Для их уничтожения Апраксин отправил отряд легких судов капитана П.П. Бредаля [39. Ч. 1. С. 604—605]. Тот в короткий срок захватил или уничтожил суда трех лучших шведских каперов.

Лед задержал гребные суда, и они прибыли в Або 27 апреля [39. Ч. 1. С. 614—615]. 16 мая туда же М.М. Голицын привел главные силы (76 скампавей), зимовавшие в Ништадте [39. Ч. 1. С. 625—626]. К этому времени было известно о появлении неприятельских кораблей на Балтике, в том числе у Гангута и Гельсингфорса. Блокаду шведы не организовали, ибо избегали уводить главные силы флота от подступов к своей столице. Однако шведская эскадра 28 мая обстреляла гавань Ревеля и была отогнана огнем батарей.

Балтийский флот спешно вооружался. Он насчитывал уже 27 кораблей и фрегатов, не считая мелких судов. Ф.М. Апраксин распределил их по эскадрам [39. Ч. 1. С. 632—634], высылал в море патрульные суда, старался обеспечить про-

довольствием галерный флот в Або [39. Ч. 1. С. 636—637]. Только 6 июля он вывел флот в Ревель, куда должны были прибыть английская эскадра Норриса и датская — Дефета (де Фета), конвоирующие торговые суда [39. Ч. 1. С. 647]. Шведский флот ушел к своим берегам.

Переход эскадры Апраксина проходил благополучно, но 18 июля два корабля стали у Наргена на камни. Генерал-адмирал не оставил флагманский корабль, пока его не сняли с камней, а эскадру отправил с вице-адмиралом. На следующий день от Рогервика (Балтийского порта, Палдиски) Федор Матвеевич дал указ капитану Бредалью с 4 фрегатами и 3 шнявами идти к Готланду на разведку, взять языков и осмотреть стоянку неприятельского флота у Стокгольма [39. Ч. 1. С. 648—649]. Бредаль выполнил задачу, высадил десант на Готланд и вернулся в Ревель.

20 июля царь рекомендовал Апраксину крейсировать между Дагерордом и финляндским берегом; в тот же день генерал-адмирал предписал генерал-лейтенанту И.И. Бутурлину с галерным флотом следовать за флотом до Дагерорда. Царю он доложил, что приказ выполнит, а галеры отпустил к Оденсхольму. 21 июля он запрашивал от Оденсхольма, идти ли в крейсерство или ждать государя [39. Ч. 1. С. 650—651]. В тот же день Петр I писал, что видел английские и голландские крейсера и предложил подождать на якоре; сам он с галерным флотом шел в Гапсаль и намеревался осмотреть Моонзунд и Дагерорд, куда следовало идти эскадре и по сигналу с берега принять царя [39. Ч. 1. С. 651]. В тот же день прибыли английский и голландский корабли, доставившие письма короля Петру I и Остерману. Английский адмирал был осведомлен, что шведы побывали у Борнхольма, и двенадцать дней назад пошел к Борнхольму, намереваясь затем идти к Данцигу и оттуда в Ревель [39. Ч. 1. С. 652]. 24 июля эскадра Апраксина вернулась в Ревель, куда накануне прибыла эскадра Норриса; Апраксин писал Голицыну, что он веселился с флагманами на корабле [39. Ч. 1. С. 655].

В начале августа П. Голицын принял в Гапсале командование гребной флотилией Змаевича, которая направлялась вдоль берегов к Риге [39. Ч. 1. С. 656—657]. Секретная экспедиция на 40 галерах с 5000 человек должна была идти в Копенгаген, чтобы участвовать в высадке на берега Шве-

ции. Преодолевая непогоду, галеры прибыли 13 августа в Ригу [39. Ч. 1. С. 662—663]. 1 сентября они достигли Либавы и остановились на зимовку; П. Голицын сообщал, что для их прикрытия сооружают батареи [39. Ч. 1. С. 678—679].

Из Финляндии 3 августа М.М. Голицын сообщал, что 5 августа отправляется с главными силами на Аландские острова и, если не будет опасности, вышет 15 скампавей генерал-майора Балка на шведский берег до Умо (Умео), а 9 галер фон Менгдена до Васы, где видели шведские галеры и патрули на трех островах [39. Ч. 1. С. 658—659]. 17 августа Голицын послал скампавей Балка в поиск на Умо, чтобы исследовать фарватер и найти лоцманов и языков [39. Ч. 1. С. 665]. Сам он вернулся в Або. Однако и Балк, который узнал от местных жителей, что шведский флот преграждает путь у островов Виршеншерны, возвратился без успеха.

В 1715 г. Апраксин поднял флаг на корабле «Леферм»; он вывел корабельный флот в Финский залив [44. Ч. 1. С. 16]. Русские корабли крейсировали у берегов Курляндии и островов Готланд и Эзель. Шведы оказались в почти полной изоляции по вине короля, организовавшего нападения каперов на суда всех стран. К концу года Россия заключила союз с Англией; датско-польско-прусская армия заняла остров Рюген и Штральзунд [42. С. 199]. Карл XII лишился последних владений вне Скандинавского полуострова. На следующий год союзники планировали высадить русско-датские войска из Дании в Швецию, а русские войска с галерного флота Ф.М. Апраксина — от Аландских островов в район Стокгольма.

Царь в этом году командовал галерным флотом, который в июле шел к Моонзундским островам. В августе под командованием П. Голицына галерный флот направился далее к западу, чтобы принять участие в высадке на берега Швеции. Галерный флот М.М. Голицына в Финляндии оставался в Або, выслав часть сил на Аландские острова и пытаясь исследовать путь к Стокгольму. Апраксин получал сведения об этих передвижениях и давал указания. Его отряды и эскадры крейсировали у берегов Курляндии и Эзеля, приобретая необходимый опыт.

С начала 1716 г. Ф.М. Апраксин руководил подготовкой эскадры, которая должна была обеспечить высадку десанта. Он вел переписку с флагманами галерных и корабельных эскадр, с Адмиралтейством о подготовке флота, кораблестроении и т.п.

Необходимо было обеспечить переход купленных за границей и построенных в Архангельске кораблей. Генерал-адмирал выслал из Ревеля отряд для разведки ледовой обстановки. 19 апреля выступил отряд П.И. Сиверса, чтобы доставить вооружение и провизию в Копенгаген; но 22 мая Сиверс вернулся, узнав о появлении в море шведов. Сам Апраксин 2 мая прибыл в Гельсингфорс, затем направился в Або. Узнав о возвращении Сиверса, он предписал ему организовать крейсерство между Рогервиком и Гангутом и быть в готовности.

21 июня царь предписал Сиверсу идти в Копенгаген, ибо после прихода английской эскадры в Зунд шведский флот укрылся в Карлскроне. Датский флот, находившийся в Норвегии, не мог поддержать Апраксина, как то планировалось, и Петр I поручил генерал-адмиралу по возможности пересечь Аландсгафт и составить карту островов и фарватеров.

Отряд галер с войсками генерал-поручика И.И. Бутурлина в июле достиг Копенгагена, армия Шереметева сосредоточилась в Мекленбурге, корабли Сиверса соединились с англо-голландско-датским флотом и пришедшими с ним новыми кораблями из Архангельска и из-за границы. Петр принял командование объединенным флотом и крейсировал с ним у Борнхольма. Но царю не удалось убедить союзников атаковать шведский флот в Карлскроне, и действия на море ограничились блокадой. Из-за медлительности союзников шведы успели приготовить побережье к обороне. Датчане не запасли продовольствие и только в сентябре перевезли русские войска на остров Зеландия. От высадки десанта пришлось отказаться. Флот вернулся в Ревель, а армия двинулась сушей в Россию [42. С. 199—200].

Чтобы осуществить демонстрацию в Швеции, Апраксин 12 августа направил 9 скампавей и 9 лодок бригадира фон Менгдена для разорения Гевеля, а отряд майора Кисленского из 7 лодок — к Гриссельгамну для поимки языков [39. Ч. 2. С. 114—117, 120—121]. 19 августа Апраксин писал Менши-

кову, что шторм в ночь на 13 августа рассеял суда фон Менгдена, а на рассвете с судов увидели 4 корабля, 2 фрегата, 3 шнявы, более 10 галер и шхерботов и под их обстрелом укрылись в шхерах; 14—15 августа партия вернулась к Аланду. Кисленский шел к Гриссельгамну вдоль шведского берега, далее до Гренсзунда, где был атакован фрегатом с четырьмя галерами и ушел через мели в Стокгольмские шхеры, доходил до местечка Нортельн и пришел с языками в Фурузунду, где стояла шведская эскадра, проскользнул мимо ночью и 16 августа возвратился [39. Ч. 2. С. 120—121].

Генерал-адмирал оставался с галерным флотом у Аландских островов до октября и затем вернулся в Або [25. С. 143]. Без поддержки флота он не мог сделать большего.

Апраксин усиленно занимался подготовкой к следующей кампании, несмотря на вызов царя в столицу. Но когда пришло известие Сиверса от 14 ноября 1716 г. о тяжелых разрушениях, которые шторм нанес гавани Ревеля, пришлось поторопиться [39. Ч. 2. С. 154—155, 162]. 6 декабря Апраксин выехал и 13 декабря прибыл в Санкт-Петербург; генерал-адмирал собирался разобраться с делами здесь и ехать в Ревель [39. Ч. 2. С. 167]. Он отправил в Ревель офицеров и матросов и после осмотра флота в Кроншлоте выехал сам. 17 января 1717 г. генерал-адмирал уже докладывал царю из Ревеля о ходе ремонта и просил дать на следующую кампанию твердый указ, чтобы у военного совета не возникало сомнений [39. Ч. 2. С. 175—176]. Уже в марте порт был настолько обустроен, что мог выдержать атаку шведского флота.

В начале весны Петр I надеялся, что против Швеции выступит вся Европа. По его указанию Апраксин выехал в Ревель и в апреле вывел две эскадры на рейд; с одной из них он собирался крейсировать сам. К маю готовили галерные флоты в Ростоке и Финляндии. Шведский флот приготовился ранее. Однако появление в Зунде английского флота, соединившегося с датской эскадрой, заставило шведов очистить море.

В кампании 1717 г. для галерных судов серьезных задач в Финляндии не было. Корабельные эскадры по очереди выходили из Ревеля в крейсерство между Оденсхольмом, Дагерордом и Финскими шхерами. Флот в плаваниях получал навигационный опыт.

16 мая 1717 г. Апраксин докладывал из Ревеля, что корабли почти все выведены и скоро он пойдет в крейсерство; Шельтинг вернулся 10 мая и не встретил неприятельских судов [39. Ч. 2. С. 200]. 19 мая генерал-адмирал был уже на корабле «Москва» у Ревеля [39. Ч. 2. С. 213—214]. 27 мая Апраксин писал от Дагерорда Меншикову, что выход задержался из-за приезда 24 апреля шаутбенахта Паддона, которому следовало освоиться; он просил прислать 2 корабля и фрегат, о которых писал ранее [39. Ч. 2. С. 215—216]. 30 мая он сообщал царю, что они с Паддоном и другими офицерами веселились на корабле у Ревеля, и обещал при хорошей погоде выйти в море [39. Ч. 2. С. 217]. К 1 июня он располагал 14 кораблями, 2 фрегатами в линии баталии [39. Ч. 2. С. 218]. Только 8 июня генерал-адмирал сообщил от Наргена, что несколько дней крейсировал между Оденсхольмом, Дагерордом и Финскими шхерами и вернулся из-за поломок мачт и стеньг, причиненных ветром [39. Ч. 2. С. 222].

21 июня Апраксин запросил мнение младших флагманов, шаутбенахта Паддона и капитан-командоров Шельтинга и Сиверса, оставаться ли у Дагерорда, крейсировать до Финских шхер для охраны подступов к Ревелю в узости Финского залива или идти к Готланду и высадить десант; Паддон и Шельтинг высказались за набег. Сивере предложил оставить часть кораблей в крейсерстве, а остальные временами выводить от Наргена и сомневался, можно ли совершить набег без указа [39. Ч. 2. С. 226—228].

Эскадра подошла к Готланду с 15 кораблями и 2 фрегатами [39. Ч. 2. С. 229]. 12 июня генерал-адмирал предложил флагманам, кроме уничтожения запасов смолы у Висбю, разрушить одну из крепостей и запрашивал мнение, можно ли задержаться у острова на несколько дней [39. Ч. 2. С. 232]. Флагманы высказались, что на 6—8 дней задержаться возможно [39. Ч. 2. С. 232—233].

20 июня Апраксин сообщал о набеге в письме Меншикову с борта «Москвы» из Рогервика: «О себе доношу, со флотом Е.Ц.В. ходил до Готланда и стояли при Остергардене от 9-го до 16-го сего месяца; между тем в 900 человеках полковник Блеклой ссажен был на землю и ходил в глубь острова миль на 5 и более, и хотя по ведомости от взятых языков тысячи 3 или 4 могло собратся мужиков, которым

роздано ружье королевское, однакож без жадной обороны оставя свои дома и несколько батарей, которые сделаны были по дорогам, разбежались по лесам; между тем наши скотиною довольное пропитание получили себе и на корабли для солдат и матросов, и несколько из тамошних обывателей людей побрано и моглиб некоторые приморские крепости разорить, которые (как сказывали языки) оборону имеют невеликую, однакож не без потеряния людей, что без точного указу Ц.В. чинить не смели; а кроме того при Готланде стоять было не для чего, и для того 16-го числа возвратились и вчера прибыли сюда благополучно. Неприятельских судов в море никаких не видели и как слышал главный их флот из Карлскрона не вышел, а стокгольмская эскадра хотя и крейсует в Аландсгафе однакож с великою опасностью от нашего флота» [39. Ч. 2. С. 234—235].

Уже к середине лета выяснилось, что больших действий не будет. 2 августа царь писал Апраксину из Амстердама, предлагая оставить в Ревеле фрегаты и часть кораблей, а остальными идти с 20 августа к Кроншлоту; он поздравил Апраксина с успешным набегом на Готланд, слух о котором достиг Европы [39. Ч. 2. С. 236].

Галеры М.М. Голицына в Финляндии проводили учения; лучшие 20 из числа галер, вернувшихся в Ревель от Ростока, усилили его отряд. Гребной флот готовился к решительным действиям будущего года.

Одновременно с развитием кораблестроения и мореходства Петр I совершенствовал административное управление. Приказы он заменил коллегиями, в которых решения большинством голосов принимали советы специалистов. Очень многое зависело от умения президента коллегии найти общий язык и доброе согласие с ее членами. 15 декабря 1717 г. царь назначил президентом организуемой Адмиралтейств-коллегии и сенатором Ф.М. Апраксина, а вице-президентом — вице-адмирала К.И. Крюйса. Это назначение, кроме почета, увеличивало нагрузку на Апраксина. Но он по-прежнему продолжал выходить в море.

Кампания 1718 г. не стала победоносной. Англия в 1717 г. старалась оторвать от коалиции Данию. Не исключалось использование британского флота на Балтике против русского [42. С. 200]. Но российское командование не отказа-

лось от активных действий. Несмотря на дефицит опытных моряков, Ф.М. Апраксин в апреле отправил эскадру фан Гофта для крейсирования и захвата судов, идущих в Швецию. Одновременно на шведских коммуникациях должна была действовать усиленная каперская флотилия Вильбоа. Галерная флотилия М.М. Голицына также готовилась к апрелю и в июле проводила учения. Два относительно спокойных года позволили обучать экипажи кораблей, ибо русский флот при содействии союзников господствовал на Балтике.

В июле 1718 г. начались русско-шведские переговоры. В августе Апраксин с флотом ходил к Гангуту. До осени продолжалось крейсерство эскадр. Очевидно, все эти демонстрации должны были побудить шведов стать уступчивее на переговорах. Карл XII, получив заверения в поддержке его боевых действий в Норвегии, склонялся к миру. Казалось, война идет к концу. Но 29 ноября 1718 г. Карл XII пал у стен норвежской крепости. Новое правительство Швеции под влиянием Англии затягивало переговоры о мире. Требовались новые усилия, чтобы заставить шведов прескратить войну. Переход Англии в стан противника создал иную обстановку. Но и при этих обстоятельствах крепнувший русский флот наносил неприятелю поражения. Руководил действиями флота вновь Ф.М. Апраксин.

6. Путь к победам

20 мая 1719 г. царь назначил Ф.М. Апраксина генерал-губернатором Эстляндии, сохранив и все прочие посты. В руках Апраксина оказались и оба берега Финского залива, и флот, то есть фактически руководство боевыми действиями. Только Петр I мог изменить намерения и действия генерал-адмирала.

План на 1719 г. предполагал перебазировать флот к Аландским островам, вести разведку и прикрывать галерный флот, которому предстояло под командованием генерал-адмирала высадить десант у Евле и Норчепинга; высаженным войскам следовало наступать на Стокгольм с севера и юга, уничтожая заводы и склады продовольствия, но не убивая и не грабя мирных жителей, чтобы принудить противника к миру

[42. С. 224]. Апраксину следовало распространять соответствующие декларации.

Еще в апреле Апраксин выслал для разведки отряд фан Гофта [39. Ч. 2. С. 349]. Тот крейсировал между Данцигом, Готландом и Курляндией, высадил десант на Эланде, взял 5 судов и вернулся, оставив на коммуникациях отряд капитан-поручика А.П. Апраксина, племянника генерал-адмирала, который взял еще 8 судов [42. С. 225].

От пленного шкипера стало известно, что из Пиллау выходят в Швецию суда с хлебом под конвоем военных кораблей. 10 мая Федор Матвеевич послал эскадру капитана 2-го ранга Н.А. Синявина, которая в ночь на 24 мая обнаружила, атаковала и после боя захватила корабль, фрегат и бригантину капитан-командора Врангеля. Сражение при Эзеле стало первой победой русского корабельного флота в открытом море.

Параллельно шли приготовления к главным действиям. В апреле Апраксин дал поручение искать лоцманов, знающих проходы к Стокгольму [39. Ч. 2. С. 352]. 28 июня флот прибыл к Гангуту, где уже стояла часть галер. На совете было решено под прикрытием кораблей вести галеры по шхерным фарватерам к столице Швеции, наступая по суше или действуя отдельными отрядами гребных судов, для разорения шведской промышленности. Аналогичное мнение высказал и сам генерал-адмирал, но осторожно предложил сначала послать несколько лодок в шхеры для разведки и взятия языков [39. Ч. 2. С. 382].

В июле Апраксин был на Аландских островах. Он отправил отряд П.П. Ласси (21 галера, 12 лодок) к Гевелю для разорения берегов и судоходства [39. Ч. 2. С. 391—394]. Сам он с главными силами пошел в район крепости Даларн (30—35 км от Стокгольма). Высаженные вдоль побережья десанты разрушали металлургические предприятия, брали добычу. В августе галерный флот по приказу царя под прикрытием корабельного флота опять направился к Стокгольму. На берегу десант разбил авангард высланных шведами войск. Но галеры невозможно было провести протоками, загороженными затопленными судами. Пришлось вернуться на Аландские острова. За время похода были сняты чертежи крепости Ваксхольм, промерены фарватеры [42. С. 227].

Неприятельских судов взяли столько, что не хватало штурманов, чтобы увести трофеи в российские порты [39. Ч. 2. С. 410].

Успешно действовали против судоходства русские каперы. К примеру, А.П. Апраксин 24 мая сообщал о взятии 18 призов. Ласси высадил несколько десантов до Евле и вернулся к главным силам. 21 августа галерный флот пошел к Або, а парусники — в свои порты.

Демонстрации не принудили Швецию к миру. Более того, высадка десантов на шведское побережье обеспокоила Англию, которая 6 августа 1719 г. заключила со шведами предварительный договор и обещала послать в Балтийское море эскадру. 21 января 1720 г. был подписан союзный договор двух стран. Британская дипломатия заставила выйти из войны Пруссию и Данию [42. Ч. 1. С. 201]. Такая ситуация потребовала контрмер со стороны России.

В августе 1719 г. Петр I, Апраксин и Голицын на совете решили держать флот в Ревеле и Гельсингфорсе или только в первом порту, чтобы ранней весной вывести корабли в море [39. Ч. 2. С. 415]. Правда, появление британского флота в Зунде ободрило шведов и обеспокоило русское командование. Но англичане ушли, а российский флот получил задачу в следующем году вновь атаковать берега Швеции.

С осени 1719 г. по указанию Ф.М. Апраксина М.М. Голицын готовился к кампании. Зимой его войска должны были беспокоить шведов на их берегу. Из-за теплой погоды Голицын не мог вести полки через Ботнический залив по льду, но обещал в марте подготовить галеры [39. Ч. 2. С. 438, 449—450]. 4 апреля генерал-адмирал в шифрованном послании сообщил Голицыну план кампании: послать часть галер от Васы на Умо (Умео), а главными силами разорять Гевель (Евле), чтобы доказать шведам тщетность надежды на английскую помощь. В любом случае предстояло галерный флот к маю вернуть в Гельсингфорс, чтобы неприятельский флот не мог отрезать пути отхода у Гангута. Если бы английский флот еще не прибыл, а шведский задержался, Балтийскому флоту следовало прикрыть действия своих галер [39. Ч. 2. С. 451—452].

11 апреля, получив одобрение царя, генерал-адмирал начал выводить корабли в море. Петр I 13 апреля предписал

эскадре фан Гента идти к Готланду, искать обнаруженные там шведские корабли, а затем у Аландсгафа прикрывать галеры Голицына, бороться с неприятельским судоходством, а при появлении британского флота уходить к Наргену [39. Ч. 2. С. 465—466]. М.М. Голицын остался готовить галеры в Ревеле, а Апраксин выехал 20 апреля в столицу к царю.

Отряд фан Гофта (7 линейных кораблей, фрегат) вышел из Ревеля 14 апреля, чтобы захватить 4 шведских корабля у Готланда и прикрыть галерный флот; но в начале мая появился английский флот, который соединился со шведским и крейсировал на Балтике. Фан Гофт, избегая встречи с превосходящими силами противника, вернулся в Ревель [42. С. 226]. Англо-шведский флот (21 корабль, 10 фрегатов адмирала Норриса) 12 мая прибыл в Швецию [25. С. 166]. Однако это не спасло шведов от нападения.

30 апреля галерный флот прибыл на подступы к Стокгольму, но военный совет, не имея прямого указа, отказался от дальнейшего движения. Галеры стояли до 9 мая в ожидании корабельного флота. Не дождавшись прикрытия, Голицын вернулся в Гельсингфорс, отправив в Васу отряд бригадира фон Менгдена. Последний совершил набег на шведский берег, высадил десант возле Умео и повел войска в глубь страны, разоряя склады и захватывая суда. Это было, конечно, значительно меньше возможностей галерного флота. Но и такие действия сыграли свою роль.

В мае на Балтику вступила английская эскадра. 30 мая она встала у Наргена, отправив отряд для прикрытия шведских берегов от нападения [42. С. 226]. Часть русских кораблей ушла к Кроншлоту, остальные укрылись в гавани Ревеля. По приказу Апраксина от 2 мая ревельские укрепления привели в готовность к обороне. На берегу строили батареи, оснащая их пушками с бомбардирских галиотов. Вооружили местное население. Английскому адмиралу Д. Норрису генерал-адмирал послал запрос о причине его прихода. Норрис отвечал, что у него есть три приказа действовать полномочно. Так как Апраксин запретил принимать письмо для царя, адмиралу пришлось ограничиться письмом Федору Матвеевичу. Он писал, что флот прибыл, чтобы служить посредником между Россией и Швецией. В ответ генерал-адмирал напомнил о дипломатических правилах, по кото-

рым король мог прислать того же Норриса как посланника с полномочной грамотой.

Пока шла переписка, англичане провели промеры фарватера, высадились на Наргене, сожгли избу и баню; плохо зная окрестности Ревеля, они не решились напасть на укрепленный город. Когда же поступило известие о набеге Менгдена, Норрис 2 июля ушел в Стокгольм, не дожидаясь ответа Апраксина.

12 июня Апраксин послал эскадру из Кронштадта, чтобы провести конвой с провиантом до Ревеля, а затем наблюдать, нет ли неприятеля на Балтике. Галерный флот М.М. Голицына вернулся от Аландских островов к финским берегам. Русские силы сконцентрировались в готовности отразить возможную попытку союзников прорваться в Финский залив. Но англо-шведский флот более не проявлял активности.

В июне 1720 г. Петр I имел все основания ожидать, что шведы пойдут на переговоры. 16 июня он организовал экскурсию на Котлин для иностранных дипломатов, чтобы продемонстрировать морскую мощь России. Участвовал в этой поездке и Апраксин. Вскоре он послал М.М. Голицыну указ очистить район Аландских островов от шведов. Голицын 27 июля у мыса Гренгам обнаружил и атаковал эскадру Шеблада. После боя русские воины с галер овладели 4 неприятельскими фрегатами, и только флагманский корабль избежал пленения [39. Ч. 2. С. 229—230; 42. С. 228—229]. Чтобы прикрыть отход галерного флота к Гельсингфорсу, Апраксин выслал к Гангуту эскадру фан Гофта. Но союзники вновь не решились на активные действия, а осенью британский флот ушел в свои порты.

Шведы убедились, что и при поддержке англичан не могут чувствовать себя в безопасности; они предложили переговоры, которые начались 21 апреля 1721 г. в Ништадте.

К кампании готовился большой русский флот. Шведы могли противопоставить силы втрое меньшие. 22 марта Петр I предписал Апраксину отправлять корабли по готовности в Ревель, исследовать ледовую обстановку. В апреле начались разведывательные походы. 30 апреля Адмиралтейств-коллегия определила фан Гофту вывести ревельскую эскадру к Наргену и выслать 3 крейсера: за Дагерорд, от Оденсхольма

и от Рогервика — до Финских шхер; при появлении противника им следовало отходить, предупреждая свои корабли пушечными выстрелами [39. Ч. 2. С. 550—551]. Но вскоре наступательные планы оказались под угрозой. 2 апреля Петр I писал из Риги Апраксину: «Чаю вам уже известно от всюду подтверждают, что флот английский будет в Ост-Зее, и ежели так то такой кампании быть нельзя как было наместили; того для не сделать ли так чтоб г. Голицын отправил от себя генерал-лейтенанта Ласси с частию галер и конных подвольнее, и как возможно скоро под прикрытием ревельской эскадры перейти и берег от Гевеля до Умы разорить, дабы сие прежде английского флота сделать, а ежели английский флот замешкается, то время еще будет и большим действиям; о чем прошу вашего совета, дабы мог о том писать в Ревель и Абов чем прошу немедленной отповеди» [39. Ч. 2. С. 552].

9 апреля Апраксин из Санкт-Петербурга в ответ предлагал послать не более 5000 человек с 25—27 галерами и лодками, а для большей безопасности от шведского флота действовать от Умо до Гевеля, чтобы иметь возможность отхода вплоть до Торнова (Торнео) [39. Ч. 2. С. 555—556]. В соответствии с этим царь сформулировал задачи и 13 апреля писал о них Апраксину и М. Голицыну [39. Ч. 2. С. 557—558]. Чтобы не рисковать флотом, генерал-адмирал выполнял волю царя, задерживая отправку к Ревелю кораблей, готовившихся в Кронштадте. Часть их выдвинулась к Ревелю и осуществляла разведку.

30 апреля английский флот вновь появился на Балтике. Однако англичане лишь изображали активность.

27 мая Петр I писал Апраксину, что шведские министры стали сговорчивее и просили воздержаться от боевых действий; он предписал задержать флот (кроме эскадры Гордона) в готовности у Гаривалдая или Красной Горки. Генерал-адмирал в июне вывел к Котлину галерный флот, а 2 июля писал М.М. Голицыну: «Сего числа Ц.В. указал мне и вам писать, что вы дали голос во всю Финляндию яко бы мы к вам будем в скорости, и для того изволите все галеры вооружить и изготовить провиантом и сделать из Гельсингфорса не великим числом движение до Пои кирки, или куда за благо рассудите, чтоб тот голос дошел до конгресса; также ежели генерал-лейтенант Ласси к вам еще не прибыл из-

вольте немедленно к нему послать указ, чтоб или не доходя Абова или прошедши в пристойном месте остановился и також там пустил бы голос что мы будем все туда и ему нас велено дожидаться, и что у него есть взятого оное взять в Гельсингфорс, и как сие учините извольте немедленно к нам дать знать» [39. Ч. 2. С. 604].

Очевидно, Петр I намеревался воздействовать на шведов не столько нападениями, сколько демонстрациями. Так как прибыло донесение, что Голицын достиг Гельсингфорса 4 июля, генерал-адмирал предписал Голицыну послать Ласси с полусотней исправных галер к кирхе Корпо или другим безопасным островам за Або и объявлять там о скором прибытии главных сил; сам он обещал появиться в Финляндии ненадолго [39. Ч. 2. С. 605—606].

Голицын отправил к Поэ 25 галер бригадира Баратынского и задержался из-за ремонта вернувшихся с Ласси галер [39. Ч. 2. С. 607—608].

Флот в середине июля ходил под парусами, но царь обнаружил столько погрешностей в маневрировании, что предложил продолжить учения [39. Ч. 2. С. 610]. По-видимому, этот факт неготовности флота еще более требовал демонстраций в Финляндии. 30 июля Апраксин вновь писал Голицыну: «Ц.В. указал мне и вам, чтобы вы (оставя полков по своему рассмотрению чем возможно управить тамошние положенные работы), взяв несколько галер, маршировать к Абову и Корпо кирке и до Аландских островов тихим следованием и дали голос о своем пути на конгресс, что велено вам производить действия с их совета и продолжать свой поход до указа, однакож и ныне чтоб более августа месяца тамо вашей милости быть, а на ту сторону не переходить, разве Бог благословит вас таким счастьем как в прошлом лете на сей стороне, а которого числа изволите в оный путь отправиться о том извольте к нам отписать» [39. Ч. 2. С. 612—613].

5 августа Голицын доносил, что с 75 галерами, 37 лодками и 2 бригантинами вышел из Гельсингфорса [39. Ч. 2. С. 615]. Тем временем Петр провел у Красной Горки артиллерийские учения, а 2—3 августа продемонстрировал примерное сражение; 5 августа он приказал флоту у Красной Горки быть готовым к походу [39. Ч. 2. С. 615—616]. Кроме

этих демонстраций, царь предписал набрать в Финляндии 1000 матросов, но фактически предполагал получить по 50 рублей отступного за каждого, как писал 18 августа Апраксин Голицыну; последнему следовало уточнить время возвращения на конгресс и после того треть сил Ласси оставить в Або на зимовку, а остальные вести в Гельсингфорс [39. Ч. 2. С. 620]. Очевидно, в Санкт-Петербурге начали сомневаться в благоприятном исходе переговоров со шведами. 19 августа царь предписал отправить 9 кораблей эскадры Н.А. Сивявина в Гельсингфорс для участия в будущей кампании [39. Ч. 2. С. 620—621].

Демонстрации возымели действие. 30 августа 1721 г. Ништадтский мир прекратил Северную войну. Россия закрепила за собой Прибалтику с Ингрией, часть Карелии и Финляндии, получила возможность влиять на политику Швеции.

Ф.М. Апраксина как одного из творцов победы 22 октября удостоили кайзер-флага высшего должностного лица во флоте. Его мирная жизнь продолжалась лишь несколько месяцев, ибо царь, развязав руки на Западе и Севере, перенес внимание на Каспийское море.

7. Под кайзер-флагом

Когда в 1721 г. распад Персидского государства привел к междоусобицам и нападениям на лавки русских купцов, возникла опасность утверждения на берегах Каспийского моря Турции. Чтобы избежать этого, в декабре 1721 г. царь обещал прислать в Астрахань войска. Восстание афганцев против персов и захват ими Исфахана давали предлог для вмешательства. Весной 1722 г. русские полки на заранее подготовленных судах направились по Волге к Астрахани. На судах шел сам император, в свите которого состоял и генерал-адмирал. Командовать Балтийским флотом оставался вице-адмирал К. Крюйс.

В Астрахани, поджидая сподвижников, в том числе Апраксина, царь готовил план кампании. План этот намечал захват Дербента, Шемахи, Баку и предотвращение перехода дагестанских князей на сторону мятежников. В конце июня Петр устроил смотр стоявшей на Волге флотилии, объехал

ее строй на яхте, построенной Казанским адмиралтейством. Так начиналась Каспийская флотилия.

18 июля флотилия из 274 судов и 170 лодок, главным образом транспортных, направилась из Астрахани к Аграханскому заливу с 22 000 пехоты; конница шла туда же из Царицына. Флотилией командовал Ф.М. Апраксин, а ее авангардом — Петр Михайлов. В этом походе генерал-адмирал впервые поднял кайзер-флаг. 28 июля высадившаяся на берег пехота построила Аграханский ретраншемент; соединившиеся войска под командованием Петра и Апраксина направились вдоль берега к Дербенту, 12 августа без боя взяли Тарки, 19 августа отбили атаку местного правителя и 23 августа вступили в Дербент. Источники отмечают, что незадолго до взятия города Апраксина чуть не зарезал пленный лезгин.

Тем временем большинство из 25 транспортных судов капитана Вердена, отправленных 10 августа к Дербенту, пошли ко дну. Нехватка продовольствия затруднила движение на Баку; капитан Вильбоа сообщал из Астрахани, что 30 судов с провизией в плохом состоянии и он не рискует вывести их в море. Петр I, оставив в крепостях гарнизоны, вернулся в Астрахань благополучно; плывший за ним с главными силами Апраксин попал в сильный четырехдневный шторм.

12 сентября 1723 г. был заключен русско-персидский договор. Дербент, Баку с прилегающими районами, провинции Гилян, Мазандеран, Астрабад перешли к России; в обмен Россия гарантировала Персии помощь против мятежников, которых поддерживала Турция, захватившая в 1724—1725 гг. многие земли Грузии, Армении и Азербайджана, что пришлось признать в обмен на признание турками русских приобретений по Санкт-Петербургскому договору. Благодаря действиям армии и флота Россия утвердилась на Каспийском море.

После окончания Персидского похода Апраксин вернулся на Балтику и продолжал подготовку кораблей и моряков. В 1723 г. он командовал флотом в Финском заливе, находясь на корабле «Гангут».

14 января 1725 г. Ф.М. Апраксин доложил царю, что предшествующей осенью в Кронштадте было 9 кораблей и 4 фрега-

та, в Ревеле — три корабля и два фрегата; на следующую кампанию Петр I предписал выслать из Кронштадта 5 кораблей и 2 фрегата, не указывая места крейсирования и флагмана. Очевидно, все это он оставлял на усмотрение опытного генерал-адмирала. Малочисленность эскадры свидетельствовала о ее учебных целях. После побед на Севере и Юге следовало экономить средства и поднимать подорванное длительными войнами хозяйство России. Однако 28 января Петр умер, а политика его преемников поставила страну на грань новой войны.

Смерть Петра I мало изменила положение Апраксина, ибо он был в хороших отношениях и с Екатериной I, и с ближайшим ее советником А.Д. Меншиковым.

В те часы, когда могучий организм императора боролся со смертью, неподалеку шло заседание Сената, решавшего вопрос о преемнике. Мнения разделились. По политическим соображениям образовались две группировки. Фельдмаршалы М.М. Голицын, А.И. Репнин, Долгоруковы, президент Юстиц-коллегии П.М. Апраксин предлагали передать правление Екатерине и Сенату при наследнике Петре Алексеевиче, пока тот не вырастет; они считали, что это может предотвратить междоусобицы. Но большинство выдвинувшихся при Петре I людей, в том числе А.Д. Меншиков, П.А. Толстой, Ф.М. Апраксин, предлагали избрать Екатерину императрицей, напоминая, что она была коронована и пользовалась доверием супруга. За Екатерину выступала и гвардия. Кроме того, над большинством собравшихся довлел страх, ибо почти все они подписали смертный приговор Алексею Петровичу, отцу наследника, и вряд ли могли рассчитывать на милость сына.

Когда выявилось совпадение мнений, старейший член Сената Ф.М. Апраксин уточнил у кабинет-секретаря А.В. Макарова, не было ли распоряжений императора о наследнике, и, получив отрицательный ответ, заявил: «В таком случае, в силу коронации императрицы и присяги, которую все чины ей принесли, Сенат провозглашает ее государынею и императрицею Всероссийскою с той же властью, какую имел государь супруг ее», — и объявил решение сената Екатерине. Документ об этом был подписан еще до кончины императора. Разумеется, такого Екатерина забыть не могла. Она на-

градила генерал-адмирала орденом Св. Александра Невского. Апраксин остался одним из доверенных ее людей, хотя его служба и характер не позволяли ему занять первое место при дворе.

Собственно говоря, генерал-адмирал и не стремился к первой роли, ибо и так достиг высот славы и успеха, а годы брали свое. Он предпочитал оставить вопросы придворной политики своему родственнику Толстому, которого не раз спасал от гнева царя. Тем не менее приходилось ему принимать и политические решения.

Сначала Апраксин поддерживал Меншикова. Когда мнения членов Сената относительно ориентации на Австрию или англо-французский союз разделились, Апраксин выступил за союз вместе с Меншиковым, Толстым, Остерманом и М. Голицыным. Все они имели представление о значении флота и прекрасно понимали необходимость союза с ведущими морскими державами. Следовательно, можно полагать, что Петр I ошибался, считая, что генерал-адмирал после его смерти отойдет от прежнего направления: Ф.М. Апраксин продолжал придерживаться прежнего курса. Другое дело, что в правительстве не хватало объединяющих усилий царя.

Меншиков стал правой рукой Екатерины и искал способ добиться благоволения будущего императора. Уже через несколько месяцев он дистанцировался от союзников, для которых особенно важно было сохранить единство перед перспективой воцарения Петра II. В конце 1725 г. Апраксин с группой сторонников совещался, как ограничить власть Меншикова. Сенаторы не ездили в Сенат, отговариваясь болезнью. Способ обуздать Меншикова они нашли. Толстой провел переговоры вельмож и добился решения светлейшего (то есть Меншикова), Голицына, Апраксина создать Верховный Тайный Совет под председательством императрицы. По указу от 8 февраля 1726 г. Совет составили А.Д. Меншиков, Г.И. Головкин, П.А. Толстой, Д.М. Голицын, Ф.М. Апраксин; 18 февраля по воле Екатерины к ним присоединился герцог Голштинский. Это решение сделало Меншикова одним из равных и заставило его изменить мнение о невозможности видеть на престоле Петра II. С другой стороны, это решение яви-

лось первым шагом к опале и самого светлейшего, и других соратников Петра I.

Основным делом Апраксина оставалось управление морским ведомством. Вступившая на престол Екатерина I 16 марта 1725 г. предписала вице-адмиралу Змасвичу приготовить к кампании 59—60 галер. В тот же день Сиверс из Кронштадта писал Апраксину о подготовке по указу императрицы 15 кораблей и сообщал о нехватке офицеров. 8 мая генерал-адмирал докладывал о готовности 60 галер и просил определить на них полки. В начале июня генерал-лейтенант Бош прибыл для определения войск на галеры; в том же месяце Екатерина предписала Апраксину по прибытии галерной эскадры также ввести ее в гавань Кронштадта, а людей от безделья расписать по работам. Готовили и эскадру корабельную. Младшими флагманами к Апраксину назначили вице-адмирала Д. Вильстера, шаутбенахта Н.А. Синявина, а на флагманский корабль — капитан-командора П. Бредаля. В конце мая генерал-адмирал послал в Санкт-Петербург боты за порохом, ибо во флоте его не было [39. Ч. 5. С. 26]. Предстоял поход, и адмирал уже расположился на корабле «Св. Александр».

Эти приготовления можно считать подготовкой к решению территориальных претензий Шлезвиг-Гольштейна к Дании. 21 мая 1725 г. Апраксин был посаженным отцом на свадьбе царевны Анны Петровны с герцогом Карлом-Фридрихом Шлезвиг-Гольштейнским. Екатерина намеревалась поддержать претензии герцога, тогда как Дании Шлезвиг гарантировали Англия и Франция. С Францией готовился союзный договор, но весной 1725 г. он стал невозможен, ибо императрица основывала его на несостоявшемся браке Елизаветы Петровны с королем Франции или герцогом Орлеанским.

С Англией отношения еще не восстановились, и в 1725 г. отмечается попытка англичан прошупать обстановку в России. 2 июня Ф.М. Апраксин сообщал императрице, что английский и датский капитаны, служившие ранее в России, Ян Ден и Гриб, прибыли в Кронштадт. Гриб отправился сразу в столицу, а Ден сначала устно, а затем по предложению Апраксина и письменно сообщил, что он послан для сообщения о готовности короля Великобритании урегулировать

ровать отношения с императрицей. Сам Апраксин писал: «...которое их прибытие рассуждаю есть не без подозрения и думаю, что приехали смотреть и проведывать здешнего состояния. Извольте, государыня, приказать ко мне дать знать, как с ними поступать, а по моему мнению, таких подозрительных внутри себя держать неприлично» [39. Ч. 5. С. 28].

5 июня Ден прибыл в Санкт-Петербург. Однако вскоре стало известно, что ранее капитана выдворяли из страны без аттестации за то, что тот без позволения в неустановленное время ездил на приходившую к Ревелю британскую эскадру; его сначала отправили в Казань, а затем выслали из страны с паспортом без права возвращения; на этом основании Дена не признали консулом и снова отправили за границу [39. Ч. 5. С. 28—30].

В кампанию 1725 г. Апраксин вывел флот в плавание по Финскому заливу, подняв флаг на корабле «Св. Александр». Генерал-адмирал наблюдал за положением дел на кораблях и давал замечания и указания. 9 июня он предписывал вице-адмиралу Вильстеру: «Извольте приказать дивизии своей на кораблях, пока здесь пробудем, для движения людям и обучения, иметь в неделю, ежели Бог допустит и время будет настоять без дождя, по 4 экзерзиции: две от мушкетного артикула, две от пушечной стрельбы и чтоб при тех экзерзициях все офицеры были при своих местах. Также прикажите объявить, чтоб во время божественной молитвы все служители были при слушании, а ежели кто от лености, кроме болезни, того исполнять не будет, тех велеть записывать именно и брать штрафу: с обер-офицеров по полтиннику, у унтер-офицеров — по гривне, у матросов — по алтыну» [39. Ч. 5. С. 31].

17 июня Апраксин отдал приказ по эскадре: «Объявляется на корабли офицерам, ежели кто имеет какую обиду, яко бы расписаны на корабли не по старшинству, такие и другие против своих чинов неудовольствия, чтоб ныне то оставить, и иметь записку с ясными доказательствами и по окончании кампании подавать прошения свои, понеже в нынешнюю кампанию рассматривать оного и обидимых приводить к удовольствию, нет такого свободного времени» [39. Ч. 5. С. 34].

23 июня в приказе по эскадре генерал-адмирал потребовал, чтобы под угрозой суда для командиров при постановке

и уборке парусов не было крика, заглушающего команды [39. Ч. 5. С. 35—36]. Приказом от 29 июня он запретил отпускать матросов на берег без сопровождения офицеров, а капитаны могли отъезжать с кораблей только с разрешения флагманов [39. Ч. 5. С. 36—37]. 7 июля последовало указание о порядке салютации при встрече Екатерины I. 10 июля генерал-адмирал приказал флагманам выделить гардемарин для фрегата «Эсперанс», уходящего в дальнее плавание [39. Ч. 5. С. 41]. Все эти документы свидетельствуют о внимании моряка к корабельной службе, к сохранению порядка и боеспособности флота.

Одновременно Апраксин занимался разнообразными административными вопросами. 9 июня он предлагал Адмиралтейств-коллегии провести расследование, кто поставляет на корабли гнилые канаты, 10 июня требовал прислать обмундирование для морских служителей. В свою очередь, генерал-адмирал сообщал об установленных на мелях от Кронштадта до Дагерорда бакенах [39. Ч. 5. С. 31—33]. 30 июня он предложил коллегии организовать производство пороха при Сестрорецком заводе, чтобы не зависеть от поставок сухопутной артиллерии [39. Ч. 5. С. 37—38]. Направленного в Стокгольм посланником капитана Н.Ф. Головина Апраксин просил нанять в Швеции опытных штурманов [39. Ч. 5. С. 38, 45].

11 июня Апраксин запрашивал Екатерину, когда и куда направляться подготовленной эскадре из 15 кораблей и 3 фрегатов; он просил разрешения в указанном месте выходить в море для обучения команд на ходу, а после возвращения эскадры в Кронштадт намеревался остаться в Ревеле и уладить споры местного дворянства и мещанства [39. Ч. 5. С. 33]. Императрица в ответ 16 июня дала указ генерал-адмиралу немедленно идти с флотом к Ревелю и далее к Дагерорду, лавировать для обучения команд, не приближаясь к шведским берегам, после 15—20 августа отпустить флот с флагманами в Кронштадт, а самому отбыть к Ревелю; по пути от шкиперов торговых судов следовало «по-доброму» узнавать, нет ли в море английских либо датских судов [39. Ч. 5. С. 44].

Одним из первых дел, которые Апраксину предстояло завершить после смерти Петра I, была экспедиция В. Бе-

ринга. Император давно намеревался определить, есть ли проход между Азией и Америкой. За несколько дней до смерти он готовил инструкцию для камчатской экспедиции, которая могла проложить путь северными морями в Индию и Китай. Передавая инструкцию Ф.М. Апраксину, он поручил ему выполнить ее по пунктам. Эту последнюю волю Петра Великого Апраксин выполнил: как известно, экспедиция Беринга была отправлена в том же году.

Генерал-адмирал после смерти Екатерины в феврале 1727 г. уехал в Москву, поручив управление делами Адмиралтейств-коллегии вице-президенту Сиверсу, однако продолжал наблюдать за деятельностью флота. Умер Ф.М. Апраксин 10 ноября 1728 г. в Москве и похоронен в московском Златоустовском монастыре, под Благовещенской церковью, рядом с отцом и братьями. Надпись на его могиле гласила: «Апраксин, граф Федор Матвеевич, генерал-адмирал, Государственного Верховного Совета министр, действительный тайный советник, Президент Государственной Адмиралтейской коллегии, генерал-губернатор княжества Устляндии, кавалер орденов Св. Апостола Андрея, Св. Великого князя Александра Невского, р. 27 ноября 1661 † 10 ноября 1728 г., жития его было 67 лет».

После Апраксина осталось много земель, дворцов и других богатств; наследство он распределил между родными и благодетелями, служившими ему, а также выделил средства неимущим, пленным и впадшим в казенные долги; на часть денег, оставшихся при походной канцелярии от призов и контрибуции, которые генерал-адмирал использовал на дела служебные, он завещал построить церковь Св. Апостола Андрея [30. С. 258]. По его последней воле дом в столице был подарен императору Петру II. Большую часть остального имущества унаследовал брат Андрей, ставший продолжателем рода Апраксиных [9. Т. 1а. С. 929]. Сам Федор Матвеевич потомства не оставил: его жена, урожденная Хрущева, умерла в 1702 г. бездетной [50. Кн. 2. С. 67]. Очевидно, адмирал был однолюб, да и времени на вторую женитьбу особенно не было среди все новых и новых дел, которые поручал ему Петр Великий.

Первый топографический план Москвы 1739 г. еще зафиксировал вблизи Малой Якиманской улицы «двор бывш.

генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина, где ныне главная аптека». Видимо, это был родовый дом Апраксиных, опустевший после смерти Андрея Матвеевича в 1731 г. и проданный казне.

Не так уж много в истории людей, которые проходили военную науку с азов и достигали высочайших чинов, подобно Апраксину. Родство с царем помогло ему миновать средние чины во флоте, между матросом и адмиралом. Но это не упростило ему жизнь, ибо пропущенные чины пришлось компенсировать самообучением и самосовершенствованием. Петр I прошел все чины в качестве примера для окружающих, но своим знатным придворным сокращал путь чинопроизводства.

Небольшого роста, плотный, Федор Матвеевич Апраксин был хорошо приспособлен к морской службе. По отзывам современников, он был гостеприимен, отличался умом, любознательностью, искренне желал быть всем полезным и потому многие его любили и уважали. Тем не менее, как у всякого высокопоставленного лица, у него были и враги. Одним из наиболее серьезных являлся Я.Ф. Долгоруков. Можно полагать, что именно его вражда создала для Апраксина проблемы в конце жизненного пути и, возможно, сократила этот путь.

Один из биографов генерал-адмирала считал, что он не был самостоятелен и лишь исполнял приказы царя, если же приказов не было, то старался избегать ответственности, добиваясь письменных предписаний или скрываясь за решением консилиумов, что напоминало боярскую привычку к отговоркам. Вероятно, во многом это справедливо, ибо в характере Федора Матвеевича сказались черты его предков — стряпчих и дьяков. Например, он так и не освободился от привычки начинать письма рабскими поклонами, хотя и занимал высший пост в морском ведомстве и был родственником и приближенным царя.

Петр I постоянно переписывался с Апраксиным, как с одним из наиболее заслуживающих доверия лиц, сообщал ему новости и регулярно отвечал на его письма. Он уважал Федора Матвеевича за честность, способности, искренность,

но чувствовал в его душе слабость, которая делала Апраксина отличным на вторых ролях в государстве, но не на первых. Царь не верил в самостоятельность Апраксина и однажды сказал: «Хотя ты всегда одобрял мои предприятия, особенно в морской части, но я читаю в сердце твоём, что, если умру прежде тебя, ты будешь один из первых охуждать все, что я сделал» [30. С. 614].

Читатель уже мог убедиться, что царь ошибался. Апраксин верно служил родине и после смерти Петра, добросовестно стараясь сохранить флот. Но он не был человеком, который проводил собственную политику. Избегавший интриг, Апраксин оказался бессилён против членов Верховного тайного совета. Без твердой поддержки государя генерал-адмирал не мог преодолеть встававшие на его пути трудности, хотя и сделал немало для того, чтобы флот остался боеспособным. После его смерти морское ведомство постепенно пришло в упадок, и лишь после воцарения Елизаветы Петровны было вновь обращено внимание на морской флот России.

Имя Федора Матвеевича Апраксина то забывалось, то выходило из небытия. После того как во второй половине XIX столетия пробудился интерес к отечественной истории, в том числе и морской, о его жизни появилось несколько статей в энциклопедиях; в начале XX в. именем его назвали новый броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин», который участвовал в Цусимском сражении. Но в наши дни на месте храма Златоустовского монастыря, упразднённого в 1930-е гг., стоит жилой дом [57; 58]. Нет ни памятника, ни доски с надписью о том, что здесь был похоронен один из выдающихся морских деятелей России. Потомкам следовало бы установить памятник либо памятную доску в честь одного из тех, кто три столетия назад создавал Великую Россию.

ТРЕЗАЛЬ САМУИЛ

Голландец Самуил Трезаль 30 июня 1714 г. был принят на русскую службу в шаутбенахты [44. Ч. 1. С. 380]. По списку 1714 г. моряк числился шаутбенахтом с жалованьем 1300 рублей в год [4. Ч. 1. С. 239]. В феврале 1715 г. он с Петром I и Ф.М. Апраксиным подготовил временное боевое расписание флота к кампании [39. Ч. 1. С. 595]. В боевых действиях флагман не успел участвовать: он скончался 3 апреля 1715 г. [44. Ч. 1. С. 380].

Вероятно, Трезаль рассчитывал на повышение в чине, ибо есть сведения, что когда царь простил К. Крюйса и возвратил ему 24 февраля шпагу, то шаутбенахт от огорчения подал прошение об отставке и до ее получения скончался в апреле. Царь похоронил его на свои средства и сам провожал гроб [4. Ч. 1. С. 239—240].

В списке 1714 г. показан капитан-поручик Петр Трезаль, служивший в российском флоте до 1741 г.; он умер старшим парусником порта [4. Ч. 1. С. 240].

ПАДДОН ГЕОРГИЙ

7 июня 1715 г. посол князь Б.И. Куракин, которому Петр I не раз поручал найти настоящего английского флагмана, из Лондона известил царя: «По указу Вашего Царского Величества искал годного человека за Шаутбенахта, и оного нашел в службе королевской Командором, называется Поддон, командовал Англинскою эскадрою против Марокского короля и с ним мир учиня, токмо с два месяца от туда возвратился. Ныне охотно вступает в службу Вашего Величества, а какие претензии имсет, то прилагаю при сем. А сверх того в всем полагается на милостивое Ваше определение. Я о нем от многих слышу похвалу; также он сказывает, что из его знакомых есть в службе Вашего Величества извольте осведомиться» [5. Ч. 2. С. 345—346].

Командор Паддон заранее оговаривал условия службы. Он требовал чин шаутбенахта, жалованье 700 фунтов стерлингов в год, восьмую часть стоимости призов и столовые деньги по адмиральскому чину, казенную квартиру и компенсацию за перезд из Лондона. Моряк настаивал также, чтобы в случае его смерти жене был обеспечен пенсион 100 фунтов, а детям разовая компенсация по 100 фунтов. Паддон просил разрешения привезти с собой ссекретаря, пастора и лекаря, иметь на казенный счет 8 служителей. Он рассчитывал получить диплом за царской подписью и просил ходатайствовать перед английским королем, чтобы Адмиралтейство предоставило ему отпуск и выплатило жалованье. Куракин просил в случае положительного решения прислать ходатайство об отпуске и об оплате [5. Ч. 2. С. 345—346].

Со всем этим Петр, желавший иметь опытного флотоводца, был согласен. В письме Куракину от 6 августа 1715 г. царь предложил послу уточнить, хороший ли Паддон моряк, и если это так, то принимать на службу. На всякий случай он послал подготовленный патент [4. Ч. 1. С. 252—254]. Петр писал: «Письмо ваше Июня от 7 дня из Лондона купно с претензиями Командора Паддона, Мы получили, и на оныя решения подписав, при сем к вам посылаем. При том же прилагаем, что слышали Мы от Адмирала англинского Норриса, который его не очень хвалит. Но сие Мы на двое рассуждаем: или вправду так, или для зависти какой. Для чего разведай, и ежели добр принимай не мешкав. А для отпуску его из Англинской службы, письмо к Току, которое Шаково письмо, також и на его Паддонов чин в запас при сем присылаем» [5. Ч. 1. С. 329—332].

Переписка и переговоры шли медленно. Лишь в апреле 1717 г. Петр писал князю Куракину из Брюсселя: «Шаутбенахт Паддон сюда прибыл, я его отправил к вам. И понеже он со мною только два дни был, то не возможно было в такое короткое время рассмотреть; однако сколько мог видеть человек доброй кажется и не рассказчик и служил много, также умеет по-Голландски. Леты не гораздо стар» [4. Ч. 1. С. 254—255].

Уже в 1717 г., имея флаг на корабле «Шлиссельбург», Паддон находился в крейсерстве с флотом между Дагерордом и Финскими шхерами. В августе, командуя эскадрой (14 кораблей, фрегат и галиот), он прибыл из Ревеля к Кроншлоту. Участвовал шаутбенахт с Крюйсом в переводе на русский уставов английского и голландского флотов и адмиралтейств. Опытный моряк подал царю предложения по улучшению содержания флота и обучения морских команд и о порядке производства гардемарин и волонтеров в мичманы и мичманов в поручики [44. Ч. 1. С. 293].

В начале кампании Петр лично обращался к Паддону как к флагману. В частности, 13 мая он указал ему уменьшить количество пороху, используемого для чистки пушек. В тот же день он повелел шаутбенахту часть балласта с кораблей эскадры передать на новый корабль «Лесное», которому предстояли испытания [5. Ч. 3. С. 154—155].

В 1718 г., имея флаг на корабле «Шлиссельбург», шаутбенахт командовал эскадрой, которая крейсировала у Гангута и Березовых островов. Он получил также царское повеление «об освидетельствовании» вместе с капитан-командорами Т. Гордоном и П.И. Сиверсом всех русских офицеров в теории и практике морского искусства [44. Ч. 1. С. 294].

После возвращения из крейсерства в ноябре 1718 г. шаутбенахт подал просульт о содержании флота. Он предлагал, в частности, чтобы команды кораблей и фрегатов помещались в одном здании со своими офицерами, и последние могли, наблюдая за действиями подчиненных, знать их способности на случай плавания. Так как навигация на Балтике длилась недолго, моряк считал необходимым во дворе казармы поставить мачту с полным вооружением и парусами, чтобы можно было готовить матросов на суше в хорошую погоду, а в дурную занимать их подготовкой такелажа [4. Ч. 1. С. 255—256].

Паддон подал также предложение государю об улучшении пиши на флоте, о лучшем составе кригсрехтов (военных судов), о порядке распределения офицеров на суда, о производстве в чины по экзамену, о подаче капитанами судов по окончании кампании «дюрналов» (журналов) и о времени составления расписаний нижних чинов, достойных повышения по службе [44. Ч. 1. С. 394].

Очевидно, Петр I обращался к Паддону с вопросами об особенностях мореплавания на Средиземном море, ибо 21 декабря 1718 г. бывалый моряк писал: «По тому, что Ваше Величество начинает корабли посылать в Средиземное море, в котором бывают великие страхи, от Алжирцов, Тунисцов и Трипольцов, которых не инако почитают, как морскими разбойниками, и они все корабли и суды берут какого ни есть Государства, которые не имеют их пас, или с ними не в миру.

Сила Алжирская состоит из 18-ти или 20-ти кораблей, от 30-ти до 70-ти пушек; Тунисская около тогож числа. Сила, которую имеют Трипольцы, не очень велика, только о 24 пушках 12 или 14 кораблей.

Ежели Ваше Царское Величество благоволите таким людям свой флаг объявить и с ними дружбу утвердить, то Вашего Величества корабли могут здесь ездить в зад и в пе-

ред без помешательства. Их уже давно Англичане и Французы союзными имеют через мирные трактаты.

И тако прежде, нежели корабли Вашего Царского Величества попадут к ним в руки, чтоб не только Амбасадорство послать с Секретарем и малой подарок, по чему может сочиниться дружеская корреспонденция. И тому Секретарю надлежит там остаться, как Консулу, понеже всегда был обычай, посылать от обоих, Франции и Англии, для сочинения такого трактата. Я сам отвез в Триполи из Англии: 50 бочек пороху, двой серебряные часы с алмазами, 6 кусков шелковых материй, 12 половинок сукна. А подарок, который я отвез к Марокскому Императору, стоил 3000 фунтов стерлингов. И в воздаяние того учинен был мир и избавлены 79 невольников, которые взяты были с малых кораблей» [5. Ч. 4. С. 164—166].

Это была последняя услуга Паддона. Англичанин недолго прослужил русским флагманом. Он скоропостижно скончался в декабре 1718 г. [44. Ч. 1. С. 394].

Царь уважал умного, знающего моряка и был огорчен его кончиной. Он организовал флагману в начале января 1719 г. роскошные похороны, в которых участвовали иностранные послы и офицеры. Сам Петр проводил тело до кладбища у церкви Св. Самсония. Супруге Паддона он пожаловал на погребение 1000 рублей, а на содержание — половину жалованья покойного. Пенсионом были обеспечены дочери Анна и Сарра [4. Ч. 1. С. 256—257].

Сын, Паддон Джордж (Георгий Георгиевич), поступил на русскую службу с отцом. В 1747 г. он был капитан-командором и состоял членом конторы Кронштадтского порта. Умер он в 1749 г. капитан-командором [4. Ч. 1. С. 256; 44. Ч. 1. С. 294—296].

ШЕЛЬТИНГ ВЕЙБРАНТ

До сей поры биография Вейбранта Шельтинга привлекала мало внимания исследователей. Историки больше писали о Петре, при котором он состоял младшим флагманом в плаваниях по Балтике. Но можно полагать, что без рекомендаций опытного морехода еще молодому флагману Петру Михайлову было бы сложно освоить управление корабельным флотом в нелегких походах.

Начало жизни В. Шельтинга в отечественной литературе не отражено. Скорее всего сведения можно отыскать в голландских архивах. Для российского читателя его биография начинается с поступления на русскую службу.

В 1702 г. Петр I, как известно, поручил Корнелиусу Крюйсу привезти из Голландии искусных морских офицеров. Среди нанятых оказался и капитан голландского флота Вейбрант Шельтинг [4. Ч. I. С. 241]. Крюйс принял голландца на службу с чином капитана [44. Ч. I. С. 420]. Выданный через несколько лет патент подтвердил его старшинство: «Божиею милостию Мы Петр Первый Царь и Повелитель Всероссийский, и прочая, и прочая.

Объявляем сим патентом Нашим всем, кому о том ведать надлежит, что пожаловали Мы Вейбранта Шельтинга, повелели в службе Нашей в Морском флоте быть в старых Капитанах с 1703 года с Мая месяца и должен оный ради повышения чину и чести своей с достоинством служить и чести сохранять в услужение Государствам Нашим, чему в свидетельство дан ему сей Наш па тент за подписанием На-

шея руки и припечатанием Государственных Наша печати лета Господня 1710 года декабря 30 в день в С.-Петербурге. Петр» [4. Ч. 1. С. 250].

Патент этот подтверждал тот факт, что Шельтинг отличился среди первых командиров кораблей Балтийского флота и начальников шхерного флота. В 1706 г. он командовал одним из кораблей эскадры Крюйса при обороне Котлина. В 1707 и 1708 гг. по спискам моряк числился в подчинении Боциса, командуя отрядами галерного флота, в 1709 г. командовал кораблем «Нарва» и получал жалованья 480 рублей в год. В 1710 г., командуя тем же кораблем, моряк конвоировал транспортные суда к Выборгу [4. Ч. 1. С. 241; 44. Ч. 1. С. 420].

Осенью моряка послали с группой офицеров в Воронеж. Он управлял там делами Адмиралтейства и был назначен командиром 60-пушечного корабля «Скорпион», который готовили для плавания в Азовском море. На корабле поднимал флаг генерал-адмирал Ф.М. Апраксин [4. Ч. 1. С. 242].

По заключении мира с Турцией Шельтинг вернулся в Балтийский флот, поступил в распоряжение Боциса, начальствовал отрядом бригантин и зимовал в Выборге [4. Ч. 1. С. 241—242]. В 1712 г. весной он командовал отрядом транспортных судов, назначенных снабдить продовольствием Выборг. За успешное выполнение важного поручения в мае его наградили чином капитан-командора. Затем Шельтинг командовал отрядом бригантин в эскадре шаутбенахта Боциса, ходившей в Финские шхеры [44. Ч. 1. С. 421]. Его отряд взял три 4-пушечных бота (адмиральский, шаутбенахтский и почтовый), 14-пушечную шняву, краер и шкуту. Довольный Петр произвел моряка 12 октября в капитан-командоры и приказал выдавать с 1 января 1712 г. жалованье по этому чину (1200 рублей в год) [4. Ч. 1. С. 242—243].

В 1713 г. в экспедиции вице-адмирала К. Крюйса Шельтинг командовал кораблем «Выборг», который во время погони за неприятельскими крейсерами сел на мель. При попытке снять корабль с мели его корпус переломился. Командир еле успел спасти с него пушки и такелаж. Потом «Выборг» сожгли, чтобы он не достался противнику. По окончании кампании капитан-командор исполнял должность ко-

мандующего флагмана на Котлине. 22 января 1714 г. обвиненный судом по делу о неудачной погоне моряк был судом понижен в младшие капитаны, но вскоре получил прежний чин [4. Ч. 1. С. 243; 44. Ч. 1. С. 421].

Видимо, скорое прощение капитан-командора объясняется острой нехваткой опытных и деятельных лиц, необходимых для подготовки к кампании 1714 г., в которой корабельному флоту следовало поддерживать движение гребного вдоль берегов Финляндии. Кроме того, Петр в плаваньи предыдущего года пришел к выводу, что флот нуждается в морской подготовке и обвиняемые не так уж и виновны. Шельтинга он определил руководить подготовкой флота на Котлине. 11 марта 1714 г. Апраксин писал Шельтингу: «Ц.В. указал всем кораблям и прочим морским судам и всем офицерам, обретающимся на Котлине острове быть в ведении вашем, о чем и г. капитану Веселю и всем офицерам о послушании вам указ послан; изволь оное иметь в своем добром смотре, и которое надлежит, кировать без потеряния времени, и что надобно на оные корабли к будущей компании каких припасов, о том росписи за своею рукою подавать в адмиралтейство без замедления» [39. Ч. 1. С. 467].

Уже через два дня Шельтинг с Котлина докладывал генерал-адмиралу: «В.В.С. доношу нижайше чтоб мне поручить всех обер и унтер-офицеров, також матросов, которым служить на воинских кораблях, ежели определения какого по нынешнее число не бывало, чтоб здесь были, ежели позволишь В.В.С. и их здесь распределить, понеже определение умедляется, а до определения людей здесь офицерам командированным нельзя принятися ни к какому делу; а ныне иным кораблям работы довольно: надобно лед обрубать и чтоб их килевать и мачты переставливать, также балласт, который в них обретається, переносить; також желаю от В.В.С. ведать откуда дрова взять во флот, понеже здесь лошадей и дровень взять негде, впрочем надобно мастеров ботовых и шлюпочных прислать для починки» [39. Ч. 1. С. 467—468].

15 марта он вновь писал Апраксину: «Прошу В.В.С. дабы ко мне немедленно роспись прислать о пушкарях, офицерах, матросах и прочих служителях [кораблей. — И.С.] первого, второго и третьего рангу, без того определения учинить невозможно.

Також мачты, бушприты, стены и райны, которые на оных кораблях требно, отправить без промедления и чтоб изволил приказать господину капитану Сиверсу сюда прибыть для определения как железного так и каменного балласту на помянутые корабли, и росписи которые у упомянутого капитана о припасах, что на оные корабли припасов на лицо и что еще надобно делать, а офицерам чтоб всяк свое знал, и изготовил бы, которых помянутые офицеры желают получить» [39. Ч. 1. С. 469].

Апраксин 14 марта послал на Котлин майора Фуникова с солдатами морских батальонов для «...изготовления оснасткою кораблей и для прочих нужд во флоте» [39. Ч. 1. С. 469]. 25 марта Фуников жаловался генерал-адмиралу, что Шельтинг поставил его людей по дворам русских пушкарей и матросов, не трогая дома иноземных офицеров, боцманов и боцманматов, из-за чего получилась теснота. Когда же 24 марта прибыли еще 500 матросов, капитан-командор часть солдат и матросов приказал поместить в казармах и на кораблях, где условия не позволяли нормально обсушиться после рабочего дня [39. Ч. 1. С. 472—473]. Но постройка на Котлине остро не хватало.

Комплектование людьми также задерживалось, и 23 марта Шельтинг вновь обращается к генерал-адмиралу: «Тому назад 4 дня получил я от Е.П. господина Кикина ведомость, что адъютанту Павлу Соколову со всеми морскими служителями быть на Котлине острове, который поныне не прибыл, в чем нужду имею немалую. Также пишет ко мне комиссар, что хотел прислать матросов немецких 19 человек для смотру, ежели оные годны в боцманматы, и оные матросы не бывали.

Подад мне капитан Сиверс роспись марта 19-го числа о девятнадцати обер-офицерах, также о штурманах, боцманах и боцманматах которых девятнадцать же человек и оные сюда не прибыли же; в которых бы ежели сюда прибыли в отправлении Е.Ц.В. дел помочь была немалая: опасаясь страшно, что оному флоту в надлежащей готовности не быть, когда Е.Ц.В. и В.В.С. изволят требовать, понеже работы здесь очень много, и буде тогда в чем нужда чтоб мне в вину не причтено было; однакож стану трудиться по своей должно-

сти сколько возможно, прошу оных служителей сюда прислать без умедления» [39. Ч. 1. С. 471].

Видимо, нехваткой людей и боязнью не успеть к сроку со снаряжением флота объясняются случаи отказа Шельтинга в помощи. 23 марта П. Бредаль жаловался генерал-адмиралу, что капитан-командор — его недруг, не помог в укомплектовании экипажа его корабля [39. Ч. 1. С. 471]. Еще ранее Апраксин выговаривал Шельтингу за то, что тот не помог экипажу пострадавшей во льдах скампавеи перевернуть ее для конопачения [39. Ч. 1. С. 470]. В письме от 20 марта он предлагал капитан-командору, «...что на который корабль написано людей и что из оных на лицо и что надобно в добавку, изволь прислать ко мне ведение без умедления» [39. Ч. 1. С. 470].

В апреле 1714 г. вооружение флота завершалось. 8 апреля Шельтинг писал Апраксину о нужде в 6- и 8-фунтовых пушках для корабля «Страфорд» и беспокоился о том, что в Петербургском адмиралтействе нет запасных материалов, необходимых для ремонта кораблей в ходе кампании [39. Ч. 1. С. 476].

26 апреля адмиралтейский советник Кикин распределял уже офицеров по кораблям флота. Каждый получал приказ ехать на Котлин в распоряжение Шельтинга [39. Ч. 1. С. 486—487].

Старания Шельтинга позволили приготовить большинство кораблей. 3 мая он докладывал генерал-адмиралу: «По милостивейшему Е.Ц.В. указу здесь обретающиеся корабли все килованы и подмазаны как надлежит, кроме корабля «Св. Екатерина», о котором мастер Най говорит, что оный корабль киловать невозможно до прибытия мастера Брауна, или помянутому мастеру Наю особый указ о том пришлется, что ему оный корабль киловать.

Вышеписанные корабли, кроме «Св. Екатерины», оные в готовности будут ежели пришлются надлежащая аммуниция, провиант и прочие припасы, против росписей офицерских, которые посланы к господину адмиралтейскому советнику Кикину, также ежели люди против приложенной табели пришлются, тогда оным кораблям с Божиею помощью на море идти можно.

Послано у мыса проведывать льду на западную сторону в море и имел я ведомость, что за Красной Горкой еще лед стоит как можно видеть, а буде оный лед разломает буду до В.С. писать.

Против предложенной табели В.С. известую сколько морских служителей здесь на лицо и ежели с того числа больных вычесть, против поданных росписей офицеров, останется ровно 300 человек здоровых» [39. Ч. 1. С. 491—492].

Через четыре дня Шельтинг составил ведомость флоту из 18 вымпелов, выстроившемуся на фарватере у Котлина; «Св. Екатерина» уже стояла в ордере. Себя капитан-командор указал в центре линии на корабле «Рига» [39. Ч. 1. С. 493].

Тем временем в столице разрабатывали план кампании, исходивший из совместных операций против шведского флота кораблей нескольких стран. Основная роль в действиях у берегов Финляндии была отведена гребному флоту. Однако его действия предстояло обеспечить флоту корабельному. Россия должна была выставить как корабли, стоявшие у Котлина, так и купленные в Европе, и построенные в Архангельске, которые прибывали на Балтийское море.

13 мая 1714 г. Екатерина писала с Котлина, что «...флот к походу во всякой готовности, однакож у Березовых островов еще лед есть» [39. Ч. 1. С. 495].

Шведы вышли в море ранее. 14 мая М. Голицын из Финляндии сообщал, что неприятельские корабли напали на шкуты, занимавшиеся описью шхер у Або, и побили их экипажи, а у кирки Пои (Поэ) уже стоит шведская эскадра, не пропускающая гребные суда, направляющиеся к Або вдоль берега [39. Ч. 1. С. 495]. 17 мая вражеская эскадра подходила к Ревелю и, осмотрев порт, удалилась [39. Ч. 1. С. 496—497]. Все это внушало тревогу. От Котлина в море к Биорке 17 мая отправились для разведки шнявы «Наталия» и «Диана». 19 мая к острову из Санкт-Петербурга прибыл галерный флот [39. Ч. 1. С. 496].

В приказе от 22 мая 1714 г., подписанном Ф.М. Апраксиным, П. Михайловым, генерал-поручиками Долгоруковым и Вейде, первые пункты касались парусников. Им следовало от Котлина сначала идти к Ревелю (где ожидали прибывшие из Европы корабли). В бой было разрешено

вступать лишь при превосходстве над противником на треть, а в случае, если шведские корабли преградят путь гребному флоту у берегов Финляндии, следовало сообщить об этом в Ревель и принимать решение по обстоятельствам [39. Ч. 1. С. 499].

Корабельный флот выступил от Котлина под флагом Петра Михайлова, который поднял флаг на корабле «Св. Екатерина». Льды и противные ветры задерживали движение, флот долго стоял у Березовых островов, затем у Готланда [39. Ч. 1. С. 503, 507, 509]. Лишь 11 июня корабли прибыли к Ревелю; за три дня до того пришел корабль «Леферм» и ожидали «Перл» [39. Ч. 1. С. 512].

Переход оказался нелегким. На кораблях было много больных, их пришлось направить на берег для лечения. Поэтому действия флота зависели от того, сколь быстро экипажи доставят на борт в случае необходимости. 20 июня Шельтинг получил указ разделить 8 скампавей и 6 бригантин между двухпалубными кораблями, чтобы через два дня вывозить людей на берег и возвращать на борт. Царь требовал оставлять на судах минимум гребцов, чтобы при необходимости быстрее доставить людей на корабли. Было строго указано не отпускать с корабля более чем по одному офицеру и два унтер-офицера, а матросам и офицерам на берегу далеко не отлучаться и по сигналу сразу возвращаться [39. Ч. 1. С. 515—516].

В этот период (май — июнь) не раз отправляли в море для поиска противника крейсера [39. Ч. 1. С. 500—502].

На случай нападения шведов Петр издал 18 июня указ для Шельтинга, который выполнял при нем в Ревеле обязанности младшего флагмана: «Кой час привезут людей на корабли, тотчас поднять якорь и буксировать к неприятелю, и когда Бог даст добуксируют, то протянуться далее их, и отпустить скампавеи назад, для буксировки других кораблей, а самим (если неприятель буксируется) буксироваться шлюпками, и если ветру не будет, или не видать будет доброго авантажа, то не вступать в бой пока достальные корабли придут. Бude же установится ветер или добрый авантаж увидишь то с помощью Божиею вступать в бой и абордировать по своему разсуждению, а наипаче чтоб их удержать,

пока прочие корабли поспеют; также не далее гнать неприятеля как сей берег в виду будет, разве веლოкий авантаж увидишь и ветер будет такой, что от Гангута без лабиров неприятелю сикурсу дать будет нельзя» [39. Ч. 1. С. 513].

На 20 июня линию баталии составляли 24 вымпела под флагом Петра на «Св. Екатерине»; Шельтинг располагался на корабле «Полтава» в авангарде [39. Ч. 1. С. 514].

Голландский посланник де Би 25 июня сообщал Генеральным штатам, что в Ревеле, пока царь лечился, как и матросы, корабли спешно довооружали. Посланник считал, что стоящий в Гельсингфорсе галерный флот не сможет ничего сделать, пока у Гангута стоят шведские корабли [39. Ч. 1. С. 519—520]. Апраксин также писал царю, что гребной флот не в состоянии пройти мимо мыса Гангут, где расположилась шведская эскадра, без помощи корабельного флота. Царь написал Апраксину, что рассчитывать на диверсию с моря не приходится [39. Ч. 1. С. 527—528]. У него, видимо, был печальный опыт. В донесении от 2 июля де Би писал со слов А.Д. Меншикова, что 6 шведских кораблей приходили к Ревелю; русская эскадра под флагом Петра I (15 кораблей и фрегатов) пыталась их преследовать, но безуспешно, чем контр-адмирал был огорчен [39. Ч. 1. С. 524]. По другим сведениям, преследование продолжалось лишь до Наргена. Очевидно, из этого эпизода стало ясно, что несплаванная армада, с разномастными капитанами и экипажами, неспособна справиться даже с меньшими вражескими силами.

Петр решил сам принять командование гребным флотом у Гангута. Корабли в Ревеле он поручил Шельтингу указом от 3 июля: «По отъезде нашем иметь ему команду над флотом и иметь добрую осторожность, и ежели неприятель будет атаковать, то оному всякий добрый отпор чинить. Буде же случится, что паки с малым числом кораблей придет, то онаго атаковать с помощью Божией, и как в первом, так и в последнем случае искать неприятелю вред сочинить по всякой крайней возможности, как доброму и честному человеку надлежит к морскому искусству; а важные дела делать с совета как морских так и сухопутных первых, а именно генерал-лейтенанта князя Долгорукова, бригадира Глебова и полковника Трубецкого» [39. Ч. 1. С. 524—525].

Уже 4 июля царь направился в Финляндию, прошел полпути до Гельсингфорса и был вынужден вернуться из-за неблагоприятного ветра [39. Ч. 1. С. 526]. Неподходящий ветер задержал отправление царя из Ревеля до 18 июля. На следующий день он прибыл в Финляндию. Читателю уже известно, каким успехом завершились боевые действия у мыса Гангут. Но Петр, знавший о несплаванности и неготовности экипажей флота, опасался за его судьбу. 25 июля, перед сражением, он беспокоился, не против него ли выслана эскадра Лиллие, и послал Шельтингу в качестве предупреждения указ: «Понеже хотя я довольно вам указ как письменный так и словесный дал, дабы осторожны были от неприятеля, но ныне не мог без подтверждения вам оставить, что 15 кораблей неприятельских к вашей стороне пошло, и кажется один бомбардирский корабль; того ради вам надлежит как добрым людям оным сопротивление чинить и флота беречь, не жалея себя в том, ибо на вас то взыскание будет» [39. Ч. 1. С. 534—535].

Беспокойство же прекратилось и после победы. 29 июля Петр направил Шельтингу новый указ: «Понеже из письма моего вы известны коим образом мы неприятеля миновали, и того ради не без опасности есть, дабы неприятель для реванжу (а особливо, понеже здесь делать нечего, который отсель вчера пошел в море со всем флотом, а куда не знаем) чего флоту нашему не учинил, а гавань для толикого числа кораблей мала, того для господин адмирал за благо изобрел учинить по сему: оставя следующие корабли при Ревеле и отдав им указ стать в гавань и порох снять (кроме двух, которых употреблять в крейсерство; а людей и провиант иметь на всех кораблях кои и в гаване) с прочими всеми тотчас идти к Гогланду, или между норд и зюйд берегами на парусах ходить в удобном месте (из сих двух дается вам на рассуждение, однако смотреть, чтоб неприятель вас не отрезал) и там стоять до указа; ежели неприятель явится сильный, то вам не вступая в бой ретироваться до Гаривалдая, и, буде станет неприятель следовать, и до Кроншлота. Сие как наискорее учини, и как выйдешь в море, одного из посланных с тем отпусти, и на всякую неделю рапортуй в Гельсингфорс, что у вас делаться будет. Сие все чини с общего совета, с кем вам при отъезде нашем велено.

Роспись кораблям, которые оставить при Ревеле:

«Виктория», «Лансдоу», «Антоний», «Оксфорд», «Фортуна», «Илия» и «Петр» [39. Ч. 1. С. 538].

В соответствии с этим указом военный совет на корабле «Полтава» подготовил свои указы. Так как Петр приказал, как поступать с остающимися в гавани кораблями в указе и на словах, переданных Шельтингу поручиком Мишуковым, совет принял решение идти к Готланду [39. Ч. 1. С. 542—543]. 4 августа Шельтинг докладывал царю, что утром корабли, скампавеи, бригантины и транспортные суда оставили Ревель, но из-за противного ветра были вынуждены остановиться между островами Врангэ и Наргеном. Он сообщал, что корабли снабжены провизией до 1 октября, а остальное передано городовому обер-провиантмейстеру. Капитан-командор просил прислать офицеров и штурманов и предлагал отправить к Кроншлоту дурно снабженные такелажем корабли «Перл» и «Леферм» [39. Ч. 1. С. 544].

Главные силы флота 7 августа прибыли к Готланду и оставались у острова. 10 августа пришел приказ царя крейсировать у острова до 14 августа, а затем идти в Гельсингфорс. 16 августа капитан-командор докладывал о событиях августа Апраксину уже из Гельсингфорса [39. Ч. 1. С. 557]. В тот же день он писал царю: «В последнем письме моем от 11-го августа писал я В.В., что намерен идти в Гельсингфорс со флотом В.В. к 14-му числу, что мы благополучно и провели в исполнение за исключением корабля «Арондель», под командою капитана Фитча, который наткнулся на мель, но был снят с нее без повреждений.

14-го числа в 7 часов вечера отправил я отсюда поручика Муханова со всеми шведскими призами и дал ему в помощь одну скампавею и несколько человек лучших матросов» [39. Ч. 1. С. 556].

В 1715 г. Шельтинг командовал кораблем «Св. Екатерина» в плавании с флотом по Финскому заливу под началом вице-адмирала Петра Михайлова [44. Ч. 1. С. 421]. 28 июня Ф.М. Апраксин писал к нему и Сиверсу с предложением уточнить подробности гибели от удара молнии корабля «Нарва» [39. Ч. 1. С. 643]. О доверии царя к моряку свидетельствует следующий факт, отмеченный в журнале Щербатова. 12 июля, отправляясь в Паркалаут (мыс Порккала-Удд в

Финляндии) на фрегате «Св. Павел», Петр поручил командование флотом капитан-командору [4. Ч. 1. С. 244].

Осенью Шельтинга отправили в Голландию для найма морских служителей и для наблюдения за отправкой в Россию купленных кораблей. Уже 14 октября моряк докладывал государю: «Припадая к ногам В.Ц.В. всепокорнейше доношу что я с г. Соловьевым и г. Брантом посоветовал и иного способа не нашли, только чтоб некоторых унтер-офицеров отправить без твердаго основания, полагаясь на их слово, и сие инако учинено быть не может, как чтоб один между ними был которому б других провесть.

Один из них называется Яков Экгов, которого брат в В.Ц.В. службе находится, и сей сегодня с 8-ю человеками отсюда отъезжает, а другой, сын капитана Гофта, завтра с 10-ю унтер-офицерами поедет» [39. Ч. 3. С. 112].

В ноябре у Шельтинга появились неожиданные затруднения, связанные с тем, что он не располагал письменными полномочиями принимать моряков на русскую службу. 12 ноября капитан-командор сообщал Апраксину: «При сем посылаю к В.С. копию с письма господина резидента де Би которое писано к Штатам; а писано о деле, за которое я сюда послан и здесь в том запрещение и опасение имею, для того что здесь указ прибит, дабы отнюдь к чужестранным потентатам не ходили на службу, ни к Его Царскому Величеству, ни к датскому, ни к шведскому» [39. Ч. 3. С. 114].

Петру I Шельтинг докладывал: «С последним моим письмом от 8-го ноября я доносил, что господин резидент де Би к Штатам голландским писал будто В.Ц.В. меня из Ревеля в Голландию послать изволили, тамо несколько обер и унтер морских служителей в службу принять.

Сие так великое мне препятствие учинило, что я не смею никого более принимать, дабы никакого предосуждения не понести, когда меня спросят по какой причине я, не объявля прежде о том, людей в службу принимаю; я никакого письма или доказательства к оправданию себя не имею для чего я людей нанимаю, и от некотораго господина от правительства мне уже сказано в том осторожно поступать, и понеже от В.В. никакого посла здесь нет, того ради покорно прошу чтоб к Штатам или к адмирал-

тейству о том писать изволили; я обнадежен, что в том не откажут» [39. Ч. 3. С. 114—115].

Видимо, соответствующее письмо-подтверждение поступило, ибо в Голландии Шельтинг принял 200 обер- и унтер-офицеров для российского флота. Нелегко оказалось отправить их в Россию. 18 ноября Апраксин писал Бредалю, находившемуся с кораблем в Европе, о перевозке нанятых Шельтингом моряков [39. Ч. 3. С. 115]. 26 декабря он писал и Шельтингу: «Корабля нашего в Голландии никакого нет и не строится, а есть для починки в Англии, который куплен в Голландии, и если оный еще можете застать, то на оном сколько можно морских служителей отправьте. Что же изволили вы писать о своем возвращении, на то отвечаю: извольте комиссию свою окончить, ежели скорее невозможно, хотя в апреле или в первых мая, и к нам возвратиться и никого там оставлять не извольте. Буде же и полного числа по указу принято не будет, то конечно в мае месяце к нам быть извольте и приложите свой труд чтоб сколько возможно отправить нам служителей до Копенгагена при себе, чтоб могли оные застать тамо наши корабли» [39. Ч. 3. С. 116].

К этому времени относится письмо, посланное капитан-командором царю из Амстердама: «Имел я милость Вашего Царского Величества писание от 3 февраля, во 2-е число марта получить и уповаю ныне с Богом свою Коммисию отправить. Сего дня можно флейт, которой я нанял, на штрот вывезть, а ранее не можно было ради льду. И всем моим принятым Обер- и Унтер-офицерам велю я по двух днях на корабль всходить, и ежели Бог изволит, с первым способным ветром к Лондону отправлю, и к Капитану Бредалю адресовать буду. Капитан Наум Синявин со своим кораблем еще по се число в Текселе и оттуда еще сюда никаких суден не бывало» [39. Ч. 3. С. 124].

27 декабря моряк писал царю из Амстердама: «Доношу В.Ц.В. корабль капитана Наума Синявина в Текселе замерз. Вчера г. Брант, г. Соловьев, капитан Синявин и я совет имели и предложили с корабля «Страфорда» товары выгрузить. Я с капитаном Синявиным принятых офицеров морских около 200 человек, ежели могу, пошлю, и когда он Синявин в Копенгаген прибудет, тогда к нему указ послан быть может,

сколько офицеров ему у себя удержать» [39. Ч. 1. С. 703. Ч. 3. С. 117].

Получив письма, генерал-адмирал Апраксин писал Шельтингу 9 января 1716 г.: «Письма ваши из Амстердама, первое от 24-го, второе от 27-го прошедшего декабря писанные, получил и что вы намерены капитана Наума Синявина с морскими служителями отправить в Копенгаген в феврале или в первых числах марта месяца, Ц.В. доносил, по которому моему доношению Е.В. указал к вам писать, чтоб вы согласились с капитаном Бредалем, которому повелено идти из Копенгагена в Лондон для принятия кораблей «Марльбурга» и «Булинбрука»; и когда из Лондона пойдут в Копенгаген с вышепомянутыми кораблями, чтоб и вам с ними случиться в удобном месте при голландских берегах и дойти до Копенгагена, чтоб неприятельские корабли не допуская Зунда вам не учинили нападения, понеже подлинно известны что служителей морских в российский флот в Голландии принимают, и они престоерегать станут, и когда капитан Бредаль из Лондона с помянутыми кораблями пойдет, тогда извольте, случась с ним, с общего совету, где заблагорассудете в удобном месте при голландских берегах, идти до Копенгагена с добрым осмотрением, чтоб неприятель внезапно не учинил вам нападения, о чем и к капитану Синявину от нас писано, и с которых чисел намерены будете идти, к нам извольте отписать» [39. Ч. 2. С. 2].

7 января 1716 г. Шельтинг докладывал из Амстердама царю, что выделенные ему средства (вексель на 10 000 рублей) недостаточны для выполнения всего, что ему указано, и их хватит лишь на то, чтобы выплатить двухмесячное жалованье 344 унтер- и обер-офицерам и оплатить расходы на отправку 48 человек по суше к Ревелю и 18 человек с капитаном Синявиным. Для приема большего числа людей денег не было [39. Ч. 3. С. 118—119].

14 февраля моряк отвечал Апраксину из Амстердама: «В.С. два письма, одно января от 6-го, другое от 9-го чисел получил по новому штилю февраля 12-го числа, с которых копию посылаю нынешняго числа к капитану Бредалю, тако ж при тех письмах свое намерение объявил где нам вместе соединиться и надеюсь со всеми кораблями в Зунд выйти и вместе в Копенгаген прибыть сохранно; капитана Синявина

корабль починили что может паки выйти в море и ожидает только чтоб лед прошел, то немедленно к городу (Амстердаму) пойдет, а как скоро прибудет, стану с ним о всем советовать что имеем делать, дабы Ц.В. нужды все изрядно со удовольствием управить, о чем В.С. обстоятельно с предбудущей почтой о всем всепокорнейше доносить буду» [39. Ч. 2. С. 14—15].

17 февраля Шельтинг сообщал Апраксину из Амстердама, что неоднократно писал к Бредалю, последний раз 14 февраля, и обещал с первой водой отправить флейт с офицерами и унтер-офицерами. Он докладывал также, что Зунд замерз и нет возможности связаться с Синявиным на другом берегу. Бредаль 16 февраля писал из Лондона Шельтингу и предлагал курс для встречи; он сообщал, что пойдет не ранее середины марта, так как не имеет указа государя и денег [39. Ч. 2. С. 18—19]. Шельтинг 6 марта сообщал Апраксину, что намерен встретиться с Бредалем на Доггер-банке или фарватере, что корабль Синявина будет готов ранее, чем подойдет Бредаль, к которому через неделю офицеры и унтер-офицеры отправятся на флейте. После того моряк намеревался двинуться к Ревелю или Санкт-Петербургу [39. Ч. 2. С. 27].

2 апреля из Утрехта Шельтинг писал Апраксину: «В 15 день марта нов. ст. бывши на флейте и тамо месячное жалованье всем моим нанятым офицерам заплатил и проводил его через Пампул. Апреля во 2-й день простился и дал ордер командующему Людвигу Фангофту и корабельщику на той флейте путь свой иметь или взять на реку в Лондоне. А я к Ревелю поднялся к 4 апреля в 7 апреля принял грамоту от агента Фандербурга что люди на флейте бунтовать стали, потому я возвратился в Амстердам.

При сем посылаю к В.П. копию или список с грамоты в которой можно видеть как деялось. По утишению револыты пришла флейта в Фли, путь свой взяла к реке Лондон, задержана по ордеру от комиссии адмиралтейской, и тот агент Фандербург господам от адмиралтейства объявил; были несколько господ созваны и послан ордер в комиссию — тую флейту велеть пропустить, хотя и первый день Пасхи был. И я поднялся опять в путь в Ревель в 12 день апреля» [39. Ч. 3. С. 126—127].

Шельтинг не успел выехать из родной Голландии, как получил там новое назначение по приказу Петра I:

«Капитан-командору Шельтингу в Амстердаме.

Ехать вам как наискорее в Копенгаген, и там иметь команду над эскадрою Нашею, и во всем поступать по совету посла князя Долгорукова, понеже он имеет полный указ. Петр.

10 июля 1716 года. Росток» [4. Ч. 3. С. 251].

Готовилась экспедиция союзных флотов с высадкой десанта на берега Швеции. Уже 17 января 1716 г. Петр I указал готовить к походу 6 кораблей и 2 фрегата [39. Ч. 2. С. 5]. Указ капитан-командору Сиверсу от 27 января предписывал идти с эскадрой из Ревеля к Копенгагену; ему было дано указание не допускать до приезда царя иноземцев на корабли, построенные в России, избегать неприятельского флота, брать по пути неприятельские суда, а в случае нападения шведского флота действовать с датским флотом, но во всех других случаях указов датских не исполнять [39. Ч. 2. С. 7]. Сюда же подтягивались корабли из Англии и Архангельска и моряки, нанятые Шельтингом. Де Би 9 марта писал, что есть указ вооружить в Кронштадте 12 кораблей, но это трудно из-за нехватки команд и припасов [39. Ч. 2. С. 28—29].

В 1716 г. Шельтинг оказался начальником эскадры русских судов, пришедших в Копенгаген из Англии, Голландии и Архангельска. По приходе в Копенгаген ревельской эскадры Шельтинг принял начальство над всем флотом, плавал с ним под штандартом государя в соединении с союзными флотами до Борнхольма. В Копенгагене собралось 126 русских и английских кораблей [4. Ч. 1. С. 247]. С флотом Шельтинг крейсировал до Борнхольма и в конце августа вернулся в Копенгаген.

14 августа Петр I дал Шельтингу указ:

«1. Когда в небытность нашу при флоте, быть тебе с нашею эскадрою при соединенном флоте, и когда адмиралы будут консилиум держать на русском корабле, тебе быть при том и что с общего согласия поставят, то и чинить. Место свое иметь с арьергардом.

2. Какое важное дело будет в совете соединенных флотов предложено, то записать и потом держать консилиум со все-

ми капитаны своими и что присоветуют и подпишут, то такой ответ и дать.

3. В деташу более как третья доля с прочими наших кораблей не давать.

4. Когда уведаете о транспорте что пришел к Копенгагену, тогда отпусти нижепоименованные корабли к нам немедленно: «Фортуна», «Михаил», «Рафаил», «Гавриил», «Лансдой»; а буде «Полтава» и «Ягудиил» сюда не будут, тогда только два из сих отпустить.

5. Когда мы для десанта от флота пойдем прочь и в знак того штандарт опустим, тогда тебе более не последовать за нами, но быть при соединенном флоте как выше объявлено» [39. Ч. 3. С. 119].

20 августа царь дал указ выйти Н.А. Синявину с его кораблем и фрегатом «Фортуна» к Мену для прикрытия прохода транспортных судов от Ростока, а указ Шельтингу передать капитан-поручику Муханову [39. Ч. 2. С. 120].

24 августа Шельтинг писал царю с корабля «Марльбург» от Иштета: «Приноситель сего есть капитан-поручик Бене от корабля В.Ц.В. «Варахаил», который не в состоянии с соединенным флотом крейсовать по приложенному свидетельству от офицеров и плотников, и для того ему повелено с кораблем идти в Копенгаген и тамо ожидать В.Ц.В. указу. В 23-й день от капитана Наума Синявина В.Ц.В. указ я получил, чтоб с фрегатом «Лансдоу» несколько русских офицеров в Копенгаген отправить, и для того я с вышепомянутым капитан-поручиком Бенсом отправил русских офицеров, которых В.Ц.В. повелели и которые здесь обретаются.

В 22-й день августа, будучи на якоре со стороны W от острова в жестокой погоде под Борнгольмом, сигнал учинен паруса поднять; ветер тогда был около NO и датчане и англичане несколько якорей оставили и от нас некоторые боты, которые по воду ходя остались, на которых некоторые офицеры находятся, и для того повелели капитану Бранту и капитану Гауку тамо оставаться, дабы всех больных и все что на острове осталось привезть; когда сии два корабля паки возвратятся то я капитана Небея с кораблем «Лансдоу» и русских офицеров, обретающихся на кораблях, которые крейсуют, в Копенгаген отправлю.

При сем посылаю к В.Ц.В. резолюцию, которую Е.П. генерал-адмирал Гульденлсв и адмирал Норис в моем присутствии в консилиуме постановили» [39. Ч. 2. С. 121—122].

2 сентября Шельтинг писал царю от острова Драке: «30 августа получил указ В.В. и вследствие его пришел сегодня 2-го сентября с эскадрою В.В. на южную часть острова Драке, исключая двух крейсеров капитанов Фангента и Фандергона, которых поджидаю сегодня же, потому что им было назначено присоединиться к эскадре в этот же день. От командора Сиверса и капитана Весселя принял я некоторых больных. Теперь их на всей эскадре 128 человек. Я полагаю, что В.В. не будет благоугодно ли повелеть оставить лучше на эскадре чем отвозить в Копенгаген на что буду ожидать указ В.В.» [39. Ч. 2. С. 125].

5 сентября Шельтинг писал царю: «Последний указ В.В. получен мною 4-го сентября на острове Драке, где стою на якоре с отрядом В.В. для того чтобы водой запастись. При чем доношу В.В. что по причине каменистого дна якорная стоянка здесь ненадежная.

При чем прошу В.В. прислать нам два галиота, для подвоза нам воды и других надобностей, так как ботов у нас крайне мало и на некоторых кораблях совсем нет.

Податель сего капитан Фангент, которого посылаю к В.В. с донесением о последнем его крейсерстве вместе с кораблем «Ягудиил», под командою капитана Фандергона, и не имея дальнейших инструкций, ожидаю получить через него повеления В.В.» [39. Ч. 2. С. 126—127].

Так как из-за бездействия союзников высадка в Швеции не состоялась, Петр I послал Шельтингу с корабля «Ингерманланд» при Копенгагене указ от 12 октября 1716 г.: «Идти тебе с флотом до Ревеля и иметь осторожность от неприятеля, как доброму офицеру надлежит, также ежелиж встретится с тобой Беземакер с воинскими и ластовыми судами, то оных повороти до Ревеля, и приехав в Ревель все корабли разснастить и которые доведутся чинит и прочую препарацию учинить, дабы могли в феврале месяце паки к походу готовы быть. Пушкарей во всю зиму велеть обучать из пушек стрельбою, а о прочем что надлежит пиши до господина адмирала и господина шаутбенахта князя Меншикова» [39. Ч. 2. С. 135—136].

В тот же день царь дал указ трем капитанам сопровождать транспортные суда до видимости островов Рюгена и Мена, а потом присоединиться к флоту. Три шнявы были направлены в Росток на зимовку [39. Ч. 2. С. 136].

В октябре флот пошел к Ревелю и прибыл благополучно [4. Ч. 1. С. 248]. Шельтинг осенью, опасно больной, возвратился с флотом к своим берегам, имея брейд-вымпел на корабле «Марльбург». 21 октября эскадра из 15 вымпелов (2 оставлены в Копенгагене) прибыла к Ревелю. По пути капитан Небель взял шведский гукер, от команды которого стало известно, что неприятельский флот в Карлскроне [39. Ч. 2. С. 141—142]. Сивере писал Апраксину 22 октября: «При сем присылаю до В.С. копию с указа, каковой от Ц.В. дан капитан-командору Шельтингу, и покаж его шляхетность, как от Борнгольма пошли, парализация была, я принужден был команду принять, и он по се число без памяти еще лежит, а немного ему легче» [39. Ч. 2. С. 135].

17 января 1717 г. Апраксин писал царю, что Шельтинг от паралича не совсем выздоровел и подал письмо с просьбой освободить его от службы до теплого времени [4. Ч. 1. С. 248]. Тем не менее 30 мая Апраксин докладывал Петру, что приказал из Ревеля ходить по очереди эскадрам капитан-командоров Шельтинга и Сиверса. В мае 1717 г. Шельтинг, начальствуя котлинской эскадрой, ходил в крейсерство к Дагерорду. В июне — июле он командовал арьергардом флота, бывшего под командою графа Апраксина, и ходил до Готланда.

Скорее всего генерал-адмирал решил продемонстрировать неприятелю беззащитность его земель на примере Готланда. Он высказал мысли о возможности и полезности высадки на Готланде для разорения складов и укреплений: «Указ Ц.В. повелевает дабы нам со всеми кораблями содержать себя близь Дагерорда и тако иметь крейсерство до Финских шхер, для двух дел: первое для престерегания от неприятеля, дабы безвестно близь к Ревелю не пришел, другое для обучения людей чтоб непрестанно были в экзерзиции. А ваше благородие изволите рассудить, что в оном месте крейсовать зело трудно и близь финских шхер приходит опасно, а на середине моря где можно крейсовать безопасно всего милях в 8-ми, и ежели захватит жестокая погода от зюйд-валу и парусами управляться будет неможно и над флотом может

быть какая гибель, чего ради В.П. прошу, извольте по своей верной должности к лучшей чести Ц.В. флага каковым образом компанию продолжать и не изволите ли за благо рассудить идти прямо к Готланду и тамо, ежели возможность допустит, высадя людей на землю учинить неприятелю тщету и флаг Ц.В. неприятелю объявить, дабы не рассуждал, что мы от него заперлись и показать себя близь его земель кораблями не можем. Со всяким почтением прошу благорассудительного совета» [39. Ч. 2. С. 226—227].

Младшие флагманы шаутбенахт Паддон, капитан-командоры Сивере и Шельтинг, к которым письменно обратился 21 июня Апраксин, поддержали предложение. В частности, Шельтинг писал 22 июня: «Нижеписанное капитан-командор подает сим с низайшим респектом и свое мнение Е.С. на объявление ему Е.С. в присутствии г. Шаутбенахта Паддона и г. капитан-командора Сиверса, что к чести и ко удовольствию Е.Ц.В. и его флага к лучшему быть возможно дабы, как со всем флотом явиться у неприятельских черней и ежели возможно будет неприятелю некое повреждение учинить, а именно дабы несколько людей высадить на берег или иным каким образом, от чего бы честь Е.Ц.В. флагу заслужить и может быть удастся дабы со всем флотом прямо идти и до Готланда. А крейсовать со всем флотом около Дагерорда по моему мнению зело тяжело и при штурме опасно флот Е.Ц.В. сохранно содержать» [39. Ч. 2. С. 227—228].

Сиверс в своем предложении высказал опасение, что действовать придется без царского указа [39. Ч. 2. С. 228]. Апраксин стал осторожнее. На 24 июня его флот состоял из 15 кораблей; Шельтинг на корабле «Марльбург» располагался в арьергарде [39. Ч. 2. С. 229]. С этими силами генерал-адмирал направился к Готланду и вблизи цели вновь обратился с запросом к младшим флагманам. В случае неудачи документы такого совета могли оправдать его.

12 июля Ф.М. Апраксин направил свое предложение Палдону, Шельтингу и Сиверсу с корабля «Москва» при Остергардене: «Понеже мне известно доподлинно чрез взятых языков, что здешний остров состоит без жадной обороны и которые собраны были мужики все разбежались, чего ради заблагорассудя к полковнику Блеклому послали указ чтоб маршировал до местечка Висби, где по ведомости есть

более 100 ластов смолы; и велел ему ежели допустит возможность оное местечко разорить и сжечь; к тому ж имеем ведомость что отсюда в 4-х милях при урочище Слите сделана небольшая крепость и есть пушки с 30, которую бы с Божию помощью надеялся овладеть, токмо сомневаюсь не может ли нам сего намерения пресечь неприятель своим флотом; и ежели б дней 7 или 8 здесь простоять тоб здешний остров и крепость могли весьма разорить, о чем прошу к лучшей чести оружия Е.Ц.В. благорассудить совета» [39. Ч. 2. С. 232].

Все трое младших флагманов 13 июля поддержали предложение о высадке. Паддон считал, что от шведского флота надежной защитой служат флоты датский и английский, которые проводили конвой из Англии в Балтийское море, но оставаться можно не более 6—7 дней из-за недостатка хлеба [39. Ч. 2. С. 232—233]. Сиверс предлагал для обеспечения безопасности флота посылать ежедневно по кораблю к северу и югу. Шельтинг писал: «Я нижеписанной капитан-командор заблагорассуждаю по двум полученным от пленников сказкам (ежели правда), что остров Готланд в надлежащей силе как в крепостях так и в батареях не состоит, то с Е.Ц.В. флотом как от В.С. объявлено еще 8 дней содержаться возможно, дабы исполнить какие действия к лучшей чести Е.Ц.В. оружия» [39. Ч. 2. С. 233].

Русский десант на острове запасся скотиной и захватил несколько местных жителей. Осторожность помешала Апраксину добиться больших успехов. В августе флот под командованием генерал-адмирала собрался в Ревеле. Апраксин посчитал необходимым оставить 7 кораблей, а остальные предписал по указу отправить с шаутбенахтом Паддоном в Кроншлот. 27 августа корабли пошли к Кроншлоту [39. Ч. 2. С. 240—242].

К осени 1717 г. относится переписка относительно подчинения личного состава флота. 18 октября Паддон направил Шельтингу указ: «Георгий Паддон, Е.Ц.В. арир-адмирал 1-го флага, указал г. капитан-командору Вейбранту Шельтингу, дабы за своею рукою подал ведомость г. генерал-майору Чернышеву своего командующего корабля о гардемаринах, шхиперах, штурманах, боцманах, констапелях, шхиманах, боцманматах, констапельматах, квартермейсте-

рах, пушкарях и матросах каждой статьи почему которой достоин иметь прибавку в жалованьи и годен служить Е.Ц.В.

Вашему командующему кораблю надлежит быть под ведением благошляхетного г. вице-адмирала Крюйса.

Обер командующим офицерам, а именно: капитанам, капитан-поручикам и поручикам быть под командою морского офицера старшего в службе Е.Ц.В. обретающегося.

Унтер-офицерам и рядовым быть под ведением г. генерал-майора Чернышева» [39. Ч. 3. С. 160].

20 октября Шельтинг писал с Котлина Апраксину: «При сем прилагаю копию с присланного ко мне указа от г. генерал-майора Чернышева, так же и от г. контр-адмирала Паддона; прошу с нижайшим респектом, дабы от В.С. ордер получить по чему мне обходиться и которого ордера мне слушать, понеже после спущения шаутбенахтского флага прислал ко мне в тот же час благошляхетный г. вице-адмирал Крюйс и требовал от меня всех обер и унтер-офицеров и рядовых морского флота, а именно капитан-поручиков, к чему я указу не имею, понеже которые офицеры морского флота здесь на острове обретаются, тем быть под моею командою, а унтер-офицеров отдать г. генерал-майору Чернышову, как изволите усмотреть из приложенной копии. Прошу В.С. ежели когда обер-офицерам по указу г. Паддона караул исполнять, где мне взять для онаго караула как унтер-офицеров, так и матросов и солдат» [39. Ч. 3. С. 160—161].

Это были последние дни, когда Шельтинга именовали капитан-командором. 31 октября его произвели в шаутбенахты от синего флага [44. Ч. 1. С. 422]. В мае 1718 г. Шельтинг привел в Кронштадт зимовавшие в Ревеле корабли и вновь заболел. О состоянии флагмана свидетельствует письмо Т. Гордона:

«Ваше Высочество Господин, Господин Генерал-Адмирал.

Сего дня поутру ездил я на корабль «Марбург», за достоверностию о здоровье г. Шаутбенахта Шельтинга, и застал его в такой болезни, что он безпамяти и для того я сделал Генеральной Сигнал на всех Капитанов, и объявил им, чтоб они мне в команде, пока вышней Командир прибудет были послушны, завтра я пришлю к Вашему Высочеству о флоте недельной рапорт.

Вашего Высокосятельства нижайший слуга Томас Гордон. С корабля «Св. Екатерины» 17 июня 1718 года» [4. Ч. 1. С. 251—252].

Скончался Шельтинг 18 июня 1718 г. на корабле «Марльбург» на Кронштадтском рейде [44. Ч. 1. С. 422]. По журналу Щербатова, 8 июля Петр поднял флаг на корабле «Ингерманланд», а 9 июля прошло торжественное погребение Вейбранта Шельтинга с корабля «Марльбург». При церемонии присутствовали царь, все флагманы и министры. Это явилось достойным завершением пятнадцатилетней усердной службы моряка российскому флоту.

После Шельтинга остались молодая жена (которая вышла позднее замуж за капитана Петра Бенса) и два малолетних сына. Старший сын, Петр, дослужился в армии до чина полковника. Младший, Алексей, во флоте достиг чина контр-адмирала. Внук, Роман Петрович, служил на флоте и был главным командиром и военным губернатором Свеаборга [4. Ч. 1. С. 249].

ЗМАЕВИЧ МАТВЕЙ ХРИСТОФОРОВИЧ

Матия Змаевич родился в 1680 г. в Перасте (Черногория). Его ближайшие родственники, включая брата Внуко (1670—1745), занимали высокие посты в церковной иерархии. Сам же Матия навсегда породнился с морем. Первый опыт он получил на судах своего отца, известного моряка Криля Змаевича. Высказывали мнение, что он служил также на галерах флота Венеции, которой принадлежала власть в Бока-ди-Катарро (Которе) и его окрестностях. На двадцать девятом году жизни моряк убил на дуэли капитана Вуско Буйовича и был вынужден оставить родной город и семью. Сначала он перебрался в Дубровник, но и тот подчинялся суверенитету Венеции. Змаевичу пришлось отправиться в Константинополь [77. Т. 8. С. 227]. Послом в турецкой столице состоял П.А. Толстой, который в 1698 г. по поручению Петра I ездил по Югославии и бывал в доме Змаевичей. Толстой в 1710 г. принял Змаевича капитаном на русскую службу [44. Ч. 1. С. 153]. Но началась русско-турецкая война. Посла, а вместе с ним и Змаевича, в ноябре 1710 г. заключили в Едикуле (Ссмибашенный замок) [41. С. 273; 4. Ч. 2. С. 1]. Только в 1712 г. Толстой, которого мир России с Турцией освободил из тюрьмы, смог отправить Змаевича к новому месту службы. Царь осенью 1712 г. лечился в Карлсбаде [41. С. 324]. К нему Толстой и послал моряка. Петр I принял Змаевича, проверил его знания и направил на Балтику. Сопровождавший монарха канцлер Г.И. Головкин писал 25 октября 1712 г. генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину:

«Мой Государь!

Сего письма вручитель Капитан морского флота Змаевич, принят в Константинополе в службу Его Царского Величества от Посла Господина Толстого, которого он хотел было только отправлять, но мир Турки разорвали, и его Посла в Едикуль посадили, при котором и он Капитан страдал; ныне когда он г. Посол освобожден из Едикуля, то и он Капитан купно с ним освободился и от послов тамо наших обретающихся сюда отпущен и прибыл в Карлсбад, а брат его Бискуп Босенский и доныне служит тамо в деле Его Царского Величества, котораго Его Царское Величество изволил отправить в Петербург с собственным своим письмом к Вам о принятии его в службу в морской флот в капитаны и об учинении ему жалованья против других капитанов, которого я Вашей милости рекомандую, изволите к нему быть милостивы и учинением жалованья против его братьев не оскудить его за его показанные службы и такое страдание, а здесь ему дано за дорожный проезд и в приказ триста червонных золотых слуга Ваш Гр. Головкин» [4. Ч. 1. С. 1—2].

Моряк отныне связал свою судьбу с Россией на всю жизнь. Шла Северная война. Змаевич торопился. Уже в 1712 г. он прибыл к цели и был зачислен в галерный флот капитаном 1-го ранга с жалованьем 30 рублей в месяц [44. Ч. 1. С. 153]. Берх полагал, что моряк получил хорошую практику на венецианских галерах; обладал он и неплохими познаниями в математике [4. Ч. 2. С. 3]. Возможно, принимая такое решение, Апраксин имел в виду последующую замену галерного шаутбенахта Боциса, постоянно враждовавшего с вице-адмиралом корабельного флота К. Крюйсом.

К этому времени Петр I решил завоевать Финляндию, чтобы принудить шведов прекратить войну. В 1712 г. боевые действия носили более характер демонстрации и разведки, так как основные усилия Россия, Дания, Англия, Голландия должны были направить на шведские берега. Однако царь не дождался помощи от союзников, и в 1713 г. начались самостоятельные действия российских вооруженных сил в Финляндии.

В 1713 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин с галерным флотом и сухопутными войсками завоевал южную часть Финляндии, в том числе Гельсингфорс и Або. Змаевич на-

ходил на галерном флоте. Командуя отрядом гребных судов, он ходил в шхеры. За отличия Змаевича произвели в капитан-командоры; он получил также золотую медаль в 50 червонцев [4. Ч. 2. С. 3].

В 1714 г. значение галерного флота еще более возросло, так как от его действий зависело, удастся ли обеспечить снабжение войск, продолжающих завоевание Финляндии. В галерном флоте, которым командовал Апраксин, после смерти Боциса Змаевич заведовал морскими чинами. Особенно он отличился в знаменитом Гангутском сражении.

Шведы весной 1714 г. выслали в море флот адмирала Ватранга, который встал у мыса Гангут и преградил галерному флоту Апраксина путь к Аландским островам. Галеры не могли вступить в бой с линейными кораблями. Прибыв в Тверминне, где стояли галеры, Петр I принял решение перевести галеры по суше, в самом узком месте Гангутского полуострова. Шведы узнали о приготовлениях, и Ватранг послал часть флота, чтобы обойти русские суда и уничтожить их, а на другой конец переволоки отправил отряд шхерных кораблей шаутбенахта Эреншельда. Однако при разделении флота адмирал не смог перекрыть полностью путь к Або, и этим в штиль воспользовалось русское командование, послав скампавеи в обход эскадры Ватранга со стороны моря. Головным отрядом командовал Змаевич, который сразу после прорыва заблокировал отряд Эреншельда. Главные силы следующим утром в тумане прорвались под берегом, а затем атаковали Эреншельда. Змаевич командовал правофланговым отрядом галер, атаковавших и в ожесточенном бою заставивших шведов сдаться [44. Ч. 1. С. 153]. За Гангутскую победу все участники были награждены особыми медалями. Змаевича наградили золотой медалью в 45 червонцев с цепью на 75 червонцев, с возвратом ранее выданной медали; из морских чинов золотые медали получили еще только поручик З. Мишуков и капитан П. Бредаль [4. Ч. 2. С. 3—4].

В августе Змаевич заболел; отправив его в Санкт-Петербург, Апраксин предписал адмиралтейцу А.В. Кикину «содержать его в своем хранении, понеже человек по премногу добрый» [44. Ч. 1. С. 153].

Гангутская победа, позволившая русским гребным судам свободно ходить в Ботнический залив, а армии занять всю Финляндию, пробудила активность союзников. Было решено высадить десант в Южной Швеции. Отрядом гребных судов в Апселе командовал Змаевич. Присланный в июле гвардии подполковник П.М. Голицын принял общее командование отрядом [4. Ч. 2. С. 5]. Это обидело Змаевича, но он продолжал исправно выполнять свои обязанности по морской части и регулярно писал донесения генерал-адмиралу. В 1715 г. его суда с десантом из гвардии были посланы в Копенгаген, но цели не достигли: отряд заходил последовательно в Ревель, Ригу, Гапсаль и в сентябре зазимовал в Либаве [4. Ч. 2. С. 5; 44. Ч. 1. С. 154].

На время зимовки Змаевич с разрешения Апраксина уехал лечиться в Кенигсберг [4. Ч. 2. С. 5]. 1 декабря он из Ливавы сообщал: «Писание Вашего Высокографского Сиятельства писаное 18-го принял я 30-го дня сего Ноября, и по велению Вашего Высокографского Сиятельства желаю прилежно исполнить, и взятых с капора из Рижскаго Гарнизона, Боцмана, Боцманмата и Штирмана содержу в Галерной Шквadre и денежное жалованье им прикажу выдавать как о том мне повелено. Токмо изволишь Ваше Высокографское Сиятельство писать сколько допустит возможность все изготовлять ко флоту принадлежащее, дабы ни в чем остановки не было, и когда не пришлется указ во всякой бы готовности был.

Ныне как я могу изготовить заранее присланного указа. О котором изволите писать не имея припасов самых нужнейших, о чем прежде сей почты писал да Вашего Высокографского Сиятельства сего ноября 18 числа. И на оное я не получил Указу, откуда буду взять, здесь повелите закупать, или присланы будут из С. Петербурга? Зане оные меня держат в великом сомнении, дабы время не отпустить, и собрать оныя припасы ко уготовлению флота.

О сем прошу Ваше Высокографское Сиятельство на оное письмо ответствия, дабы в скорости уготовить. По истине за сими припасы я путь свой держал ехать до Кенигсберга для лечения скорби моей, не желая оставить флота не в уготовлении против повеления Вашего Высокографского Сиятельства.

А которая припасы можно здесь за цену промыслить, к тому б я приложил свой труд для лучшей службы, на прибыль казне Его Царского Величества, а для покупки припасов о деньгах я писал, что можно взять в Кенигсберге, которые тамо есть у г. Петра Салуци; а вместо оных отдать ему в С. Пстербурге, ежели Ваше о сем повеление будет. На сие ожидаю указу Вашего Высокографского Сиятельства...» [4. Ч. 2. С. 5—7].

15 марта 1716 г. от прусского берега Змаевич писал царю: «Понеже Вашему Величеству известно, что здесь обретаются с новопостроенными 48 галер, но на оных Офицеров, Унтер-Офицеров и рядовых всего 438 челов. и недостает на большие галеры матрозов, солдат и пушкарей по 12 человек, а на малыя 38, на каждую по 6 человек; опричь двух брегантин, которая вооружены для Вашего Величества. И хотя мы оными людьми помощью Вышняго прибыли сюда благополучно; однакож как были мы в большом море, то по недостатку служителей не малую опасность видели.

Того ради, ежели Ваше Величество укажете нам отсюда идти далее, и буде где возможем сыскать морских служителей, не повелите ли таких принимать. И я сие все полагаю на волю Вашего Величества и на премудрое разсуждение, яко искуснейшего Морского офицера» [5. Ч. 4. С. 22—23].

В письме Змасвич поместил ряд вопросов к царю, которые озаглавил «Мемориал»:

«I

Ежели надо мною главнаго флагмана морскаго здесь на галерах не будет, повели меня от команды сухопутных свободна учинить; или дабы от меня не было спрошено ответа о морских случаях, ежели которые могут случиться; от чего сохрани Боже.

II

Буде же во флоте будет Генералитет, то где я буду иметь место со своею галерою?

III

Офицеры русские галерныя, трсбуют такожде, дабы не быть под командою сухопутных во время похода на море галерами.

IV

Дабы припасы Адмиралтейския были всегда в ведении морских служителей; чтоб от них в Адмиралтействе можно взять подлинной счет.

V

На жалованье морским служителям галерным денежную казну откуда будет требовать? которым только заплачено по сентябрь; а надлежит еще в дачу им за 4 месяца, да за один прибавочной.

VI

Ежели кто из иноземцов желает принять службу Вашего Величества и кто явится искусен в морском хождении, повелишь ли оных принять?

VII

Ежели кто из морских служителей впадет в какое преступление, повелишь ли держать над оным военный суд, по мирному артикулу, или Вашему Величеству наперед доносить Матвей Змаевич» [5. Ч. 4. С. 23—24].

В марте Змаевич писал о трудном переходе морем и потере шнявы «Принцесса» [4. Ч. 2. С. 7].

Вероятно, вопрос об оплате моряков так и не был решен, ибо генерал-лейтенант И.И. Бутурлин 8 мая писал царю, что Змаевич сообщал ему об отсутствии жалованья [5. Ч. 4. С. 43].

Летом 1716 г. Змаевич прибыл в Копенгаген, но десант не состоялся, и его отряд зимовал в Ростоке [4. Ч. 2. С. 7—9; 44. Ч. 1. С. 154].

Видимо, по просьбе моряка Петр I 30 апреля 1716 г. обратился с письмом к Венецианской республике и просил простить Змаевича за побег и возвратить ему движимое и недвижимое имущество; 28 ноября царь получил уведомление венецианского дожа, что Змаевич прощен. Это позволяло моряку вернуться на родину, где оставались его жена и другие родственники. Может быть, по этой причине в октябре 1716 г. М.Х. Змаевич просил царя об отставке по состоянию здоровья, но не получил разрешения [44. Ч. 1. С. 154].

24 мая 1717 г. Змаевич из Ростока прислал ведомость о состоянии галерного флота. На 38 галерах и 2 бригантинах состояло здоровых и больных всего 445 человек [4. Ч. 2. С. 9—11]. Так как высадка в Швеции вновь не состоялась, 2 июля 1717 г. моряк вывел отряд из Ростока и в октябре прибыл в Ревель [44. Ч. 1. С. 154]. Петр I окончательно разочаровался в союзниках и решил действовать против Швеции своими силами, добиваясь мира.

По возвращении из Ростока Змаевич поступил под командование Ф.М. Апраксина, который высоко ценил его храбрость и умение; в документах того времени В.Н. Берх не нашел ни замечаний, ни выговоров капитан-командору [4. Ч. 2. С. 12].

В 1718 г. Змаевич командовал отрядом галерного флота в шведских шхерах, насчитывавшим 120 галер. Он со своим отрядом пришел из Ревеля к Гангуту. В начале августа к нему прибыл корабельный флот. 12 августа с флота на галеры перешли Петр, Апраксин и Меншиков, а корабельный флот двумя эскадрами направился в крейсерство. В делах Апраксина сохранилась ведомость флота, составленная 20 августа; Змаевич находился на галере «Вальфиш», где был и генерал-адмирал [4. Ч. 2. С. 12—27]. Змаевич отправился к Або, затем в Аландские шхеры и в начале сентября возвратился с отрядом в Санкт-Петербург [44. Ч. 1. С. 154]. Плавание послужило для разведки подступов к Стокгольму.

17 января 1719 г. М.Х. Змаевича произвели в шаутбенахты галерного флота; весной он на галерном флоте Ф.М. Апраксина был в Аландских шхерах, оттуда с отрядом галер ходил на разведку крепости Ваксгольм, а на обратном пути разорял шведские берега [44. Ч. 1. С. 154]. Это была подготовка к десанту у шведской столицы.

Так как места для содержания большого галерного флота не было, Петр I поручил Змаевичу строить Галерную гавань на западном берегу Васильевского острова; 20 февраля 1720 г. моряк рапортовал о развернутых работах Апраксину:

«Высокографское Сиятельство, Мой Милостивой Патрон.

При сем приобщаю чертеж Гаванному строению, которое строится на Васильевском острове, воистину не отменно с трудом Архитектора Терцина, и коликое число до сих пор побито свай, об этом изволите усмотреть в том чертеже,

токмо ошиблись в числе лесу. Понеже гораздо больше пойдет нежели требовали, а ныне такой лес збираем как возможно, токмо уже и сыскать негде, понеже ни при Адмиралтействе, и в другом месте такого лесу нет. А хотя где и есть в продаже, зело в высокой цене и за каждое сто трехсаженных просят по двадцати пяти рублей. О сем предъявляю Вашему Высокографскому Сиятельству, что повините чинить, дабы тому строению остановки не учинилось. А фашины уже многое число вырублено и к гавани принесено, как словесно будет донести Вашему Высокографскому Сиятельству помянутой Архитектор.

И Ваше Высокографское Сиятельство изволите быть благонадежны, что я свои труды по своей возможности прилагая к ускорению того строения и впредь тщание имею исполнить указ Его Императорского Величества и приказ Вашего Высокографского Сиятельства» [4. Ч. 2. С. 28—29].

Под наблюдением Змаевича в гавани строили конную и венецианскую галеры мастера Депонтий и Франческо, а также потаенное судно посадского Ефима Никонова — первую подводную лодку в России [4. Ч. 2. С. 30].

31 января 1721 г. Змаевича назначили членом Адмиралтейств-коллегии, в сентябре он заведовал постройкой Галерной гавани. После заключения Ништадтского мира флагман привел галерный флот в Санкт-Петербург. 22 октября моряк получил чин вице-адмирала. В следующем году, замещая Апраксина, он командовал галерным флотом [4. Ч. 2. С. 28; 44. Ч. 1. С. 154].

Победа в Персидском походе 1722 г. позволила российскому флоту утвердиться на Каспии, Ништадтский мир гарантировал спокойствие на Балтике, и Петр I мог снова обратить внимание на Черное море. Первым шагом стало возобновление кораблестроения на Дону, прекращенного после неудачного Прутского похода 1711 г. В декабре 1722 г. царь, проезжая по Воронежской губернии, указал сохранять уже заложенные корпуса [39. Ч. 6. С. 1]. 8 апреля он назначил для постройки прамов и галер в Воронеже Змаевича [44. Ч. 1. С. 154].

1 мая 1723 г. Адмиралтейств-коллегия, заслушав именной указ, постановила отправить вице-адмирала в Воронеж с кораблестроителем капитаном Ф. Склеяевым и другими

морьяками; первоначально предполагали построить к марту 1724 г. 9 больших, 6 малых прамов, 15 малых галер и 30 «новым маниром» судов. Следовало также заготовить материал на два моста через Дон [39. Ч. 6. С. 1—3].

Не окончив работ в Галерном порту, вице-адмирал выехал на Юг с группой морских офицеров и мастеров [4. Ч. 2. С. 30].

Задержавшийся в Москве из-за сложностей с обмундированием нижних чинов вице-адмирал в июне прибыл на Дон и докладывал из Таврова о недостатке материалов и людей [39. Ч. 6. С. 3—5]. Он нашел Тавров более удобным для кораблестроения; здесь были заложены 15 прамов и 15 галер [39. Ч. 1. С. 154]. Змаевич представил ведомость наличного и потребного числа пушек и предложил отливать их на местных заводах [39. Ч. 6. С. 6—10].

Вице-адмирал торопился выполнить царскую волю, не обращая внимания на праздники. Очевидно, в столицу пошла жалоба недовольных. 4 июня за посылку без указа коллегии галерных служителей на работу в выходные и праздничные дни Змаевича оштрафовали вычетом жалованья за пять месяцев [44. Ч. 1. С. 154]. Это не помешало коллегии 5 августа одобрить его действия по строительству судов. Отказывавшему в помощи воронежскому губернатору Измайлову был послан указ коллегии с предупреждением, что, если он и далее будет так действовать, царь сам к нему обратится [39. Ч. 6. С. 12—14].

4 сентября Змаевич рапортовал о начале постройки 15 галер и 4 больших прамов, о подготовке места для закладки остальных. 16 сентября энергичный вице-адмирал сообщал уже о 5 заложенных прамах, о подготовке к закладке в октябре кайков, об отливке пушек на Липских (Луганских) заводах, о ремонте мельницы для лесопилки. 1 ноября в постройке, несмотря на недостаток людей, были уже 9 прамов, галеры, кайки и 8 галерных ботов. Для вооружения судов по указу царя брали все подходящие пушки, в том числе и с Павловской крепости [39. Ч. 6. С. 15—19].

Очевидно, планы царя изменились, ибо прекратилась спешка с постройкой судов. В январе 1724 г., когда строительство было в разгаре, Змаевич запрашивал, достраивать ли суда окончательно либо руководствоваться указанием Петра I

обшивать их через доску на клапанах. 17 февраля он снова интересовался тем же и напоминал, что если приказ суда строить и спускать последует позднее, то мелководье не позволит их провести. 30 апреля Ф.М. Апраксин и Н.А. Синявин писали из Москвы о мерах по вооружению флотилии [39. Ч. 6. С. 21—24]. Но отношения с Турцией изменились. 6 октября коллегия указала Змаевичу, оставив часть людей для содержания и хранения судов, самому со Склеевым ехать немедленно в Санкт-Петербург. 19 декабря, исходя из царского указа от 17 декабря, Адмиралтейств-коллегия повторила требование об отъезде Змаевича с его людьми в столицу [39. Ч. 6. С. 25—26]. Только через пять лет моряк вернулся на Дон.

По возвращении в Санкт-Петербург в 1725 г. Змаевич стал членом Адмиралтейств-коллегии [4. Ч. 2. С. 30]. Вскоре после того скончался Петр I. Змаевич участвовал в траурной церемонии: он нес за гробом Казанскую царскую корону [4. Ч. 2. С. 31]. После смерти капитан-командора Демьяновича вице-адмирал вступил в управление галерным флотом и портом, оставаясь членом Адмиралтейств-коллегии. 21 мая императрица Екатерина I, которая, как и Апраксин, любила моряка, пожаловала его орденом Св. Александра Невского [44. Ч. 1. С. 155].

В марте 1726 г. Змаевич подал прошение об отставке, но, вероятно, по совету Ф.М. Апраксина отказался от этой мысли. Берх отмечал, что в заседаниях коллегии Змаевич обычно поддерживал генерал-адмирала в противовес Т. Гордону, Д. Вильстеру, Т. Сандерсу и Я. фан Гофту [4. Ч. 2. С. 31].

23 мая 1726 г. генерал-фельдмаршал А.Д. Меншиков приказал Змаевичу заложить 30 галер и несколько камелей на замену сгоревшим 8 галерам и камелям. Вице-адмирал возглавлял работы по строительству гребных судов на Галерной верфи, у Калинкиной деревни и на Васильевском острове. Строили галеры И. Немцов, М. Черкасов и Ф. Дипонти. Благодаря усилиям Змаевича и его помощников, организовавших постройку десятков судов, дефицит галер по петровским штатам в 1727 г. значительно уменьшился [24. Т. 1. С. 171—172].

7 мая 1727 г. Змаевича произвели в адмиралы [39. Ч. 6. С. 155]. Так как адмирал П.И. Сиверс состоял главным командиром в Кронштадте, а Апраксин редко заезжал в присутствие, Змаевич фактически руководил деятельностью Адмиралтейств-коллегии по морской части до того, как в ноябре 1728 г. вице-президентом назначили Сиверса [4. Ч. 2. С. 31—32].

В адмиральском звании Змаевич находился недолго. В начале 1728 г. подчиненные донесли о пользовании им казенными деньгами, материалами и людьми. Обвиняли его в использовании казенных материалов, 70 казенных людей для своих построек и удержании заработанных людьми денег. Змаевича арестовали и предали суду [4. Ч. 2. С. 32]. Суд включал вице-президента П.И. Сиверса, вице-адмирала Д. Вильстера, генерал-кригскомиссара Головина, вице-адмирала Н.А. Синаявина, контр-адмиралов Дуффуса, П.П. Бредаля, капитан-командора Н. Вильбоа и полковника Вадковского [4. Ч. 2. С. 32—33]. Многие пункты доноса не подтвердились. Тем не менее суд признал адмирала виновным и направил в отсутствие Апраксина свое мнение Верховному тайному совету. Приговор означал смертную казнь. Но Екатерина I помиловала его с понижением в чине и назначением командиром Астраханского порта на смену капитан-командору З.Д. Мишукову; с него в трехкратном размере взыскали штраф за все взятое у казны, что составило 4960 рублей [44. Ч. 1. С. 155].

Скорее всего Змаевич как известный соратник Петра I и Апраксина был опасен П.И. Сиверсу, выдвигавшемуся на высший пост в Адмиралтейств-коллегии.

В июле Змаевич направился на Юг, но задержался в Москве у Апраксина. Генерал-адмирал предложил направить его не в Астрахань, а в Воронеж. Адмиралтейств-коллегия запросила генерал-адмирала, не лучше ли послать вице-адмирала в Тавров, к тамошнему адмиралтейству. До смерти Апраксина в ноябре 1728 г. Змаевич оставался под его покровительством в Москве. Вскоре после кончины генерал-адмирала коллегия запросила Змаевича, почему он не в Воронеже, затем послала указ ехать в Тавров руководить портом. Вице-адмирал отговорился болезнью, в мае сослался на то, что барон А.И. Остерман приказал ему оставаться в Мос-

кве до указа. Но противодействующие силы оказались сильнее. В июле Змаевич прибыл в Тавров и доложил, что будет действовать по инструкции Верховного тайного совета [4. Ч. 2. С. 33—35].

В Таврове первоначально не было дел по морской части, и моряк занялся Липскими (Луганскими) заводами; вскоре он представил Адмиралтейств-коллегии образцы шляп и чулок для моряков, сделанных на этих заводах. Однако вице-президент П.И. Сиверс признал продукцию слишком дорогой, и коллегия запретила производство [4. Ч. 2. С. 35].

2 июня 1729 г. новый император Петр II отправил Змаевича на Дон с указом сохранять и поддерживать построенные в 1723—1724 гг. суда и заготовленные по указу 1725 г. материалы еще на 20 галер [39. Ч. 6. С. 29]. В июне 1729 г. вице-адмирал прибыл в Тавров и вступил в управление адмиралтейством [44. Ч. 1. С. 155]. Он продолжал бездействовать и на Юге. 29 января, когда были сняты наказания с некоторых офицеров, в том числе с обвиненного по одному делу со Змаевичем капитан-лейтенанта Хорвата, вице-адмирал оставался в прежнем положении [4. Ч. 2. С. 35—36].

5 ноября 1731 г. уже императрица Анна Иоанновна повелела, после постановления Совета от 4 ноября, продолжать сохранять построенное в Таврове, сообщить о состоянии судов и мерах, необходимых для их достройки [39. Ч. 6. С. 30]. 26 ноября Змаевич доложил, что 44-пушечных прамов 9, 8-пушечных — 6, галер — 15, каиков — 30, собственных Его Императорского Величества судов — 2, ботов итальянских — 33 и шлюпок — 6.

Любопытство императрицы не было праздным. Существовал замысел вернуть России берега Азовского моря и выйти в Черное. Первым шагом вновь должно было стать строительство флота на Дону. И это строительство началось вскоре как подготовка к Русско-турецкой войне 1735—1739 гг.

В 1734 г. Змаевич получил повеление вооружить весь гребной флот, построить еще несколько галер и лодок; Адмиралтейств-коллегия направила на Юг 2000 матросов, морских офицеров, материалы. Змаевич выполнил указ с успехом, а вице-президент коллегии граф Н.Ф. Головин одобрял все его требования и распоряжения [4. Ч. 2. С. 36].

Во многом готовность Донской флотилии к Русско-турецкой войне 1735—1739 гг. явилась плодом трудов Змаевича. Однако член тавровской портовой конторы капитан Росселиус назвал вице-адмирала публично вором, плутом и бездельником, а лейтенант Чириков подал донос. По жалобе Змаевича Адмиралтейств-коллегия вызвала Росселиуса в столицу, признала, что он нанес оскорбление в нетрезвом виде, оштрафовала и вернула его в Тавров. Когда же Змаевич заметил, что негоже оскорбителя, даже прощенного, посылать под его команду, коллегия сослалась на высочайшую волю [4. Ч. 2. С. 36—37]. Одновременно следствие по доносу Чирикова вели в Таврове. Все эти события омрачили последние дни Змаевича и, вероятно, сократили его век.

Змаевич не успел достроить заложенные суда. 25 августа 1735 г. он скончался [44. Ч. 1. С. 155]. На смену ему в Тавров послали П.П. Бредаля, который довел до завершения дела Змаевича и как строитель флотилии, и как ее командир в боях против турок.

Любопытный документ представляет собой духовная Змаевича, составленная 10 декабря 1732 г. Вице-адмирал объявил душеприказчиками троих близких людей, живших с ним в России (капеллана, капитан-лейтенанта И. Братича и лекаря), которым следовало распорядиться согласно его воле имуществом, состоящим в кредитах и движимом имуществе. В начале документа флагман писал, что он, «Матфей Змаевич родом из Пераста Шляхтич Катгара, в Долмации, кавалер Св. Александра Невского и Адмирал от флота Ея Императорского Величества». Он поручил душеприказчикам реализовать те средства, которыми располагал, заплатить из них тем из близких, кто служил моряку, послать жене для передачи сестре Аннез и дочери Марии — монахиням по кресту с алмазами, а остальные средства вместе с завещанием послать брату, архиепископу Боснии, для наследника [4. Ч. 2. С. 38—46]. Из трех флагов, посланных им на родину, в музее Пераста имеется только один, с Андреевским крестом; два пропали в период наполеоновских войн; завещание Змаевича сохранилось в Задарском архиве, а орден Св. Александра Невского — в Перасте [77. Т. 8. С. 228].

Адмиралтейств-коллегия рассмотрела духовную Змаевича с просьбой похоронить его в католической церкви Москвы и постановила удовлетворить последнюю волю; 5 октября 1735 г. тело с конвоем отправили в Москву [4. Ч. 2. С. 41—42, 46—47]. 8 октября 1735 г. Тавровская контора доносила коллегии, что выдала душеприказчикам жалованье Змаевича. К началу XX в. сведений о могиле вице-адмирала не сохранил даже справочник «Московский некрополь».

ГОРДОН ТОМАС

Шотландец Томас Гордон 1 июня 1717 г. был принят капитан-командором из английских морских офицеров [44. Ч. 1. С. 110]. Племянник Патрика Гордона, он поступил на русскую службу по его рекомендации в Париже, когда Петр I находился в столице Франции [9. Т. 4. С. 250]. Уже весной 1718 г. Гордон выступил в составе флота, находившегося под флагом Петра Михайлова. От Гангута его отправили в крейсерство с отрядом из 6 судов (кораблей «Ревель», «Рига», «Арондель», «Лондон», «Ягудиил» и гукора) [4. Ч. 2. С. 165—166]. Эскадра крейсировала между Оденсхольмом, Дагерордом и Финскими шхерами [44. Ч. 1. С. 110].

Плавание оказалось трудным, на кораблях появилось много больных, и 8 августа 1718 г. Петр писал Гордону с борта корабля «Ингерманланд» от Гангута: «Понеже надлежит вам о состоянии людей, коликое число на корабле вашем обретается, також и о провианте, рапортовать Нас по недельно, а имянно по Субботам. Також солдат и матрозов больных отвезти на берег, и поставить для них парусные палатки, и довольствовать лучшим провиантом и вином, и для надсмотру притом определить одного из младших офицеров, и 10-ти человекам для службы по одному здоровому человеку» [5. Ч. 3. С. 159].

Пробыв в море до глубокой осени, отряд взял несколько призов и возвратился в Кронштадт. Довольный царь 17 января 1719 г. произвел Гордона в шаутбенахты. В 1719 и 1720 гг. флагман командовал арьергардом флота [4. Ч. 2. С. 165—166; 44. Ч. 1. С. 111]. В 1719 г. моряк плавал с флотом к

Аландским островам. Петр в июне 1719 г. собрал совет, чтобы решить, как силами флота принудить шведов к миру, и предложил участникам высказать свои мнения. Томас Гордон 28 июня написал: «Чтоб тех войск, которые есть в Финляндии, посадить на галеры, сколько В.Ц.В. изволите написать и чтоб оные шли вместе с флотом к шведскому берегу, где их высадить. Но понеже я не известен о положении шведских берегов, то не могу назначить места.

Понеже Швеция вообще не плодородна и с трудом можно сыскать провиант, то надлежит, чтобы ссаженные войска не долго были на одном месте. Их можно взять опять на галеры и потом высадить в другом месте. Так надобно поступать во всю кампанию, чем можно привести неприятеля в великой страх.

Флоту надлежит крейсировать, или стоять на одном якоре, так близко, чтобы иметь сношения с войском и не допустить неприятельского флота отрезать наши галеры» [5. Ч. 4. С. 197].

В 1720 г. Томас Гордон командовал эскадрой, зимовавшей в Ревеле. В 1721 г. шаутбенахт привел Кронштадтскую эскадру (6 кораблей, 3 фрегата, 2 гукора) в Ревель [44. Ч. 1. С. 111]. Оставаясь в Ревеле, он попеременно посылал по два корабля для крейсерства между побережьем Финляндии и Оденсхольмом [4. Ч. 2. С. 166]. Моряк выполнял указ царя от 9 июня: «Для осторожности от неприятеля держи на крейсерстве всегда два корабля из Ревельской эскадры, между Финского берега и Оденсгольма, от обоих в виду, и когда от оных крейсеров о неприятеле ведомость получишь, то пошли сюда один корабль из лучших на ходу, поставя на грот стенге красной флаг, и притом палить пушке за пушкой» [5. Ч. 3. С. 295].

16 июня царь предупреждал Гордона: «Ежели случай Мне будет идти в Гельсингфорс с Моим кораблем, тогда как Я поворочу и трижды выстрелю, поди прямо к Варивалдаям» [5. Ч. 3. С. 297].

В августе Гордон принимал участие в примерном морском сражении. 22 октября 1721 г. его произвели в вице-адмиралы; зимой флагман присутствовал в Адмиралтейств-коллегии. В 1722 г. он командовал котлинской эскадрой, плававшей для практики экипажей между Красной Горкой

и Березовыми островами с флагом на корабле «Нептунус»; зимой моряк вновь заседал в Адмиралтейств-коллегии, был назначен презусом комиссии по делу оберцейхмейстера Отто. В 1723 г. Гордон ходил с флотом до Ревеля, откуда привел к Кроншлоту трехпалубные корабли; в походе флагман имел флаг на корабле «Норд Адлер». По возвращении зимой он вновь заседал в коллегии. 7 февраля 1724 г. Гордон был назначен исправлять должность главного командира в Кронштадте, в октябре принял Кронштадтский канал и доки по случаю передачи надзора за работами в ведение Адмиралтейств-коллегии [4. Ч. 2. С. 166; 44. Ч. 1. С. 111].

На погребении Петра I Гордон нес за его гробом Сибирскую корону. 30 ноября 1725 г. его наградили орденом Св. Александра Невского с «красным бантом», в июне командировали на Сестрорецкие заводы для исследования причин стачки рабочих. В 1726 г. моряк ходил в учебное плавание с флотом по Финскому заливу, с октября присутствовал в Адмиралтейств-коллегии [44. Ч. 1. С. 111; 4. Ч. 2. С. 167].

6 мая 1727 г. флагман стал адмиралом, в июле был назначен председателем ревизионной комиссии, посланной на Сестрорецкие заводы для приведения их в должный порядок. 16 ноября флагмана вновь назначили главным командиром в Кронштадте. 26 июня 1729 г. он сменился с должности главного командира. В 1730 г. за отсутствием вице-адмирала Сандерса Гордон временно исполнял должность главного командира в Кронштадте, в феврале 1731 г. был послан депутатом от коллегии на Сестрорецкие заводы для освидетельствования производимых там работ [44. Ч. 1. С. 111].

В плавании 1732 г. Томас Гордон командовал эскадрой из кораблей «Шлотенбург», «Леферм», «Наталия», «Дербент», «Петр II», «Выборг», «Рига», фрегатов «Россия», «Эсперанс», пакетботов «Куриер», «Почталион», «Меркуриус», «Пост-Ваген». По высочайшему повелению вице-адмиралу синего флага следовало идти к Березовым островам, крейсировать между ними и Красной Горкой пять недель и вернуться в Кронштадт. Эскадра выступила 8 июня и вернулась 29 июня. Вскоре моряка вновь выслали в море крейсировать до указа. 4 июля эскадра вышла, 21 августа вернулась и вошла в гавань [4. Ч. 2. С. 167—169].

Очевидно, деятельностью флагмана были довольны. В ноябре 1732 г. Гордон получил в вечное и потомственное владение депутатский дом в Кронштадте. В январе 1733 г. Т. Гордон был назначен главным командиром в Кронштадт и состоял в этой должности до смерти; летом он командовал флотом в плавании до Красной Горки [44. Ч. 1. С. 111].

Крейсирующую эскадру составляли 7 кораблей и 6 фрегатов. Кроме того, для дальнего вояжа были подготовлены корабли «Выборг» и «Рига». Эскадра Гордона ходила до Березовых островов и в августе вернулась к Кронштадту. «Выборг» и «Рига» выходили в Северное море и возвратились в Кронштадт 10 сентября. Вице-адмирал получил замечание: командовавший «Выборгом» капитан Барш дважды не салютовал при прохождении Копенгагена Кронбергской крепости, за что по жалобе датчан получил строгий выговор [4. Ч. 2. С. 169—170].

В августе 1733 г. адмирал ходил для пробы новопостроенных корабля и фрегата, 30 октября был назначен начальником 2-й дивизии и 2-го морского полка [44. Ч. 1. С. 112].

В декабре 1733 г. при разделе флота на две дивизии Адмиралтейств-коллегия поручила 1-ю президенту графу Н.Ф. Головину. Гордон как старший адмирал выступил с возражением, претендуя на командование 1-й дивизией, однако согласился с решением коллегии, которая на основе Морского регламента посчитала президента выше, и принял 2-ю дивизию [4. Ч. 2. С. 170—171].

В следующем году Гордону довелось впервые командовать флотом в событиях исторического значения. 1 февраля 1733 г. скончался король Польши Август II [66. Кн. X. С. 295]. Так как преемником избрали противника России Станислава Лещинского, в Польшу были направлены войска П.П. Ласси, которые вышли к Варшаве. Под их прикрытием осенью 1733 г. избрали королем саксонского курфюрста Августа. Лещинский укрылся в Данциге и ожидал помощи морем. Он располагал в городе более чем 20 000 войск из поляков, шведских и французских добровольцев. Ласси мог использовать только 12 000. Тем не менее он перешел в наступление, взял в январе 1734 г. Торн и 23 февраля осадил Данциг. Однако ни ему, ни прибывшему на помощь Б.Х. Мини-

ху не удалось взять город до весны, когда ожидали прибытия французского флота.

1 апреля в устьях Вислы появился французский фрегат со шведским войском и оружием, но Ласси заставил его уйти в море. Затем пришла французская эскадра, но захват форта Зоммершанц преградил ей проход к гавани Данцига Вексельмюнде. Французы высадили десант, однако не смогли соединиться с поляками и через несколько дней ушли в море. 13 мая французские корабли вновь приблизились и высадили десант (3 батальона, около 4000), который 16 мая атаковал русские укрепления, тогда как поляки ударили в тыл. Обе атаки были отбиты. Однако осаждающие оставались в сложном положении, ибо неприятель мог получать подкрепление морем [28. Т. 1. С. 75, 298; 66. Кн. X. С. 349—350]. Появление русского флота в корне изменило ситуацию.

Для защиты прав саксонского курфюрста на польскую корону в 1734 г. было повелено снарядить весь флот из 14 кораблей (флагманский «Петр I и II») и 8 фрегатов, не считая меньших судов под командованием адмирала Т. Гордона. В его подчинении младшими флагманами состояли вице-адмирал Н.А. Снявин, контр-адмирал М. Госслер [4. Ч. 2. С. 171—173]. 8 мая флот вытянулся на рейд, 12 мая Гордон поднял свой флаг и принял персидского посланника, 14 мая выслал в море эскадру вице-адмирала Снявина, а 15 мая последовал за ним сам с главными силами. На четыре дня флот задержался у Красной Горки, затем продолжил путь и 28 мая прибыл к Пилаве (Пиллау) [4. Ч. 2. С. 181—182]. Выгрузив там артиллерию, эскадра на Данцигском рейде бомбардировала крепость Вексельмюнде и расположенный вблизи лагерь французских войск [44. Ч. 1. С. 112]. Французская эскадра удалилась, оставив войско в Вексельмюнде. Один из их фрегатов сел на мель. Со своей стороны, французы взяли три русских галиота [66. Кн. X. С. 350].

Простояв два дня у крепости, флот приступил к крейсерству перед Данцигом. Заметив французский фрегат на мели перед Динамюнде, Гордон приказал направить 2 бомбардирских корабля, фрегаты «Эсперанс» и «Арондсель» для его захвата, а сам с флотом расположился на якоре [4. Ч. 2. С. 181—182].

3 июня к адмиралу Гордону на флагманский корабль приезжали фельдмаршал граф Миних и саксонские генералы. Два бомбардирских корабля и два фрегата подтянулись к крепости Мюнде, обстреливая ее и французский лагерь до 6 июня. В этот день Гордон со всем флотом снялся, крейсировал пять дней и 11 июня вернулся на якорную стоянку перед Данцигом. 9 июня он вновь отправил два бомбардирских корабля, фрегаты «Эсперанс» и «Арондель» к Висле; они встали на якоря вблизи Мюнде [4. Ч. 2. С. 182]. Французские войска были блокированы в Вексельмюнде и по требованию Миниха 12 июня сдали крепость, 13 июня — крепость Мюнде [66. Кн. X. С. 350]. Свою роль в захвате Мюнде сыграл флот. 15 июня, по случаю взятия крепости, корабли салютовали из пушек. 16 июня на флагманский корабль доставили пленных французов. 17 июня флот снялся с якоря и 2 июля прибыл в Кронштадт [4. Ч. 2. С. 182].

Адмирал возвратился в Кронштадт, вероятно, после получения известия о том, что 20 французских кораблей стоят в Копенгагене. Позднее этот флот захватил остававшийся при Данциге фрегат «Митау» и галиот «Кейземакер» [4. Ч. 2. С. 173]. Но вскоре под руку Августа III перешел и весь Данциг. Станислав Лещинский бежал, переодевшись крестьянином [66. Кн. X. С. 350—351]. 8 июля корабли флота в Кронштадте украсились флагами в честь взятия Данцига. 10 июля Гордон спустил флаг, а на следующий день флот вошел в гавань [4. Ч. 2. С. 182].

С Данцига был взят миллион ефимков в казну императрицы; сверх того 30 000 червонцев жителям следовало заплатить за колокольный звон и еще миллион ефимков, если в четыре дня не представят бежавшего Лещинского. Трофеями стали французский 30-пушечный фрегат «Бриллиант», 14-пушечный гукор, прам, много вооружения и ценностей в крепости [4. Ч. 2. С. 177]. Были освобождены три захваченных русских галиота [44. Ч. 1. С. 111]. Фрегат «Митау» по договору с французским правительством был возвращен датчанами и осенью приведен в Кронштадт [4. Ч. 2. С. 174].

После кампании 1734 г. Гордон оставался главным командиром Кронштадтского порта [4. Ч. 2. С. 185]. В 1736 г. адмирал командовал флотом в плавании до Красной Горки [44. Ч. 1. С. 112].

Последние три года службы Гордон просил у Адмиралтейств-коллегии повышения жалованья, ибо его расходы на представительство как главного командира были выше, чем у других флагманов. В 1739 г. высочайше было повелено прибавить ему тысячу рублей для «торжественных, праздничных и викториальных дней» [4. Ч. 2. С. 185].

Скончался флагман 18 марта 1741 г. в Кронштадте [44. Ч. 1. С. 112]. За 24 года службы в России он не имел никаких нареканий от начальства. В апреле дети адмирала подали в Адмиралтейств-коллегию прошение оставить у них денщиков и караул до возвращения в отечество и выдать жалованье, заслуженное отцом. Коллегия удовлетворила их просьбу [4. Ч. 2. С. 185].

СИВЕРС ПЕТР ИВАНОВИЧ

Петр Иванович Сиверс в истории русского флота был личностью неординарной. Он оказался и опытным моряком, и администратором, по заслугам стал исполнять обязанности президента Адмиралтейств-коллегии. Однако высокое самомнение привело его к конфликтам с другими флагманами и в конце концов — к безвременному прекращению службы.

Датчанин Сиверс был в 1704 г. принят на русскую службу в Амстердаме вице-адмиралом Крюйсом с чином капитана и по приезде в Архангельск послан на Олонецкую верфь. Сам моряк в прошении об отставке (1716 г.) писал, что его пригласил на службу русский посланник в Копенгагене Измайлов. Летом 1705 г. Сиверс командовал шнявой «Дефалк», участвовавшей в обороне Котлина. Осенью Крюйс послал его к государю в Гродно с донесением о состоянии флота. В разговоре с царем Сиверс упомянул о том, что Крюйс «замешкался с разделением разных походов» и не производил экзерциций (маневров) с флотом, что вызвало гнев Петра против вице-адмирала и послужило причиной напряженных отношений между Крюйсом и Сиверсом в дальнейшем [44. Ч. 1. С. 335—336; 48. С. 402].

В 1706 г. Сиверс командовал одним из судов в эскадре вице-адмирала Крюйса, стоявшей у Котлина. В 1707 и 1708 гг. он командовал кораблем «Кроншлот» во флоте адмирала Ф.М. Апраксина у Котлина [44. Ч. 1. С. 336].

В.Н. Берх упомянул, что Сиверс после Балтики служил в Дунайской флотилии [4. Ч. 1. С. 299]. Вероятно, он участво-

вал в Прутском походе и после его неудачи вернулся на Балтику. По расписанию 1712 г. Сиверс командовал бригантиной № 2 и состоял в отряде В. Шельтинга [4. Ч. 1. С. 299]. В том же 1712 г. он заведовал экипажескими делами по Санкт-Петербургскому адмиралтейству [44. Ч. 1. С. 336].

2 мая 1713 г. по расписанию моряка назначили командовать трехмачтовой шнявой. 10 мая Сиверс получил приказ командовать отрядом бригантин в крейсерстве у Гельсингфорса и по возможности измерить глубины в Гельсингфорском устье. Командиром отряда бригантин он крейсировал в Финском заливе и участвовал в Финляндском походе графа Апраксина [44. Ч. 1. С. 336; 48. С. 402]. 8 июня 1713 г. Петр I из шхер между Готландом и Гельзингом писал ему: «Когда сие письмо получишь, оставь 25 или 30 карбасов и пошли оных к Выборгу для приему провианту, а с прочими поди к флоту; и буде меня не застанешь во флоте, то прямо в Петербург со всеми» [5. Ч. 1. С. 139—140].

24 июня Петр I послал Сиверса на пяти бригантинах с офицерами и командами в Ревель для приема прибывших из Англии купленных кораблей («Виктория», «Страфорд», «Британия», «Оксфорд», «Лансдоу») [48. С. 402]. Он приказал ему: «...в данных пунктах Ивану Синявину написано: дабы идти от Ревеля Зюйдом или Зюйд-вестом; однакож ежели такова ветра долго не будет (а вы совсем будете готовы), то по нужде и Вестом подите, ежели опасности от неприятельских кораблей не будет, и в Ревель дойдете морем, то подводы велите распустить. Також еще напоминаем, как возможно скорее назад с кораблями поспешайте» [5. Ч. 2. С. 143—144].

Сиверс из Ревеля 6 июля рапортовал царю: «Доношу Вашему Величеству, что я приехал в Ревель вчерашнего дня во 2-м часу по полудни. А которые со мною были Офицеры и матрозы, спустя 6 часов. И ныне принимаю корабли, и как со всем справлюсь, о том буду Вашему Величеству впредь писать. А до моего приезда на тех кораблях были одни наши караульные; а их Офицеры и люди начали сего дни собирать» [5. Ч. 2. С. 189].

Уже 9 июля капитан сообщал: «Вашего Царского Величества Указ июля от 6 числа получил 8-го в 7 часов после полудни. Доношу Вашему Царскому Величеству, что все корабли у меня приняты и с сего дни со всем будут готовы в

поход, и ежели по Вашего Величества Указу, безопасный поход отсюда иметь не буду, стану ожидать Вашего указа. Июня в 7 день 3 неприятельских корабля пошли отсюда на Кашпервик, и по ведомости там на якоре стоят» [5. Ч. 2. С. 189].

13 июля Сиверс писал царю: «Сего дни получил я от г. Вице-Адмирала, чрез его посланнаго Капитан-Порутчика Трана, указ от Вашего Величества от июля 7 числа, и по тому Вашего Величества указу путь свой направлять готов. Еще доношу Вашему Величеству, г. Вице-Адмирал писал ко мне, что стоит при остров Врангеле» [5. Ч. 2. С. 190].

Командуя кораблем «Виктория», Сиверс выступил с эскадрой из Ревеля и соединился с Крюйсом при острове Врангеле [4. Ч. 1. С. 299—300; 44. Ч. 1. С. 336].

31 июля 1713 г. вместе с Н.А. Синявиным Сиверса назначили помощником адмиралтейского советника А.В. Кикина для постройки транспортных судов. Оба получили предписание царя из Кроншлота:

«1) Тяжки все оснастить которые ныне в Петербурге есть; також и на шняву «Принцес» приготовить весь такелаж.

2) Что надлежит из Ладоги и Олонецкой верфи привезти, то возить нынешним летом до заморозков, пока водяной путь есть как возможно скорее, дабы все было к будущему году готово.

3) Корабли, которые в гавань посланы, разснастить и выгрузить...

5) Чтоб брегантин с Луги реки ежели могут пройти пороги сколько возможно нынешней осени в Петербург привезти и совсем приготовить их для нынешнего осеннего транспорту, також и те 5 бреганин, которые в Нарве, взять в Петербург» [5. Ч. 1. С. 160—161].

В 1713 г. моряк зимовал с эскадрой в Ревеле. В том же году царь для постройки новой ревельской гавани направил своего генерал-адъютанта А. Девиера. В строительстве участвовал и Сиверс. В 1714 г. он вооружил эскадру и поступил в подчинение Шельтингу. 12 июля его послали для промеров в шхерах. По возвращении Сиверс поступил в распоряжение Ф.М. Апраксина и был отправлен 1 августа для доставки трофейных судов в Гельсингфорс [4. Ч. 1. С. 300—301].

В 1714 г. моряк командовал кораблем «Леферм» в плавании флота до Ревеля. 12 июля перед нападением на флот, укрывавшийся в шхерах, царь послал Сиверса со штурманами на бригантине промерить фарватер: «Ехать ему до Гельсингфорса и оттоль к Твермиду и отдав письмо г. Адмиралу и потом искать фарватера корабельного с моря в Барезунд шхерами, везде с великим тщанием к Тверминду и оттоль к Гангуту и ставить бакены, и то иметь в разеуждении (как говорено), что хотя и не гораздо чист оной фарватер будет, то однакож за тем не покидать того дела, но разве ни где проходу кораблем не сыщется, тогда оставить оное; прочее еще что к тому г. Адмирал прикажет, исполняя сие, немедленно возвратиться» [5. Ч. 1. С. 262].

После Гангутского сражения Сиверсу поручили охранять прамы и бомбардирские суда [44. Ч. 1. С. 336]. 1 августа он получил указание, приняв в командование фрегат «Олифант», доставить в Гельсингфорс трофейные суда и пленников [48. С. 403]. Моряк успешно выполнил поручение.

Зимой Сивере состоял командующим флагманом на Котлине. 1 января 1715 г. его произвели в капитан-командоры; командуя кораблем «Леферм», он плавал до Ревеля и крейсировал до Дагерорда [44. Ч. 1. С. 336]. 18 июля, имея на борту генерал-адмирала Ф.М. Апраксина, Сиверс посадил корабль на мель у Наргена. По возвращении на Котлин 2 сентября он вступил в должность командующего флагмана. 21 декабря его послали в Ревель с секретным поручением готовить к походу зимовавшую эскадру [44. Ч. 1. С. 336; 48. С. 403].

В Ревеле до следующей навигации Сиверс наблюдал за постройкой гавани, исполняя обязанности начальника порта. В начале апреля он доложил Апраксину, что флот готов вступить под паруса и вскоре по приказу выступил. В эскадре состояли 9 кораблей и 4 вспомогательных судна; сам Сиверс командовал 60-пушечным кораблем «Екатерина» [4. Ч. 1. С. 302—303].

27 января 1716 г. Сиверс получил секретный указ идти с эскадрой в Копенгаген, избегая встреч с неприятелем, стать в Киеге-бухте и ждать прибытия царя. Так как моряк промедлил с выполнением одного из царских приказов, 7 фев-

раля Петр выразил свое неудовольствие Апраксину замедлением доставки канатов из Санкт-Петербурга и сердито писал: «Ежели бы я ведал, что так будет, лучше бы на себя взял сие дело, по моему надлежит вычесть у Сиверса за это из его жалованья». При помощи генерал-адмирала Сиверс 23 марта подготовил эскадру из 13 кораблей и 19 апреля выступил. Из-за спешки состояние судов оказалось неважное, вскоре на нескольких кораблях появилась течь [48. С. 403].

20 апреля у Наргена эскадра встретила купеческое судно, шкипер которого рассказал, что у Копенгагена находится шведская эскадра. Оставив в море 2 судна, Сиверс с остальными вернулся в Ревель и продолжил ремонт кораблей. 13 мая он писал царю: «Апреля 30 дня от Реск-Гофта к Гданску, послал я до Вашего Величества фрегат «С. Питер», на нем поручика Кушелева с доношением для чего мы с бывшею при мне Шквadroю из пути нашего назад возвратились, ныне же доношу, что со всею тою Шквadroю и с ластовыми судами прибыл к Ревелю благополучно, сего месяца 12 числа в 8-м часу по полудни, и стал на якорях перед гаваном» [5. Ч. 4. С. 45].

14 мая 1716 г. Сиверс рапортовал Апраксину: «Не без печали доношу я Вашему Высокографскому Сиятельству, что прошедшего апреля 28-го числа принуждены мы были идти назад к Ревелю. И присылаю при том Вашему Высокографскому Сиятельству копию от допросу шхипера людям его, которые нам встретились в 4-х милях по сю сторону Борнгольма, и сказывают, что шведский флот близь Копенгагена стоит, в котором случае я собрал всех офицеров, так и генерал-майора Гинтера для совету, который обезсоветили, что идти назад к Ревелю, и с того совету присылаю я до вашего Великографского Сиятельства копию.

Городские корабли больно текут, и по доношении Капитанских принужден я посылать их в гавань с переменою для починки, и обо всем я Его Светлости Князю Александру Даниловичу доносил» [4. Ч. 1. С. 304—305].

23 мая 1716 г. из Алтенау Петр писал Сиверсу: «По получении сего Указа поди немедленно со всеми при вас будущими кораблями по первым указам в Копенгаген. А какое вам есть прикрытие, о том писал к вам Посол наш князь

Долгорукой. Також писано в С. Петербург, чтоб прислать в Ревель корабли «Шлютенбург» и «Москву»; которые сколько возможно матрозами снабди и возьми с собою, ежели оные к вам до сего или при сем указе пришли. Буде же не бывали, не дожидайтесь» [5. Ч. 3. С. 36].

22 июня 1716 г. из Шверина Петр I писал Сиверсу: «По получении сего Указа, конечно в пять часов, поди в море со всеми кораблями и фрегаты, кроме ластовых и амуниционшихип. А бомбардирской, ежели не отстанет от воинских кораблей, возьми с собою. Буде же отстанет, оставь, и как возможно ищи пройти в Копенгаген, понеже Шведский флот в Карлскроне; но хотя и выйдет, то ищите пройти, ежели оный в узком месте, а именно: между Меуна и Тонена, или в Кегебухте не станет, но в большом море будет. Буде же в узком станет месте, или иной какой весьма не возможной случай будет, то в азарт не входи. Прочее дается на искусство ваше и воинской совет. Только весьма нужда сию эскадру требует, чтоб как наискорее быть в Копенгагене. Для чего Мы нарочно послали к вам капитана Румянцова, которому велено быть при вас» [5. Ч. 3. С. 44—45].

30 июня Сиверс получил это повеление, сразу же выступил и 19 июля прибыл к столице Дании [4. Ч. 1. С. 305]. Он соединился с эскадрой Шельтинга. От Копенгагена соединенный флот под штандартом Петра I ходил к Борнхольму [48. С. 403].

24 августа 1716 г. Сиверс писал царю: «Вашему Величеству я надеюсь известен, что все транспортные суда прошли в Копенгаген. При сем доношу Вашему Величеству, что сентября 1-го г. Генерал-Адмирал Гильденлев и Адмирал Норис, были у меня на корабле в совете, в котором положили: понеже воды на корабле мало, и идти ближе к Кегебухте, сутки после того как ветер станет SW. А по оному совету, сего дня оба флота к помянутому месту пошли. А понеже у меня воды мало и Божиею волею бот мой пропал, я понужден был за ними следовать, для запасения воды» [5. Ч. 4. С. 65].

В письме 3 октября Сиверс извинялся перед Апраксиным, что долго не писал, ибо по царской воле крейсировал, пока все транспорты и галеры не прошли в Росток 2 октяб-

ря. Сам Сиверс 21 октября возвратился в Ревель. С его эскадрой прибыли еще 5 кораблей из Архангельска и европейских стран. Так как Шельтинга хватил удар, Сиверс командовал всем флотом [4. Ч. 1. С. 306]. 22 октября он докладывал: «Доношу Вашему Величеству, что вчерашнего числа, к Ревелю с кораблями прибыл в добром здоровьи; а Капитан-Командор Шельтинг тою ночью, как от Борнгольма пошли, занемог, что не говорит. Того ради принужден команду принять. Корабли торговые, также и Вашего Величества, пошли от Ревеля 12 октября, а понеже на море их не видал, то чаю, что они при Данциге.

На пути промеж Готланда и... кап. Небель взял гукор шведской, который ночью подле его попался. На оном было 6 пушек, 6 басов; но оный гукор ночью отлучился на 21 октября. Капитан онаго, который у нас, сказал: что шведский флот в Карлскронс стоит, а которые корабли были у Аланд-Гафа назад пошли в Штокгольм. Сей момент прибыл капитан Бекер на фрегате «Аронделе» и сказал, что корабль «Москва», «Шлютенбург» и амуничные суда, сей день также будут сюда» [5. Ч. 4. С. 76—77].

Буря 9, 10, 13 ноября 1716 г. разрушила вновь построенную часть гавани Ревеля. Многие корабли были разбиты, «Антоний» и «Фортуна» — выброшены на берег и затонули. Сиверс доносил о несчастье в Ревеле Апраксину: «1716-го года ноября 9-го числа вечером, был ветр W до NW, буря жестокая. Ночью ветр NW, также жестокой. Ноября 10-го по утру NW, к полудню NtO и NNO, жестокая беспримерная буря; новую гавань сдвинуло с места и жестоким волнением совершенно разломало. На кораблях учинилось следующее повреждение: на «Екатерине»: сломало галльон, руслени и кранбалку. На «Полтаве»: сломали обе галлерей, бросило на мель и оказалась жестокая течь. На «Перле»: отломило галлерею и кранбалку, да руль вышибло из петель. На «Рафаиле»: переломило бушпорт и блиндарей. На «Михаиле»: отломило руль и боковые галлерей, корабль сей стал на мель и потек очень сильно. На «Селафаиле»: отломило галльон, галлерей и бушпорт, повредило боргоуты и истерло шлюбки в щепу; корабли же «Фортуну» и «Антоний» бросив на мель раздробило совершенно» [4. Ч. 1. С. 307].

23 декабря Сиверсу для ремонта кораблей прислали блок-макера Лукина. 12 января прибыл сам Ф.М. Апраксин. Хотя вина в постройке лежала на строителе Девниере и инженере Гинтере, неприятности появились и у Сиверса [48. С. 403]. А.Д. Меншиков сделал попытку свалить вину на капитан-командора, который прикрепил корабли к поставленным на дно ящикам с камнями, но не поставил на якоря [47. С. 79—80]. Сиверс даже собирался уехать из России и писал генерал-адмиралу в декабре 1716 г.: «В 1704-м году принят я был на службу Его Величества Посланником Измайловым в Копенгагене, с тем условием, что когда пожелаю оставить оную, получу немедленно позволение отправиться в отечество мое. В 1712-м и 1713-м умерли отец мой и мать; оставшиися после них пожитки братья без меня разделить не могут» [4. Ч. 1. С. 308].

Очевидно, отставку его не приняли, ибо в том же декабре Сиверса утвердили главным начальником Ревельского порта [4. Ч. 1. С. 308; 48. С. 403].

В одном из писем к Ф.М. Апраксину Сиверс писал о нужде, намекая на пожалование деревень, ибо в то время царь почти весь Кексгольмский уезд раздал приближенным [4. Ч. 1. С. 308].

В 1717 г., командуя кораблем «Москва» под флагом адмирала Апраксина, Сиверс крейсировал в Балтийском море (с 19 мая по 20 августа между Дагерордом и Гангутом) [48. С. 403].

Генерал-адмирал считал Сиверса хорошим моряком, но с чрезмерным самомнением, что и отметил в письме к Петру I от 17 января 1717 г.: «Всепокорнейше Вашему Величеству доношу, Капитан-Командор Шельтинг от паралича не вовсе выздоровел. Конечно ГОСУДАРЬ надобно на флот доброго командира вновь принять; а Сивере изволишь знать, хотя доброй и не глупой человек, точию боле меры побежден высокою страстию, якоб в ту меру, что без него и обойтись не можно. Других изволишь Ваше Величество всех знать; кому такую великую команду поверить? Разве единому Фон Генту» [4. Ч. 1. С. 309—310].

В 1718 г. Сивере командовал кораблем «Москва», на котором имел флаг адмирал Апраксин. 17 января 1719 г. его произвели в шаутбенахты [44. Ч. 1. С. 337].

17 мая 1719 г. Сиверс докладывал Петру: «По указу Вашего Величества офицеры и люди на корабле «Гангуте» в работу определены. На оном мачты постановлены, ванты наложены, баласту близ половины наложено и руль навешен. Сейчас прибыл к Кроншлоту корабль «Армонд» из Венеции и при нем торншхоут и Голландской флейт, с чем я Вашего Величества нижайше поздравляю» [5. Ч. 4. С. 181].

В 1719 г. Сиверс начальствовал эскадрой корабельного флота, имея флаг на корабле «Гангут»; с 22 мая по 23 августа в эскадре Петра Михайлова он крейсировал в Финском заливе [44. Ч. 1. С. 337; 48. С. 404].

Эскадра крейсировала у Ламеланда. 28 июня 1719 г., высказываясь по решению военного совета о планах действий в кампанию (на основе предложения Петра I), Сиверс писал: «Понеже слышно, что неприятель к сбережению ко Штокгольму фарватер и проход зело укрепил; по чему разумеется, что их намерения только в дефензии. Того ради должно приблизиться со флотом к Аландс-Гафту сколько допустит фарватер, для прикрытия галер, дабы они могли взойти в тамошние шхеры и действовать около Штокгольма» [5. Ч. 4. С. 198].

В последних числах августа флагман получил приказ идти зимовать в Ревель [4. Ч. 1. С. 310]. 23 августа шаутбенахт перешел на корабль «Св. Александр». Он докладывал царю: «Сего числа с флотом Вашего Величества как поровнялся против Рогервика, встретился мне Порутчик граф Николай Головин на гукоре, имеющий путь свой из Ревеля для искания флота. А как вечером я стал в Ревеле на якорь, то он Порутчик рапортовал мне, что послал до Вашего Величества мичмана Ржевского с нужным письмом и сказал: что он оставил Англинской флот в 14 кораблей у Кеге-Бухты, при коих было еще 5 кораблей датских линейных; а у Борнгольма видел 12 кораблей под Шведскими флагами, кои за ним гнались; сего ради отправляю онаго Порутчика до Вашего Величества.

На крьюйс послал я корабли: «Варахаил», «Британию» и «Амстердам»; а Капитан-Командора Фаң-Гофта оставил с 5 кораблями у Дагерорда для провожания призов.

Завтрашнего числа буду держать консилиум и мню с лучшими кораблями стоять у Наргина до указа. Помянутой

Порутчик еще сказал: что подлинно мир заключен между Англиею и Швециею, на таких кондициях, что Шведы уступают Бремен и Верден Курфирсту Ганноверскому за миллион, и что старый трактат промеж Англиею и Швециею подтвержден. И слух такой в Копенгагене был, что Адмирал Норис, дожидает к себе Вице-Адмирала белаго флага с 6-ю кораблями и с двумя бомбардирскими» [5. Ч. 1. С. 225—227].

24 августа 1719 г. Сиверс сообщал Петру I: «Нынешнего дня с г. Генерал-Маиором Фон-Дельдином, Контр-Адмиралом Гордоном, Бригадиром Лесфортом, с Капитан-Командорами Сандерсом, Фан-Гофтом и Полковником Люберасом совет имели: что делать в нынешнем случае? Присудили: корабли, которые починить надобно, ввести в гавань, как и те, кои не ходки под парусами. А с кораблями «Ингерманландом», «Александром», «Нептунусом», «Ревелем», «Екатериною», «Москвою», «Шлютенбургом» и «Марбургом» стоять у Наргина, дабы ежели оный флот (Англинский) подойдет будет, мочно отойти в Кроншлот.

Сего числа прибыл сюда флейт из Амстердама, шкипер сказал, что он в 4 дни из Ельсинора, при Борнгольме видел один Датской гукор; а у Дагерорда фрегат и шняву не ведает какого Государства. Флот Англинской еще до приезда сего, в Варяжское море отправился» [5. Ч. 4. С. 227—228].

31 августа Сиверс сообщал: «Сюда прибыл Капитан порутчик Остесен, который за противною погодою оставил судно в Рогервике; с ним человек от Посла Вашего князя Долгорукого; которой имел к Вашему Величеству письмо, но бросил его в море близь Ламеланда, увидя Шведское судно. Оных посылаю до Вашего Величества сухим путем.

Капитан Порутчик рапортовал, что когда они поехали 15 августа от Копенгагена, то прибыли еще туда 7 Англинских кораблей и вместе с прежними пошли в Балтийское море, и что оные намерены зимовать в Карлскроне» [5. Ч. 4. С. 228].

11 сентября 1719 г. Сивере писал царю, что выходит в море, оставив командовать в Ревеле капитан-командора фан Гофта. 14 сентября он докладывал: «По Указу Вашего Величества сентября 11-го дня по полудни пошел я от Наргина с 8-ю кораблями, и сего числа благополучно к Кроншлоту прибыл и стал на якорь. О введении кораблей в гавань буду ожидать указа Вашего Величества [5. Ч. 4. С. 230]».

По возвращении Сиверс состоял командующим флагманом на Котлине [44. Ч. 1. С. 337]. 31 октября Апраксин приглашал Сиверса с Гордоном прибыть в столицу на свадьбу И.М. Головина непременно ко 2 ноября [4. Ч. 1. С. 310—311].

Весной 1720 г. Сиверс подготовил флот и выслал капитан-командора фан Гофта с несколькими кораблями в крейсерство, однако лед еще покрывал Финский залив. Петр I, узнав об этом, 23 апреля предложил послать искусного капитана на ластовом судне растолкать лед, как то было сделано прошедшей весной [4. Ч. 1. С. 311—312].

23 апреля Сиверс писал: «Всемилоостивейший указ Вашего Величества сего часу получил, и провиантское судно отправлено немедленно. Против всех вех еще лед есть, а здесь к Осту от гавани чисто, сколь далеко видеть можно. Но промеж обеих гаванов и Кроншлота, набило нынешним ветром; однакож надеюсь, что с тишиною понесется сей ночью вон.

При флоте Вашего Величества все милостию божиею в добром здоровьи. Мачты, которые надлежало переменить на кораблях, все переменены и поставлены, все корабли оснащены «Арондель» сего дни килеван и начали баласт грузить, а в Понедельник последний «Вахмейстер» килевать будем; а на прочих кораблях большая часть провианта положена. Подлинное изготовление флота надеюсь окончить в конце предбудущей недели» [5. Ч. 4. С. 251—252].

24 апреля царь, ожидая появления английского флота, указывал шаутбенахту: «О крьюйсерах учинить определение по сему, тотчас когда лед от виду здешнего отойдет:

1-е. Послать три гукора: «Кроншлот» и два что Немцова дела и к тому шведский корабль «Вахмейстера»; а буде мало, то «Армонд» и других меньших прибавить.

2-е. Вышенаписанным судам быть от Гогланда до Варивалдая, в таком разстоянии чтоб друг друга видели марсейли; а первому в добром виду от Гогланда.

3-е. На Гогланд послав бот с офицером и несколькими солдатами, который бы там приготовил три пирамиды на самом верху из сухого дерева, и смотреть только, где флот воинской чей нибудь увидит, то оныя зажечь, а сами ретировались в шхеры, или к Естляндскому берегу.

4-е. А первой крейсер от Гогланда, когда увидит тот огонь, чтобы учинил знак другому флагом на грот-мачте и стрельбою обыкновенною. И тако друг другу, и учинят сигнал к сему порту» [5. Ч. 3. С. 251—252].

30 апреля 1720 г. царь предписал Сиверсу: «По получении сего рогатки плавучия, также и бомы велите изготовить и несколько якорей больших, для держания оных. А где ставить, о том Я сам покажу. В прибавке пушек на батареи, также в делании батарей не ослабевайте» [5. Ч. 3. С. 252].

Сам Сиверс в эту кампанию в море не ходил, отправляя корабли в крейсерство [4. Ч. 1. С. 311—312]. Начальствуя котлинской эскадрой, он заведовал обороной порта от ожидаемого нападения шведского и английского флотов [44. Ч. 1. С. 337]. 25 апреля, осмотрев вооружение на стенках гаваней, Петр I поручил шаутбенахту установить 100 орудий для защиты Купеческой и 80 — Военной гаваней. Сразу же после отъезда царя моряк взялся за дело. Он распорядился расширить батарею в юго-восточном углу Военной гавани, завершить постройку двух батарей у ее восточных ворот; батарею устроили и от ворот до северо-западного угла. Уже 6 мая Сиверс докладывал: «По Указу Вашего Величества боны которые прошлаго года были сделаны, все в торговую гавань введены; также и рогатки сажен с 150, которые на мели стоят.

Батареи с SO угла военной гавани прибавили 10 сажен и пушки поставлены; а достальные 10 сажен, ко вторнику будут готовы. Также обе батареи по обе стороны у ворот к осту готовы, кроме моста.

На NO углу военного гавана зачал подрубать батарею, от ворот до самага угла; понеже оной зело надобно и надеюсь ее окончить в предбудущей неделе. По ныне поставлено по тем батареям 80 пушек, а на торговом гавану 44 пушки.

Маия 2-го числа послал я шняву «Полюкс» проведовать о льде до Березовых островов, и оная вчера воротилась и Порутчик репортовал: что льда и дальше Березовых островов не видел.

Сего 4-го числа пошли в море: гукор «Кроншлот» и оба гукора «Сокол» и «Капор», да корабль «Армонд», которым дал инструкцию против указа Вашего Величества, а Капитан-Порутчика Лебядникова послал я на Гогланд, с такоуж

инструкциею, а «Вахмейстер» и «Арондель» в понедельник выведены будут. Впрочем при флоте милостию Божиею все в добром состоянии.

Всенижайше прошу Ваше Величество, дабы на меня не изволили иметь гневу, что прежде не рапортовал, нас здесь обнадежили тем, что каждый день высокую особу Вашего Величества ожидали» [5. Ч. 4. С. 253—254].

6 и 13 мая Сиверс высылал крейсера между Котлином и Готландом, чтобы выяснить, где находится англо-шведский флот. По особому указу Петра I от 18 мая с гвардии майором Матюшкиным Сиверс заведовал приведением в боевой порядок Кронштадтского порта [48. С. 404].

17 мая Петр указал Сиверсу: «1-е. Вывести корабли «Лесной» и «Гангут» и поставить между Воинскаго гавана и Кроншлота.

2-е. Корабль «Викторию» поставить между Кроншлота и Торгового гавана на шпрингах без баласта, или баласт на канатах, дабы ежели какой несчастливый случай оному случится, дабы вынуть мочно было и тем фарватера не испортить.

3-е. Суды к которым притянул галеры, поставить ныне на место, утвердя якорями. А боны двойныя приготовить половину в Торговом гаване, а другую в Кроншлотском, дабы во время нужды скоро перетянуть было возможно.

4-е. Корабли старые: «Михаил», «Гавриил», «Пернау» приготовить к затоплению, и как будут готовы, то дать мне знать. А ежели в несбытность Мою приход неприятеля будет, то оныя тогда затопить и без Меня, как начерчено.

5-е. О диспозициях воинских и прочих разпорядках, иметь сношение с г. Гвардии Маиором Матюшкиным и делать обще что к пользе.

6-е. Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело.

7-е. Хотя чего здесь и не написано, а может быть к пользе, чинить с совету, как доброму и честному офицеру надлежит, не пропуская никакого удобнаго случая» [5. Ч. 3. С. 253—254].

Один из пунктов указа вошел в историю, а именно: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живо-

та, яко наиглавнейшее дело». Позднее эти слова появились на постаменте памятника Петру I в Кронштадте [54. С. 47].

22 мая Сиверс сообщал: «Доношу Вашему Величеству: корабль «Гангут» и «Лесное» вчера из гавани выведены и на место поставлены. Сего числа положили с общего совету для всякой готовности все пушки прочистить, которые стоят на военном гаване, завтрашнего числа. О чем Вашему Величеству по своей должности всенижайше доношу» [5. Ч. 4. С. 254—255].

16 июня 1720 г. Сиверс писал с Котлина: «Генерал-Маиор Корчмин показывал Указ Вашего Величества, в котором велено поставить вежи в середине фарватера, для лучшего действия во время стрельбы.

Для того положили сего дня из нескольких пушек и гаубиц палить, для поставления вех. О чем я по своей должности Вашему Величеству подданнейше доношу...» [5. Ч. 4. С. 260].

15 июля Сиверс сообщал царю: «...Те корабли, которые Ваше Величество изволили приказать, к выводу будут готовы к 20-му числу, кроме «Севернаго Орла», понеже 16-ти фун. пушки еще не привезены. Ежели Ваше Величество изволите вместо их приказать поставить 12-ти фун. пушки, то можно по моему мнению столько прибавить тягость на среднем деке, сколько есть велика дифиренция против калибров...» [5. Ч. 4. С. 267—268].

17 июля 1720 г. Петр отвечал: «Письма ваши получил, на которые отвечаю: что 16 фунт. пушек здесь нет, того ради поставьте на «Северной Орсл» 12 фунт. с приложением весу, как сами рассуждали. По росписи Капитан-Командора Синявина отпущено; и что не готово, то велите с «Александра» или с «Нептунуса» взять для сего случая на «Норд-Адлер». И исправлять все корабли вместе, дабы не допустить к темным ночам и большим ветрам» [5. Ч. 3].

28 августа 1720 г. Сиверс писал с Котлина: «Доношу Вашему Величеству, три завоеванные фрегата выгружены и в них оставлен самой малой баласт. «Стар-Феникс» 9 футов в воде, как на носу, так и на корме; Французской на корме 14 3/4 фут.

Понеже... ветер стал О, то камели прибыли сюда. Брусья и прочие припасы чем поднимать корабли, положены, и

надеюсь со всем его поднять завтра к половине дня и отправить завозом или буксиром, ежели востр не переменится» [5. Ч. 4. С. 276].

Англо-шведский флот к берегам Котлина так и не подошел. Но, очевидно, труды флагмана по обороне острова царь оценил высоко. Ему были пожалованы во владение кирки Новая и Какис и Березовые острова, вместо данного прежде Курьегоцкого погоста. А в январе 1721 г. Сиверс был назначен членом Адмиралтейств-коллегии [44. Ч. 1. С. 337].

В кампанию 1721 г. Сиверс командовал ревельской эскадрой и крейсировал с 4 июля на корабле «Гангут» у Гангута, затем перешел к Красной Горке, где стоял весь флот. 16 июля по указу Петра до прибытия Меншикова шаутбенахт перешел на его корабль «Фридрихштадт» [4. Ч. 1. С. 312—313; 48. С. 404].

27 июля 1721 г. Петр, готовясь к маневрам флота, приказал Сиверсу: «По получении сего велите сделать по одному флюгеру на каждый корабль разных, дабы каждый можно было видеть из дали и показать».

Мы к вам чаю кончее будем последнего числа сего месяца, чтоб вы были все на якорях к тому числу. Сего числа спускать будем пангалоев корабль, с которого сие пишсм еще на стапеле при выкручении блоков» [5. Ч. 3. С. 301].

3 августа на «Гангуте» Сиверс принимал участие в маневрах, которые Петр проводил в честь герцога Голштинского. Решительно и горячо он отстаивал невиновность своих офицеров, которых царь собирался наказать [48. С. 404].

5 августа 1721 г. Петр I писал Сиверсу: «Корабли «Ингерманланд» и «Екатерина» трсбуют некоторой починки, того ради велено им итти к Кроншлоту с прочими. Будь готов к выходу, когда указ будет» [5. Ч. 3. С. 303].

27 августа царь сообщал Сиверсу: «По получении сего отправте фрегат «Кисксн» к Кроншлоту, да гукор имянуемый «Кроншлот», к Березовым островам, и вели им там быть до указа от меня» [5. Ч. 3. С. 303].

4 сентября царь послал указ к флоту, которым тогда командовал Сиверс; он приказал флоту возвращаться к Кронштадту [4. Ч. 1. С. 312—313]. Северная война кончилась.

22 октября в честь мира со Швецией Сиверса произвели в вице-адмиралы [44. Ч. 1. С. 337]. Его определили в Адми-

ралтейств-коллегию. С этого времени флагман пользовался благоволением царя и генерал-адмирала. Однако с другими членами коллегии он вступал в конфликты. 15 декабря Сиверс направил Апраксину жалобу на неверное поведение в коллегии Крюйса:

«Сиятельнейший Граф.

Высокородный Господин, Господин Генерал Адмирал!
Мой милостивой Государь Патрон Федор Матвеевич.

По отъезде Вашего Высокографского Сиятельства, 12 числа, г. Адмирал Крюйс привел с собою в Государственную Адмиралтейскую Коллегию принятого в службу Его Императорского Величества Вице-Адмирала г. Вильстера, и объявил об нем, что имянным Его Императорского Величества указом повелено помянутому г. Вице-Адмиралу Вильстеру быть в Коллегии как другие господа Вице-Адмиралы. А тогда в Коллегии обретались со мною гг. Шаутбенахт Синявин, Подполковник Норов и Обер-Секретарь Тормасов.

А когда г. Адмирал Крюйс выше упомянутого Вице-Адмирала объявил, паки посадил его возле себя, и заруча некоторой приговор, отдал ему заручить перво; а как я об том ему г. Адмиралу сказал, что сие мне надлежит прежде заручить. Оной г. Адмирал сказал: ему де надлежит заручить прежде; понеже он старший Вице-Адмирал, на что я ответствовал, что по милости Его Императорского Величества Нашего Всемилостивейшего Монарха, пожалованы, Вице-Адмиралы 22-го октября. А именно: Его Светлость Князь Александр Данилович Меншиков, я, г. Гордон в корабельный, г. Змаевич в галерный; и именно нам сказано, кто которого флага. И что потом Вильстер принят в службе Его Императорского Величества, в Вице-Адмиралы.

Но сие г. Адмирал уничтожил, когда г. Вице-Адмирал потом пришел в Коллегию. Он вышеупомянутому г. Вильстеру места давать не велел, о чем оный г. Гордон протестовал.

Однакож в деле Его Императорского Величества, дабы от онаго спору остановки не было, обще положили: дабы помянутому г. Вильстеру сидеть на особливом стуле и дела слушать и советовать. А нам закреплять по-прежнему, ибо он чрез подтверждение г. Адмирала Крюйса после нас заручить не хотел.

Сего ради понужден Ваше Высокографское Сиятельство сим трудить и просить, дабы нам не учинена обида, ибо надеюсь на милость Его Императорского Величества, нашего Всемилостивейшего Монарха, что по высокому своему правослюбию не велит старых своих рабов обидеть и остаюсь Вашего Великографского Сиятельства покорный слуга Р. Сиверс» [4. Ч. 1. С. 313—315].

В письме флагман сказал не все. Как член Адмиралтейств-коллегии, 15 декабря 1721 г. Сиверс вступил в конфликт с К.И. Крюйсом, который признавал старшим членом коллегии вице-адмирала Вильстера, ибо император не дал определенных указаний. Возмущенный решением Крюйса, Сиверс обругал его, порвал подписанные им и Вильстером документы и удалился, уводя с собой остальных членов коллегии (Гордона, Змаевича, Синявина). Не ограничившись этим, Сиверс подал жалобу на Крюйса. Петр помирил всех, назначив Вильстера младшим членом коллегии. Действия Сиверса сошли ему с рук, ибо Ф.М. Апраксин не доложил монарху всех обстоятельств дела [48. С. 404].

В 1723 г. вице-адмирал П.И. Сиверс сидел на веслах ботика, на котором Петр I принимал парад Балтийского флота [24. Т. 1. С. 55].

Петр благоволил Сиверсу, часто брал с собой на Котлин, а 3 ноября 1724 г. назначил там главным командиром. С его назначения установилось название крепости на острове «Кронштадт» [48. С. 405]. До того с 1707 по 1723 г. писали бумаги с Котлина или Кроншлота [4. Ч. 1. С. 315].

На Сиверса как главного командира на Котлине возложили заведование работами по постройке канала и доков [44. Ч. 1. С. 337]. Годом ранее его назначения, 7 октября 1723 г., Петр I организовал торжественную закладку Кронштадтской крепости, ее Центральной крепости в восточной части Котлина [54. С. 54—55]. Частью крепостной ограды являлась стена гавани. Очевидно, Сиверса царь назначил, помня о его предшествующей энергичной деятельности. В ведении главного командира вновь оказалась не только морская, но и строительная деятельность в крепости, которая в 1723—1724 гг. имела на вооружении 388 орудий.

Приходилось бороться и со стихией. 18 сентября и 1 ноября 1724 г. наводнение нанесло крепости значительный

ущерб. В письме Меншикову Сиверс сообщал, что волны подмыли три бастиона и палисад в крепости «Св. Александра», пострадала и Центральная крепость. В результате усиленных работ уже к осени два бастиона Центральной крепости были готовы для установки орудий. Успешно шли и другие работы [54. С. 60—61].

На погребении Петра I Сиверс нес государственный скипетр. Екатерина I милостиво отнеслась к вице-адмиралу. 25 мая 1725 г., в день учреждения ордена Св. Александра Невского, он был им награжден [4. Ч. 1. С. 316].

Императрица, осмотрев 11 и 12 июня Центральную крепость, гавань, госпиталь и суда, сочла их совершенными. Коменданта крепости Порошина она из бригадиров произвела в генерал-майоры. 15 июня в ходе совещания на борту флагманского корабля «Св. Екатерина» было принято решение распределить наличные силы по обороняемым объектам. Контр-адмиралу Н.А. Синаявину был подчинен гарнизон Цитадели, а вице-адмиралу Сиверсу — Военной гавани. В последней находилось более 1000 офицеров, матросов и солдат, 202 орудия [54. С. 60].

Все эти действия были связаны с появлением на Балтийском море английского флота.

В кампанию 1725 г. Сиверс находился в плавании с флотом адмирала Апраксина, имея флаг на корабле «Св. Александр». 8 января 1726 г. за службу ему был пожалован Гидельский погост в Кексгольмском уезде. В начале кампании флагман начальствовал эскадрой, имея флаг на корабле «Св. Екатерина» [44. Ч. 1. С. 337].

6 мая 1727 г. Сиверса произвели в адмиралы (сверх комплекта), 8 июня (после смерти 3 июня К.И. Крюйса) его зачислили в штат адмиралом от синего флага. 14 ноября адмирал стал вице-президентом Адмиралтейств-коллегии, 28 декабря был определен презусом для суда над адмиралом Змаевичем [44. Ч. 1. С. 337—338; 48. С. 405].

1 ноября 1727 г. адмирала назначили вице-президентом Адмиралтейств-коллегии. Так как Ф.М. Апраксин оставался безвыездно в Москве, фактически управление всеми делами флота перешло к Сиверсу. Когда 14 ноября генерал-адмирал скончался, Петр Иванович решительно занял его

место. 2 января 1728 г. он прибыл в Адмиралтейств-коллегию и приказал записать в журнал, что на основании Адмиралтейского Регламента как первый адмирал флота будет заседать на президентском месте и подписываться славяно-русскими литерами; все члены беспрекословно подписались. Следует учесть, что после отъезда в Москву генерал-адмирала Апраксина (1728) Сиверс так держал в руках коллегию, что никто не выступал против его предложений, и фактически он руководил морским ведомством бесконтрольно [4. Ч. 1. С. 318—320].

В 1727 г. Сиверс усиленно занимался постройкой Кронштадтского канала и доков, на что Сенат выделял крупные средства в 1726—1728 гг. [48. С. 405]. По указанию Сиверса «для перевозки к делу Кронштадтского канала плитного камня» были построены подрядным способом 10 шхерботов «казанского» типа [24. Т. 1. С. 174].

30 августа 1727 г. Сиверс оказался важнейшим гостем на именинах А.Д. Меншикова; ни одной более важной персоны не было, ибо звезда светлейшего заходила [47. С. 134].

В летнюю кампанию 1728 г. адмирал плавал четыре недели на фрегате «Россия». Сына Яна Густава в 1728 г. он определил на корабль «Петр I и II» волонтером. В 1729 г. Сиверс начальствовал Кронштадтской эскадрой; имея флаг на корабле «Петр I и II», он ходил к Красной Горке для обучения экипажей. Однако адмирал пробыл в море лишь четыре недели, сдал командование вице-адмиралу Сандерсу и на фрегате «Россия» вернулся в Кронштадт, а оттуда прибыл в столицу и вступил в присутствие Адмиралтейств-коллегии. Второго сына, лейтенанта Карла Сиверса, адмирал в 1729 г. назначил командиром фрегата «Св. Яков», который ходил в качестве пакетбота между Кронштадтом и Любеком [4. Ч. 1. С. 318—319; 44. Ч. 1, 338; 48. С. 405—406].

В 30-е годы возобновилось кораблестроение. По указанию Анны Иоанновны и вице-президента Адмиралтейств-коллегии П.И. Сиверса 21 января 1731 г. заложили первый 66-пушечный корабль и возобновили постройку крупных кораблей, заложенных при Петре II. Возродили и традицию Петровского времени класть по червонцу под форштевень и актерштевень закладываемого судна. Через семь дней в

присутствии Сиверса и Т. Гордона корабельный мастер О. Най заложил корабль «Слава России», спроектированный Д. Масальским [24. Т. 1. С. 180—181].

Сивере серьезно занимался многими вопросами. 13 августа 1731 г. Адмиралтейств-коллегия по его представлению решила заменить бассейн для спуска воды при доках машиной для подъема воды, ибо адмирал подсчитал, что это даст крупную экономию. По его настоянию был издан указ о разведении дубовых лесов в Казанской губернии, приняты постановления об исправлении каторжниками Рогервикского строения и о содержании Навигацкой школы [48. С. 406].

В 1730 г. Сиверс получил из казны заимообразно на постройку дома 5000 рублей, с ежегодным вычетом из жалованья 1000 рублей [44. Ч. 1. С. 338]. Это была последняя награда, которой его удостоили.

Несчастья адмирала начались после воцарения императрицы Анны Иоанновны. Недоброжелатели донесли, что Сиверс не поторопился провести вторичную присягу морских чинов новой самодержице до получения письменного приказа. Кроме того, он сохранил копию «Кондиций» — документа, с помощью которого аристократия хотела ограничить власть Анны Иоанновны [48. С. 406]. Основным недоброжелателем оказался подканцлер граф А.И. Остерман, который в 1731 г. стал вторым членом новоорганизованного Кабинета и обратил особое внимание на флот [4. Ч. 1. С. 320].

В июле 1731 г. Сиверса вызвали срочно в Москву с отчетом. При отъезде обнаружилось, что весь состав Адмиралтейств-коллегии против него. Адмирал, приказав готовить ведомости, заявил, что с ним поедут корабельный мастер Броун и капитан-командор Козлов, десять лет состоявший в коллегии прокурором. Однако ранее послушные члены коллежского заседания (адмирал Гордон, вице-адмирал Снявин, контр-адмирал Дуффус, капитан-командоры Козлов, Кошелев и прокурор Соймонов) выступили против и заявили, что Сиверс может взять, кроме корабельного мастера, только секретаря [4. Ч. 1. С. 320—321]. Адмиралу пришлось подчиниться.

В октябре вслед за возвращением Сиверса из Москвы прибыли ведомости для уточнения. В частности, было ука-

зано, что коллегия требует материалы на те корабли, которые сама признает негодными. Появился вопрос, по какому указу начали строить каменную гавань в Кронштадте. Пришлось отвечать, что постройку Сиверс начал по устному приказу Петра I. Возникали вопросы о правомерности действий президента коллегии. Адмирал еще подлил масла в огонь. После приезда он выступил против производства в чины, которые коллегия произвела за время его отсутствия, считая их незаконными, однако вновь был вынужден отступить перед общим мнением [4. Ч. 1. С. 321—322].

В начале января 1732 г. вышло именно повеление о создании для рассмотрения флотов комиссии из адмиралов Сандерса, Синявина, контр-адмиралов Бредаля, Дмитриева-Мамонова и вызванного из Швеции Н.Ф. Головина. Сиверса в комиссию не включили, что свидетельствовало о шаткости его положения. Однако адмирал продолжал работать и 10 января предложил, чтобы флотские обер-офицеры на свои средства пошили парадные мундиры к 1 февраля, дню тезоименитства императрицы. Коллегия согласилась с предложением [4. Ч. 1. С. 322—323]. Но это было последним заметным делом Сиверса.

В начале февраля двор прибыл в Санкт-Петербург, а 18 февраля Адмиралтейств-коллегия получила указ: «Адмирал Сиверс и дети его отставляются вечно от службы. Жить повелевается им в кексгольмских пожалованных деревнях; а учет разным бывшим у него суммам произвести Прокурору Соймонову и Гвардии Подполковнику князю Шаховскому». Адмиралу следовало оставить Санкт-Петербург в четыре часа [4. Ч. 1. С. 325—327].

Берх отмечал, что во времена управления Сиверса дела Адмиралтейств-коллегии находились в расстройстве, а флот — в жалком состоянии.

Один из сыновей Сиверса был уволен с морской, другой с военной службы. Вице-адмирал Сандерс сменил адмирала в заведовании кронштадтскими строениями. Была организована комиссия для проверки счетов; после ее работы 9 мая 1733 г. последовало именно повеление о взятии в казну недостроенного дома Сиверса за рекой Мьей за казенные долги в 3299 рублей. Дом отдали под Полицмейстер-

скую канцелярию. В.Н. Берх считал, что дом этот стоял напротив дома графа Строганова у Полицейского моста, потому и получившего свое название [4. Ч. 1. С. 325—327].

Восемь лет адмирал прожил в изгнании. Только 9 января 1740 г. он получил разрешение Елизаветы Петровны приехать для лечения в Санкт-Петербург. Скончался П.И. Сиверс в Санкт-Петербурге в декабре 1740 г. [44. Ч. 1. С. 338].

По просьбе жены Сиверса ей были выданы 1200 рублей заслуженного адмиралом жалованья. Елизавета Петровна 10 августа 1744 г. дала Адмиралтейств-коллегии указ: «Жене адмирала Сиверса Софии Елисавете Нумерс и детям ея отдать в вечное владение вместо заслуженного мужем ея жалованья лифляндскую мызу Екзекам и кронштадтский флагманский каменный дом» [48. С. 407]. От правнучки адмирала госпожи Гельмерсен Берх узнал, что сенатор Федор Федорович Сиверс был его внуком, а имение Эйзекюль принадлежало и в начале XIX в. семейству Сиверсов [4. Ч. 1. С. 327—328].

ВИЛЬСТЕР ДАНИИЛ

По пожеланию Петра I иметь нескольких опытных иностранных флагманов 5 июля 1721 г. гамбургский резидент Ветингер принял на службу вице-адмиралом красного флага шведа Вильстера. По бумагам тот служил с отличием на флоте и был произведен в вице-адмиралы за храбрость в сражениях с датским флотом, но в январе 1721 г. по собственному желанию вышел в отставку из шведского флота. По его прибытии в Санкт-Петербург генерал-адмирал Апраксин объявил, что царю угодно платить Вильстеру по шведскому окладу и назначить его в Адмиралтейств-коллегию. 11 декабря 1721 г. адмирал Крюйс объявил коллегии о его назначении. Однако появление Вильстера вызвало споры среди членов коллегии о старшинстве. Вице-адмирал просил считать его старше Сиверса, Гордона и Змаевича, ибо чин он получил ранее и за храбрость. Апраксин же предложил считать старше тех вице-адмиралов, которые были ранее пожалованы на русской службе. Вместе с Вильстером приняли на русскую службу его сыновей Ягана и Карла [4. Ч. 1. С. 341—343; 44. Ч. 1. С. 79].

В 1722 г. Вильстер состоял депутатом от коллегии при вооружении флота, начальствовал экспедицией из трех фрегатов, посланных в Северное море; он надзирал, в отсутствие вице-адмирала К. Крюйса, за морскими строительными работами в Санкт-Петербурге. В январе 1723 г. вице-адмирал был депутатом от коллегии при браковке пеньки, в мае плавал с флотом до Ревеля, имея флаг на корабле «Фридемакер», в июле ходил на корабле «Пантелеймон» для ис-

пытания его мореходных качеств. В августе по недостатку флагманов моряка назначили присутствовать в Адмиралтейств-коллегии [44. Ч. 1. С. 79].

В кампанию 1723 г. Вильстер держал флаг на корабле «Фридемакер». На его корабле находился герцог Голштинский, который был хорошо расположен к вице-адмиралу и часто приглашал его к столу [4. Ч. 1. С. 343].

Осенью 1723 г. Петр I услышал о том, что властелин Мадагаскара намеревается установить отношения с европейскими державами. В.Н. Берх писал, что именно Вильстер после кампании подал императору проект овладения Мадагаскаром. Петр вызвал из Стокгольма командора Ульриха, который уже безуспешно пробовал осуществить экспедицию шведского флота на Мадагаскар [4. Ч. 1. С. 343—344].

После изучения бумаг император дал указ снарядить два фрегата и снабдить их «лучшими людьми». 9 ноября он подготовил письмо «Высокопочтенному королю и владельцу славного острова Мадагаскарского» с поздравлением и предложением наладить торговые отношения. Для переговоров он направил вице-адмирала Вильстера с «некоторыми офицерами» [68. С. 181—182]. Назначенный в ноябре 1723 г. начальником секретной (мадагаскарской) экспедиции, Вильстер получил инструкцию императора, включавшую следующие пункты:

«1) Ехать тебе сюда до Рогервика и тамо на один из фрегатов «Амстердам Галее» или «Дскронде-Ливде» и идти с обоими в назначенный вам вояж.

2) Будучи в вояже, от всех церемоний (как в здешнем море, так и в большем) удаляться под видом торговых кораблей, и лучше вымпеля не иметь; а ежели где необходимая нужда того востребует, а именно, яко например в Зунде и при прочих тому подобных местах, то проходить под флагом воинским и вымпелом капитанским и именем своего капитана, а своего по рангу вашего флага, во оном будучи вояже, как туда, так и назад возвращающемся отнюдь не употреблять; а когда в показанное место прибудете, то свой вам флаг иметь позволяется.

3) Прошед Зунд, править свой курс кругом Шкоции [Шотландии. — *Н.С.*] и Ирландией, а каналом отнюдь не ходить, дабы не дать никому нашего подозрения.

4) Будучи в вояже, никуда в гавани не входить, разве что, паче чаяния, какое несчастье постигнет, от чего боже сохрани, то войти (но и тшиться сколько возможно в таком случае свободных гаваней входить) и, исправя нужнее, паки в вояж вступать немедленно.

5) Когда в назначенное вам место с помощью Божиею прибудете, тогда, имея свой флаг, объявить о себе владеющему королю, что вы имеете от нас к нему комиссию посольства, и верующую нашу грамоту при сем приложенную подайте.

б) А потом всяким образом тшиться, чтоб оного короля склонить к езде в Россию.

7) Когда пройдет Зунд, тогда вам сию инструкцию объявить капитану Мясному [командиру фрегата «Амстердам-Галлей». — *Н.С.*] и капитан-поручику Киселеву [помощник вице-адмирала Вильстера. — *Н.С.*]; а как до показанного вам места дойдете, то комиссию свою исполнить и трактат заключить купно с вышеупомянутыми Мясным и Киселевым» [68. С. 182—183].

Вильстеру были ассигнованы 3000 золотых червонцев на непредвиденные нужды. Экспедиция получала провианта, сколько можно было уместить на фрегатах, на восемь месяцев. Петр дал указания на случай, если в Россию поедет правитель или только его представители. Завершая инструкцию, подписанную 5 декабря 1723 г., император выразил свое доверие вице-адмиралу «как честному и высокоповеренному флагману, и чтоб сие все содержано было в вашем добром секрете» [68. С. 183—184].

Фрегаты в конце декабря вышли из Ревеля в Рогервик (Палдиски), где приняли Вильстера, но вскоре получили повреждения в шторм и 21 декабря вернулись в Ревель. Вильстер вторично выходил в море в январе 1724 г., но вновь возвратился с сильными повреждениями фрегатов [4. Ч. 1. С. 343—344]. Царя беспокоило, как бы не была нарушена тайна похода, и 14 января вице-адмиралу из Адмиралтейств-коллегии было направлено письмо: «Вчерашнего числа получили мы известие от Шаутбенахта Фан-Гофта, чрез нарочного куриера, что фрегаты «Амстердам-Галей» и «Декроде-Ливод», на которых вы с командою своею обретаесь,

по прежнему возвратились к Ревельскому порту с немалым повреждением, и якобы не вводя в гавань исправить невозможно, о чем мы донесли Его Императорскому Величеству, которое несчастье Его Величество изволил принять не в малом соболезновании, и указал к вашей милости ордеровать, чтоб вы изволили сыскать свое здравое рассуждение; ежели оные фрегаты возможно всякою починкою исправить при Рогервике то б идти туда, и тамо управясь в чем надлежит следовать по-прежнему в назначенный вам вояж как возможно наискорее, буде же по рассуждению вашему в оном месте ни по какому образу починки учинить не возможно, то оставя оные фрегаты при Ревеле с капитанами Лоренсом и Мясным, извольте сами ехать на боту или землю (как заблагорассудите) в Рогервик, под тем образом, чтоб при Ревеле никто б вас не сведал, також и по прибытии содержите себя (пока оные фрегаты придут) инкогнито, чтоб и тамо об вас никто не сведал же; понеже ежели при таком продолжении кто сведает, то не малая будет опасность о вашей комиссии, а от нас о починке оных фрегатов послан указ к Шаутбенахту Фан-Гофту, чтоб исполнил тако: ежели в Рогервик пойдете, тоб удовольствовал туда всякими надлежащими к починке припасами и мастеровыми людьми; а буде исправлять при Ревеле, тоб введя оные (ежели того ни по какому образу миновать будет нельзя) в Ревельскую гавань, и как возможно всеми силами починил и к вам отпустил без продолжения времени. Чтож вы изволили в прежнем своем письме упоминать, что Шаутбенахт Фан-Гофт фрегатов ваших не килевал, и за то будет ответствовать он пред военным судом; а что в бытность вашу на оных фрегатах убыло морскаго провианта, то число в дополнку на указанные месяцы, извольте приказать требовать Капитанам своим от Шаутбенахта Фан-Гофта. При сем вашей милости напоминаю, ежели вы данной своей инструкции до ныне Капитану Мясному и Капитан-Поручику сообщать (как о том и в оной вам положено, чтоб объявить им уже прошед Зунд) не изволили, то отнюдь не показывать, но содержать до того времени, пока с помощью Божиею будете в том месте, где им объявление заключено в крепком секрете, и какие меры по сему нашему предложению возмете, о том извольте немедленно к нам ответствовать» [4. Ч. 1. С. 344—346].

Вильстер посчитал повреждения столь серьезными, что предложил заменить фрегаты кораблем «Принц Евгений» и фрегатом «Крюйсер». Царь согласился, однако экспедиция так и не состоялась, ибо стало известно, что попытки завязать контакты с правителем Мадагаскара бесполезны [68. С. 184].

5 февраля 1724 г. в Ревель прибыл шведский генерал-адъютант и капитан-командор Ульрих, который двумя годами ранее с 5 судами был направлен на Мадагаскар. На борту судов были два представителя флибустьеров, товарищество которых существовало на острове. Флибустьеры не нашли поддержки в Англии и обратились за покровительством к Швеции. Ульрих, происходивший из Эстляндии, добился встречи с Петром и рассказал ему о причинах, по которым экспедиция не состоялась. Скорее всего именно рассказ Ульриха заставил императора отказаться от предприятия [68. С. 185—186].

Вероятно, герцог Голштинский, читавший все бумаги об экспедиции, объяснил царю всю эфемерность планов. Фактически все началось с того, что несколько шведов, бежавших из страны по политическим причинам, стали пиратами и побывали на Мадагаскаре. Некто из них, надеясь получить прощение, обещал шведскому королю покорить весь Мадагаскар. Королю идея так понравилась, что он даже не задумался, какими силами можно подчинить большой остров. Он выделил один из лучших фрегатов, который должны были сопровождать три десятка вооруженных купеческих судов. Однако купцы не выставили обещанные суда, а назначенный руководителем экспедиции командор Ульрих своими требованиями разогнал и остальных. Сам же он не решился идти в плавание с единственным фрегатом и вернулся в Швецию [4. Ч. 1. С. 346—348].

Весной 1724 г. экспедицию отменили, а Вильстер получил приказ идти с флотом в крейсерство для практики моряков [4. Ч. 1. С. 346]. Он плавал с тремя кораблями и фрегатом между Красной Горкой и Гаривалдаем, в 1725 г. ходил с флотом генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. В 1726 г. вице-адмирал по поручению коллегии рассматривал составленные экипажмейстером Купером штаты корабельного таке-

лажа. В 1727 г. флагман был назначен адмиралом от белого флага, в июне ему было поручено иметь высшую дирекцию над академиями, а в 1728 г. — исправлять должность директора Морской академии и московской школы [44. Ч. 1. С. 79—80]. До 1729 г. Вильстер присутствовал в коллегии и, сверх того, начальствовал над Морской академией.

26 июня 1729 г. Вильстера назначили главным командиром Кронштадтского порта; он сменил Т. Гордона, направленного в Адмиралтейств-коллегию. Однако уже 17 января 1730 г. «за показанные им уставами и регламентами противности и неисполнения» его сменили с должности главного командира и вытребовали в Санкт-Петербург к следствию [4. Ч. 1. С. 348; 44. Ч. 1. С. 80].

Причиной стала нелюбовь Сиверса, с 1728 г. занимавшего кресло президента Адмиралтейств-коллегии, к Вильстеру. Она началась со дня вступления шведа в коллегию, когда остро встал вопрос о первенстве двух вице-адмиралов. Это чувство не могло исчезнуть позднее, ибо в то время, когда Сиверс был главным командиром Кронштадтского порта, коллегия (членом которой состоял Вильстер) не раз делала ему замечания и выговоры за различные неисправности. Оказавшись во главе Адмиралтейств-коллегии, Сиверс отомстил [4. Ч. 1. С. 348].

27 августа 1729 г. адмирал по возвращении из Кронштадта объявил, что Вильстер не поставил достойный его звания караул. Коллегия запросила Вильстера о причине такого неуважения. Затем Сиверс объявил о том, что вице-адмирал ложно сообщил о недовольстве Голштинского посланника предоставленным ему судном. Вильстер отвечал, что караул не выставил подполковник Кар, а слова посланника слышали многие. Тем не менее Сиверс решил убрать опасного соперника, как ранее сделал это со Змаевичем и Н.А. Синявным. Под его давлением коллегия вынесла следующее определение:

«Поелику Вице-Адмиралом Вильстером показаны многие противности и самовольства, а именно: 1 — не послушал указу отдать каютную посуду в Адмиралтейство; 2 — не отдал должной чести Вице-Президенту; 3 — не отрешил подполковника Кара по указу от обучения экзерцициям; 4 —

отдавал при пароле приказы в противность законов; 5 — не убрал канатов со стоявших в гавани кораблей и 6 — стеснял крестьян, привозивших жизненные припасы. По сему за самовольства сии отрешить его от должности, а на место его определить из Ревеля Вице-Адмирала Сандерса. В Ревель же отправить главным командиром Контр-Адмирала Бредая. Вице-же Адмиралу Вильстеру учинить пункты и велеть по тем пунктам ответствовать Коллегии без всякаго замедления» [4. Ч. 1. С. 350—351].

Затем последовали жалобы от капитан-командора И. Брато, что Вильстер поступил с ним как с капитаном 1-го ранга, от генерал-кригскомиссара из-за того, что вице-адмирал самовольно отпускал служителей в Нарву, Ладогу, Ревель и Дерпт, и от корабельщика Руссея, который требовал 1000 талеров за несправедливое удержание в Кронштадтском порту. Ответы Вильстера Адмиралтейств-коллегия отправила в феврале 1730 г. в Верховный совет и в октябре получила указ Сената, предписавший: дело остановить, 1000 талеров не взыскивать, выдавать вице-адмиралу половинное жалованье [4. Ч. 1. С. 351].

Сиверс предложил коллегии выплатить флагману половинное жалованье со дня отрешения. Так как Вильстер жаловался в Сенат, тот приказал выплачивать полное жалованье до прибытия императрицы в столицу, а затем до окончания следствия выдавать половину [4. Ч. 1. С. 352].

Разумеется, вышеуказанные погрешности, которые всегда есть в службе, не были основной причиной того, что Вильстер оказался под следствием.

21 марта 1732 г. флагман был отдан под военный суд [4. Ч. 1. С. 80]. До конца следствия он не дожил. 25 июня 1732 г. супруга вице-адмирала Кристина сообщила Адмиралтейств-коллегии, что муж умер 21 июня и перед смертью заявил, что желает похорон без церемоний. Так как медлить по летнему жаркому времени было невозможно, решили поступить по воле покойного. На просьбу супруги, поданную в Кабинет, коллегия постановила выдать ей полное жалованье вице-адмирала [4. Ч. 1. С. 352].

Адмирал Крюйс считал Вильстера хорошим моряком и честным человеком. К примеру, когда капитан-командору

Бредалю грозило лишение чина за то, что тот избил капитан-лейтенанта Лоренца и оскорбил Вильстера, бывшего презусом, вице-адмирал подал в коллегия прошение, что он прощает Бредаля; возможно, он повлиял и на Лоренца, который отказался от своих претензий [4. Ч. 1. С. 353]. Тем самым Вильстер сохранил для флота хорошего моряка и будущего флотоводца.

Однако при необходимости Вильстер мог твердо бороться за свои права. Когда в мае 1724 г. на Кронштадтском рейде командир датского фрегата стрелял утреннюю и вечернюю пушку, вице-адмирал настоял, чтобы датчане не дублировали выстрелы его корабля. Коллегия, рассмотрев жалобу из Дании, признала правоту Вильстера [4. Ч. 1. С. 354].

САНДЕРС ТОМАС

Англичанин Сандерс 24 июня 1718 г. поступил в Амстердаме на русскую службу с чином капитан-командора [44. Ч. 1. С. 332]. Петр принял его по рекомендации капитан-командора Томаса Гордона с условием: служить три года с жалованьем 70 рублей в месяц. По документам моряк состоял капитаном английского флота [4. Ч. 1. С. 296].

По прибытии в Россию уже в 1718 г. Сандерс вышел в море. Он командовал отрядом из 5 кораблей в крейсерстве между Оденсхольмом, Дагерордом и Финляндским побережьем, имея брейд-вымпел на корабле «Марльбург». 12 августа, подняв брейд-вымпел на корабле «Ягудиил», он вновь отправился в поход и крейсировал с 6 кораблями между Гангутом и Дагерордом. Зимовал капитан-командор с эскадрой в Ревеле [4. Ч. 1. С. 296—297; 44. Ч. 1. С. 332].

В 1719 г. моряка определили главным командиром Ревельского порта [4. Ч. 1. С. 297]. В кампанию 1719 г. по расписанию его назначили на корабль «Нептунус». В 1721 г., имея брейд-вымпел на корабле «Св. Петр», Сандерс плавал с флотом у Красной Горки и 22 октября был произведен в шаутбенахты. 19 февраля 1722 г. флагман принял временно главную команду на Котлине. Он участвовал в составлении штата «корабельной такелажи», летом крейсировал с флотом между Красной Горкой и Березовыми островами [44. Ч. 1. С. 332].

В 1723 г. весь флот вышел в море. Имея флаг на корабле «Св. Петр», Сандерс ходил с флотом до Ревеля. 11 декабря

его вызвали в Санкт-Петербург для присутствия в Адмиралтейств-коллегии [44. Ч. 1. С. 332]. В 1723 г. шаутбенахт был назначен главным командиром Кронштадтского порта, а в Ревеле его сменил ДUFFУС [4. Ч. 1. С. 297].

В 1724 г., имея флаг на корабле «Св. Петр», Сандерс плывал с Кронштадтской эскадрой у Красной Горки. В июне по сдаче главного командования в Кронштадте вице-адмиралу Гордону он прибыл в Санкт-Петербург [44. Ч. 1. С. 332—333]. 6 августа Сандерс писал (видимо, в ответ на запрос):

«В последствии Вашего Императорскаго Величества повеления, всеуниженно предлагаю резоны, чего ради на всех кораблех, такой длины, ширины и глубины, как ныне строятся у Вашего Величества 60-ти и 70-ти пушек: можно делать по три дека, как на кораблях «Св. Александре» и «Пептунусе».

Сколько я с разными офицерами о сем предмете ни говорил, но никогда более сих трех резонов не слышал:

1. Дым великое беспокойство чинит во время баталии.
2. Командующий офицер не может удобно видеть людей во время баталии.
3. Не может такой корабль так штейф быть.

Резоны сии не весьма основательны и большой важности в себе не заключают, и я всеуниженнейше предлагаю свои.

1. В корабли кои строены о 3-х деках можно помещать больше людей; а особливо солдат с ружьями и гранатами.

2. Такие корабли гораздо удобнее для бордирования, также и для охранения от абордажа; особенно же когда неприятель гоним.

3. Ежели во время бою случится падение мачт, то пушки не вредимы. В моей памяти, что Французы взяли наш корабль «Елисавет» только по тому, что грот-стенъгою завалило дек и пушки не могли действовать.

4. Во время баталии, а особенно абордажа, люди действуют без помешательства от гранат и пуль.

5. Во время жестокаго ветра при насыпке пороха он не свеваается, а от того часто загорались станки и картузы. Я сам видел, что от такого случая 9 человек были сильно ранены.

6. Такие корабли гораздо лучше во время великаго волнения моря; и особливо когда корабль бывает под дрейфом.

7. Имея два дека для поправу, люди умещаются без утеснения; ибо от противнаго случалась не редко моровая язва.

8. Имея такое умещение между деками, тогда нет нужды, чтоб люди жили в трюме.

9. Всякую работу делать, укладывать и убирать на таком корабле лучше, нежели на двух дечном.

10. Сии трех дечные корабли удобнее для килевания» [5. Ч. 4. С. 283—285].

В 1725 г., имея флаг на корабле «Нептунус», Сандерс ходил с флотом до Готланда. 11 марта 1726 г. его назначили на должность главного командира Ревельского порта [44. Ч. 1. С. 333].

6 мая 1727 г. моряка произвели в вице-адмиралы. Имея флаг на корабле «Не тронь меня», он командовал Ревельской эскадрой при переходе из Ревеля в Кронштадт, ходил у Красной Горки для испытания качеств новопостроенных кораблей [44. Ч. 1. С. 333].

В 1727 г. Сандерс был назначен главным командиром в Ревель, а в 1729 г. сменил Вильстера в качестве главного командира Кронштадтского порта [44. Ч. 1. С. 297].

17 января 1730 г. флагмана переместили на должность главного командира в Кронштадт и поручили иметь наблюдение при каналах и доках [44. Ч. 1. С. 333]. После отставки П.И. Сиверса ему были поручены все строительные работы, ранее бывшие под наблюдением опального адмирала. Нередко Сандерс бывал нездоров [4. Ч. 1. С. 297—298].

26 января 1732 г. Сандерс был назначен членом воинской морской комиссии; по сдаче команды ему было велено прибыть в Санкт-Петербург для занятий в комиссии. 25 июля его определили вице-адмиралом от белого флага. Скончался вице-адмирал в декабре 1733 г. в Санкт-Петербурге [44. Ч. 1. С. 333].

Морской историк В.Н. Берх отметил, что не нашел в документах ни доносов, ни жалоб на Сандерса, что свиде-

тельствует о хорошем характере моряка. Любопытно, что он был родственником по жене В.И. Берингу и рекомендовал тому взять в экспедицию А. Чирикова, который служил у него лейтенантом [4. Ч. 1. С. 298].

После смерти шаутбенахта его жене Ефимии Годвиг было выдано сверх заслуженного покойным годовое жалованье, а сыну Матису и дочери Елисавете — сиротское жалованье до их совершеннолетия («до возраста») [4. Ч. 1. С. 298].

ФАН ГОФТ ЯН

Голландец Ян фан Гофт стал одним из первых капитанов кораблей, поступившим на русский флот; через несколько лет добросовестной службы моряк выдвинулся в число первых российских флагманов.

В 1703 г. фан Гофт был принят в капитаны русского флота с жалованьем 25 рублей в месяц. 1 февраля 1704 г. его определили в Воронеж к экипажмейстерским делам. Заведовал ими капитан до 1711 г.; 1 января 1709 г. с ним был заключен контракт на продолжение службы по 30 рублей в месяц [44. Ч. 1. С. 388].

Некоторое время фан Гофт находился в Таврове и после отъезда К.И. Крюйса с Юга был назначен главным командиром Тавровского адмиралтейства. Но в этом качестве он пробыл недолго. По прибытии в Санкт-Петербург Крюйс получил разрешение вызвать на Балтику из Таврова несколько морских офицеров. Среди них оказался и фан Гофт. 8 июня 1711 г. его назначили по-прежнему во флот. В декабре 1711 г. он уже числился командиром бомбардирского корабля [4. Ч. 1. С. 257; 44. Ч. 1. С. 388]. В 1713 г. по расписанию фан Гофт состоял командиром бомбардирского корабля, затем командовал под Выборгом 7 военными и всеми провиантскими судами [44. Ч. 1. С. 388].

В 1714 г. фан Гофт командовал малым кораблем «Св. Антоний де Падуа» в плавании кронштадтской эскадры у Ревеля, в следующем командовал тем же кораблем. По списку 1715 г. он был показан первым капитаном 3-го ранга с жалованьем 31 рубль в месяц и 3 декабря произведен в капита-

ны 1-го ранга. В 1716 г. моряк командовал 70-пушечным кораблем «Москва», в 1717 г. — кораблем «Перл» в плавании флота до Готланда. По возвращении он был послан с двумя кораблями и пинком в крейсерство на Балтику и взял у Аландских шхер военную грузовую шняву «Полукс», за что получил в награду 500 рублей. В сентябре моряк исполнял обязанности командующего флагмана в Ревеле и 1 ноября был произведен в капитан-командоры [4. Ч. 1. С. 257; 44. Ч. 1. С. 388].

Генерал-адмирал Апраксин, получив приказ отправить фан Гофта в крейсерство, послал 22 апреля 1718 г. капитан-командору приказ и инструкцию. В последней он предписал ему с кораблем «Перл» и фрегатом «Самсон» крейсировать между Готландом, курляндским берегом и островом Эзель, искать и брать неприятельские суда и каперов любой нации (кроме французских и голландских), если они окажутся по силам. Корабли «Уриил» и «Рандольф» следовало оставить крейсировать между Дагерордом и Финскими шхерами, а шнявы «Диана» и «Св. Яков» взять с собой и направить к Данцигу в распоряжение Н. Вильбоа. Захваченные суда, железо и смолу следовало присылать в Адмиралтейство, а остальную добычу делить по рангам, не допуская грабежа. Генерал-адмирал предписал находиться в море до указа и соблюдать осторожность, чтобы неприятель не отрезал крейсера от своих баз [39. Ч. 2. С. 268—270].

22 мая 1718 г. Апраксин писал фан Гофту, чтобы тот выделил опытного штурмана на шняву «Наталия», которая была послана для доставки трофейных шведских судов в Санкт-Петербург, и прикрыл их проводку [39. Ч. 2. С. 278].

4 июля 1718 г. Апраксин сообщил фан Гофту, что его письмо от 28 июня и документы с четырех призов получил. Он предписал взятые суда передать капитану Трану, быстрее отремонтировать «Перл» и «Самсон», и сообщал, что в его распоряжение направлены фрегаты «Лансдоу», «Св. Илия» и пинк «Александр» [39. Ч. 2. С. 289—290].

3 августа фан Гофт и Ден докладывали Апраксину с корабля «Перл», что они обнаружили у Готланда шняву и хотели ее взять, однако шведы выдвинули к берегу отряд с артиллерией, когда же «Самсон» приблизился и открыл огонь, сами сожгли шняву [39. Ч. 2. С. 301].

В тот же день Апраксин предписал фан Гофту, пополнив запас воды и присоединив посланные к нему на усиление суда, расширить крейсерство до района между Данцигом, Кенигсбергом, Любеком и Пиллау для захвата неприятельских судов и каперов и продолжать его до глубокой осени. Он рекомендовал зря не рисковать и не приближаться к берегам более чем на два-три пушечных выстрела [39. Ч. 2. С. 301—302].

20 августа капитан Ден рапортовал Апраксину, что 16 августа с «Самсоном» вышел к Пиллау для поиска пинка «Принц Александр», прибыл 18 числа и 19 августа взял гукор со смолой из Кальмара и шхуну с железом из Гефле; комендант Пиллау задержал двух посланных на берег офицеров, однако Ден вышел с двумя призами в море, а письмо передал со встреченными голландскими судами [39. Ч. 2. С. 306—307].

22 августа фан Гофт докладывал Апраксину с борта корабля «Перл», что 16 августа отправил капитан-поручика П. Трезалья в Данциг и капитан-поручика Дена для отыскания капитан-поручика Армитеджа. Ден прибыл в Данциг с двумя призами, но Армитеджа не встретил [39. Ч. 2. С. 309]. 26 августа фан Гофт докладывал, что крейсирует с «Перлом» между Брюстерортом и Гелем, взял ночью оставленное экипажем судно со смолой и железом и привел его в Данциг [39. Ч. 2. С. 311]. 12 сентября генерал-адмирал послал в Данциг офицера доставить оттуда пять призов капитанов Бенса, Дена и фан Гофта (последний взял один из них), и два ката с обмундированием [39. Ч. 2. С. 316]. В сентябре фрегат «Св. Илия» привел в Данциг два ката из Либавы с рожью [39. Ч. 2. С. 317].

23 августа 1718 г. П. Сиверс докладывал царю, что послал 3 корабля в крейсерство, а капитан-командора фан Гофта оставил у Дагерорда для сопровождения призов [5. Ч. 4. С. 226]. 23 сентября фан Гофт рапортовал Апраксину из Ревеля: «К В.С. писал я августа от 26 числа что я взял один приз именуемый «С. Питер»; оный корабль преж сего был из Голландии к Г.Ц.В. с деревьем и оное взято чрез шведов и после того отправлен оный корабль из Швеции в Кенигсберг с железом, смолою густою и жидкою, и на оном служители были все шведские, к которому отправил я шлюпку ночью,

и не доехав до одного судна ранено в одной шлюпке три человека из наших, а когда доехали не застали ни единого человека, но все с одного судна ушли, потом отправил я оное судно к Данцигу. Також поздравлял я Е.Ц.В. и В.С. еще тремя призами, которых я с собою сюда в Ревель привел благополучно. 27-го числа прибыла сюда шкута из Данцига нагруженная купеческим товаром. Сего числа прибыл сюда капитан Стирман на корабле «Михаил Архангел», при нем были идущих три приза и два ката, которые от великой погоды разлучились, и сказал упомянутый капитан, что капитан «Лансдоу» взял шняву шведскую и еще он обретається на рейде у Данцига и при нем корабль «Варахаил» и взятый «С. Питер»; також сказал он что оные суда в скорых чиелах сюда придут» [39. Ч. 2. С. 322].

27 октября фан Гофт докладывал Апраксину, что накануне прибыл Армитедж на «Принце Александре» и что он взял капитан-поручика под арест [39. Ч. 2. С. 326]. Арестован он был приказом генерал-адмирала по жалобе прусского посланника из-за того, что якобы брал приз на рейде Данцига [39. Ч. 2. С. 318—320; 327]. 24 ноября фан Гофт докладывал, что Армитедж и его журнал находятся под «цивильным арестом» капитан-поручика Дена [39. Ч. 2. С. 335].

В 1718 г., командуя отрядом и всеми крейсирующими судами в Балтийском море, фан Гофт имел брейд-вымпел на корабле «Перл» и крейсировал между Готландом, Курляндским берегом и Эзелем; судами его отряда взято 10 призов [44. Ч. 1. С. 388].

19 ноября 1718 г. в письме графу Головкину Апраксин приложил список судов, взятых каперами. На счету фан Гофта было 10, капитана Гея — 1, капитан-поручика Дена — 8, капитан-поручиков Вильбоа и Бенса — соответственно 5 и капитан-поручика Трезая — 2. Из судов Дена одно затонуло у Виндавы, а два отобрали английский флейт и голландский корабль [39. Ч. 2. С. 330—333].

27 апреля 1719 г. фан Гофт писал из Ревеля, что лед отошел к Наргену и начат вывод судов из гавани. Вильбоа продолжал ходить за Наргеном с 4 судами и призом, который взяли в 1718 г. и оставили в Данциге [39. Ч. 2. С. 354].

В мае 1719 г., командуя отрядом из 3 кораблей, 3 фрегатов и пинка, с брейд-вымпелом на корабле «Перл», фан Гофт

крейсировал по Балтике, сделал высадку на Эланде и взял 5 призов [44. Ч. 1. С. 388].

Фан Гофт вышел из Ревеля с 7 кораблями и другими судами 30 апреля [39. Ч. 2. С. 357]. Выйдя с эскадрой и 3 флейтами, моряк за Наргеном распечатал указ генерал-адмирала, которым было предписано поручика Н.Ф. Головина высадить на остров Эланд. Так как ветер не позволил идти к Эланду, совет решил послать фрегаты «Самсон» и «Лансдоу» для захвата крейсеров между Ландсортотом и Готландом, чтобы взять языка с пакетбота. 23 и 24 мая пробовали высадиться на Эланде. Зная, что на море шведы сильны, фан Гофт с фрегатом «Св. Илия» направился к Ревелю. По пути он взял 24 и 25 мая по 2 приза, 28 мая узнал от встреченного пинка капитан-поручика Трезалья о победе Синявина при Эзеле. В ночь на 30 мая фан Гофт прибыл в Ревель и нашел там фрегат «Лансдоу» А. Апраксина. Капитан Ден прибыл 29 мая, и фан Гофт послал его к Синявину с ведомостью о состоянии шведского флота [39. Ч. 2. С. 373].

30 мая фан Гофт писал генерал-адмиралу, что отправив фрегаты в крейсерство 9 мая, он 15 дней дожидался их возвращения, в ночь на 24 мая произвел успешную высадку на Эланде, после чего с фрегатом пошел в Ревель и прибыл с пинком «Александр», фрегатом «Илия», 4 призами и 3 ласковыми судами [39. Ч. 2. С. 373].

Когда стало известно о появлении на Балтике английского флота, 24 августа 1719 г. П. Сиверс докладывал Петру I, что имел совет с командованием (включая фан Гофта). Решали, что делать в сложившемся положении. Постановили корабли, требующие ремонта и неходкие, ввести в гавань, а с остальными стоять у Наргена и при появлении английского флота идти в Кроншлот [5. Ч. 4. С. 227].

Итак, за 1718 и 1719 гг. крейсирования в Балтийском море корабли фан Гофта взяли 10 торговых и несколько военных судов, за что моряк был награжден золотой медалью в 25 червонцев [4. Ч. 1. С. 257—258].

После кампании фан Гофт занимал должность командующего флагмана в Ревеле [44. Ч. 1. С. 388]. 19 сентября 1719 г. Петр писал ему: «По получении сего корабли Голландские пришли к Кроншлоту, как наискорее, разве невозможно будет от неприятеля. Более писать иного не имею, только что

Англичане подлинно со Шведами сделали свое дело, и для того будьте опаснее и крейсеров держите, дабы безвестно не пришли. О сем пространнее писал Я к Маиору Румянцову, советуй с ним обо всем» [5. Ч. 3. С. 220—221].

В следующем, 1720 г., имея брейд-вымпел на «Перле», капитан-командор командовал эскадрой из 7 кораблей и фрегата в Балтике против шведов, но после появления английского флота возвратился в Ревель и оттуда с лучшими кораблями был послан к Котлину [44. Ч. 1. С. 388—389].

Позднее из-за недостатка провианта на флоте в Ревеле капитан-командор был отправлен с 3 кораблями и 2 фрегатами конвоировать транспорты с припасами [4. Ч. 1. С. 258]. 12 июня Петр I писал ему: «Итти со всею командою, для конвою провианта в Ревель, а когда поравняется к Стеншхера, тогда ему ластовые суда оставить, а самому итти, корабль от корабля в виду только марс-зейль, для проведования о неприятеле. И ежели его там нет, то дать сигнал от одного до другого корабля и до ластовых судов, чтоб без потеряния времени шли к Ревелю.

Когда оныя дойдут до Ревеля, тогда ему крейсировать мсжду Рогервиком и Гангутом со своею командою. Буде же увидит у Ревеля неприятеля, то дать другой сигнал, чтоб провиантские корабли шли назад, или в шхеры, а самому возвратиться сюды, а ежели усмотрит, что неприятеля у Ревеля нет, то провиантские суда отпустить по своим местам, один к Гельсингфорсу, а другой к Ревелю. Будежь ветер будет к одному месту противный, а к другому пособной, то отпустить провиантские суда все к одному месту, куда ветер будет способнее» [5. Ч. 3. С. 258—259].

Несмотря на то что шведский флот находился в море (Петр I предупреждал об опасности), фан Гофт благополучно доставил груз до цели, а на обратном пути взял 3 неприятельских судна. Затем он с эскадрой ходил в крейсерство и зимовал в Ревеле [4. Ч. 1. С. 258—259]. Осенью с кораблем «Перл» и фрегатом он крейсировал у Дагерорда [44. Ч. 1. С. 388—389].

В начале 1721 г. фан Гофт получил приказ выступить при первой возможности в море. По списку он располагал 9 кораблями и фрегатами и шнявой. 22 марта Петр I запро-

сил капитан-командора о готовности эскадры: «По получении сей час дай знать: в каком состоянии ваша эскадра, также как скоро мочно будет вам выйти в море. Зело нужно, как возможно чтоб скорее и о всем дайте знать, также кой час лед отойдет из виду, пошлите из меньших судов в Кроншлот, дабы оно как наискорее могло привезть туды ведомость, что фарватер уже очистился» [4. Ч. 1. С. 259; 5. Ч. 3. С. 272].

15 апреля царь поручил фан Гофту направиться в Гельсингфорс и посовещаться с князем М.М. Голицыным, как защитить галеры в Аландсгафе [5. Ч. 3. С. 276]. 20 апреля фан Гофт сообщил, что лед только накануне отошел от стен гавани и начали выводить и вооружать корабли. Капитан-командор намеревался, оставив в Ревеле капитана Шапизо, отправиться на совещание с Голицыным. Однако в следующем письме моряк доложил, что лед не позволил пробиться в Финляндию и 21 апреля пришлось вернуться в Ревель, где уже все корабли были выведены из гавани и готовились к походу [4. Ч. 1. С. 259—262].

25 апреля царь из Риги писал капитан-командору: «Когда пройдет экспедиция, для закрытия эскадрою вашею галерам, тогда подите в море и ищите неприятельских судов, которые вам под мочь будут и с помощью Божиею чинить над оными промысл. А курс иметь вам: перво между Шведскаго берега и Готланда к Аланду, и оттоль ежели возможно будет в вид Борнгольма. А назад между Прусских берегов и Готланда.

Торговых, кроме: Голландских, Англинских и Французских, все берите, которые имеют в Швецию итти, или из Швеции идут; однакож более тщитесь неприятельских достать.

Корабли вашей эскадры я бы желал чтоб все ты взял с собою; однакож которые медленны на ходу и во время нужды за вами поспеть не могут, то лучше их оставить на крьюсе, между Финских берегов и Оденсгольма.

Прочее, что здесь и не написано, а может неприятелю во вред быть, без азарда чините, как доброму морскому офицеру и верному человеку надлежит» [5. Ч. 3. С. 281—282].

В 1721 г. после вскрытия льда фан Гофт на корабле «Перл» с Ревельской эскадрой вышел к Аландам, прикрывая дей-

ствия галер, но появление английского флота заставило его вернуться в Ревель и ограничиться высылкой крейсеров к Дагерорду [44. Ч. 1. С. 262].

Когда появилась опасность, что в Балтийское море вступит английская эскадра, 3 мая 1721 г. царь предупреждал капитан-командора: «Сего дня получили Мы ведомость, что Англинской флот 21 прошлаго месяца пошел в море, и чают его ныне быть в Зунде.

Того ради дальное крейсерство (как тебе в указе писано с Татищевым) оставь и далее Аландс-Гафа, или по нужде, между онаго и Готланда не ходи.

В прочем исполняй по первым указам и имей крайнюю осторожность от Англинского флота, дабы тебя от Ревеля не отрезали. И хотя во время то когдаб тебе надлежало прикрыть эскадру своею галеры, а уведает, что Англинской флот близко: то дав знать об этом Генерал-Лейтенанту Ласси, сам тотчас отставя ту экспедицию поди к Ревелю» [5. Ч. 3. С. 287].

16 июня царь писал фан Гофту: «Понеже Мы отходим отсель, а вы остаетесь с сею эскадрою здесь; то и исполняйте по указам Адмиральским вам данным. Крейсеров держать не гораздо далеко, понеже оныя не ходки, дабы от того не получить какого нещастия» [5. Ч. 3. С. 296].

22 октября 1721 г. в честь окончания Северной войны фан Гофта произвели в шаутбенахты [44. Ч. 1. С. 389]. В том же году царь назначил флагмана главным командиром в Ревельском порту [4. Ч. 1. С. 262].

В 1722 г. фан Гофт командовал Ревельской эскадрой на корабле «Перл», плавал с флотом в Финском заливе, крейсируя между Рогервиком и Дагерордом; плавание его эскадры повторилось и в следующем году, а в ноябре, как командующий флагман в Ревеле, он принимал деятельное участие в приготовлении 2 фрегатов для Мадагаскарской экспедиции. В феврале 1724 г. шаутбенахта перевели в Санкт-Петербург для присутствия в Адмиралтейств-коллегии [44. Ч. 1. С. 389].

В том же году Петр поручил фан Гофту в качестве опыта отправить корабль с товарами в Бордо. Рейс прошел успешно, и после возвращения судна в 1725 г. уже императрица Екатерина I через Ф.М. Апраксина выразила шаутбенахту

свое благоволение. Воспользовавшись случаем, моряк просил выделить место и оказать помощь в постройке дома. Апраксин приказал выдать 1000 рублей из призовых денег. В.Н. Берх отмечал, что даже те моряки, которые брали много неприятельских судов (фан Гофт, Синявин, Бредаль, Головин) редко получали за призы более 1500 рублей [4. Ч. 1. С. 262—263].

Человек спокойный, фан Гофт тем не менее в 1725 г. выступил против предложения генерал-адмирала принять англичанина Парнеля сразу в капитаны 1-го ранга, ибо помнил, что в 1723 г. в подобной ситуации со службы ушли в знак протеста опытные моряки Гриб, Гей, Фалкенберг, Беринг, и лишь последнего удалось уговорить вернуться на службу [4. Ч. 1. С. 265].

В ноябре 1725 г. фан Гофта командировали на Сестрорецкие заводы для описи дел после смерти первого цейхмейстера генерал-майора Отто [4. Ч. 1. С. 264].

Скончался Ян фан Гофт 6 марта 1726 г. [44. Ч. 1. С. 389]. После него остались дочь Гертруда и жена Анна Николаевна, которая в 1726 г. обратилась с просьбой выдать остаток призовых денег и жалованья. Однако за вычетом ранее данной 1000 рублей призовых денег оказалось всего 582 рубля и 450 рублей жалованья за месяц. Сверх того жене был назначен пенсия в 225 рублей [4. Ч. 1. С. 265].

Во флоте числились также фан Гофты Людвиг и Ян, поступившие в 1715 г. [44. Ч. 1. С. 389—390].

ДУФФУС

Лорду Дуффусу, как и многим другим католикам — сторонникам Стюартов, пришлось бежать из Англии. Он долго жил в Швеции, женился на дочери адмирала барона Шеблата [4. Ч. 1. С. 329—330]. Очевидно, после поражения Швеции в Северной войне Дуффус понял, что за российским флотом будущее. 28 апреля 1723 г. под его пером родился интересный документ под названием «Униженнейший мемориал», в котором он предложил генерал-адмиралу Апраксину свою кандидатуру и изложил свои условия:

«Его Великографскому Сиятельству Генерал-Адмиралу, Тайному Советнику, Губернатору, Кавалеру ордена Св. Апостола Андрея и Президенту Адмиралтейств Коллегии Графу Федору Матвеевичу Апраксину.

Вице-Адмирал Гордон словесно объявил Лорду Дуффусу по приказу Его Императорского Величества, что число Флаг-Офицеров, назначеннос ради флотов Его Императорского Величества ныне уже исполнено, и что соизволение есть Его Величества, дабы ведать, на каких терминах и в каком ином характере он желает служить.

На что оный Лорд просит позволения донести Вашему Сиятельству, уповая на протекцию и старание Ваше, что он хочет и обещается отправлять должность Генерал-интенданта флота Его Величества под таким приготвлением, что покамест он будет иметь честь пребыванием в службе Его Величества, дабы на то только время дан ему был удобной дом, ради жития ему с фамилиею; ранг же и определение в жалованье, дабы в равенстве был с Вице-Адмиралами. И понеже

как оный Лорд еще не обучился Российскаго языка, дабы пристойные переводчики ему были определены как будет потребно. Еще же что невозможно содержать регулярного известия и записок всяким случающимся нужным указам в таком великом отпращении без Англинскаго секретаря, чтоб выписать, которому по самой малой мере надлежит определить денежнаго жалованья по 200 рублей на год; и как уже г. Князь Куракин выдал оному Лорду некую сумму денег на истрату в проезд его доселе, так и в прочих он покорнейше полагается на Всемилостивейшее соизволение Его Императорскаго Величества и ...упоает показать совершенное удовольствие в отпращении должности его во оной службе» [4. Ч. 1. С. 330—332].

3 июня 1723 г. на заседании Адмиралтейств-коллегии Апраксин сообщил, что император повелел прибывшего из Англии графа Дуффуса принять шаутбенахтом корабельнаго флота и ему не претендовать на старшинство. В тот же день лорд приступил к работе в присутствии коллегии [4. Ч. 1. С. 332].

Итак, Дуффус из капитанов англійскаго флота был принят на службу шаутбенахтом краснаго флага и назначен присутствовать в Адмиралтейств-коллегии; в 1723 г., имея флаг на корабле «Нептунус», моряк был в плавании флота до Ревеля [44. Ч. 1. С. 142—143]. Так как часть кораблей была оставлена в Ревеле, на корабль Дуффуса перешел герцог Голштинский. Позднее это знакомство помогло моряку выйти из труднаго положения [4. Ч. 1. С. 333].

В январе 1724 г. Дуффус временно исправлял должность главнаго командира в Кронштадте, по случаю отъезда шаутбенахта Сандерса в Выборг, в феврале был назначен главным командиром в Ревель [44. Ч. 1. С. 143]. С этого времени он во всех документах числился лордом Дуффусом [4. Ч. 1. С. 333].

Весной 1724 г. лорду Дуффусу был послан указ, чтобы он подготовил 3 корабля и 3 фрегата и ждал с ними императорскаго повеления на рейде Ревеля [4. Ч. 1. С. 333]. В мае лорд послал письмо Апраксину с жалобами: «Высокороднейший Господин Сиятельнейший Граф Милосерднейший государь Федор Матвеевич.

Сим временем более Вашему Высокографскому Сиятельству к доношению не имею, токмо к известию предьявляю, что корабли ревельской Ешквадры: «Перл», «Рандольф», «Принц Евгений», фрегат «Крейсер» совсем по указу Коллегии вооружены и в готовности. Також и в вояж корабли «Девоншир» и «Эсперанс» и гукор «Кроншлот» исправны. Токмо ж дерзнул сим объявление Вашему Высокографскому Сиятельству предьявить, чего стерпеть не можно. До прибытия моего в Ревель признавал я, что при Ревеле обстоятельства могут быть благоприятны; а ныне как я мог усмотреть великую противность. По ордерам нашим неотправление, от чего мне происходят не малой труд и обида, а имянно: Контролер Бестужев непрестанно подает к нам доношения и протесты не против своей должности и что не надлежит к его правлению, требует от нас по своим прихотям резолюции, а на сочиненную нашу резолюцию посланные к нему ордеры уничтожает; а наипаче к тому письменно плодит, якобы свар со мною хочет иметь; но всего подробно предложить и описать не возможно, из которых его контролерских доношений некоторые подлинные предложил я в Коллегию для рассмотрения; також по доношению капитана Декреонга писано от меня к капитану Трану, дабы прам «Алифант», который стоял на мели и помешательство от его имелось Гаванной и Канальной работам, снял как возможно с мели, и он ответственвал, что ни коими де мерами снять оно не возможно, и я усмотря для лучшего ордеровав другого капитана, дабы оное исполнить как возможно, и он капитан Тран без ордера нашего и не спросясь оный прам разломал и мне в том есть не без обиды; також по указу велено перевести контору в Адмиралтейство в светлицы, которые еще не достроены, и я неоднократно по указам Коллежским к тому Трану ордеры посылал токмо и по ныне оное не исправлено; а служителей оный капитан Тран на другие работы, которые и меньше нужды имеет употребляет, а к строению оных контор рачения не имеет и сие Вашему Высокографскому Сиятельству токмо во известие предьявляю; а что интерес Его Величества и мои ордеры исполнять надеюсь что будут, а ныне излишний труд возпринимают и нас тем утруждают» [4. Ч. 2. С. 334—336].

23 мая Дуффус получил приказ сдать командование в Ревеле капитану Шмидту и идти 1 июня с кораблями «Перл», «Рандольф», «Принц Евгений», фрегатом «Крейсер» на соединение с Кронштадтской эскадрой между Варивалдаем и Красной Горкой и состоять в команде вице-адмирала Вильстера [4. Ч. 1. С. 333—334]. С 7 июня соединенная эскадра крейсировала между Ревелем и Кронштадтом. 11 сентября лорд вернулся в Ревель и принял начальство над портом. По возвращении он благодарил Апраксина за назначение в Ревель, что ему больше оказалось по нраву, чем работа в коллегии. Он просил уволить его на месяц в Стокгольм для решения вопроса о наследстве тестя, адмирала Шеблата. У Дуффуса был сын, которого он сам воспитывал [4. Ч. 1. С. 337].

В 1725 г. как главный командир в Ревеле лорд наблюдал за постройкой каменного маяка на острове Кокшхаре [44. Ч. 1. С. 143]. Адмиралтейств-коллегия благодарила Дуффуса за его успешную достройку [4. Ч. 1. С. 337].

Уже в следующем году Дуффус проявил излишнее благочестие, и его служба в Ревеле неожиданно прервалась. Будучи католиком, Дуффус весной 1726 г. возмутился тем, что знатный эстляндец Фрейтаг не снял шляпу перед католической процессией, и приказал его высечь. Это возмутило все эстляндское дворянство, которое посчитало, что нарушены его права. Жалоба Фрейтага поступила в столицу. 11 марта 1726 г. вследствие жалобы шаутбенахта сменили с должности, отозвали в Санкт-Петербург и отдали под суд. Комиссия Военного суда 18 марта 1726 г. по высочайше утвержденному приговору за битые кошками эстляндского дворянина лишила Дуффуса на полгода чина шаутбенахта, с вычетом на госпиталь трети годового жалованья. Он оставался под арестом и не получал жалованья. 17 июня по данной Верховным тайным советом форме в присутствии коллегии Дуффус просил прощения у депутатов эстляндского шляхетства [4. Ч. 1. С. 338—339].

Лишь благодаря содействию герцога Голштинского и других друзей Екатерина I помиловала Дуффуса и 22 августа издала соответствующий указ: «Понеже шаутбенхт Дюффус, в прегрешении своем от Нас прощение получил, то велите

давать ему прежнее жалованье и отправьте его в Швецию на 2 месяца для взятия жены. Екатерина» [4. Ч. 1. С. 339].

Дуффус получил отпуск в Швецию с сохранением содержания. В декабре 1726 г. он возвратился и присутствовал в Адмиралтейств-коллегии. За четыре года работы в коллегии особо он не отличился, хотя и ездил ежедневно в присутствии. В 1730 г. вице-президент Сиверс командировал его присутствовать в конторе Кронштадтского порта [4. Ч. 1. С. 339—340]. В июне 1727 г. моряк был произведен в шаутбенахты от белого флага, в июле послан Адмиралтейств-коллегией на Сестрорецкие заводы депутатом для приведения их в лучший порядок, в декабре назначен ассессором суда по делу адмирала Змаевича. С 1728 по 1731 г. Дуффус присутствовал в Адмиралтейств-коллегии, 26 января 1732 г. его назначили главным командиром в Кронштадт. Но уже 27 марта из-за болезни он сдал должность [44. Ч. 1. С. 143—144].

В начале 1732 г. Дуффус просил пособие на постройку дома и жалованье за два года; в марте Анна Иоанновна приказала выдать ему в награду 2000 рублей и двухлетнее жалованье [4. Ч. 1. С. 340].

Скончался Дуффус в апреле 1732 г. в Кронштадте. В июне жене Шарлотте по высочайшему повелению была выдана 1000 рублей в награду. В августе императрица повелела отвезти госпожу Дуффус с имуществом на галиоте «Елеонора» в Стокгольм. Галиот благополучно возвратился в конце сентября [4. Ч. 1. С. 340].

МЕНШИКОВ АЛЕКСАНДР ДАНИЛОВИЧ

Биография Меншикова ярка и необычна. Сын дворцового конюха, он начал службу в потешной роте, был замечен молодым Петром и стал денщиком, со временем заменив в качестве друга и доверенного человека умершего Франца Лефорта. Но Алексахка не ограничился личным услужением. Способности позволили ему быстро выдвинуться и отличиться в разных областях деятельности, стать фельдмаршалом, генералиссимусом и адмиралом.

1. Из пирожников — в генерал-губернаторы

Родился Александр Меншиков 6 ноября 1673 г. в Москве или Владимире [71. С. 548]. Скорее всего он был сыном дворцового конюха. По одной из версий парнишка, торговавший пирогами на Красной площади, был замечен Петром и взят в услужение за ум и находчивость. По другим данным, в 1691 г. Меншиков поступил солдатом в потешную роту и потом уже стал денщиком Петра. И.И. Голиков писал, что Меншиков начинал карьеру в услужении у Лефорта с 1686 г., а затем перешел к Петру [47. С. 22]. В 1694 г. он уже был близок к царю и входил в «компанию»; в письме Ф.М. Апраксину 29 августа 1694 г. Петр упоминал его в числе тех, кто посылал привет адресату [47. С. 29]. Смешанный малый вскоре стал доверенным лицом Петра I. Он сопровождал царя в потешных походах, поездках на Плещеево озеро и в Архангельск, в Азовских походах, участвовал в постройке галер в Воронеже перед вторым Азовским походом [24. Т. 1. С. 62; 71. С. 548].

Историк Н.И. Павленко считал на основании множества документов, среди которых ни один не был написан самим Меншиковым, что тот так и не одолел грамоту, хотя и преуспел в различных науках и военном деле [47. С. 24—27]. Начинал обучение будущий адмирал и генералиссимус вместе с Петром как потешный, а затем продолжил образование за границей. Алексашка оказался первым в списке того второго десятка волонтеров — участников Великого посольства 1697—1698 гг., который возглавлял десятник Петр Михайлов. Он вместе с царем строил фрегат на Ост-Индской верфи Амстердама, вместе с ним ездил в Англию, осматривал достопримечательности различных стран, изучал артиллерию, фортификацию, кораблестроение, что весьма расширило кругозор Меншикова, не получившего ранее образования [47. С. 29]. В 1699 г. ему было дано звание корабельного подмастерья [44. Ч. 1. С. 240].

Когда Петр I узнал о стрелецком бунте и быстро из Вены направился в Россию, то наряду с Лефортом и Головиным его сопровождал Меншиков. Он приобрел такое влияние на царя, что один смог успокоить его возмущение против боярина А.С. Шсина за то, что тот поторопился казнить зачинщиков бунта и торговал офицерскими должностями. Петр подверг казни большинство участников мятежа, причем в роли палачей должны были выступить приближенные. В отличие от некоторых, избегавших кровавого дела, Меншиков хвастал, что сам отрубил более 20 голов [47. С. 29—30].

На сметливого Александра царь возлагал хозяйственные обязанности. С 1699 г. Меншиков стал его поверенным и в амурных делах. Он участвовал в Керченском походе, а с началом Северной войны 1700—1721 гг. всюду сопровождал своего господина. В начале 1702 г. по его приказу ездил поздравлять Б.П. Шереметева со званием фельдмаршала и доставил ему орден Св. Андрея Первозванного за победу под Эрестфером, затем в качестве гофмейстера царевича Алексея Петровича сопровождал со свитой царя в Архангельск, участвовал в передвижении судов по «государевой дороге». Осенью того же года Меншиков отличился при взятии Нотебурга, был за храбрость и расторопность произведен в пору-

чики и назначен губернатором взятой крепости, переименованной в Шлиссельбург [71. С. 548; 47. С. 30—31].

Вскоре после того как русские войска весной следующего года взяли крепость Ниеншанц в устье Невы и вышли к Финскому заливу, на взморье вблизи крепости появились 2 судна, отправленные от эскадры шведского адмирала С.Е. Нумерса с грузами для Ниеншанца. Шведы не знали о падении крепости, переименованной в Шлотбург. Петр I решил атаковать эти суда. В предрассветном тумане 7 мая 30 лодок с солдатами, вооруженными ружьями и гранатами, которыми командовали царь и Меншиков, отошли от берега и взяли на abordаж неприятельские суда [42. С. 202]. За взятие галюта «Гедан» и шнявы «Астрильд» Меншиков был пожалован орденом Св. Андрея Первозванного [44. Ч. 1. С. 241]. Петр также разрешил Меншикову содержать на свой счет телохранителей — право, которым не пользовался никто в стране, кроме самого монарха. О первой морской победе Меншиков сообщал сестрам Арсеньевым (одна из которых, Дарья Михайловна, нравилась царскому любимцу): «Против 7 числа господин капитан соизволил ходить и я при нем был же и возвратился не без счастья. 2 корабля неприятельские с знамены и с пушки и со всякими припасы взяли, на первом 10, на другом 8 пушек». Подписал это письмо он полным званием «Шлиссельбургский и Шлотбургский губернатор и кавалер Александр Меншиков» [47. С. 33].

К этому времени царь уже заметил непомерное честолюбие Меншикова. Любимец не стеснялся в расходах и тратил на свои нужды более монарха. Однако Петру нравилась напористость Алексашки. После взятия Ниеншанца поблизости была основана Петропавловская крепость. Постройка одного из шести бастионов крепости была поручена Меншикову. Ему же царь вручил и управление завоеванной территорией. Вблизи крепости был построен небольшой домик Петра, появлялись дома приближенных вельмож, положившие основание Санкт-Петербургу. Крупнейшим из них стал дом петербургского генерал-губернатора А.Д. Меншикова. Правда, его называли Посольским, ибо в нем принимали послов и отмечали празднества. Как ранее Лефорт, так теперь Меншиков организовывал для царя представительскую

сторону дел. В награду он получал земли и деньги, да и сам не терял времени даром, принимая самые разнообразные подношения от тех, кто хотел добиться его расположения [47. С. 34—35].

Как губернатор Санкт-Петербурга Александр Данилович стал управлять всей Ингерманландией. Под его наблюдением оказались и сооружение будущей столицы, и оборона города от нападений шведов. Меншиков руководил также судостроением на Ладожском озере. По его указаниям была построена первая верфь на реке Сясь, основана 24 марта 1703 г. Олонецкая верфь, на которой сразу началась постройка фрегата «Штандарт» и меньших судов [24. Т. 1. С. 93; 44. Ч. 1. С. 241].

27 июля 1703 г. в ответном письме Петру Меншиков оправдывался в том, что царю не понравилось на верфи [5. Ч. 2. С. 24—25]. Зная, что на Олонецкой верфи заложено 7 галер, он писал коменданту Олонецкого уезда И.Я. Яковлеву 1 октября 1703 г., что всего необходимо построить 10 [24. Т. 1. С. 110].

Беспокоился Меншиков и о развитии торговли морем. 12 августа 1703 г. он в ответ на письмо Петра I от 3 августа сообщал, что голландский купец готов 12 судов нагрузить деревянными брусьями, однако эскадра вице-адмирала Нуммерса не пропускает суда из опасения, что их переоборудуют в военные. Шкипер хотел ночью провести хотя бы одно судно, однако в ночь на 12 августа к устью реки Сестры прибыло 6 судов; еще 12 судов пришли в Ревель. Меншиков писал, что в Новгороде уже штурманы, констапели и матросы «все лоцманы и ход совершенно куда надобно знают». Князь сообщил также о захвате шведских штурмана, плотника и матроса, которые под прикрытием голландских судов пытались на шлюпке вести промеры в устье [5. Ч. 2. С. 27—29].

Александр Данилович держал под контролем судостроение на Олонецкой верфи, строившей суда для Балтийского флота. Уже в августе 1703 г. на воду сошел фрегат «Штандарт». Меншиков организовал поиск руд, основал Петровский и Повенецкий заводы, которые стали снабжать корабли рождающегося флота пушками и другими металлически-

ми изделиями. Довольный его успехами царь, занимавшийся судостроением на Юге, подарил любимцу село Слободское под Воронежем и сам составил план небольшой крепости Ораниенбург вблизи села. Когда же весной Петр I прибыл на Балтику, Меншиков принял участие в боевых действиях [47. С. 31—32].

В июле 1704 г. шведские войска безуспешно пытались напасть на Санкт-Петербург с суши и высадить десант на Котлине. Шведский флот не решился прорваться мимо основанной вблизи острова крепости Кроншлот, пушки которой простреливали судоходный фарватер. За оборону Кроншлота и Санкт-Петербурга А.Д. Меншиков получил чин генерал-поручика [47. С. 38]. Головокружительная карьера, если вспомнить, что год назад он был только гвардии поручиком!

В кампанию 1704 г. Меншиков вновь отличился под Нарвой. После того как осада упорно оборонявшейся крепости затянулась, по его совету организовали в виду крепостных стен сражение осаждающих под командованием Меншикова с двумя полками, переодетыми в шведские мундиры, которыми командовал сам Петр. Комендант Нарвы, уверенный в том, что прибыли подкрепления, устроил вылазку, но объединившиеся противники контратаковали и нанесли большие потери отступившему гарнизону [47. С. 34]. Вскоре крепость капитулировала.

Упрочить свое положение Меншикову помогла взятая при штурме Мариенбурга сирота Марта, бывшая в услужении у пастора Глюка. Меншиков в конце 1703 г. отнял ее у фельдмаршала Шереметева и под именем Катерины Трубачевой поселил у себя с сестрой, Анисьей Толстой, и девицами Арсеньевыми. Его отношения с Дарьей Михайловной стали более теплыми [47. С. 36—37]. А Катерина Трубачева, с которой царь познакомился у Меншикова, стала со временем Екатериной I.

В этот период Меншиков был самым близким человеком для Петра I, который требовал, чтобы любимец писал ему чаще и сообщал обо всем, что с ним происходит [47. С. 38]. Но царь замечал, что Алексашка все более становится способен на самостоятельные действия. Вскоре тот оправдал ожидания Петра.

2. Полководец Петра

Карл XII, посчитав Россию побежденной, все свои усилия направил против саксонского курфюрста и короля Речи Посполитой Августа II. В 1704 г. он наконец лишил Августа польской короны и передал ее Станиславу Лещинскому. Петр I, которому важно было, чтобы Карл XII как можно дольше занимался делами в Европе, не мешая ему завоевывать Прибалтику, заключил в Нарве договор с Августом о совместных действиях, предоставил ему субсидии и военную помощь. Осенью в Польшу были направлены двумя соединениями русские полки А.И. Репнина и Б.П. Шереметева. В 1705 г. командование войсками вспомогательного корпуса, посланного на помощь Августу II, царь вручил принятому на русскую службу фельдмаршалу Огильви, а в помощь ему направил командуящего кавалерией А.Д. Меншикова. За энергичные действия против сторонников Станислава Лещинского генерал-поручик получил орден Белого Орла. По настоянию Петра русская дипломатия добилась от австрийского императора для молодого полководца титула графа [47. С. 39].

Награды Меншиков оправдывал новыми успехами. В начале 1706 г. армия Карла XII совершила решительный марш из Силезии к Гродно. Штурмовать сильную крепость король не стал и расположился со своими войсками поблизости. Находившийся в Гродно Меншиков писал царю: «Ваша милость, не извольте беспокоиться: мы здесь совершенно готовы, полки наши сюда собираются и вскоре совсем управимся». Петр I, встревоженный тем, что 40-тысячная армия может быть отрезана, прибыл в окрестности крепости. Фельдмаршал Огильви предлагал дать шведам сражение. Однако царь не согласился с ним. Он приказал Меншикову выехать из города. 28 марта генерал-поручик принял командование войсками, уже выступившими из Гродно. Он выполнил поставленную задачу: утопив тяжелую артиллерию в Немане и избавившись от тяжелых грузов, армия прорвалась без больших потерь и вышла к Киеву, который Меншиков укрепил на случай вторжения неприятеля. Однако Карл XII прекратил преследование и

направился вновь на запад, чтобы заставить Августа II отказаться от польской короны [47. С. 39—41].

Пользуясь затишьем, Меншиков в Киеве торжественно отпраздновал свадьбу с Дарьей Михайловной Арсеньевой. Тем самым он выполнил свою часть взаимных обязательств, которые принял на себя с Петром I. Царь выполнил свою часть обязательства через пять лет, женившись на Екатерине [47. С. 41].

Карл XII, вторгшись в Саксонию, оставил в Польше 8-тысячный отряд генерала Мардефельта. Вскоре после свадьбы Меншиков выступил в поход. Он был уверен в успехе, ибо располагал 20 000 конницы, не считая 3000 калмыков и 4000 казаков. Для подготовки своих войск он в июле утвердил «Артикул краткий» — наставление для обучения драгун военному делу, в котором воспитывал чувство долга и дисциплину у подчиненных следующими строками: «Кто к знамю присягал единожды, у оного и до смерти стоять должен...» За сдачу крепости без нужды, за насилие, мародерство и поджоги полагалась смертная казнь. Встретившись осенью с Августом II, который вел польские и саксонские войска, 11 октября Меншиков, командуя союзными войсками, нанес поражение шведам [47. С. 41—42].

Мардефельт в укрепленном лагере под Калишем располагал 4000 конницы, 3000 пехоты, имел около 20 000 поляков — сторонников Лещинского. Против них Меншиков имел 17 000 драгун и около 15 000 конницы Августа II. Курфюрст был в сложном положении, ибо незадолго до того подписал Альтранштадтский договор с Карлом XII. Избегая разорения Саксонии, он отказывался от польской короны в пользу Станислава Лещинского, разрывал союз с Россией и обещал выплачивать ежемесячно 625 000 рейхсталеров. Чтобы не нарушить договор, он дважды предлагал Мардефельту вовремя отступить, и даже в сражении 18 октября сколько возможно задерживал вступление в бой своих войск. Но решительные действия русских спутали все его расчеты. Поляки были обращены в бегство конницей Меншикова. Шведы устояли, их конница даже потеснила русских драгун и оторвалась от пехоты. Пользуясь моментом, Меншиков спешил несколько эскадронов драгун и атакой конницы с флангов разбил шведскую пехоту, преградив противнику путь отступ-

ления. Большая часть шведов пала на поле боя, 1800 человек с Мардефельтом попали в плен. Русские потери составили только 80 убитых и 320 раненых. Меншиков проявил в сражении и умение, и личную храбрость, которые отметил и Август II в письме Петру I. Сам Меншиков сообщал: «Не в похвальбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радостно было смотреть, как с обеих сторон регулярно бились... И сею преславою щастливою викториею вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват!» Царь, обрадованный первой большой победой, лично нарисовал чертеж трости, украшенной драгоценными камнями и ставшей наградой Меншикову [47. С. 43—45]. Август II подарил победителю Оршу в Литве и Полонну на Волыни; он добился от Меншикова передачи ему шведских пленных для обмена на русских, но вернул их Карлу XII в качестве оправдания [47. С. 46—47].

В том же году за победу при Калише Меншиков первым из россиян получил от австрийского императора диплом князя Священной Римской империи [71. С. 548].

Меншиков рассчитывал использовать победу для успешного развития боевых действий. Однако в конце ноября он узнал и сообщил в столицу об измене Августа II. Оставшись без поддержки союзника, Меншиков отошел к местечку Жолква в 25 верстах севернее Львова. Туда же прибыл Петр I. Попытка подобрать кандидатуру нового короля Польши не увенчалась успехом. Однако на военном совете была принята и потом успешно применена на практике стратегия, которая предусматривала отход по территории Польши. Избегая сражения, следовало наносить противнику ущерб атаками мелких отрядов и уничтожать на пути запасы продовольствия. Когда Карл XII в начале 1708 г. вторгся на русскую землю, конные отряды Меншикова прикрывали отход главных сил и разоряли оставленную местность, заставляя шведов страдать от бескормицы. Генерал-поручик так рисковал жизнью, что Петр по просьбе Дарьи Михайловны просил его беречь себя [47. С. 47].

Александр Данилович отличился в сражениях при Добром 30 августа и Лесном 28 сентября 1708 г. В первом князь способствовал победе решительной атакой конницы во фланг противника. Роль его в сражении при Лесном неясна, но

разгром русскими войсками под командованием самого Петра 16-тысячного корпуса генерала Левенгаупта, который потерял половину состава и весь обоз с припасами для главных сил Карла XII, создал основу Полтавской победы [47. С. 48—49].

Лишившись надежды получить продовольствие, шедший с потерянными обозом, Карл XII решил повернуть на Украину, где гетман Мазепа подготовил ему фураж, пушки и припасы. Царь не подозревал, что гетман — изменник, и отказывался верить поступающим на него доносам. Разоблачить предателя удалось случайно. Когда в октябре 1708 г. Меншиков вызвал гетмана для военного совета, Мазепа заподозрил неладное: сначала притворился умирающим, а затем ускакал и 24 октября прибыл в ставку Карла XII. Светлейший князь, прибывший встретиться с умирающим «добрым человеком», каким он его считал, не застал гетмана ни в Борзне, ни в Батурине. Перехваченное письмо полковника Дмитрия Горленко о соединении сил Мазепы со шведами наконец открыло глаза Меншикову. Он срочно сообщил царю о предательстве, резюмируя: «И тако об нем инако рассуждать не извольте, только что совершенно изменил». Петр, узнав об измене, приказал Меншикову срочно овладеть Батурином — резиденцией Мазепы, в которой гетман сосредоточил запасы для шведов. Задача была опасной: шведы перешли Десну и направлялись к Батурину. Следовало их опередить. Меншиков действовал быстро и решительно. 31 октября он прибыл к Батурину. Защитники крепости, которыми руководил сторонник Мазепы, будучи извещены об измене, просили три дня на размышления. Князь не дал им этих дней: 2 ноября он взял Батурин штурмом. Что мог, генерал-поручик вывез, а остальное предал огню. Обрадованный Петр благодарил победителя и подарил Меншикову в награду принадлежавшее Мазепе село Ивановское с деревнями [47. С. 49—51].

Лишившись собранных в Батурине больших запасов провизии, король был вынужден зимой перемещаться по Украине, чтобы подкормить своих солдат. Большую часть зимы Меншиков также оставался на Украине, при войсках, которые совершали нападения на шведов и истребляли фуражиров. Кроме войск, против захватчиков выступили местные

партизаны. Фактически князь в отсутствие царя командовал войсками, несмотря на то, что главнокомандующим считали фельдмаршала Б.П. Шереметева. Он не раз давал дельные советы Петру и временами предвосхищал его приказы [47. С. 52—53].

За верную службу царь после рождения у Меншикова в феврале 1709 г. сына, названного Лука-Петр, предложил князю выбрать деревню с сотней дворов себе в подарок, но тот избрал деревню из ста пятидесяти дворов. Петр согласился [47. С. 53]. Александр Данилович начинал тот путь безудержного собирательства, который со временем привел его к беде.

После того как шведы осадили Полтаву, Петр 9 мая приказал Меншикову нападением на Опошню отвлечь внимание осаждавших. Но князь еще 7 мая овладел Опошной. В ночь на 15 мая по его приказу 900 человек с грузом свинца и пороха пробрались в Полтаву и усилили ее гарнизон [47. С. 54].

В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. Меншиков сыграл особую роль. Карл XII намеревался силами пехоты овладеть построенными на поле боя редутами, бросить в разрывы между укреплениями конницу и овладеть пушками, а затем соединенными силами разгромить главные русские силы. Однако Меншиков вовремя узнал и сообщил Петру о наступлении шведов. Пехоте не удалось взять редуты, кроме двух передовых; часть шведов отступила в лес. Меншиков во главе кавалерии принудил к сдаче батальоны в лесу, затем разбил резервный корпус, а в генеральном сражении разгромил и заставил отступить шведскую кавалерию. Князь находился в гуще боя, под ним пали три лошади [47. С. 54].

Царь праздновал победу. Только через несколько часов он отправил в погоню войска М.М. Голицына и Боура; позднее он поручил преследование Меншикову. Тот 29 июня прибыл к речке Кобылячке, где шведы попробовали организовать сопротивление, но вскоре продолжили бегство. 30 июня шведы достигли Днепра. Мазепа, а за ним Карл XII с охраной переправились через реку на немногочисленных найденных лодках. Когда к Переволочне прибыл Меншиков с 9000 человек, 16 000 шведов возглавлял генерал Левенгаупт. Несмотря на численное превосходство, Левенгаупт согла-

сился на капитуляцию своих деморализованных войск. Меншиков сообщал в письме супруге, что «бегучего от нас неприятеля здесь мы сего числа настигли и только что сам король и с изменником Мазепою в малых людех уходом спаслись, а достальных шведов всех живьем на окорд в полон побрали, которых будет числом около десяти тысяч, между которыми генерал Левенгоупт и генерал-майор Крейц. Пушки, всю амуницию тоже взяли» [47. С. 55]. Позднее оказалось, что пленных было значительно больше.

Меншиков вновь продемонстрировал в сражении храбрость и решительность. Царь щедро наградил любимца чином фельдмаршала и землями (городами Почеп и Ямполь), после чего Меншиков стал вторым после царя душевладельцем России [47. С. 56]. Наряду с Петром и Шереметевым Меншиков выступил одним из главных участников торжественного празднования Полтавской победы в Москве. Он после царя доложил князю-кесарю Ромодановскому: «Божией милостию и вашею кесарского величества счастием взял я в плен ушедших с Полтавского сражения под Переволочну генерала и рижского губернатора графа Левенгаупта... и 16 275 человек» [47. С. 59].

3. На суше и на море

Подобно Петру, Меншиков по мере возможности занимался и морским делом. 30 мая 1708 г. князь был пожалован за неизвестные заслуги в капитаны флота. 31 мая царь извещал его в письме: «При сем поздравляю вас чином Капитана Морского, который вчера же во флоте вам объявлен, дай Боже, чтоб нам вас по сему чину в действии видеть» [4. Ч. 1. С. 279]. Очевидно, Петр не мог найти лучшей награды любимцу, одерживавшему победы на суше. В 1709 г. Меншиков числился также корабельным мастером [44. Ч. 1. С. 241]. Видимо, потому Петр поручал Александру Даниловичу дела, связанные с пополнением флота.

1 ноября 1710 г. по заказу А.Д. Меншикова в Саардаме (Голландия) заложили фрегат «Самсон»; в 1711 г. Петр писал ему о необходимости заложить на голландских верфях три 60-пушечных корабля [24. Т. 1. С. 129]. 18 апреля 1710 г. царь писал князю из Санкт-Петербурга: «О неготовности прамов зело опасаясь; а что пушек нет, то не задержит; ибо

при Риге есть пушки 18 и 12 фунтовые, которые на прамы возможно поставить; и хотяб один или два прамы с первою водою поспели» [5. Ч. 1. С. 58].

Но все-таки главными для фельдмаршала стали боевые действия на суше. Петр I, недовольный действиями Шереметева, не обеспечившего блокаду Риги, послал Меншикова в Прибалтику. В 1710 г. ему было поручено завоевание Лифляндии, что светлейший князь и осуществил успешно. Весной 1710 г. он появился на театре военных действий. Были взяты важнейшие крепости. Перегородив бревнами и цепями Северную Двину и установив пушки, князь перекрыл пути доставки осажденным в Риге шведам подкреплений и продовольствия. Лишь чума заставила отложить штурм города [47. С. 59].

Вернувшись в 1710 г. в Санкт-Петербург, губернатор продолжал благоустройство любимого детища царя. Петр сам следил за развитием новой столицы, но в его отсутствие главным распорядителем оставался Меншиков. Так случилось и когда зимой 1711 г. Петр отправился в Москву готовить поход на Турцию. Монарх писал князю дружеские письма, ему единственному открывая свои переживания.

11 февраля 1711 г. из Москвы Петр указывал Меншикову: «На Адмиралтейском дворе, буде не будет остановки в городском деле, извольте несколько каменных построить анбаров, над которымиб и приказ или канцелярию Адмиралтейскую для приходу и советов сделать» [5. Ч. 1. С. 81].

13 марта царь из Москвы предлагал светлейшему князю: «Извольте справясь с Шаутбенахтом Боцисом, уведомить нас: новых полугалер сколько он может к весне сделать, и сколько на них 18-ти фунтовых пушек надобно изготовить, ибо ныне такие пушки здесь лить начали; дабы их не налить лишних; к тому ж Мастерам пушечным есть и другие дела.

Также извольте взять у г. Склеяева чертежи Воронежским кораблям, которые ныне заложены вновь 48 и 24-х пушек. Также, буде есть какие и другие чертежи Воронежским кораблям, которые велено делать вновь на Воронеже, и на Середи, и прислать к нам немедленно с нарочным своим посланным» [5. Ч. 1. С. 81—82].

В марте тон писем изменился. Высоких чинов и подарков монарха Меншикову было мало. Имея широкие полно-

мочия, царский любимец не только строил. Он не гнушался принимать подношения и запускать руку в казну. Получив несколько жалоб на стяжания и произвол, Петр I сделал выговор Меншикову. Наиболее серьезным было то, что князь воспользовался трудным положением литовского гетмана Г. Огинского, сторонника сближения России с Польшей, и за бесценок купил староство Езерское. Петр потребовал, чтобы Меншиков вернул земли и не нарушал политические интересы России. Благодаря поддержке Екатерины Алексеевны первую размолвку удалось сгладить, и дружеские отношения восстановились [47. С. 60—61].

Петр продолжал писать Меншикову. 6 апреля из Луцка он указывал: «Лес, когда привезут, вслите закладывать корабль о 60-ти пушках, по тому чертежу, который к Федосея, я покинул исправя» [5. Ч. 1. С. 82].

14 апреля 1711 г. Меншиков сообщал царю, что чертеж корабля, оставленного у Склеява, передан Броуну для подготовки материалов к закладке 60-пушечного корабля; князь запрашивал, закладывать ли его без Петра. Он сообщал также, что заканчивает забивку свай под куртину между бастионами Царским и Нарышкина Петропавловской крепости [5. Ч. 2. С. 103].

20 мая, в пути от Яворова к Ярославлю Польскому, царь писал: «Письмо ваше через Нестерова я получил, на которое отвечаю: благодарствую за извещение тамо благополучному начатию весны и вывода Флота, однакож при том и не без грусти; ибо от обоих флотов лишен. Что же о 60 пушечных кораблях что начинать ли строить. И то начинайте с Божию помощью, но не один (понеже лесу сказывают на три корабля отпущено) ибо лучше вдруг зачать для утерiania времени» [5. Ч. 1. С. 84—85].

Меншиков умилил государя, подарив ему к дню именин (29 июня 1711 г.) купленный за границей фрегат «Самсон». Это был первый корабль Балтийского флота из числа иноземных, вскоре удвоивших русскую морскую силу на Балтике [47. С. 62—63].

Потерпев поражение на Пруте и подписав невыгодный мир, царь не потерял решимости. Теперь следовало отыграться за неудачу на Севере. Одной из основных сил Петр признавал гребной флот, способный действовать у неприятеля.

тельских берегов. 17 июля 1711 г. он указал Меншикову: «В бытность нашу в Петербурге положено сделать Брегантинов у Риги 50, у Пернова 10, на Луге реке 20, чего ради и леса заготовливать велено; и за турецкою войною отложили, и ныне паки во оныя места извольте не медленно послать (подмастерьев Гаврилу Меншикова и прочих кому досуг), и велеть им конечное на толикое число Брегантин лесов изготовить в нынешнюю осень, ежели не на все изготовлены. И понеже на Луге и у Пернова леса на указанное число Брегантинов надемся, что все готовы; того для прикажите там делать.

Такоже заготовленные леса вверх по Двине реке велите к Риге согнать, и когда будут пригнаны, то прикажите и там немедленно закладывать. Чего для с Воронежа велели мы Мастеров еще к вам прислать» [5. Ч. 1. С. 85—86].

28 июля Петр писал с Днестра: «Извольте трудиться о Брегантинах, дабы у Риги, у Пернова и на Луге по первому определению указанное число как наискорее закладывали и делали, дабы к будущей кампании успели; будежь все невозможно, то сколько успеют сделать» [5. Ч. 1. С. 87—88]. 26 августа 1711 г. Меншиков писал Сенату в Москву об указе Петра построить к кампании 1712 г. 200 бригантин [24. Ч. 1. С. 157]. 27 октября 1711 г., в ответ на царское послание от 1-го числа, князь сообщал, что послал указания о подготовке подвод для переезда царя от Мемеля до Риги, обещал трудиться по заготовке леса для 3 кораблей и сена для войск [5. Ч. 2. С. 113].

В 1712 г. Меншиков имел морской чин капитан-командора [44. Ч. 1. С. 241]. 29 октября он из Санкт-Петербурга сообщал, что неприятельские корабли стоят против Выборга вблизи устья. Посланному в Выборг поручику Лейну было приказано оборудовать 2 брандера, а генералу Брюсу предписано ночью пустить эти брандеры для сожжения неприятельских кораблей. Однако иностранные офицеры все отказались участвовать в рискованном предприятии и предпочли отставку. Атаку брандеров осуществить не удалось. Меншиков обещал судить галерного подпоручика Вентуру и других офицеров-отказчиков. Он сообщал, что на Луге и Ижоре готовят лес для постройки бригантин, и докладывал, что бомбардирское судно «Тартана» и 2 шнявы нельзя ввес-

ти с моря, а корабль из устья Свири не удалось провести через мель, и его придется направить на зимовку в Черную речку, Свирь или Волхов, для чего послан Кикин [5. Ч. 2. С. 113—116].

Продолжая доверять Меншикову, Петр в 1712 г. направил его командовать русскими полками в Померании, куда отошли шведские войска. Союзные войска Августа II и Дании из-за разногласий действовали медленно. Меншикову, известному решительностью и способностями, следовало их активизировать. Князь и сам еще в 1711 г. стремился в бой, но получил отповедь царя, что еще будет такая возможность. В письмах датскому королю и Августу II Петр I отмечал свое доверие к полководцу [47. С. 63—64].

Меншиков выехал из Петербурга 2 марта 1712 г. и двигался к цели медленнее, чем хотелось царю. Медлительность он оправдывал как приступами геморроя, так и необходимостью организовать снабжение войск. Весной и летом он сообщал о недостатке провизии и в одном из писем писал: «В провианте какая здесь нужда, о том надеюсь, что вашей милости уже известно. А ныне она от часу умножастца, а наипаче под Стральзунтом, где уже кореньем питатца начинают». Петр одобрил его старания. Русские войска вместе с датскими и саксонскими осадили Штеттин и Штальзунд. Однако датчане не доставили осадную артиллерию. Без нее активные действия пришлось перенести на следующий год. Но Меншиков, несмотря на письма супруги, оставался при армии [47. С. 64—65].

Шведы сами перешли в наступление. В декабре 1712 г. генерал Стенбок направился из Померании в Мекленбург. Расположенные там датско-саксонские войска, несмотря на неоднократные предложения Петра избегать боя и дожидаться прихода русских, вступили в сражение при Гадебуше и потерпели поражение от меньших сил Стенбока; шведам досталась вся датская артиллерия и 4000 пленных [47. С. 67].

Меншиков, получив приказ Петра атаковать неприятеля, если сам он не успеет прибыть, к сражению при Гадебуше не поспел. Однако уже в январе шведов оттеснили в Фридрихштадт. К крепости, окруженной болотами, вели лишь две дамбы. Союзники сочли попытку взять крепость бесполезной, и Петр решил брать ее своими силами. Сам он с

пехотой наступал по одной дамбе, а Меншиков с конницей — по другой. Шведы, не ожидавшие нападения, побросали в воду пушки и бежали в Тоннинген. Царь, возвратившись в Россию, поручил осаду Тоннингена Меншикову. Тот тесно блокировал крепость с суши, а датский флот — с моря. Датчане захватили 15 судов с хлебом и обмундированием. Оставшийся без снабжения Стенбок, корпус которого лишился 4000 человек от болезней, прибыл в ставку Меншикова для переговоров. Он надеялся добиться почетных условий капитуляции, но по настоянию князя шведы сложили оружие и знамена [47. С. 67—68].

В ходе осады союзные войска проявили мало энергии, задерживали доставку артиллерии и фуража. Посему Меншиков решил идти из Померании в Россию, но получил царский приказ задержаться до сентября. Князь попытался активизировать совместные действия против Штеттина, однако столкнулся с тем, что союзники спорили о том, кто будет до окончания войны владеть Штеттином, и не торопились помогать осаде. Лишь после того как к крепости подошла саксонская артиллерия и открыла огонь, уже через день, 17 сентября, Штеттин капитулировал. Меншикову пришлось решить сложный вопрос: кому передать город? В конце концов он передал Штеттин в секвестр Пруссии, а часть остальных земель — Голштинии, и с войсками направился в Россию. Недовольный решением Меншикова король Дании Фредерик IV обвинил его в том, что тот вел переговоры втайне от датчан, что отводом войск он лишает союзника помощи. Однако при ближайшем рассмотрении Петр одобрил почти все действия фельдмаршала [47. С. 69—73].

4. Вновь генерал-губернатор

После осады Штеттина Меншиков не участвовал в боевых действиях на суше. С 1714 г. жестокая болезнь легких заставила его отказаться от походов. В частности, князь сокрушался, что не мог участвовать в Гангутском сражении. Однако, несмотря на болезнь, он много гулял и пировал. В частности, в день рождения 6 ноября 1715 г. Меншиков так напился на пиру, что потерял орден с бриллиантами и был вынужден объявить награду тому, кто его найдет [47. С. 73—74].

Однако Меншиков и работал много. 29 мая 1714 г. Петр из Биорке-Зунда дал светлейшему князю разнообразные задания:

«1-е. Как наискоряе трудиться леса корабельные, кои на Ладогге и кои разбросало озеро, привести сюда, ибо за тем у Козенса два корабля и у Склеяева один стоит без дела.

2-е. Новые корабельные леса, кои будут чтоб также труд приложить их сюда скорее поставить и ежели они так в Ладоггу рано придут, как прошлаго года пришли, а в Ладогге не будет остановки, то могут конечно в Августе здесь стать, и еслиб так сделалось, тоб еще можно два корабля новых сделать к будущей кампании, в чем также надлежит крепкое старание иметь, яко о главном деле.

3-е. Руския бригадины, которыя деланы на Луге, препроводить сюда работниками, также и впредь что в Адмиралтейских делах будет вам предлагать г. Кикин, и в том сколько возможно чинить вспоможение.

4-е. Лес на гавань подряженной и к тому дополнить, чтоб было всего лесу 100 т. бревен, и оной перевозить сим летом на Котлин остров.

5-е. Каменья Шведами наготовить сколько возможно много, чтоб зимою дело гаванное не стало за тем.

6-е. Мастеров шлюзных, которых Савва Рагузинский выписал, как приедут придать доброго человека и послать на Вытегру, для подлинного осмотра шлюзам, также и что Корчмин сказывал меж Волховым и Невою. С темиж мастерами будет и огородник, которого послать в Стрелину мызу, чтоб начертил огород по тамошней ситуации.

7-е. Огород в Петергофе чтоб отделать ныне, также лесу изготовить столько, чтоб клетками можно было от хором до берегу по обе стороны каналу спустить зимою и камня приготовить» [5. Ч. 1. С. 223—224].

8 июня 1714 г. Петр сообщал Меншикову, что прибыл к Готланду с флотом и остановился из-за противного ветра. Английский шкипер Давид Прем сообщил ему, что видел западнсе Наргена 10 неприятельских кораблей, от которых ему удалось уйти, но несколько английских торговых судов шведы задержали. У Борнхельма шкипер заметил 12 линейных кораблей и 3 фрегата датского флота и с ними русские корабли «Леферм», «Самсон» и «Городской». Царь предло-

жил Меншикову чаще напоминать сенаторам об отправке продовольствия в Финляндию и не забывать о заготовке леса [5. Ч. 1. С. 236—237].

12 июня царь писал Меншикову, что накануне флот благополучно пришел в Ревель; на три дня ранее его прибыли «Леферм» и «Самсон». Петр писал: «...теперь с помощью Божиею прибыло к нам 6 кораблей, 7-й «Перло» в наших же руках; дай Боже милость свою, пытаться можно» [5. Ч. 1. С. 238].

8 июля 1714 г. из Ревеля Петр писал Меншикову в ответ на его письмо, что огорчен нехваткой нужного леса для постройки кораблей, но надеялся, что князь «промыслит» все необходимое, чтобы к осени спустить корабли и к следующей кампании достроить их у Котлина [5. Ч. 1. С. 259].

4 августа 1714 г. царь, сообщая о Гангутском прорыве, требовал спешной доставки хлеба в Гельсингфорс и напоминал о приготовлении леса на скампавеи [5. Ч. 1. С. 268—269].

Губернатор столичной области сделал немало для укрепления Санкт-Петербурга, заботился о снабжении армии и флота всем необходимым. Есть его заслуга и в том, что удалось взять и удержать Финляндию как козырь на переговорах о мире. В частности, летом 1714 г. он организовал отправку в Финляндию муки, снарядил полк для осады Нейшлота, занимался расквартированием и снабжением армии, вернувшейся из Померании. Ему же досталась организация торжеств в честь победы при Гангуте, которые проходили в Санкт-Петербурге. Пир был организован во дворце светлейшего [47. С. 76—78].

С 1714 г. Меншиков управлял Ингерманландией и Прибалтикой, но в 1715 г. оказался под следствием из-за финансовых злоупотреблений. Он был повинен в поставках продовольствия казне в 1710—1714 гг. по завышенным ценам, с использованием подставных лиц. К этим махинациям были причастны Ф.М. Апраксин, канцлер Г.И. Головкин, А.В. Кикин, Н.А. Синявин. Все они подверглись тому или иному наказанию по решению суда, принятому в декабре 1714 г. От Меншикова царь потребовал возвратить всю излишнюю прибыль и заплатить штраф; ему предстояло вернуть казне около 145 000 рублей [47. С. 93—94].

Вторично Меншиков попал под следствие уже по обвинению в казнокрадстве — использовании государственных средств на личные нужды. С него требовали отчет на сумму свыше миллиона рублей. Часть денег он вернул, часть своему любимцу простил царь. Прекратить следствие он не захотел, чтобы померить алчность Меншикова. Князь умело затягивал следствие, которое продолжалось десять лет, а после смерти царя снял с себя все начеты [47. С. 94—98].

Теперь чаще светлейшему князю приходилось вступать на палубу корабля. Капитан-командор Меншиков летом 1715 г., подняв брейд-вымпел на корабле «Шлиссельбург», ходил с флотом к Ревелю (Таллину) [44. Ч. 1. С. 241]. В журнале князя Щербатова записано, что в июне 1715 г. к Рогервику прибыли английская и французская эскадры. 21 августа царь с иностранными флагманами обедал на корабле Меншикова [4. Ч. 1. С. 280].

В 1716 г. царь, отправляясь за границу, поручил Меншикову охранять столицу, благоустраивать город. Однако первые три месяца князь провел в Ревеле, где не удавалось построить новую гавань. Он руководил сооружением гавани и в отсутствие генерал-адмирала готовил парусный и гребной флоты к кампании 1716 г. 12 февраля 1716 г. его произвели в шаутбенахты [44. Ч. 1. С. 241].

14 февраля 1716 г. Меншиков писал царю о трудностях при постройке цитадели в Ревеле, ибо грунт выталкивал забитые сваи, и пришлось прибегнуть к постройке основы из ящиков, заполненных камнями [5. Ч. 4. С. 8—9]. 16 февраля он сообщал, что так как сваи вбить не удалось, то по совету с Апраксиным было решено цитадель и батарею поставить в 407 сажнях от берега по обе стороны гавани, а расстояние между ними прикрыть прамом [5. Ч. 4. С. 9—10]. 23 февраля Меншиков докладывал об успешной постройке цитадели, батареи и гавани. Проверка стрельбой показала, что подход к гавани хорошо прикрыт от атаки с моря. Три корабля килевали, а на остальные начали погрузку [5. Ч. 4. С. 10—11]. 2 марта 1716 г. шаутбенахт сообщил, что, несмотря на шторм с 23 на 24 февраля, работы успешно продолжены, корабли после ремонта стоят под погрузкой, и на них осталось лишь поднять стены [5. Ч. 4. С. 21—22]. Закончив в марте работы, Меншиков вернулся в столицу, чтобы наблюдать за по-

стройкой царских дворцов в Петергофе и на Котлине [47. С. 78—79].

Кораблестроение также оставалось за князем. 18 марта 1716 г. Петр писал ему: «Я чаю, что уже Броунов корабль отделан, того для прошу дабы труд приложили Мой корабль скорее таким же образом как Броунов делать, дабы в год мог отделан быть с сего времени» [5. Ч. 3. С. 33].

21 марта 1716 г. Меншиков докладывал, что гаванная работа продвигается успешно; подробности он передавал царю через кабинет-секретаря А.В. Макарова. В эти дни князь собирался ехать в Санкт-Петербург заботиться о постройках на Котлине и в Петергофе [5. Ч. 4. С. 27—28]. 26 апреля из Санкт-Петербурга он сообщал, что в Ревеле построено уже 18 амбаров по четыре сажени. Батарейю против цитадели он намеревался следующей зимой замкнуть и сделать так, чтобы к ней был проход по суше. У старой же батарее на берегу должен был стоять прам. Князь обещал заняться подготовкой ластовых судов к приходу англо-голландского конвоя [5. Ч. 4. С. 35—36].

Об этом конвое в письме от 5 апреля писал из Данцига царь, который предлагал Меншикову приготовить ластовые суда (каты, флейты, красры, шмаки, буера и корабль «Пернов»), чтобы воспользоваться удобным моментом и вместе с конвоем отправить на судах все необходимое для войск в Копенгагене.

Так как шведы не пропустили к Копенгагену Ревельскую эскадру, следовало в Ревель отправить корабельные припасы, провизию и одежду для матросов, ибо генерал-адъютант Девиер сообщал, что матросы и солдаты в Копенгагене и зимующие на Балтике «все наги и босы».

В этом же письме Петр приказывал послать в Ревель корабли «Москва» и «Шлотенбург», чтобы они были в готовности к походу; на них следовало отправить сколько возможно матросов, чтобы со временем довести экипажи до 350—400 человек. Он полагал, что к Петербургу шведы не пойдут «за недосугом здешним» [5. Ч. 3. С. 37—39].

В апреле 1716 г. Меншиков принял главное командование над Кронштадтской эскадрой, заведовал всеми адмиралтейскими делами и постройкой адмиралтейской кре-

пости в Санкт-Петербурге [44. Ч. 1. С. 241]. В отсутствие царя и генерал-адмирала он стал ответственным за подготовку эскадры, которой предстояло действовать совместно с датской и английской против шведов. Князь отправлял корабли в море, давал указания строить галеры и малые гребные суда, закладывая линейные корабли, и обо всем писал Петру. Он также занимался строительством в Петергофе, на Котлине, сооружением канала вокруг Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Царь был благодарен князю за труды [47. С. 80—81].

4 мая 1716 г. Меншиков сообщал, что спущены 6 галер, и выразил надежду, что к кампании будут спущены и остальные, то есть всего будет 20 галер, включая 5 в Риге. Он жаловался, что из-за сильного ледохода строительство на берегу невозможно, докладывал о ходе постройки кораблей и о многом другом, за что был ответственным, сообщал, что постройки нового Кроншлота на длине 120 саженей подняты на высоту 5 футов от воды, идут работы на Ивановской батарес, в гавани, на канале и т.п. [5. Ч. 4. С. 38—42].

29 мая 1716 г. Петр советовался с Меншиковым: «Ежели мало судов будет в Ростокс, то мне припало на ум: что ежели дорого нанять в Любеке, не можноль с ними договориться, чтоб они дали судов; а у нас товарами взяли, где похотят. К тому же можно им и то объявить: что мы им всегда для торгов будем надобны и можем всегда им доброхотствовать, ежели они в сем нужном случае нам помогут. О чем сей доноситель будет вам говорить, прошу дабы исполнено было. Также дай знать: где наши Галеры? и о Англинском флоте» [5. Ч. 3. С. 39—40].

6 июля 1716 г. Меншиков писал: «Третьяго дни получил я письма от Кап. Румянцова и Капитан Командора Сиверса, в которых пишут: что по Вашему указу от Ревеля пошли 30-го Июня; в которое число отсюда отправлены корабли: «Москва», «Шлюссенбург» и «Ричмонд». Я третьяго числа был на ост. Котлине и в приморских Ваших домах, где все, а особенно каменные и земляные от части в слабом состоянии. А причина тому, не что иное, как непрестанные ливневые дожди, которые почитай во весь Июнь были и ныне продолжаютя. На Котлине заложил я один адмиралтейский анбар, и то подрядом за недостатком плотников» [5. Ч. 4. С. 51—52].

Петр 10 июля 1716 г. из Копенгагена писал Меншикову, чтобы тот прислал 3000 рубашек с портами для матросов на эскадре и чтобы Сенат выслал одежду для солдат, ибо в Дании все дорого. Следовало также закупить и отправить через Ревель шубы, обеспечить перевод денег. Чернышову предстояло направить в Копенгаген, где скопилась масса солдат и матросов, обер-комиссара из Адмиралтейства [5. Ч. 3. С. 50—51].

4 августа Петр писал из Копенгагена, что получил письма Меншикова от 18, 29 июля, 2 и 6 августа, в которых князь сообщал о подготовке ластовых судов и кораблей. Царь напоминал о необходимости снабжения флота материалами, обмундированием, провизией. На запрос, посылать ли с «Москвой» и «Шлютбургом» корабль «Ричмонд», он повелел последний оставить, укомплектовав за счет его экипажа два первых, чтобы они были готовы к походу [5. Ч. 3. С. 54—55].

6 августа Петр I с борта корабля «Ингерманланд» писал Меншикову: «Понеже здесь галер 15 или более зело худы, и не только чтоб в будущую кампанию могли служить, но ныне уже с нуждою их употребляем. Чего для надобно здесь к будущей весне сделать новые. И для того пришлите на наших кораблях, которые от Ревеля пойдут сюды, двух галерных подмастерьев, в том числе одного Гречанина, а другаго Рускаго, хотя Черкасова, и с ним добрых плотников, а имянно: из десятников 4 человека, да рядовых лучших 15 человек. Также велите на то число галер в Адмиралтействе готовить веревки и прочие припасы, что к ним принадлежит, и при случае також отправьте сюда.

Вчерашнего числа пошли Мы с соединенными флоты к Борнхольму. Всех было с 700 парусов» [5. Ч. 3. С. 56—57]. К письму была приложена подробная роспись, что необходимо прислать в Копенгаген [5. Ч. 3. С. 57—61].

24 августа Меншиков докладывал, что все потребное для Копенгагена отправляют, кроме того, чего нет. Он посылал затребованных галерных мастеров и плотников. Сам князь проявил инициативу: 11 разобранных галер были приготовлены к отправке на судах [5. Ч. 4. С. 63—64].

18 сентября 1716 г. Петр благодарил Меншикова за известия в его письмах от 16 июля, 10 и 24 августа о работах в

Санкт-Петербурге и прочем. Он указал новый бомбардирский галиот после спуска послать на зимовку в Ревель, чтобы весной взять его в Копенгаген, и благодарил за подготовку разобранных галер. Царь интересовался, что сделано с кораблем «Нарва», и опасался, как бы проход не занесло песком [5. Ч. 3. С. 68—69].

8 октября 1716 г. Меншиков писал о делах. Затем он докладывал, что шведы оставили Норвегию, сосредоточили войска в Южной Швеции [Сконе. — *Н.С.*] и были готовы к отпору. Меншиков, беспокоясь об исходе похода в Швецию, как зрелый полководец рекомендовал царю все продумать, создать превосходство сил и с осторожностью входить внутрь страны: «Хотя за настоящим дальним разстоянием, нам здесь подлинно ведать невозможно о поведениях Ваших; а особливо об операциях к предбудущим действиям и неприятельском состоянии и намерении; однакож как отчасти от Вашего Величества, отчастиж от прочих публичных и партикулярных писем известно есть: что уже неприятель Норвегию оставил и со всеми силами в Шонии обретается и будто одного регулярнаго войска 40 000 имеет. Да сверх того, со всего государства определено быть ополчению к защищению отечества.

К томуж и Англинскому двору досаждать не перестает; как ныне Норисова посланного ни с чем отправил. И по сему можно признать, что он в весьма распаленной десперации гостей встречать намерен, где чаю не малым быть делам. И хотя надеюсь, что Ваше Величество более изволите иметь разсуждения и все предлежащие опасности уже престерегли; однакож мой Вссмилостивейший Государь и отец, Сами можете разеудить, коль сие нам чувственно есть, когда помыслим так давний Ваш поход; а паче, в чужое Государство в незнаемые места и против десператного неприятеля, то истинно в пре тяжкое сокрушение приходим.

И того ради не в указ, принужден я Вашему Величеству со слезным прошением донести: чтоб в оныя, дай Боже счастливыя действия, изволили вступать, прежде предразсудя все следствия; а наипаче всего умножить войска определенные к тем действиям; дабы они превосходили силу неприятеля, для того, что когда действия начнутся, что хотя с помощью Божиею, к нашей стороне будет и счастье следовать;

но однакож невозможно быть без упадка и без важнаго числа больных, что обыкновенно в великих армиях случается. А комплект не чаю, чтоб был свободен, ради не свободной коммуникации, не так как у неприятеля, который хотяб и гораздо был побит, то в своем Государстве всегда может паки собрать.

И понеже я зело опасуюсь, чтоб от датскаго двора не было отговорок в недостатке войск. И в таком случае можно их принуждать, чтоб из Норвежских крепостей гарнизоны вывести, понеже в них там ныне нужды нет. А без великих войск, по моему мнению, газардовать весьма опасно.

Також, когда с Божьею помощию и десант учинится счастливо, то весьма потребно, чтоб вышед на берег, осмотреть удобное место и сделать крепкой транжемент, для магазейнов и всяких нужных случаев. Понеже сие еще у всех в памяти есть, каким образом прежде сего Датчане в Шонии учинили десант. И от того что не сделали транжементу, в злое безсчастье впали. К тому же не имели они и довольного числа судов, а ваши транспортирныя суда все отпустятся, что еще и паче транжемента потребно, понеже счастье и безсчастье в руке Божией, однакож, что осторожнее, то лучше.

Паче всего, Всемилостивейший Государь и отец, для самого Бога, изволь хранить свое здравие, и не во всякой газард своею Персоною вдаваться, ибо неприятеля и самый случай принудит, к жестокой десперации, когда уже приходят, до самого его сердца. А нам за помощию Божиею, не настает нужда в такую десперацию вступать, или в последнюю опасность вдаваться, как сами разсуждать изволите.

Также когда случай позволит, и внутрь Государства вступать, и тогда надлежит с вящею осторожностию заходить, предрассуждая все в таких случаях приключающисся опасности. К сему изволите свежий иметь Экземпель. То все отдаю на Ваше Высокомудрое разсуждение и паки всепокорно прошу: дабы паче всего беречь ваше здравие» [5. Ч. 4. С. 66—70].

22 октября 1716 г. Меншиков писал о подготовке к отправлению в Ревель бомбардирского галиота и об установке мраморных фигур у фонтанов [5. Ч. 4. С. 77—78]. 26 октября князь сообщал, что галиот уже нагружен, но из-за против-

ного ветра не вышел и выступит после перемены ветра вместе с крум-пинком «Принц Александр», который Меншиков считал удачным судном. Докладывал он и о ссорах архитекторов Леблонда и Растрелли [5. Ч. 4. С. 79—80].

14 ноября 1716 г. Петр писал Меншикову в Санкт-Петербург, что получил его письма от 24, 28 сентября, 1, 8, 12, 19 октября. Он подтвердил, что следует продолжить постройку галер и сойм. Царь сообщал, что приказал писать Норрису об английском корабле, который прошел сквозь строй торговых судов, не отдав салют русской крепости. Он сожалел, что за лето не отделали Петергофский канал и рвы у Адмиралтейской верфи. Петр на предложение Меншикова достраивать те корабли, на которые есть лес, рекомендовал этот вопрос решить на совете сенаторов и корабельных мастеров [5. Ч. 3. С. 75—76].

17 ноября 1716 г. из Гатверберга царь писал в ответ на письма Меншикова от 19 и 22 октября, что получил чертежи адмиралтейских работ. Так как лесов на все 6 кораблей не доставало, Петр указал Сенату достраивать те, на которые есть материал, а остальные — после прибытия леса. Он указал построить из сосны большой двухпалубный прам на 40 пушек (на нижней палубе 24-фунтовые, на верхней — 18-фунтовые пушки) по возможности к будущей весне [5. Ч. 3. С. 76—77]. 19 ноября 1716 г. Меншиков докладывал, что для операций следующего года начали делать 300 сойм [5. Ч. 4. С. 84].

Не всегда Меншиков мог порадовать монарха. Осенним сильным штормом 1716 г. гавань в Ревеле была разрушена, 2 корабля погибли и 7 получили повреждения [47. С. 79]. 19 ноября князь писал, что Нева стала 16 ноября, и добавлял: «А пред тем был жестокий шторм, которой нам при Ревеле немалой убыток причинил, а имянно: новую гавань всю разорило и два корабля «Фортуну» и «Антония» об мель разбило; как о том изволите усмотреть из Сиверсова письма и плана. И когда так воля Божеская благоволила, то и мы сему элементу противиться не могли» [5. Ч. 4. С. 84—85].

На письмо Меншикова о шторме царь 21 декабря из Амстердама отвечал: «Сего часу получа письмо ваше, отвечаю, что при Ревеле сочинилось, зело сожалею, а паче о том для чего так нужное дело а не крепко сделано и ящики

полны не насыпаны (как сам пишешь), ибо крайнее бедство было ежелиб флот пропал, и дай Боже, чтоб более не был; а из сих двух кораблей разве о «Фортуне» пожалеть, а «Антоний» ничего» [5. Ч. 3. С. 81—82].

Петр посылал Меншикова в Ревель, чтобы навести порядок. Он рекомендовал менее хорошие суда отправить в Рогервик и в Гельсингфорс, оставив более важные в Ревеле, гавань строить, если возможно, без острых углов (округлою), а корабли «Екатерина» и «Полтава» скорее ремонтировать. Царь писал, чтобы на кораблях восстанавливали все важное, не обращая внимания на украшения (галереи). Если бы оказалось, что два вышеуказанных корабля нельзя было бы к весне восстановить, следовало поторопиться с доделкой кораблей, которые строили корабельные мастера Броун и Склеяев, но спускать только после письма [5. Ч. 3. С. 81—83].

4 января 1717 г. Меншиков в ответ на письмо от 11 декабря писал, что шнява «Св. Александр» из-за противного ветра и стужи до Ревеля не дошла, и просил разрешения послать вместо фрегата «Ричмонд» [5. Ч. 4. С. 90—91]. 7 января 1717 г. в ответ на письмо царя от 21 декабря из Амстердама князь сообщал: «Что принадлежит до гавани Ревельской, то разорение оной учинилось от того, что все корабли были к ей привязаны. А понеже Сиверс ищет своего абшиду, то можно признать, что он сему причиною, ибо когда управлял Капитан Фан-Гент, то у каждого корабля был якорь с переди и сзади; а у него того не было учинено; хотя Генерал-Майор Фон Дельден и прилежно ему о том говорил» [5. Ч. 4. С. 92—93].

Меншиков далее оправдывался в разрушении гавани, сообщал о том, что мачты установлены на все корабли. Он считал, что отправлять часть кораблей в другие порты, как предлагал царь, нет необходимости, ибо все корабли уместились в гавани. Он сообщал, что приказал делать чертеж Санкт-Петербурга [5. Ч. 4. С. 93—94].

В тот же день 7 января 1717 г. и Петр послал Меншикову из Амстердама свои рекомендации по восстановлению гавани. Он хотел против стоянки каждого корабля устроить амбар, чтобы весь флот вооружать одновременно [5. Ч. 3. С. 87—88].

Меншикову удалось оправдаться перед царем, а в январе 1717 г. он побывал в Ревеле и дал инструкции при восстановлении гавани ящики заполнять камнями доверху и укрепить их «быками» [47. С. 79—80].

28 января 1717 г. Меншиков на письмо царя от 7 января, в котором тот прислал план Котлина, отвечал, что будет его выполнять. Он отправлялся в Санкт-Петербург, оставив руководить работами в Ревеле генерал-майоров Гинтера, Чернышова, фан Дельдена и рижского губернатора Голицына [5. Ч. 4. С. 105—106].

Сложности возникали и у Котлина. 9 января 1717 г. капитан Э. Лейн, которому Петр поручил постройку гаваней и нового Кроншлота, докладывал Меншикову, что люди, назначенные для перевозки камня, еще не прибыли. Меншиков сам побывал на Котлине и убедился, что за зиму построить новую гавань невозможно. Он принял решение, сняв часть строителей, расширить старую гавань на 50 саженей, чтобы в ней можно было разместить весь флот. В соответствии с его указаниями Лейн к 20 января произвел необходимые расчеты рабочей силы и распределения повинности между губерниями [54. С. 43]. Таким образом, крепость строила вся Россия.

В 1717 г. при приеме Паддона первым шаутбенахтом Петр I объявил Апраксину, что английский моряк будет числиться ниже Меншикова: «Еще в запас объявляю, дабы не было конфузии, что написано в капитуляции Паддоновой: что ему быть от перваго знамени шаутбенахтом, и то однакож ниже кн. Меншикова; ибо оный будет вашей шквалдры, а не над Генеральной шквалдрою» [4. Ч. 1. С. 280—281].

1 февраля 1717 г. царь дал указание Меншикову вместо шнявы «Принц Александр», которая из-за морозов не дошла до Ревеля, послать фрегат «Самсон». По прибытии в Росток капитану следовало высадить на берег «ребят», которых отправляли в учебу, и идти в Ревель, ибо осадка фрегата не позволяла вступить в реку. Ребятам надо было выделить надежного старшего (провожатого) и с ними послать также четверых для обучения плотничьему и слесарному делу [5. Ч. 3. С. 89—90].

В письме 5 февраля царь напомнил Меншикову об отправке молодежи для обучения за границу и поручил орга-

низовать обучение у английского мастера в Санкт-Петербурге. Он указал подготовить груз смолы в Выборге для Саввы Рагузинского, который должен был прибыть из Италии со статуями, вином и другими грузами, заказанными Петром. Меншиков также получил указание строить партикулярную верфь для сооружения торговых судов [5. Ч. 3. С. 92—93].

19 февраля 1717 г. из Амстердама Петр поручил Меншикову искать по Волхову и Волоти остатки лесов для постройки торншхоутов и яхт и передоставить их нанятому мастеру. Царь указал сделать палатку для временного погребения своей сестры, пока не будет построен монастырь [5. Ч. 3. С. 101].

17 апреля 1717 г. из Кале Петр сообщал Меншикову, что пять дней назад английский флот пошел на Балтику, что он нашел в Голландии эверсного и прамного мастеров, и давал свои рекомендации по постройке этих судов. Царь поручил князю помогать Апраксину в возведении каменных сооружений в Ревеле [5. Ч. 3. С. 115—116].

28 июля вновь царь давал свои рекомендации по судостроению и напомнил о строительных работах на Васильевском острове, в Стрельной мызе и Петергофе [5. Ч. 3. С. 129—130]. 2 августа он писал: «Письма ваши все исправно до нас доходят, за которые вам благодарствуем. Чтож писали вы о флоте, дабы лучше зимовал у Кроншлота, и о том мы к г. Адмиралу писали, где за способнее разеудить» [5. Ч. 3. С. 132].

В 1717—1718 гг. Меншиков усердно включился в следствие по делу царевича Алексея: он в столице, а Петр в Москве искали нити заговора. Оба участвовали в пытках. Подпись Александра Даниловича стояла первой в списке 127 фамилий на смертном приговоре Алексею [47. С. 83—87].

Однако Меншиков не отрывался от наблюдения за делами на Котлине. По его указанию были осмотрены батареи на острове и приняты меры для их исправления и совершенствования. Вместе с Военной строили и Купеческую гавань. Зимой 1718 г. светлейший князь сообщал Петру I, какие работы выполнены мастерами, присланными из разных губерний, и рассчитывал завершить их в марте [5. Ч. 4. С. 145—147].

Со временем батареи, установленные на стенки гаваней, влились в систему обороны Котлина.

В 1718 г., имея флаг на корабле «Св. Александр», Меншиков ходил с флотом к Ревелю и Гангуту [44. Ч. 1. С. 241]. 12 августа в журнале князя Щербатова отмечено, что генерал-адмирал, вице-адмирал и шаутбенахт Меншиков сошли с кораблей на галеры, а 1 сентября вернулись на свои корабли [4. Ч. 1. С. 281].

3 октября 1718 г. Меншиков просил разрешения царя пустить воду в канал Адмиралтейства, чтобы до зимы убрать дамбы и открыть вход для судов [5. Ч. 4. С. 160—161].

20 января 1719 г. Петр поручил Меншикову осмотреть 6-фунтовые пушки на фрегате постройки Броуна, чтобы к весне они были готовы [5. Ч. 3. С. 175—176]. 6 февраля 1719 г. с Олонецких заводов царь дал указание Меншикову лить пушки длиной 23 калибра, поручал до весны убрать тележки, хвалил воды, которыми лечился [5. Ч. 3. С. 174—175].

29 июня 1719 г. Меншиков доносил, что корабль «Лесное» с немалым трудом ввели в гавань 27 июня, в день Полтавской битвы. Он приказал готовить мачты и после их установки килевать [5. Ч. 4. С. 207]. 9 июля 1719 г. Меншиков сообщал, что мачты и бушприт с корабля «Леферм» представлены на «Лесное», на котором заканчиваются плотницкие работы, после чего его будут креновать и заделывать течь [5. Ч. 4. С. 209—210].

В 1719 г. по расписанию князь был назначен иметь флаг на том же корабле «Св. Александр», но в походе с флотом не был. 11 октября его назначили заведовать постройкой каменных домов на Котлине [44. Ч. 1. С. 241]. Кроме того, ему было поручено обеспечить строительство канала на острове тележками, лопатами, кирками и топорами [54. С. 51].

В 1718 г. князь стал первым президентом Военной коллегии. Царь продолжал ему доверять, поручая укрепление Котлина и разбор бумаг царевича Алексея [44. Ч. 1. С. 241].

Весной 1718 г. Меншиков попал под воснный суд, обвинявший его в хищении более чем 100 000 рублей. Несмотря на оправдания князя, в столице распространялись слухи о падении его в глазах царя, и светлейшему пришлось просить известных вельмож, чтобы они письмами родным в Санкт-

Петербург заверили: Меншиков пользуется доверием монарха. В начале 1719 г. от очередного обвинения светлейшего князя оградила Екатерина, повлиявшая на супруга. Однако лишь бурная полезная деятельность спасала его репутацию в глазах монарха. День Меншикова с раннего утра и до 22—23 часов был заполнен. Он бывал то в одном, то в другом присутственном месте, лично посещал места строительства, встречался со многими людьми, слушал рапорты подчиненных, иногда участвовал в развлечениях. Только болезнь выбивала временами его из колеи [47. С. 89—91].

Кроме дел государственных, Меншиков занимался предпринимательством. Он создавал винокуренные промыслы, построил вблизи столицы кирпичный завод и лесопилку, в Ямбургском уезде владел хрустальным заводом. Прибыль приносили соляные промыслы, торговые предприятия в Москве и многочисленные земельные владения светлейшего князя. Но ему все было мало. Князь, получивший в 1709 г. принадлежавший ранее Мазепе город Почеп, различными махинациями присоединял окрестные земли и закрепощал казаков, пока в 1720 г. гетман Скоропадский не обратился с жалобой к царю. Несмотря на все ухищрения, правда вышла наружу. Петр заставил Меншикова вернуть захваченные земли и оброчные деньги, а пост президента Воснной коллегии передал в 1723 г. А.И. Репнину. Прежнему любимцу стало труднее встречаться с царем, да и доверительная переписка прекратилась. Тем не менее Петр I рассчитывал на то, что беспутный Меншиков еще послужит делом. И тот старался [47. С. 99—104].

В 1720 г. Меншиков сформировал на Украине 26 новых конных полков [47. С. 106]. 28 февраля 1721 г. он выразил желание послужить на море в письме, адресованном Ф.М. Апраксину: «Сиятельный граф и Высокопочтенный Господин Генерал-Адмирал мой всенадежный истинный благодетель.

Прошу вашего Сиятельства, чтобы изволили доложить Его Царскому Величеству; понеже Флот наш пойдет на море; а в контр-адмиралах нет меня старшее и чтоб мне в том обиды было не учинено, и здесь не оставаться. А идтить Его Царского Величества флотом, а что здесь по Его Царского

Величества указу о новых кораблях: как о снастке, так и о выводе; сколько Бог подаст мне в том помощь в оном трудиться рад; а ежели оные паче чаяния недели на две и останутся, то может который нибудь Капитан-Командор, или младший Шаутбенахт привести в указанное место; о чем паки прошу Вашего Сиятельства, дабы мне Его Царского Величества указом повелено быть в кампании, в которой надежде пребывая, остаюсь навсегда Вашего Сиятельства доброжелательный и к услужению охотнейший Александр Меншиков» [4. Ч. 1. С. 281—282].

Царь согласился. 22 марта 1721 г. он писал Меншикову из Риги: «Чтоб скорсе флот в Ревеле был и чтоб которая часть выйдет, не дожидаясь другой шли.

Чтоб писал, как поднимут два корабля первыя на камели; как оныя выйдут за вехи; как первой корабль выйдет на рейду; как подымут другие два корабля на камели» [5. Ч. 3. С. 273].

2 апреля Петр I указал Меншикову: «Корабль Пангалоев ежели не успеет плотничною работою к другому выводу, то лучше его не спускать, понеже когда опоздает то ни на что; да одним не много прибудет» [5. Ч. 3. С. 275].

15 апреля 1721 г. Петр писал из Риги Меншикову, сообщая о получении писем от 7, 29, 31 марта и 3, 6, 9 апреля: «Флоту итти конечно надобно, понеже ежелиб такого приготовления славнаго, чего куранты везде полны, тобы правда не хуже не ходить. А когда так разглася, да не пойдем, то еще хуже, понеже поставят: что и от слуху испужались.

Англинской флот не чаю чтоб в Ревель пошел; а хотя и пошел, от сильного ретироваться стыда нет». Он велел Меншикову напечатать табель о кораблях, которые будут в кампании, и о галерном флоте [5. Ч. 3. С. 277—278].

Меншиков в 1721 г. возглавил эскадру, проводившую учения у Красной Горки, причем в учебном сражении командовал одной частью флота против второй, под флагом Петра. Эскадру из 26 50—96-пушечных кораблей возглавлял сам царь, вице-адмирал синего флага Петр Михайлов. Меншиков поднял флаг на корабле «Фридрихштадт». Во время частых отлучек царя князь командовал флотом как старший флагман. 22 октября, в честь заключения Ништадтского мира,

он был произведен в вице-адмиралы [4. Ч. 1. С. 282—285; 44. Ч. 1. С. 241].

В 1722 г., когда Петр и Апраксин отправились в Персидский поход, Меншиков остался наблюдать за всем, что делается в столице и окрестностях, и постоянно радовал царя тем новым, что было сделано [47. С. 81].

В 1723 г. Меншиков поднял флаг на корабле «Фридрихштадт». Во время церемонии встречи флотом ботика — «дедушки русского флота» — он исправлял на нем должность лоцмана и бросал лот [44. Ч. 1. С. 241].

Сердечное отношение государя к Меншикову, на которого все больше поступало жалоб, стало меняться на более сухое. Возможно, его постигло бы суровое наказание, если бы император не умер.

5. Полудержавный властелин

В 1725 г. светлейший князь сыграл решающую роль в утверждении на троне супруги Петра. Император еще умирал, а у его одра начался спор о власти. Так как Петр не назначил наследника, сформировались две партии: старая аристократия хотела видеть царем Петра Алексеевича, внука императора, тогда как другие сановники, выдвинувшиеся при Петре и участвовавшие в приговоре царевичу Алексею, вполне оправданно опасались мести его сына и матери. Среди опасавшихся был князь Меншиков. Вторая партия считала, что власть должна перейти к коронованной императрице Екатерине. Чтобы поддержать ее права, Меншиков привел к дворцу гвардейские полки, а в зале появились гвардейские офицеры. Противники императрицы были вынуждены замолчать, и решением собравшихся Екатерина I получила те же права, что и супруг.

Екатерина I с удовольствием переложила государственные заботы на плечи своего любимца. Тот нередко действовал вполне самостоятельно. Ощувив в руках власть, светлейший князь стал высокомерен и груб с высокопоставленными лицами, в том числе и своими прежними союзниками. Генерал-адмирал Ф.М. Апраксин в разговоре с Екатериной I просил ее заставить князя «держаться, согласно своему долгу, в границах равенства с прочими сенаторами, а не выделяться, как он это делает» [47. С. 113]. Императрица заяви-

ла, что не позволит Меншикову пользоваться своей властью. Однако все больше хворавшая, она попадала под влияние фаворита.

При Екатерине I в основном сохранялись петровские порядки. Правда, Меншиков решил уменьшить численность чиновников, чтобы сократить незаконные поборы с крестьян. Он утверждал: «О крестьянах надо иметь попечение потому, что солдат с крестьянином связан, как душа с телом, и когда крестьянина не будет, тогда не будет и солдата». То было мнение президента Военной коллегии. Пост этот князь занял вскоре после смерти Петра I. Однако предложенные им меры не уменьшили произвола чиновничества, а повышение подушного налога, введенное им, разоряло земледельцев [47. С. 114—115].

Вторым нововведением стало создание в 1726 г. Верховного тайного совета «как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел» [47. С. 115].

П.А. Толстой, Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин считали, что новый орган под председательством императрицы заставит Меншикова встать в ряд равных. Екатерина I рассчитывала, что такое учреждение успокоит родовитое дворянство, недовольное Меншиковым, и даст возможность ей пользоваться советами сановников. Однако наибольшего успеха добился именно Меншиков, которого хотели ограничить рамками совета. Верховный тайный совет фактически заменил Правительствующий сенат, что уменьшило значение врага князя, генерал-прокурора сената П.И. Ягужинского. Так как императрица не председательствовала в совете, Александр Данилович вскоре получил право докладывать ей о делах, что еще более укрепило его позицию. В дни работы Верховного тайного совета он приходил к императрице до заседания, чтобы согласовать решение, и после, докладывая о результатах [47. С. 116]. Другим членам совета попасть к Екатерине стало сложно.

Меншиков добился у Екатерины пожалования ему города Батурина и прекращения расследования злоупотреблений [47. С. 119].

Князь пробовал продолжать двигать государственную машину, как при Петре. Занимался он и флотом. В 1726—

1727 г. по указаниям Меншикова на верфях в Санкт-Петербурге строили различного рода галеры, что позволило уменьшить их дефицит, образовавшийся к концу правления Петра I [24. Т. 1. С. 171—172]. Всего строительство кораблей продолжали 12 верфей [24. Т. 1. С. 176].

6 мая 1727 г., в день смерти Екатерины I, Меншиков объявил Адмиралтейств-коллегии, что его, Сиверса, Гордона и Змаевича императрица пожаловала в адмиралы [4. Ч. 1. С. 286].

С одной стороны, курс Петра Великого Меншиков в меру сил поддерживал. С другой стороны, без побуждающего влияния императора движение было относительно невелико. Да и интересы Меншикова отличались от интересов Петра, ибо светлейший князь наибольшие усилия тратил для осуществления своих честолюбивых планов. Летом 1726 г. он расстроил женитьбу Морица Саксонского на Анне Иоанновне в бесполезной попытке стать герцогом Курляндским [47. С. 119—123].

Второй мечтой его было выдать дочь Марию за будущего императора Петра II. По настоянию Меншикова Екатерина подписала соответствующее завещание. Слух о завещании вызвал недовольство при дворе. Возникла группа людей, которые предпочитали видеть на троне одну из дочерей Петра I — Анну или Елизавету. Наиболее авторитетный среди заговорщиков П.А. Толстой предложил отправить двенадцатилетнего Петра Алексеевича учиться за границу, а тем временем короновать Елизавету [47. С. 124—125]. Однако пока заговорщики вели разговоры, не имея возможности проникнуть к императрице, Меншиков арестовал их, а 7 мая, на следующий день после смерти Екатерины I, было объявлено, что по завещанию Петр II назначен наследником престола [47. С. 126]. Заговорщиков (прежних своих союзников) он разослал по дальним местам, лишив власти.

Двенадцатилетнего монарха князь постарался привязать к своей семье и учил искусству править. Пользуясь малолетством императора, он добивался все новых указов в свою пользу. 12 мая 1727 г. Меншиков был пожалован званием генералиссимуса [44. Ч. 1. С. 242].

Но болезнь светлейшего привела к тому, что мальчик попал под влияние противников Меншикова и пожелал ос-

вободиться от отца нелюбимой невесты. 9 сентября 1727 г. он подписал указ не подчиняться распоряжениям Меншикова, которого первоначально выслали в его владение, крепость Ранненбург под Воронежем, построенную для него Петром. Покидал князь столицу 11 сентября торжественно, будто оставался у власти. В Ранненбурге узник еще пользовался значительной свободой. Но затем у него изъяли ценности и деньги. После следствия, не подтвердившего большинство пунктов обвинения, князя лишили «чинов и кавалерии» и с семьей сослали в Березов. Там он и скончался 22 октября (у Павленко — 12 ноября) 1729 г. [44. Ч. 1. С. 242; 47. С. 164]. Ранее князь лишился жены и дочери. Других его детей вернули из ссылки только в 1731 г.

Могила Меншикова в Березове не сохранилась: считают, что берег подмыла река Сосьва [47. С. 166—168]. Но личность его так широко известна, что не требует памятников.

СИНЯВИН НАУМ АКИМОВИЧ

Первые годы моряки российского флота избегали сражений со шведами в открытом море: слишком велика была разница в боевой подготовке русских экипажей, офицеров из разных стран и опытных мореходов — шведов. Эзельское сражение в мае 1719 г. продемонстрировало, что отечественный флот способен наносить поражение противнику, хотя бы уступающему в численности. Командовал русской эскадрой в сражении один из первых будущих флотоводцев Н.А. Снявин.

1. Начало пути

Дворянский род Снявиных (некоторые звались Снявиными), по семейному преданию, происходил от Алехны Снявина, герба Снява или Сренява, выехавшего из Польши в начале XVI в. Род был внесен в VI, II и III родовые книги Воронежской, Тамбовской и Тульской губерний. Его представители отличились в государственной, особенно морской службе. В литературе не сообщается, к какой ветви рода относился Наум Снявин. Известно, что у него было несколько братьев. Ларион Акимович служил воеводой в Нарыме (1695) и Кузнецке (1700); Ульян Акимович (умер в 1740 г.) был директором над строениями при Петре I; Иван Акимович (умер в 1726 г.) стал главным командиром Каспийской флотилии, контр-адмиралом; Дорофей Акимович поручиком Семеновского полка пал при взятии двух шведских судов у устья Невы (1702) [9. Т. XXIXа. С. 574; 22].

Наум Акимович прославился больше всех. В 1698 г. он поступил на службу в бомбардирскую роту Преображенского полка солдатом. Командиром роты состоял сам царь. Очевидно, он и взял с собой Наума матросом. В Керченском походе 1699 г. новоиспеченный моряк находился на корабле «Отворенные Врата» под командованием Петра I. Когда внимание царя переместилось на Балтику, он забрал с собой и Синявина. Тот в 1702 г. участвовал в боевых действиях под Шлиссельбургом, в 1703 г. — под Канцами (Ниеншанцем), в 1704 г. — под Нарвой и Дерптом (Юрьевом). С 1705 г. Наум Синявин состоял матросом, затем боцманматом, боцманом в команде шнявы «Мункер», построенной по проекту Петра I и любимой им [4. Ч. 2. С. 74; 44. Ч. 1. С. 341—342].

В боцманматы Наума произвели в марте 1706 г. Флот вышел в море 23 апреля. Синявин находился на шняве «Мункер», которой командовал сам царь в чине капитан-командора [4. Ч. 2. С. 75]. 12 октября 1706 г. Н.А. Синявина послали из Выборга с отрядом на 5 лодках для захвата шведских купеческих судов, но моряк нечаянно атаковал хорошо вооруженный шведский бот «Эсперанс» и взял его на abordаж, а затем отбил нападение другого бота. В этом славном деле его ранили [44. Ч. 1. С. 341—342].

В 1707 г. флот вышел в море 26 апреля. Синявин оставался на шняве «Мункер». Военных действий не было. 26 июля царь послал А.В. Кикина за поручика на «Мункере» под белым флагом в шведский флот для переговоров. 28 июля на шняве обседали шведский командир с офицерами. 8 октября флот вернулся в Санкт-Петербург. 28 октября царь, адмирал Ф.М. Апраксин и вице-адмирал К.И. Крюйс, взяв с собой женщин, пробовали совершить плавание в Финский залив, на яхтах дошли 30 октября до Толбухиной косы, но с приближением шведского корабля повернули назад и 31 октября вернулись в Санкт-Петербург. Синявин участвовал в плавании. 23 ноября его пожаловали в боцманы с годовым жалованьем 96 рублей [4. Ч. 2. С. 75—76; 44. Ч. 1. С. 342].

1 марта 1708 г. Синявина послали на Воронеж. Прибыл к цели моряк 24 марта. Меншиков объявил ему по царскому указу чин поручика. После возвращения молодой офицер был в походе на шняве «Мункер» и участвовал в мае под

началом шаутбенахта Боциса в набеге на Борго и разорении города [4. Ч. 2. С. 76; 44. Ч. 1. С. 342].

Летом шведы нанесли ответный удар: отряд Либекера от Выборга направился к Санкт-Петербургу, чтобы разрушить новую столицу России. В конце августа шведы выдвинулись к Неве и построили на берегу батареи. Им удалось демонстративными действиями отвлечь флотилию Боциса к Шлиссельбургу. Либекер начал переправу 29 августа в трех верстах ниже реки Тосно. Кроме небольшого отряда войск, неприятелю препятствовали лишь 2 бригантинны (парусно-гребных судна) под командованием поручиков Синявина и Лоренца. Русские моряки заставили шведов бежать с понтонов. Но шведские береговые батареи открыли огонь. Бригантина Синявина пострадала, потеряла несколько человек, и ее с трудом удалось спасти. 29 августа Наум записал в дневнике: «Шведский генерал Любекер перебрался чрез Неву на нашу сторону, а против его перебору был я с 2 брегантинами. И стреляли по моему брегантину со Шведской батареи из 12 пушек, которой был пробит ниже воды в двух местах и мачта переломлена. Она послана в С.П.бург с ранеными, а я взят на берег. И как он перебрался, тогда была у нас баталия; они место свое одержали; а побито и ранено у нас 400, а у Шведов 300 человек» [4. Ч. 2. С. 76].

Шведы переправились через реку, однако не решились атаковать Санкт-Петербург и были вынуждены эвакуироваться на кораблях флота. В октябре капитаном (за капитана, как он сам писал) гренадерской роты Синявин участвовал в бою при Сойкиной мызе, где добивали шведский арьергард [44. Ч. 1. С. 342]. Из журнала Щербатова известно, что майор Греков и подпоручик Наум Синявин обошли шведское укрепление и взяли его. За храбрость при Сойкиной мызе Синявина пожаловали в чин морского поручика. В бою 16 октября у него была прострелена нога [4. Ч. 2. С. 77].

Моряк продемонстрировал смелость, умение и преданность царю, который все чаще брал его с собой. 7 апреля 1709 г. оба выехали в Воронеж и Азов, 26 апреля направились в армию. В июле Синявин был под Полтавой, где произошло знаменитое Полтавское сражение. После сражения моряк записал в дневнике, что капитан-командор (царь) произведен в шаутбенахты и генералы от армии. Из Полта-

вы в августе он поехал с Петром в Киев, далес в Варшаву и Торунь, где царь пробыл десять дней и разговаривал с Августом II. В сентябре ездили в Мариенверден, где царь встречался с королем Пруссии. Через Курляндию и Санкт-Петербург царь вернулся в Москву 23 декабря. В день возвращения он пожаловал Наума Синявина в поручики Преображенского полка [4. Ч. 2. С. 77—78; 44. Ч. 1. С. 342].

В апреле 1710 г. на шняве «Мункер» Синявин с царем отправился в море, участвовал в конвоировании судов с провиантом до Выборга и взятии крепости, затем был отправлен для проводки в Кронштадт корабля «Выборг», построенного на Новоладожской верфи. Он привел из Новой Ладogi «Выборг» и был на нем в пробном плавании до Красной Горки. 30 июля моряк вывел корабль за вехи, а 27 августа над «Выборгом» уже развевался флаг Петра, который ходил на нем в море [4. Ч. 2. С. 78—79; 44. Ч. 1. С. 342].

В 1711 г. Синявин сопровождал Петра I в Прутском походе. 28 февраля он с царем выехал в Смоленск, 24 июня прибыл к Пруту. 30 июня войска перешли реку, 8 июля сошлись с турками, а 12 июля армия пошла в обратный путь. 29 июля полки через Прут вернулись в Россию. В дальнейшем путешествии царя до Санкт-Петербурга на Синявина были возложены обязанности заготовливать суда при передвижении водой [44. Ч. 1. С. 342—343]. 24 августа Петр на судах прибыл в Варшаву. 2 сентября он ускал в Карлсбад, отправив Синявина в Кенигсберг готовить суда для дальнейшего плавания. Царь на этих судах со свитой прошел водой до Мемеля, оттуда сушей через Ригу, Пернов, Нарву прибыл в Санкт-Петербург. В поездке царя сопровождала и Екатерина [4. Ч. 2. С. 79—80].

В январе 1712 г. Петр отправил Синявина в Москву для доставки туда пленных шведов — канцлера Пипера и фельдмаршала Реншильда. В феврале моряк вернулся [4. Ч. 2. С. 80]. Он был шафером на свадьбе Петра I 19 февраля [44. Ч. 1. С. 343; 46. С. 367]. 15 апреля Синявин с царем на новом корабле «Самсон» присоединился к флоту и ходил с ним до Березовых островов. В июне он возвратился с царем в Санкт-Петербург, присутствовал при спуске корабля «Полтава». 15 июня моряка направили водой в Ригу. Прибыв туда 24 июня, он по суше направился через Кенигсберг, Эльбинг,

Штеттин в Грибсвальд, откуда царь поехал в Карлсбад, послав 2 октября Синявина в Копенгаген принимать купленные корабли [4. Ч. 2. С. 80; 44. Ч. 1. С. 343].

11 октября 1712 года Н.А. Синявин рапортовал, что 6 октября принял в Копенгагене корабли «Рандольф» и «Эсперанс». Капитан одного из них поступил на русскую службу, а остальные офицеры и матросы уехали до прибытия Синявина. Синявин рассчитывал нанять моряков, когда придут датский флот и транспортные суда, и их команды будут распускать. Корабль из Гамбурга вышел, но еще не прибыл [5. Ч. 2. С. 160].

Моряк собрал несколько офицеров и матросов, пополнил экипажи солдатами с двух кораблей, прибывших от Архангельска. 27 декабря 1712 г. Синявин доносил об известии от Б.И. Куракина, что два корабля из Англии не придут; он писал: «А у нас на здешние 3 корабля матрозов недостает 60 человек; а провиант и аммуниция готовы будут через месяц. А газан весь замерз, однакож станем смотреть своего времени» [5. Ч. 2. С. 173].

30 декабря царь указывал, если корабли из Англии не придут в январе, идти с теми, что уже прибыли, а в Копенгагене оставить Конона Зотова с командами, чтобы по прибытии двух кораблей тот шел в указанный путь [5. Ч. 1. С. 122].

5 февраля 1713 г. моряк принял в командование корабль «Рандольф». 22 февраля он вступил под паруса и, конвоируя два других, привел все три корабля из Копенгагена в Ревель 2 марта. 3 апреля Синявин был произведен в капитан-поручики [4. Ч. 2. С. 81; 44. Ч. 1. С. 343].

24 апреля 1713 г. Петр указывал Синявину, если тот со шнявой прибыл к Кроншлоту, идти в море, сообщить, как далеко простирается лед, затем оставаться у кромки льда и возвращаться после того, как море очистится до Березовых островов [5. Ч. 1. С. 132].

Летом моряк был в Ревеле. 3 июня 1713 г. он писал: «Письмо Вашего Величества я получил в 12 часу; и в тот же день Англинским капитаном Твоих писем не отдали, понеже были шумны, на завтра из Риги пришла почта, и к ним письма: что им свои корабли свободно проводить до флота; а кто не пожелает отдать Коменданту Ревельскому. А здесь

от Риги по все дни Шведских кораблей видим по 5 и по 6; а от Нарвы не видим. От разсыльных казаков на всякой день об них достаем рапорты. Капитан Сиверс еще ко мне не бывал» [5. Ч. 2. С. 185].

24 июня Петр послал в Ревель П. Сиверса с группой офицеров и матросов, чтобы вести прибывшие корабли [5. Ч. 1. С. 142—143]. В тот же день Н.А. Синявину Петр писал, что получил письмо от 20 июня, в котором тот извещал, что иностранные моряки не хотят идти в Санкт-Петербург. Он сообщал, что послал 300 служителей с Сиверсом и указал подбирать для укомплектования экипажей всех знакомых с морским делом и пригодных к службе в Ревеле. После прибытия Сиверса следовало идти к указанной цели [5. Ч. 1. С. 159—160].

В начале июля, командуя кораблем «Рандольф», капитан-поручик вышел из Ревеля с отрядом капитан-командора Шельтинга, у Сескара соединился с эскадрой вице-адмирала К. Крюйса, ходил до Ревеля и участвовал в неудачной погоне за шведскими кораблями. По возвращении в Санкт-Петербург Синявину поручили вооружение транспортных судов — тьялок [44. Ч. 1. С. 343].

Следующей весной вновь капитан-поручика послали встречать корабли. 3 апреля 1714 г. царь из Санкт-Петербурга писал капитану Н.А. Синявину: «1. Приехав в Ревель, тотчас послать на Наргин, также и по берегу на Вестную сторону лоцманов, унтер-офицеров и солдат смотреть кораблей наших.

2. Когда явятся, не медленно их проводить в гаван (для чего ежели оной еще не очистился, то надлежит оной пропиловать до чистой воды, дабы не мешкая кораблем пришел на море) однакож добрую осторожность иметь: чтоб неприятель не обманул, и для того дать флаги лоцманам, чтоб на близ приехав сделали шум, а солдатыб выстрелили, чтоб тем перво их к себе позвать и подлинно увеждать.

3. Когда корабли придут, то их удовольствовать по наймом их, и искать всячески чтоб приняли службу, а имянно: Капитанов, Поручиков, Шиперов, Констапелей и Подконстапелей» [5. Ч. 1. С. 198—199].

Кроме того, моряку следовало провести из Рогервика пришедшие из Архангельска корабли [44. Ч. 1. С. 343].

13 апреля 1714 г. Синявин писал царю, что берегом прибыл в Ревель штурман Лебядников, который сообщил, что «Архангел Рафаил» стоит в шести милях, в Рогервике, а 3 корабля из Англии не могут пройти к Ревелю из-за льда. Пилить же лед нельзя, ибо он ненадежен, а между гаванью и Наргеном образовалась большая полынья. Для охраны от неприятеля были посланы 100 солдат и артиллерийский майор, чтобы поставить батарею [5. Ч. 2. С. 243]. 17 апреля Петр, получив известие, что корабли «Арондель», «Армонт» и «Фортуна» в пяти милях от Ревеля, запросил Н.А. Синявина, какие пушки на «Аронделе», сколько кораблям требуется якорей и канатов, и указал расспросить английских офицеров, где корабль «Леферм» [5. Ч. 1. С. 204]. 24 апреля Синявин написал ответ царю на его запрос о пушках, якорях и канатах на купленных кораблях [5. Ч. 2. С. 246—247]. 30 апреля он сообщал, что накануне прибыли в Ревель «Фортуна», «Арондель» и «Армонт» и он намерен их принимать; моряк запросил указа об отправке английских моряков на родину [5. Ч. 2. С. 247].

В мае 1714 г. Синявин сообщал царю, что накануне был в Риге, где стояли корабли, и по требованию английских капитанов из Ревеля прислал по 100 человек экипажей. Он писал, что начали пилить лед и что он не располагает письмом к одному из капитанов, чтобы принять его корабль [4. Ч. 2. С. 106—107]. 18 мая 1714 г. он докладывал: «Доношу Вашему Величеству, вчерашнего числа пришли к Наргину 4 корабля линейных, да 3 фрегата Шведския, и прошед Наргин к Ревелю остановились над Ревелем, из которых подходил к гавани 1 корабль и шнява для осмотра, и осмотрев назад возвратились к тем же кораблям, которые купно же пошли в море. А сего числа в 11 часу утра, пришли 3 гальота из Риги с пушками, за которыми и Шведския корабли пришли к Наргину. Мы зело удивляемся как Бог закрыл им зрение, что в самой близости прошли» [4. Ч. 2. С. 107—108].

28 мая 1714 г. Синявин писал: «Доношу Вашему Величеству, ездил я в Пернов для осмотра корабля «Перла», и по прибытии своем сыскал одного Лоцмана, который тот корабль привел к берегу за 2 версты малых. Сняв с него пушки и выняв несколько баласту, только оставлено 13 пушек для

обороны от малых судов. И ныне приказал сделать еще батарею, от которой без всякого страха от неприятеля сохранена будет. А оный корабль поставили от Пернова в 3 верстах на W. Здесь и в других местах везде поставлены караулы, от 18 мая неприятельских кораблей не видали, толкно слышали временами пушечную пальбу на море к Гельсингфорсу. Вчерашняго числа 31 человек унтер-офицеров в Ревель из Риги прибыли, которые приняты в службу Вашего Величества в Голландии» [4. Ч. 2. С. 108—109].

В 1714 г. Наум Синявин находился в плавании на одном из судов эскадры Шельтинга, в октябре вступил в командование новым кораблем «Нарва», провел его из Санкт-Петербурга к Котлину [44. Ч. 1. С. 343]. В следующем году корабль с другим командиром погиб на Кронштадтском рейде от удара молнии почти со всем экипажем.

26 января 1715 г. Синявина произвели в капитаны 4-го ранга; он находился первоначально на корабле «Ингерманланд» эскадры генерал-адмирала Апраксина, затем командовал кораблем «Св. Екатерина». 16 августа, командуя кораблем «Страфорд», под конвоем английской эскадры Д. Норриса, моряк отправился из Ревеля в Англию и Голландию для закупки припасов и найма морских служителей, заходил ненадолго в Лондон и зимовал у Тексея [44. Ч. 1. С. 343].

9 сентября 1715 г. царь с Котлина указывал Синявину купить в Англии пушки, какие стоят на английских боевых кораблях, нанять одного-двух человек, умеющих работать с водолазным колоколом, приобрести в качестве образцов две шлюпки английские и сети для лова рыбы на ходу и на якоре [5. Ч. 1. С. 339—340].

6 декабря 1715 г. Н. Синявин сообщал, что 2 декабря прибыл в Тексель и задержан противным ветром. Он намеревался, забрав царские грузы в Амстердаме, идти в Копенгаген. В Лондон он пройти не мог. Два корабля из Гревзенда должен был вести в Россию Бредаль [5. Ч. 2. С. 382—383]. 13 декабря 1715 г. Синявин писал, что получил указ зимовать в Амстердаме и взять огородные вещи, которые нельзя выкапывать ранее марта — апреля. Буер поставить н корабль он не мог. В сильный мороз море у Антверпена замерзло

[5. Ч. 2. С. 388—389]. 27 декабря 1715 г. В. Шельтинг доносил, что корабли Синявина у Текселя вмерзли в лед. По совету с Синявинным он решил товары со «Страфорда» выгрузить [5. Ч. 2. С. 391].

20 января 1716 г. Н.А. Синявин докладывал: «Доношу Вашему Величеству сего Генваря 18 дня штормом и множеством льда оборвало у меня якорные канаты и тем льдом принесло на мель к Голландскому флейту, о который весь бок проломило, так что чрез 4 часа корабль полон воды наполнился. И так льдом заметало, что выше бортов было, от которого мы ожидали все подавлены быть. И той ради случившейся на меня злой напасти, писал в Амстердам к г. Соловьеву, чтоб нанял под людей моих до Копенгагена флейт, где поставлю и буер Ваш, также и огородные деревья» [5. Ч. 4. С. 6—7].

29 марта 1716 г. Синявин доносил царю, что растения и другие грузы получил и разместил на корабле и купленном фрегате; он собирался выходить в море 30 марта [5. Ч. 4. С. 29].

5 мая 1716 г. из Штеттина Петр писал Синявину, чтобы тот корабль свой с деревьями и другими грузами отпустил с англо-голландским конвоем, а оставшихся держал при себе в Копенгагене, как и заказанные в Англии шляпки [5. Ч. 3. С. 34—35]. 2 июня 1716 г. из Копенгагена Синявин сообщал, что выполнил все указы царя, однако пока английская эскадра стоит в Эльсиноре, а когда двинется на Балтику, сообщит Петру. Он был переведен на «Девоншир» с экипажем «Страфорда», а на последнем оставил 70 человек [5. Ч. 4. С. 47—48].

Приняв корабль «Девоншир», Синявин вошел в состав эскадры, собравшейся на Копенгагенском рейде, и участвовал в крейсерстве по Балтийскому морю с союзным флотом под флагом Петра I к Борнхольму, а осенью возвратился в Ревель [44. Ч. 1. С. 344].

В мае 1717 г. Синявин был произведен в капитаны 3-го ранга, в сентябре командирован князем А.Д. Меншиковым на галиоте к Сойкиной мызе и, простояв около месяца, вернулся в Санкт-Петербург; в октябре он проводил на камелях из Санкт-Петербурга к Котлину корабль «Св. Александр». В мае 1718 г. моряка произвели в капитаны 2-го ранга; коман-

дую кораблем «Рига», летом он ходил в эскадре генерал-адмирала Ф.М. Апраксина [44. Ч. 1. С. 344].

6 января 1719 г. Петр предписал Синявину ехать в Гамбург, принять корабль «Рандольф» с экипажем и поставить в безопасном месте на Эльбе у Глюкштадта. Во время стоянки следовало починить яхту, подаренную королем Пруссии, а весною с кораблем, яхтой и торншхоутом идти в Ревель. Для безопасности было рекомендовано использовать как прикрытие датские, английские, голландские морские конвои или крейсера. Деньги на расходы следовало брать у купца Говерса [5. Ч. 3. С. 170—171].

13 марта 1719 г. Синявин доносил, что перешел из Гамбурга с яхтой и торншхоутом в Глюкштадт, где корабли стоят в готовности к походу. С первым ветром он собирался идти в Норвегию, чтобы узнать о корабле «Армонт» и готенбургской (гётеборгской) эскадре. Ему было неизвестно, придет ли англо-голландский конвой [5. Ч. 4. С. 171—172]. 14 апреля моряк сообщал, что 12 апреля прибыл в Копенгаген и собирается идти в Ревель с яхтой и торншхоутом [5. Ч. 4. С. 175—176].

В мае 1719 г. Синявин привел из Гамбурга в Ревель корабль «Рандольф» и яхту, подаренную царю королем прусским, а затем на яхте перешел в Санкт-Петербург [44. Ч. 1. С. 344].

Все эти сведения о службе Н.А. Синявина свидетельствуют, что он был умелым моряком и недаром получал новые чины после нелегких плаваний по Балтике. Но это было лишь вступлением к настоящему успеху, вошедшему в историю.

2. Эзельская победа

Весной 1719 г. генерал-адмирал русского флота Ф.М. Апраксин получил известие, что из Пиллау в Стокгольм выходят суда с хлебом, охраняемые шведской эскадрой. Известие направил поручик А.П. Апраксин, который крейсировал с «Самсоном» и «Лансдоу» [4. Ч. 2. С. 94]. 10 мая генерал-адмирал выслал в крейсерство с отрядом из 6 кораблей и шнявы Н.А. Синявина. Капитан 2-го ранга должен был истребить конвой, не вступая в бой с превосходящими силами противника.

15 мая 1719 г. Синявин писал из Ревеля: «Доношу Вашему Величеству, сего Мая 14 дня корабли в команду свою принял, а имянно: «Портсмут», «Девоншейр», «Ягудиил», «Уриил», «Рафаил», «Варахаил». И людьми их укомплектовал полным числом. А «Селафаил» введен в гавань и разоружен совсем; понсже Порутчик того корабля сказал, что очень течет. А Капитан того корабля, Беринг, в С.П.бурге. А корабль «Рандольф» совсем разоружен, и мастер Девенпорт обещал починить его в 2 недели. Я сего дня в путь свой пойду. Вместо «Селафаила» взял с собою шняву “Наталию”» [4. Ч. 2. С. 94—95; 5. Ч. 4. С. 180—181].

В ночь на 24 мая эскадра Синявина обнаружила в море между Эзелем и Готска-Сандё шведский отряд капитан-командора Врангеля, состоявший из корабля, фрегата и бригантины. Имя брейд-вымпел на корабле «Портсмут», Синявин сначала скрытно преследовал неприятеля, стараясь занять наветренное положение, а утром атаковал его. Сблизившись с противником, русские корабли открыли огонь. В ходе боя Синявин отрезал неприятельские фрегат и бригантину. Линейный корабль уходил на всех парусах. Синявин послал за ним два корабля, которые заставили Врангеля слаться. Спустили флаги и два других судна. Шведы лишились 50 человек убитыми, 337 пленными; русские потеряли 7 человек убитыми [42. С. 228; 44. Ч. 1. С. 344].

26 мая 1719 г. Синявин рапортовал царю о победе: «Доношу Вашему Величеству, сего мая против 24 числа в полночь увидели мы 3 судна, идущих от нас к западу между Эзеля и Готска-Санде, за которыми сделав сигнал моей Ешквадре, распустя все паруса пошел. В начале 3 часа, как стал свет, осмотрели, что 2 корабля и 1 бригантин, до которых в начале 5 часа своим кораблем, и другой при мне, «Девоншейр», дошли в пушечную стрельбу под Шведскими флаги, и выпалил с ядром из пушки, чтоб показали свои флаги, потом выпалили еще из пушки. Тогда Шведской Командорской брейдвымпел и флаги свои подняли. Тогда я Шведской флаг спустил и поднял брейдвымпел и флаг Вашего Величества и с Божиею помощию, против Командорскаго корабля, подняв красной флаг стали стрелять, и были друг против друга от 5 часа, даже до 9, от которого я получил, что штаги и марсели сбил у меня долой. И для того,

Командорской вымпел взял у меня перед, а задний Шведской фрегат нашел на меня; тогда я стал против его носу боком и со всего исподняго деку запалил картечьми, который спустил свой флаг; также и бригантин. А Командор Шведской разставил все свои паруса и пошел на утек. Я сделал сигнал Архангелогородским кораблям, чтоб за ним гнались и онаго абордировали, а я исправясь своим кораблем и шнявою «Наталией», пошел за ними, Г. Зотова оставил для взятого фрегата и брегантины. В начале 12 часа Капитаны Шапизо и Деляп, Командорской корабль догнали и у онаго стеньги сбили; которой также флаг спустил.

Сие все Божиею помощью и Вашего Величества моего Всемилоостивейшего Государя щастием сделано, без великой утраты людей Вашего Величества. А для подлиннаго известия что делается в Швеции, послан Капитан Командорскаго корабля, до Вашего Величества. При сем прилагаю регистр взятым кораблям, также Обер и унтер-офицерам, матрозам и солдатам. Я иду со всею Ешквadroю и взятыми Шведскими кораблями в Ревель; понеже многие корабли требуют починки как стеньгов, так парусов и веревок.

Регистр взятых кораблей

Корабль «Вахмейстер» Капитан-Командор Врангель — 52 пуш.

Фрегат «Карлс-Крон-Вапен» — 34 пуш.

Бригантин «Бернардус» — 12 пуш.

Офицеров — 11

Нижних чинов — 376

Всего — 387" [4. Ч. 2. С. 95—97].

Петр I, получив это донесение утром 30 мая, в день рождения, воспринял известие как подарок. 8 июня 1719 г. он писал Синявину: «Господин Капитан! Письмо ваше от 26 мая писаное, я в Петербурге в 30 день получил, которое Нас весьма зело обрадовало сим добрым почином флота Российскаго, за что вас зело благодарствую и всех с вами трудившихся. И имею указ от Его Величества при прибытии в Ревель вам всем объявить его милость; а что долго вам не ответствовал, то для того понеже на завтра той ведомости пошли в Кроншлот и чаяли скоро прибыть в Ревель, но за противными ветры и по сие время стоим здесь. Того ради сие письмо к вам посылаем. Петр» [4. Ч. 2. С. 97—98].

Сразу же после возвращения в Ревель Сиявин взялся за ремонт кораблей. 11 июня моряк писал: «Вчера прибыл сюда в Ревель Голландской гукор, которой пошел из Амстердама 20-го мая, и сказывал, что там готовятся 12 кораблей; а куда, не знает. А сего Июня 4-го дня, видел он у Копенгагена 13 кораблей датских, лежат на рейде, да одну шняву подле Борнгольма; а Шведских кораблей на море не видал. Взятой Шведский корабль «Вахмейстер» стали чинить, а корабль «Рандольф» совсем отделан» [5. Ч. 4. С. 187—188].

17 июня царь пришел с флотом в Ревель. Когда Сиявин прибыл на «Ингерманланд», Петр пожаловал его из капитанов 2-го ранга в капитан-командоры, Шапизо и К.Н. Зотова — в капитаны 2-го ранга, Деляпа — в капитаны 3-го ранга. Участникам сражения были выданы 11 000 рублей призовых денег, а всем капитанам вручены золотые медали [4. Ч. 2. С. 98].

26 июля Сиявин получил царский указ с кораблями «Св. Екатерина», «Лондон», «Арондель», «Рандольф» и «Селафил» отправиться к урочищу Ландсорту [4. Ч. 2. С. 98—99]. В июле и августе Сиявин командовал кораблем «Св. Екатерина», плавая в Балтийском море и у острова Аланда для охраны галерного флота, действовавшего у берегов Швеции, а также ходил с отрядом из 3 кораблей к Ничепингу для наблюдения за неприятельскими судами [44. Ч. 1. С. 344]. Он пробыл в море до глубокой осени, взял 3 шведские шхуны. В конце сентября капитан-командор получил повеление прибыть в Санкт-Петербург и доставить корабль «Исаак-Виктория» в Кроншлот.

После возвращения в Санкт-Петербург моряк вступил в командование кораблем «Исаак-Виктория», имея повеление вооружить его к осени, а также руководил работами по подъему затонувших близ Котлина кораблей «Лондон» и «Портсмут». В 1720 г. его за труды пожаловали имением в Рязанском уезде из отписанных в казну деревень Соловьева [44. Ч. 1. С. 345].

В 1720 г. моряк начальствовал эскадрой в крейсерстве. 31 января 1721 г. Сиявина назначили присутствовать в Адмиралтейств-коллегии. В кампанию он командовал кораблем «Св. Андрей» Котлинской эскадры вице-адмирала П. Михайлова, который держал флаг на корабле «Ингер-

манланд». В сентябре капитан-командор командовал эскадрой; имея брейд-вымпел на корабле «Св. Александр», он был послан от Котлина в Гельсингфорс с 6 кораблями, чтобы зимовать там, однако 3 сентября Петр направил ему указ ввиду окончания войны идти в Кроншлот [4. Ч. 2. С. 99; 44. Ч. 1. С. 345].

3. Флагман Балтийского флота

22 октября 1721 года по случаю мира со Швецией моряка произвели в шаутбенахты (контр-адмиралы). В 1722 г. на Котлине он исправлял должность командующего флагмана, в феврале был уволен для лечения к «марциальным водам», в ноябре командирован депутатом от Адмиралтейств-коллегии в Воронеж, на приписанные к адмиралтейству города и заводы для «освидетельствования» [44. Ч. 1. С. 345].

В 1723 г. весь флот под флагом генерал-адмирала выходил в море. Царь командовал авангардом с адмиральским флагом на корабле «Св. Екатерина». Шаутбенахт Н.А. Синявин поднял флаг на передовом корабле авангарда «Св. Андрей» [4. Ч. 2. С. 100]. В 1724 г. он плавал в эскадре вице-адмирала Вильстера и по именному указу был послан в Москву. После смерти Петра I моряк остался в чести. В мае 1725 г. императрица Екатерина I пожаловала Синявину орден Св. Александра Невского; его посылали депутатом от Адмиралтейств-коллегии в Кронштадт при вооружении и разоружении флота, он заведовал морской корабельной командой в Санкт-Петербурге [44. Ч. 1. С. 345].

Когда в 1726 г. было указано подготовить флот к походу под флагом Ф.М. Апраксина, при генерал-адмирале были два младших флагмана: вице-адмирал Т. Гордон и контр-адмирал Н.А. Синявин. С 14 мая по 3 октября флот стоял на якорях на Кронштадтском рейде. В августе 1726 г. корабль Синявина («Дербент») посетил герцог Голштинский, которому контр-адмирал показал корабль. Сопровождавшие герцога шведы отметили чистоту корабля и удобство его конструкции (высоту палуб, значительное расстояние между орудиями) [4. Ч. 2. С. 100—102]. Осенью Синявин отправился в Ревель с отрядом судов, имея флаг на корабле «Нептунус». Возвратившись в Санкт-Петербург, контр-адмирал стал присутствовать в Адмиралтейств-коллегии, в декабре был по-

слан депутатом в Москву, Тавров на заводы «для наилучшего исследования дел» [44. Ч. 1. С. 345—346].

28 марта 1727 г. Наума Акимовича назначили членом комиссии при кабинете Е.И.В. для рассмотрения окладов и расходов двух воинских комиссий, 6 мая моряк был произведен в вице-адмиралы; начальствуя отрядом судов с флагом на корабле «Дербент», он ходил в Киль, чтобы отвезти герцога и герцогиню Голштинских [44. Ч. 1. С. 346].

В царствование Петра II А.Д. Меншиков постарался избавиться от герцога Голштинского, имевшего авторитет при дворе, и добился его согласия выехать за границу. Отправку семьи герцога Меншиков поручил Н.А. Синявину. Тот отобрал 3 лучших корабля и 3 фрегата с несколькими ластовыми судами и приготовил их к походу в Киль. Вице-адмирал в августе вернулся в Кронштадт. Очевидно, моряк успешно выполнил поручение, ибо 25 мая ему пожаловали деревню. Он вновь начал заседать в Адмиралтейств-коллегии, начальствовал над корабельными и галерными командами в Санкт-Петербурге. Вице-президент коллегии П.И. Сиверс посылал его для обозрения и устройства Петровских и Олонецких заводов [4. Ч. 2. С. 102—103; 44. Ч. 1. С. 346].

15 апреля 1728 г. Синявина определили главным командиром над галерным флотом; он находился депутатом от коллегии при вооружении флота в Кронштадте, а 5 ноября был назначен в Воронеж и Тавров для наблюдения за разломкой кораблей и судов, построенных до 1710 г. [44. Ч. 1. С. 346].

В 1729 г. вице-адмирал находился в Москве, докладывая по делам Адмиралтейств-коллегии Верховному тайному совету, от имени которого по прибытии в Санкт-Петербург объявил коллегии благодарность за экономию части денег из 200 000 рублей, ассигнованных на нужды флота, и вновь принял главное командование над галерным флотом. За службу 29 марта 1729 г. ему пожаловали 1167 душ крестьян, в июле — из приписных к ликвидированным Тирпицким заводам деревни, для осмотра которых он был уволен в отпуск на месяц [4. Ч. 2. С. 103; 44. Ч. 1. С. 346].

В 1729 г. адмирал П.И. Сиверс послал Синявина в Воронеж для разборки старых кораблей. Контр-адмирал быстро выполнил поручение. Однако Сивере задерживал моряка на

юге без особой надобности до начала 1730 г. 21 февраля 1730 г. указ Верховного тайного совета потребовал вице-адмирала в Москву с отчетом о корабельном и галерном флоте; после возвращения из Москвы тот по-прежнему вступил в командование галерным флотом. В его заведовании оказался Галерный порт и все строительств в нем. В 1731 г. моряк был послан депутатом от коллегии к Сестрорецким заводам [4. Ч. 2. С. 103—104; 44. Ч. 1. С. 346].

25 мая 1732 г. Синявина назначили членом воинской морской комиссии, которую учредили для создания нового положения об устройстве флотского управления. Он предложил вернуться к петровскому Регламенту 1722 г., внося в него ряд изменений. Но его предложение не приняли. Флагман был депутатом от коллегии при вооружении и разоружении флота в Кронштадте. 25 июля его повысили в вице-адмирала синего флага. В августе 1732 г. Синявин передал Галерный порт и главное командование галерным флотом адмиралу Н.Ф. Головину и был направлен наблюдать за строительством и присутствовать в конторе главного командира в Кронштадте [4. Ч. 2. С. 104; 44. Ч. 1. С. 346 347].

В 1733 г. вице-адмирал состоял депутатом от коллегии при вооружении и разоружении флота, произвел по новому положению расписание команд по ротам; в декабре, в отсутствие Т. Гордона, он был назначен исправлять должность главного командира в Кронштадте [44. Ч. 1. С. 347].

В 1734 г. русско-французские противоречия по вопросу о том, кому быть королем Польши, привели к конфликту. Русский флот блокировал Данциг. С флотом ходил и Н.А. Синявин, имея флаг на корабле «Св. Александр». Он принимал участие в военных действиях, а после возвращения был послан с отрядом судов с флагом на корабле «Шлиссельбург» в Ревель, где исправлял обязанности главного командира. В награду за долгую службу, по его просьбе, Анна Иоанновна повелела двух его сыновей принять во флот мичманами [4. Ч. 2. С. 103; 44. Ч. 1. С. 347].

В 1735 г. Синявин состоял в Риге для наблюдения за отправкой в Кронштадт ржи на военных судах, бывших в кампании, — Кронштадтский порт испытывал недостаток провизии. В его подчинении был отряд из кораблей, фрегатов и транспортов. После успешного завершения пере-

возки моряку было велено оставаться в Санкт-Петербурге, но не присутствовать в Адмиралтейств-коллегии (неизвестно, по его просьбе или воле президента Н.Ф. Головина) [4. Ч. 2. С. 104—105].

4. Командующий Днепровской флотилией

Начавшаяся Русско-турецкая война 1735—1739 гг. потребовала участия старого моряка.

2 июля 1737 г. войска Б.Х. Миниха после жестокого обстрела и штурма взяли Очаков. Фельдмаршал сообщал в донесении, что среди многих трофеев захвачены 18 галер и много других вооруженных судов. Считая Очаков «наиважнейшим местом, которое Россия когда-либо завоевать могла и которое водою защищать можно», он предлагал прислать строителей и материалы, чтобы сделать крепость оплотом страны на Юге, ибо она стояла на пути, связывающем турок и татар. Особую роль флота Миних отмечал в следующих строках: «...В Брянске суда надобно достраивать и послать туда искусного и прилежного флагмана и мастеров; взять в службу старых морских офицеров из греков, которым Черное море известно; на порогах при низкой осенней воде большие камни подорвать, чему я велю сделать пробу. От состояния флотилии и от указа ее величества только будет зависеть, и я в будущем году пойду прямо в устье Днестра, Дуная и далес в Константинополь» [66. Кн. X. С. 413].

5 июля, приведя Очаков в оборонительное состояние, Миних направился к Бугу, переправился через реку и остановился в 40 верстах от Очакова из-за недостатка фуража. Действовать по Днестру он не мог без судов. Из-за бескормицы к концу лета фельдмаршал, оставив часть войск при Лимане, отпустил остальные. В конце августа он посетил Кинбурн и Очаков для совета с морскими офицерами [66. Кн. X. С. 414—415].

После взятия Очакова Россия получила выход к Черному морю по Днепру. Однако Днепровская флотилия запоздала из-за трудностей прохода порогов, и первые суда, построенные в Брянске, прибыли к крепости лишь 19 июля. Контр-адмирал В.А. Дмитриев-Мамонов не приехал в Очаков по вызову Миниха, моряков в крепости оказалось мало, старший из них капитан Брант оказался болен, а остальные

офицеры заявили, что их суда пригодны только на Днепре и Лимане. Сообщая об этом, Миних писал: «И понеже, по моему рассуждению, благополучное проведение будущей кампании и все аванжаи зависят от того, кто на море сильнее быть может, того ради всеподданнейше прошу указать о строении довольного числа годного флота, а понеже ныне время уже позднее, а расстояние до границ немалое, того ради я и с достальным войском следую к границам, куда прибыть надеюсь поздно» [66. Кн. X. С. 414—415].

Нужного флагмана в столице нашли. В августе 1737 г. Н.А. Синявина командировали в Тавров, чтобы принять морское командование и подчиняться генерал-фельдмаршалу графу Миниху. Он получил также разрешение коллегии причислить сыновей к Брянской флотилии [4. Ч. 2. С. 105; 44. Ч. 1. С. 347].

3 сентября Брянскую (Днепровскую) флотилию возглавил Синявин. К 1 октября флотилия у Очакова состояла из 76 кончебасов и дубель-шлюпок. Турецкая флотилия, подошедшая в начале октября, вскоре удалилась, заметив в Днепровском лимане русские суда. Попытка турок осадить Очаков с суши окончилась неудачей.

В начале октября Миних встретился с Синявиным в Полтаве и договорился, какие суда строить в Брянске и как их спускать к морю. Он решил оставить вице-адмирала в Брянске для надзора за кораблестроением и писал императрице: «На вице-адмирала крепкую надежду иметь можно, что он порученное ему дело исправит, от приготовления же нового надежного флота зависит возможность принудить турок к миру, потому что я тогда могу за неприятельским флотом всюду следовать и брать турецкие корабли, как крепости» [66. Кн. X. С. 417].

Синявин энергично взялся за дело. Чтобы менее зависеть от проводки судов через пороги, он организовал сооружение на острове Хортица верфи, которую достроили в следующем году. Флотилию к весне 1738 г. пополнили 118 гребных судов. Однако эпидемия чумы, поразившая полевые войска и гарнизон Очакова, ослабила русские силы. В августе 1738 г. 347 судов Днепровской флотилии эвакуировали остатки гарнизонов Очакова и Кинбурна.

Синявин в этом уже не участвовал: он стал жертвой чумы. В 1738 г. контр-адмирал Дмитриев-Мамонов донес, что в июне вице-адмирал Н.А. Синявин скончался в Усть-Самаре. [4. Ч. 2. С. 105]. Нет сомнения, что его труды способствовали усилению Днепровской флотилии — этому последнему деянию петровского моряка на службе России.

Один из его сыновей, Алексей Наумович Сенявин, стал адмиралом и известен как создатель Азовской флотилии, вышедшей при Екатерине II на Черное море и послужившей основой для создания Черноморского флота.

ГОЛИЦЫН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

Корабли брать с гребных судов более сложно, чем крепости. Недешево обошлись и взятие «Гедана» и «Астрильда» у устья Невы в 1703 г., и пленение эскадры Эреншельда при Гангуте. Самой яркой победой явился захват четырех фрегатов, чьи ошестинившиеся десятками пушек борта с двухэтажный дом могли смутить многих, но не русских гвардейцев, которыми командовал М.М. Голицын.

Голицыны происходили от литовского князя Гедимина. С XIV в. они служили в Новгороде, с XV — в Москве. Один из старейших родов выделялся военными и политическими деятелями. Отцом полководца был боярин Михаил Андреевич Голицын (ум. в 1687 г.), который служил воеводой Смоленским (1674—1675), Киевским (1678—1679) и Курским (с 1682). Из четырех его сыновей трое вошли в историю: известный государственный деятель Д.М. Голицын (1665—1737), генерал-адмирал М.М. Голицын-младший (1684—1764) и генерал-фельдмаршал М.М. Голицын (старший) [1].

Князь Михаил Михайлович Голицын (старший) родился 1 (11) ноября 1675 г. Службу он начал в 12 лет барабанщиком Семеновского полка, поступив в него из стольников в 1687 г., в 1694 г. был произведен в прапорщики. Князь учился военному делу вместе с Петром I, участвовал в Азовских походах 1695—1696 гг. В 1695 г. за храбрость под Азовом его произвели в поручики. При взятии крепости в следующем году Голицын был ранен стрелой в левую ногу и произведен в капитан-поручики. В 1698 г. он участвовал в усмирении стрельцов вблизи Воскресенского монастыря, был

в Керченском походе 1699 г. В Северную войну Михаил Голицын вступил капитаном гвардии, под Нарвой был ранен в ногу и руку. В 1701 г. его произвели в майоры и подполковники [2. Ч. 1. С. 132—133].

Особенно офицер отличился при осаде Нотебурга — крепости, стоявшей при впадении Невы в Ладожское озеро. После двухнедельного артиллерийского обстрела на 11 октября был назначен штурм. В Неву волоком доставили 50 судов. Сначала для атаки были предназначены около двух тысяч солдат Семеновского полка подполковника М.М. Голицына и майора Карпова, которые на лодках высадились под стенами крепости. Приставив лестницы, они пошли на штурм, однако были отражены упорно оборонявшимися шведами. На помощь прибыли 500 человек А.Д. Меншикова, с которыми Голицын продолжил атаки [25. С. 59]. Когда из-за упорного сопротивления шведов сам Петр I усомнился в успехе и приказал отступить, князь отказался. Он оттолкнул от берега лодки, на которых его солдаты могли спастись, и приказал передать царю: «Теперь я принадлежу одному Богу!» Организовав стремительную атаку, Голицын ворвался в крепость. За эту победу Петр наградил офицера золотой медалью, 394 дворами крестьян в Козельском уезде и почетным званием полковника Семеновского полка [2. Ч. 1. С. 133; 17. С. 364].

Голицын участвовал во взятии Ниеншанца (1703), Нарвы (1704), Митавы (1705). Князь командовал бригадой, участвовал в обороне Гродно, в 1706 г. был произведен в генерал-майоры и с дивизией в составе полков Семеновского, Ингерманландского, Вятского и Черниговского действовал в Польше. В 1707 г., состоя в корпусе генерала Галарта, он получил от Петра I указ заготовить провиант и фураж, строить мосты через болота. Вместе с главными силами Голицын отступал к Днепру [2. Ч. 1. С. 133].

После начала вторжения Карла XII князь не раз отличался в сражениях. В ночь на 30 августа 1708 г. Голицын разгромил шведский отряд Рооса при селе Добром.

В сражении 29 августа со шведами под Добрым Петр I заметил, что правое крыло шведской армии (5000 пехоты и несколько тысяч конницы) оторвалось от главных сил коро-

ля. Пользуясь удачной обстановкой, он направил М.М. Голицына с 8 батальонами гренадер и генерал-поручика Флюка с 30 эскадронами драгун. Конница из-за трудных переправ задержалась, и Голицыну пришлось вступить в бой одному. Несмотря на пересеченную местность, князь под прикрытием тумана провел свои батальоны и решительно атаковал превосходящего противника. После трехчасового сражения, потеряв 3000 человек, шведы бежали, а Голицын в полном порядке в виду приближающихся войск Карла XII вернулся к своим силам с 6 неприятельскими знаменами [2. Ч. 1. С. 133—134; 11. С. 201—202]. Прямо на поле боя Петр наградил генерал-майора орденом Св. Андрея Первозванного [17. С. 364].

28 сентября 1708 г. Голицын отличился при разгроме Левенгаупта в сражении при Лесной. За храбрость и блестящие действия царь удостоил его чина генерал-поручика, своего портрета с бриллиантами и предложил просить, что тот пожелает. Голицын попросил простить разжалованного в рядовые за проигранное сражение при Головчине А.И. Репнина. Опальный генерал был недругом Голицыну, но как патриот князь считал необходимым сохранить талантливого полководца. Петр выполнил его просьбу и дополнительно пожаловал 800 крестьянских дворов [2. Ч. 1. С. 134—135; 17. С. 364].

В Полтавском сражении 27 июня 1709 г. М.М. Голицын командовал гвардией. Перед боем в ответ на обращение царя к полкам князь отвечал: «Царь государь! Ты видел труды и верность нашу, видел храбрость добрых твоих солдат на Левенгоуптской баталии, когда они целый день стояли в огне, шеренг не помешали и пядени места не уступили. Четыре раза от стрельбы ружья разгорались, четыре раза сумы и карманы патронами наполняли. Ныне войско у тебя то же, и мы — те же рабы твои. Уповаем на Бога такой же иметь подвиг и ныне, какой и тогда» [11. С. 202—203].

После окончания сражения Петр I по традиции организовал празднование победы. Вечером он отправил в погоню за отступавшими шведами пехоту князя М.М. Голицына и конницу Боура, Волконского и фон Вердена. Только утром вслед был послан А.Д. Меншиков [11. С. 203; 47. С. 55].

Первым достигнув Переволочны, 30 июня Голицын вступил в переговоры с Левенгауптом. Он расставил своих многочисленных солдат с лошадьми в отдалении так, что они казались значительной силой, и потребовал капитуляции. Когда же прибыл Меншиков с подкреплениями, 16-тысячное шведское войско сдалось. За этот успех Голицын был награжден многими деревнями [2. Ч. 1. С. 135]. Однако лавры победителя достались все же Меншикову.

В 1710 г. Голицын участвовал во взятии Выборга [9. Т. 17. С. 50]. Когда в августе того же года стало известно, что Турция готовится к войне, М.М. Голицына направили с войсками в Польшу. Ему следовало действовать так, чтобы склонить турок к сохранению мира [25. С. 103]. 23 декабря царь рекомендовал Голицыну готовить конницу против турок для ведения огневого боя [25. С. 106]. В 1711 г. князь защищал Украину от мятежных запорожцев и крымских татар, участвовал в Прутском походе [9. Т. 17. С. 50]. На военном совете в момент окружения русских войск он вместе с другими выразил желание скорее умереть, чем сдаться [2. Ч. 1. С. 135].

После похода Голицын привел свои полки к Смоленску, затем инспектировал войска Ингерманландского корпуса, найдя много упущений. В 1712 г., передав часть сил А.И. Репнину в Померанский корпус, князь принял участие в операциях Ингерманландского корпуса против шведов в Финляндии под командованием Ф.М. Апраксина. В мае 1712 г. он в Санкт-Петербурге в отсутствие генерал-адмирала принял в командование полевые войска и обнаружил значительный некомплект. Сенат принял меры к пополнению войск, но только в июне полки Апраксина направились к Выборгу. Голицын вместе с другими генералами разработал и внедрил правила походной службы, устройства лагерей, караульной службы, диверсий, действий галерного флота, участвовал в походе к реке Кюмени. Несмотря на активность Голицына, преодолеть сильные укрепления на реке не удалось, да и продовольствия не хватило [11. С. 203—204]. Было принято решение в следующем году действовать, обходя береговые позиции неприятеля морем на гребных судах.

В кампанию 1713 г. генерал-лейтенант М.М. Голицын участвовал в наступлении на Финляндию, командуя десант-

ными войсками, шедшими на галерах. 26 марта генерал-адмирал Ф.М. Апраксин приказал ему распределить по полкам для похода в Финляндию 3 полугалеры, 60 скампавей, 30 русских бригантин, 20 карбусов, 17 островских лодок [24. Т. 1. С. 148]. В мае 1714 г. более 200 судов галерного флота под командованием Петра I с 17-тысячным войском направились к берегам Финляндии; М.М. Голицын командовал полками, расположенными на галерах арьергарда И.Ф. Боциса [11. С. 204].

После взятия Гельсингфорса сухопутные войска Голицына (10 000—12 000 человек) направились по берегу к Або, а по морю (шхерами) его сопровождали 29 галер шаутбенахта И.Ф. Боциса с 4-тысячным отрядом. 28 августа князь занял Або; войска Либекера отступили к Тавастгусу. Однако эскадра вице-адмирала Лиллие преградила у мыса Гангут путь русским галерам с войсками и запасами. Из-за недостатка провизии Голицыну пришлось перейти в Гельсингфорс, оставив в Або небольшой отряд [25. С. 128]

В конце сентября войска Ф.М. Апраксина из Гельсингфорса направились к Тавастгусу. Сменивший Либекера генерал Армфельд оставил крепость и с 11-тысячным войском занял сильную позицию у реки Пелкина (Пялкяня), расположенную между озерами. С фронта позиция, прикрытая рекой, оказалась неприступной. Поэтому было решено переправить отряд на плотках через озеро, чтобы выйти неприятелю в тыл. Эта задача была поставлена 6-тысячному отряду М.М. Голицына. 6 октября 1714 г. генерал-лейтенант командовал в сражении при Пялкяня обходной колонной, которая на рассвете в туман переправилась на плотках через озеро в тыл шведской позиции и помогла успеху фронтальной атаки войск генерал-адмирала Апраксина. Шведы потерпели поражение и отошли к Васе, а 15-тысячный корпус Голицына расположился на зиму у Бьернеборга [25. С. 128—129].

В отсутствие Апраксина М.М. Голицын был главнокомандующим русскими войсками в Южной Финляндии. В начале года он направился к городу Васе, под которым расположился 8-тысячный отряд генерал-майора Армфельда. Князь, взяв с собой равное число войск, 19 февраля при деревне Лаппола встретил неприятеля. Армфельд, не дожи-

даясь нападения, сам дал залп и атаковал. Однако Голицын не торопился, и когда противник приблизился, встретил его сокрушительным залпом; затем русские войска решительно взяли в штыки и опрокинули его. Шведы потеряли убитыми более 5000 человек; в плен попало 534 человека с 20 знаменами, 7 пушками и 4 гаубицами [2. Ч. 1. С. 136; 25. С. 130—131]. В письме Апраксину князь писал: «Такого скорого и тяжелого огня на мою особу никогда не бывало. Но милостию Божиею и Его Царского Величества счастием над неприятелем учинена виктория... и, надеюсь, армия их во всеконечное разорение пришла» [11. С. 205].

Послав отряды на Нью Карлебю и Якобстад, Голицын отвел главные силы к Ништадту, Тавастгусу и Або. Русские войска разоряли территорию, однако по возможности князь выполнял просьбы пощадить населенные пункты [11. С. 205].

За победу под Лапполой Петр I произвел Голицына в генерал-аншефы и 13 марта послал ему благодарность: «Monsieur! Приятное ваше письмо чрез Адъютанта вашего мы получили здесь, и зело оному обрадовались, что Господь Бог не оставляет милости своей, и такую викторию даровал нам в начале сего году. Дай Боже, чтоб сей цвет был добром миру началом. При сем поздравляем вашей милости повышением чина за ваше мужество и достоинство! Петр.

P.S. Прошу мой поклон отдать вышним и нижним офицерам и рядовым, и благодарить за храброе их дело. Правда, не так бы хорошо было, когдаб все были; но славнее, что тех много, а частию побили» [2. Ч. 1. С. 136—137].

В письме царь интересовался, где находятся шведские войска, и «не можно ли их далее отбоярить» [2. Ч. 1. С. 137].

Голицын участвовал в Гангутском сражении 27 июля 1714 г. [9. Т. 17. С. 50; 17. С. 364]. Во время прорыва утром 27 июля мимо эскадры адмирала Ватранга он командовал войсками арьергарда галерного флота генерал-адмирала Апраксина [25. С. 136].

С осени 1714 г. доказавший свои полководческие способности князь командовал русскими войсками в Финляндии. В 1715 г. Голицын с Аландских островов послал отряд галер к берегам Швеции, чтобы взять «языков». С территории Финляндии он руководил набегами на берега Швеции [11. С. 207]. В кампанию 1719 г. при финлянд-

ском корпусе М.М. Голицына состояли 110 галер, включая 9 конных [25. Т. 1. С. 154]. В дальнейшем, командуя как войсками, так и перевозившими их галерами, князь боролся со шведами и управлял Финляндией до конца Северной войны. Немудрено, что молодой еще полководец, полный энергии и привыкший проявлять инициативу, стал победителем в необычном Гренгамском сражении.

Весной 1720 г. Апраксин получил указ подготовить к кампании флот, а М.М. Голицын — провести смотр войскам в Финляндии. Еще зимой царь намечал послать по льду Ботнического залива казаков к берегам Швеции. План осуществить не удалось из-за теплой зимы. Решили вторжение произвести на судах после таяния льда. По плану, выработанному 4 марта, следовало треть галер послать от Васы на Умео как отвлекающий маневр, а главные силы от Аландских островов вести под прикрытием эскадры парусного флота к шведскому городу Гевле, чтобы нанести шведам ущерб и подвигнуть их на заключение мира. В конце апреля флот из 105 галер, 110 островских лодок и 8 бригантин с десантом свыше 24 000 человек вышел из Або к Аландским островам. Царь дал указание Голицыну начинать действия. Следовало торопиться, пока шведы не собрали свои войска, а английская эскадра не прибыла на Балтику [25. С. 164—165].

Лето 1720 г. оказалось непростым для России. В мае на Балтику прибыл британский флот, чтобы защитить шведов. Соединение двух флотов позволяло союзникам рассчитывать на полную блокаду Балтийского флота. Но еще в начале мая отряд бригадира фон Менгдена на 35 галерах разорил город Умео в Швеции и 8 мая вернулся в Васу [25. С. 166].

Русское командование ожидало ответных действий неприятеля. В июне Голицына обеспокоила активность шведов у Аландских островов. Еще более встревожился царь и повелел отвести галеры с войсками в Гельсингфорс (Хельсинки). Ожидали десанта под Або (Турку). Галерный флот под прикрытием эскадры фан Гофта перешел от острова Лемланда к берегам Финляндии. Однако союзники ограничились патрулированием Балтики и не приближались к шхерам [25. С. 168]. Это ободрило Петра I, который распорядился вернуть в Або 15 наиболее старых галер. Вслед за тем последовало указание Ф.М. Апраксина направить не менее

50 судов для разведки. Воспользовавшись двумя указами, честолюбивый полководец выполнил оба и, собрав 61 галеру и 29 лодок, направился к выходу из шхер. В середине июля он знал, что в 12 милях от Або стоят 8 галер и несколько других судов шведов; более крупных кораблей не замечали. В письме генерал-адмиралу от 20 июля Голицын обещал, что не уступит при появлении неприятельского десанта, и просил только уточнить, держаться ли ему до последнего.

Менее решительный человек из поступавших приказов мог сделать вывод о запрещении далеко уходить от Або. Голицын понимал их иначе. 24 июля он со своей флотилией двигался к Ламеланду, направив отряд из 9 галер и 15 лодок к острову Корпо, чтобы обеспечить отход к Або. На следующий день высланная им разведка обнаружила у острова Ламеланда, где в предшествующую кампанию стоял русский флот, дозорную шведскую галеру. 26 июля там нашли уже 2 галеры, которые отошли к стоявшей у Ламеланда эскадре из линейного корабля, 4 фрегатов и меньших судов.

Ныне известно, что в этом районе крейсировали, прикрывая подступы к Стокгольму, эскадры адмирала К. Вахмейстера и вице-адмирала К. Шеблада [25. С. 168]. Видимо, после получения донесения от дозорной галеры Вахмейстер усилил младшего флагмана и направил его навстречу российской гребной флотилии. Шведы считали победу обеспеченной и намеревались атаковать неизмеримо слабейшего противника. Но такое же намерение было и у Голицына.

Заметив утром 27 июля, что шведский корабль вывели на буксире из пролива, генерал собрал военный совет, который решил перейти к гавани острова Гренгам и, если «погода будет тихая», абординовать заштилевшие неприятельские корабли. Князь был готов даже выйти в море, но шведы облегчили его задачу, вступив в пролив, чего, как писал Голицын в донесении, «невозможно было начаяться». Однако вести бой с мореходными кораблями при ветре и волнении было признано невозможным, и флотилия отправилась к месту прежней стоянки. Шведы преследовали, углубляясь в опасный пролив. После боя князь докладывал: «...оные (неприятельские) корабли за нами ж азартовали, и усмотря, что так далеко к заливу пробились, а отмели и каменья

много, принуждены в надежде поимки абординговать и как стали к ним пригребать, и оных во оборотах, для пушечной стрельбы и в ретираде и что снасти перебиты, стало на мель 2 фрегата, которые хотя не с жестоким только абордингом достали, а 2 фрегата взяты абордингом на парусах на свободной воде...».

Из отчета видно, что сначала галеры встретили шведов огнем, повредили им снасти, и только потом Голицын послал людей на абордаж. Тот факт, что с русских судов выпустили почти 24 000 зарядов картечи и свыше 30 000 патронов, свидетельствует о том, что полководец рассчитывал не только на храбрость и штыки, но и на умение стрелков и артиллеристов.

Шеблад усугубил критическое положение эскадры, приказав фрегатам повернуться бортами к атакующим галерам. При этом крупнейшие фрегаты «Венкери» и «Сторфеникс» стали на мель, что облегчило их захват. Вице-адмирал, увидев, что его эскадра в ловушке, развернулся на якорь и ушел с меньшими судами, пользуясь попутным ветром. Его маневр задержал фрегаты «Кискин» и «Данскери», которые также стали добычей российских моряков. Были взяты 104 пушки и 407 пленных; 103 шведа пали в бою [25. С. 170].

Успех достался нелегко. Русские войска и моряки лишились 82 человек убитыми, 200 человек были ранены и 42 опалены неприятельскими выстрелами, когда штурмовали борта фрегатов. Любопытно, что победу одержали национальные войска. К концу Северной войны Россия имела своих хорошо обученных офицеров и нижних чинов как на суше, так и на море. Даже из 369 членов экипажей гребных судов оказалось только 24 иноземца-наемника.

Голицын не удовольствовался взятием фрегатов. Он пробовал преследовать. Донесение о Гренгамском бое гласит, что «...достальные вице-адмиральский корабль и прочие ретировались, однакож по возможности гнали и от вице-адмиральского корабля от кормы видели в воде доски; а нам за ним больше следовать не допустило за погодой, а паче что близко к морю и место широко, також и с моря еще 2 судна показались, а ежели б затихло, то б ни одного весьма не упустили...».

Трофеи доставили немало хлопот, ибо провести суда с большой осадкой шхерами было сложно. Голицын даже предполагал, что их придется затопить. Но Петр, восхищенный небывалой победой, послал эскадру Я. фан Гофта, которая и доставила фрегаты к столице. 8 сентября их торжественно встречали на Неве.

«За воинский труд и добрую команду» Петр I пожаловал М.М. Голицыну трость и шпагу, усыпанные бриллиантами. В честь Гренгамской победы отчеканили медаль. Над картиной боя стояли слова «Прилежание и храбрость превосходит силу», а ниже — «При Гренгаме 1720 июля 27».

Поражение при Гренгаме показало шведам, что и корабельный флот их уступает русскому. До конца войны уже не наблюдалось активных действий шведских моряков.

А М.М. Голицыну Петр I вновь поставил активные задачи и в 1721 г. 3 мая, сообщая о прибытии английского флота, царь предписал сохранять осторожность. Однако в мае к берегам Швеции был послан отряд П.П. Ласси, который 17 мая высадился с гребных судов под Евле и прошел до Умео, разоряя местность, пока не получил приказ прекратить военные действия и 17 июля вернулся в Васу. Тем не менее, хотя Петр I и выполнил шведскую просьбу отозвать Ласси, на переговорах в Ништадте уполномоченные короля не торопились заключать мир. Поэтому 30 июля Голицын получил царский указ идти к Аландским островам и исполнять указания русских уполномоченных. В конце августа галерный флот из 124 галер под командованием М.М. Голицына направился к Аландским островам и проводил разведку, готовясь двинуться к берегам Швеции. Поход этот прервал заключенный 30 августа Ништадтский мир, завершивший войну [25. С. 176—177].

Голицын оставался в чести у Петра Великого; есть мнение, что император даже побаивался князя. При отъезде Петра в Персидский поход он оставил его главным начальником в Санкт-Петербурге [17. С. 364]. После Северной войны М.М. Голицын командовал войсками в Петербурге, в 1723—1728 гг. — на Украине. В 1726 г. он основал с помощью епископа Белоградского Епифания Харьковский коллегиум и закрепил за ним для содержания село Песочки с хуторами [2. Ч. 1. С. 138—139].

Екатерина I 21 мая 1725 г. в память боевых заслуг произвела Михаила Михайловича в генерал-фельдмаршалы, но оставила на Украине. Петр II вызвал его в столицу и 20 сентября 1728 г. назначил президентом Военной коллегии, сенатором и членом Верховного тайного совета [17. С. 364; 2. Ч. 1. С. 139].

Разумеется, инициатива исходила не от юного монарха, более интересовавшегося развлечениями. После смерти Ф.М. Апраксина в Верховном тайном совете остались только пять членов: Г.И. Головкин, А.И. Остерман, Д.М. Голицын, А.Г. и В.Л. Долгорукие. Они собрались и кооптировали в совет фельдмаршалов М.М. Голицына и сибирского губернатора М.В. Долгорукого [47. С. 526]. Именно это назначение стало роковым для полководца.

Старший брат, Д.М. Голицын, на одном из заседаний Верховного тайного совета предложил призвать императрицей герцогиню Курляндии Анну Иоанновну, но ограничить ее власть. Были составлены «Кондиции» (условия), которые будущая императрица должна была подписать. По этим условиям Анна Иоанновна не имела права без Верховного тайного совета начинать войну и заключать мир, вводить новые налоги и жаловать чинами выше полковника, лишать дворянства, имений и жизни без суда, распорядиться казенными суммами. Однако, подписав документ, Анна Иоанновна после приезда в Москву узнала, что у его авторов нет поддержки в дворянстве и, надорвав «Кондиции», стала править самодержавно [47. С. 530—539].

Из-за участия в попытке ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны заслуженного воина в 1730 г. удалили от двора. В возрасте 50 лет, как пишет историк Д.Н. Бантыш-Каменский, он «сделался жертвою душевной скорби» и скончался 10 декабря 1730 г. в Москве [2. Ч. 1. С. 139—140].

Современники отмечали смелость, великодушие, обходительность полководца. Солдаты его любили, а жители Финляндии уважали за человеколюбие и справедливость. Царь Петр в знак уважения только от него и фельдмаршала Шереметева не требовал выпивать на пиру штрафной кубок большого орла [2. Ч. 1. С. 140].

М.М. Голицын был женат дважды: на Евдокии Ивановне Бутурлиной и на княжне Татьяне Борисовне Куракиной,

дочери известного дипломата. После фельдмаршала осталось семнадцать детей от двух супругов. Они продолжили славную деятельность семьи Голицыных.

Дмитрий Михайлович стал известным дипломатом, Александр Михайлович — генерал-фельдмаршалом, Николай Михайлович обер-гофмаршалом [2. Ч. 1. С. 141].

Похоронили М.М. Голицына в московском Богоявленском монастыре. Первая надпись на надгробии, подготовленная после похорон, имела следующее содержание: «Богу присносушно вседержителю, здесь лежит, который против неприятелей всегда стоял храбро, Михайло Михайлович князь Голицын, кавалер ордена Святаго апостола Андрея, в Российских войсках главный генерал-фельдмаршал, неколи всей Европе прославленный воин; храбрость его являют неустрашиму в провинции в Швеции плененные и сама над тою главная победа, Анцы славны и жестоки, под Лесным, под Добрым, под Полтавою, жесточайшая Турецкая при Пруте, купно Левснгоупт побежденный, под Шлюссельбургом и при Выборге и при Вазах атаки городов, при Гренгаме и Ангуте взятые фрегаты, а к не умирающей хвале народ блажит милость, правосудие и его правду, вся армия за любовь, милосердие в нем отца почитала, се четверем Самодержцам Всероссийским служа верно, всяк день за отечества великодушно умирая, потом в 55 лет от рождения 1730 году, декабря 10 дня, благочестиво скончался; довольно жил, по заслугам имя памяти вечной, но ах, не довольно по желанию своих и всего государства» [43. Т. 1. С. 298].

Так как памятники того времени высекали из мягкого камня, со временем надписи стирались. Кроме того, на памятнике 1730-х годов, пока правила императрица Анна Иоанновна, не было возможности написать все чины, которых Голицына лишили. Поэтому в 1774 г. потомки поставили полководцу в Богоявленском монастыре новый памятник со следующей надписью: «В Бозе опочивающему светлейшему князю Михаилу Михайловичу Голицыну, генерал-фельдмаршалу, Военной коллегии президенту, сенатору, Тайного верховнаго совета члену, лейб-гвардии Семеновскаго полка полковнику и ордена Св. апостола Андрея Первозванного кавалеру, славою рода, паче же заслугами просиявшему, во всех степенях чести храбрости себя отличившему, российского

отца отечества и твердому в опасности спутнику в бранех, творимых им на суше и на воде, неотлучному сподвижнику, поражению под Лесным Левенгоупта и одержанию преславной Полтавской победы споспешествовавшему, шведской флот множицею сокрушившему, часть Финляндии Российской державе покорившему, храброго и знаменитаго вождя собою доказавшему, верности к отечеству, человеколюбия к ближнему и любви к родным исполненному, хвалами от потомков по достоинству превнесенному, в 56-е лето жития своего 1730 г., декабря 10, скончавшегося — в полном должного благоговении к остаткам дражайшего родителя по сорокагодишном зде его погребении сию гробницу воздвигли дети его: генерал-фельдмаршал князь Александр Голицын, д. тайн. сов. князь Дмитрий Голицын, обер-гофмаршал князь Николай Голицын, генерал-майор князь Андрей Голицын. Памятник возобновлен в 1774 году» [43. Т. 1. С. 298].

В честь полководца его имя было присвоено 3-му пехотному Нарвскому полку [17. С. 364].

Фамильный склеп разрушили в нашем веке. Надгробие М.М. Голицына работы известного скульптора Ж.А. Гудона было перенесено в филиал музея архитектуры Донского монастыря, где и сохранялось долгие годы.

Ныне помещение склепа Богоявленского монастыря, в свое время очищенное от захоронений, восстановлено. Вероятно, имело бы смысл после завершения ремонта памятными досками показать места, где покоились ранее выдающиеся представители рода Голицыных, в том числе и победитель при Гренгаме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, Уважаемый Читатель, перед Вами прошла чередá жизнсописаний тех флагманов, которые стояли у истоков деятельности отечественного флота во времена Петра Великого и несколько позднее его смерти. Царь-преобразователь создал первое поколение моряков, которые играли большую и даже решающую роль во флоте России первой половины XVIII столетия и лишь в годы правления Екатерины II были сменены новой популяцией, руководившей флотом до конца столетия. Очевидно, что лишь при правителях, понимающих роль морской силы в политике и экономике страны, способные моряки выдвигались из низов. При иных обстоятельствах они могли остаться в неизвестности.

Прочтя эту книгу, читатель увидит, что по мере развития Российского государства и самого Петра развивались как флот, так и командующие им флагманы. Можно отчетливо проследить несколько этапов их роста и становления.

Начиная создавать потешный флот, царь выбирал первых адмиралов среди приближенных, на которых мог надеяться либо с которыми привык быть в одной компании. Ф.Ю. Ромодановский был таким же адмиралом, как и И.И. Бутурлин — вице-адмиралом. Немногим лучше оказывались Патрик Гордон и Ф.Я. Лефорт, Ю.С. Лима и Б.Е. де Лозьер, которые хотя бы видели корабли европейского типа и по книгам имели о них представление. Тем не менее с помощью царя, по книгам и рассказам иностранных моряков получившего представление о морском деле и кораблестроении, удалось обучить первых отечественных матросов и офицеров в плава-

ниях на Плещеевом озере, на Белом море и в Азовских походах. Однако такие флотоводцы не могли управлять тем большим флотом, который строили на Юге для прорыва в Черное море.

Петр пошел двумя путями: отправился сам с группой приближенных учиться за границу и нанимал иностранных моряков. С самого начала отчетливо прослеживается закономерность в комплектовании кадров флота. Царь на первые места ставил способных и преданных русских людей, всемерно побуждая их учиться и совершенствоваться, а на вторые роли помещал опытных иностранцев. Такой подход имел несколько положительных сторон. Во-первых, при помощи иностранных инструкторов получали подготовку русские адмиралы, включая самого царя. Во-вторых, назначенные адмиралами влиятельные люди, подобно Ф.А. Головину и Ф.М. Апраксину, могли проводить в жизнь новшества, которым многие не сочувствовали в стране, где иностранцев традиционно считали еретиками.

Понятно, что как только после Великого посольства в России появились профессиональные моряки-наемники, для потешных адмиралов места не нашлось. Прибывшие в 1698 г. вице-адмирал К. Крюйс и Я. фан Рез начали переводить организацию флота на европейский лад. Им помогали как сам царь, так и назначенные им адмиралы: с 1699 г. Ф.А. Головин, а после его смерти — Ф.М. Апраксин. Конечно, и тот, и другой первоначально занимались преимущественно административными вопросами. Но они твердо выполняли указания монарха и учились морскому делу вместе с ним, используя знания и опыт иноземных инструкторов. Уже после нескольких лет Северной войны адмирал Апраксин настолько освоился с должностью, что и вице-адмирал Крюйс, и галерный шаутбенахт Боцис стали его помощниками. А у них училось уже следующее поколение моряков, в том числе и будущих флагманов. Лучшим же учителем были практические действия в ходе войны.

Уже Ф.А. Головин, а вслед за ним и Ф.М. Апраксин твердо держали в руках административные рычаги управления, тогда как вице-адмирал Крюйс, Я. фан Рез и И.Ф. Боцис занимались непосредственно морским делом. Знания и умения

от них постепенно переходили к морякам отечественным. Если Головин был лишь администратором, то Апраксин уже и водил флоты в море, и добивался побед на суше, оправдывая свое звание генерал-адмирала.

Пока не выросли отечественные флотоводцы, год за годом в Россию приглашали специалистов иностранных. Люди были разные, как и специалисты. Но большинство из них, попав в атмосферу доброжелательства, создаваемую самим царем, оставались на службе до смерти и вносили свой вклад в развитие организации, боевой подготовки и численности флота российского.

Десятилетия требуются, чтобы вырастить флотоводца, чтобы он приобрел необходимый опыт и получил возможность показать, на что он способен в трудных обстоятельствах. Потому многие моряки, начинавшие службу при Петре I, стали флагманами лишь после его смерти. В их числе были и русские. Только двое русских, кроме Ф.А. Головина и Ф.М. Апраксина, получили адмиральские звания при жизни первого императора за большие заслуги. Это были А.Д. Меншиков и Н.А. Синявин.

Пока своих адмиралов не доставало, приходилось приглашать флагманов и командиров кораблей из-за рубежа. Разумеется, вклад их значительно различался. Например, значение Трезая или Паддона, остававшихся в строю лишь по году, было значительно меньше, чем роль Змаевича или Сиверса, отличившихся в боевых действиях и делах административных. Несколько флагманов выросли из капитанов-иноземцев. Всем достойным флагманам и капитанам Петр I отдавал должное, хотя временами и грозил суровыми наказаниями за нарушение устава.

Особенностью русского флота во времена Петра I являлась тесная связь с армией. При слабом развитии торгового мореплавания не существовало резерва мореходов. Нередко и при Петре и позднее приходилось в военное время срочно пополнять экипажи кораблей солдатами, а гребной флот в основном был укомплектован полками сухопутных войск. Соответственно и сухопутные офицеры имели представления о действиях на воде. Некоторые из них (П.П. Ласси, фон Менгден) руководили морскими набегами на берега

Швеции, а М.М. Голицын — даже победой в морском сражении при Гренгаме.

Особняком стоит личность самого Петра I — администратора, кораблестроителя, моряка, реформатора, который умел учиться сам и учить других. Пожалуй, единственным из первых русских флагманов он прошел службу моряка на практике, начав с юнги и кончив жизнь опытным адмиралом, способным самостоятельно вести флот в море. Конечно, ему было трудно сравниться с теми иноземными адмиралами, для которых морская служба являлась единственным делом жизни. Петр Великий морскому делу мог уделять только часть своего времени. Тем не менее упорство и старательность в изучении специальности позволили царю и в мореходстве, и в управлении флотом, и в кораблестроении добиться высоких успехов. Со временем монарх подобрал и специалистов (корабельных мастеров, флагманов), которые могли его заменять.

Петр I был не первым российским монархом, который понимал необходимость мореходства, морской торговли и всего с этим связанного. И Иван III, и Иван IV Грозный, и Борис Годунов, и Алексей Михайлович пытались пробиться к незамерзающему морю, чтобы получить свободный выход к мировым торговым путям. Но только царю-реформатору удалось благодаря перевороту в умах и в государстве эти замыслы претворить в жизнь. Только в комплексе можно было решить эту проблему. Для создания флота требовались верфи, и их построили, наладили охрану и заготовку корабельных лесов, организовали производство корабельных пушек и всего необходимого (парусов, пороха и т.д.); если же что-то произвести было невозможно, закупали за границей. Для постройки кораблей и управления ими нужны были специалисты, и их сначала нанимали из-за рубежа, а потом обучали за границей и в России, в новоорганизованных учебных заведениях. Для постройки и покупки кораблей и всего необходимого требовались деньги, и государство получало их за счет роста торговли и промышленности, за счет совершенствования сбора налогов и роста прибылей. Были организованы органы управления, ориентированные преимущественно на нужды войны, ибо война длилась почти все вре-

мя правления Петра I. Однако без войны Россия не могла решить коренные вопросы своей жизни: выход к незамерзающим портам Балтийского моря, выход к южным морям и возвращение населенных русскими и близкими по духу народами земель, потерянных в предшествующие века.

Если провести аналогию между современным положением отечественного флота и периодом создания регулярного флота, можно, к сожалению, заметить сходство в худшем и различие в лучшем. Петр и его соратники за четверть века фактически с нуля создали флот: построили корабли, подготовили отечественных специалистов, создали судовой верфи и целые базы на берегах Балтики, позволяющую действовать на морских просторах с весны до осени. За последние же десятилетия страна лишилась важнейших баз на Балтийском море, оказались за границей многие верфи и предприятия. Если Петр I всюду искал средства, чтобы создать флот, необходимый для обороны страны и решения политических проблем, то в наше время сохранившиеся предприятия не в состоянии в полной мере обеспечивать ВМФ современными кораблями и вооружением. Вряд ли удастся в наше время организовать кумпанства, ибо власть не в состоянии добиться, чтобы олигархи и чиновники, реально распоряжающиеся большинством обращающихся в стране средств, поделились с государством, поддержав тем самым суверенитет России и собственную безопасность...

**ФЛАГМАНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК
(1692—1725)**

Фамилия, и. о.	Дата рождения	Дата присвоения чина			Год смерти
		шаутбенахт	вице-адмирал	адмирал	
Апраксин Ф.М.	1661	—	—	1707	1728
Боцис Н.Ф.		1703	—	—	1714
Бутурлин И.И.	1661	1694	—	—	1738
Вильстер Д.		—	1721	1727	1732
Голицын М.М.	1675	—	—	—	1730
Головин Ф.А.	1650	—	—	1699	1706
Гордон П.И.	1635	—	1694	—	1699
Гордон Т.		1719	1721	1727	1741
Гофт, фан Я.	1675	—	—	—	1730
Дуффус		1721	—	—	1726
Змаевич М.Х.		1723	—	—	1732
Крюйс К.И.	1680	1719	1721	1727	1735
Лефорт Ф.Я.	1657	—	1698	1721	1727
Лима Ю.С.	1656	—	—	1696	1699
Лозьер, де Б.Е.		—	1696	—	1702
Меншиков А.Д.		1696	—	—	1697
Паддон Г.	1672	1716	1721	1727	1729
Петр I		1717	—	—	1718
Рез, фан Я.	1672	1709	1714	1721	1725
Ромодановский Ф.Ю.		1698	—	—	1705
Сандерс Т.	1640	—	—	1692	1717
Сиверс П.И.		1721	1727	—	1733
Спнявин Н.А.		1719	1721	1727	1740
Трезаль С.		1721	1727	—	1738
Шельтинг В.		1714	—	—	1715

**ФЛАГМАНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО
СПИСОК ПО ДАТАМ ПРИСВОЕНИЯ
АДМИРАЛЬСКОГО ЧИНА
(1692—1725)**

Дата присвоения чина	Фамилия, и. о.	Чин
...1692	Ромодановский Ф.Ю.	адмирал
...1694	Бутурлин И.И.	шаутбенахт
...1694	Гордон П.И.	вице-адмирал
...1696	Лефорт Ф.Я.	адмирал
...1696	Лима Ю.С.	вице-адмирал
...1696	де Лозьер Б.Е.	шаутбенахт

Дата присвоения чина	Фамилия, и. о.	Чин
...1698	Крюйс К.И.	вице-адмирал
...1698	Рез. фон Я.	шаутбенахт
21.04.1699	Головин Ф.А.	адмирал
...1702	Боцис И.Ф.	шаутбенахт
22.02.1707	Апраксин Ф.М.	адмирал
13.07.1709	Петр I	шаутбенахт
30.06.1714	Трезаль С.	шаутбенахт
09.09.1714	Петр I	вице-адмирал
12.02.1716	Меншиков А.Д.	шаутбенахт
...1717	Паддон Г.	шаутбенахт
31.10.1717	Шельтинг В.	шаутбенахт
17.01.1719	Змаевич М.Х.	шаутбенахт
17.01.1719	Гордон Т.	шаутбенахт
17.01.1719	Сиверс П.И.	шаутбенахт
05.07.1721	Вильстер Д.	вице-адмирал
22.10.1721	Петр I	адмирал
22.10.1721	Крюйс К.И.	адмирал
22.10.1721	Гордон Т.	вице-адмирал
22.10.1721	Змаевич М.Х.	вице-адмирал
22.10.1721	Меншиков А.Д.	вице-адмирал
22.10.1721	Сиверс П.И.	вице-адмирал
22.10.1721	Сандерс Т.	шаутбенахт
22.10.1721	Снявин Н.А.	шаутбенахт
22.10.1721	Гофт, фон Я.	шаутбенахт
03.06.1723	Дуффус	шаутбенахт

**РУКОВОДИТЕЛИ
АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ
(1717—1725)**

Фамилия, и. о.	Чин	Должность в коллегии	Дата назначения	Дата выбытия
Апраксин Ф.М.	Генерал-адмирал	Президент	1717	1728
Крюйс К.И.	Вице-адмирал, с 1721 – адмирал	Вице-президент	1717	1727

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агеев А.М.* Голицын Михаил Михайлович // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М.: 1994, Российская энциклопедия. Т. 1. С. 578.

2. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Репринт. М., 1991. Ч. 1—2.

3. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование государя императора Петра Великого. М., 1821. Ч. 1—2.

4. *Берх В.Н.* Жизнеописания первых российских адмиралов, или Опыт истории российского флота. СПб., 1831. Ч. 1—2.

5. *Берх В.Н.* Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оные. СПб., 1830. Ч. 1—4.

6. *Беспятых Ю.Н.* История знаменитого сражения. Шведская экспедиция на Архангельск в 1701 году. Архангельск: Северо-Западное кн. изд-во, 1990.

7. *Богословский М.М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940—1948. Т. 1—4.

8. *Богоявленский С.Н.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.

9. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь.

10. *Брокгауз и Ефрон.* Энциклопедический словарь: Биографии. М.: Большая Российская энциклопедия.

11. *Буганов В.И., Буганов А.В.* Полководцы. XVIII в. М.: Патриот, 1992.

12. Бутурлин // Русский биографический словарь. С. 549—551.

13. Бутурлины // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. С. 320—321.

14. *Быховский А.И.* Петровские корабли. Л.: Судостроение, 1982.

15. *Веселаго Ф.Ф.* Описание дел Морского архива за время с половины XVII до начала XIX столетия. СПб., 1877—1884. Ч. 1—4.

16. *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. Ч. 1.

17. Голицын М.М. // Военная энциклопедия изд. Сытина. С. 364.

18. Головины // Военный энциклопедический лексикон. СПб., 1840. Ч. IV. С. 351—353.

19. Гордон Патрик // Военная энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 457.

20. *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. СПб., 1864.

21. *Елагин С.И.* История русского флота. Период Азовский. Приложения. СПб., 1864. Ч. 1—2.

22. *Задорин Л.* Великий род Сенявиных // Красная звезда. 1991. 17 апреля.

23. *Зайдель.* Краткая биография адмирала Крюйса, известная из одной старой немецкой книги // Морской сборник. 1864. № 1. Современное обозрение. С. 12—16.

24. История отечественного судостроения. СПб.: Судостроение, 1994. Т. 1.

25. История Северной войны. 1700—1721 гг. М.: Наука, 1987.

26. История Швеции. М., 1974.

27. *Кафенгауз Б.* Северная война и Ништадтский мир (1700—1721). М.; Л., 1944.

28. *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1999. Т. 1 (От Нарвы до Парижа).

29. Книга устав морской о всем, что касается к доброму управлению в бытность на море. СПб., 1763.

30. *Коргуев Н.* Апраксин, граф Федор Матвеевич // Русский биографический словарь. СПб., 1914. Т. II. С. 256—258.

31. *Корсакова В.* Лефорт // Русский биографический словарь. СПб., 1914. С. 347—362.
32. *Крюйс Корнелий Иванович* // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Т. IX. С. 501—507.
33. *Лебедев А.И.* Адмиралтейский приказ // Военная энциклопедия изд. Сытина. Т. I. С. 155—156.
34. *Леонидов Л.Б.* Крюйс К.И. // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 2000. Т. 3. С. 184.
35. *Летопись города Архангельска. 1584—1989.* Архангельск, 1990.
36. *Лыцов В.П.* Воронеж. Азов. Полтава. 1709—1959. Воронеж, 1959.
37. *Мамышев В.Н.* Генерал-фельдмаршал и генерал-адмирал граф Федор Алексеевич Головин // Отд. оттиск из кн.: «Жизнеописания русских военных деятелей» Вс. Мамышева. СПб., 1910.
38. *Марков С.Л.* Лефорт // Военная энциклопедия изд. Сытина. СПб., 1911. Т. XIV. С. 593—596.
39. *Материалы для истории русского флота.* СПб., 1865—1877. Ч. 1—6.
40. *Мирзоев М.А.* Их имена на картах Каспия. Баку: Азербайджанское государственное изд-во, 1988.
41. *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990.
42. *Морской атлас.* Л., 1959. Т. III. Описания к картам. Ч. 1.
43. *Московский некрополь /* Сост. вел. кн. Николай Михайлович. СПб., 1907. Т. 1. С. 298.
44. *Общий морской список.* СПб., 1885. Ч. 1.
45. *Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.* М., 1954.
46. *Павленко Н.И.* Петр Великий. М.: Мысль, 1994.
47. *Павленко Н.И.* Вокруг трона. М.: Мысль, 1999.
48. *Павлов-Сильванский Н.Н.* Сиверс П.И. // Русский биографический словарь. С. 402—407.
49. *Петров А.* Ромодановский, князь Федор Юрьевич // Русский биографический словарь. С. 130—139.
50. *Петров Н.Н.* История дворянских родов России. СПб., 1886. Кн. 1—2.

51. *Петров Г.Ф.* Кронштадт. Рассказ об истории города от его основания до наших дней. Л.: Лениздат, 1971.

52. Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб.; Пг., М.; Л., 1887—1972. Т. 1—12.

53. П.Н.В. Бутурлин Н.В. // Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1883. Т. 1. С. 545—546.

54. *Раздолгин А.А., Скориков Ю.А.* Кронштадтская крепость. Л.: Стройиздат, 1988.

55. *Рыбин В.А.* Гордон Петр Иванович // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 591—592.

56. *Скрицкий Н.В.* Автор Гангутского прорыва // Морская история. М., 1995.

57. *Скрицкий Н.В.* Судьба священных могил // Подмосковные известия. 1996. 2 апреля.

58. *Скрицкий Н.В.* Пропавшая могила // Московская правда. 1995. 15 июня.

59. *Скрицкий Н.В.* Самые знаменитые флотоводцы России. М.: Вече, 2000.

60. *Скрицкий Н.В.* 100 великих адмиралов. М.: Вече, 2001.

61. *Скрицкий Н.В.* Самые знаменитые кораблестроители России. М.: Вече, 2002.

62. Словарь биографический морской. СПб., 2000.

63. Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука, 1988. Вып. 1.

64. Собрание собственноручных писем государя императора Петра Великого к Апраксиным. М., 1811. Ч. 1—2.

65. *Соколов А.* Суд над вице-адмиралом Крюйсом 1713 г. // Морской сборник. 1849. № 1. С. 57—76.

66. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1993. Кн. VII—X.

67. *Соловьев С.М.* Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989.

68. *Тарле Е.В.* Русский флот и внешняя политика Петра I. СПб., 1994.

69. *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию // В кн.: Академик Евгений Викторович Тарле: Сочинения. М.: АН СССР, 1959. Т. X.

70. *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700—1721. Полководческая деятельность Петра I. М.: Воениздат, 1946.

71. *Черкасов П.П.* Меншиков Александр Данилович // Отечественная история с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 548—549.

72. *Чечулин Н.* Лима // РБС, СПб., 1914. Т. 10. С. 433.

73. *Чистяков А.С.* История Петра Великого. М.: Буклет, Радуга, 1992 (репринтное издание).

74. *Шишов А.В.* Знаменитые иностранцы на службе России. М.: Центрполиграф, 2001.

75. *Яковлев И.И.* Корабли и верфи. Л.: Судостроение, 1970.

76. *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

77. *Pomorska Enciklopedija.* Zagreb, 1964. Т. 8. С. 227—228.

Именной указатель

- Август II 18, 19, 54, 61, 67—71, 73, 81, 82, 85, 87, 99, 102, 103, 105, 111—115, 117, 143, 158, 311, 332, 339, 340, 343, 347, 419, 423, 442, 474, 480, 481, 483, 499—502, 509, 557
- Акинфий Гаврилович 208
- Александр I 8
- Александр II 8
- Алексей Михайлович 30—32, 35, 174, 181, 200, 205, 224, 234, 295, 313, 557
- Анкерштерн К. 84, 91, 190, 258—260
- Анна Иоанновна 100, 411, 439, 440, 468, 502, 519, 533, 534
- Анна Петровна 105, 171, 172, 217, 218, 367
- Апраксин А.М. 371
- Апраксин А.П. 357, 358, 513
- Апраксин В.П. 330
- Апраксин П.М. 173, 337, 365
- Апраксин Ф.М. 5, 6, 11, 16, 18, 20—26, 28, 29, 40, 59, 61, 63, 64, 88, 90, 91, 93, 100, 101, 104, 106, 107, 117, 119, 121, 122, 124, 126—128, 130, 132, 133, 137, 143, 150, 151, 158—163, 167—169, 173, 177, 201, 215, 244, 257, 263—266, 269—272, 279—282, 285—291, 329—372, 379—383, 387—391, 396, 400—403, 406, 409, 410, 421, 423—426, 428, 436—439, 447, 456—458, 464, 465, 469, 486, 495, 496, 501, 505, 511, 513, 517, 526, 527, 529, 537, 538
- Армитедж 457, 458
- Армфельд 119—121, 288, 289, 299, 347, 356, 527
- Арсеньева Д.М. 475
- Арсеньевы 471, 473
- Афанасий 40, 293
- Ахмет III 104, 111
- Баженины 40, 76, 186
- Баклановский 292
- Балк 128, 129, 351
- Балюз де 81, 84, 102
- Бантыш-Каменский Д.Н. 7, 533
- Беземакер 143, 394
- Безобразов 289
- Бекер 427
- Бене П. 393, 399, 457, 458
- Беринг В.И. 173, 269, 369, 370, 454, 463, 514
- Берх В.Н. 7, 253, 270, 275, 279, 401, 406, 409, 410, 421, 422, 442—445, 453, 456, 463, 464
- Бестужев М. 161, 211, 466
- Би де 128, 385, 388, 392

Бинг 138
Божсрянов И.Н. 7
Боур Р.Х. 88, 97, 478, 525
Боцис И.Ф. 20, 22, 24, 188, 266,
275—294, 317, 338—341, 480,
506, 527, 537, 556
Брант К. 35—38, 175, 181, 331,
388, 389, 393, 520
Бредаль П.П. 20, 25, 28, 91, 127,
349, 350, 367, 382, 389—391,
402, 410, 441, 449, 462, 511
Броун Р. 140, 440, 494
Брюс Р.В. 79—83, 146, 163, 259
Брюс Я.В. 27, 143, 195
Буйович В. 400
Булавин К. 87
Бутурлин И.И. 16, 37, 42, 44,
45, 48, 69, 130, 132, 201, 206,
208—218, 242, 313, 350, 352,
405
Бутурлина Е.И. 533
Бутурля И.А. 208

Вадковский 410
Валронг Я. 334
Ватранг Г. 23, 24, 122, 123, 344—
346, 402, 528
Вахмейстер К. 431, 433, 515,
516, 530
Вейде А.А. 68, 70, 210, 346, 383
Венуков Н. 298
Верден 26, 79, 113, 114, 126, 130,
144—146, 153, 154, 166, 364,
430, 507, 525
Верещагин Л. 60, 204
Веселаго Ф.Ф. 7
Виллемсон 42
Вильбоа Н.П. 144, 157, 160, 217,
359, 367, 410, 414, 456, 458,
459, 461
Вильгельм Оранский 56, 233
Вильстер Д. 25, 367, 358, 409,
410, 436, 437, 443—450, 453,
467, 517
Виниус А.А. 49, 50, 58, 73, 76,
205, 241, 244, 247

Висковатов А.В. 7
Витсен Н. 40, 42, 46, 55, 240
Владиславич-Рагузинский С.
64, 321, 322
Власов И.А. 296—301
Возницын П.Б. 53, 58, 246, 312,
315, 318
Волков Е. 213
Волконский Г.С. 96, 98, 525
Волчанов 106
Волынский А.П. 166, 167
Врангель А. 357, 514, 515

Габель 133, 138
Гаврила Олексич 208
Гасан-паша 63, 256
Гаук 393
Гвын С. 316
Гсбдон 234
Гей 463
Гельденлев 426
Гент фон 127, 359, 428, 494
Георг I 99, 130, 133, 136, 145,
146, 153, 160, 161
Герц Г.Г. 139, 143, 146
Герцфельд Л. фон 79
Гиберстап 214
Гилленбург 137, 143
Глебов 385
Глюк 473
Голенищев-Кутузов И.Л. 6, 7
Голицын А. 535
Голицын Б.А. 53, 202, 236, 240
Голицын В.В. 36, 44, 221, 222,
235—237, 296
Голицын Д.М. 72, 104, 173, 533,
535
Голицын М.М. 11, 20, 23, 27,
81, 97, 104, 119—121, 127—
129, 137—138, 144, 148, 150,
158, 162, 287, 340, 342, 344,
349, 356, 461, 478, 523—535,
539
Голицын Н. 535
Голицын П.А. 320

Головин А.М. 45, 47, 68, 225, 226, 243
Головин А.П. 295, 296, 298
Головин И.М. 431
Головин Н.Ф. 150, 411, 417, 429, 441, 519, 520
Головин Ф.А. 8, 11, 17, 18, 20, 21, 29, 52, 53, 57, 61—63, 65, 68, 70, 75, 81, 176, 177, 203, 241, 244, 246, 254, 255, 277, 295—328
Головкин Г.И. 195, 241, 295, 400, 401, 486, 501, 533
Гордон П.И. 16, 42, 45, 47, 49, 58, 203, 210, 219—231, 234, 235, 239, 250, 303, 304, 313, 414
Гордон Т. 25, 28, 272, 376, 398, 409, 414—420, 448, 451
Горленко Д. 477
Горн Г.Р. 70, 79, 171, 236
Госслер М. 268, 418
Гофт Я. фан 20, 25, 28, 144, 148, 158—160, 162, 290, 356, 357, 359, 360, 388, 409, 425, 429—431, 445, 446, 455—463, 529, 532
Граге 48
Грей 262
Гриб 367, 463
Грибович 298
Гуаскони 234
Гульст Ван дер 61

Дальберг 54, 246
Девнер 218, 423, 428, 488
Девлет-Гирей 105
Дегрейтер 124, 268, 270
Дельден фан 430, 495
Демидов Н. 73
Демьянович 293, 409
Ден Я. 367, 456—459
Депонтий (Дипонти) Ф. 407, 409
Дешак 214
Джеффрис Д. 147, 154, 156
Дмитриев-Мамонов 441, 520, 522, 550

Долгорукий А.Г. 533
Долгорукий В.Л. 173, 533
Долгорукий М.В. 533
Долгоруков Я.Ф. 215
Доценко В.Д. 10
Дуффус 28, 410, 440, 452, 464—468

Екатерина I 75, 105, 135, 167, 172—174, 206, 207, 217, 218, 365—367, 369, 370, 383, 409, 410, 438, 462, 467, 473, 475, 481, 498, 500—502, 507, 517, 522, 533, 536
Екатерина II 29, 522, 536
Елагин С.И. 7
Елизавета Петровна 105, 171, 367, 372, 442, 502

Жербильон 301

Захаров 212
Звенигородский В.А. 39
Змаевич М.Х. 20, 22, 24, 25, 28, 122, 123, 128, 138, 269, 272, 291, 293, 345, 346, 350, 367, 400—413, 436—438, 443, 448, 468, 502, 538
Змеев В.А. 236
Зотов К.Н. 20, 269, 508, 516
Зотов Н.М. 32, 33, 175, 211, 248, 508, 515, 516

Ибрагим 322
Иван III 15, 330, 539
Иван IV Грозный 15, 39, 539
Иван Алексеевич 31, 33, 36, 46
Измайлов 408, 421
Иоаким 222

Казанцев 139
Кан-си 297—301
Кантакузин 108
Кантемир Д. 105, 106, 108, 110
Капычи-баши 63

- Карл XII 19, 21, 22, 24, 25, 66,
 69, 70—75, 79, 80, 82—84,
 87—91, 93—96, 100, 103, 104,
 106, 110, 112, 113, 117, 126,
 127, 130—133, 135, 140, 145—
 146, 191, 264, 320, 325, 337,
 352, 357, 475—480
 Карлович 312
 Карл-Леопольд 130—131
 Карл-Фридрих 367
 Карлсбом 187
 Карпов 524
 Кармартен 56, 57, 308—310
 Келин А.С. 94
 Кикин А.В. 142, 241, 341, 345,
 349, 381, 382, 402, 423, 483,
 486, 505
 Кинский 247
 Киселев 445
 Кисленский 352, 353
 Козенц Р. 65, 140, 156, 187
 Козлов 440
 Кольцов-Мосальский И.М. 58,
 203
 Конти 54
 Корницкий 297
 Коровин С. 298, 299
 Корт 36
 Корчмин В.Д. 69, 188, 434, 485
 Крассау 103—105, 111, 112
 Крешин П.Н. 192
 Кривой А.В. 208
 Кроа де 70, 320
 Кронебург 269
 Крониорт А. 73, 75, 77
 Кроуфорд Д. 219, 234
 Крюйс К.И. 17, 18, 20, 21, 23,
 28, 62, 75, 80, 81, 83, 84, 91,
 106, 119, 124, 127, 131, 141,
 171, 177, 179, 190, 198, 252,
 254—273, 275, 278, 279, 285,
 288, 289, 307, 308, 310—312,
 314, 327, 334, 335, 339, 341,
 342, 355, 363, 373, 375, 378,
 379, 398, 401, 421, 423, 429,
 436, 443, 449, 455, 505, 537
 Куракин Б.И. 116, 120—123,
 137, 139, 161, 202, 237, 374,
 464, 465, 508
 Куракина Т.Б. 533
 Курбатов А. 60, 100
 Кушелев 425
 Лазарев М.П. 9
 Ласси П.П. 26, 27, 151, 152, 162,
 163, 357, 361—363, 417, 418,
 462, 532, 538
 Лебядников 432, 510
 Левенгаупт А.Л. 82, 83, 86—90,
 96, 97, 477—479, 525, 526
 Леве 74
 Лейн Э. 191, 495
 Леонтьев М. 276
 Лефорт А. 241—245, 250
 Лефорт И. 123
 Лефорт П. 246, 247, 249, 250
 Лефорт Ф.Я. 16, 17, 35, 43, 45,
 46, 48, 50, 51, 53, 176, 209,
 221, 225—227, 232—252, 303,
 305, 311, 312, 333, 469, 536
 Лефорт Я. 232
 Лешинский С. 81, 82, 85, 88, 92,
 93, 103, 110, 153, 417, 419,
 474, 475
 Либекер 21, 22, 90, 91, 119, 120,
 264, 278, 291, 336, 342, 506
 Лиллис 22—24, 122, 123, 289,
 341, 342, 344—346, 527
 Лима Ю.С. 16, 251—253, 314,
 536
 Лиффорти Ж.-А. 232
 Лихудьев 293
 Ловчикова Д.Б. 330
 Логунов 300
 Лозьер де Б.Е. 16, 251—253, 314,
 536
 Лоренц 278, 336, 450, 506
 Лутовинов В. 298
 Люберас 430
 Людовик XIV 84, 102
 Людовик XV 136, 171

- Мазепа И.С. 45, 46, 83, 88, 90—93, 98, 103, 205, 477—479, 498
- Майдель 79, 84, 258
- Макаров А.В. 139, 365, 468, 488
- Макаров С.О. 9
- Мамонов 195
- Мардсфельд А.А. 148
- Мардефельт 85, 210, 475, 476
- Масальский Д. 440
- Матвеев А.А. 74, 81, 85
- Матвеев А.С. 30—33
- Матюшкин М.А. 167, 169, 170
- Махмуд 168
- Менгден Ю.А. фон 26, 27, 128, 159, 351—353, 359, 360, 529, 538
- Мензес П. 234
- Меншиков А.Д. 19, 20, 22, 24, 25, 28, 77, 82, 84, 85, 92, 95—99, 113—115, 127, 162, 171, 173, 179, 189, 193, 205, 206, 215, 218, 241, 248, 249, 269, 272, 282, 310, 320, 323, 347, 352, 354, 365, 366, 385, 394, 409, 428, 435, 436, 438, 439, 469—503, 512, 524, 525, 538
- Меншиков Г. 189
- Милославская М.И. 30
- Милославские 33
- Миних Б.Х. 170, 417, 419, 520, 521
- Миляев Ф. 48, 225, 228, 304
- Михаил Федорович 181
- Михайлов П. 18, 21, 53, 55, 58, 98, 100, 121, 149, 168, 171, 364, 383, 387, 429, 499, 516
- Мишуков З.Д. 269, 387, 402, 410
- Миющик 289
- Многогрешный Д. 300
- Могушов Л. 334
- Мордвинов С.И. 6
- Мориц Саксонский 502
- Муртазы-паша 63
- Мустафа-ага 322, 323
- Мэкензи Д. 125
- Мюленфельс 88
- Мясной 213, 445, 446
- Най О. 65, 140, 382, 440
- Нальсон 269
- Наполеон Бонапарт 6
- Нартов А.К. 205
- Нарышкин К.П. 30, 295
- Нарышкин Л.К. 53, 202, 317, 324
- Нарышкина Н.К. 30—34, 36, 39, 41
- Наталья Алексеевна 249
- Нахимов П.С. 9
- Небель 393, 395, 427
- Немцов И. 78, 409
- Нефимонов К. 52
- Никитин А. 14
- Николай I 8
- Никонов Е. 188, 407
- Норов 28, 436
- Норрис Д. 26, 128, 133—135, 137, 147, 150, 151, 153, 158—161, 350, 359, 360, 493, 511
- Носиков Ф. 213
- Нуммерс С.Е. 442, 471
- Нуммерс Г. фон 76, 77
- Огильви Г.Б. 79, 82, 83, 323, 474
- Огинский Г. 73, 481
- Окунев Г. 189
- Олег Рязанский 330
- Опракса А. 330
- Остерман А.И. 20, 27, 143, 146, 148, 152, 163, 164, 256, 350, 366, 410, 440, 533
- Остесен 430
- Островский П.И. 189, 266, 291
- Отто К.Г. 416, 463
- Очирой-Сайн-хан 299
- Павел I 8
- Павленко Н.И. 238, 247, 470, 502
- Паддон Г. 25, 354, 374—377, 396—398, 495, 538

Пальчиков Ф. 187, 189
Патаниоти Ю. 283, 292, 293
Паткуль И.Р. 67, 317
Перри Д. 57
Петерсон 60
Петр II 207, 217, 533
Пипер 507
Поль Г.К. 55, 56
Понятовский С. 110, 111
Потемкин И.С. 196
Прозоровский П.И. 53, 202, 295
Протасьев А.П. 17, 51, 64, 333
Пруа (Пру) де 79, 190, 259, 260

Рез Я. фан 17, 18, 20, 62, 75,
274, 311, 537
Рейс 268—270, 293, 462
Ренне К.-Э. 95, 108, 111
Ренцель 96
Реншильд К.Г. 83, 85, 95, 96,
507
Репнин А.И. 68, 69, 89, 132, 173,
217, 320, 365, 474, 498, 525
Ржевский И.И. 220, 429
Рогге Л. 54
Родищев 289
Романов Н.И. 35
Ромодановский Г.Г. 220
Ромодановский Ф.Ю. 16, 37, 38,
41—44, 48, 53, 98, 200—231,
239, 241—244, 248, 307, 311,
313, 479, 536
Роос 96, 524
Росселиус 412
Рук Д. 69
Румянцев А.И. 160, 162

Салтыков Ф. 189
Салтыкова П.Ф. 200
Салхомир И.М. 329, 330
Самарин М.М. 192
Сандерс М. 430, 441
Сандерс Т. 25, 28, 409, 416, 439,
441, 449, 451—454, 465
Святослав 13
Секи 292

Сиверс П.И. 20, 25, 28, 130—
133, 191, 261, 269, 272, 287,
340, 352—354, 367, 370, 376,
381, 387, 392, 394—397, 410,
411, 421—443, 448, 449, 453,
457, 459, 468, 489, 493, 494,
502, 509, 518, 538
Сенявин А.Н. 8, 504, 522
Синявин А. 298
Синявин И.А. 127, 422, 423
Синявин Л. 298
Синявин Н.А. 25, 26, 28, 127,
148, 151, 152, 278, 336, 357,
363, 367, 389—391, 393, 409,
410, 418, 423, 434, 436—441,
448, 459, 463, 486, 504—522,
538
Скляев Ф. 60, 65, 80, 139, 185—
189, 204, 407, 480, 481, 485,
494
Скорняков-Писарев Г.Г. 217,
218
Скрипицын И. 301
Скрипицын Ф. 298
Скоропадский И.И. 92, 96, 104,
107, 498
Смаленберг А. 298
Собесский Я. 52, 86
Соймонов 166, 169, 440, 441
Соколов А.П. 7
Соколов П. 381
Соловьев 388, 389, 512, 516
Софья Алексеевна 16, 33—36,
58, 175, 176, 200, 203, 209,
218, 221, 222, 236, 237, 296,
297, 300, 303, 330, 331
Спарре 96, 259, 260
Стам фан дер 57
Степбок 114, 115, 483, 484
Стенгоп Д. 147, 154, 157
Стихмен 458
Стрешнев Р.М. 31
Стрешнев Т.Н. 31, 53, 202, 253,
303, 311, 324
Стюарты 73, 130, 135, 137, 219,
464

Суворов А.В. 6

Сугэ 234

Схей 54

Тамсс 196

Татищев И. 78

Татищева М.И. 330

Таубе Г.А. 344, 346

Таунсенд Ч. 125, 135

Терпий 65

Тессе 141

Тиммерман Ф. 34, 35, 51, 175,
201, 253

Тоябузин А. 296—298

Толбухин Ф.С. 63, 189, 258, 259,
261, 264, 266, 289, 505

Толстая А. 473

Толстой П.А. 20, 72, 103, 104,
142, 173, 218, 275, 320—322,
365, 366, 400, 401, 501, 502

Травин 139

Тран Т. 20, 466

Трезаль П. 373, 457

Трезаль С. 25, 126, 127, 373, 538

Трезини Д. (Трезин А.П.) 190

Трубецкой 210, 251, 385

Уиллоби Х. 39

Украинцев Е.И. 18, 62—65, 255,
306, 314, 315, 317, 318

Ульрика Элеонора 146, 147, 152

Ульрих 444, 447

Урусов 166

Ушаков А. 139

Ушаков Ф.Ф. 9, 298

Фангент (Фаи Гент) 394

Фандер Гом 394

Фарварсон А.Д. 57, 310, 316

Федор Алексеевич 31—33, 204,
234, 235, 251, 295, 296, 302—
306, 314, 316, 317, 320, 325—
327, 330

Фет де 128, 350

Филипп Орлеанский 197

Флам Я. 241

Флеминг 113, 319

Фридрих I 160, 200

Фридрих III 54, 246, 306

Фридрих-Казимир 233, 246

Фростен фан 233, 234

Хвостов 289

Хованский А. 34

Ховра С.В. 295

Цыклер И. 53, 54

Чекин 137

Ченслор Р. 39

Черкасов М. 409, 490

Чернышов Г.П. 28, 178, 281—
283, 397, 398, 490, 495

Чириков А.И. 454

Чичагов В.Я. 9

Шакловитый Ф.Л. 36

Шапизо Я. 461, 515, 516

Шафиров П.П. 109—111, 156,
217, 248, 306, 326

Шеблад К. 360, 464, 467, 530, 531

Шеин А.С. 46, 47, 50, 53, 58,
203, 227—230, 248, 250, 304,
311, 470

Шельтинг В. 20, 25, 133, 378—
399, 422, 423, 426, 427, 509,
511, 512

Шельтинг Р.П. 124, 127

Шепелев 239

Шереметев Б.П. 45, 46, 70, 72,
73, 75—79, 82, 83, 88—90, 94,
99, 100, 104—109, 129, 130,
136, 205, 206, 225, 250, 252,
311, 313, 323—325, 338, 352,
470, 473, 474, 478—490, 533

Шереметев В.П. 110, 205, 206

Шереметев М.Б. 110

Шидловский 139

Шипов 169

Шлиппенбах В.А. 73, 75, 96, 252

Шмаков 292

Штрак 241

Штромберг 21, 90, 263, 278, 279,
336
Шувалов И. 124, 164

Щепотьев М.И. 324, 325
Щербатов 277, 288, 387, 399,
487, 491, 506

Эберштедт Я. Л.-Г. фон 108
Эдвардс 179

Экгов Я. 388
Эреншсльд Н. 24, 122, 123, 345,
346, 402, 523

Юль Ю. 101, 178, 279, 338

Ягужинский Н.П. 159, 164, 501
Языков И.М. 32
Яковлев И.Я. 472
Янсен Я. 46, 226

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	
1. Предыстория	13
2. Создатели регулярного флота	15
Основатель флота адмирал Петр Великий	
1. Зарождение интереса к флоту	30
2. Архангельск и Азов	39
3. Великое посольство	52
4. Создание Азовского флота	58
5. Начало Северной войны	65
6. От поражений к победам	75
7. Разгром шведского нашествия	86
8. Прутский поход	102
9. Наступление в Померании	112
10. Покорение Финляндии	117
11. Угроза берегам Швеции	125
12. Война без союзников	146
13. Персидский поход	166
14. Последние годы	170
15. Петр I — организатор, кораблестроитель, флотоводец	
15.1. Петр — ученик и учитель	174
15.2. Книга устав морской	180
15.3. Первый корабельный инженер России	185
15.4. Создатель Кронштадта	189
15.5. Организатор	194
15.6. От юнги до адмирала	198

Ромодановский Федор Юрьевич	200
Бутурлин Иван Иванович	208
Гордон Петр Иванович	219
Лефорт Франц Яковлевич	
1. Начало пути	232
2. На службе царской	235
3. Азовские походы	242
4. Великое посольство	245
5. Последние годы	248
Лима Юрий Степанович	251
Де Лозьер Балтазар Емельянович	253
Крюйс Корнелий Иванович	254
Фан Рез Ян	274
Боцис Иван Федосеевич	275
Головин Федор Алексеевич	
1. Нерчинский договор	295
2. Генерал-комиссар	303
3. Великий посол	305
4. Во главе морского ведомства	312
5. Глава Посольского приказа	317
Апраксин Федор Матвеевич	
1. Стольник царя Петра	329
2. Между Севером и Югом	333
3. От Выборга до Гангута	339
4. Гангут	343
5. У берегов Швеции	348
6. Путь к победам	356
7. Под кайзер-флагом	363
Трезаль Самуил	373
Паддон Георгий	374
Шельтинг Вейбрант	378
Змаевич Матвей Христофорович	400
Гордон Томас	414
Сиверс Петр Иванович	421
Вильстер Даниил	443
Сандерс Томас	451
Фан Гофт Ян	455
Дуффус	464
Меншиков Александр Данилович	
1. Из пирожников — в генерал-губернаторы	469

2. Полководец Петра	474
3. На суше и на море	479
4. Вновь генерал-губернатор	484
5. Полудержавный властелин	500
Синявин Наум Акимович	
1. Начало пути	504
2. Эзельская победа	513
3. Флагман Балтийского флота	517
4. Командующий Днепровской флотилией	520
Голицын Михаил Михайлович	523
Заключение	536
Приложения	541
Литература	543
Именной указатель	548

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгорский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Фокельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

ISBN 5-17-018812-9

9 785170 188123

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Скрицкий Николай Владимирович
Флагманы Петра Великого

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: Ю.А. Хаджи
Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ЗАО НПП «Ермак»
115201, г. Москва, 2-й Котляковский проезд, д. 1, стр. 32

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.